

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ИСПЫТАНИЕ VII

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян, М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Т. С. Гузенкова, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, В. И. Мизин, Л. А. Рогова, А. К. Сорокин, Т. Ф. Тищенко, И. В. Фетисов, А. В. Юрасов

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 7: Испытание — 2015. — 512 с. ISBN 978-5-9228-1307-5

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9228-1307-5 (т. 7)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2011

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Вступление немецких войск в один из населенных пунктов под Киевом», 1941 г.

Книга девятнадцатая

ЧИСТЫЕ РУКИ, ГРЯЗНЫЕ РУКИ

Мюнхенский «Рубикон»: приглашение нацистской Германии к дальнейшей экспансии

Н. В. Васильева*

Казалось бы, что спустя более чем 70 лет, прошедших после подписания в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, проведенные исторические исследования, а также имеющиеся в распоряжении ученых документы убедительно доказывают оценку политики Великобритании и Франции, направленной на стовор с нацистской Германией за счет Чехословакии, как «умиротворение» агрессора. Тем не менее и сегодня среди историков нет однозначного толкования этого события. Большинство российских историков считают его поворотным пунктом ко Второй мировой войне. Некоторые авторы, напротив, не исключают альтернативного развития международных отношений и возможности избежать войны¹. В этой связи вновь возникает необходимость выяснить причины, по которым соглашение в Мюнхене явилось со стороны правящих кругов Великобритании и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и против СССР. Центральное место занимает также ответ на вопросы, готов ли был Советский Союз военными средствами защитить Чехословакию и почему этого не произошло.

Актуализация данной проблематики, на наш взгляд, важна и с точки зрения изучения уроков чехословацкого кризиса 1938 г., в том числе при выборе пути разрешения современных международных конфликтов: допустимости соглашений и уступок потенциальным агрессорам или же необходимости применения против них угро-

зы военной силы, вплоть до ответных боевых действий в целях предотвращения эскалации вооруженного конфликта.

С конца 1936 г. и в начале 1937 г. стал назревать кризис в развитии международных отношений на континенте, затронувший все европейские страны и отразившийся на положении дел во всем мире. Именно тогда в Европе начал складываться треугольник сил (фашистские государства — западные державы — СССР), борьба между сторонами которого определяла дальнейший ход событий. Инициатива при этом явно была перехвачена фашистскими государствами.

В то же время продолжал действовать советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г., по которому Советский Союз и Франция взяли на себя обязательство консультироваться между собой в случае опасности и оказывать друг другу немедленную помощь при неспровоцированном нападении на одну из них какого-либо европейского государства². Напомним, что вслед за подписанием советско-французского договора о взаимной помощи 16 мая последовал аналогичный договор СССР с Чехословакией³. Однако в договор с Чехословакией по инициативе чехословацкой дипломатии была внесена оговорка, что обязательства сторон вступают в силу только в случае если помощь жертве агрессии будет оказана со стороны Франции. Естественно, что такая оговорка ослабляла тройственную советско-франко-чехословацкую систему договоров, равно как

* **Нина Владимировна Васильева** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИ военной истории), специалист по военно-политическим проблемам истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время.

ослабляло систему безопасности и отсутствие военных конвенций, которые конкретизировали бы обязательства сторон.

Вместе с тем после подписания советско-чехословацкого договора о взаимной помощи военные руководители Чехословакии сразу же поставили вопросы взаимодействия с Красной Армией в случае нападения на их страну. Так, начальник Генерального штаба РККА А. И. Егоров, посетивший Чехословакию летом 1936 г., докладывал 7 июля наркому обороны К. Е. Ворошилову следующее: «Надо отметить особый интерес, проявленный чехами к нашей авиации, что видно из заявления Л. Крейчи (министр обороны Чехословакии. — *Авт.*), который сказал, что если на пропуск через Румынию частей Красной армии надо добиваться согласия румын, то для авиации этого не потребуется. Она воздушным путем прилетит прямо на нашу территорию. По его словам, они подготовили уже аэродромы для приема наших 18 эскадрилий и дополнительно подготавливают еще на 16 эскадрилий»⁴.

Далее Егоров изложил основные положения чехословацкой концепции возможного будущего конфликта.

- «1. Франция после занятия немцами Рейнской зоны поставлена в стратегическом отношении в крайне тяжелые условия. Поэтому, по мнению чехов, нельзя исключать возможность того, что с приходом к власти соответствующего кабинета французы не сговорятся с немцами.
2. Наиболее реальной силой, могущей спасти страну, чехи считают Красную Армию, для прохода которой на территорию Чехословакии планируется осуществить ряд мероприятий: организовать круговую оборону, способную сдерживать натиск немцев и поляков, а на румынском участке остановить «открытые ворота» для пропуска войск Красной армии и собственной эвакуации в случае неблагоприятного развития событий.
3. Предполагается, что позиция Польши вначале будет неясной. В целях обеспечения безопасности польский участок границы будет прикрыт укреплениями. Эти укрепления, а главное, проход частей Красной армии на стыке границ между Польшей и Румынией разобщат силы этих двух стран и заставят Польшу в кратчайший срок определить свою военную позицию.

4. Считается, что в 1937 году и, пожалуй, даже в 1938 году Германия еще не будет готова для большой войны. Поэтому чехословацкая армия успеет вооружиться»⁵.

Заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров вызвало негативную реакцию Великобритании. В ответ 18 июня 1935 г. она заключила с Германией Морское соглашение. По нему Германия могла резко увеличить свои военно-морские силы, доведя их до 35 % от размера британского флота. По сути, соглашение означало увеличение германского военно-морского флота по меньшей мере в четыре раза по сравнению с имевшимся уровнем. Соглашение нарушало военные положения Версальского мирного договора. Оно продемонстрировало готовность британских правящих кругов пойти навстречу германским нацистам в пересмотре сложившегося положения в Европе.

В отношениях западных держав наблюдалась всё возрастающая зависимость французской политики от Великобритании. Занятая ими позиция «невмешательства» в испанские события становилась предтечей позднейшей политики «умиротворения агрессоров». СССР начал ощущать положение изоляции, в которой он оказался, и стремился не допустить блокировки западных держав с фашистскими государствами на антисоветской основе⁶. Приблизительно к этому времени относится тезис И. В. Сталина о возникновении двух очагов войны в мире, озвученный им 1 марта 1936 г. в ходе беседы с американским писателем Роем Говардом. Как заявил советский руководитель, «первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии». «Второй очаг, — отметил И. В. Сталин, — находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью господина Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое „миролюбие“ он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от „миролюбия“

ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда господин Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это — симптом»⁷.

5 ноября 1937 г. в Берлине на совещании с представителями германского военного руководства Гитлер изложил принципиальные соображения относительно реализации планов внешней политики Германии. Он подтвердил свои теории о необходимости расширения для Германии «жизненного пространства», указав, что для решения германского вопроса «может быть только один путь — путь насилия». Сроки начала «большой войны» были намечены на 1943–1945 гг. При этом было заявлено, что для улучшения военно-политического положения Германии «первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад». Все это должно было предшествовать нападению на Францию⁸.

На рубеже 1937–1938 гг. в Германии было развернуто 42 дивизии, в том числе 7 танковых и моторизованных. Общая численность сухопутных войск достигла 800 тыс. человек. Было предусмотрено формирование еще 25 дивизий и доведение численности сухопутных войск на случай войны до 3 млн человек. Германские ВВС имели к тому времени более 2 тыс. самолетов. С усилением подготовки к войне была связана также реорганизация высшего германского военного руководства⁹.

Все более обострялось положение на Дальнем Востоке. Япония намеревалась разрешить свои противоречия с Советским Союзом «силой оружия», как только «она почувствует себя достаточно мощной в военном отношении»¹⁰. Западные державы, ища выход из нараставших противоречий между ними и Японией в Тихоокеанском регионе, стремились направить японскую экспансию против ее северного соседа. Они рассчитывали, что Японию и СССР «можно будет различными маневрами заставить воевать друг с другом»¹¹.

Весной 1937 г. пост премьер-министра Великобритании вместо С. Болдуина занял Н. Чемберлен. У него было два пути: первый — противодействие агрессору на базе Лиги Наций и коллективной безопасности, что означало необходимость создания оси Лондон — Париж — Москва. Для Чемберлена такой путь, предполагавший тесное сотрудничество с Москвой, был неприемлем. Оставался второй — прямая сделка

с агрессором. Британский премьер-министр выбрал именно этот путь¹².

Схожие взгляды в значительной мере были присущи и правящим кругам Франции¹³. Несмотря на то что формально между СССР и Францией сохранялись контакты по военной линии, конкретных результатов в сотрудничестве не было достигнуто. Оценивая состояние франко-советских отношений осенью 1936 г., советский полпред в Берлине Я. З. Суриц писал М. М. Литвинову: «Франко-советский пакт дышит на ладан. Тем более что и в самой Франции все меньше и меньше его сторонников, даже и среди партий Народного фронта (в частности, и в радикал-социалистической, и даже социалистической). В таком положении остается задача не укреплять его (об этом не может быть и речи), но просто лишь бы сохранить его хотя бы на бумаге»¹⁴.

17 февраля 1937 г. полномочный представитель СССР в Париже В. П. Потемкин и новый военный атташе Семенов вручили французским представителям ответ Генерального штаба РККА на французский запрос о формах и размерах помощи, которую СССР мог бы оказать в случае нападения Германии на Францию и Чехословакию. В ответе содержался план, предусматривавший оказание помощи Франции либо путем выдвижения советских сухопутных войск к границам Германии через Польшу и Румынию, при условии их согласия, либо путем оказания морской и воздушной поддержки французским войскам в случае военных действий. Однако переговоры после нескольких встреч их участников прекратились, а в конце марта Семенов вообще убыл в Москву¹⁵.

В свою очередь правительство США подталкивало Францию к соглашению с Германией. За океаном были известны гитлеровские планы завоевания мирового господства, которые в конечном счете таили в себе угрозу и для США, но в Вашингтоне полагали, что Германия не начнет наступления на западе, пока не уничтожит своего главного врага на востоке — Советский Союз¹⁶.

19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге Гитлер встретился с представителем английского правительства лордом Э. Галифаксом. Великобритания вступила в переговоры с Гитлером по вопросу, связанному с присоединением Австрии к Германии. Э. Галифакс, назвав Третий рейх «бастионом Запада против большевизма», выступил за заключение «широкого соглашения», по которому Германия обязалась бы уважать целостность

Британской империи, в свою очередь английское правительство предоставило бы ей свободу рук в Центральной и Восточной Европе¹⁷.

Приведенные в многочисленных исследованиях факты свидетельствуют: со времени образования двух очагов войны и вплоть до ее начала в 1939 г. западные руководители не расставались с иллюзорной надеждой на то, что им удастся достигнуть компромисса с Германией, Италией, Японией, мирным образом преодолеть разногласия и откупиться от них частичными, второстепенными уступками.

В клубке этих расчетов, противоречий, интриг с началом 1938 г. напряженность международной обстановки в Европе еще более обострилась. Руководство нацистской Германии решило приступить к осуществлению первого этапа своей завоевательной программы — объединению всех немцев под флагом «великогерманского рейха».

12 февраля 1938 г. по требованию Гитлера в Берхтесгаден прибыл австрийский федеральный канцлер К. Шушниг и подписал предложенный ему протокол (Берхтесгаденское соглашение), согласно которому австрийское правительство обязалось поддерживать германскую внешнюю политику и предоставить полную свободу деятельности австрийским национал-социалистам. Протокол фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских нацистов, назначение ряда из них на ключевые посты, в частности одного из «фюреров» А. Зейсс-Инкварт — на пост министра внутренних дел¹⁸.

22 февраля 1938 г. британский премьер-министр Н. Чемберлен заявил в парламенте, что Австрия не может рассчитывать на защиту Лиги Наций: «Мы не должны обманывать, а тем более не должны обнадеживать малые слабые государства, обещая им защиту со стороны Лиги Наций и соответствующие шаги с нашей стороны, поскольку мы знаем, что ничего подобного нельзя будет предпринять»¹⁹.

11 марта 1938 г. по указанию Гитлера была подготовлена директива на вторжение немецких войск в Австрию. В тот же день германское руководство в ультимативной форме потребовало от австрийского правительства отменить референдум по поводу присоединения к Германии, назначенный на 13 марта, уйти в отставку и передать правление Зейсс-Инкварту. На следующий день, 12 марта 1938 г., было сформировано новое ав-

стрийское правительство из нацистов, которое приняло закон, объявивший Австрию «немецкой землей». Аншлюс Австрии произошел²⁰.

В СССР сознавали опасность, которую таил в себе аншлюс. 17 марта 1938 г. правительство СССР направило главам Великобритании, Франции, Чехословакии и США ноты с осуждением акта агрессии, совершенного нацистской Германией в центре Европы и создавшего опасность для ряда европейских государств, граничащих с агрессором²¹. Правительство СССР было согласено приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге Наций или вне ее практических мер противодействия агрессии²². В ноте от 24 марта английское правительство отвергло советские предложения. Такую же позицию заняли правительства Франции и США²³.

В результате присоединения Австрии к германскому рейху были установлены новые границы с дружественными Германии странами — Венгрией и Италией. Чехословакия оказалась окруженной с севера, юга и запада. У Германии появились новые границы с Югославией, Швейцарией и Лихтенштейном, которые рассматривались Гитлером как окончательные и неприкосновенные. Встал вопрос о захвате Чехословакии.

Нельзя не отметить, что в тот период на внешнеполитическое положение СССР, его престиж на международной арене определенным образом повлиял такой фактор, как массовые репрессии в стране. «Большой террор» в СССР 1937–1938 гг. оказал самое негативное воздействие на его привлекательность в качестве союзника и на способность влиять на расстановку сил в мире. В указанные годы были уничтожены многие видные военно-политические деятели, фактическому разгрому подверглись ведущие партийные и государственные органы СССР, в частности НКВД, которому был нанесен серьезнейший урон. Под репрессии попали многие руководители Коминтерна и ряда коммунистических партий. Эти события фактически перечеркнули возможность осуществления политических установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) на создание единого фронта в борьбе против фашизма и войны²⁴.

Вследствие массовых репрессий образу Советского Союза в мире был нанесен серьезный урон. Так, в Великобритании считали, что в результате сталинских чисток, проведенных в Красной армии, ей не хватит организованности, необходимой для активных действий. Приходили также сообщения о том, что с учетом «чисток»

в СССР Англия «все более и более начинает смотреть на СССР как на первостепенного общего врага»²⁵. Все это вело к международной изоляции СССР, без участия которого невозможно было остановить угрозу фашистской экспансии. Международная изоляция СССР, наметившаяся уже к концу 1936 г., нарастала в течение 1937 г. и достигла своего апогея в 1938 году²⁶.

В такой обстановке складывались наиболее благоприятные условия для нацистской Германии и фашистской Италии, в полной мере использовавших антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду. Дальнейшее развитие событий в мире в огромной степени зависело от позиции западных держав. Однако состоявшиеся 28–29 апреля 1938 г. в Лондоне англо-французские переговоры показали, что французская политика попала в полную зависимость от Великобритании. Английские государственные деятели развили систему аргументов в поддержку политики «умиротворения». Даже в случае войны, утверждали они, нельзя будет восстановить Чехословакию в существовавших границах. Они предлагали побудить чехословацкое правительство решить вопрос о положении немецкого национального меньшинства в Судетах путем переговоров и соглашений с его руководством. Была достигнута договоренность, что британская дипломатия возьмет на себя посредничество в отношениях между Берлином и Прагой²⁷. По мнению Чемберлена, СССР был неспособен к большой войне наступательного характера. Поэтому ценность СССР как возможного союзника Франции или Англии в случае войны с Германией была для английского правительства под вопросом. Отсюда его нежелание в тот момент проявлять какую-либо активность в «русском вопросе»²⁸.

Тем временем гитлеровская Германия уже приступила к усилению давления на Чехословакию. Для ликвидации ее независимости гитлеровское руководство подготовило и осуществило целый комплекс дипломатических, военных, психологических и подрывных мероприятий. Основным орудием развала Чехословацкого государства стала судето-немецкая партия (или «Отечественный фронт судетских немцев» во главе с К. Генлейном, созданный в октябре 1933 г. на базе двух мелких профашистских партий), которая в апреле 1938 г. в ультимативной форме выдвинула требования полного преобразования Чехословацкого государства, предоставления автономии, а затем полного самоопределения Судетской области²⁹.

Вместо поддержки Чехословакии западные державы встали на путь оказания нажима на нее. После ряда промежуточных шагов представители Великобритании и Франции 7 мая 1938 г. передали официальные ноты чехословацкому правительству с требованиями уступок Генлейну и угрозами, что в противном случае они не возьмут на себя никаких гарантий против нападения Германии³⁰. Демарш западных держав привел к интернационализации искусственно созданного нацистами «чехословацкого вопроса» и положил начало так называемому «чехословацкому кризису», придав ему характер международного конфликта.

Чехословацкое правительство встало на путь беспринципных уступок генлейновским требованиям, компромиссов и капитулянтства³¹. В штабе ОКВ (Главное командование вермахта) готовился план военных операций против Чехословакии (план «Грюн»)³². По дипломатическим и разведывательным каналам гитлеровское руководство получало сведения о том, что Чемберлен и стоявшие за ним влиятельные политические круги благожелательно относятся к немецким планам расчленения Чехословакии³³.

Характерно, что все директивы Гитлера и штаба ОКВ по плану «Грюн» исходили из предпосылки, что Англия и Франция не будут вмешиваться в конфликт, в то время как Советский Союз немедленно предложит помощь Чехословакии. В директиве ОКВ от 30 мая 1938 г. указывалось: «Надо предвидеть вероятность военной поддержки Чехословакии со стороны России». Однако, учитывая, что Польша и Румыния отказались пропустить советские войска через свою территорию для помощи Чехословакии, гитлеровское руководство полагало, что эта поддержка ограничится в основном действиями военно-воздушных и военно-морских сил³⁴.

Рассчитывая на невмешательство западных держав, германское руководство уже в 20-х числах мая довело дело до международного кризиса. Для этого в Судетах были инспирированы массовые беспорядки; пользуясь этим, генлейновцы прервали переговоры с чехословацким правительством. На юге Германии началось сосредоточение немецких войск. Однако демократические и патриотические силы чехословацкого народа решительно выступили на защиту республики. Под напором этого массового движения 20 мая 1938 г. чехословацкое правительство на экстренном заседании под председательством президента Э. Бенеша приняло решение произвести мобилизацию двух возрастов

резервистов. На следующий день одновременно с мобилизацией воинские части заняли боевые позиции на пограничных укреплениях. Мероприятия 21 мая встретили поддержку населения, прошли в образцовом порядке и вызвали патриотический подъем в стране.

В этих условиях западные державы заняли двойственную позицию. С одной стороны, они объявили германскому правительству, что не оставят Чехословакию на произвол судьбы, с другой — усилили нажим на Прагу, чтобы она пошла навстречу генлейновцам, и давали Берлину понять, что чехословацкий вопрос может быть решен иным путем³⁵. В результате нацисты вынуждены были отступить. Гитлер объявил майский кризис ложной тревогой.

Майский кризис прояснил расстановку сил в мире. Под угрозой потери лица и международного престижа французское правительство также было вынуждено заявить, что выполнит свои союзнические обязательства в случае неспровоцированного германского нападения на Чехословакию³⁶. Но за словами не стояло готовности осуществить сказанное.

С марта по сентябрь 1938 г. советская дипломатия систематически прилагала усилия, направленные на совместное выступление держав в защиту Чехословакии. Через несколько дней после аншлюса Австрии, 15 марта 1938 г., заместитель народного комиссара иностранных дел заверил чехословацкого посла в Москве в том, что, если возникнет угроза военного нападения со стороны Германии, Советский Союз выполнит свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. В тот же день аналогичные заявления были сделаны М. М. Литвиновым английскому послу в Москве и советским полпредом в Париже французскому правительству³⁷. 23 апреля 1938 г. посланник ЧСР в Советском Союзе передал чехословацкому правительству сообщение, в котором говорилось: «СССР, **если его об этом попросят** (выделено мною. — Авт.), готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии»³⁸.

На позицию Франции решающее влияние оказал фактический отказ Великобритании вмешаться в чехословацкие события. Так, согласно протокольной записи встречи министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Великобритании Э. Фиппсом 22 мая 1938 г., последний предупредил французов, что британское правительство «считает, что военная ситуация такова, что Франция и Англия даже с той

помощью, на которую они могли бы рассчитывать со стороны России, не были бы в состоянии помешать Германии захватить Чехословакию. Поэтому единственным результатом была бы война в Европе, исход которой, насколько об этом можно сейчас судить, был бы по крайней мере сомнителен»³⁹.

Тем не менее даже робкие меры чехословацкого правительства в конце мая 1938 г. несколько отрезвили гитлеровцев и вынудили их перейти к более сдержанной тактике. Напротив, британская дипломатия при поддержке французской резко усилила давление на Чехословакию. По ее настоянию в начале июня возобновились переговоры чехословацкого правительства с генлейновской партией. Однако генлейновцы выдвинули новые требования, которые вскоре завели переговоры в тупик⁴⁰.

После аншлюса Австрии и начала «чехословацкого кризиса» польская дипломатия посчитала, что настало подходящее время для осуществления планов «третьей Европы». Она начала консультации по этому вопросу с фашистской Италией и встретила взаимопонимание. Итальянский министр иностранных дел граф Чиано дал этим планам наименование «горизонтальной оси» — как дополнения к «вертикальной оси» Берлин — Рим. И Польша, и Италия мыслили создание нового блока как новый вариант «санитарного кордона» против СССР. Обе хотели использовать его как инструмент, обеспечивавший им права равного партнерства с гитлеровской Германией. Правящие польские круги во главе с Ю. Бекком видели главное противодействие своим планам в самом факте существования Чехословакии. Именно она якобы препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы и сплотить под своим руководством государства Дунайского бассейна. Отсюда вытекала установка на бескомпромиссную античехословацкую позицию вплоть до уничтожения чехословацкой государственности⁴¹. Польская дипломатия рассчитывала привлечь к осуществлению своих планов Венгрию и Румынию. Каждой из них отводилась своя роль.

С Румынией польские правители были связаны договором и военной конвенцией. Они приветствовали произошедший в Румынии 10 февраля 1938 г. государственный переворот и установление режима королевской диктатуры. В тех условиях польско-румынское сотрудничество выливалось в форму, которую германская дипломатия рассматривала как «польско-

румынский антисоветский барьер»⁴². Значение этого барьера стало наглядным, когда в ходе «чехословацкого кризиса» встал вопрос о возможных «коридорах» (румынский и польский), по которым Советский Союз, не имевший общей границы с Чехословакией, мог бы оказать ей помощь. В течение весны и лета 1938 г. румынские представители не устали повторять, что «Румыния принципиально отказывается разрешить проход русских войск»⁴³.

На античехословацкой основе Польша развивала отношения с Венгрией, где существовали захватнические устремления по отношению к словацким землям. Польская дипломатия сама выдвинула территориальные претензии к Чехословакии (район Тешина). Бек обозначил их как «локальные требования»⁴⁴, и они играли роль инструмента, обострявшего польско-чехословацкие отношения. Совпадение их планов выражалось в желании установить общую польско-венгерскую границу, что являлось важным элементом польских замыслов создания блока «Третьей Европы».

Германская дипломатия, временно закрывая глаза на великодержавные польские планы, поддерживала Венгрию и Польшу в античехословацкой деятельности, видя в их территориальных претензиях средство изоляции Чехословакии.

В начале июня 1938 г., во время беседы с Гитлером, французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе предложил, чтобы Франция, Великобритания и Германия обсудили чехословацкую проблему для достижения справедливого решения вопроса. После этого французская сторона стала рекомендовать чехословацкому правительству принять такое решение⁴⁵.

В то время как англо-французская дипломатия продолжала маневрировать и готовила общественное мнение к принятию сделки с Гитлером⁴⁶, М. М. Литвинов в телеграмме С. С. Александровскому от 25 июня 1938 г. вновь подтвердил, что пакты СССР «с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно, крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии». И далее, что «Чехословакия является обороняющейся стороной и что

ответственность за последствия во всяком случае будет нести сторона нападающая»⁴⁷.

Из опубликованных к настоящему времени документальных исследований известно, что советское руководство и лично И. В. Сталин были хорошо осведомлены о работе германского, британского, французского и чехословацкого министерств иностранных дел, об активной обработке германскими послами политической элиты Великобритании, Польши, Румынии, Франции и других стран. На столе у Сталина находились сообщения, поступавшие из резидентур НКВД СССР и военной разведки в европейских столицах, а также материалы дипломатической переписки министерств иностранных дел со своими посольствами в столицах европейских держав. Именно поэтому глава СССР был всесторонне осведомлен о политике двойных стандартов правительств Великобритании и Франции, которые публично заявляли о желании поддержать Чехословакию в ее противостоянии с гитлеровской Германией, а закулисно вели переговоры с Гитлером⁴⁸.

Новейшие исследования, проведенные В. С. Христофоровым, свидетельствуют, что в июле 1938 г. резидентура НКВД СССР от источника в ближайшем окружении Муссолини получила данные о том, что «итальянское правительство исходит в своих военных планах из германского решения напасть на Чехословакию не позднее конца августа или начала сентября»⁴⁹. Советская военная разведка в августе 1938 г. информировала Сталина, Молотова и наркома обороны Ворошилова о том, что Германия усиленно готовится к вторжению в Чехословакию, которое может произойти после сентябрьского съезда нацистской партии⁵⁰.

В конце августа на совещании с генералами Гитлер выразил твердую уверенность в том, что Франция не рискнет начать войну против Германии⁵¹. Исходя из этих предпосылок, командование вермахта и планировало операцию «Грюн». Подготовку к военным действиям вели Польша и Румыния. В августе 1938 г. к польско-советской границе были стянуты дополнительные войска, начались маневры польской армии. Польша активно готовилась не только воспрепятствовать возможному прохождению сухопутных частей Красной армии по своей территории, но и усиливала свою противовоздушную оборону, намереваясь открывать огонь на поражение по каждому советскому самолету, который попытается пролететь через польскую территорию.

В сентябре 1938 г. судетский кризис вступил в решающую стадию. Правящие политические силы Чехословакии были напуганы серьезной обстановкой и сильно качнулись вправо. Позицию этих кругов очень точно отразил Э. Бенеш, заявив на встрече с генлейновцами 25 августа 1938 г.: «Я боюсь только двух вещей: войны, а после нее — большевистской революции»⁵². Чехословацкое правительство шаг за шагом сдавало свои позиции и шло на уступки генлейновцам.

К началу сентября 1938 г. Франция еще колебалась в принятии решения, поддерживать ли ей Чехословакию или продолжать умиротворять агрессора. Французское правительство понимало, что военная помощь СССР в случае нападения Германии на Чехословакию будет затруднена из-за позиции Польши и Румынии. 1 сентября 1938 г. министр иностранных дел Ж. Боннэ поручил своему поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру поговорить с Литвиновым относительно «„форм кооперации“ в чехословацком вопросе»⁵³. 2 сентября 1938 г. М. М. Литвинов направил в советские полпредства в Праге, Париже и Лондоне телеграмму, в которой сообщал, что французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр по поручению Боннэ поставил ему официально вопрос: «На какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии?». Литвинов напомнил Пайяру, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от помощи СССР, в то время как помощь СССР обусловлена французской, и что поэтому «мы имеем большее право интересоваться помощью Франции». К этому Литвинов добавил, что «при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига Наций вынесет решение об агрессии. Это и предусматривается советско-чехословацким пактом... Ввиду того, что аппарат Лиги Наций может быть пущен в ход очень медленно, было бы, по нашему мнению, необходимым теперь же предпринять необходимые меры, на что в случае наличия угрозы войны дает право ст. 11 Устава Лиги». На высказанное Пайяром сомнение в возможности единогласного решения Литвинов сказал, что даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особен-

ности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния.

Далее Литвинов предложил для определения конкретной помощи созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий для предварительного обсуждения практических мер для защиты Чехословакии⁵⁴.

В разговоре с Пайяром Литвинов заявил, что абсолютно исключает из своих расчетов «добрую волю» Польши. При этом нарком ссылался на беседу министра иностранных дел Румынии Н. Комнена с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой, в которой говорилось, что в то время как у Румынии имеются возражения против прохода советских войск, она может закрыть глаза на перелет самолетов через свою территорию. Литвинов, по словам Пайяра, видел в этом добрый знак того, что Бухарест — «точка наименьшего сопротивления»⁵⁵.

5 сентября заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин в ходе беседы с Ж. Пайаром заявил о предложении правительства СССР созвать совещание трех держав — СССР, Франции и Англии — для предупреждения военного конфликта. По вопросу о конкретных формах помощи Чехословакии в ответе советского правительства предлагался созыв совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии⁵⁶. Однако советские предложения относительно обсуждения практических мер военными экспертами трех стран повисли в воздухе. При этом англичане и французы распространяли версии, что позиция СССР в случае войны неясна.

19 сентября 1938 г. Э. Бенеш срочно вызвал к себе полпреда СССР в Чехословакии С. С. Александровского и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50 % населения. Остальные округа получают частичную автономию. Границы устанавливаются международной комиссией. Новые границы гарантируются всеми соседями, а также Францией и Англией, в связи с чем аннулируются ныне действующие международные договоры Чехословакии. Предложение сопровождалось подчеркиванием, что уже простая задержка чехословацкого правительства с ответом может привести к роковым последствиям. Бенеш отметил, что при этом не было сказано прямо, что в случае отказа Чехословакии принять такое решение Франция и Англия отказались бы помогать

Чехословакии против агрессора, однако Бенеш допускает и такую возможность. Несмотря на это, Бенеш заявил, что у Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях. Франции был послан прямой запрос: обозначает ли ее предложение, что она намерена отказаться от выполнения своих союзнических обязательств?

Тогда же Бенеш просил правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы: «1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь. 2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги Наций с просьбой привести в действие ст. 16 и 17». В связи с этим Бенеш просил помощи в Лиге Наций и просил от советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги Наций на основании упомянутых статей. Бенеш подчеркнул срочность, потому что должен дать ответ Франции и Англии, а между тем Чемберлен хотел бы уже в среду, 21-го, поехать к Гитлеру с этим ответом. Бенеш предполагал, что нападение произойдет 22-го, если Чемберлен не поедет или привезет недостаточный для Гитлера ответ. И при этом условии Бенеш заявил, что считает предложение, сделанное Англией и Францией, неприемлемым, а борьбу неизбежной, потому что народ не допустит ничего подобного. Он сказал, что может оказаться вынужденным объявить всеобщую мобилизацию уже 20-го, вечером. По его заявлению, в тот момент под ружьем в Чехословакии находилось 500 тысяч человек и все воздушные силы⁵⁷.

Уже 20 сентября 1938 г. эти вопросы были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). В. П. Потемкин, готовивший материалы для рассмотрения, отметил, что не существует другого варианта, как дать положительный ответ чехословацкому правительству. Политбюро ЦК ВКП (б) согласилось с предложениями Потемкина, после чего Александровскому было поручено передать Бенешу положительный ответ советского правительства. Одновременно о содержании ответа Бенешу было поставлено в известность французское правительство⁵⁸.

В телеграмме Потемкина С. С. Александровскому от 20 сентября, в частности, указывалось: «1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени

правительства Советского Союза утвердительный ответ. 2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги Наций, на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей»⁵⁹.

После получения ответа из Москвы в Праге было принято решение дать правительствам Великобритании и Франции ответ, содержание которого гласило, что в соответствии с конституцией правительство Чехословакии не может принять никаких решений, связанных с изменением границ, без решения парламента. По мнению правительства, принятие предложения обозначало бы уродование государства в экономическом и стратегическом отношении, результатом которого рано или поздно стало бы его полное подчинение Германии. Чехословацкое правительство призывало Великобританию и Францию пересмотреть свои предложения⁶⁰.

21 сентября, выступая на ассамблее Лиги Наций, нарком иностранных дел Литвинов вновь изложил позицию СССР по вопросу борьбы с экспансией. Он подчеркнул, что против агрессора должны быть приняты меры, намеченные уставом Лиги Наций, причем решительно, последовательно и без колебаний, и тогда «мир будет сохранен мирными средствами...»⁶¹. Более того, в Москве не исключали и такой вариант, как санкция Лиги Наций на оказание помощи Чехословакии теми государствами, которые были бы готовы такую помощь предоставить.

Под давлением народных масс чехословацкое руководство объявило всеобщую мобилизацию. Было сформировано новое правительство во главе с генералом Я. Сыровы. Назначение генерала премьер-министром как бы подчеркивало решимость правящих кругов Чехословакии оказать сопротивление, но, как показали дальнейшие события, они лишь делали вид, что намерены защищать республику.

В сентябре 1938 г. советское правительство провело ряд конкретных оперативно-стратегических мероприятий. Так, 23 сентября 1938 г. народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов и Генеральный штаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвижении к государственной границе ряда их оперативных объединений. Мероприятия по

приведению в боевую готовность были осуществлены также в Харьковском и Московском военных округах. Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения.

Вскоре дополнительные директивы были отданы Военным советам Белорусского, Киевского особых, Ленинградского и Калининского военных округов. Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной государственной границе, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. Для усиления чехословацких ВВС были подготовлены 4 авиабригады (548 самолетов). В вооруженные силы было призвано из запаса в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава⁶².

Тем не менее и по сей день ряд современных исследователей высказывают сомнения относительно того, вмешался бы Советский Союз и как именно. В Праге вышли два тома документов «Чехословацкая внешняя политика в 1938 году» (Прага, 2001)⁶³. Там говорится о том, что СССР не собирался прийти на помощь Чехословакии и вмешиваться в конфликт между Германией и ее возможными союзниками, с одной стороны, и Чехословакией — с другой⁶⁴.

Опубликованные новые документы, в том числе из Архива Президента РФ, свидетельствуют, что советское руководство имело все основания не доверять западным державам и Праге. Известные подготовительные военные мероприятия Советского Союза доказывают его намерения вступить за Чехословакию, но только совместно с Францией. Кроме того, эти меры должны рассматриваться и как общие меры предосторожности, в первую очередь против Польши, и не только из-за ее претензий на чешскую территорию. Польша, с советской точки зрения, воспринималась как потенциальный союзник Третьего рейха. В то же время для конкретного военного вмешательства СССР в Чехословакию необходимо было не только выступление Франции, но и получение права прохода

войск через Польшу и Румынию. С Румынией велись по этому поводу переговоры, но их результаты не отвечали реальным потребностям Красной армии. Скорой и эффективной помощи Советский Союз в этих условиях оказать не мог, даже если бы и хотел⁶⁵.

Литвинов решительнее всех выступал за твердую позицию Советского Союза и за солидарность с Англией и Францией. Но, когда он в телеграмме Сталину 23 сентября предложил объявить частичную мобилизацию советских вооруженных сил и развязать такую кампанию в прессе, чтобы Гитлер и Бек всерьез поверили в угрозу войны, Сталин пометил на полях телеграммы коротко и ясно: «Нет!»⁶⁶. Поэтому Литвинов в тот же день разъяснил в Женеве своим британским собеседникам — де ла Варру и Батлеру, что Советский Союз ни в коем случае не станет действовать раньше Франции⁶⁷.

Вполне вероятно, что в условиях, когда Англия и Франция всем своим поведением во время кризиса показывали, что не принимают Советский Союз как равноправного партнера, Москва опасалась, что ее подставят и Советский Союз окажется в результате один против Германии. Британская политика выбрала другую альтернативу — попытку «сдерживания» Гитлера путем переговоров с ним без участия Советского Союза. Лондон отклонил проект конференции с участием СССР, ссылаясь в том числе и на ожидаемое неприятие этого участия Гитлером⁶⁸. Что касается политики Англии и Франции, то рассматриваемые документы подтверждают преобладающую в историографии ее оценку как политики умиротворения агрессора, направленной на сговор с нацистской Германией за счет Чехословакии.

22–23 сентября состоялась очередная встреча Гитлера с Чемберленом, на сей раз в Бад-Годесберге. Английский премьер от имени своей страны и Франции объявил главе рейха о принятии его требования в отношении Судетской области. Однако, к немалому изумлению Чемберлена, Гитлер выдвинул новые претензии к Чехословакии. Теперь он потребовал удовлетворить упоминавшиеся еще весной притязания Польши и Венгрии на часть чехословацкой территории. Что касается Судетской области, то он настаивал немедленно (26–28 сентября) передать эти районы Германии и вручил Чемберлену меморандум и карту. Меморандум предписывал к 1 октября вывести все чехословацкие войска, в том числе подразделения полиции, с территорий, заштрихованных на карте красным цве-

том: судьба земель, заштрихованных зеленым цветом, должна была быть решена в результате плебисцита (который так и не был проведен). Все военные сооружения предписывалось оставить в полной сохранности. Важные экономические и транспортные объекты («особенно подвижной состав железных дорог») передавались немцам неповрежденными. «Не подлежали вывозу продукты питания, товары, скот, сырье и т. д.»⁶⁹. Сотни тысяч чехов, вынужденные покидать свои дома в Судетской области, не имели права забрать с собой даже свой скарб или корову.

Народ Чехословакии с гневом и возмущением отвергал посягательства рейха на суверенитет страны, был готов с оружием в руках защищать родину. Однако Англия и Франция продолжали оказывать давление на республику, добиваясь от нее уступок гитлеровской Германии. Чтобы успокоить общественность в своих странах и во всем мире, возмущенную таким оборотом событий, правительства западных держав провели ряд демонстративных мер, призванных показать их стремление противостоять гитлеровской агрессии. Английский флот был приведен в боевую готовность. В Лондоне населению раздавали противогазы, солдаты рыли траншеи, обкладывали здания мешками с песком. «Как же это дико, фантастично и невероятно, — восклицал в выступлении по радио Чемберлен, — что мы должны... копать здесь траншеи из-за какой-то ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем»⁷⁰. Этот маскарад поддерживала и Франция: 24 сентября были призваны резервисты, на площадях устанавливались зенитные батареи.

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии без участия представителей Чехословакии. Переговоры длились 13 часов.

30 сентября, в 17:00, Бенеш срочно запросил Москву: как относится СССР к альтернативе война или капитуляция, перед которой поставлена Чехословакия, поскольку великие державы принесли ее в жертву Гитлеру? Советскому правительству давалось 1–2 часа на ответ⁷¹. Однако этот ответ так и не поступил, поскольку Бенеш уже через 45 минут, то есть до истечения назначенного им самим срока, отозвал запрос: пражское правительство тем временем уже приняло мюнхенский ультиматум. В тот же день, 30 сентября, в 21:30, советский посол докладывал о причинах, по которым пражское руководство решило принять условия Мюнхена, а не просить

советской помощи: у Чехословакии не хватает аэропортов для достаточной поддержки со стороны советской авиации, а помощь Красной армии возможна лишь через несколько дней, когда чешские войска уже могут быть разбиты⁷². Это, разумеется, были второстепенные соображения.

Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г., в 2 часа 30 минут. Оно предусматривало передачу Германии, под предлогом защиты прав немецкого населения, в срок с 1 по 10 октября 1938 г. Судетской области и ряда других районов, принадлежавших Германии до Версальского мира. Эти территории передавались Германии со всеми находившимися на них в полной сохранности сооружениями и укреплениями, сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, с запасами сырья, путями сообщения, средствами связи⁷³.

В результате мюнхенскогоговора Чехословакия, просуществовавшая как государство 20 лет, потеряла одну пятую часть своей территории, около четверти населения и половины предприятий тяжелой промышленности. Потеряли свое значение чехословацкие укрепления на границе с Германией, которые рассматривались как серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе. Вследствие Мюнхена Чехословакия стала нежизнеспособным государством.

В приложении к подписанному в Мюнхене соглашению было отмечено, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована, то она станет предметом обсуждения на следующем совещании глав правительств четырех держав. Участникам соглашения «гарантировались» новые границы чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

А ведь Чехословакия обладала большими возможностями для отпора агрессору. В сентябре 1938 г. чехословацкая армия имела в строю 2 млн солдат и офицеров, 45 дивизий, 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий. Моральный дух войск, как и всего народа, был высоким. Когда 23 сентября, в 22:00, была объявлена мобилизация, резервисты тут же поспешили к местам сбора. За сутки на призывные пункты явилось 1250 тыс. человек, а к исходу 24 сентября против германских агрессоров могла выступить армия численностью 1,5 млн человек, обладавшая не только первоклассным по тому времени вооружением, но и волей

к сопротивлению. Мобилизация, проводившаяся строго по плану, завершилась 29 сентября⁷⁴. Войска заняли приграничные укрепрайоны в готовности к действию. Но приказа, которого они ждали, так и не последовало.

Анализ соотношения сил показывает, что германское превосходство в силах было минимальным. вермахт (2,2 млн человек) в тот период насчитывал 47 дивизий, имел 2500 самолетов и 720 танков⁷⁵. Фактора внезапности также не существовало. Чехословакия располагала оборудованным по последнему слову техники, занятым войсками оборонительным рубежом, не уступавшим по своей оснащенности линии Мажино. Против тяжелых фортов были бессильны даже 210-мм орудия. Чехословацкая авиация могла в считанные минуты подвергнуть опустошительным бомбардировкам германские химические заводы, расположенные близ общей границы, и нанести противнику серьезный ущерб. Причем немецкий генералитет такой вариант не сбрасывал со счетов.

Таким образом, возможность изменения фатального хода событий для Чехословакии зависела, главным образом, от внутреннего единства ее народов, их решимости защищать территорию своей страны с оружием в руках, непосредственного влияния общественного мнения на принятие чехословацким правительством решения не выполнять условий Мюнхенского соглашения, а сопротивляться. В то же время этот вопрос зависел от стремления и готовности Франции и СССР военными средствами защитить важные стратегические рубежи в самом центре Европы. Он зависел и от позиции граничащих с Чехословакией малых стран — членов Малой Антанты — Югославии и Румынии, а также Польши.

Как сообщал полномочный представитель СССР в Чехословакии Александровский в телеграмме в НКВД от 1 октября 1938 г., со ссылкой на чешский источник, на принятие чехословацким правительством условий Мюнхена повлияло то, что Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, «что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит,

но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения»⁷⁶.

Чемберлен после окончания переговоров попросил о еще одной встрече с Гитлером. 30 сентября 1938 г. Гитлер и Чемберлен подписали совместную англо-германскую декларацию, которая оповещала мир о том, что англо-германские отношения представляют собой важнейший фактор обеспечения мира в Европе. Великобритания и Германия приняли решение о том, чтобы метод консультаций стал основой для разрешения спорных вопросов, связанных с обеими странами, и «таким образом содействовать укреплению мира в Европе»⁷⁷.

Хотя Польша не была участником Мюнхенской конференции, но и ее роль в период подготовки соглашения о расчленении Чехословакии весьма неприглядна. В период чехословацкого кризиса она занимала прогерманскую и провенгерскую позицию, рассчитывая усилить свое политическое влияние в Центральной Европе, особенно на Венгрию и Румынию. Польша претендовала на Тешинскую и Фриштатскую области в Силезии и «доступ по железной дороге до станции Богумин (Одерберг)», о чем имеется документальное подтверждение в письме министра иностранных дел Польши Ю. Бека польскому послу в Германии Ю. Липскому от 19 сентября 1938 г., в котором содержатся конкретные директивы последнему, которых он должен придерживаться в беседе с германским рейхсканцлером. В этом же письме Ю. Бек, оправдывая территориальные притязания Польши, откровенно заявлял: «Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы»⁷⁸. В этом же послании подчеркивалось, что «Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым», и содержалась похвала польскому правительству, которое, «благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении». Кроме того, Польша, лично не заинтересованная в том, чтобы СССР пришел на помощь Чехословакии, оказала сильное давление на румынское правительство, чтобы оно отказало в праве прохода советских войск через свою территорию, точно так же, как она отказала в этом праве прохода через свою территорию⁷⁹.

Действуя по примеру Германии, Польша, заручившись поддержкой Гитлера, приняла участие в расчленении Чехословакии. 30 сентября 1938 г. польский посланник передал министру иностранных дел Чехословакии ноту, в которой ультимативно предъявлялись требования уступить три района в Силезии: Фрейштадт, Тешин, Яблунков. Ответ необходимо было дать в течение суток. 1 октября 1938 г. чехословацкое правительство капитулировало и перед польским ультиматумом⁸⁰.

1 октября 1938 г. германские войска под командованием генерал-полковника В. фон Лееба пересекли границу Чехословакии. СССР решительно осудил Мюнхенское соглашение. Советское правительство, как отмечалось в сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г., «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям»⁸¹.

В связи с распространением западной печатью слухов о якобы согласованной линии поведения Великобритании, Франции и Советского Союза ТАСС 4 октября 1938 г. сообщил: «Никаких совещаний, а тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой Республики и об уступках агрессору не происходило»⁸².

6 декабря 1938 г. Боннэ и Риббентроп подписали франко-германскую декларацию: «Мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира»⁸³.

Итак, для Третьего рейха в 1938 г. вопрос состоял не в том, чтобы освободить немецкое население в Судетской области в Чехословакии, а в том, чтобы освободиться от унижительных условий Версальского договора, навязать другую

концепцию Европы и германского права, нейтрализовать Чехословакию, обесценить советско-французских договор о взаимной помощи, упрочить геостратегические позиции в центре Европы и устранить препятствия на пути продвижения Германии на Восток».

Мюнхенский сговор разрушил последние остатки Версальской системы и явился со стороны Англии и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и на Востоке. СССР, отстраненный мюнхенцами от участия в решении судьбы Чехословакии, был поставлен в положение международной изоляции. Более того, советское руководство не могло не задуматься об угрозе создания единой антисоветской коалиции, учитывая поддержку политики Мюнхена Соединенными Штатами Америки, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и полное одобрение соглашения правительством Японии. Стало ясно, что в условиях надвигавшегося конфликта с гитлеровской Германией СССР может рассчитывать лишь на собственные силы — в военной области или в сфере дипломатии.

Таким образом, одним из уроков Мюнхена являются негативные последствия действий Франции и Великобритании, подорвавших систему коллективной безопасности и деятельность Лиги Наций. Они открыто продемонстрировали решение собственных геостратегических интересов и обеспечение мнимой безопасности своих государств за счет принесения в жертву интересов других стран. В то же время подобные действия показали минимальные возможности малых стран изолированно сопротивляться своекорыстной политике более могущественных крупных государств.

¹ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). М., 1975; Иванов А. Г. Великобритания и мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6; Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. Гл. 1. С. 42–43; Марьяна В. В. Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 19–50; Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 21–47; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 173; Наринский М. М. происхождение войны // Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в советско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 137 и др.

² ДВП СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 309.

³ Там же. С. 309–312; С. 336.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 880. Л. 149.

⁵ Цит. по: Орлов А. С. Сталин в преддверии войны. М., 2003. С. 70–71; РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 880. Л. 150–152.

⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 14–23.

⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 104–105.

- ⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. — дек. 1938 г. М., 1981. С. 25–33.
- ⁹ 1939 год: Уроки истории / Волков В. К., Илюхина Р. М., Кошкин А. А. и др.; отв. ред. О. А. Ржешевский. М., 1990. С. 38–39.
- ¹⁰ Documents of German Foreign Policy (далее — DGFP). L., 1962. Vol. 4. P. 952.
- ¹¹ Цит. по: Марушкин Б. И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937–1939 гг. М., 1957. С. 30–31.
- ¹² Майский И. М. Дневник дипломата, 1934–1943. В 2 кн. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 г. М., 2006. С. 215.
- ¹³ Namier L. B. Europe in Decay. L., 1950. P. 10–11; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. С. 35.
- ¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 869. Л. 43.
- ¹⁵ Орлов А. С. Сталин в преддверии войны. М., 2003. С. 90.
- ¹⁶ We11es S. Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1950. P. 251.
- ¹⁷ Подробнее см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 35–46.
- ¹⁸ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. N.Y., 1976. P. 408–409.
- ¹⁹ The Times. 1938. 23 November. Цит. по: 1939 год: Уроки истории. С. 110.
- ²⁰ 1939 год: Уроки истории. С. 39–40.
- ²¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 12–129.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 102–105.
- ²⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 9–25; Вопросы истории. 1991. № 6. С. 30; Самсонов А. М. Знать и помнить. М., 1988. С. 316.
- ²⁵ Русский архив: советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 1930–1940-е годы: документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7–1). М., 1997. С. 145.
- ²⁶ Наринский М. М. Политика СССР в Европе и Польша 1933–1938 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2004. С. 28–38.
- ²⁷ Протоколы англо-французских переговоров в Лондоне в конце апреля 1938 г. см.: Documents on British Foreign Policy (1919–1939) (далее — DBFP). Third Series (1938–1939). Vol. I–IX. L., 1949–1955. Vol. I. L., 1949. Doc. No. 164. P. 198–234; Documents diplomatiques français, 1932–1939 (далее — DDF). Ministère des relations extérieures. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1939–1945. 2-e série (1936–1939). T. I–VIII. Paris, 1963–1973. T. IX. Paris, 1974. Doc. No. 258. P. 561–588.
- ²⁸ ДВП СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 246–247.
- ²⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie D (1937–1941). Baden-Baden, 1950. Bd. II. S. 191–192; К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии: Колл. моногр. / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 32; Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы. В 4 т. Т. 1. М., 2005. С. 383–384.
- ³⁰ Внешняя политика Чехословакии, 1918–1939: сб. статей; пер. с чеш. М., 1959. С. 487.
- ³¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 3. М., 1978. С. 417–418.
- ³² Hass G. Münchener Diktat 1938. Berlin, 1988. S. 146–150.
- ³³ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945. Т. 1. С. 384–386.
- ³⁴ Там же. С. 386–387.
- ³⁵ Там же. Т. 1. С. 389–390.
- ³⁶ DBFP. Third Series. Vol. 1. Doc. 263. P. 340.
- ³⁷ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 15–17.
- ³⁸ Там же. С. 26.
- ³⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 98.
- ⁴⁰ Крал В. План Зет; пер. с чеш. М., 1978. С. 132–133.
- ⁴¹ Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978. С. 20–21.
- ⁴² Колкер В. М. Румынское правительство и мюнхенский сговор // Балканский исторический сборник. Т. 1. Кишинев, 1968. С. 237.
- ⁴³ Cornene N. P. Preludi del grande drama. Rieordi e documenti un diplomatico. Roma. 1947. P. 37–38.
- ⁴⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 12 т. / под ред. И. А. Хренова и В. Т. Ковальского. М., 1963–1985. Т. VI. М., 1969. С. 361–362.

- ⁴⁵ Подробнее см.: *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне: Колл. моногр. // К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии / М., 2009. С. 33–34.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Марьина В. В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф., Москва, 15–16 марта 2005 года / отв. ред. М. Ю. Мягков, М., 2008. С. 26.
- ⁴⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 141–142.
- ⁴⁸ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне // К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии. С. 35–37.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. Т. 1. С. 282–283.
- ⁵¹ Там же. Т. 1. С. 387.
- ⁵² Там же. Т. 1. С. 390.
- ⁵³ Новые документы из истории Мюнхена. С. 67–68.
- ⁵⁴ Новые документы из истории Мюнхена. С. 70–72.
- ⁵⁵ *Майский И. М.* Дневник дипломата, 1934–1943. Кн. 1. С. 481.
- ⁵⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 146.
- ⁵⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 168–169.
- ⁵⁸ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне // К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. С. 45.
- ⁵⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 182.
- ⁶⁰ Там же. С. 178–181.
- ⁶¹ Известия. 1938. 22 сентября.
- ⁶² Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 256, 315; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. I. С. 240; *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. Т. 1. С. 266; История второй мировой войны 1939–1945. В 12 томах. М., 1973–1982. Т. 2. М., 1973. С. 107–108; Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 62.
- ⁶³ *Československá zahraniční politika v roce 1938.* Praha, 2001. Sv. II.
- ⁶⁴ *Марьина В. В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф., Москва, 15–16 марта 2005 года. С. 22.
- ⁶⁵ Подробнее см.: *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. М., 2009. С. 23–24.
- ⁶⁶ *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 24.
- ⁶⁷ ДВП СССР. Т. XXI. С. 520–521.
- ⁶⁸ *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 24.
- ⁶⁹ DGFP. Series D. Wash., DC: Government Printing Office, 1949–1964. 1956. Vol. XI. P. 9010.
- ⁷⁰ *Борисов А. Ю.* Мюнхенская трагедия: (Размышления спустя полвека). М., 1988. С. 57.
- ⁷¹ ДВП СССР. Т. XXI. С. 548–549.
- ⁷² *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 23.
- ⁷³ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 587.
- ⁷⁴ *Die Hintergründe des Müncheher Abkommens von 1938.* Berlin, 1959. S. 226.
- ⁷⁵ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972. С. 218.
- ⁷⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 — август 1939: документы и материалы. М., 1971. С. 24.
- ⁷⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 29.
- ⁷⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 173.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 — август 1939. С. 24–26.
- ⁸¹ Там же. С. 29.
- ⁸² Там же. С. 32.
- ⁸³ Год кризиса. 1938–1939: документы и материалы. Т. 1. С. 136–137.

Только у СССР руки остались чистыми

Майкл Карли*

Когда в конце сентября 1938 г. окончился чехословацкий кризис, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов находился на заседании Лиги Наций в Женеве, где он до последнего момента пытался организовать помощь Праге, которая столкнулась с немецкими притязаниями и предательством со стороны своего союзника, Парижа. Казалось, Европа балансировала на грани войны. Британский министр иностранных дел лорд Галифакс отправил своих представителей в Женеву, узнать у Литвинова, что будет делать Советский Союз, если начнется вооруженная борьба. Литвинов знал, что британское правительство и, особенно, его глава Невилл Чемберлен не будут бороться за Чехословакию. Поэтому в беседе с английской делегацией он не замедлил обвинить Великобританию и Францию в потворстве Гитлеру. «Только у СССР, — сказал он, — руки остались чистыми» в отношениях с Чехословакией¹.

Многие историки считают это заявление неубедительным. Мы до сих пор живем стереотипами времен «холодной войны», которые мешают открыть широкий доступ к архивным материалам о советской внешней политике. Издано много исследований по английской и французской дипломатии во время мюнхенского кризиса. Мнения в них разнятся — от традиционных обвинений («преступники», которые

продали Чехословакию) до сочувствия и понимания действий так называемых «реалистов», которые осознавали, что их страны (Великобритания и Франция) в 1938 г. не имели ни денег, ни оружия, чтобы воевать. Поэтому «реалисты» мудро выгадывали время на свое перевооружение за счет сдачи Чехословакии. Некоторые историки соглашались с тем, что у английских и французских политиков не было выбора, кроме переговоров с Гитлером, другие же называют реализмом противостояние гитлеровской агрессии, которое тогда не было выбрано².

Великой державой, вовлеченной в чехословацкий кризис, был Советский Союз, хотя некоторые исследователи зачастую не замечают или недооценивают его роль. Тому есть яркие примеры. Так, итальянский историк и пионер в исследовании советских архивов Сильвио Понс характеризует внешнюю политику СССР в 1938 г. словами: «бдительность» и «пассивность» вместо «вовлеченности». Среди причин называются сталинские «чистки» и сделанный им «стратегический выбор». Советский диктатор И. В. Сталин рассматривал дипломатию через призму марксистско-ленинских догм: война с империалистическими странами неизбежна, и для СССР нет большой разницы, с кем из «капиталистов» вести войну. По мнению Понса, Париж и Лондон «не могут в полной мере нести ответственность за удаление и пассивность

* **Майкл Джабара Карли** — профессор и руководитель Отделения истории Монреальского университета. Он специализируется по отношениям Советского Союза со странами Запада в 1917–1945 гг. и причинам Второй мировой войны. Его труды характеризуются широким использованием архивных материалов США, Великобритании, Франции и СССР. Хорошо известна его книга о причинах войны: «1939: союз, которого никогда не было и начало Второй мировой войны» (Чикаго, 1999 г.). Эта книга была опубликована на французском, русском и итальянском языках.

СССР во все более обострявшихся европейских взаимоотношениях»³. Представляет интерес исследование Зары Штейнер, которое она провела на основе важных материалов некоторых российских архивов. Поддерживая точку зрения Понса на Сталина как на узника идеологизированного взгляда на международные отношения, она, тем не менее, показывает осторожные шаги советской дипломатии⁴.

Другим наиболее часто упоминаемым в данной связи трудом является работа Хью Рэгсдейла, в которой он отвечает критикам политики умиротворения цитатой в февральском номере «Манчестер гардиан» 1939 г., что это был «умный план: продать друзей, чтобы купить врагов». Его книгу отличает внимательное изучение восточноевропейских архивов (особенно румынских), чтобы понять события вокруг Судетского кризиса. Он в большей степени, чем Понс, полагает, что советское руководство хотело поддержать Чехословакию и выдвинуло крупные войсковые соединения на границы с Польшей и Румынией. Более интересно, что он нашел доказательства желания последней сотрудничать в обороне Чехословакии, в то время как Варшава заняла откровенно враждебную позицию. Чтобы достичь Чехословакии, Красная армия была вынуждена пройти по польской и/или румынской территории. Причем вторая согласилась дать разрешение, если Париж решит защищать независимость Праги. Тем самым Рэгсдейл по существу поддерживает мнение Л. А. Безыменского, настаивавшего, что Советский Союз был искренне намерен помочь ЧСР⁵.

Независимость Чехословакии была гарантирована несколькими договорами о взаимопомощи, заключенными между СССР, Францией и Чехословакией в 1935 г. и франко-чехословацким соглашениями 1924–1925 гг. Взаимоотношения между Парижем и Москвой всегда были враждебными, но назначение Адольфа Гитлера на пост канцлера в январе 1933 г. вынудило обе стороны пересмотреть политику в отношении друг друга. Французские политики Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур и Луи Барту возглавили движение к улучшению взаимоотношений. В Москве аналогичный курс проводил народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов. Он стал главным рупором советской «политики коллективной безопасности», которая фактически означала восстановление Антанты.

С 1932 г. советское руководство пыталось улучшить взаимоотношения не только с Треть-

ей республикой, но также с Соединенными Штатами, Великобританией, Чехословакией, Румынией и даже с традиционно враждебной Польшей. Кремль также пытался наладить отношения с Римом, которые испортились после итальянского вторжения в Абиссинию осенью 1935 года. Несмотря на лозунги пропаганды, советская политика была антинацистской, а не антифашистской. Литвинов был убежден в агрессивных целях гитлеровской внешней политики и предупреждал Сталина и его западных союзников: нацизм — угроза для европейского мира и безопасности. Он часто подтрунивал над немецкими дипломатами, принося им в подарок известную книгу Гитлера «Моя борьба», где описывались расистские планы мирового господства Германии.

В октябре 1934 г. по улучшению франко-советских отношений был нанесен сильный удар: убитого Луи Барту сменил убежденный антикоммунист Пьер Лаваль, который был больше заинтересован в улучшении отношений с нацистской Германией, нежели с Советским Союзом. Обсуждение договора о двусторонней помощи, которое началось с бесед Поль-Банкура и Литвинова осенью 1933 г., при Лавале было спущено на тормозах. Советское правительство и сторонники сближения из числа французов были обеспокоены смертью Барту. Они предупреждали советского посла в Париже В. П. Потемкина, что Лаваль может радикально изменить направление французской внешней политики⁶. В ходе встреч Литвинова и Лавала, а также постоянных представителей в здании на Кэ Д'Орсэ, которые происходили в начале 1935 г., советский нарком требовал заключения союзного договора. То, что тогда делали французские политики, один из них позднее назвал «бойкотом»⁷. Литвинов фактически озвучивал перед ними предложения Политбюро о взаимной гарантии безопасности прибалтийских республик, уязвимых в случае немецкой агрессии и пункт об оказании многосторонней помощи друг другу, если какая-либо из подписавших договор сторон подвергнется агрессии. Политбюро не хотело проводить этот документ через Лигу Наций, где он мог быть заблокирован даже одним голосом⁸. Лаваль отказался дать ответ на какое-либо из данных предложений: совет министров, как сказал он, зашел уже слишком далеко. Он заявил Литвинову, что был «совершенно равнодушен» к судьбе возможного пакта. Своим же помощникам он сказал, что чувствовал себя

«загнанной собакой» после переговоров с Литвиновым и Потемкиным. Из-за того, что Лаваль отказался поддержать гарантийный договор для Прибалтики, Литвинов отказался дать взаимные обязательства по безопасности Бельгии, Швейцарии и демилитаризованной Рейнской зоны. «Только так можно было склонить Францию к незамедлительному согласию», — позднее объяснял он⁹. Советский Союз предлагал реальные шаги, в отличие от Франции. От первоначального варианта договора почти ничего не осталось, когда Лаваль и французские дипломаты предложили свой вариант, написанный с учетом процедур Лиги Наций, без условия обязательной и автоматической взаимной помощи и без военной составляющей.

Даже после того как Лаваль согласился подписать с Литвиновым такой вариант 17 апреля, Кэ д'Орсэ попыталось смягчить язык документа¹⁰. Потемкин, после консультации с Эррио, выдвинул решительные возражения, и Лаваль, видимо, уже не столь равнодушный судьбе этого договора, немного отступил. В Москве раздраженное Политбюро или, вернее сказать, Сталин были готовы уже заявить, что СССР может обойтись и без соглашения с Францией. Политбюро посоветовало Потемкину не торопить события, поскольку Кремль может не приять французский вариант. «Мы не хотим создать иллюзию, что нуждаемся в договоре больше, чем французы...», — говорилось в телеграмме. Чтобы продемонстрировать свое недовольство, Кремль отозвал Литвинова из Женевы¹¹. По мнению Лавалья, это была небольшая размолвка, однако французский посол в Москве Шарль Алфан справедливо полагал обратное. Отмечая раздражение советского руководства, он предупреждал Кэ д'Орсэ, что Сталин может прекратить переговоры¹². Подписание договора оказалось в подвешенном состоянии. Предшественник Потемкина в Париже В. С. Довгалецкий однажды сказал, что во время переговоров с французами им никогда нельзя доверять, даже если ведется стенограмма¹³. Его слова нашли подтверждение в 1935 г., когда Литвинов вернулся в Москву для встречи членами Политбюро 22 и 23 апреля, чтобы снять их раздражение. Его аргумент был таков: лучше иметь рамочное соглашение о взаимопомощи, чем никакого вообще. Однако во Франции и за ее пределами у договора было очень мало сторонников. В их числе Литвинов мог назвать консервативного политика Жоржа Манделя и еще нескольких человек. Даже Эррио,

ранее поддерживавший улучшение отношений между двумя странами, занял двусмысленную позицию. Против пакта были настроены Англия, Италия, Германия и Польша. В итоге получилось рамочное соглашение, которое, среди прочего, препятствовало возникновению в Европе антисоветского блока и не допускало объединения Франции и Германии. Последнее невольно вызывает иронию, ведь французы использовали аргументацию от противного: оправдывая свое участие, они говорили, что тем самым не дают объединиться Сталину и Гитлеру. «Наша безопасность, — по словам Литвинова, — находится, в первую очередь, исключительно в руках Красной армии. Для нас договор имеет, в основном, политическое значение, уменьшая вероятность войны не только с Японией, но также с Польшей и Японией». Поэтому 2 мая 1935 Потемкин подписал договор вместе с Лавалем. Позднее он не раз говорил: «Нам нужно было хоть что-то подписать»¹⁴.

На следующий день, 3 мая, узнав о подписании франко-советского договора, министр иностранных дел (а вскоре — президент) Чехословакии Эдуард Бенеш позвонил советскому дипломатическому представителю в Праге С. С. Александровскому, чтобы обсудить некоторые вопросы в связи с заключением франко-советского и возможностью заключения чешско-советского соглашения¹⁵.

Бенеш попросил включить в будущий документ два пункта: 1) Чехословакия не обязана помогать СССР в случае возникновения советско-польской войны, и 2) договор действует в рамках Локарнских соглашений 1925 г. Литвинов снова посоветовал Сталину согласиться, ведь французы приняли эти пункты, и было бы трудно избежать их выполнения. По словам дипломата, он уже информировал Бенеша, что эти два пакта не идентичны, ибо Чехословакия не подписывала соглашения в Локарно. В ответ он услышал: «Советский Союз может оказать помощь только в случае, если подобную помощь также предоставит Франция». Советский Союз не имел общей границы с Германией, и в случае войны Чехословакия могла быстро проиграть, пока Франция начнет борьбу с Германией. Несколько позднее Бенеш говорил своим французским коллегам, что им руководило желание не брать большие, чем у Парижа, обязательства в отношении Москвы. Наличие ссылки на Локарно способствовало дальнейшему ограничению чешских обязательств. Как и Лаваль, Бенеш хотел,

чтобы договор был бы направлен только против Германии, но не Польши. По словам Литвинова, это представляло опасность, ибо Чехословакия в случае польской агрессии могла обнаружить, что у нее нет союзников и поэтому будет «раздавлена». Чехословацкий дипломат согласился, что наблюдение Литвинова ценно и обещал над ним подумать, но глава советской дипломатии сомневался, что чехословацкое правительство изменит свою позицию. Как Литвинов сказал Потемкину, чехословаки хотели те же «узкие условия», как и французы, и это обстоятельство «заставляет нас быть осторожными»¹⁶.

4 мая Политбюро приняло текст договора, но с оговоркой: СССР окажет помощь жертве агрессии только при условии, что аналогичную помощь окажет Франция¹⁷. Последняя не стремилась к заключению договора, чехословаки не желали заключать договор без Франции, а СССР — без условия предварительной французской помощи Праге. Таким образом, роль Парижа была решающей. Если он не оказывал помощи, Прага оставалась один-на-один с агрессором. Таким образом, оба договора 1935 г. были основой будущего Мюнхенского кризиса 1938 года.

16 мая, после того как Лаваль в Москве встретился со Сталиным, Литвиновым и другими членами Политбюро, Бенеш подписал чехословацко-советское соглашение. Всем, кто помнил его нежелание подписывать договор, было удивительно предложение главы французского МИДа начать консультации начальников штабов, необходимые для оказания двусторонней помощи Чехословакии в случае немецкой агрессии. Поскольку СССР не имел общей границы с Германией, вставала также проблема прохода Красной армии по территории Польши и Румынии. Поляки ни при каких условиях не допускали советские войска на свою территорию советские войска, храня память о прежних обидах. Напротив, румыны были открыты для сотрудничества. Румынский министр иностранных дел Николае Титулеску поддерживал хорошие отношения со своим советским коллегой и был сторонником советско-французского договора о взаимопомощи. Когда подписание последнего зашло в тупик, он использовал свое влияние, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Титулеску говорил Литвинову, что если бы советско-французский договор о взаимопомощи не был бы подписан, Гитлер одержал бы полную победу, и влияние Германии не имело бы границ. Провал советско-

французских переговоров неизбежно вызвал бы тяготение Дунайских правительств к Берлину¹⁸.

Титулеску зашел настолько далеко, что сказал: «Малые страны должны определиться, в каком они лагере: вместе с фашистами или в «коллективной безопасности». Он, как оказалось, симпатизировал последнему и обсуждал договор о взаимной безопасности с Литвиновым и даже советовал румынскому королю Каролю согласиться на его подписание. Но у него была своя задача: сохранить за Румынией Бессарабию, которая была отнята у слабой тогда Советской России в 1918 году. В случае военного сотрудничества и продвижения советских войск через Бессарабию Красная армия покинет ее по первому же требованию Бухареста, и этот факт, как заверил его Литвинов, де-факто будет признанием суверенитета над данной территорией. Однако румынский дипломат потребовал вначале юридически оформить права Румынии на Бессарабию, а затем рассматривать вопрос о прохождении советских войск для помощи Чехословакии. Тем самым возможный советско-румынский договор, как и пакт с Чехословакией, не рассматривал Польшу в качестве потенциального агрессора¹⁹.

Как французы и чехословаки, так и Титулеску обещал лишь частично выполнить требования советской стороны и требовал от нее полного исполнения своих. Как он сказал: «Наше географическое положение относительно Советов требует серьезно расценивать события как в России, так и в Германии. Вне зависимости от того, сколь долго продлится обмен мнениями между руководством Советского Союза и нашими дипломатами, наше положение требует, чтобы мы ни принимали и не отклоняли идею соглашения о взаимопомощи с Советами». Титулеску также посетовал Литвинову на то, что поляки давят на него. Варшава решила, что румыно-советское военное соглашение идет вразрез с румыно-польским договором от 1920 г., который был направлен против Москвы²⁰. Поэтому у самого Титулеску были проблемы. По его словам, Польша и Лаваль не меньше короля Кароля желали «сломать его шею». Когда советско-румынские дискуссии о возможности прохождения Красной армии могли стать достоянием гласности, Литвинов согласился с предложением Титулеску дать опровержение, чтобы успокоить «болтовню» в румынской прессе. Более того, правые политики были очень влиятельны, и Титулеску (по замечанию Алфана, которое он высказал

советским представителям) был единственным, кто мог не допустить сдвига во внешней политике Румынии²¹.

В то же время Лаваль предложил как можно быстрее ратифицировать договор о взаимопомощи, но не ранее, чем он вернется в Париж, где (как полагал Литвинов) Титулеску сможет помочь прояснить, что хотят на Кэ д'Орсэ²². Таким образом, у Сталина и его окружения были дополнительные (помимо марксистско-ленинских идей о неизбежности войны между капитализмом и социализмом) причины сомневаться в своих предполагаемых «союзниках».

Своеобразное резюме французского отношения к СССР было дано в форме политической карикатуры на страницах одной норвежской газеты. На ней изображен дородный большевик в буденовке времени Гражданской войны в России, схватил белокурую невинную Марианну, увлекая ее вместе с пажом в свадебную карету. «Вы довольны?» — спрашивает большевик. — «Да, — отвечает Марианна, — и я была бы более счастлива, если бы не ненавидела вас»²³.

Реакция Лондона на подобный «брак» также была далекой от оптимизма. Помощник британского министра иностранных дел Орм Гартон Сарджент полагал, что «в данном договоре о взаимопомощи именно Россия получила выгоды, а Франция взяла на себя практические обязательства. Раз так, то мы должны снять шляпы перед М. Литвиновым за его очень мудрую и успешную дипломатию, где он блефом и запугиваниями довел французов до паники и заключил выгодную только для себя сделку»²⁴. Действительно, договор был выгоден только для одной стороны, но отнюдь не в той мере, как представлял себе Сарджент. Литвинов был «в ярости» на Лаваль за то, что тот ослабил текст соглашения и отправил «сердечные поздравления» с подписанием документа лишь для того, чтобы избежать обострения ситуации. Официальные лица с Кэ д'Орсэ полагали, что только временное соглашение может оставить для них открытой дорогу в Берлин. Французский Генштаб возражал против углубления сотрудничества: Париж заключил много союзных договоров с другими странами, и «не было особых причин» заключать еще один с Советским Союзом! Весьма интересное заявление для страны, которая остро нуждалась в мощных союзниках. Но Генеральный штаб не хотел дать Германии повод для ввода войск в демилитаризованную Рейнскую зону или Польшу,

поддерживая гитлеровский тезис о «русской опасности»²⁵.

Беспокойство Сарджента, таким образом, не имело причин, хотя не все в Форин Офис разделяли его мнение. Советник министра иностранных дел Роберт Ванситарт полагал иначе. Но даже он отмечал, что Литвинов был «помешан» на немецкой угрозе, которая порой была направлена лично против Ванситарта²⁶. Более того, британское правительство по настоянию Ванситарта в марте 1935 г. отправило в Москву лорда — хранителя печати Антони Идена. Его переговоры со Сталиным, Литвиновым и другими советскими руководителями, проходившие в атмосфере взаимного желания улучшить отношения, были успешны. Однако на пути реализации советской идеи союза против нацистской Германии были проблемы. Польша, накопившая столетия претензий к своему восточному соседу, выражала неудовлетворенность итогами советско-польской войны 1919–1920 годов. В то же время и отношения между Варшавой и Прагой были весьма напряженными из-за того, что последняя не оказала ей помощи летом 1920 года.

Польша играла важнейшую роль во французской концепции «санитарного кордона». Ей надлежало остановить большевизм и сменить Россию в роли противовеса Германии. Неожиданным ударом для франко-польских отношений стало подписание Польшей и нацистской Германией пакта о ненападении в январе 1934 г. Луи Барту, занимавший тогда пост министра иностранных дел, оценивал польско-немецкий пакт в мрачных тонах и, если потребуется, даже был готов расторгнуть отношения с Польшей во имя сближения с СССР²⁷. Однако этого, из-за позиции Лавалья или французского Генерального штаба, не произошло.

Со своей стороны Литвинов пытался улучшить отношения с Францией и Польшей. С этой целью в середине февраля 1934 г. он встретился с польским министром иностранных дел Йозефом Беком, чтобы объяснить собеседнику позицию Москвы, как это часто бывало в 1930-х годах. Литвинов считал, что гитлеровская Германия является угрозой европейской безопасности, которая в конечном итоге обернется против Речи Посполитой. Лучше верить тому, что написано в «Майн капф», чем успокаивающим речам Гитлера, призванным обезоружить его противников. «Не ошибитесь, — говорил Литвинов, — Гитлер склонен к войне и территориальной экспансии, и Польша обязательно

станет его целью. Немецко-польский пакт — это тактический маневр, чтобы дать Гитлеру время для реализации среднесрочных задач». Бек отвечал с обычной самоуверенностью, которая так раздражала Литвинова: Польшей руководит не «слабое сезонное правительство»; его стране ничего не угрожает; в среднесрочной перспективе нет угрозы войны в Европе. Аналогичный разговор был у Литвинова с польским послом в Москве Юлиусом Лукашевичем, который заявил, что не может понять причин беспокойства Советского Союза в отношении нацистской Германии. В ответ советский нарком напомнил об уязвимости страны: «Каждый раз, когда Польша делает шаг вперед, она вынуждена поспешно отступать». Встречи между двумя дипломатами были особо напряженными в июне 1935 г., когда обсуждался вопрос о советско-чехословацком соглашении о взаимопомощи. Лукашевич спрашивал о намерениях сторон, ибо вследствие «географических обстоятельств» СССР не имел общей границы, ни ЧСР, ни с третьим рейхом, вследствие чего договор «повисал в воздухе». «География, — говорил ему Литвинов, — хорошо известна обеим подписавшим документ сторонам, и, тем не менее, они считают договор удовлетворяющим их интересам»²⁸.

Польский посланник был не так уж не прав, называя советско-чехословацкий договор «подвешенным в воздухе». То же выражение использовал Бенеш, но по другой причине: правительства СССР и Чехословакии ратифицировали соглашение, но выполнить его было можно только при участии Франции, которая его не утвердила. Поэтому Бенеш согласился, что давление на Лавалю, если оно и было, оказалось безрезультатным²⁹. Чехословакия начинала расплачиваться за былую одностороннюю ориентацию на Францию.

Почему же такой опытный политик, как Сталин, согласился принять весьма сомнительный договор с Чехословакией? Литвинов убедил его, что это был необходимый первый шаг для защиты Европы от нацистской Германии. Он говорил Сталину то же, что и зарубежным дипломатам: Гитлер продолжает сопротивляться любым попыткам организации коллективной безопасности потому, что главная цель его политики, в соответствии с «Майн кампф», — концентрация силы и подготовка к агрессии на юго-восточном, а затем — восточном направлениях. При подобных условиях нет причин верить гитлеровским обещаниям о разоружении. «Мы

поэтому требуем... чтобы в переговорах с Германией было сделано все возможное, чтобы не дать Гитлеру повод интерпретировать любое соглашение как подтверждение его идеи разделения Европы на части, каждая из которых не может гарантировать мира, что побуждает одну часть к агрессии против другой»³⁰.

Другими словами, мир был «неделимым»: если он нарушался в одной части Европы, следовало его нарушить и в другой. Отсюда возникала еще одна проблема: безопасность Чехословакии, ибо французский и британский кабинеты не были готовы принять этот принцип. Например, Сарджент возмущался (как он их называл) попытками Литвинова сузить британские полномочия. По наблюдению помощника британского заместителя министра иностранных дел: «Настоящий оппонент, с которым нам приходится иметь дело, — это Литвинов, который будет сильно бороться за сохранение принципа одновременности во всей его полноте...»³¹. В британском Форин Офисе и на набережной Кэ д'Орсэ было сильно желание сотрудничать с нацистской Германией и не мешать ее экспансии на Восток.

Именно Англия первой начала сближение с Гитлером, подписав 18 июня 1935 г. морское соглашение, которое застало врасплох и Париж, и Москву. «Великобритания упустила очевидное преимущество, — отозвался на это событие острый на язык И. М. Майский, — как жадный мальчишка, который украл со стола кусок пирога. В результате, у него наверняка будет изжога»³². По замечанию Литвинова, Англия сыграла на руку Гитлеру. Французы говорили о предательстве. Каждый из них — в отношении своей страны к англо-немецким письмам — говорил правду. Это был еще один шаг, противный безопасности Чехословакии.

Между тем, Лаваль отправил соглашение о взаимопомощи в Национальную Ассамблею, где оно пролежало несколько месяцев без представления от имени правительства. По мнению Потемкина, проволок были вызваны некими подспудными мыслями Лавали и боязнью протеста со стороны Германии³³. Литвинов заметил, что французский премьер мог использовать ратификацию договора как «козырь в переговорах с Германией», а его нетерпеливость была показной. Когда французский посол Алфан встретился с Литвиновым, чтобы пожаловаться на недостаточное активное развитие культурных связей, намекая на дело «Камеди франсез», советский

нарком заявил, что был бы рад способствовать разрешению этой проблемы после ратификации пакта о взаимопомощи. Он сказал, что не хочет превращать в комедию фiasco-советские отношения. Несколькими неделями позднее в Женеве он же выразил свое недовольство Лавалю, который зачитал документы о деятельности коммунистов во французских колониях. Таким образом французский лидер хотел отвести внимание советской стороны от европейской политики. Литвинову вся ситуация напомнила переговоры с неуживчивым британским министром иностранных дел Керзоном в начале 1920-х. «Я надеялся, — писал Литвинов, — что уже прошли те времена, когда Керзон и ему подобные могли утверждать, что если бы советского правительства не существовало, в Индии и других колониях не было бы недовольства и антиправительственных выступлений»³⁴.

Даже некоторые чиновники Форин Офис признавали, что критика из уст советской «пропаганды» была верным знаком надвигающейся беды. «Придавая слишком много внимания статьям, манифестам, декларациям, пророчествам и прочему, исходящему от Москвы, — признавался один клерк, — мы рискуем выглядеть также нелепо, как и ответственные за эту пропаганду»³⁵. Советская «пропаганда» была проблемой не только для Лавалю, но и для Литвинова. Ее корни лежат в Коммунистическом Интернационале, который был создан в 1919 г. для распространения мировой революции и защиты Советской России от иностранной интервенции. После ее завершения и окончания гражданской войны в 1921 г. Коминтерн постепенно терял *raison d'être* как единственный инструмент советской внешней политики. Термин «пропаганда», использовавшийся европейскими политиками, мог означать что угодно: агитацию во французских или британских колониях или Китае, статьи советских газет и даже плакаты на митингах 7 Ноября. Пропагандой называлась также и публичная риторика советских лидеров по вопросам внутренней политики. Однако существовал другой, секретный язык, который использовался внутри Народного комиссариата иностранных дел, основанный на терминах реальной политики, военных и экономических расчетов. Таким образом, общеупотребимый язык советской власти, обрамленный формулами из марксизма-ленинизма противоречил «секретному языку» НКВД. Даже Литвинов, как того и следовало ожидать, на публике говорил

«по-большевицки», а в узком кругу — на «языке реальполитик». В течение 1920-х годов он часто критиковал агентов Коминтерна и советских «ораторов» за вмешательство в вопросы внешней политики и неподобающие (для публичной дискуссии) комментарии, которые наносят ущерб интересам СССР за рубежом. В 1935 г. он выступил с предупреждением о тональности радиовещания на иностранные государства, которое могло легко перейти от «информирования» к пропаганде. Тем самым он призывал держать партийных бойцов на коротком поводке. Иностранные дипломаты порой констатировали презрение наркома к Коминтерну. Перефразируя известную советскую эпиграмму, он однажды заявил, что десять коммунистов-иностранцев не стоят даже одного советского трактора. Даже Сталин отмечал равнодушие главы своей дипломатии к «революционным» доводам³⁶.

В середине 1930-х годов Коминтерн боролся за «коллективную безопасность» и поддерживал левоцентристские политические коалиции (Народные фронты) во Франции и Испании. Однако вместо улучшения отношений СССР с западными державами, произошло обратное. Лаваль отмечал, что вхождение в Народный фронт — это признание коммунистов *де-юре*³⁷. По его мнению, подобные коалиции превратили последних в грозных политических соперников, имевших некоторые успехи на выборах, что усилило нападки на советскую «пропаганду», не причастную к успехам СФИО. Атаки на советский агитпроп усилились после того, как западные дипломаты попросили Сталина прекратить революционные призывы — то, чего он не мог сделать.

К осени 1935 года «антисоветская роль Лавалю, — как говорил Литвинов, — становилась все более и более очевидной». Ратификация многостороннего договора о взаимопомощи, несмотря на соответствующее заявление Лавалю, сделанное Титулеску, уже в ноябре было под сомнением из-за развязанной против того кампании в правоконсервативной прессе. Несколько позднее советский нарком узнал, как в беседе с югославским премьер-министром его французский коллега назвал договор «мертвым». «Он не скрывает ни от нас, ни от других, — заметил Литвинов, — что призывает немцев гарантировать безопасность Чехословакии. Подобная гарантия означает, что Германия получает карт-бланш для действий на востоке»³⁸. В действительности Лаваль не хотел привлекать немцев и поручил

послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе договориться о встрече с Гитлером. Литвинов сказал французскому послу в Москве, Шарлю Алфану, что из этого вряд ли что выйдет, кроме подмоченной репутации премьер-министра. Алфан ответил, что, к сожалению, франко-советские отношения находятся в зависимости от внутренних проблем Третьей республики. Сообщения о деятельности советской пропаганды во французских колониях стали достоянием гласности в связи с недавними выборами в Сенат. По мнению правых партий, правительственная коалиция с коммунистами не сможет удержать власть, не эксплуатируя страх перед беспорядками, намекая на Народный фронт, созданный для выборов 1936 года³⁹. Советник британского министра иностранных дел Ванситарт заявил послу СССР в Великобритании Майскому, что «флирт Лавалья с Германией» зайдет в никуда; посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе также критиковал Лавалья за то, что он отдаляет от Франции потенциальных союзников⁴⁰.

Напротив, слова французского премьер-министра в разговоре с Потемкиным шли вразрез с другими источниками Москвы. Глава правительства проинформировал посла о беседах Франсуа-Понсе с Гитлером. Если верить Лавалю, и Франция, и Германия желали улучшить отношения, но, к сожалению, на этом пути стоял франко-советский пакт. Это звучало как «попытка подготовить нас к отказу от договора...». Советский посол в Париже В. П. Потемкин полагал, что Лаваль в данном случае опустил до шантажа: либо Москва прекратит поддерживать развязанную Народным фронтом кампанию против него (премьер-министр полагал, что для этого Сталину надо сказать лишь одно слово), либо договор не будет ратифицирован. Читатель, который сомневается в истинности слов Потемкина, может сравнить его мнение с тем, что говорили Лаваль и Франсуа-Понсе своим немецким собеседникам. «Как вы думаете, когда нам обмануть большевиков: сегодня или завтра?» — шутил Лаваль с немецким послом в Париже⁴¹. Не были ли эти слова прологом к плану «Гельб»? Неизвестно. Но, как бы то ни было, Литвинов сделал правильный вывод: «Лаваль уже показал, как легко можно превратить даже договор о взаимопомощи в мусорную бумагу». Как ранее заявил советский нарком французскому журналисту, «Сталин... был разочарован моральной слабостью французской политики»⁴². Французы могли возразить, что он не имел права

читать им нотацию о «моральности» в политике, но он, как и многие другие, лишь отразил свое ощущение слабости и ненадежности Франции как союзника. Это подозрение основывалось не на идеологических предпочтениях советского лидера, а на опыте отношений с Третьей республикой.

Тем не менее, несмотря на то, что Москву один за другим покидали все ее партнеры, советское руководство не отказывалось от антигерманского союза. Литвинов попытался улучшить отношения с Соединенными Штатами. В ноябре 1933 г. он прибыл в Вашингтон, чтобы рассеять старые обиды и очертить перспективы будущего сотрудничества, заключив «джентльменское соглашение» с новым президентом Франклином Рузвельтом. Но Государственный департамент воспринял данное соглашение как нежеланного ребенка, который вскоре умер⁴³. Литвинов даже пытался включить в коалицию Италию, но имперские амбиции Бенито Муссолини относительно Абиссинии смешали все карты. В планах Литвинова по формированию и активизации антигерманского сопротивления фигурировала также Лига Наций⁴⁴. Поэтому секретные переговоры французского премьера и британским министром иностранных дел об уступке Муссолини большей части Абиссинии в декабре 1935 г. вызвало гнев советского наркома: Лаваль «показал себя врагом всей системы коллективной безопасности, включая Лигу Наций... если он еще продержится у власти, от предыдущего внешнеполитического курса Франции ничего не останется»⁴⁵.

Январь 1936 года принес Литвинову хорошую новость: Лаваль был вынужден уйти в отставку после того, как в прессу просочились сведения о переговорах касательно северной Эфиопии. По иронии судьбы, в этих переговорах мог принять участие и Литвинов, если бы они не ослабляли Лигу или коалицию, которую тот пытался создать. Отсутствие Лавалья, как полагал Литвинов, поможет улучшить франко-советские отношения, ведь Национальная ассамблея, несмотря на сильные критические замечания из Палаты депутатов и Сената, все же ратифицировала договор с СССР в феврале–марте 1936 года.

Дискуссия была ожесточенной, и Литвинов полагал, что советская пресса должна показать угрозу для Франции, процитировав «Майн кампф», где та названа «традиционным врагом Германии», и гитлеровская Германия будет мстить всем своим соседям: и Франции, и,

особенно, Чехословакии. Литвинов также пытался получить от Сталина согласие на то, чтобы предупредить французского премьер-министра о неудовлетворенности Советского Союза «необоснованными нападениями» со стороны Палаты депутатов, и в то же время просил руководство Коминтерна увеличить финансирование французской социалистической прессы. Однако Москва не собиралась тратить деньги понапрасну. Пытаясь «пробудить» французов, нарком опасался, что Гитлер, если узнает о советских корнях левых французских изданий, непременно воспользуется этой возможностью против СССР⁴⁶.

Поэтому отставка Лавала пришлось к стати. Антигерманский союз, который пытался создать Советский Союз, никого не интересовал. Великобритания вскоре удалилась от этой идеи. В декабре 1935 г. британским министром иностранных дел стал Энтони Иден. В Москве это считали хорошей новостью, поскольку Литвинов считал его сторонником улучшения отношений с Москвой. Как оказалось, Иден не был другом СССР. В феврале 1936 г. он остановил улучшение англо-советских отношений. Московская пресса, как оказалось в будущем, необдуманно, опубликовала статью об условиях жизни британских рабочих. Иден был в ярости: «Эта статья обвиняет меня в том, что я избегаю Майского и правительства, которое он представляет. Мы хотели бы иметь более хорошие отношения, но любое улучшение с правительством, которое так поступает, совершенно неприемлемо»⁴⁷. В статье говорилось о сильных антикоммунистических настроениях британской элиты и слабости англо-советского сближения. Эти слова, наверное, имели под собой почву, если какая-то легкомысленная публикация в советской газете, написанная на русском языке, имела такой эффект на Идена, который встречался со Сталиным всего 11 месяцев назад.

В Москве поначалу не замечали перемен в английской дипломатии, но вскоре советскому правительству пришлось столкнуться с другими проблемами. 7 марта Гитлер приказал войскам войти в Рейнланд, на что Париж и Лондон отреагировали только выражением протеста. Помнил кто-либо на Кэ д'Орсэ о предложенных Литвиновым ранее гарантиях безопасности демилитаризованной Рейнской зоны? Мандел, который стал регулярным информатором советского посольства, говорил, что на грядущих выборах в парламент никто из кандидатов не сможет занять твердую позицию в отношении Герма-

нии. Эррио полагал, что коммунисты и социалисты, возможно, могут завоевать места, равно как и правые. Он говорил, что его соперник из Радикальной партии Эдуард Даладье может сформировать кабинет. Он предупреждал и Потемкина, что Даладье в глубине души не любит коммунистов и разделяет «германофильство» Лавала. Для Эррио прогерманская ориентация не имела смысла: европейскую безопасность можно гарантировать только союзом Парижа, Москвы и Лондона. Без него невозможно обеспечить мир. Проблемой, по мнению Литвинова, была «вялость» Эррио, который не мог вести жесткую линию в отношении правых. Когда Народный фронт, как и говорил Эррио, все же выиграл весенние выборы, Литвинов обеспокоился, как бы успехи левых (особенно, Французской коммунистической партии) не спровоцировали движение к фашизму⁴⁸. Ничто не предвещало провал коллективной безопасности и падение Чехословакии.

Худшее было впереди. 17 июля против правительства испанского Народного фронта поднялся вооруженный мятеж, который вскоре возглавил генерал Франсиско Франко. Так началась кровавая гражданская война, которая продлилась до марта 1939 г. Это была борьба идеологий: правые против левых, фашисты против коммунистов. Британский кабинет, обеспокоенный французским Народным фронтом, был взволнован распространением коммунизма в Испании, а затем — во Франции. Новоизбранное правительство под руководством Леона Блюма могло пойти на помощь испанским «республиканцам», что и было его первым побуждением. Но Блюм опасался, что и во Франции разразится гражданская война. Поэтому Великобритания и Франция перешли к политике «невмешательства», в то время как фашистская Италия и нацистская Германия активно вмешались и поддержали Франко.

Единственным вопросом была позиция Советского Союза. Как и победу Народного фронта во Франции, Литвинов рассматривал гражданскую войну в Испании как угрозу «коллективной безопасности». Так растаяла его смутная надежда на потенциальный союз с Италией, который мог угрожать отношениям с Францией и Англией. Литвинов пытался проводить осторожный курс, принимая англо-французскую политику невмешательства и соглашаясь войти в состав комитета невмешательства, чтобы воспрепятствовать проникновению в Испанию иностранных оружия и солдат, которые подо-

греют конфликт. Конечно, как вскоре признался сам Литвинов, невмешательство было фарсом, поскольку Германия и Италия согласились поддерживать «националистов».

Политика невмешательства привела Сталина в ярость, и он приказал направить в Испанию оружие, амунисию и военных советников, чтобы помочь Мадриду победить «фашистских мятежников». Эта помощь вызвала недовольство в Париже и Лондоне, которые не хотели распространения большевистской революции на Испанию. Генеральный секретарь французского МИД Алексис Легер угрожал советскому повременному в делах расторжением недавно ратифицированного договора о взаимопомощи, если Москва будет продолжать активно вмешиваться в события в Иберии. Неизвестно, был это блеф или нет, но Литвинов был обеспокоен развитием событий и в сентябре добился санкции Сталина на проведение нескольких демаршей с целью укрепить коллективную безопасность. Осенью он также попытался придать советской политике на Пиренеях менее агрессивный характер. Но эта попытка встретила отпор и в Москве, и (от Майского) в Лондоне. На шести встречах со Сталиным в конце октября и в начале ноября Литвинов пытался убедить Генерального секретаря в том, что советское оружие создало в Испании неустойчивое равновесие, которое могли легко нарушить Германия и Италия, находившиеся в более оптимальных условиях. Дальнейшее вмешательство и попытка закрепить баланс сил может только спровоцировать контрмеры с противной стороны. Советский Союз не может этого допустить. Не имея средиземноморского флота и вдали от сухопутных границ Испании, Москва «не может изменить ситуацию», пока Англия и Франция не сменят свой внешнеполитический курс⁴⁹. Гражданская война в Испании не была напрямую связана с границами Чехословакии. Однако, если бы франко-советские отношения и далее ухудшались из-за вмешательства последней в дела на Пиренеях, последствия для Праги были бы катастрофическими.

В первые месяцы разразившейся в Испании войны пришла еще одна плохая новость, которая осталась почти незамеченной. Из-за политических интриг и критики за просоветскую политику в конце августа 1936 г. ушел в отставку румынский министр иностранных дел Титулеску. В начале года он продолжал обсуждать советско-румынский договор о взаимопомощи с послом СССР в Бухаресте М. С. Островским,

но он не смог прийти к соглашению, что делать, если Великобритания и Франция не поддержат договор о коллективной безопасности. Падение Титулеску было еще одним ударом по политике Литвинова и безопасности Чехословакии, вызвав новые опасения в Москве⁵⁰.

Обеспокоенность проявляли и французы. В сентябре министр иностранных дел Третьей республики Ивон Дельбос встретился с преемником Титулеску Виктором Антонеску в Женеве, чтобы получить представление о будущих направлениях румынской дипломатии. По словам Дельбоса, у него сложилось впечатление, что Литвинов согласен де-юре признать суверенитет Румынии над Бессарабией в обмен на договор, который предоставит Красной армии возможность прохода по румынской территории в случае немецкой агрессии против Чехословакии. Антонеску ответил уклончиво: вопрос был «очень деликатным» и должен решаться королем и премьер-министром. Поль-Бонкур, который присутствовал на встрече, упрекнул своего коллегу: «Румыния хочет получить все, но не хочет ничего отдать взамен». Дельбос объяснил, что он убедил Литвинова смягчить позицию по Бессарабии, но только в обмен на указанное соглашение о праве прохода, иначе невозможно будет исполнить договор о взаимопомощи с Чехословакией. Как объяснил ему Антонеску, Румыния не пойдет на соглашение, если «заранее не будет иметь эффективную [французскую] поддержку». Что же до отношений с Советским Союзом, «общественное мнение стало более и более антикоммунистическим и враждебным к союзу с Советами». Свою обеспокоенность ростом антисоветских настроений в Румынии выразил своему французскому коллеге также советский посол Островский. Гражданская война в Испании и французский Народный фронт, как заявлял румынский посланник в Москве, даже в Бухаресте вызвали опасения касательно распространения коммунизма. Улучшение отношений с Советским Союзом всегда вызывало огонь критики со стороны румынских правых, которые (вместе с фашистскими движениями) набирали мощь⁵¹. Литвинов попытался развеять эти опасения, убедив Генерального секретаря МИД Франции Легера и других чиновников с Кэ д'Орсэ и в Лондоне, что Советский Союз не заинтересован в распространении большевизма в Испании, где фактически велась борьба против радикализма. В ноябре с французскими дипломатами встречался Потемкин, чтобы обсудить

переговоры между генеральными штабами. Он поделился с французским политическим деятелем Дельбосом информацией от советского военного атташе в Берлине о слабости французской обороны у Страсбурга. По его наблюдению Чехословакия и Франция были уязвимы при нападении немцев, и «Франция ни в коем случае не может чувствовать себя в безопасности». Когда Дельбос ответил, что он передаст далее информацию об уязвимых местах французской обороны, Потемкин сказал, что следует подумать не только об обороне, но также о «более активном плане» противодействия потенциальному нападению Германии на Чехословакию. Как сказал советский посол, Германия готовилась к войне и пыталась устроить французских союзников, чтобы деморализовать и разбить их по одиночке. Об этом же говорил Титулеску. Дипломат указал на очевидное: отсутствие общей франко-советской границы и необходимость переговоров начальников штабов обеих стран, чтобы разрешить «серьезные технические проблемы» военного взаимодействия двух стран⁵².

Действительно, существовали «серьезные технические проблемы», но куда более серьезными были противоречия в политике. Они возрасали в силу продолжающегося сопротивления внутри правительства и генштаба. Блюм, как и министр авиации, выступали за продолжение переговоров, но Даладьё, начальник Генерального штаба генерал Морис Гамелен и другие были против. Более того, политическая атмосфера во Франции была очень едкой, спровоцированной опасениями войны и революции, исходивших от правых партий, и были усилены поддержкой испанского республиканского правительства французскими коммунистами.

Проблема заключалась не только в Даладьё и Гамелене. Литвинов предупреждал Потемкина не слишком торопить переговоры штабов. «Авторитетные товарищи, — говорил он, имея в виду Сталина и его ближайшее окружение, — также заинтересованы в том, чтобы приостановить прямые переговоры и не приступать к ним, пока не последует инициатива с французской стороны... Мы имеем абсолютно достоверную информацию, что высшее французское командование полностью против франко-советского соглашения, о чем открыто говорит»⁵³. Говоря о ярых критиках, Литвинов имел в виду генерала Анри Жиро, но вместе с ним можно было бы упомянуть генералов Гамелена, Жеродье, Жоржеса, Дебени, Швейсгута и прочих. Они опасались

коммунистической пропаганды в армии, всеобщих забастовок, мятежей, городских восстаний и других ужасов. Литвинов был лаконичен и, вероятно, уже прочел перехваченное сообщение британского военного атташе в Париже Фредерика Бомон-Несбитта, в котором говорилось об открытой критике франко-советского соглашения генералом Жиро⁵⁴.

Во французском правительстве, несмотря ни на что, предпринимались попытки продвигаться вперед. В декабре 1936 г. Блюм информировал Потемкина, что состоялась очередная встреча Гамелена и министров, чтобы обсудить «необходимые меры в связи с приближающимся вооруженным конфликтом». «Наиболее угрожающим в Европе было положение Чехословакии, — сказал Блюм. — Было решено, что мы должны, не теряя времени, разработать конкретный план обороны». Франция должна мобилизовать силы и отправить помощь, чтобы усилить чешскую ПВО. В этой связи было важным знать, будет ли Советский Союз в полной мере исполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии. Ключевым здесь, заключили политики, является координация военных действий трех стран. Это хорошо звучало, но продвинулись ли переговоры военных? «В отношении Даладьё, — сообщал Потемкин, — сам Блюм говорил мне, что этот человек глубоко враждебен нам, и нам не надо принимать его в расчет»⁵⁵.

Осторожность стала главным правилом в Москве, хотя в начале 1937 года состоялись консультации между советским военным атташе в Париже и руководством французского Генерального штаба. Даладьё и его подчиненные придерживались тактики проволочек, стараясь при этом не оскорблять Москву⁵⁶. Блюм и министр авиации Кот продолжали искать возможность, чтобы преодолеть сопротивление, но в мае они столкнулись с сопротивлением из Лондона, где Иден встал между Дельбосом и Лергером, чтобы заблокировать переговоры. Французы защищали себя, называя свою политику «половиной пути домой»: не обидеть Советский Союз и подготовить улучшение его отношений с Германией. Иден был настроен более критически: «Для многих из тех, кто не желал и опасался советского влияния в Европе, углубление франко-русского взаимодействия воспринималось как серьезное ограничение свободы действий французского правительства в европейских делах». Комментарий Идена выглядит интересно, если учесть, что англичане сами пытались сузить

«свободу действий» Франции, о чем им уже говорил Потемкин. Иден также желал не разрывать отношений с Берлином и хотел заключить новое соглашение, «Западное Локарно» — как раз то, чего опасался Литвинов. В заключение, когда дело коснулось обороны Чехословакии — «важнейшей французской цели», — Дельбос заявил: «Мы не оставим Чехословакию. Мы не можем сделать этого, если только не исчезнем из Европы как первая по мощи европейская держава». Это пророчество оказалось верным, но вмешательство Идена не прошло безрезультатно: французский посол в Лондоне в мае отправил телеграмму в Кэ д'Орсе, в которой советовал: «Французскому правительству следует сократить все возможные формы взаимодействия в рамках франко-советского договора...»⁵⁷.

Британское вмешательство во франко-советские отношения было еще одним ударом по безопасности Чехословакии, но Сталин оценил его по-своему. В июне он обратил свое внимание на высшее командование вооруженных сил, где после судебных процессов был казнен ряд высших офицеров. В Британии и Франции, которых нисколько не озаботило исчезновение большинства «старых большевиков» годом ранее, на казни военачальников смотрели с беспокойством. Однако официальная реакция была ироничной, поскольку обе страны и до чисток не желали тесно сотрудничать с Красной Армией. Теперь же появился хороший повод, чтобы отменить переговоры генеральных штабов. Анализируя уроки прошлого, личный секретарь Лёгера, Этьен де Круа-Шанель в отношении договора о взаимопомощи говорил: «И до казней советских генералов... у французского правительства никогда не было желания ограничить свою дипломатию даже в самой малой степени... Единственный положительный для Франции момент договора заключается в том, что Красная армия „предпримет наступление от своих границ, чтобы помочь Чехословакии в случае нападения Германии“»⁵⁸. Эти слова выглядят насмешкой над французской армией (не говоря уже об английской), которые не имели боеспособных (по европейским меркам) подразделений и не имели планов «наступления от своих границ», чтобы помочь чехам или Советскому Союзу. Круа заявлял о слабости вооруженных сил Третьей республики по сравнению с Красной Армией, но как же тогда он рассчитывал ответить *quid pro quo* на советское наступление? Было еще немало вопросов, которые задавала советская сторона, а французская,

как всегда, игнорировала. Тем самым, франко-советские отношения, как говорится в известной эпиграмме, были комедией, в которой за пеленой юмора скрывалась трагедия.

Литвинов и Потемкин знали, как сильно навредили чистки репутации Советского Союза на международной арене. Однако они не желали слушать злорадные комментарии французов, свернувших переговоры, как то было в начале 1937 г., ибо именно Даладье передал Потемкину сведения о контактах высшего командования РККА с Германией, подготовке военного мятежа и установления антифранцузского союза⁵⁹. Вмешательство Даладье в «загадку 1937 года» выглядит непонятным, если учесть его стойкое неприятие французских коммунистов и расширения влияния Советского Союза. Знал ли он, какие последствия будет иметь его передача данных «разведки» Потемкину? Хотел ли он остановить разворот советской внешней политики или ожидал аналогичную реакцию Сталина? У нас нет оснований утверждать это, но очевидно, что курс Литвинова провалился. Все участники его возможной антигерманской коалиции отпали один за другим. Создавая союз против нацистского режима, он шел на большой риск, и «приз» в случае победы был бы достойным. Летом 1937 г. он уже не мог скрыть неудачу, слишком очевидную для Сталина. Ему не требовалось объяснений в духе марксистско-ленинской теории, чтобы понять: у СССР не было союзников и он был уязвим перед лицом серьезной опасности.

Весной 1937 г. снова пришли плохие новости. Главой британского кабинета министров стал Невилл Чемберлен, а правительство Блюма, просуществовавшее немногим более года, ушло в отставку. Чехословакия, осознавая ухудшавшееся положение, стала перед необходимостью идти на соглашение с Германией, как и предсказывал Титулеску. «Не было сомнений, что Чехословакия будет первой жертвой», — говорил Литвинов, наблюдая за сгущавшимися тучами над последней. Великобритания давила на Бенеша, чтобы он решил «судетский вопрос» и не провоцировал Гитлера. Однако Прага не собиралась отказываться от договоров с СССР и Францией и отдавать Судеты⁶⁰.

Если советское правительство не могло обойтись без публичной критики Лондона и Парижа с позиций исторического материализма, то последние, в свою очередь, не могли сдержаться от антикоммунистических выпадов в адрес Москвы. Без каких-либо затруднений

их можно было обнаружить во французской прессе и словах французских дипломатов во всех странах мира. Так, посол в Токио прославился пышными тирадами против советского режима. Даже Гамелен критиковал Народный фронт и прославлял Японию, «которая заняла ведущее положение в борьбе против большевизма»⁶¹. Напряженность в отношениях между Советским Союзом и Японией нарастала, и Литвинов не мог положительно воспринимать французских генералов, которые открыто сочувствовали Токио. Французские послы в Москве выражали недовольство тоном советской прессы; Литвинов отвечал тем же. Полуофициальная парижская газета «Le Temps» часто вызывала гнев Кремля. Тому были две причины: источником ее сведений зачастую было ведомство на Кэ д'Орсэ, а средства (около 500 тысяч франков в год с начала 1920-х) поступали из советского посольства, пытавшегося таким образом снизить накал критики. Порой так и происходило, но зачастую и подолгу она служила источником расходов для весьма бережливого Литвинова.

Он поднял этот вопрос в разговоре с Дельбосом в начале 1937 г., когда советское правительство все еще пыталось оживить переговоры между военными двух стран. Собеседник, хотя все знали, что это не так, опроверг, что «Le Temps» является полуофициальным изданием французского Министерства иностранных дел. Конечно, и Литвинов вряд ли мог отрицать, что эта газета не получает советские деньги, что прекратившие антисоветскую критику и выступавшие за франко-советский союз журналисты других изданий являются бессребрениками. Точнее сказать, подобные пособия практиковало не только советское посольство. Ходили слухи, что Германия и Италия за подобные услуги платят куда как больше⁶².

Преемник Алфана на посту французского посла в Москве Роберт Кулондр зачастую жаловался Литвинову на советскую «пропаганду». Поводом для этого в ноябре 1937 г. была статья главы Коминтерна Георгия Димитрова к годовщине Октябрьской революции 1917 г. во французском коммунистическом ежедневнике «L'Humanité». Более того, СФИО отказалась от антивоенных лозунгов и стала выступать за укрепление обороны. Димитров же твердо поддерживал стратегию народных фронтов во Франции⁶³. Для французских правых Народный фронт был неприемлемым политическим объединением, благодаря которому ненавидимые

ими коммунисты получили легальный статус. С другой стороны, Димитров восхвалял ИККИ, особо активный в Испании, — еще один повод для недовольства французских правых. Литвинов расценивал их критику как пустяк, который не заслуживает внимания по сравнению с открытой враждебностью правительства и прессы по отношению к Москве. Он также уделял внимание «длинному списку разочарований, которые политика коллективной безопасности принесла Советскому Союзу»⁶⁴. Как ни парадоксально, советское посольство в Париже тратило большие суммы на поддержку коллективной безопасности, а не мировой революции. Литвинов удивлялся: что бы подумали англичане и французы, узнав, какие деньги тратит Италия на пропаганду против них. Советская разведка добыла «аутентичные документы», в которых говорилось, что итальянские консульства в Дамаске, Бейруте, Каире, Александрии и всей Северной Африке тратят 12,5 миллионов лир на подобную работу⁶⁵. Отсюда Литвинов делал выводы, что Франция и Великобритания, как и было в действительности, используют «двойные стандарты» для определения «пропаганды».

Франко-советские отношения к концу 1937 г. были отнюдь не на высоте. В декабре Дельбос совершил поездку по всем восточноевропейским столицам, за исключением Москвы. Его высказывания, сделанные в среде ближайшего окружения, легко достигали ушей оскорбленного Литвинова. Его французский коллега часто жаловался на «иллюзорное» (по словам советского наркома) вмешательство Коминтерна во внутренние дела Третьей республики и при этом очернял договор о взаимопомощи с СССР. В Варшаве Дельбос вместо того, чтобы попытаться смягчить жесткую польскую дипломатию, заигрывал с Беком. Тем не менее, Литвинов знал, что глава румынского внешнеполитического ведомства Антонеску в разговоре с французским коллегой жаловался на «пассивность» французов и англичан. «Он, вероятно, сказал Дельбосу, — полагал Литвинов, — что непрерывные и бесконечные уступки Германии, на которые идут Италия, Англия и Франция, увеличивают опасность возникновения войны. Более того, он требовал от Дельбоса, чтобы великие державы наконец-то определились с ответом на итало-немецкие претензии. Если Лондон, Париж и Москва сформируют блок, начнут твердо говорить в Женеве, то (по мнению Антонеску) все малые и средние страны их поддержат, тем

самым значительно сократив опасность войны». К сожалению, французы были парализованы: «Дельбос всюду говорит, что Германия представляет угрозу в первую очередь для Австрии, а не Чехословакии». Литвинов знал, что если Германия поглотит Австрию, северные границы Чехословакии будут открыты, и она станет следующей жертвой. Не без сарказма он полагал, что приказ надавить на непокорных чехов, чтобы те уступили Судеты, Дельбос получил из Лондона. Литвинов опасался английского влияния на Бенеша. Французы также знали: в декабре Ледер заявил чешскому представителю в Париже, что британские заявления об обеспокоенности положением в Восточной Европе были не более, чем пустой риторикой, и Англия «не пошевелит и пальцем» на Востоке. Майский использовал то же самое выражение в своем дневнике. Не только Сталин чувствовал слабость Франции. Престиж страны неожиданно был разрушен румынским дипломатом⁶⁶.

Язык Антонеску, возможно, был сюрпризом для Москвы, поскольку Литвинов не считал того способным на большую силу воли. Титулеску принадлежат слова, что упорство — это не позволительная роскошь для малых восточноевропейских стран, расположенных вблизи опасных соседей. Титулеску, который был уже не у дел, говорил Майскому, что мир в Европе зависит от «фронта мира» во главе с Британией, Францией и Советским Союзом. Очевидно, он мог говорить более свободно, не ощущая за своей спиной короля Кароля и румынских правых. Если «фронт мира» будет создан, говорил Титулеску, все будет хорошо. Если же нет, свершится трагедия в двух действиях: первый завершится созданием немецкой «Серединной Европы», а второй ознаменует крушение Британской империи. Поэтому Англии необходимо срочно определиться со своим выбором⁶⁷. В разговоре с советским послом бывший министр словно произносил проповедь перед неопитами.

Комментарии Литвинова о французской политике были мягкими по сравнению с тем, что говорили Я. З. Суриц (теперь — посол в Париже) и В. П. Потемкин, который вернулся в Москву на пост заместителя народного комиссара иностранных дел. Суриц получал сведения от Манделя, Кота, Поля Рейно и других французских политиков и журналистов. Удивительно, как свободно они говорили о французской внутренней и внешней политике. Благодаря им Москва была хорошо осведомлена и могла не прибегать

к истмату. Мандель и Рейно побуждали советское правительство занять жесткую позицию в отношении Даладье, но Суриц не думал, что это будет полезно. Проблемы внутри французского кабинета и общества были очень глубоки. И Потемкин, и Суриц полагали, что Франция катится к фашизму и потеряет свой суверенитет⁶⁸.

Тем не менее, в январе 1938 г. Литвинов все еще держал дверь открытой, говоря в «общей директиве» о советской политике Сурицу: «Не проявлять инициативу в улучшении отношений, не выставлять нас единственными защитниками Лиги Наций, пытаюсь оказывать давление на правительства. Занять спокойную выжидательную позицию, поддерживая только те предложения, которые идут в направлении нашей общей политики»⁶⁹. Ждать и смотреть, что же произойдет — такова была новая линия Литвинова, несмотря на мрачные пророчества.

В начале 1938 г. Чехословакия была в опасном положении. Ее потенциальные союзники не могли договориться между собой. Франция и Британия колебались, не решаясь предпринять какие-либо действия из-за боязни спровоцировать Гитлера. Попытки наркома Литвинова сформировать антинацистский союз провалились, загубленные антикоммунистическими настроениями со стороны французского Народного фронта и гражданской войной в Испании. Этот «большой список разочарований» создал Литвинову образ глупца-мечтателя, что опасно оставляло СССР в изоляции перед лицом нацистской Германии. Ему пришлось уйти в оборону, неоднократно повторяя послу в Лондоне Майскому: «Как я вам говорил в Женеве, мы принимаем выжидательную позицию по всем вопросам и не намерены навязывать свое сотрудничество кому бы то ни было»⁷⁰. Собственно, тогда это была единственно приемлемая позиция.

В первых числах марта 1938 г. Литвинова посетил французский посол в Берлине Кулондр, включившийся в «долгий спор» о советской критике Франции, чтобы поговорить об «интернациональной солидарности пролетариата». Тема эта часто обсуждалась ими, но в этот раз советский нарком подробно остановился на каждой из претензий Кулондра. Он подчеркнул, что в последнее время никаких новых заявлений сделано не было, правда, вне протокола выразил желание о том, чтобы его коллеги реже говорили по этому

поводу. Заставить их он не мог: одним из ораторов на эту тему был сам Сталин. Поэтому если Москве не приходилось бы выражать протесты по поводу антисоветских выступлений, скажем, французского парламента, «прийти к общему знаменателю было бы проще». Нет смысла валить с больной головы на здоровую. Необходимо сосредоточиться на действительно важных проблемах, ведь, как подчеркнул Литвинов: «Все понимают, что мир находится на грани войны». Он напомнил Кулондру, что Советский Союз «не отвергает идею сотрудничества с другими странами... однако отношения с этими странами становятся все более напряженными по вине последних, и они сами не желают сотрудничества <с нами>». «Мы не меняли курс своей внешней политики, — продолжил Литвинов, — а вот влиятельные круги Франции и Великобритании продолжают нападки на СССР. Это мы не можем игнорировать. Поэтому Франции и Британии необходимо самим сделать шаг к установлению дружественных отношений, если, конечно, их правящая элита сможет преодолеть классовую вражду». Литвинов также напомнил о том, что у СССР и Франции «общие интересы» и «общий враг», однако французский истеблишмент забыл об этом в пылу вражды. Отчет Кулондра, направленный в Париж, хотя и заглушал раздражение Литвинова, как это бывало ранее, но не смог смолчать о горечи советской стороны от провала коллективной безопасности⁷¹.

12 марта 1938 г., на следующий день после встречи Кулондра и Литвинова, Гитлер без единого выстрела присоединил Австрию, где немецкие войска были встречены восторженными толпами. 15 марта чехословацкий посол в Москве Зденек Фирлингер встретился с заместителем народного комиссара иностранных дел Потемкиным, чтобы рассказать об угрозе аншлюса для Чехословакии, которая была очевидна. По его словам, французское правительство информировало Прагу об обещании немедленной помощи в случае немецкой агрессии. Потемкину такое развитие событий показалось сомнительным, так как позиция Франции целиком зависела от Великобритании, полной сомнений. Фирлингер задал неизбежный вопрос: какова позиция СССР в данных обстоятельствах. Потемкин ответил, что вопрос во многом зависит от Франции. Если она, следуя условиям договора, «окажет прямое и активное сопротивление немецкому агрессору, у Британии не будет иного выбора, кроме как последовать за ней». «Что же касается Советско-

го Союза, никто не сможет нас упрекнуть в том, что мы не выполняем взятые на себя обязательства»⁷².

13 марта для Москвы мелькнул луч надежды, когда Леон Блюм и Поль-Бонкур, немало сделавший для установления дружественных франко-советских отношений в качестве министра иностранных дел, сформировали новое правительство. Однако два дня спустя советский посол Суриц на приеме у Блюма обнаружил последнего «в панике». Ее, вне всяких сомнений, вызвала встреча с министром обороны, Даладье, генералом Гамеленом и другими военачальниками, которые заявили, что Франция ничем не может помочь Чехословакии, равно как и СССР. Эта неудача не остановила бывшего тогда министра иностранных дел Франции Поль-Бонкура: первым делом он информировал румынского посла о том, что Париж намерен начать переговоры с Бухарестом об условиях предоставления коридора для прохода Красной армии⁷³.

17 марта на международной конференции Литвинов поставил вопрос о возрастающей угрозе нацистской агрессии. Как он пояснил Майскому: «Я намеревался взбудоражить пацифистские настроения общественности и избавить нас от ответственности за окончательный провал системы коллективной безопасности и нейтрализовать слухи о нашей слабости в связи с чистками. Если же, вопреки ожиданиям, общественность повлияет на правительство Чемберлена, и оно пойдет на обсуждение общеевропейских проблем — тем лучше». Тем не менее, Литвинов попросил Сурица «неофициально» заручиться французской поддержкой. Это, по его мнению, могло помочь в определении позиции Великобритании⁷⁴.

Больше ничего не оставалось: британское и французское правительства отказались от советских предложений в силу уже традиционного пренебрежения к мнению Литвинова. Александр Кадоган, английский дипломат, заметил, что советские заявления могут вызвать трудности в Палате общин: «Оппозиция заявит, что коллективная безопасность — это марш под знаменами храброго Литвинова». «Цель русских, — продолжал он, — ускорить войну в Европе и запутать нас. Они будут участвовать в активных действиях не без выгоды для себя, поскольку, в конце концов (что весьма вероятно), надеются на мировую революцию. И раз уж это непосредственно касается нас, необходимо действовать, исходя из сложившихся обстоятельств. Если мы

решился на активные действия — примем блеф немцев — мы можем надеяться на поддержку России, в той или иной степени. Если же пойдем на поводу у Литвинова — мы только ускорим конфликт⁷⁵.

Из корреспонденции Литвинова становится очевидно, что оценка ситуации Кадоганом была далека от истины. Литвинов в конце марта 1938 г. писал послу в Праге Александровскому, чтобы он не слишком рассчитывал на успех. Гитлер мог напасть на Чехословакию с трех направлений, а чехословацкий президент Бенеш под давлением мог сдаться и пойти на уступки, что привело бы его страну к гибели. «В любом случае, в существующих условиях Чехословакии не суждено долго просуществовать... Аншлюс уже гарантирует Гитлеру гегемонию в Европе... вне зависимости от будущей судьбы Чехословакии». Тем не менее, Литвинов, раздраемый внутренними противоречиями, интересовался позицией Румынии в постоянно повторяющемся вопросе о «коридоре» для Красной армии. По всей видимости, в Бухаресте также взволнованно восприняли аншлюс. Но Литвинов сомневался, что король Кароль решится провоцировать Германию. Франция и Чехословакия настаивали на том, что Советский Союз должен внести свою лепту в вопрос их безопасности путем официального отказа СССР от требований на Бессарабию в обмен на право прохода по территории Румынии, как будто сотрудничество с Советским Союзом не было в интересах королевства. По мнению Литвинова, его зарубежные коллеги сами должны были добиться этого права. Возможно, министр иностранных дел Поль-Бонкур пытался это сделать, не поставив Москву в известность. Советское правительство все еще готово было обсудить сотрудничество с Бухарестом, «но не ценой отказа от претензий на Бессарабию». Румыния и прочие независимые государства центральной Европы должны были объединиться против Германии, иначе «всем им будет суждено по очереди подчиниться немецкой тирании». Это был трезвый аргумент, однако новый румынский министр иностранных дел Николае Петреску-Комнен на встрече с Александровским по его пути в Москву в апреле сказал, что «Румыния, как небольшая страна, должна занимать исключительно выжидательную позицию»⁷⁶.

Литвинов, в то время был раздражен французскими нападениями на советские вооруженные силы, ослабевшие в связи с репрессиями.

Возможно, они били Литвинова по больному месту, но он считал, те еще обернутся против Франции, создав определенное настроение в Москве, «неблагоприятное для принятия решений, в которых французское правительство напрямую заинтересовано». Он принимал в расчет заинтересованность Франции в советских противогазах, однако были и более важные вопросы⁷⁷. Во французской прессе обсуждалась карточная система и ее неэффективность, что только подогревало раздражение Литвинова. Он даже рекомендовал Сурицу предпринять демарш, если в ближайшее время эта тема не исчезнет с газетных полос⁷⁸.

Один из последних протестов Москвы относительно французской политики исходил не от Литвинова, а от Потемкина в первых числах августа 1938 года, когда Блюм был еще премьер-министром Франции. Советский дипломат говорил: «Несмотря на чрезвычайно напряженную международную обстановку, французское правительство не собирается менять свою политику нерешительности, бездействия и доверчивости перед лицом фактов, создавая угрозу миру и Франции в частности. Ни захват Германией Австрии, ни шаткое положение Чехословакии... ни появление немецких и итальянских войск на испанских границах... не заставили Францию проснуться, поразмыслить и, наконец, сделать что-либо для собственной безопасности... Как и прежде, она не может ничего сделать без Британии, в которой видит единственную надежду в защите. Как и прежде, оно не желает понимать, что первая же демонстрация решительности, твердости и независимости французской внешней политики, как во времена Луи Барту, заставит надменного агрессора подчиниться, прийти в чувство, напугает Великобританию об опасности ее собственной изоляции и вдохновит на борьбу за мир все население Европы». Повторяя Сурица, Потемкин говорил, что Франция идет «к катастрофе» и изменить этот курс может только перемена во внешней политике. Что касается Чехословакии, французская политика «труслива и пассивна... Никто не верит в то, что французское правительство придет на помощь союзнику».

Франция была не единственным источником гнева Потемкина. Он отдельно останавливался на Польше, которая «помогала Гитлеру в действиях, направленных против Чехословакии». Даже французский посол в Берлине подтверждал соучастие Польши: Варшава намеревалась

занять район Тешина и заселить его поляками в случае падения Чехословакии. Германия, по всей видимости, поощряла «аппетиты» Польши и толкала ее на конфликт с СССР. «Гитлер рассчитывает на неизбежное поражение Польши от наших войск», — писал Потемкин, — «когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. В общих чертах, Польша самостоятельно выполнила план Германии по ее четвертому разделу и потере национальной независимости». Тем не менее, в планы внешней политики СССР это не входило. Потемкин рекомендовал Сурицу задействовать свои связи в кругах французских журналистов и начать кампанию в прессе, «объясняя предательскую роль Бека (польского министра иностранных дел) и судьбу, ожидающую Польшу, если она продолжит следовать тому пути, который был ей предначертан Гитлером.» «Они играют с огнем», — делал вывод Потемкин, — «так как в Польше, как и везде, есть недовольное меньшинство»⁷⁹.

8 апреля 1938 г. новый кабинет, возглавляемый Даладьё, сменил правительство Блюма. Представитель правых радикалов, Жорж Боннэ сменил Поль-Бонкура на посту министра иностранных дел. Могли ли новости из Парижа быть хуже? «Я считаю Даладьё», — писал Литвинов, — «еще менее расположенным к сотрудничеству с нами, чем Дельбос»⁸⁰. Чехословацкий министр иностранных дел Камиль Крофта, тем не менее, считал, что Прага может рассчитывать на Францию и Британию. В Москве в это никто не верил, поэтому Народный комиссариат иностранных дел распорядился вывезти архив советского посольства из Праги⁸¹. Потемкин предупредил посла Чехословакии в СССР Фирлингера, что ключ к позиции Франции — в Британии: если Чемберлен убедит Францию «не раздражать Германию», с которой Британия собиралась вести переговоры, «французы не посмеют иметь особое мнение по вопросу Чехословакии». Гитлер сразу это заметит и будет действовать «безнаказанно». Фирлингер ответил, что Чехословакия будет отстаивать свою независимость с оружием в руках, хотя без поддержки Франции и СССР положение будет «очень сложным». Поэтому, когда Даладьё встретился с Чемберленом в конце апреля, Фирлингер был воодушевлен. Потемкину же исход этой встречи не казался predetermined: «объективная информация» никак не подтверждала готовность Британии противостоять немецкой экспансии в Централь-

ной и Юго-Восточной Европе. И это еще было мягко сказано: Литвинов получил информацию, что «Чемберлен с самого начала заявлял, что Британия не может гарантировать статус-кво в Чехословакии», несмотря на уступку Судет. Бенешу пришлось бы пойти и на более существенные «жертвы». Война была бы бессмысленна, по мнению Чемберлена, и ЧСР была бы уничтожена прежде, чем подоспеет любая помощь. Фирлингер настаивал на том, что чехословацкое правительство будет «лабиринтировать и выживет»⁸². Информация Литвинова была точна. По мнению Боннэ, Прага ничего не значила для Великобритании, а «Версальский мир соединил вместе королей и шутов. Никто не обязан умирать за то, чтобы защитить его»⁸³.

6 мая Боннэ через посредника отправил сообщение в Берлин о том, что французское правительство «решило похоронить» франко-советский пакт. Боннэ и Даладьё не стали тратить время на объяснения с американцами, почему Чехословакии ничем нельзя помочь. У Франции больше «не было козырей» для политических игр, равно как и оружия для открытой конфронтации с Гитлером. Вступить в войну «означало бы для Франции ничто иное, как поражение и раздел». Именно поэтому «Франция не будет абсолютно ничего предпринимать» в случае германской агрессии против Чехословакии, как заявил вице-премьер Камиль Шотем. Пусть Великобритания принимает решения, а «Франция может только мутить воду...»⁸⁴.

13 мая Боннэ встретился в Женеве с Литвиновым и проинформировал того, что в ближайшие три месяца ситуация может существенно обостриться и Франция объявит о мобилизации. Его интересовали действия СССР, учитывая, что Польша и Румыния не давали согласия на предоставление «коридора» для Красной армии. «Советский Союз объявит мобилизацию? А что последует далее?» — постоянно спрашивали у него, и Литвинову эти вопросы уже порядком надоели, так как Третья республика не собиралась посвящать в свои планы. Литвинов мог и сам ответить в том же духе. Боннэ искал выход из сложившейся ситуации и надеялся, что СССР занят тем же. Однако Литвинов обстоятельно довел до сведения собеседника, что советское правительство не имело достаточно-го дипломатического влияния на пограничные государства, чтобы добиться права прохода по их территориям. Париж должен самостоятельно решить эту задачу. Он также заметил, что не

считает себя достаточно компетентным в военных вопросах, но полагает, что абсолютно необходимо организовать встречу с чехословацким и французским военными штабами. Он указал Боннэ на то, что об этой необходимости было известно еще с 1935 года, но Францию это почему-то не интересовало. Боннэ счел ответ Литвинова «уклончивым», каковым он не являлся. Помимо Боннэ Литвинов встречался с Галифаксом и Комненом. Первого он предупреждал не сделать критическую ошибку, поверив обещаниям Гитлера и приняв их «за чистую монету». Германскому диктатору не было никакого дела до судетских немцев. Ему было важно только «захватить территорию, стратегические и экономические позиции в Европе». Англичанин принял аргументы Литвинова и признал их убедительность, однако не огласил их в Лондоне. Комнена, в свою очередь, придерживался мнения о необходимости провести консультации военных, но избегал конкретных действий. В то же время, согласно французским источникам, он яро и непреклонно вместе с Боннэ отстаивал идею о необходимости запрета Румынией предоставления коридора для Красной армии. Сам Комнен, оценивая эти встречи, был более дипломатичен. Когда Боннэ спросил — пойдет ли Румыния на предоставление коридора для Красной армии, Комнен ответил: «Этот вопрос слишком важен для того, чтобы дать однозначный ответ, несмотря на то, что „общественное мнение“ было „категорически“ против этого. Если вы хотите, чтобы Румыния вас поддержала, Франция и Великобритания должны вернуть утраченные позиции в бассейне Дуная»⁸⁵. Румыния осторожничала, однако весной она «разрешила переброску по своей территории воздушной и наземной боевой техники, предназначенной для Чехословакии»⁸⁶.

Действия правительства Чехословакии в мае, казалось, оправдывали заявления Фирлингера Потемкину. 19–20 мая оказалось, что немецкие войска рассредоточились по границам Чехословакии, поэтому 21 мая Прага распорядилась о частичной мобилизации для организации сопротивления. Гитлер был в ярости и поклялся уничтожить чехословацкую государственность. Британцы и французы были застигнуты врасплох и встревожились неожиданной перспективой войны. Английское Министерство иностранных дел выслало инструкции своему послу в Берлине рекомендовать немецкому правительству «умеренность». Боннэ выслал такие

же инструкции, но не в Берлин, а в Прагу. Литвинов, наверное, тоже не ожидал столь стремительного развития событий, но 25 мая выразил Фирлингеру свое одобрение мерами, принятыми Чехословакией⁸⁷.

Даладье пригласил немецкого посла на ужин, чтобы побеседовать «как солдат с солдатом». Он рисовал ужасные картины войны: «орды казаков и монголов» вторгнутся в Европу. Даладье не вступил в союз с Чехословакией и «определенно, не был этому рад.» Но «если Германия нападет на Чехословакию, французам придется вступить в бой, если они не хотят быть опозоренными.» У Франции была одна линия поведения с Германией, другая — с Америкой и третья — с СССР⁸⁸.

Впоследствии Боннэ пригласил польского консула, чтобы определиться с позицией Варшавы, в случае военных действий на территории Чехословакии. Польский ответ был резок: чехословацкое государство нежизнеспособно и является средоточием коммунистов. Варшава получит Тешин, если Германия оккупирует Судетскую область. В июне Литвинов отдал распоряжение Сурицу предупредить Боннэ и Легера, однако они уже были в курсе позиции Польши. «В свете нашего решения остановить польскую интервенцию» Литвинову необходимо было знать, будет ли Франция считать себя связанной франко-польским договором о союзе. Нарком предложил организовать утечку информации в прессу, чтобы предостеречь поляков от опрометчивого шага. Даладье боялся польского удара в спину. Но Боннэ на неделю отсрочил заявление о том, что Франция не будет считать себя связанной узами договора, если польские войска вступят на территорию Чехословакии⁸⁹.

В первых числах июня Литвинов говорил, что Гитлер не скоро «начнет свою авантюру» в Чехословакии, а попытается «надавить» на Бенеша, выбивая максимальное количество уступок посредством британской дипломатии. Существовало также мнение о нейтрализации чехословацкой проблемы по примеру Швейцарии, хотя Кулондр заявил, что Франции такой вариант не подходит. «Как бы то ни было, мы знаем», — возражал Литвинов с присущим ему сарказмом, — «что пределы французской неговорчивости определяются Лондоном»⁹⁰. Эти наблюдения были вполне точны; француз и британцы продолжали давить на Бенеша, выбивая уступки. Для этой цели в первых числах августа британцы отправили в Прагу бывшего министра лорда Уолтера Ренсимена.

В свете советского пессимизма по поводу англо-французских отношений Литвинов в июне 1938 г. отправил Александровскому сообщение с предупреждением о том, что советское правительство не должно предпринимать какие-либо действия относительно Чехословакии прежде Франции. Отныне советская помощь Праге должна была оказываться сообразно действиям Франции. «Мы считаем... что вопросы <неофициальной помощи> должны решаться представителями французского, чехословацкого и советского генералитета. Мы не должны ходатайствовать о таких встречах, не обсуждать его, объясняя это... требованиями нового протокола». Однако Литвинов не ограничивал Александровского в свободе действий: «Под таким невероятным давлением со стороны Франции и Великобритании вы, безусловно, должны поддерживать силу духа чехословаков и их сопротивление давлению». «Мы не поддержим решение чехословацкой проблемы силой оружия, — объяснял Литвинов, — мы вовсе не противопоставляем сохранение чехословацкой „политической независимости“ сокращению напряжения и предотвращению опасности вооруженного конфликта. В той же степени Советский Союз не принял бы „нейтрализацию“ Чехословакии, приводящую к отказу от неофициальной помощи как от Франции, так и от СССР»⁹¹. Эти инструкции были лишним напоминанием об осмотрительности, с какой должен был действовать советский полпред. СССР не собирался подставлять шею нацистской Германии, когда прочие государства не желали подставлять свои.

20 июля Боннэ вызвал чехословацкого посла Штефана Озуски, чтобы прояснить «французскую позицию» в вопросе безопасности Чехословакии. «Чехословацкое правительство должно твердо знать нашу позицию: Франция не вступит в войну из-за судетской аферы. Конечно, мы проинформируем общественность о нашей солидарности, как этого хочется чехословацкому правительству, но наша солидарность должна дать возможность чехословацкому правительству принять решение о мирном и почетном решении проблемы». В заключение, Боннэ повторил, что «Чехословацкое правительство должно понять, что Франция, как и Великобритания, не вступит в войну. Важно, чтобы, несмотря ни на что, это стало ясно», — сказал он, выражая не вполне искреннее сочувствие. Разница между демаршем Боннэ и позицией Москвы огромна. На встрече с Сурицем четырьмя днями позже Боннэ

не упомянул о своем разговоре с Озуским, сказав только, что правительства Франции и Великобритании оказывают «давление» на Прагу по поводу переговоров о судьбе судетских немцев. «Мы не можем навязывать Праге соглашение, — говорил француз советскому послу, — которое будет несовместимым с суверенитетом Чехословакии и угрожать ее целостности»⁹². Неужели Боннэ считал Сурица слепым глупцом? Это заявление никоим образом не вязалось с реальной политикой Франции. В любом случае, Литвинов предупреждал, что судетский вопрос был не более чем уловкой для прикрытия германских амбиций на господство; речь о правах меньшинств тут ни при чем. К сожалению, французы и британцы не слушали призывов Литвинова, либо высмеивали его «поучения». В сентябре французский МИД направил в правительство официальный протест о неуполномоченных действиях Боннэ⁹³.

В августе Литвинов выслал дальнейшие инструкции Александровскому: «Мы крайне заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в подавлении гитлеровских амбиций о продвижении на юго-запад, однако без поддержки западных сил мы не сможем сделать чего-либо существенного, пока они не сочтут необходимым заручиться нашей помощью, они будут нас игнорировать и все вопросы, касающиеся германо-чехословацкого конфликта, будут решать между собой. Мы не знаем наверняка, указала ли Чехословакия нашим западным „друзьям“ на необходимость консультаций с СССР. В этих обстоятельствах публичная и официальная критика действий Великобритании и Франции может привести к обвинению нас в попытках противостоять их „миротворческим действиям“ по укреплению непреклонности Чехословакии, а посему будет бесполезна самой Чехословакии... Достаточно того, что я указал на отсутствие давления на Чехословакию с нашей стороны и предоставление им полной свободы действий». Литвинов также беспокоился о польской интервенции, боясь, что Александровский мог увлечься, объясняя советскую точку зрения. Поэтому он напомнил Александровскому, что и сам Бенеш не хотел расширения советско-чехословацкого пакта, который мог бы замаскировать польскую агрессию: «Это вовсе не означает, что мы будем к этому безразличны и не будем предпринимать мер по противодействию. Нашими демаршами в Париже (в июне) мы должны были дать достаточно

серьезное предупреждение Польше. В будущем мы, вероятнее всего, будем использовать все необходимые меры, чтобы Польше, агрессивно настроенной к Чехословакии, приходилось постоянно оглядываться на нас... Пакт о ненападении (1932 г.) с Польшей, как вы знаете, содержит условие, по которому в случае агрессии одной из договаривающихся сторон по отношению к третьей стороне, обязательства по договору теряют юридическую силу. Поэтому, в случае нападения Польши на Чехословакию пакт нас связывать не будет»⁹⁴.

Осторожность Литвинова все-таки должна быть расценена как показатель поддержки Чехословакии, в противовес сведениям, исходящим от Парижа и Лондона.

Москва могла только гадать, что в конце августа французы обещали чехословакам в случае немецкой агрессии. Александровскому от его доверенных лиц в Праге поступали различные слухи и намеки об «обещаниях» Франции, но Литвинов расценивал эти «обещания» мнимыми или, во всяком случае, преувеличенными с целью ускорить переговоры с Чехословакией о советской помощи. Таким образом, Литвинов не был информирован об июльском демарше Боннэ, а это означает, что чехословаки не все сообщали Александровскому. Французский посол в Праге Виктор де Лакруа докладывал, что Бенеш весьма эмоционально отреагировал на отчет Озуского о заявлении Боннэ, как оно, по всей вероятности, и было. Близкий союзник срочно направил бы эту информацию в Москву. Но чехословацкий министр иностранных дел только намекнул Александровскому 27 июля, охарактеризовав Боннэ «ужасным трусом», который боялся каждого шороха. По мнению Крофты, было еще большей удачей то, что не только Боннэ выражал официальную позицию Франции⁹⁵. Было бы неплохо, если бы остальные говорили с ним на разных языках. Таковых советский посол в Праге называл «белыми воронами»⁹⁶.

Бенеш не проинформировал Москву о демарше Боннэ, отчасти потому что боялся за слабеющую военную советско-чехословацкую взаимосвязь. Возможно, он хотел оставить пространство для маневра или же хотел сблизиться с Боннэ и удержать хрупкую коалицию (конечно, если ее можно назвать таковой), которая могла защитить его страну. Таким образом, он недооценивал Литвинова — тогда наиболее преданного союзника Чехословакии. Чехословацкий президент ни за что не приблизился бы к Мо-

ске ценой потери Парижа. Как он говорил еще в июле, перед демаршем Боннэ, его действия продолжали «зависеть» от Франции⁹⁷.

Литвинов все же не собирался сдаваться. 27 июля, в тот же день, когда Крофта встречался с Александровским, Литвинов беседовал с Кулондром в Москве. Разговор был таким же, как и сотни предыдущих, которые он вел со своими западными коллегами: «страны-агрессоры» были «хищниками», атакующими слабых. Покажи им штыки — и они быстро отступятся. По мнению Литвинова, немцы блефовали. Кулондр возразил, сказав, что это может быть и не так. Тогда нам необходимо «показать единый фронт и храброе сердце» — ответил Литвинов⁹⁸.

29 июля, двумя днями позднее разговора Литвинова и Кулондра, Красная армия вступила в бой с японцами на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан в Манчжурии, откуда не так далеко было до Владивостока. СССР был ничем не лучше подготовлен к ведению боевых действий, чем Франция или Великобритания: ему пришлось оборонять огромный сибирский фронт от японцев, одновременно разбираясь с внутренними беспорядками, вызванными сталинскими чистками. Тем не менее, относительно нацистской Германии внешняя политика СССР была неизменна, по крайней мере, по сравнению с англо-французской.

22 августа Литвинов встретился с немецким послом, который попросил разъяснений по поводу намерений Москвы и западных государств в сложившейся ситуации. Непонятно, что случилось с обычно осторожным Литвиновым, но он ответил, что чехословаки «все как один будут бороться за свою независимость, что Франция при условии нападения Германии на Чехословакию, немедленно вступит в войну, что Великобритания, нравится это Чемберлену или нет, не сможет оставить Францию без поддержки, да и мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Объяснением необычной для Литвинова агрессивности может быть раздражение на немецкого посла, пытавшегося возложить вину за нарастающее напряжение на Прагу, либо он просто блефовал в попытке запугать Берлин. Слухи о его заявлении дошли до Боннэ, которому вовсе не хотелось вступать в войну с Германией, поэтому он запросил разъяснений у Москвы. Французский поверенный в делах Пайарт подтвердил заявление Литвинова⁹⁹.

25 августа 1938 г. Боннэ встретился с Сурицем, чтобы лично получить разъяснения. Он

полагал, что ситуация с Чехословакией была безнадежной и подтвердил, что позиция французского правительства останется неизменной: «если Германия вторгнется в Чехословакию, Франция будет следовать своим обязательствам.» Сурицу такое заявление, наверняка, показалось хорошей новостью (действительно ли он в это верил?), однако Боннэ на встрече с Озуским ничего подобного не говорил¹⁰⁰. Прага об этом знала, а Москва — нет.

31 августа Боннэ повторил суть позиции Франции Пайарту и поручил ему узнать от Литвинова о намерениях советского правительства относительно Чехословакии в случае военных действий. Он говорил, что проблема с коридором оставалась, «несмотря на все мои попытки»¹⁰¹. Трудно сказать, что это были за попытки, если Боннэ пытался не провоцировать Польшу на переход в нацистский лагерь. Что касается Румынии, кажется маловероятным, чтобы он вообще что-либо предпринимал. Советские собеседники спрашивали у него, есть ли какая-либо весома причина, по которой они должны были верить его словам. В тот же день, когда он отослал инструкции Пайарту, Боннэ сказал британскому поверенному в делах, что если Чехословакия не примет решения третейского суда, которое может быть предложено лордом Ренсименом, «тем хуже будет для них». Глава французского МИД был уверен, что немецкое правительство «не откажется принять справедливое британское предложение», но насчет Чехословакии он не был столь уверен. Еще не получив ответ от Пайарта, он уже жаловался британскому послу в Париже Эрику Фиппсу, что ему уже «надоел» этот Суриц, «действующий по инструкции от М. Литвинова, чтобы показать более твердые позиции в Чехословакии...» После Боннэ сказал, «что единственным желанием России является затеять всеобщую войну, в мутных водах которой она будет искать выгоду»¹⁰². Это утверждение было широко распространено среди англо-французской правящей элиты и шло вразрез с попытками советской дипломатии под руководством Литвинова организовать мощный антинацистский альянс, чтобы обуздать Германию или нанести ей поражение в войне.

Пока Боннэ делился своими соображениями с Фиппсом, Литвинов в Москве отвечал на последние запросы Франции. Перед этим, 1 сентября он запросил инструкций у Сталина. На следующий день Литвинов поставил Пайарта в известность о том, что если Франция окажет

поддержку Чехословакии, СССР выполнит свои обязательства с наибольшей тщательностью, используя каждую возможность для помощи. Что же касается вопроса о коридоре для Красной армии, пока от Польши решения ожидать не приходится, а Румыния может быть более сговорчивой, если Лига Наций осудит германскую агрессию большинством голосов. Необходимо проведение трехсторонних переговоров, и Литвинов заявил, что СССР готов в них участвовать. Он также вернулся к идее об англо-франко-советской конференции на высшем уровне, чтобы таким образом заставить Гитлера отступить от Чехословакии. Внося такие предложения, которые ничем не отличались от его слов полугодовой давности, он запросил предложения Франции, так как советское участие подразумевалось при условии французского вмешательства. Следуя ставшей уже обычной для Франции линии поведения, Пайарт уклонился от вопроса. Литвинов не позволил Пайарту замолчать эту тему: «Гитлер основывает свои расчеты на двойных предположениях, что Франция выдвинется только если решится Великобритания, но Великобритания не решится»¹⁰³. Эта фраза обобщала всю ситуацию, несмотря на то, что Литвинов был слишком добр по отношению к Франции. Сомнительно, чтобы Даладье и Боннэ предприняли что-либо, если только под давлением общественного негодования вследствие чехословацкого сопротивления немецкой агрессии.

Когда Боннэ получил ответ Литвинова, он передал его в ином свете Фиппсу, который, в свою очередь, направил его в Лондон: «Боннэ уверен, что Россия выказывает намного больше осторожности... чем хочет для остальных». Как видим, это была проекция самого Боннэ на Литвинова, поэтому даже Даладье чувствовал себя обязанным ее скорректировать. Однако Даладье был ненамного целеустремленнее своего поверенного и вполне разделял кошмары Боннэ о «казаках», распространяющих революцию по территории Европы. Майский в Лондоне всерьез опасался того, что французское правительство попытается замолчать встречи Пайарта с Литвиновым в Москве, поэтому он сумел организовать утечку для Уинстона Черчилля, в то время рядового члена Парламента. Черчилль хотел остановить Гитлера в Чехословакии и поэтому направил послание Литвинова напрямую Галифаксу, который положил его под сукно. А даже если бы и не положил — Чемберлен был уверен, что сможет договориться с Гитлером. 8 сентября

Майский встретился с Галифаксом, заявившим, что британское правительство «желает мирного разрешения конфликта».

— Неужели цена вас не интересует? — спросил Майский.

Галифакс пожал плечами и заметил, что цена будет зависеть от обстоятельств.

На следующий день английский министр иностранных дел рассказал французскому послу Шарлю Корбину, что его страна не готова к войне «из-за агрессии Германии по отношению к Чехословакии». Майский в своем дневнике написал, что в конце августа встретил бывшего премьер-министра от партии либералов, Дэвида Ллойда Джорджа, который был против защиты Англией и Францией чехословацкой независимости¹⁰⁴.

Литвинов вернулся в Женеву в первых числах сентября, вскоре к нему присоединились Майский и Суриц. Первый встретился с Боннэ 11 сентября, правда неудачно. Французский министр информировал Литвинова о том, что направил его предложения в Лондон, где они были отвергнуты. Боннэ опять лицемерил, так как он искажил идеи Литвинова Фиппсу, а Галифакс действительно отверг их, получив их от Черчилля. Боннэ всю вину возлагал на Лондон. По воспоминаниям Литвинова «Боннэ воздевал руки к небу, говоря, что ничего нельзя сделать». Такое поведение произвело слабое впечатление на Литвинова, у которого уже кончалось терпение. Он докладывал, что от собеседника не поступало никаких предложений, и вел тот себя весьма скрытно¹⁰⁵. Министр, в свою очередь, утверждал, что Литвинов во время встречи был уклончив, пытаясь уйти от обязательств по отношению к Чехословакии. Опять-таки, Боннэ пытался спроецировать свое поведение на Литвинова.

Так как Кулондр мог слышать только версию Боннэ, он, встревоженный, отправился к Потемкину, который повторил для него советскую позицию. Фирлингер также встречался с Потемкиным, так как тоже слышал ту же версию от Кулондра. Потемкин постоянно повторял о советском желании организовать и участвовать в совещании штабов, по-прежнему отвергаемом Францией, о поддержке Чехословакии «плечом к плечу с Францией и всеми возможными средствами». Французское правительство, добавил Потемкин, даже не информировало своих собственных коллег о встрече Пайарта и Литвинова. Фирлингеру следовало радоваться заверениям

Потемкина, так как без согласия Сталина таких бы не последовало¹⁰⁶.

Когда к середине сентября Боннэ вернулся в Париж, казалось, он был сломлен. По воспоминаниям Фиппса, у него «совсем сдали нервы, он готов был на любое решение проблемы, чтобы избежать войны». Фиппс был настолько озабочен серьезностью ситуации, что отправился к Даладье, который подтвердил намерение Франции поддержать Чехословакию в случае нападения Германии. По словам Фиппса, сделал он это неохотно. Таким образом, Боннэ говорил одно, Даладье — другое. Чехословацкий посол в Лондоне Ян Масарик знал о переговорах Фиппса из собственных источников в британском МИДе и писал: «Боннэ призывает к сохранению мира любой ценой, даже если придется пожертвовать Чехословакией, так как Франция не готова и не желает воевать за нас. После Фиппс говорил с Даладье, который проявил чуть больше порядочности»¹⁰⁷. Последний понимал, что Франции необходимо сопротивляться, но у него не было уверенности в последствиях.

Боннэ был в ярости, вина во всем чехословаков, не желавших сдаться. «Боннэ выразил сильное раздражение поведением чехов, объявивших мобилизацию, не спросив у Франции, — докладывал Фиппс, — поэтому он очень прозрачно намекнул Бенешу, что Франция может пересмотреть свои обязательства по отношению к Чехословакии». Это был не намек. «Мы не готовы к войне, — оправдывал свое поведение глава французского МИД, — поэтому нам необходимо добиться наибольших уступок Германии по Судетам и... это должно быть сделано вопреки желанию чехов и русских... И чем быстрее, тем лучше», — добавил Боннэ¹⁰⁸.

Вечером 14 сентября в средствах массовой информации появились сведения о том, что Чемберлен на следующий день вылетает в Бертехсгаден на встречу с Гитлером. Он не проинформировал о своих действиях ни французов, ни чехословаков, ни, конечно, СССР. Он был уверен в том, что сумеет убедить Гитлера и предотвратить войну. «Вот это да! — писал Майский в своем дневнике, — Глава британской империи отправляется прямиком в руки немецкого фюрера. Вот что случилось с британской буржуазией!» У Крофты реакция на события была примерно такая же: «покорная капитуляция», только англичане этого не видят, что касается французов: Боннэ, Лакруа, Франсуа-Понсе — все они «пораженцы». Комнен также

расценивал встречу в Бертехсгадене как знак англо-французской слабости и демонстрации того, «как опасно» было идти по пути защиты Чехословакии. Литвинов предупредил Москву, что Франция, по всей видимости, сдала позиции. «Не остается сомнений в том, что Чехословакию предадут, вопрос только в том, смиритесь ли она с этим»¹⁰⁹.

Но пока было рано делать какие-либо выводы. После встречи Чемберлена и Гитлера 19 сентября Франция и Великобритания начали оказывать серьезное давление на Прагу, настоятельно рекомендуя уступить территорию в пользу Германии. В тот же самый день Бенеш вызвал Озурского, чтобы сообщить ему, что сопротивление бесполезно. Согласно записям посла, премьер-министр сказал: «Мы не можем быть уверены в том, что Франция окажет помощь. Все теперь зависит только от того, насколько Англия солидарна с Францией. Он (Боннэ) заявил, что если Бенеш не внемлет франко-английским рекомендациям, Великобритания потеряет интерес к Чехословакии, что приведет к самым серьезным последствиям». В Женеве до Майского дошли слухи о том, что Озурский покинул набережную Кэ д'Орсэ в слезах. Чехословацкий посол в Лондоне Масарик отреагировал иначе: проклиная Британию отборными выражениями. Когда французское правительство 19 сентября узнало об угрозах Боннэ по отношению к Чехословакии, в его рядах зародилось возмущение, которого, однако, не хватило для того, чтобы изменить внешнюю политику Франции. Оно единогласно проголосовало за поддержку англо-французского ультиматума Праге. Правда, «ультиматумом» называл это Бенеш, Франция и Англия настаивали на нейтральном слове «рекомендация». Вечером 20 сентября Бенеш пригласил к себе французского посла Лакруа, чтобы попросить у него текст англо-советского ультиматума, который, якобы должен был быть оглашен после 2 часов дня 21 сентября для того, чтобы представить его своему кабинету министров. Не похоже, чтобы Александровский или даже Крофта были осведомлены о действиях чешского президента¹¹⁰. Когда известие об ультиматуме достигло Женевы, Майский заметил, что не представлял доселе, как низко могут пасть британцы и французы¹¹¹. Как бы то ни было, поведение самого Бенеша не внушало доверия ни в Москве, ни в Бухаресте.

Боннэ на одной из встреч с Фиппсом сказал, что СССР был «в ярости», однако, по-видимому,

тогда он путал внешнюю политику с внутренними неурядицами. «Я не раз говорил, — писал Фиппс, — что даже когда у советского правительства не было абсолютно никаких причин обострять отношения с Францией, оно никогда не собиралось помочь в прекращении различных забастовок, не останавливало своей губительной пропаганды о 40-часовой рабочей неделе. Было бы интересно посмотреть, что же еще оно может сделать, будучи в ярости»¹¹². Даже рядовые собрания рабочих были делом рук СССР: со стороны все выглядело как обычные разглагольствования за ужином с бутылкой старого доброго «Бордо» в клубе, но на самом деле эти разговоры были весьма серьезны.

19 сентября, в тот же день, когда у Озурского состоялся неприятный разговор с Боннэ, Бенеш пригласил Александровского заручиться обещанием поддержки со стороны СССР в случае оказания таковой Францией. Помимо этого он спросил, может ли Чехословакия рассчитывать на поддержку СССР в Лиге Наций. На следующий день, 20 сентября, от Политбюро — а значит от Сталина, поступил утвердительный ответ. Это произошло после возмущений во французском кабинете министров. Потемкин незамедлительно телеграфировал о решении Политбюро Александровскому, который в 7 часов вечера созвонился с Бенешем и сообщил ему ответ Москвы¹¹³. По всей видимости, заверения СССР не долго принимались Бенешем во внимание, так как вскоре он заявил, что чехословацкое правительство может принять тот ультиматум, который выдвинули Великобритания и Франция.

Согласно записям Фирлингера, поведение Франции в Москве расценивали как «открытое предательство» даже в дипломатическом корпусе. Боннэ был «отъявленным трусом», со слов Потемкина, оправдываясь малоэффективным авиасообщением и «нежеланием Советского Союза помочь нам». Со слов Фирлингера, по личному мнению Потемкина, франко-советский пакт был «бесполезен». «По всей видимости, завтра СССР публично уличит Боннэ в мошенничестве»¹¹⁴.

Потемкин ссылаясь на речь Литвинова в Женеве 21 сентября, в которой повторялись основные положения, изложенные ранее Пайарту. Боннэ больше не мог их исказить. Резонанс от речи был небольшим, хотя присутствовавшие представители Великобритании осознали, что Боннэ искажал все советские предложения. «Отвратительный лжец», — такова была одна из ха-

рактических. Именно в этой речи раздраженный Литвинов заявил британцам, что только у СССР «чистые руки» по отношению к Чехословакии¹¹⁵.

В тот же день, 21 сентября, Прага приняла англо-французский ультиматум, правда, Бенеш пригласил Александровского, чтобы задать некоторые вопросы. Со слов Александровского, президент интересовался коридором для Красной армии через Румынию и советской реакцией на известие о потенциальной угрозе польского вторжения в Чехословакию. На следующий день Потемкин встретился с Фирлингером и попытался уточнить причину «непонятного молчания Бенеша относительно того, насколько Чехословакия могла рассчитывать на обещанную Францией помощь в случае немецкой агрессии, а именно — если Гитлер выдвинет Праге новые требования, что приведет к войне». «Я напомнил Фирлингеру, — говорил Потемкин, — что данный вопрос — вопрос чрезвычайной важности для СССР». Оказывается, Бенеш поднимал на переговорах и вопрос о том, не желает ли Москва заключить чехословацко-советский пакт. По словам Потемкина, не было понятно, что движет чешским лидером, но такое предложение необходимо было серьезно обдумать. По всей видимости, ни Фирлингер, ни Потемкин вечером 20 сентября не знали о тайной капитуляции Бенеша. Фирлингер выразил надежду на такой ответ от советского правительства, который воодушевил бы Прагу¹¹⁶. Что можно было сделать для помощи Чехословакии, если Бенеш уже отказался от борьбы?

Москве казалось, что предполагаемые союзники постоянно спрашивают о намерениях СССР во время кризиса, в то же время отказываясь говорить о своих. Переговоры в Праге показывали, что Бенеш вел игру с Александровским и поэтому не информировал Москву о действиях Парижа, либо он действительно был соучастником в событиях, связанных с англо-французским ультиматумом от 21 сентября. Проблема, как и прежде, была в том, что без Франции советско-чехословацкий договор был бы невозможен. Агрессивный подход, в соответствии с которым необходимо было бы довериться Москве, выслать Боннэ, как когда-то был выслан Лаваль после попытки свергнуть правительство Даладье. Этого Бенеш не мог сделать из-за того, что был вовлечен в англо-французский ультиматум.

Тем не менее, политические маневры продолжались, и СССР делал все, что мог, чтобы помочь Чехословакии. 22 сентября Крофта со-

общил Александровскому, что польские войска подтягиваются к границам с Чехословакией. «Было бы хорошо, — предложил Крофта, — напомнить Варшаве о том, что советско-польский пакт о ненападении будет расторгнут в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию. В этот же день Суриц на встрече с Боннэ поднял вопрос о польских требованиях по отношению к Праге, но французский министр ушел от ответа. Тем не менее, Потемкин в 4 часа утра 23 сентября вызвал польского посла и объявил ему, что в случае нападения Польши на Чехословакию, СССР аннулирует советско-польский пакт о ненападении. Кулондра на встрече с Потемкиным интересовало, означает ли аннулирование пакта интервенцию СССР в Речь Посполитую? Потемкин ответил, что «в ноте об этом ничего не сказано, но это предупреждение Польше». Боннэ, напротив, искал «мирного решения» вопроса в аннексии Польшей Тешина без вооруженного конфликта¹¹⁷.

В то время как Польша вела себя подобно «младшему брату» Гитлера, Румыния занимала более конструктивную позицию. На встрече в Женеве Комнен известил британцев о том, «что в случае войны, снабжение Чехословакии через территорию Румынии представляется вполне возможным. По его мнению, не должно возникнуть трудностей в получении разрешения, особенно в отношении авиапоставок. Он также указал на возможные трудности с поставками по северной части Румынии, однако был расположен помочь, в случае вступления Великобритании и Франции в конфликт. По воспоминаниям румынского посла в Праге, Александровский сообщил Крофте, что Литвинов был доволен результатами переговоров с Комненом: нарком был «впечатлен» тем, что они только и делали, что искали наилучшую «формулировку, чтобы разрешить русским оказать поддержку». Польский посол в Лондоне, узнав об этих переговорах, писал: «Литвинов ожидал, что они соберутся все вместе на одной стороне и тогда дело будет в шляпе». В начале сентября советские самолеты пересекли территорию Румынии, хотя Комнен, при необходимости, был готов это отрицать¹¹⁸.

Готовил ли Литвинов дипломатическую почву под военные действия в случае выхода кризисной ситуации из-под контроля? Пытался ли Александровский оставить Чехословакию в игре? Неясно. Единственное, что можно сказать наверняка: СССР и Румыния были весьма осторожны, недоверчивы, особенно в условиях

постоянных слухов о том, что Великобритания и Франция предали Прагу, и Чехословакии настал «конец». Немецкий министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп бахвалился перед румынским послом в Берлине тем, что никто не посмеет напасть на Германию. «Сталин ничего не может сделать из-за Японии; а армия, убивающая собственных генералов, — добавил он, — вообще для нас не существует». Вне сомнений, немцы поощряли панику, особенно в Бухаресте, утверждая, что Чехословакия будет «раздавлена, как грецкий орех». Советская и румынская помощь — «фантазии». Франция и Великобритания ничего не могут поделать. «Игра Бенеша» подошла к концу¹¹⁹.

Однако Красная армия 21 сентября начала мобилизацию. Было приказано рассредоточить и нарастить военные силы на польских и румынских границах. Этот приказ касался 76 пехотных и кавалерийских дивизий, 3 танковых корпусов, 22 танковых и 17 авиационных бригад¹²⁰. Чехословакия начала мобилизацию 22–23 сентября, не получив запрета ни от Франции, ни от Великобритании, так как немецкие добровольческие корпуса начали сосредотачиваться в непосредственной близости от границы. В этот же день Чемберлен встретился с Гитлером в Годесберге, чтобы передать известие о капитуляции ЧСР, если Германия не предъявит к ней новых требований. 24 сентября Франция объявила о частичной мобилизации, Британия объявила о мобилизации на флоте. Кризис все еще мог выйти из-под контроля.

Тем временем, 22 сентября, Фирлингер встретился с Кулондром в Москве после разговора с Потемкиным, который (по словам Фирлингера), сожалел, что Прага не запросила советской помощи независимо от франко-чехословацкого пакта о неофициальной помощи¹²¹. Подразумевал ли Потемкин, что советское правительство намеревалось осуществить одностороннюю интервенцию? На следующий день Потемкин, узнав об откровениях Фирлингера Кулондру, попросил у него разъяснений. Фирлингер был пойман с поличным. Потемкин «выразил свое смущение» тем, что чехословацкий посол так понял его слова на прошлой встрече. «Будучи еще более смущенным, Фирлингер признал, что обсуждал с французским послом свою беседу с заместителем наркома индел только для того, чтобы информировать Францию о том, что Чехословакия может обойтись и без них. Он сказал, что отметил, как оно и было в действительности,

Советский Союз не возражал против заключения двустороннего соглашения с Чехословакией». Кулондр же докладывал в Париж не об этом, а о возможной советской односторонней акции. Однако Потемкин не знал этого и высказывал ему свое мнение за искажение его взглядов на вопрос Бенеша (советско-чехословацкий пакт), так как советское правительство его даже еще не обсуждало. «Я предупредил Фирлингера, что при первой же встрече с Кулондр вынужден буду дать необходимые разъяснения по этому поводу». Согласно Потемкину, «Фирлингер впал в отчаяние. Он просил меня ничего не говорить Кулондру, чтобы он еще больше не запутал этот вопрос». Через 15 минут после ухода Фирлингера он позвонил Потемкину и зачитал текст своей телеграммы в Прагу, в которой писал о неразберихе с телеграммами. Что же до его предположений о вероятности односторонней интервенции СССР, которые стали известны широким кругам, доказательств не существовало¹²².

Французское правительство с трудом сохраняло свою целостность: 5 членов кабинета министров угрожали подать в отставку: Рейнод, Мандел, Жан Зэй, Цезарь Кампинчи и Жан Шампетье де Рибе. Некоторые дипломаты с набережной Кэ д'Орсе также безуспешно пытались твердо действовать по отношению к нацистской Германии. Как сказал Зэй, еще оставались крупницы «французского достоинства», но только крупницы¹²³. 23 сентября 1938 г. в московской прессе появились тревожные сведения о том, что на польской территории существует угнетенное украинское меньшинство. 24 сентября Кулондр отправил депешу в Париж, в которой советовал в условиях «неизбежности конфликта» «немедленно» принять предложение Литвинова о созыве совещания штабов. Не получив ответа, тремя днями позднее он телеграфировал вновь, добавив в сообщение о намерениях Польши относительно Тешина. По мнению польского посла в Москве, Бек был убежден в пассивности Англии и Франции и «отсутствии желания остановить раздел Чехословакии только в пользу Германии». Такие же предупреждения поступали из французского посольства в Варшаве. Больше всего французского посла Леона Ноеля волновало то, что Польша могла перейти в немецкий лагерь и разразилась бы «идеологическая война.» Польский посол в Берлине сообщал своему коллеге в Румынии, что рождается «новая Европа», основанная на расовом принципе и «национальной государственности.» Соппротивление

«может быть смертельным.» Ходили слухи, что у Боннэ случился нервный срыв, которым можно объяснить отсутствие ответа на рекомендации Кулондра о созыве совещания штабов вплоть до 28 сентября, и то уклончивого. «Боннэ не слишком впечатлен, — сообщал Фиппс, — перспективой поздней и ограниченной помощи от русских. Теперь он больше боится того, что Польша будет по другую сторону баррикад в случае войны»¹²⁴.

В это же время на улицах Парижа возникли беспорядки, в связи с обвинениями правых против коммунистов в «провоцировании войны» и подготовке революции для установления «коммунистического режима». Даже в Праге правые обвиняли СССР в ответственности за чехословацкую капитуляцию. Потемкин распорядился Александровскому опубликовать речь Литвинова в Женеве, чтобы опровергнуть эти обвинения¹²⁵.

К концу сентября СССР сделал все возможное для того, чтобы помочь Чехословакии. Литвинов оставался в Женеве, но его действия вызывали только академический интерес в правительствах Англии и Франции, которые пытались найти спасение от кошмарных вариантов развития событий. Они, однако, не горели желанием принять всю полноту ответственности за свои действия. Когда чехословацкий посол Масарик полемизировал с Галифаксом, последний сказал, что Чемберлен был всего лишь «посыльным» для Гитлера.

— Посыльным преступника и убийцы! — резко возразил Масарик.

— К сожалению, так оно и есть, — ответил Галифакс.

Если Бенеш не сообщал Москве, что он оставлен Англией и Францией на произвол судьбы, это делал Масарик. Майский узнал о комментариях Галифакса в Женеве. «Комедия идет рука об руку с трагедией», — писал он в своем дневнике¹²⁶.

В Париже Фиппс обобщил позицию: «Если немецкая агрессия не будет слишком жестокой, кровавой и длительной... чтобы привести в ярость французское общественное мнение до такой степени, что люди вообще потеряют голову, мысль о войне будет крайне непопулярна во Франции. Поэтому, я думаю, что правительство Его Величества должно понимать крайнюю опасность даже намек на появление пусть разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны у нас в стране. Все лучшее, что есть во Франции, выступает против войны,

почти любой ценой». Даже Галифаксу не понравилось упоминание «разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны». Но Фиппс нисколько не ошибался, описывая взгляды, преобладающие среди французской элиты. Он защищался, говоря, что имел в виду, что «коммунисты уже месяцами получают деньги от Москвы на разжигание войны»¹²⁷.

В воскресенье, 25 сентября, в Женеве было относительно спокойно. Литвинов собрал у себя всех своих послов, чтобы задать неизбежный вопрос: «Ну, как ... война начнется или нет?» Он предполагал, что Англия и Франция сдадутся, с чем был согласен Суриц, однако мнение остальных было иным: если Чехословакия будет сопротивляться, сражаться придется всем, включая Англию и Францию. «Решатся ли Чемберлен и Даладье, в случае необходимости, смело произнести слово „война“? Может быть и не решатся», — рассуждал Майский.

«Насколько я знаю британцев, склонен согласиться с вами, — отвечал он Литвинову. — Но в теперешней ситуации существуют неизвестные факторы, которые могут иметь существенное значение. К примеру, поведение чехов в момент опасности...». В подсознании общественности засела мысль: Что если Бенеш сделает «что-нибудь безумное?» Если чехословаки будут сопротивляться, по соображениям Фиппса, будет трудно держать общественное мнение Франции под контролем дольше 10 дней. Боннэ же, тем не менее, был уверен, что Франция не будет воевать ни при каких обстоятельствах. Протестовать будут, наверное, только коммунисты¹²⁸.

В это же воскресенье Боннэ и Даладье встретились с Чемберленом, Галифаксом и прочими в Лондоне, чтобы обсудить недавние события и выработать стратегию поведения на ближайшее будущее. Даладье выступал в пользу противостояния дальнейшим требованиям Германии, но, в конце концов, сдался и пошел на поводу у Чемберлена. Майский лишь на следующий день узнал о встрече и о том, что Гамелен отправился в Лондон для получения резюме переговоров. Боннэ «сыграл самую позорную роль... настаивая на необходимости избежать войны любой ценой.» Если верить дневнику советского посла в Лондоне, Даладье в общем и целом поддерживал Боннэ. Это косвенно подтверждается тем, что он не уволил того, не заставил его молчать. Даладье не раз говорил о том, что Франция выполнит обязательства перед Чехословакией; а Боннэ говорил, что Третья республика не может

этого сделать. Согласно Майскому, Гамелен был оскорблен тем, что одним из доводов Боннэ в поддержку своей позиции было упоминание о «честь французской армии». Гамелен настаивал на том, что если придется воевать, Франция выйдет в конечном итоге победительницей. У немцев не было времени для укрепления своей обороны по так называемой «линии Зигфрида» на западе; «в настоящее время это лишь стена из джема». Таково вкратце то, что Даладье сказал во время встречи в Лондоне. Майскому это было прекрасно известно. Он также получил сообщение о том, что Чемберлен в беседе с представителями оппозиции охарактеризовал Гитлера как «достойного человека», который сохранит мир после получения Судетской области. Артур Гринвуд и Клемент Эттли отнеслись к этим словам скептически.

— Вы читали гитлеровскую «Мою борьбу?» — спрашивали они.

— Да, — зло ответил Чемберлен, — читал. Но кроме этого я встречался с Гитлером, а вы — нет!

— Что если Судетская область — не последнее требование Гитлера?

Чемберлен вновь раздраженно ответил:

— Я встречался с Гитлером, и верю ему, верю¹²⁹.

28 сентября Боннэ был на грани паники, обвиняя Бенеша в кознях против британского и французского правительств за то, что тот «всеми силами боролся за „превентивную войну“»¹³⁰. Итак, сопротивление нацистской агрессии превратилось в стремление к «превентивной войне». Вскоре эта идея стала основным содержанием антикоммунистической пропаганды.

Позиция Бенеша, была, конечно, более сложной — лидер небольшой страны, лавировавшей для выживания. По воспоминаниям Александровского, Бенеш «и хотел, и боялся» советской помощи: «В последних беседах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность получить от нас помощь. Он приглашал для беседы только когда получал очередной удар от Франции и Англии». Когда опасность отступала или же президент думал, что нашел «новый выход» из ситуации, «он сразу становился заметно менее заинтересованным в наших отношениях. От начала и до самого конца... он искренне надеялся и до сих пор надеется добиться максимально возможного для Чехословакии с помощью Англии и Франции; что же касается поддержки от СССР, он считает ее самым последним, самоубийственным способом защиты буржуазной

Чехословакии от нападения Гитлера». Бенеш говорил, что не хочет «нести ответственность за начало новой Мировой войны», в которой Гитлеру суждено сделать первый выстрел из-за сопротивления чехов. Вполне возможно, эта мысль появилась после упреков Англии и Франции. «Постоянное давление... начиная с Гитлера и заканчивая Даладье, было недостаточным стимулом для того, чтобы воспрянуть духом и сражаться». Александровский говорил, что никогда не критиковал политику Бенеша, действуя только как посредник, он лишь передавал свои наблюдения в Москву. Его отчеты нельзя назвать критикой, скорее, это был добротный анализ той дилеммы, в которую попал Бенеш, начиная с 1935 года, которая только усиливалась его страхами распространения большевизма на Европу, что мешало ему защитить свою страну от посягательств Гитлера. Те же, кто мог бы его поддержать, заметил Комнен после кризиса, не могли стать еще большими чехословаками, чем сама Чехословакия¹³¹. Однако к радости оппонентов, Бенеш не собирался затевать «чего-либо безумного».

Александровский готовил отчет в Москву как раз во время последнего акта раздела Чехословакии. Поощряемый англичанами и французами, Муссолини убедил Гитлера согласиться на четырехсторонние (исключая, конечно, СССР и Чехословакию) переговоры для преодоления кризиса¹³². Чемберлену представился шанс убедить всех в том, что он может вести переговоры с Гитлером. Утром 29 сентября он в третий раз отправился в Германию на самолете. На этот раз его целью был Мюнхен, где должна была состояться конференция. В кинохронике «Пате Газет» остался момент его отъезда. Воодушевленный, он быстро прошел к самолету на аэродроме Хэстон и с сияющими глазами обратился к собравшимся членам кабинета министров и своим сторонникам: «В детстве я постоянно повторял: если не получается, пытайся вновь, вновь и вновь. Этим я сейчас и занимаюсь. Когда вернусь, надеюсь, смогу сказать то же самое, что когда-то сказал сорвиголова Генри IV: „Мы выдернули этот цветок из зарослей крапивы даже не обжегшись“. „Ура!“ — ответила ему толпа провожающих. Во время взлета самолета премьер-министра голос за кадром говорит: „В добрый путь, мистер Чемберлен!“»¹³³.

Конец истории всем известен: в Мюнхене действительно было заключено соглашение, которое полгода спустя привело к исчезновению

Чехословакии. Кинохроника «Пате Газет» показывает Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини ранним утром 30 сентября за подписанием Мюнхенского соглашения. На следующих кадрах мы видим довольного Чемберлена, наклонившегося к немецкому служащему, забирающему английские копии соглашения. Даладье, наблюдая эту сцену, резко разворачивается и уходит, видимо, не желая получать свою. Бросается в глаза отсутствие чехословацкого и советского представителей¹³⁴. Тем временем, в Праге Бенеш просит совета у СССР, однако некоторое время спустя информирует Александровского о том, что принимает Мюнхенскую сделку. В дневнике Майского сохранилась запись о том, что в Лондоне он был свидетелем рыданий Масарика, сказавшего, что «они продали нас Германии в рабство, как когда-то продавали негров Америке». Советский посол «тепло пожал ему руку»¹³⁵.

Советскому правительству оставалось лишь оценить ущерб. В начале октября Литвинов по пути в Москву остановился в Париже. Он отказался от приглашения Боннэ заехать на Кэ д'Орсэ, но заехал в советское посольство, чтобы поговорить о Мюнхенском соглашении. Торжествовал ли Боннэ? Не по отношению к Литвинову, но к Фипсу, который, по всей видимости, вспомнил о своих давних и темных страхах: «Боннэ сказал мне, что намерениям СССР навязать Франции свою точку зрения на внешнюю политику не суждено было сбыться. Он улыбнулся при упоминании советской помощи в случае новой войны, относя исключительное мужество СССР к удаленности от поля боя». Боннэ продолжал переносить французские пороки на Советский Союз. По мнению Литвинова, Даладье можно было назвать героем, однако европейская пресса обожествляла Чемберлена. Подношения и последователи скапливались у его дверей, названия улиц меняли в его честь, его представили к награждению Нобелевской премией за сохранение мира. Литвинов об этом не говорил, но «Пате Газет» выпустила новую кинохронику Мюнхенской конференции, в которой голос за кадром воодушевленно говорил: «Четверо могучих мужчин собрались за одним столом... И воцарился мир в Европе!» Открытая машина Даладье проследовала через толпы парижан, из окон зданий развевались флаги, играла «Марсельеза», а на заднем сиденье машины сидел улыбающийся Боннэ¹³⁶.

Вернувшись в Москву, Литвинов был в ярости, причиной которой были действия Франции, страны, которая, согласно «Дневнику Москвы»

(полуофициальной еженедельной газете НКВД), даже не смогла сохранить достоинство на встрече в Мюнхене. Подобный комментарий лишь подтверждает, что Даладье еще в мае поддался немецкому послу, в то время, как раздраженный Кулондр требовал извинений¹³⁷. Наблюдая за этой бурей в стакане воды, Литвинов, должно быть, думал: «У меня есть и более важные дела, а именно, провал советской внешней политики в Европе и мое собственное будущее». Характеристика Великобритании из уст Москвы была еще более жесткой. Кое-то в советской столице вспомнил о другой фразе Генриха IV, которая говорила об «опасных... намерениях», «ненадежных... друзьях» и «трусливых» подхалимах¹³⁸. Шутники из Форин оффис предлагали свой вариант слов Чемберлена: «Если не можешь проиграть сразу, летай вновь, вновь и вновь». Что касается поляков, «их игра слишком тонка», а Комнен заметил: это лишь «политика наудачу», которая может привести к нежелательному обращению на них внимания Гитлера. По словам одного из французских дипломатов, поляки подобны «упырям, которые в прошлых столетиях ползали по полям сражений, добывая и грабя раненых». «Стервятники» — охарактеризовал их Даладье¹³⁹. Хотя кто бы говорил.

Суриц писал, что Франция пережила второй Седан — второе катастрофичное поражение, что ему отвратительны веселящиеся толпы в Париже. Майский докладывал, что Чемберлен вполне уверен в себе и собирается продолжать «отступление перед агрессором». Литвинов соглашался с этой точкой зрения, но не разделял мнение Сурица о том, что именно тотально пораженческое общественное мнение привело к Мюнхену. Сильное французское правительство могло бы повлиять на массовые настроения. «Французское правительство, — писал Литвинов, — ничего не сделало, чтобы объяснить своему народу важность Чехословакии с точки зрения интересов и национальной безопасности самой Франции». Франко-советский пакт — эта пустышка, которую Литвинов считал достойной заключить в 1935 году, разбилась вдребезги. Суриц докладывал, что радикалы, среди которых были и Боннэ, и Даладье, замыслили аннулировать его, как будто это подкупило бы Гитлера. Крайне правые и правые, чьи идеи были хорошо восприняты и центристами в французском правительстве, презирали саму идею франко-советского пакта, так как это подкрепляло и узаконивало «их основного и наиболее ненавистного врага,

французскую коммунистическую партию... становится вполне понятным, почему наравне с испанским вопросом основное давление справа производится по линии нашего пакта, по линии взаимоотношений с СССР»¹⁴⁰.

В декабре 1938 г. Риббентроп посетил Париж для подписания франко-германского договора. Литвинов не представлял себе, какой ценой достался Франции визит Риббентропа, хотя, с присущим ему сарказмом, подозревал, что Гитлер пошел на «акт доброй воли», дабы подкрепить позицию Боннэ и Даладье. Чем дольше они оставались у власти, тем лучше было для Гитлера, полагал Литвинов. Он даже подозревал, что Боннэ что-то «втайне пообещал», конечно, не в письменной форме и без ведома членов кабинета министров¹⁴¹. В Париже также ходили слухи о том, что Боннэ мог сказать Риббентропу. В частности, о том, что он мог предложить Гитлеру свободу действий на Востоке взамен на обещание оставить Францию в покое.

31 декабря 1938 года Литвинов вполне оправданно пожаловался на передовицу во французской газете «Ле ТЕМС», вне всяких сомнений, вдохновенную Боннэ и подготавливающую почву для дальнейших договоренностей с Германией. По мнению Литвинова, у Боннэ не было на уме каких-либо иных задач, кроме «ликвидации» франко-советского и франко-польского соглашений. Возможно, он как разрешил предоставить свободу действий на Востоке, но, согласно Литвинову, Боннэ просчитался, так как Гитлер не собирался давать чего-то взамен. Этого не требовалось¹⁴².

Корреспонденция Литвинова после неудачи, связанной с Мюнхеном, была мрачной. Однако, как показали события 1939 года, он не оставлял идеи всеобщего альянса против Гитлера. Последняя его попытка — в апреле 1939 года, когда он предложил Тройственный политический и военный союз Лондону и Парижу. И хотя французы поначалу заинтересовались, британцы отвергли советское предложение с обычным для них презрением. Это была последняя капля: 3 мая 1939 года Сталин отправил Литвинова в отставку¹⁴³. Он, должно быть, полагал, что раз подход Литвинова не работает, нужно найти новый.

Политику СССР в течение Мюнхенского кризиса нельзя рассматривать в отрыве от неудач в вопросе о советской идее коллективной безопасности. Литвинов безуспешно настаивал на взаимодействии против нацистской Германии. Его курс был основан не на субъективном мнении; он был одобрен Политбюро, а следова-

тельно — Сталиным. По сути, во второй половине 1930-х не было вопросов в советской внешней политике, которые не решались бы Генеральным секретарем¹⁴⁴. Когда Сам собирался менять курс, Литвинов пытался его переубедить. Когда в Москве с вопросом не могли определиться, Литвинов убедил Сталина принять ничего не стоивший договор 1935 года. Именно он получил одобрение Сталина в сентябре 1936 на возобновление попыток собрать антинацистскую коалицию. Он же отговорил Сталина от чрезмерно агрессивной политики по отношению к Испании. Литвинов, по всей видимости, убедил Сталина рассмотреть возможность переговоров штабов с французами в 1936–1937 годах, несмотря на оправданный скепсис последнего. Литвинов же получил сталинское одобрение на советскую позицию в поддержку Чехословакии в том виде, в котором он представил ее Пайарту 2 сентября 1938 года. Во всех этих делах Литвиновым двигали государственные нужды, какими он их себе представлял: нацистская угроза и необходимость организовать сильную коалицию, чтобы ей противостоять.

Изо всей секретной переписки и заметок Литвинова, упомянутых в данном очерке, только одно сообщение идет в русле марксизма-ленинизма. В 1936 году он предложил Сталину опубликовать статью в советской прессе, чтобы предупредить Францию. Сталин, должно быть, рассмеялся над неуклюжей попыткой Литвинова «говорить, как большевик». Возможно, Литвиновым двигала обычная и естественная идея: нельзя отступать перед лицом агрессора. Была и другая: враг моего врага — мой друг. «Белые вороны» в Париже поняли идею, как и задолго до этого короли Франции, заключали союзы с османскими султанами. Цвет Третьей Республики забыл о своей истории или предпочел не повторять ее.

А как же Сталин? Был ли он заложником идеологических догм или он не придавал значения различиям в «империалистических» противниках? Была ли его подозрительность по отношению к французам основана на идеологических предвзятостях или на долгом опыте взаимоотношений с их враждебным правительством? В ходе 1930-х Сталин был поглощен внутренней политикой и уничтожением политической оппозиции. Он был уверен в Литвинове — в той степени, в какой он доверял кому угодно, и позволял последнему говорить от лица советского государства. До сих пор были доступны только некоторые секретные директивы Сталина ка-

сательно внешней политики. Тем не менее, нам известно, что советская внешняя политика была в высшей степени централизованной и даже незначительные вопросы выставлялись на повестку Политбюро. Исходя из расписания Сталина, мы знаем, что Литвинов регулярно, хоть и не часто встречался со Сталиным, и очень часто — в период кризиса. У нас есть доступ к архивам Политбюро, в частности, к протоколам заседаний по вопросам дипломатии. Сам Литвинов искренне верил в необходимость иерархии. Внешней политикой нельзя было заниматься на лету, а дипломатам в зарубежных столицах — говорить, что им вздумается. Советский Союз в 1930-х годах искал точки соприкосновения исключительно в целях собственной безопасности. Его политика была всегда сдержанной в обстановке постоянной враждебности и опасности. СССР не искал пути к «изоляции». Литвинову необходимо было создать антинацистский альянс, и он постоянно продвигал эту идею. Парадоксально, но две европейские державы, так нуждающиеся в оружии, золоте и сильном союзнике отвергли все предложения от такого потенциального союзника, который мог бы кардинально изменить баланс сил.

В начале 1938 года, накануне чехословацкого кризиса, упорные попытки Литвинова создать антигерманский альянс потерпели сокрушительный провал. Становится понятной осторожность советского правительства во взаимоотношениях с Лондоном и Парижем, хотя Москва, как писал Литвинов Сурицу в январе 1938 года, все еще держала дверь открытой. В том году Литвинов несколько раз пытался помочь Чехословакии в вопросе обеспечения безопасности: в марте, июне, августе и сентябре¹⁴⁵. Вопрос о помощи в одиночку не стоял; это было обречено на провал, учитывая «испанский опыт». Эффективной система коллективной безопасности могла стать только в случае участия Англии и Франции, которое так и не состоялось. Тем не менее, французское и британское правительства, как и множество западных историков и журналистов, впоследствии обвиняли Москву в вероломстве, измышлениях, интриганстве с целью оставить Францию и Британию наедине с Гитлером. Таким образом, преступник обвинял жертву своего преступления. Франция и Британия утверждали, что Красная армия не выдержит наступления из-за чисток 1937 года, которые означали упадок СССР. Они противоречили фактам. В июле и августе 1938 Красная армия отразила японские атаки у озера Хасан на Дальнем Востоке, а в сентябре

за 10 дней мобилизовала больше дивизий на русско-польских границах, чем Франция — на германской. У Британии, конечно, не было армии, чтобы послать на помощь Франции, а та не собиралась выступать против Германии даже несмотря на то, что генерал Гамелен назвал укрепления на западных границах «стеной из джема».

Кроме того, существовал и польский фактор. Польша формально была союзником Франции, но заключила пакт о ненападении с Гитлером. Польская элита питала отвращение к России и большевикам, пренебрежительно относилась к чехословакам. Польское правительство объявило о политике невмешательства в дела двух опасных соседей, однако на самом деле держалась курса нацистской Германии. Французы временами заговаривали о расторжении договора с Польшей, но так никогда не решились из-за боязни, что Польша в открытую перейдет на сторону Германии. Если бы началась война за Чехословакию, Красная армия перешла бы в наступление на Польшу как на германского союзника и, нанеся ей поражение, распространила бы советское влияние на территорию Европы. Франция и Великобритания умышленно проглядели агрессивные польские намерения в надежде избежать худшего исхода, как минимум, для себя. Их кошмары об омерзительных близнецах: войне и большевистская революция — препятствовали защите как Чехословакии, так и всей Европы от нацистской Германии.

Итак, на ком же лежит ответственность за падение Чехословакии? В первую — на Лавале, который разрушил франко-советский пакт, и Бенеше, который целиком зависел от Франции и принял губительные для страны условия мирного урегулирования конфликта. Литвинов предупреждал его не принимать эту сделку, но чешский президент не пошел на сближение с СССР без Франции, а последняя никогда не решилась бы на этот шаг. Таким образом, необходимый союз был несостоятелен изначально, несмотря на последующие попытки Блюма восстановить ситуацию. Великобритания также сыграла роль, так как ее МИД принял франко-советский пакт в сильно урезанной форме, и то неохотно. Когда СССР настаивал на переговорах штабов, а Блюм и его сторонники пытались продвигать эту идею, вмешался Иден и движение прекратилось. А вскоре и Сталин внес свою лепту: возможно, он не предполагал, что его убийственная внутренняя политика может повлиять на международные отношения. Если дело было в этом, то Сталин глубоко заблуждался, так

как чистки в верховном советском командовании стали хорошим предлогом для французского генералитета не вступать в тесные взаимодействия с Москвой, которые им в любом случае были не нужны.

Несмотря на неурядицы в стране, вызванные репрессиями, советская внешняя политика продолжала курс в защиту национальных интересов государства, а Красная армия в сентябре 1938 года провела частичную мобилизацию. Начала бы Красная армия военные действия в случае вступления в войну за Чехословакию Англии и Франции? Доступные в настоящее время материалы

не позволяют дать однозначный ответ, но вопрос является спорным в любом случае. СССР не стал бы действовать в одиночку, а Франция и Великобритания не собирались вообще что-либо делать. Чехословакия могла бы попытаться выйти из положения, изначально рассчитывая только на свои силы. Но Бенеш не был тем лидером, который мог бы вести страну в этом направлении. У Чехословакии не было более опытного союзника, чем Литвинов. Британия, Франция и сам Бенеш боялись схватки. В этом деле, как сказал Литвинов, как бы ни отрицали на Западе, только у Советского Союза остались «чистые руки».

¹ Галифакс — британской делегации в Женеве, № 54, 23 сентября 1938 / Документы британской внешней политики (далее: ДБВП), серия 3. Лондон: 1949–1957. Т. II. С. 480; Запись от 23 сентября 1938 г. / Майский И. М. Дневник дипломата. (Далее: Дневник). М., 2006–2009. Кн. 1. С. 277–280.

² См. *Young R. J. France and the Origins of the Second World War*. NY, 1996; *Parker R. A. C. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. London, 1993; *Carley M. J. 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II*. Chicago, 1999.

³ *Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941*. L, 2002. P. 126 and passim.

⁴ *Steiner Z. The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // Historical Journal*, 1999, № 42. P. 751–79. Хотелось бы поблагодарить Зару за высланные ею мне фотокопии советских документов, которые были использованы при написании данной работы.

⁵ *Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. London — NY, 2004. P. xv; Безыменский Л. А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009. С. 140–151. См. также *Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler*. Bloomington, 1989. P. 85–93; *Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39*. NY, 1984. P. 158–194; *Dullin S. Des hommes d'influences: les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris, 2001. P. 285–301; *Uldricks T. J. War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II // History & Memory*, 2009, 21. P. 60–82.

⁶ Charles Alphand, French Ambassador in Paris, nos. 444–46, 12 October 1934, *Documents Diplomatiques Français* [hereinafter DDF], 1re série. Paris, 1964–1984. Vol. VII. P. 718–19; АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации), Ф. 0136. Оп. 19, п. 164. д. 814, л. 166–170

⁷ МАЭ [Ministère des Affaires étrangères, Paris], [ancienne série Z] Europe, 1918–1940, URSS, vol. 974, fol. 26.

⁸ АВП РФ. Ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 150–151; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. / Под ред. Адибекова Г. М., 2001. С. 322.

⁹ АВП РФ Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 52–49.

¹⁰ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). М., 1958. Т. XVIII. С. 292–93; Телеграмма Потемкина в НКВД от 20 апреля 1935 / Там же. С. 295–96.

¹¹ ДВП. Т. XVIII. С. 296–97; Политбюро ЦК РКП(б)... С. 325, 326.

¹² DDF, 1er, X, 384–85.

¹³ ДВП. Т. XIV. С. 306–309.

¹⁴ АВП РФ, Ф. 05, оп. 15, П. 113, Д. 112. Л. 179–182; там же. П. 106. Д. 16. Л. 5–6; На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принимаемых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. Чернобаева А. А. М., 2008. С. 160–161.

¹⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений в 5 томах. М., 1973–1975. Т. III. С. 106–107; по истории советско-чехословацких отношений см. также *Кен О. Н. Чехословакия в политике Москвы (1932–1939 гг.)*. «Россия XXI»: 1996, № 7–8. С. 52–70. № 11–12. С. 82–112; 1997, № 1–2. С. 62–86.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Л. 184; DDF, 1er, X, 361–62; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106.

¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)... С. 326.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 163–166.

¹⁹ Советско-румынские отношения: документы и материалы в 2 тт. (Далее: СРО) М., 2000. Т. II. С. 18–19; Там же. С. 21–22; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 16. П. 122-а. Д. 1. Л. 31–30.

²⁰ СРО. Т. II. С. 24–25; там же. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 71–69.

²¹ СРО. Т. II. С. 39–44; Там же. С. 30–33; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

²² Там же. Л. 96–99.

- ²³ МАЭ URSS/977, ff. 175–76.
- ²⁴ Sargent's Minute, 4 May 1935, C3613/55/18, FO [National Archives of the United Kingdom, Kew, Foreign Office] 371 18838.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106; МАЭ URSS/973, ff. 107–110; Ibid. URSS/1004, ff. 172–74.
- ²⁶ МАЭ URSS/972, ff. 116–19.
- ²⁷ Tabouis G. They Called Me Cassandra. NY, 1942. P. 207.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 53–63; там же. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 3–8, 65–67. О польско-чехословацких отношениях см. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. М., 2004.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 15. П. 80. Д. 1. Л. 68–67.
- ³⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 15–16.
- ³¹ Sargent's Minute, 19 Feb. 1935, C1339/55/18, FO 371 18826; C4694/55/18, FO 371 18846.
- ³² FO 371 19460, N6304/135/38.
- ³³ МАЭ URSS/978, ff. 195–97; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 133–41.
- ³⁴ Там же. Л. 17–18; Там же. С. 7–13; там же. Оп. 16. П. 154. Д. 730. Л. 15–13.
- ³⁵ N2418/22/38, FO 371 16319.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 5. Д. 89. П. 21. Л. 7–9, 10–11, 1, 21; РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1. Д. 7. Л. 95; АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 110; N1404/75/38, FO 371 14860; C4517/18/17, FO 371 20686; Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936 / Ed. L.T. Lih. — New Haven, 1995. P. 174–75.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 18–11, 27–19.
- ³⁸ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 35–37; СРО. Т. II. С. 34–38.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 2–3, 4–6.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 33; там же ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 101–100.
- ⁴¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 19. Д. 814. П. 164. Л. 119–22; *Documents on German Foreign Policy* [далее DGFP], series C, vol. IV. Washington, 1959–1983. Pp. 255–56, 493–96, 925–26.
- ⁴² SRO, I, 58–59; and Robert Coulondre, French Ambassador in Moscow, no. 20, 8 Jan. 1937, МАЭ, *Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou*, 1937.
- ⁴³ Советско-американские отношения: годы непризнания, 1927–1933. М., 2002. С. 748–749. А также различные документы в сб. «Советско-американские отношения, 1934–1939» (М., 2003).
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 108. Д. 47. Л. 32–33; там же оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 95–96.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 82–83.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ, Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 19–21.
- ⁴⁷ N880/20/38, FO 371 20339; Carley M.J. A Fearful Concatenation of Circumstances: The Anglo-Soviet Rapprochement, 1934–1936 / *Contemporary European History*, 1996, Vol. 5, No. 1. P. 29–69.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 84–79, 10–9.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 22. Л. 38–39; «На приеме у Сталина», С. 191–193; О. 16, Р. 116, Д. 22, II. 38–39; Carley M.J. Caught in a Cleft-Stick: Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War // *The International Context of the Spanish Civil War*. Cambridge, 2009. P. 151–180.
- ⁵⁰ DDF, 2e, III, 329–31.
- ⁵¹ AMAE (*Arhiva Ministerului Afacerilor Externe*, Bucharest), fond 71 (1920–1944), URSS, vol. 84, ff. 4–5; DDF, 2e, III, 552–53, 570–71; SRO, II, 110–11; также хотел бы поблагодарить свою помощницу Елену Лавинию Попицу, которая нашла и перевела для меня ряд румынских документов.
- ⁵² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 175–172.
- ⁵³ Там же. Л. 24–23.
- ⁵⁴ “Notes on the Attitude of the French General Staff towards the Franco-Soviet Pact,” F.G. Beaumont Nesbitt, nd (but October 1936), C7262/92/62, FO 371 19880.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 185–189.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 14–13; AN [*Archives Nationales*, Paris], *Papiers Schweisguth*, 351AP/3.
- ⁵⁷ ДВП, XIX. С. 428–429; C3620/532/38, FO 371 20702; C3685/532/62, *ibid.*; C3910/532/62, *ibid.* См. тж. Jansen S. Pierre Cot. Un antifasciste radical. Paris, 2002. ff. 294–307, Carley, 1939, 22–25; Carley M.J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy & Statecraft*, 2006, Vol. 17, No. 2. P. 322–27.
- ⁵⁸ C8880/532/62, FO 371 20702.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 7–4; там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 35.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 0138. Оп. 18. П. 126. Д. 1. Л. 31–28, 36–35.

- ⁶¹ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 58–61; там же ф. 0136. Оп. 21. П. 109. Д. 839. Л. 4–3.
- ⁶² Carley M.J. Episodes from the Early Cold War, Franco-Soviet Relations, 1917–1927. // *Europe-Asia Studies*, 57, 7 (2000). P. 1278; Carley M.J. Soviet Eye. P. 319–20; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 12–9; там же. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 180–182; Lacroix-Riz A. Le choix de la défaite. Les élites françaises dans les années 1930. Paris, 2006. S. 173–78.
- ⁶³ Vidal G. Le PCF et la défense nationale à l'époque du Front populaire (1934–1939) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 2004, № 215. ff. 47–73.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 22–19; DDF, 2e, VII, 433–35.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 1–4.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 58–53; там же ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 70–71; Документы по истории мюнхенского сговора (далее: ДИМС). М., 1979. С. 19–20; Майский И. М. Ук. соч. Кн. 1. С. 190–195; AMAE, f. 71/France, vol. 3, fol. 6.
- ⁶⁷ Майский И. М. Ук. соч. Кн. 1. С. 165.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 8. Д. 76. Л. 186–180; там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 63–59.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 12–10.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 10–13.
- ⁷¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 75–78; DDF, vol. VIII, ff. 772–74; Ibid. vol. VII, ff. 550–52.
- ⁷² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 13–15.
- ⁷³ ДВП, т. XXI, с. 126–27; DDF, vol. VIII, ff. 824–31; AMAE, f. 71/France, vol. 3, ff. 27–29.
- ⁷⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 11. Л. 29–28.
- ⁷⁵ Cadogan's minute, 17 March 1938, C1935/95/62, FO 371 21626.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 4–7; там же. Ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 15–19; ДВП, т. XXI, с. 96–97.
- ⁷⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 20–23.
- ⁷⁸ Там же, л. 36–34.
- ⁷⁹ Там же. Л. 25–30. Данная телеграмма опубликована также в ДИМС (с. 80–83), но последний абзац о Польше там опущен.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 140. П. 26. Л. 22–24.
- ⁸¹ ДВП, т. XXI, с. 161–64; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 23.
- ⁸² Там же, л. 25–26; там же, л. 27–28; там же, оп. 18. Д. 140. П. 26. Л. 32–33.
- ⁸³ Foreign Relations of the United States, 1938 [далее: FRUS, 1938]. Vol. I. P. 500–04; University of Birmingham, N. Chamberlain Papers, NC18/1/1042, Chamberlain to his sister Ida, 20 March 1938.
- ⁸⁴ DGFP, D, vol. II, S. 257–60; FRUS, 1938, vol. I, p. 493–95; *ibid.*, pp. 500–04.
- ⁸⁵ ДВП, т. XXI, с. 262–63; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13; FRUS, 1938, vol. I, pp. 500–04; DDF, vol. IX, ff. 671–73; AMAE, f. 71/URSS, vol. 85, ff. 217–20.
- ⁸⁶ AMAE, f. 71/Romania, vol. 102, fol. 116; *ibid.*, ff. 170–71; Cf., Ragsdale, Munich Crisis, pp. 83–86, 148.
- ⁸⁷ DDF, vol. IX, ff. 815–16; *ibid.*, ff. 825–26; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13.
- ⁸⁸ DGFP, D, vol. II, s. 326–28.
- ⁸⁹ ДИМС, р. 132; Carley, 1939, pp. 42–44.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. Д. 1. Л. 33–34.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 16–18; Cf., Steiner, Crisis, p. 758.
- ⁹² DDF, vol. X, ff. 437–38; ДВП, т. XXI, с. 387–89.
- ⁹³ Carnets secrets de Jean Zay (Paris, 1942), entry of 19 Sept. 1938, 6.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 24–27; Cf., Steiner, Crisis, pp. 759–60.
- ⁹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 30–32; DDF, vol. X, ff. 445–48; *ibid.*, ff. 450–51; ДВП, т. XXI, с. 402–05.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 165. Л. 105–91.
- ⁹⁷ DDF, vol. X, ff. 467–68.
- ⁹⁸ *Ibid.*, ff. 519–20.
- ⁹⁹ ДИМС, с. 174–75; DDF, vol. X, f. 843; *ibid.*, ff. 874–75.
- ¹⁰⁰ *Ibid.*, f. 840.
- ¹⁰¹ *Ibid.*, ff. 899–900.
- ¹⁰² DBFP, vol. II, ff. 194; *ibid.*, ff. 219–20.
- ¹⁰³ Steiner, Crisis, p. 763; «На приеме у Сталина», С. 239; ДВП, т. XXI, с. 470–71; DDF, vol. X, ff. 934–35.
- ¹⁰⁴ DBFP, vol. II, ff. 255–56; *ibid.*, ff. 269–70; Майский И. М. Дневник. Кн. 1. С. 251, 267–68; Carley, 1939, p. 51–55.

- ¹⁰⁵ ДВП, т. XXI, с. 487–88.
- ¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 45–46; ДИМС, с. 215.
- ¹⁰⁷ DBFP, vol. II, ff. 309–312; ДИМС, с. 211–12.
- ¹⁰⁸ DBFP, vol. II, ff. 323.
- ¹⁰⁹ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 270–71; AMAE, f. 71/Romania, vol. 103, fol. 124; ДИМС, с. 213–14; AMAE, f. 71/Little Entente, vol. 29, fol. 28.
- ¹¹⁰ ДИМС, с. 235–36; DDF, vol. XI, ff. 347–48; Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 273–74; DDF, vol. XI, ff. 361; *ibid.*, f. 394; *ibid.*, ff. 397–98; ДИМС, с. 244–45.
- ¹¹¹ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 275–76.
- ¹¹² Phipps, no. 605 saving, 20 Sept. 1938, C10251/5302/18, FO 371 21777.
- ¹¹³ ДВП, т. XXI, с. 498–499; Политбюро ЦК РКП (б), с. 363–364; ДВП, т. XXI, с. 500; ДИМС, с. 244.
- ¹¹⁴ Там же, с. 240–41.
- ¹¹⁵ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 276–80.
- ¹¹⁶ Международная жизнь, 1988, № 12, с. 119–32; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 69–70. Историографический комментарий данных событий можно найти в Carley M. J. Soviet Foreign Policy in the West, 1936–1941 // Europe–Asia Studies, 2004, vol. 56, No. 7, pp. 1081–92.
- ¹¹⁷ ДВП, т. XXI, с. 515–16; там же, с. 516–17; DDF, vol. XI, ff. 486–87; *ibid.*, ff. 501.
- ¹¹⁸ Herbrand Edward, Earl de la Warr, Lord Privy Seal (Geneva), no. 52, 15 Sept. 1938, C9953/5302/18, FO 371 21776; AMAE, f. 71/Romania, vol. 103, ff. 152–53; FRUS, 1938, vol. I, p. 652–54; AMAE, f. 71/Romania, vol. 103, fol. 61.
- ¹¹⁹ AMAE, f. 71/special files, vol. 343, fol. 12; *ibid.*, fol. 21; *ibid.*, ff. 34–35.
- ¹²⁰ Ragsdale, Munich Crisis, p. 111–26.
- ¹²¹ ДИМС, с. 265; DDF, vol. XI, ff. 446–47.
- ¹²² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 71–72; ДИМС, с. 204–05.
- ¹²³ Meltz R. Alexis Léger, dit Saint-John Perse. Paris, 2008. Ff. 518–26; Carnets secrets de Jean Zay, 21–22 Sept. 1938, ff. 7–9.
- ¹²⁴ Coulondre, nos. 718–19, 720, 724–27, 23, 24, & 27 Sept. 1938, MAÉ, Bureau du chiffre, Télégrammes à l'arrivée de Moscou, janvier 1938–23 août 1939, Bonnet to Coulondre, no. 555, 28 Sept. 1938, *ibid.*; Djuvara, no. 38206, 22 Sept. 1938, AMAE, f. 71/special files, vol. 343, ff. 36–38; and DBFP, vol. II, p. 489.
- ¹²⁵ DBFP, vol. II, p. 509–10; *ibid.*, p. 510.
- ¹²⁶ ДИМС, 284; Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 280–83.
- ¹²⁷ DBFP, vol. II, p. 510; *ibid.*, p. 535; *ibid.*, p. 543–44.
- ¹²⁸ Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 283–84; AMAE, f. 71/special files, vol. 343, fol. 27; DBFP, vol. II, p. 509–10; FRUS, 1938, vol. I, p. 620–21.
- ¹²⁹ Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 284–85. Cf., DBFP, vol. II, ff. 520–41; ff. 575–76.
- ¹³⁰ *Ibid.*, ff. 588.
- ¹³¹ ДИМС, с. 326–37; AMAE, f. 71/Little Entente, vol. 29, fol. 116.
- ¹³² Meltz, Alexis Léger, p. 525.
- ¹³³ Pathé Gazette, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=20737
- ¹³⁴ *Ibid.*, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=50545
- ¹³⁵ ДВП, т. XXI, с. 552–53; Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 289.
- ¹³⁶ ДВП, т. XXI, с. 555–56; Phipps, no. 645, C11379/5302/18, FO 371 21778; Pathé Gazette, URL: <http://www.britishpathe.com/record.php?id=20746>
- ¹³⁷ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. Д. 172. П. 863. Л. 9–10.
- ¹³⁸ Спасибо профессору Роберту Джонсону из Университета Торонто за то, что он обратил мое внимание на этот советский ответ.
- ¹³⁹ The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946 / Ed. Kenneth Young. — London, 1973. Vol. I, pp. 399, 402; AMAE, f. 71/Romania, vol. 259, ff. 96–100; FRUS, 1938, vol. I, p. 667–69.
- ¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 165. Л. 201–192; там же д. 11. П. 17. Л. 83–76; там же оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 75–76; там же, л. 72; п. 165. Л. 229–222; там же, л. 255–238.
- ¹⁴¹ Там же, ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 88–90.
- ¹⁴² Там же, л. 100–03.
- ¹⁴³ Carley, 1939, гл. 4.
- ¹⁴⁴ Khlevniuk O. V. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. New Haven, 2009. P. 251.
- ¹⁴⁵ На приеме у Сталина, с. 228–39.

Дым до огня

В. Р. Мединский*

*Права она или не права — но это моя страна.
Американская поговорка*

В 2009 г. отмечалось 70-летие начала Второй мировой. Вдруг в Евросоюзе — словно на пустом месте — возникла настоящая истерия по поводу роли СССР в этом печальном событии. По какой-то извращенной логике начали уравнивать Сталина с Гитлером как виновного в начале мировой бойни. Советский Союз — уравнивать с Третьим Рейхом. Это было везде — от стонов в интернете до официальных заявлений ПАСЕ и ряда европейских парламентов. Попутно был услужливо вытасчен весь набор черных мифов о войне. Нужно быть очень наивным человеком, чтобы не предугадать: черные мифы о войне будут снова выплескивать нам на головы.

Советская пропаганда была эффективна. Особенно в военное время, и позже, пока память была свежа. А потом — показала всю свою казенность, вялость и тупость. Она все время опаздывала. Память о войне затерлась. К 1970-м окончательно Подвиг отлакировали и покрыли гляncем официоза.

К 1980-м вообще все как-то затухло. Потом началось беспамятство 1990-х и полное безразличие ко всему, что не за «бабки», — наших «нулевых». Старая трактовка истории войны отныне считалась излишне идеологизированной, а новой — нет. Есть попытки остановить ревизию истории, есть много талантливых работ, но их знают только специалисты.

Среди мифов, как среди рифов

Дым до огня... Мифы о грядущей войне начали сочиняться задолго до ее начала.

Да еще какие!

Взять хотя бы официальную военную доктрину СССР: «Бить врага на чужой территории и малой кровью». Впрочем, партийные пропагандисты уверяли, что бить, собственно, никого не придется. Потому что немецкие солдаты-«пролетарии» с началом войны должны сразу осознать историческую правду коммунистической партии и решительно повернуть оружие против собственных капиталистов. Кажется смешным, но именно так и обстояло дело в некоторых советских пропагандистских романах и фильмах 1930-х гг.

С другой стороны — гитлеровская доктрина «Блицкрига» — молниеносной войны. За два месяца дойти до Москвы, потом до Волги и закончить полным разгромом Красной армии, самое позднее — к концу октября.

Если посмотреть на карту, то очевидно: расстояние от Бреста до Сталинграда за два-три месяца пройти можно. Даже пешочком, вразвалочку и с остановками на перекус. Но при одном условии: если так прямо идти и идти, нигде не встречая ни малейшего сопротивления. Тратить силы исключительно на передвигание собственных ног.

А пропаганда нацистов? Поначалу декларировали: идем покорять недочеловеков, расселимся на тучных черноземах Украины, в Крыму устроим филиал Баварии. Потом перестроились: мы, культурная Европа, хотим освободить Россию от жидов-коммунистов. В рамках новой, «продвинутой» PR-концепции родится т. н. «пропуск в плен». Нацисты тоннами сбрасыва-

* Владимир Ростиславович Мединский — депутат Государственной Думы, член Президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, д.п.н., профессор МГИМО.

ли листовки с этим «пропуском» над позициями советских войск. В них предлагалось идти сдаваться, подняв руки и держа эту листовку в руке. А «пропуском в плен» служили слова, которые надо сказать первому встречному германскому солдату. Волшебные слова звучали так: «Бей жид-а-политрука, морда просит кирпича». Мощно, да? Дорогой читатель, я не шучу!

А пропагандистская доктрина британцев? Когда величайшая на Земле колониальная империя провозгласила главной геополитической целью — остановить агрессивный колониализм (!) германцев! Это, товарищи, заявка посильнее Фауста Гёте.

А красавица Польша? Насчет вернуть Речь Посполитую от «можа» и до «можа»? В смысле от Балтики до Черного моря? И как это, спрашивается, они всерьез собирались делать? Самое смешное: накануне сентября 1939 г. многие польские политики приветствовали надвигавшуюся войну с гитлеровской Германией! Уверяли, что Войско Польское в краткий срок разгромит зарвавшихся германцев — и водрузит красное знамя Победы над Рейхстагом! Опять не верите? В архивах хранятся польские газеты лета 1939 г. Впрочем, все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Потому что безумная шляхетская удаль, из века в век столь безмозгло проявляемая некоторыми потомками героев Сенкевича, всегда и везде, — и в сентябре 1939 г., и в апреле 2010 г. под Смоленском — ведет к человеческим трагедиям.

Вермахт раздавил Польшу за три недели. Правительство бежало. Но не смогли убежать три миллиона несчастных польских граждан, что погибли в 1939–1945 гг., в основном, увы, не с оружием в руках, а в концлагерях и газовых камерах. Это им пришлось заплатить своими жизнями за бесшабашность своих политиканов. Тех, кто отказываясь даже от мысли о союзе с Советами, мечтательно рисовал цветными мелками карты будущей Великой Речи Посполитой.

А Франция? Удержать захваченное в Первую мировую любой ценой, отсидевшись за линией Мажино. Сегодня кажется нелепым: неужели французы всерьез на это рассчитывали?

А официальная доктрина США? На словах все о том же — о борьбе за демократию, естественно. А в действительности принцип простой — «Моя хата за океаном». Пусть эти чокнутые европейцы опять режут друг друга, а мы будем снова *make money* на военных поставках. Как в Первую мировую.

Все 1930-е гг. окутаны столь густым мифологическим туманом, что сквозь него еле-еле видны реальные интересы и истинные намерения участников. Если принимать всерьез хотя бы на 50 % то, что говорилось и писалось, — полное впечатление, что все правительства великих держав постоянно друг другу ввали. И притом жили в настолько густом пропагандистском дыму, что и сами, надышавшись, теряли представление о том, что есть истина, а что — лишь отблески от напущенной ими же зеркально-дымовой завесы.

Мифы товарища Сталина

Начнем со знаменитой речи т. Сталина по радио 3 июля 1941 г. Ярчайший пример красочной мифологии.

«Враг... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза».

Так чего же хочет Гитлер?! «Восстановления царизма» или «разрушения национальной государственности» в России? Дальше — больше.

«Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы», — успокаивал Сталин.

Сталину и тогда, и после 1945 года было что скрывать. Иначе почему он «не рекомендовал» своим генералам писать мемуары о войне? Но, как это часто случается, жестко дозируя и цензурируя информацию, утверждая «единственно верную историю» войны, руководство СССР не предусмотрело всех последствий своих действий.

Мрачные последствия сталинского мифа о войне

Последствие первое: в СССР, как ни странно, оказалось мало достоверной информации о войне. Народ мог с равным успехом верить в любые утверждения официоза или вообще не верить ни во что. В результате новые мифы сочинял буквально всяк, кому не лень, и по любому удобному поводу, в то время как официальные наши издания по истории Великой Отечественной были довольно скромны.

Только в середине 1960-х, к двадцатилетию Победы, издали шеститомник.

Затем, уже при Брежневе, в течение 10 лет выпускали 12-томную энциклопедию. При этом в ней около 35 % объема — про действия союзников.

В Англии тем временем издали аж 40-томную историю Второй мировой. В этой грандиозной эпопее самим британцам, естественно, посвящено более 90 % текста. О некоторых же «второстепенных» сражениях, типа Сталинградского, — буквально несколько страничек.

Японцы перещеголяли всех. Их «История Второй мировой войны» — это 110 (сто десять) томов. Показано расположение чуть ли не отдельных рот, масса персоналий, рассказывается история взятия и потери городков в Китае с населением в 10–20 тысяч человек (по китайским меркам, просто безлюдных хуторов). Только вот заголовочка — боюсь, грядущие поколения японцев обречены недоумевать: а почему война считается мировой? Ибо в японской «Истории» лишь 3 тома из 110 посвящены боевым действиям не японской, а других армий.

В этой связи — следствие второе: за рубежом основным источником сведений о Великой Отечественной стали мемуары... нацистских генералов. Им то никто писать не запрещал. А откуда еще могли взять свои суждения американцы и англичане о событиях на Восточном фронте?! Русским велели молчать, а нацисты орудовали пером вовсю, причем красиво и профессионально. Вот и кочуют до сих пор по страницам публицистики генерал Мороз, полковничиха Распутица, маниак Комиссар, стреляющий в спину своим солдатам, и другие странные персонажи. Они как бы и есть — главные победители Гитлера.

Есть в этом деле еще один момент... Одно — достаточно туманное предположение. До 1967 года ЦРУ (да-да, Центральное разведывательное управление) выпустило 1000 книг. Каких — никто не знает. Где, в каких странах они выходили? О чем в них писалось? Издательская деятельность американской разведки была засекречена, как и все остальное. Но известно, что связи с немецким генералитетом у американской разведки тянулись чуть ли не с подготовки покушения на Гитлера в 1944 году. После войны американские спецслужбы могли генералов просто использовать, в том числе и заставляя писать мемуары. Мемуары гитлеровских военачальников, акценты в которых расставлены по всем правилам психологической войны, аккуратно перевести на разные языки и активно издавались.

Окончательных выводов я не делаю, нужно дожидаться, когда всплывет список 1000 книг ЦРУ. Но концепции гитлеровских генералов живут до сих пор. И зачастую, увы, побеждают.

Параллельные мифы

Каждому народу нужны свои мифы. Мифы о своей армии, своих битвах, своих героях. Англичане убеждают: главное сражение Второй мировой — никакой не Сталинград. Главное произошло в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Американцы возражают: нет, самое главное — сражение за атолл Мидуэй. Японцы не соглашаются — намного важнее была битва за Алеутские острова! И, конечно же, оборона острова Окинава.

Эти мифы назойливы, нелепы, могут вызывать у профессионального историка улыбку, но они выполняют очень важную роль: поддерживают национальный дух, осознание своей значимости, гордость за свой народ. Это совсем не мало. И поэтому эти мифы тоже нужно знать.

Мелкие подработки сталинского мифа

Хрущев принципиально ничего в сталинской трактовке войны не изменил. Разве что назвал другую цифру потерь: не 7 миллионов, а 14, а потом — и вовсе 20. В остальном же он только дополнил историю войны своей идеей фикс: во всем и всегда виноват Сталин.

Война началась внезапно? Так это Сталин не хотел слушать ни данных разведки, ни умных советов. Красная армия летом 1941 г. была разбита? Это Сталин лично принимал ошибочные решения.

Армия несла колоссальные потери? Так Сталин не берег жизни солдат. Истребил когорту гениальных полководцев: Якира, Тухачевского, Блюхера и прочих. Вот если бы они командовали — ни потерь не было бы, ни отступления. К тому же он по-прежнему упорно не слушал умных советов. Чьих советов? Ну конечно, Никиты Сергеевича. Вот под Сталинградом — послушался, направил туда Хрущева членом военсовета фронта — так сразу и победили. Во как!

Брежнев внес только одно небольшое, но сочное дополнение. Отныне самое жестокое и судьбоносное сражение войны происходило под Новороссийском, на Малой Земле, где ключевым участником событий был замполит полковник Брежнев. Тоже давал умные советы — Жукову.

Горбачев анонсировал еще большую цифру потерь: 27 миллионов. Расчеты толком не представили, поэтому у некоторых сложилось впечатление, что цифра взята «с потолка», попросту сложили «сталинскую» и «хрущевскую»: $7+20=27$.

Но и Горбачев никак «не мог найти» секретных протоколов Молотова–Риббентропа, а слово «Катынь» упорно путал с названием белорусской деревни Хатынь.

Создание черного мифа

За него «благодарной» работой по самооблачению, переходящему в самоистязание занялись «архитекторы перестройки», из коих на этой ниве особо прославился второй человек в КПСС и (как уверяют злопыхатели, к коим автор ни в коей степени не принадлежит) завербованный в Канаде тайный агент ЦРУ А. Н. Яковлев.

Однако независимо от того, действовал ли А. Н. Яковлев за плату или по глубокому нравственному убеждению (это называется на языке профессионалов «агент влияния»), новый миф о начале Великой Отечественной его команда породить сумела. Миф черный, как тихая украинская ночь.

Со временем наши «либералы» большой яковлевский миф о войне творчески развили и обосновали. Получился он такой ясный, округлый и последовательный, такой очевидный и доказательный, как все три закона физики Ньютона, вместе взятые. Спорить с ним — просто ставить под сомнение основы мироздания.

Суть сего мифа проста: мы сами во всем виноваты.

Сами вскормили и вырастили Гитлера. Ждали, когда Гитлер начнет войну и разнесет вдребезги всю Европу, чтобы потом самим напасть на ослабленные государства Европы и завоевать их. Мы ничем не лучше нацистов, скорее всего — намного хуже. На своих штыках мы несли поражение и смерть. Мы завоевывали Восточную Европу (далее — не успели, помешали союзники), дабы установить там коммунистический тоталитаризм. Мы виноваты перед всем человечеством, и теперь должны постоянно просить прощения и каяться.

Этот миф читатель отчасти может знать в исполнении Резуна (Суворова). Покаянного психо-за, слава богу, у Резуна нет, но главная идея та же.

В ажиотаже самобичевания на некоторых авторов нисходят просто фантастические про-

зрения: «...народ Германии и союзные ему народы Европы под эгидой Третьего рейха объединились в Крестовый поход против коммунизма». Язычник и мистик Гитлер в роли крестоносца?! Это же надо было додуматься...

Откуда рождаются настолько черные мифы? Может быть, прав был старый чекист Крючков? Прав, говоря, что все эти мифотворцы просто не любят свою Родину — Россию?

«Я ни разу не слышал от Яковлева тёплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне, — писал Крючков. — Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжёлое ранение... И ещё — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие „народ“ для него вообще никогда не существовало».

Я постараюсь последовательно рассмотреть хотя бы некоторые мифы о войне. О позорности секретных протоколов 1939 г. О захвате Прибалтики и последовавшем за ним жестоким террором там. О преступной агрессии СССР против беззащитного финского народа.

Мы будем откровенно говорить о том, что кому-то сегодня покажется несвоевременным и неpolitкорректным. Мы будем пытаться извлечь уроки из мифологизации нашей Великой войны, будем упрямо ворошить старые истории.

Не потому, что мазохисты. А потому, что без правильного понимания нашего прошлого, будущего у нас с вами — нет.

Миф о сталинском завоевании Прибалтики и Молдавии. Насилие? Не для всех...

«Но ведь Сталин завоевал Прибалтику!» — скажут мне оппоненты. Осенью 1939 г. все три прибалтийские республики дружно заключили с СССР договоры о взаимопомощи. Тут же СССР разместил на их территории военные базы. Вот она, агрессия СССР. Сталин и потом давил на маленькие независимые республики — давил, давил, пока не включил их в состав Союза.

На это ответчу так: факт раздела карты Европы с Германией — имел место быть. И насилие имело место быть, и войска в страны Прибалтики Советский Союз вводил.

Все это было, было, было...

Вот только вопрос: а почему считается аксиомой, что СССР вводил войска ВОПРОКИ воле народов Прибалтики? И что включение их

в Союз на тот момент противоречило их национальным интересам? Более того — убеждениям их жителей?

Не вопреки убеждениям

Начнем с того, что в каждой из этих стран действовали популярные компартии, издавались многочисленные революционные газеты. В выборах 14 июля 1940 г. в Эстонии приняло участие 591030 граждан, или 84,1 % от общего числа избирателей. За кандидатов «Союза трудового народа» проголосовало 548631 человек, или 92,8 % от числа голосовавших. Даже если предположить массовые подтасовки, все равно как-то получается, что смены власти хотели многие. Если не большинство.

Жил в Литве такой интересный человек — Константин Карлович Клещинский. Закончил Московское Александровское военное училище, затем Николаевскую академию Генерального штаба. Во время Первой мировой попал в плен, в хаосе 1918 г. ухитрился послужить в польской армии, потом — попал в литовскую. Дослужился до генерал-квартирмейстера литовского Генштаба, кавалера высшего в Литве ордена — Креста Витиса первой степени с мечами.

Клещинский одинаково храбро бился и с поляками, и с белогвардейцами, и с красными. Получив за это гражданство и 12 гектаров земли, сделался... агентом НКВД. Наверное, его бы еще долго не раскрыли: как-никак — ветеран войны за независимость. Но очень уж прямо, по-офицерски он себя вел: часто и громко ругал правительство и нахваливал коммунистов.

Попал под подозрение... За ним стали следить, и в конце концов взяли с поличным при передаче секретных документов советским дипломатам. Клещинский был лишен чинов, наград, пенсии и приговорен к расстрелу.

Но неужто, доживи Клещинский до 1940 г., он бы не поддержал с радостью «своих»? И неужто он был такой всего один?

Литовцем, уроженцем хутора Рыхлики, был офицер НКВД Викентий Григанович. Начинал трудиться он не где-нибудь, а в военной разведке Литвы. При этом прямо у себя дома собирал заседания подпольного ЦК литовской компартии. Обсуждали планы вооруженного восстания. При этом горе-конспираторы так орали, что не раз и не два соседи приходили среди ночи, просили вести себя потише. Потом стали прислушиваться, удивились немало и в конце концов донесли. Григанович едва успел

смыться в СССР, благо недалеко. В Москве пошел служить в НКВД.

Вожаками боевой коммунистической сети в Польше были офицеры разведки Генштаба Вольдемар Богинский и Антоний Вечоркевич. Это я к тому, что убежденные коммунисты жили в те годы не только в Москве. И в Польше, и в Прибалтике их хватало. И нечего делать вид, что все население стран Балтии поголовно ненавидело Советы и готово было бороться с ними ценой жизни.

Это, мягко говоря, преувеличение.

Литва и «вильнюсский вопрос»

Особенно лояльно приняли советскую «оккупацию» в Литве: СССР со свойственной ему тогда прямоотой мгновенно решил больной «вильнюсский вопрос». Вильнюс и окрестности были захвачены Польшей еще в 1923 г. Литва все это время польской аннексии не признавала. Даже по Конституции столицей республики был Вильнюс, хотя фактически ей «временно» являлся Каунас.

А потом — раз! — и с сентября 1939 г. город Вильно и весь родимый Виленский край Литве были возвращены, да еще с небольшими прибавочками земель. Нетрудно догадаться, как много очков набрала в глазах литовцев этим решением Москва — вне зависимости от степени их симпатий к большевикам.

Посему и сегодня литовские националисты в очень непростом положении. С одной стороны, язык чешется объявлять пакт Молотова–Риббентропа нелегитимным, преступным и прочая. А с другой — в результате него в Литву вернулась столица Вильнюс, да еще 6000 кв. км (!) территории в придачу. Вот и пойми, что делать.

Как-то в студии «Эхо Москвы» на передаче, посвященной 70-летию протоколов Молотова–Риббентропа, один литовский депутат все терзал меня по телефону насчет исторической вины России перед Литвой.

Я спросил: значит, этот прегадкий сталинский договор надо осудить? — Да, да, йа, йа! — Признать незаконным и преступным? — Признать! Признать! — Денонсировать? Признать все его пункты не имеющими силы? — О, йес! Конечно!.. — Ну, говорю, уважаю вашу принципиальность! Только давайте тогда вернем древний польский град Вильно под юрисдикцию Варшавы...

Тут, как говорится, на самом интересном месте у моего оппонента в мобильном села батарейка. И больше до конца эфира не зарядилась.

Послушаем мнение народа?

В странах Прибалтики, осколках Российской империи, всегда было традиционно сильное притяжение к России. Во всех, самых интимных смыслах.

Эстонский историк Магнус Ильмъярв, работавший в российских архивах, доказал, что в 1920-х — начале 1930-х гг. президент независимой Эстонии Пятс предоставлял важную информацию посольству СССР. Получал за эти услуги значительные по тем временам деньги — 4000 долл. в год. Формально — как юрисконсульт советского нефтесиндиката, работавшего в Эстонии.

Теперь эстонские националисты утверждают, что негодяй Пятс в 1939 г. просто продал Эстонию Советскому Союзу. Очень похоже, что и переворот Сметоны в Литве в 1926 г. финансировался из СССР.

Да, в 1939–1940 гг. СССР, мягко говоря, давил на правительства Прибалтийских государств. Предъявлял ультиматумы, объявлял их «недружественными», требовал их отставки. Это было по меркам сегодняшнего дня грубейшим вмешательством во внутренние дела суверенных государств. Для тех, кто тогда стоял у власти в Прибалтике, это было настоящей ползучей интервенцией. Но, во-первых, судить надо не по меркам гуманного XXI века, а по жестким имперским меркам межвоенной передышки 30-х годов XX века. Как себя в это же время вели «светочи европейской демократии» — вам уже известно.

А во-вторых, как это представлялось 90 % простого населения тогдашней Прибалтики? Рискну предположить, что для них советизация вовсе не была чем-то кошмарным. По крайней мере — поначалу. Яркое доказательство — отсутствие не то что «партизанской войны» против Советов, а даже подобия организованного военного сопротивления вступлению в СССР. Армии стран Прибалтики просто вливались в Красную Армию. В Литве армия в полном составе была переформирована в 29-й территориальный стрелковый корпус РККА двухдивизионного состава (179-я и 184-я стрелковые дивизии) с кавалерийским полком Прибалтийского военного округа. Военнослужащие даже сохранили старую форму. Литовские знаки различия сменились на советские — и только. Офицеры, соглашавшиеся служить в РККА, оставались при прежних чинах. К офицерам добавляли комиссаров — часто не русских, а этнических литовцев, или из эмигра-

ровавших ранее в СССР, или членов подпольной компартии Литвы.

В СССР в школьных учебниках были фотографии: тысячи людей на улицах Риги, Таллина, Вильнюса встречают красноармейцев хлебом-солью и цветами. Теперь таких фотографий не печатают, поскольку мы должны проникнуться чувством раскаяния и глубокой скорби.

Но давайте разберемся: было или не было? Фотографии поддельные или нет?

А коли нет, то с чего мы взяли, что вхождение Прибалтийских государств в СССР происходило на 100 % вопреки воле их народов? Тут проценты еще считать и считать надо. Как бы не вышло, что действительно большинство было «за». Кто сейчас скажет точно?

Восстановление империи?

За эти рассуждения меня наверняка обзовут «империалистом», обвинят в «имперском мышлении». Обзывайтесь. Это не меняет главного — я уверен, что восстановление границ Российской империи происходило не только в интересах правящей большевистской элиты в Кремле. По сути, геополитически — если отвлечься от идиотской марксистско-ленинской фразеологии и порочной экономической модели, помноженной на сталинский репрессивный аппарат, — оно велось в интересах ВСЕГО русского народа.

И что не менее важно — в интересах самих народов Прибалтики. Можно ли вообще говорить о советской оккупации? В определенной степени, наверное, да... Хотя вон англичане придумали для аналогичных событий малопонятный, но не обидный ни для кого термин «инкорпорация».

Но в чем я гораздо более уверен, так это в том, что мы спасли Прибалтику в 1939-м от гораздо более страшной оккупации: немецкой.

Сравним масштабы?

Сегодня в Прибалтике «советскую оккупацию» прямо уравнивают с нацистской. Давайте сравним, во что обошлось странам Прибалтики долгое пребывание в составе СССР и короткая оккупация Третим Рейхом. Сравним?

Потери Эстонии от советских репрессий составили порядка 5–7 тысяч человек. Сослано было еще 30 тысяч. Это за все время, с 1939 по 1991 г.

Нацисты стояли в Эстонии с 1941 по 1944 гг. За это время погибли около 80 тысяч жителей, не менее 70 тысяч эстонцев бежали из страны.

За неполные четыре года нацистской оккупации было разрушено около половины промышленных предприятий, уничтожена большая часть поголовья скота, практически ликвидировано сельское хозяйство. А в СССР Эстония экономически процветала. Кто постарше, наверняка помнит эту сытую, по тем меркам, вполне обеспеченную страну.

В Литве советская власть за десятки лет репрессировала 32 тысячи человек. В годы короткой нацистской оккупации погибли примерно 270 тысяч человек.

В Латвии НКВД репрессировало 20–30 тысяч человек. При нацистах погибло не менее 150 тысяч из примерно 3 млн населения.

Иногда, грешен, хочется, чтобы те, кто приравнивает Soviet Story к гитлеровскому «новому порядку», остались сами жить при нацистах.

Впрочем, жить у них получилось бы недолго.

В логике военного времени

Еще раз попробуем представить себя на месте руководителей СССР в 1939 году. Начинается война, большая и страшная. Наша страна к ней готова меньше, чем другие. Одно хорошо — подготовка идет намного быстрее, чем у других. У руководства СССР уже только поэтому есть причины считать социализм успешным и передовым строем.

Великие державы опять принялись делить мир — Чехословакию уже вон разделили. Стратегическую важность Прибалтики, надеюсь, нет необходимости разъяснять. Если СССР не займет этого важнейшего плацдарма, его займет неприятель. Причем СССР уже в «географическом» проигрыше: Германия (Восточная Пруссия), начинается сразу к западу от Литвы. У нацистов уже есть свой плацдарм в Прибалтике, и они оттуда позвякивают оружием.

Отказаться от «раздела мира вместе с Гитлером»? Изобразить безгловую гримасу? А смысл? Скорее просто глупо. И даже больше — отказ от этого граничит с предательством национальных интересов, потому что платить за чистоплюйство неизбежно будут солдаты и офицеры Красной армии. Своими жизнями.

Логика СССР 1939 года — это не логика выдуманной сатанинской «империи зла». Это просто логика воюющего государства.

Хочу тут еще раз процитировать заклато-го друга СССР У. Черчилля, некогда в 1918 г. — главного организатора британской интервенции против Советской России. Вот что писал он по поводу пакта Молотова–Риббентропа:

«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизацию. Теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой. Им нужно оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут».

Предельный реалист был этот сэр Уинстон.

А если?!

Давайте представим себе на мгновение, что Сталин отказался «делить мир с Гитлером». Не будем даже о реакции Запада, который мгновенно начал бы выяснять через все агентурные каналы, в своем ли уме глава Советского государства, не падал ли он с высокой кремлевской башни и не кушал ли салат из подмосковных поганок.

Представим себе: Прибалтику заняли не мы, а нацисты. От Восточной Пруссии до Ленинграда — около тысячи километров. Нацисты появились под Ленинградом 6 сентября, через 77 дней после начала наступления.

Но от границ Эстонии до Ленинграда — лишь 120 километров. За первые 18 дней наступления 4-я танковая группа вермахта с боями прошла более 600 километров (с темпом 30–35 км в сутки). Если бы враг ударил с этой позиции, тогда он мог бы оказаться под Ленинградом не в сентябре, а в конце июня, причем враг свежий, с полными бензобаками танков и еще нерасстрелянным боезапасом.

Бравые дивизии вермахта, которые наваливаются на Ленинград на 10-й, если не 5-й день войны, — вот цена, которую мы заплатили бы за игры в «независимость Прибалтики». Нет-нет! Представьте себе это поярче, поподробнее: танки с крестами на броне катят по Невскому проспекту... Веселые ребята в форме с орлом и в характерных касках танцуют на набережной Невы, повесив на шеи готовые к употреблению «маузер-гевер»... Много «веселого» можно представить. Хочется верить, что и в этом случае город удалось бы отстоять. Но я лично — не верю. Равно как не верю, что тогда бы нам удалось остановить немцев у Москвы. Может, у Куйбышева, а может — и у Урала.

Конечно, мы бы все равно победили.

Победили не потому, что мудрый Сталин вел нас в бой, а потому — что очень быстро эта, как зовут ее сегодня некоторые горе-историки, «нацистско-советская война» превратилась в Великую Отечественную.

Гитлер полагал, что он будет воевать со сталинским режимом? Глупец! Наивный глупец, повторивший ошибку куда более талантливого человека — Наполеона. Воевать ему пришлось не с режимом, а с НАРОДОМ. Народом, который защищал не государство, а Родину, Отечество. А когда наш народ защищает свое Отечество, победить его можно, только уничтожив в принципе. поголовно. В этом, наверное, самая большая наша тайная сила. Такая Россия странная страна. Ей можно нанести ряд поражений, можно даже выиграть у нее военную кампанию, даже — и целую войну. Но только до той поры, пока эту войну ведет государство. Пока она, как сказал бы Ленин, «не перерастает»... только не из империалистической в гражданскую, а из обычной войны — в Отечественную.

Вот такую войну у России выиграть нельзя. Никакой ценой.

Так что Победа все равно была бы, даже если бы мы не заняли тогда Прибалтику, не отодвинули границу по итогам финской войны от Ленинграда.

Только цена той победы — была бы еще страшнее.

Цена, которую заплатил бы наш народ за придурочную политику своего правительства: мол, мы такие либералы, руководствуемся общечеловеческими ценностями, и Прибалтику — не возьмем.

Цена для Прибалтики

Если бы в 1939 г. не пришли русские — пришли бы немцы. О страшной цене немецкой оккупации Прибалтики 1941–1944 гг. я сказал. Что ж, еще на два года больше были бы они под немцами.

Если бы война затянулась, дальнейшее существование прибалтийских народов оказалось бы под вопросом. Присоединив страны Прибалтики, СССР дал всем населяющим его народам дополнительный шанс на дальнейшее историческое бытие. В одинаковой степени и русским, и эстонцам, и латышам, и литовцам.

Прирезанная Молдавия

Молдавия в этой истории с изменением границ — страница особая. Во-первых, там не было

впоследствии никаких «национальных» частей СС. Молдаване, считай, все как один — воевали в советской армии.

На юбилейное 9 мая 2010 г. президент Молдавии Гимпу решил было устроить «национальное примирение» — собрать вместе всех, кто воевал в 1941–1945 гг. по разные стороны фронта. И тут выяснилось, что из воевавших на стороне Румынии молдаван осталось ветеранов всего десяток-другой. А ветеранов Красной армии — тысячи. Если в Прибалтике латыши с эстонцами были разделены линией фронта примерно пополам, то здесь никакого разделения не было. Молдаван призвали в Красную Армию, и они хорошо воевали — за новую Родину. Приехавшие в резиденцию Президента Молдавии ветераны с удивлением вертели в руках странный железный крест, который им в честь «65-летия» вручал Гимпу. Уж больно похож на немецкий.

К тому же если Эстония с Латвией с натяжкой, но могут присочинить себе какую-то историческую государственность, то у молдаван это совсем не получается. Ну не было такой страны никогда в принципе — Молдавии. Она всегда куда-то входила. Как-то на телемосту «Москва — Кишинев» я вверг аудиторию на той стороне в шок, показав большой такой, солидный, формата А2 «Картографический альбом командира РККА» выпуска 1938 года. Всё как полагается — портреты Сталина и Ворошилова на первой странице... Я развернул политическую карту Восточной Европы и попросил молдавских коллег показать, где же тут исконно-многовековая «молдавское Приднестровье». Ах, вот оно — часть Украинской ССР!

Да и сама Молдавия — это только кусок российской Бессарабии, которую в бардаке Гражданской войны втихую заняли румыны. Без всяких договоров. Такой самозахват — как отодвинуть забор на даче в сторону бывшего колхозного поля. Всё, что сделал Сталин в 1939-м — под шумок шедшей общеевропейской перекройки границ, — ровно этот кусок потребовал себе назад. А потом — прирезал от кремлевских щедрот новой Молдавской ССР еще и часть Украины — то самое Приднестровье.

Для солидности, что ли.

Так какой миф нам нужен?

Очень простой: о единой исторической судьбе народов бывшей Российской империи. Только какой же это миф? Это реальность.

В советское время в эстонском городе Тарту (немецком Дерпте, русском Юрьеве) стоял памятник. Изображал он крепостную стену, на стене стояли двое: один невысокий, круглоголовый, почему-то с арбалетом в руке. Другой, в кольчуге русского витязя, показывал первому — куда стрелять. Так сказать, братья по оружию.

В 1991 г. националисты встrepенулись: фигуры-то развернуты лицами на ЗАПАД! В кого же это собрался стрелять эстонец из арбалета?! И развернули фигуры на 180 градусов, лицами на Восток. Возникла просто комедийная ситуация: русский витязь указывает эстонцу направление огня — Россия. Может, пора развернуть фигуры в прежнем направлении? Лицами туда, куда они и были поставлены?

Финляндия. 1939–1940

Поставим себя на место Сталина

Советско-финская война 1939–1940 гг. — неиссякаемый источник плача современных Ярославен, разрывания на груди рубах и посыпания голов пеплом. Только ленивый не писал о том, как громадный Советский Союз неимоверными силами давил маленькую гордую Финляндию, но ничего не смог с ней поделать. Странно, что до сих пор никто не подумал — а может, СССР вовсе и не хотел завоевывать Финляндию?

Задумайтесь, закройте глаза и... поставьте сами себя на место Сталина в 1939 г. Или «без личностей» — хотя бы просто «на место главы государства». При этом вы можете любить Финляндию или не любить, быть коммунистом или ярым антисоветчиком, уважать или ненавидеть маршала Маннергейма, считать агрессию доблестью или варварством — ваше дело. Но если в разгар мировой войны граница недружественного вам государства проходит всего в 32 километрах от первого по размерам и промышленному потенциалу города вашей страны — стараться отодвинуть эту границу вы будете.

Тем более будете, что не в одной Финляндии дело. С ее территории может ударить армия гораздо более сильная — например, Германии или Британии. Во время Гражданской войны именно из портов Финляндии британский флот напал на Кронштадт.

Н. Юденич вел переговоры с Маннергеймом о нанесении удара на Петроград. Они не договорились: Маннергейм требовал от Юденича признания независимости Финляндии. Юденич проявлял традиционное дворянское чистоплутьство, от гарантий независимости уклонялся, в итоге —

Маннергейм в Россию 100-тысячную финскую армию не ввел. А еще как мог. И конец бы тогда Красному Петрограду — в два дня.

Если вы будете руководителем государства, вы эту историю помнить будете. И отодвинуть границу от Ленинграда будете стремиться всеми силами. Осмелюсь напомнить — первоначально советское правительство неоднократно мирно просило уступить ему земли к северу от Ленинграда — чтобы отодвинуть границу. Взамен предлагали в два раза большую территорию в Карелии.

Причины просьбы были изложены вполне внятно: «поскольку Финляндия сама будет не в состоянии обеспечить безопасность города в случае появления в ее границах армий враждебного СССР государства».

«Мы ничего не можем поделать с географией, так же, как и вы... — говорил Сталин финнам. — Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу».

Уже после той «войны незначительной», выступая на совещании начальствующего состава Красной армии 17 апреля 1940 г., Сталин высказался еще определеннее: «Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной армии. Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны».

Действительно, а для чего СССР было завоевывать Финляндию? Что, в ней была тогда невероятно развитая промышленность? Может, замечательный мягкий климат? Или из Финляндии можно вывозить миллионы тонн хлеба?

В общем, совершенно непонятно. А вот зачем нужно «отодвинуть» границу — сразу ясно.

Эта задача была выполнена. Наперекор тому, что финны действительно отчаянно, героически сражались. То, что в Финской войне только Красная армия несла тяжелые потери, — это миф. Потери финской армии составили 48,3 тысячи солдат убитыми. Для Финляндии, чтобы пони-

■

мать, — это пропорционально к числу жителей США 5–6 млн. Подчеркну, это потери именно солдат — в армии. А помимо армии в боевых действиях принимали участие также бойцы военизированных организаций — (что-то типа местного ДОСААФ). Так что в действительности потери финнов еще выше.

Вынужденные переселенцы и умершие от голода

Согласно Московскому мирному договору к СССР отошел Карельский перешеек с городом Выборгом, ряд островов в Финском заливе, часть полуостровов Рыбачий и Средний. В результате Ладожское озеро полностью оказалось на территории СССР.

СССР получил в аренду часть полуострова Ханко (Гангут) сроком на 30 лет для создания на нем военно-морской базы. Любители песнопения о несчастной Финляндии твердят, что эта маленькая страна потеряла 10 % своей территории, что 430000 жителей вынужденно переселились в глубь Финляндии, создавая социальные проблемы.

Разумеется, это ужасно. Но, во-первых, если вы — руководитель Российского государства, то и думать вы будете в первую очередь о своих подданных. Если будет нужно пустить голыми на снег несчастных финнов, чтобы ваш народ был в безопасности — вы, не имея выбора, будете разорять и изгонять финнов. И никуда не денетесь.

А во-вторых, коли говорить о страданиях...

1 августа 1941 г. финны вышли на старую советско-финскую границу около Ленинграда, тем самым замкнув полукольцо блокады города с севера. Блокада Ленинграда и голодная смерть почти миллиона жителей города стала возможна потому, что финны замкнули свою половинку кольца.

Это не было случайностью. Маннергейм не скрывал, что от отношений с немцами зависело существование Финляндии как независимого государства, дружил с Третьим рейхом не за страх, а за совесть.

Американский историк К. Лундин пишет, что в 1940–1941 гг. «для политических и военных лидеров Финляндии было самым сложным делом прикрыть свое приготовление к войне-реваншу и, как мы убедимся, к завоевательной войне». Во время «Войны-продолжения» (финское определение, 1941–1944) наши северные соседи занимали территории, которые им никогда не принадлежали и нацеливались на «Великую Финляндию до Урала».

430 тысяч финнов вынуждены были переселиться. Мое искреннее сострадание. А в блокаде Ленинграде умерло с голоду около миллиона наших соотечественников. В том числе потому, что Финляндия активно помогала нацистам, ожидая от них впоследствии гигантского подарка в виде Русского Севера.

И не будем больше о белой и пушистой Финляндии.

Хорошо?

Книга двадцатая

НАКАНУНЕ

Планы экспансии и агрессии нацистской Германии

А. А. Ахтамзян*

Историки и юристы разных стран за время, прошедшее после Нюрнбергского процесса, в дополнение к десяткам томов собственно международного трибунала выявили в архивах многочисленные документы и свидетельства военных преступлений нацистов. Вся совокупность документов и показаний самих нацистских преступников убедительно показывает, что Вторая мировая война была заранее спланированной агрессивной войной с целью захвата территорий других государств и уничтожения целых народов. Нападение нацистской Германии вместе с ее союзниками на Советский Союз также было заранее спланированной агрессией, целью которой было не только завоевание жизненного пространства, но и истребление народов Советского Союза по расовым мотивам.

Агрессия и геноцид — вот два юридически четко обоснованных обвинения, по которым нацистский рейх был осужден мировым сообществом еще в 1945–1946 гг.

Казалось бы, после этого нет места ни для каких разговоров и концепций, оправдывающих нацистскую Германию, и для обвинений в адрес Советского Союза. Однако через полвека после окончания войны на книжный рынок самой России выбрасываются одна за другой книги некоего В. Суворова (на самом деле некоего Резуна), который пытается вывернуть наизнанку давно истребленные мундиры, чтобы снять кровавые пятна с одних и замарать другие. В самой Германии не только историки, но и политики давно

признали факт совершения преступной агрессии нацистской Германии против Советского Союза. «Историк Резун», совершенно сознательно игнорируя архивные документы и факты, строит концепцию якобы превентивной (т. е. предупреждающей и упреждающей противника) войны Гитлера против Сталина, одновременно обвиняя советских коммунистов в том, что они якобы поощряли нацистов на совершение преступлений, чтобы совершить «мировую революцию». Во имя большой лжи Резун готов признать очевидные факты и назвать Гитлера преступником, мерзавцем и людоедом, но всё это лишь для того, чтобы поставить на одну доску с ним И. В. Сталина, которого весь мир признал в 1945 г. победителем в борьбе против нацистской тирании.

При объективном подходе к обстоятельствам, при которых началась Вторая мировая война и Великая Отечественная война, т. е. при изучении истории войны с целью выяснения истины, точного знания действительных виновников войны и с целью предотвращения войн, приходится констатировать, что на протяжении десятилетий общая картина событий не только дополнялась на основе новых свидетельств и документов, но и изрядно искажалась (в разных странах по-разному) в соответствии с определенными политическими тенденциями, в том числе и в нашей стране.

В первом десятилетии после окончания войны у нас преобладала апологетическая трактовка политики Советского Союза, основанная

* **Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У).

на очевидных фактах. В американской и английской историографии преобладало обвинение Советского Союза в сотрудничестве с нацистской Германией. В Советском Союзе еще в 1948 г. вышла официальная установка в виде исторической справки «Фальсификаторы истории». В период с 1956 по 1964 г. (от XX съезда КПСС, когда был осужден культ Сталина, до Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., т. е. до смещения Н. С. Хрущева) проявилась тенденция к критике деятельности и решений И. В. Сталина. Именно в тот период имела место общественная дискуссия о характере Второй мировой войны, ее периодизации, факторе внезапности и причинах неудач Красной армии в начальном периоде Второй мировой войны. Известно, что одним из поводов для дискуссии послужила небольшая книга А. Некрича «Июнь 1941 г.», вышедшая в 1965 г. После ухода с исторической арены Н. С. Хрущева проявилась тенденция иначе взглянуть на начало Великой Отечественной войны. Большим событием и в общественной и в научной жизни страны стало опубликование воспоминаний Г. К. Жукова и книг ряда других военачальников, которые были одновременно ответом на поток мемуаров западных деятелей и германских генералов, которые, по язвительному замечанию У. Черчилля, проиграв войну, взяли реванш в мемуарах. В течение двух десятилетий была подготовлена почва для выпуска фундаментальных многотомных изданий по истории Второй мировой войны, которые появились в США, СССР, Великобритании и других странах.

Архивные исследования и публикации в разных странах стали постепенно самостоятельным фактором в общественном сознании. Научная историография не может и не должна слепо следовать политической тенденции и даже социальному заказу, если она не желает превратиться в дешевую журналистику. После распада Советского Союза в течение 1990-х гг. в нашей стране, к сожалению, открыли «зеленую улицу» именно поверхностной публицистике, резко ограничив возможности публикации научных исследований. Особенно бросается в глаза, видимо, хорошо оплаченная тенденция возложить, точнее, переложить ответственность за войну с А. Гитлера на И. Сталина и, таким образом, с нацистской Германии на Советский Союз. Эта тенденция получила отражение не только в писаниях перебежчика Резуна, выступающего вне России под псевдонимом Суворов, но и в сочи-

нениях таких перевертышей, как Волкогонов. Фальсификаторы исходят из того, что людям можно продать «сенсации» без особых обоснований, но в мире существует сообщество ученых, которые принимают только обоснованные версии. Резун откровенно игнорирует архивные данные, иные публицисты хотят подавить обилием «ранее неизвестных» тайных документов, которые дополняют общую картину, однако не могут опровергнуть основной факт истории Второй мировой войны: Советский Союз противостоял нацистской Германии, Советский Союз освободил народы Европы от нацизма. Попытка президента США Клинтона в 1994 г. предстать в тоге освободителя Европы выглядела, по меньшей мере, как фарс.

Сразу после войны в научный оборот были введены документы Нюрнбергского процесса, в Советском Союзе были предприняты фундаментальные исследования, в частности В. А. Анфилова, О. А. Ржешевского, Д. Проектора, А. М. Самсонова и во многих коллективных трудах. Германские документы появились в виде сборников¹.

В 1990-х гг. (явно по политическому заказу) были опубликованы документы из советских архивов². Эти публикации, несомненно, расширяют круг источников и наши представления о Второй мировой войне, в частности и об обстоятельствах кануна и начала Великой Отечественной войны. Однако и эти документы не могут коренным образом изменить сложившуюся в российской историографии концепцию.

Если раньше имела место тенденция критиковать советское руководство во главе со Сталиным за недостаточно эффективную подготовку к войне и к отпору нацистам, то теперь публикации убеждают нас в том, что И. В. Сталин интенсивно готовился к войне, причем якобы с целью разжигания «мировой революции». Некоторые авторы стремятся из действительно обильного пласта документов сделать вывод: И. В. Сталин готовился к войне, следовательно, на него надо возложить ответственность за ее развязывание. Историческая правда, однако, состоит в том, что благодаря осторожной политике и дипломатии Сталина Советский Союз в 1939 г. остался вне мировой войны и получил дополнительно два года «передышки» для подготовки к отражению агрессии и, как признавал У. Черчилль, для создания «восточного фронта» против нацистской Германии. В Советском Союзе велась подготовка к отражению агрессии уже в условиях вспых-

нувшей мировой войны. По существу, это была подготовка к оборонительной войне, хотя, конечно, едва ли планы были рассчитаны на то, чтобы «завлечь агрессора» до стен Москвы. При всем обилии документов среди них нет планов подготовки нападения на Германию.

В 1990-х гг. на книжный рынок в России выброшено огромное количество книг не только западного, но и нацистского происхождения, в том числе записки и воспоминания нацистских главарей типа Й. Геббельса, А. Шпеера, В. Шелленберга и других. Издательство «Русич» в Смоленске выпустило ряд книг в серии «Тирания»³. Эти и иные издания содержат большое количество свидетельств преступной деятельности нацистов. Они, однако, не меняют, да и не могут изменить сложившуюся концепцию Второй мировой войны, но лишь подтверждают несомненно правильную оценку нападения нацистской Германии на Советский Союз как агрессии, как войны на уничтожение славян, прежде всего русских, да и других наций Советского Союза не столько по идеологическим, сколько по расовым мотивам.

Сколь ни странным покажется цитирование А. Гитлера, тем не менее, согласно записи Гальдера, именно он (Гитлер) еще в марте 1941 г. дал наиболее ясную характеристику предстоящей войны Германии против России, а именно: «Война в России будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неутомимой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию. Я требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Комиссары являются носителями идеологии, противоположной нацизму, поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет никаких прав, вытекающих из нее»⁴.

Задолго до начала войны нацистское правительство и командование вооруженными силами подготовили не только оперативные планы вторжения, но и строго расписанный «новый порядок» на занятых территориях. Германские стратеги развязали мировую войну нападением на Польшу, ее молниеносным разгромом и победным маршем по странам Западной Европы, отложив на более поздний срок выполнение

основной, более сложной задачи — завоевание пространства на востоке. Они исходили из того, что оккупация стран Западной и Северной Европы обеспечит надежный тыл, овладение и обеспечение материальными ресурсами для ведения большой войны, которую они надеялись победно завершить также в кратчайшие сроки.

Агрессия против Польши и последовавшая затем «странная война» на Западе, во время которой английские летчики сбрасывали на позиции вермахта листовки, а германские пропагандисты в ответ выставляли на фронте чучела Н. Чемберлена — «человека с зонтиком», французское правительство вместо подготовки к обороне Парижа посылало на линию соприкосновения с германскими войсками книги для чтения и тысячи (10 тыс.) футбольных мячей — все это было лишь началом затяжной войны. Весной 1940 г. нацисты развернули планы вторжения в страны Европы: «Везерюбунг» — оккупации Норвегии, план «Гельб» — оккупации Бельгии, план «Рот» — разгром Франции. Германские войска за один день оккупировали Данию, за считанные дни прошли через Бельгию и Голландию, прижали к морю в районе Дюнкерка англо-французские войска и дали им возможность эвакуироваться. Линия Мажино была преодолена. Париж был сдан без сражения. Германские войска торжественным маршем прошли через Триумфальную арку.

Тотчас после подписания капитуляции Франции в салон-вагоне маршала Фоша, который 22 июня 1940 г. демонстративно был пригнан на станцию «Ретонд» в Компьенском лесу, германское командование организовало «воздушный блиц» против Великобритании — еженочные бомбардировки Лондона и других английских городов с очевидной целью вывести Англию из войны или начать операцию «Морской лев» по высадке на британских островах.

В июле 1940 г. Генеральный штаб сухопутных сил Германии поручил начальнику штаба 18-й армии (в резерве) генерал-майору Эриху Марксу разработку общей концепции военной кампании против Советского Союза. Имея в виду концепцию «танкового прорыва», выдвинутую генералом Гудерианом, Э. Маркс предложил идею введением в действие ударной группы на южном фланге вторгнуться с территории Румынии, за короткий срок захватить плацдарм на Украине, прорваться в Донбасс и отсюда круто повернуть на север — на Москву. Видимо, предполагалось использовать имеющиеся транспортные линии

для быстрого продвижения и обхода советских войск на фронте от Балтики до верховьев Днепра. Стратегический замысел заключался в том, чтобы отрезать Красную Армию от тылов, навязать сражения «перевернутому фронту» советских войск, не допустив отхода боеспособных частей на восток. План, официально представленный в ОКХ (Верховное командование сухопутных сил), предлагал нанесение удара двумя группировками по линии Ростов-на-Дону — Горький (Нижний Новгород), в обход не только Киева, но и Москвы. Уже летом 1940 г. этот замысел был предметом обсуждения с участием Гитлера, Браухича, Гальдера. Вариант концепции вторжения на направлении «Север» имел название «Этюд Лоссберга» (А. Йодль и В. Варлимонт).

В начале сентября 1940 г. начальником оперативного управления Генштаба назначен 50-летний генерал Ф. В. Паулюс, перед которым поставлена задача разработать план вторжения в Советский Союз силами до 140 дивизий. Начальник Генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер определил задачу так: разгромить советские войска в западных районах, не допустив их отхода в глубь страны, и выход германских дивизий на линию Волга — Архангельск. Одна из стратегических целей германского командования состояла в том, чтобы лишить советское командование авиабаз в европейской части страны и тем самым исключить саму возможность бомбардировки городов Германии.

В ходе разработки плана агрессии генерал Ф. В. Паулюс, в отличие от генерала Маркса, наметил в качестве первоочередных стратегических целей Ленинград, Смоленск и Киев. Именно Паулюс предложил нанесение удара тремя группами германских армий: «Север» — на Ленинград, «Центр» — на Минск — Смоленск, «Юг» — на Киев. В ноябре 1940 г. германские генералы провели штабные учения (маневры) в местечке Сен-Жермен близ оккупированного Парижа, а 5 декабря 1940 г. Ф. Гальдер доложил Гитлеру результаты разработки плана агрессии в Генштабе.

Установка на подготовку нападения на Советский Союз, несомненно, принадлежала нацистским политическим кругам во главе с фюрером, однако авторами стратегического замысла и плана были, конечно, гитлеровские генералы: Ф. Гальдер, Э. Маркс, Ф. В. Паулюс и другие. Попытка генералов после проигранной войны возложить всю ответственность исключительно на фюрера, разумеется, совершенно несостоя-

тельна. Не только географические параметры, масштабы операций, стратегические соображения, но и политические цели агрессии и быстротечных операций рассчитаны и разработаны военными специалистами, по крайней мере, за полгода до начала войны, точнее почти за год.

Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны, — отмечали восточные мудрецы. В российской историографии многие остро ставили вопрос об упущениях советских руководителей накануне нападения нацистской Германии на СССР. Давать ретроспективные оценки, конечно, легче, чем реализовать на деле судьбоносные планы отражения агрессии. Нацисты вырабатывали план агрессии втайне. В преступном замысле существенное место отводилось фактору внезапности в военном смысле. Нацистская политика была вероломной в политическом отношении: нацисты цинично пренебрегали договором о ненападении, заключенном за два года до того сроком на 10 лет. В ходе подготовки к агрессии нацисты применяли и методы дезинформации и двойной игры.

Доклад Гальдера фюреру 5 декабря 1940 г. получил одобрение. Гитлер дал дополнительное указание усилить танковыми ударными группами направления «Север» и «Центр». Затем Гитлер обсудил план агрессии с начальником оперативного отдела ОКВ (Верховным командованием вермахта) генералом А. Йодлем и 18 декабря 1940 г. подписал директиву № 21, получившую кодовое название план «Барбаросса». Срок готовности к операции назначен на 15 мая 1941 г.

Стратегический план предусматривал завершение быстротечной операции против России «еще до окончания войны с Англией». Видимо, с этого момента введен в действие психологический дезинформационный фактор: увязка или прикрытие подготовки войны против Советского Союза с планом вторжения германских войск на Британские острова.

Оперативный замысел быстротечной операции или молниеносной войны сводился к тому, что «войсковая масса русской армии будет уничтожена в течение нескольких недель в сражениях с глубоким продвижением танковых частей». Задача состояла в том, чтобы не допустить отхода боеспособных частей в «просторы русской территории». Стратегическая цель — достичь линии Волга — Архангельск.

Германское командование выполняло установку фюрера — достичь стратегической цели до наступления зимы, отгородиться от «азиат-

ской части России» (как если бы она — граница — проходила по Волге), создать воздушные базы и уничтожить промышленность на Урале и за Уралом бомбовыми налетами.

Авантюризм не только фюрера, но и его сообщников-генералов получил выражение не только в переоценке своих сил (в 140 дивизий) против примерно такой же численности советских дивизий, но и в намеченных сроках победного завершения операций до наступления зимы. Германские генералы зимы боялись больше, чем русского солдата. И в этом был кардинальный просчет. Сроки «молниеносной» войны (блицкрига) определялись весьма произвольно, возможно, путем простого деления расстояния до Волги на среднюю скорость продвижения по территории европейских стран, на среднесуточное расстояние продвижения танковых и моторизованных колонн. Характерно для авантюризма германской военщины соревновательное сокращение сроков победы по мере приближения сроков начала операции и, ясное дело, с учетом благосклонного одобрения фюрером рвения воинства. Соппротивление Красной армии и тем более партизанского движения, возможные потери германской армии в наступательных операциях уже в первые недели войны, похоже, всерьез не взвешивали. Во всяком случае нет документальных свидетельств того, что кто-либо из военных напомнил об этом фюреру. А ведь против недооценки мощи Красной армии предупреждали фюрера посол в Москве граф фон Шуленбург и военный атташе в Москве полковник Кёстринг.

В конце июля 1940 г. А. Гитлер, как бы между прочим, обронил фразу: «Чем скорее мы разгромим Россию, тем лучше». Затем лаконично уточнил задачу: «Пять месяцев на операцию». Генералы в Генштабе, потеряв чувство реального и ответственности, под настроение фюрера наперебой стали называть все более сжатые сроки. Если Э. Маркс первоначально довольно осторожно называл срок в 9–17 недель, т. е. не пять месяцев или 150 дней, а примерно 120 дней, то фельдмаршал Вальтер фон Браухич сократил сроки до 6–8 недель, т. е. до 42 дней (Франция разгромлена за 44 дня!). Разогретый генералами фюрер в беседе с фельдмаршалом Ф. фон Боком говорил уже о 6 неделях, считая достаточным для разгрома Советского Союза даже 3 недели, т. е. 21 дня (для захвата Польши хватило 18 дней!).

Как говорится по-русски, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. В директиве

№ 21 сроки были все же обозначены с некоторым запасом: готовность к операции 15 мая 1940 г., а завершение быстротечной операции до наступления зимы, до русских морозов. Легенда о «генерале Мороз» станет позже самым сильным аргументом в оправдании провала плана «молниеносной» войны.

План военного разгрома Советского Союза еще до начала войны был дополнен планом экономического разграбления страны. Экономический штаб «Ост» (штаб «Ольденбург») прежде всего поставил задачу: не допустить вывоза или уничтожения продовольственных запасов при отступлении советских войск и намечал реквизицию их сразу после занятия территории противника. В мае 1941 г. штаб «Ольденбург» наметил программу обеспечения продовольствием «всех германских вооруженных сил» за счет России. В записи заседания этого штаба имеется пункт, который свидетельствует о сознательном планировании геноцида: «Десятки миллионов людей будут обречены на голодную смерть, если мы извлечем из страны все необходимое для нас». Г. Геринг прямо предписывал германским оккупационным властям обращаться с Россией как с колонией, со всеми вытекающими из этого следствиями. В ходе войны германские генералы перешли к «тактике выжженной земли».

Именно вермахт, а не только гестапо и СС подготовили приказы для установления режима оккупации на захваченных территориях: приказ «Об особых областях» (13 марта 1941 г.), приказ об обращении с гражданским населением (5 мая 1941 г.), приказ Кейтеля «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками» (12 мая 1941 г.), директива «О применении военной юрисдикции в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск». Это все документы были разработаны в порядке подготовки к войне. В ходе же начавшейся войны появились такие директивы, как предписание «О коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях»⁵ (16 сентября 1941 г.) и другие распоряжения, которые абсолютно исключали применение «правил войны» (Гаагской конвенции) в отношении России. «Приказ о комиссарах» (от 12 мая 1941 г.) содержал такие установки для командования вермахта:

1. Политические деятели и руководители (комиссары) подлежат уничтожению.
2. Любой офицер вермахта... может принять решение для ликвидации политработника.

3. Политические комиссары не признаются военнопленными и подлежат ликвидации не позднее, чем в транзитных лагерях. „Никакого транспорта в тыл“»⁶.

В директиве от 16 сентября 1941 г. карательные меры обосновывались таким образом: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Германские теоретики «современной войны», подобные Кейтелю, исходили из того, что на войне применимы все средства для уничтожения не только войск противника, но и мирного населения, причем давалась такая установка: «Необходимое не требует обоснования». Германские генералы, не говоря уже об офицерах на фронте, считали себя носителями «безжалостной расовой идеи». Печальную известность получил во Франции примененный после ее оккупации германскими войсками «кодекс Штюльпнагеля», по которому производили массовые расстрелы мирных жителей страны. Символом военных преступлений германских нацистов стало название французского селения Орадур. На территории Советского Союза германская военщина совершила тысячи таких преступлений и даже более тяжкие. Когда сегодня на Западе говорят о холокосте, то почему-то не упоминают Бабий Яр под Киевом. Может быть потому, что это было на территории Советского Союза, для которого необязательно сохранение исторической памяти «цивилизованного Запада»?

Чего стоит объективность Резуна как историка, показывает его признание, что он сознательно не использует документы из архивов. Любому школьнику понятно, что приведенные выше факты, секретные предписания и планы германского командования стали известны лишь на судебном процессе в Нюрнберге и позже, когда следователи и исследователи получили доступ к германским секретным архивам. Преступные планы и приказы издаются тайно и остаются в тайне до поры до времени. Вся совокупность фактов и документов, введенных в научный оборот исследователями не только в России и Германии, но во всех странах мира, свидетельствует о том, что нацистская Германия подготовила и совершила нападение на Советский Союз отнюдь не в порядке «превентивной» меры или ответного удара, но как заранее спланированную агрессивную войну — войну с целью уничтожения народов России. В этой

связи представляется неблагоприятным занятием опровержение измышлений и концепции Резуна. И все-таки это необходимо, потому что сочинения Резуна распространяются многотысячными тиражами в России, мультиплицируются на телевидении усилиями таких же «объективных» обозревателей, например Е. Киселевым в фильме «Мировая революция для товарища Сталина», как альтернативная точка зрения. Искажение исторической правды всегда считалось в приличном обществе не альтернативной точкой зрения, а фальсификацией.

В многочисленных выступлениях российского историка профессора В. А. Анфилова убедительно опровергнуты измышления фальсификаторов, но такие выступления оказываются возможными в сегодняшней России лишь в немногих и не в самых массовых изданиях, т. е. на просторах Родины чудесной все еще имеет хождение даже не полуправда, а 100-процентная большая ложь.

Нацистская Германия исподволь готовилась не только к быстротечным военным операциям, предпочитая не думать о возможности затяжной войны, но и к овладению ресурсами Украины, Белоруссии и всей России. Для этого были заготовлены приказы о карательных мерах с целью не допустить, сломить сопротивление населения оккупированных областей. Карательные и принудительные меры были предусмотрены против мирного населения, даже если оно и не вступало в прямое вооруженное противодействие. Для установления своего господства на оккупированных территориях нацисты создали специальное ведомство во главе с «теоретиком» расовой политики Альфредом Розенбергом, который родился в Ревеле (Таллине) в 1893 г., учился в Москве в Высшем техническом училище, владел русским языком и написал пресловутое сочинение «Миф XX столетия». Еще 20 апреля 1941 г. (в день своего рождения) А. Гитлер объявил, что назначает А. Розенберга министром по делам оккупированных территорий.

По планам А. Розенберга Советский Союз подлежал ликвидации, а его территория расчленялась на пять губерний или, по указанию фюрера, на пять рейхскомиссариатов:

1. «Остланд» — Эстония, Литва, Латвия, а также Белоруссия.
2. Украина, включая Восточную Галицию и Крым.
3. Кавказ с прилегающими нефтяными районами.

4. «Московия» — собственно Россия с неопределенными границами на востоке.
5. Туркестан, в случае продвижения германских войск за Урал (позже этот пункт не упоминали).

Сразу после начала оккупации советских территорий 17 июля 1941 г. образовано собственно министерство А. Розенберга, которому были приданы зондеркоманды, развернувшие свою деятельность по разграблению занятых земель и установлению «нового порядка». Режим оккупации был поставлен под контроль карательных служб рейха, объединенных под крышей Главного имперского ведомства безопасности (РСХА).

Воинские формирования СС были созданы еще до начала Второй мировой войны: к 1939 г. были сформированы 4 дивизии войск СС, в 1940 г. их стало 6, в 1941 г. — 7. За годы войны их количество возросло до 40. Генерал Гудериан оценил эти формирования, в которые стали включать добровольных пособников из разных стран Европы, как «провозвестников европейской идеи». Генерал войск СС П. Хауссер видел основную задачу СС в «борьбе против большевизма»⁷.

Дивизиям СС присваивали собственные имена. Известно, что во Франции террор навела дивизия СС под названием «Райх», на территории Советского Союза дивизии «Викинг», «Тотенкопф» («Мертвая голова» — знак череп) и «Адольф Гитлер». В эти своего рода гвардейские формирования, предназначенные, однако, не для участия в сражениях, а в карательных операциях в ходе войны стали вербовать «арийцев», в том числе из Голландии, Бельгии, Норвегии, а затем и Прибалтики.

На совещании в рейхсканцелярии 16 июля 1941 г. А. Гитлер высказал свои замыслы уничтожения «всех, кто идет против» нацистов. Фюрер определил долгосрочные цели: «Нельзя допустить существования каких-либо вооруженных сил западнее Урала, даже если для достижения этой цели нам пришлось бы вести войну сто лет». Германия должна взять на себя миссию охраны всего пространства до Урала, причем давалась установка такого рода: «Железный принцип на веки веков: никому кроме немца, не должно быть дозволено носить оружие». Привлекать покоренные народы к военной службе считалось ошибкой: «Это рано или поздно обратится против нас самих. Только немец может носить оружие — не славянин не чех, не казак, не украинец». Такова была программа «всеобщего и полного разору-

жения» по фюреру. Долговременной задачей рейха было объявлено создание колониальной империи, управляемой из Берлина. Господство в Европе могло быть достигнуто только путем истребления народов Белоруссии и Украины и России или вытеснением их за Урал.

Планы установления мирового господства предполагали упрочение своих позиций прежде всего в Европе: «Мы, — говорил А. Гитлер, — с 150–200 миллионами немцев станем неограниченными властителями континентальной Европы»⁸.

Многочисленные документы и факты, особенно выявленные в германских архивах, красноречиво свидетельствуют о том, что гитлеровское правительство разработало для реализации далеко идущих захватнических планов детальные планы агрессии и оккупации стран Европы и даже приказы и распоряжения с указанием сроков и исполнителей. На этом фоне выдвижение концепции «превентивной войны» со стороны нацистской Германии не просто абсурдно. Это злонамеренная ложь. В качестве доказательства того, что Советский Союз на основе сталинской концепции мировой революции готовил нападение на Германию, Резун приводит, как он полагает, неопровержимый документ — так называемый «План Жукова».

В многочисленных публикациях профессор В. А. Анфилов убедительно показал историю рукописного документа без названия и без подписей, написанного «убористым каллиграфическим» почерком. Очевидно, это был рабочий документ — проект докладной записки наркома обороны и начальника Генштаба. Документ не был подписан С. К. Тимошенко и Г. К. Жуковым и не был представлен или тем более утвержден главой правительства. Рукопись сохранилась в сейфе А. М. Василевского, а затем после войны, с марта 1948 г., хранилась в архиве главного оперативного управления Генштаба. Не только высшие офицеры, но и историки знали об этом документе очень давно, однако не рассматривали его как действительный и действенный документ кануна войны. Докладная записка могла быть адресована Председателю Совета народных комиссаров, которым в мае 1941 г. стал И. В. Сталин. Этот проект историки называют «Соображения по плану развёртывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Так определен документ в первом абзаце рукописи, написанной до 15 мая 1941 г. Историк, естественно, может

сделать вывод, что до этого момента «упреждающего удара» по Германии не было, хотя размышления об упреждающем ударе могли иметь место в Генштабе. Однако степень готовности страны к такой акции могли оценить лишь высшие руководители государства. Проект докладной записки содержит разумные соображения о необходимости выполнить в установленные сроки планы строительства железнодорожных линий, «особенно на львовском направлении», планы выпуска промышленными предприятиями танков и самолетов, боеприпасов и горючего. Можно ли такого рода соображения оценивать как план нападения на Германию или даже как план упреждающего удара? Конечно, нет. Они свидетельствуют скорее о том, что еще необходимо сделать многое на «случай войны», что еще не все готово даже для отражения нападения. Ключевым моментом в «Соображениях» следует признать предложение продумать меры по упреждению противника в момент стратегического развертывания его армий и создания фронта. Но даже не военным историкам понятно, что для такого упреждения надо было обеспечить своевременное развертывание своих армий.

В рукописном проекте, очевидно, имевшемся в единственном экземпляре, содержится такое положение (предложение): «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной с развернутыми тылами, она имеет возможность упредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую сторону в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...» Так прервано цитирование документа профессором В. А. Анфиловым, который помнит суждения по этому поводу, высказанные В. Д. Соколовским, М. В. Захаровым и самим Г. К. Жуковым⁹.

Этот документ — свидетельство того, что в Генштабе исходили из того, что Германия может нанести внезапный удар, поэтому предлагали упредить противника и атаковать его в момент развертывания. Был ли в этом предложении элемент риска и даже дерзости? Конечно, был. Но это предложение, если и было обсуждено, то в весьма узком кругу военных, не говоря уже о том, чтобы быть представленным на рассмотрение высшего руководства. Дело

не дошло не только до составления директивы и её практической реализации, но даже до представления руководству по форме. Совершенно очевидно, что высшие военачальники хорошо представляли себе позицию И. В. Сталина: не давать противнику ни малейшего повода для развязывания войны и таким образом максимально оттянуть начало войны. Период с середины мая до середины июня 1941 г. был, таким образом, критическим моментом кануна войны. Заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. представляется логичным продолжением этой линии на оттягивание начала войны. Иное дело, как вели себя политические и военные исполнители этой установки.

При рассмотрении «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», датированных 15 мая 1941 г., следует иметь в виду, что они, видимо, появились под впечатлением от выступления И. В. Сталина на приеме в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г., где Сталин говорил, естественно, о необходимости готовиться не только к оборонительным, но и наступательным операциям. Ведь к этому времени мировая война шла уже второй год. Нацистская Германия «прикарманила полкарты», как выразилась еще в 1939 г. русская поэтесса Марина Цветаева. Нацистская Германия захватила кроме Австрии и Чехословакии, еще и Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды и значительную часть Франции, ресурсы и промышленный потенциал которых оказались в распоряжении гитлеровских стратегов: 290 млн населения, 400 млн т угля в год, 45 млн т стали, производство 700 тыс. автомобилей в год, не говоря об арсеналах оружия.

Израильский историк Габриель Городецкий в книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз», выпущенной на русском языке в 1999 г., утверждает, что И. В. Сталин безоговорочно отверг «Соображения» военных. Однако в России имеются исследования (П. Бобылева, В. Данилова и М. Мильтюхова), авторы которых приходят к выводу, что соображения военных были приняты во внимание и они стали действующим планом, что якобы предполагаемой датой завершения подготовки к наступательным операциям было 15 июля 1941 г. В то же время исследователи не располагают документами, которые подтвердили бы, что Сталин имел свой собственный сценарий войны и дал указания относительно

подготовки «упреждающего удара». Естественно возникает вопрос: кому он мог дать такие указания, если не авторам докладной записки — наркому обороны и начальнику Генерального штаба. Они, как известно, о таких указаниях не рассказывали и после победоносной войны. Точка зрения М. Мильтюхова, похоже, основана на анализе обстановки, но не на конкретных документах или свидетельствах, хотя бы устных.

Весной 1941 г. нацистские главари, например рейхсмаршал Г. Геринг, исходили из того, что «строительство новой Европы при существовании большевистской России в ее теперешних масштабах так или иначе чрезвычайно затрудняется»¹⁰. Нацистские министры уже знали, что в ходе войны отношение к России может измениться и возлагали надежду на то, что занятие южных районов России в значительной степени улучшит положение Германии, прежде всего в области снабжения нефтью и продовольствием.

В докладной записке от 19 апреля 1941 г. на имя рейхсмаршала Г. Геринга министр финансов Лутц фон Крозиг позволил себе выразить сомнение в реалистичности планов вывоза продовольствия из южных районов России, предвидя не только транспортные проблемы, но и способность русских при отступлении оставить оккупантам «сожженные поля и сараи». Министр финансов в нацистском правительстве (на долю которого выпал еще и жребий в последние дни войны в мае 1945 г. побыть несколько дней и рейхсминистром иностранных дел) особенно опасался «многолетней войны» с участием Англии и Америки, самое главное — «войны на два фронта». Особые сомнения министр высказал относительно целесообразности нарушения имеющегося договора с Россией (пакте о ненападении 1939 г.), поскольку это означало бы сближение Америки и Англии с Россией.

Два момента, подчеркнутые фон Крозигом, звучат и сегодня как предупреждения исторического значения:

- «1. Всякое разделение России или же только отделение более крупных областей от России создаст предпосылки для будущих войн в Европе, так как никакой правитель, будь то Сталин или царь, не будет в будущем успокоен, пока не возвратит потерянных районов».
2. В борьбе славян с германцами, ведущейся в течение многих столетий, славяне почти никогда не угрожали германцам силою оружия, а всегда численным ростом. Вопрос упирается в то, сможем ли мы захваченные

в этой войне районы на продолжительное время действительно заполнить германским населением».

Лутц граф Шверин фон Крозиг трезво оценивал возможные потери в войне Германии против России и неизбежное сокращение населения Германии. Он учитывал опыт Первой мировой войны, но не странной войны 1939–1940 гг., проведенной под «гениальным руководством» бескровно. Граф предупреждал, что завоеванное пространство неким будет заселять. В самом деле, уже в годы войны выявилось, что немцы отнюдь не собираются переселяться в завоеванные земли; более того, нацисты насильственно свозили в Германию людей на принудительные работы, не говоря уже об использовании рабского труда военнопленных.

Суждения министра, видимо, отражали настроения и интересы части правящих кругов, особенно деловых и дипломатических, которые настороженно относились к авантюристическим планам нацистов и их генералитета. Они, конечно, исходили не из этических соображений, а из соображений целесообразности, подобно тому как Я. Шахт считал нецелесообразными гонения на еврейский капитал. Министр финансов подчеркнул в служебной записке, что Россия соблюдает условия пакта 1939 г. и соблюдает условия поставок сырья и продовольствия. «Более того, — писал он, — я думаю, что русские из вполне понятного страха сняли бы с себя последнюю одежду, лишь бы только выполнить условия поставки, если бы они даже возражали». В момент, когда по выражению автора записки, «между Россией и нами завязывается война», трезвый голос графа и министра, который, разумеется, исходил из национальных интересов, не был услышан в Берлине, равно как и голос другого графа — графа фон дер Шуленбурга.

Как историк международных отношений и специально отношений между Германией и Советским Союзом (Россией) я должен рассматривать ситуацию 1941 г. не столько с военной точки зрения, сколько с политической, дипломатической. Ситуация в Европе весной 1941 г. была благоприятна для нацистской Германии настолько, что она могла себе позволить беспрепятственное вторжение в Югославию, что отодвинуло на два месяца начало операции «Барбаросса». Союзники Германии — Финляндия, Венгрия и Румыния, а главное, Италия, Испания и Япония — ждали очередного шага А. Гитлера как сигнала для начала реализации своих корыстных интересов.

Великобритания — единственная реальная сила в Западной Европе — после массированных воздушных налетов 1940 г. — не проявляла большой активности военного характера, делая ставку на возможность достичь своих целей дипломатическими средствами, оставаясь вне военных действий, и проявляла склонность к компромиссу с Германией. Достаточно напомнить, что итоги миссии Р. Гесса (10 мая 1941 г.) даже по истечении изрядного срока не стали достоянием исследователей, а были запрятаны еще дальше. Британская дипломатия активно действовала в целях обострения отношений между Германией и Советским Союзом, используя информацию и дезинформацию сторон.

Как складывались дипломатические отношения между Германией и Советским Союзом весной 1941 г.? Германское посольство в Москве (оно располагалось в Леонтьевском переулке близ Тверской) возглавлял опытный дипломат граф фон дер Шуленбург: советниками при нем были также опытные дипломаты фон Типпельских (брат генерала в Генштабе) и Хильгер, много лет проработавший в Москве; военным атташе служил генерал Кёстринг. Посол Шуленбург (граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, 1875 г.р.) к весне 1941 г. уже семь лет находился в Москве (с 1934 г.), участвовал в выработке и заключении пакта ненападения 1939 г. и сопутствующих протоколов. Весной 1941 г. в германском посольстве был составлен меморандум, в котором высказано предостережение от недооценки оборонной силы Советского Союза. В апреле посол был вызван в Берлин для доклада фюреру, а вернувшись в Москву, в узком кругу обронил фразу: «Жребий брошен. Война неизбежна». Настроения в посольстве в Москве явно не нравились чинам в Берлине. Еще в январе 1941 г. военный атташе Кёстринг был вызван в Берлин, а на его место прислан полковник Генштаба Кребс, который ранее был помощником военного атташе в Москве. После парада Красной армии 1 мая 1941 г. Кребс немедленно выехал в Берлин для доклада фюреру, а в Москву вернулся генерал Кёстринг. Еще один факт заслуживает внимания: весной того года Москву посетил под видом представителя химических фирм В. Шелленберг. В посольстве он поведал Хильгеру и Кегелю, что Советский Союз будет скоро уничтожен. По сути, он изложил план агрессии и ее цель: достижение еще до зимы «линии А» (Архангельск — Астрахань), занятие Ленинграда, Москвы и Киева. Он вел себя в Москве

довольно развязно, намекая на то, что говорит о планах нападения на Советский Союз с целью дезинформации, точнее, с целью прикрытия подготовки к высадке на Британских островах. 22 июня Шелленберг был назначен на должность шефа 6-го управления РСХА — «Аусланд СС» (политическая разведка). В германском посольстве в Москве советником по экономическим вопросам работал Герхард Кегель, убежденный антифашист, который тесно сотрудничал с советскими органами. После войны он жил в ГДР и в 1980-х гг. выпустил книгу воспоминаний. Замысел плана «Барбаросса» был известен, таким образом, и из источника в германском посольстве в Москве, наряду с сообщениями из иных источников: из Токио от Р. Зорге, из Лондона от У. Черчилля и др.

Нацистская Германия вела интенсивную подготовку к нападению на Советский Союз, не утруждая себя поиском повода для объявления войны или какого-либо основания для разрыва пакта о ненападении. Видимо, поэтому историки мало уделяли внимания разбору ситуации накануне нападения Германии на Советский Союз. Обстоятельства были предельно ясные: нацисты готовили агрессию. У российских историков имеются все основания поддерживать версию о вероломном нападении Германии на СССР. Никаких претензий или требований Германия к Советскому Союзу не предъявляла, опасаясь, видимо, что хотя бы ради оттягивания начала войны, советское правительство пойдет на переговоры.

Ситуация накануне 22 июня 1941 г., в ночь с 21 на 22 июня, подобно мозаике может быть сложена из воспоминаний участников и свидетелей события, а также из кратких телеграмм и записей дипломатов, которые лишь сложенные воедино могут составить картину.

И в Берлине, и в Москве вечером 21 июня и ночью 22 июня, с субботы на воскресенье, отнюдь не царила атмосфера «уикэнда». Напротив, царила атмосфера нервной активности и суеты, прикрываемая показным спокойствием. В Москве — это приглашение в субботу вечером, в 21 час, к наркому В. М. Молотову посла Шуленбурга: советский нарком заявил протест по поводу нарушения воздушного пространства СССР германскими самолетами и потребовал объяснения по поводу слухов о якобы нелояльных действиях Советского Союза. Германский посол сослался на то, что у него нет никакой информации на этот счет. Ночью 22 июня в 1 ч. 17 мин. из германского посольства отправлена «весьма

срочно и секретно» телеграмма о беседе посла с советским наркомом. Но еще в 0 ч. 40 мин. из Москвы направлена телеграмма в советское посольство сделать соответствующее представление Риббентропу.

В Берлине — это привоз полпреда Деканова с переводчиком В. Бережковым к Риббентропу ночью, когда вермахт уже совершил вторжение на советскую территорию.

Ночью в германском посольстве получена телеграмма, предписывавшая Шуленбургу посетить В. Молотова и заявить о начале военных действий вермахта. В начале пятого часа Шуленбург в сопровождении Хильгера посетил В. Молотова в Кремле и заявил, что германские войска ведут боевые действия. В. М. Молотов поставил вопрос: «Это объявление войны»? Никакого ответа не последовало. Германский посол просил обеспечить персоналу посольства беспрепятственный выезд в соответствии с международным правом. Молотов ответил, что выезд посольства будет происходить на основе взаимности. Известно, что персонал германского посольства в значительной части уже выехал из Москвы «на летний отдых», тогда как в Германии оставалось несравнимо большее количество советских граждан. Советник германского посольства Хильгер записал: «На этом мы распрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием». Конечно, это было необычное рукопожатие: ведь издревле рукопожатие означает, что стороны не держат в руках оружия. Переводчик советской стороны Павлов записал, что Шуленбург от себя лично добавил в заключение визита, что считает решение Гитлера безумием. Известно, что граф Шуленбург

оказался причастным к заговору против Гитлера и был казнен 10 ноября 1944 г.

В полдень 22 июня 1941 г. по радио выступил В. М. Молотов, который, заметно волнуясь, сообщил, что нацистская Германия совершила вероломное нападение на Советский Союз. Как восприняли советские граждане вести о войне, находясь на улицах и площадях, во дворах коммунальных домов и в парках, мне запомнилось на всю жизнь. Люди молча выслушали сообщение из репродукторов и приемников, которые были выставлены в окнах домов. Ведь за неделю до этого сообщение ТАСС уверяло, что слухи о войне — провокации. Запомнились слова В. М. Молотова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Через несколько дней прозвучала песня:

*Пусть ярость благородная вскипает как волна
Идет война народная — священная война...*

Сколь ни парадоксально, на Западе, прежде всего в Англии, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было воспринято с некоторым облегчением и удовлетворением: новый воздушный блиц — бомбардировки английских городов — явно отодвигался, равно как и высадка нацистов на Британские острова. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил, что симпатии Британии на стороне России. Он исполнился решимости вести войну до последнего... российского солдата. Би-би-си, еще не желая исполнять «Интернационал», выпустила в эфир запись песни «Широка страна моя родная...». Началась Великая Отечественная война советского народа после почти двух лет войны в Европе.

¹ Совершенно секретно. Только для командования. Документы и материалы // сост. В. И. Дашичев. М., 1967; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 т. М., 1973.

² Великая Отечественная. Накануне войны: в 2 т., М., 1993–1994; Россия XX век. 1941 год: документы: в 2 кн. / науч. ред. В. П. Наумов. М., 1998.

³ Шелленберг В. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991; Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993; Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1993; Митчем С., Мюллер Д. Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1995; Пэтфилд П. Рудольф Гесс — сподвижник Гитлера. Смоленск, 1998; Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998; Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1998; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.

⁴ От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада / пер. Ю. И. Логинова. М., 1988. С. 41–42.

⁵ Безыменский. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 173.

⁶ Нюрнбергский процесс. В 7 т. Т. 5. М., 1960. С. 116.

⁷ Hausser P. Waffen SS im Einsatz. Gdttingen, 1953. S. 13.

⁸ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.

⁹ Красная Звезда. 2001. 22 марта.

¹⁰ Анфилов В. А. Без правил // Независимая газета. 2000. 19 апреля.

Экономика и оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны

Н. Я. Шепова*

Насколько Советский Союз был готов к началу Великой Отечественной войны, насколько страна и ее вооруженные силы были готовы к отражению германской агрессии? Ответ на этот вопрос необходимо искать, в первую очередь, в состоянии и уровне развития экономики страны, ее народного хозяйства в целом, а также советского оборонно-промышленного комплекса — основы обороноспособности государства.

О наличии тесной взаимосвязи между войной и уровнем развития экономики писали еще представители меркантилизма — первого экономического учения, зародившегося в XVII в., а затем и классики буржуазной политической экономии. Научному обоснованию зависимости войны от экономики, влиянию экономических условий на изменение способов ведения войн и их исход большое место уделено в трудах основоположников марксизма. Они, в частности, полагали, что ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. При этом, по их мнению, вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависели, прежде всего, от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. История войн свидетельствует, что по мере развития производительных сил и совершенствования вооружения и военной техники увеличиваются и размеры военных затрат. Наибольшего объема они достигли в эпоху империализма. Две мировые

войны XX в. показали, что успех в войне, помимо других важных факторов, напрямую зависит от количества и качества экономических ресурсов, эффективности их мобилизации и использования, военно-экономического потенциала страны. Если в войнах XIX в. в военных целях использовалось в среднем 8–14 % национального дохода воюющих стран, то в годы Первой мировой войны этот показатель составил в Австро-Венгрии 24,2 %, Великобритании — 36,9 %, Германии — 31,6 %, Италии — 19,2 %, России — 24,1 %, Франции — 25,6 %, США — 15,5 %. В период Второй мировой войны он еще более возрос и составил в США — 43,4 %, Великобритании — 55,7 %, Германии — 67,8 %. Уже после Первой мировой войны стало очевидно, что для успешного ведения военных действий в XX в. необходим перевод на военные рельсы существенной части всего народного хозяйства воюющих стран. Так, по некоторым подсчетам, в 1941–1945 гг. доля военной продукции в общем промышленном производстве США составила 60,6 %, в Германии и СССР (по данным на 1944 г.) — 50 %.

В комплексе задач по укреплению обороноспособности СССР в предвоенные годы особое место отводилось развитию и упрочению народного хозяйства. Опыт Первой мировой войны показал, что в будущей войне ее исход будет предопределен не только количественным и качественным состоянием вооруженных сил, превосходством военно-научной мысли и талан-

* Наталья Яковлевна Шепова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

том полководцев, но и уровнем развития экономики. Недаром будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников в конце 1920-х годов в своем труде «Мозг армии» в главе «Экономика и война» писал: «Ныне мы можем с полной определенностью сказать, что характер будущей войны определяется экономикой... Будущая война неизбежно повлечет за собой экономическую борьбу, которой тыл будет захвачен не меньше, если не больше, чем фронт... В экономическом плане войны должно быть предусмотрено развитие народного хозяйства страны, должны быть продуманы и подготовлены финансовая и экономическая мобилизация и транспорт»¹.

Вопросы рациональной подготовки экономики к войне нашли свое отражение в трудах А. М. Вольпе, С. М. Вишнева, А. М. Зайончковского, П. П. Каратыгина, К. А. Мехоношина, М. Н. Тухачевского, М. В. Фрунзе, Г. И. Шигалина и ряда других военных специалистов и ученых. В частности, практик и теоретик войны, военный историк, профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе А. М. Зайончковский подчеркивал существенно возросшее в XX в. значение заблаговременной подготовки экономики к обороне страны. «Раз непосредственная тяжесть ведения войны, — писал он, — падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое значение в ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время... Отсюда — настоятельная, жгучая и неотложная задача: усилить общую работу по подготовке страны к обороне; организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы. Путь к этому лежит в усвоении твердого курса на военизацию еще в мирное время работы всего гражданского аппарата»². С ним был согласен и М. Н. Тухачевский, который отстаивал положения о неразрывной связи военного искусства с общественным строем страны и что очень важно — с ее производственной базой.

Вопросам подготовки экономики к войне, промышленной мобилизации и руководства экономикой в военное время посвящались также и специальные выпуски главного теоретического журнала РККА «Война и революция» и журнала «Война и техника».

В предвоенный период военно-политическое руководство страны, опираясь на положения советской военной теории о характере

будущей войны, считало, что экономика должна быть нацелена на всестороннее обеспечение длительной и напряженной войны. Поэтому в советской военной доктрине большое значение придавалось экономическому фактору, организации и бесперебойному функционированию тыла страны. При этом не вызывало сомнений, что для победы потребуются мобилизация усилий всего народа, страны в целом, обеспечение единства фронта и тыла. Выиграть войну сможет то государство, чья экономика окажется более мощной, надежной и выносливой и чья система обеспечения вооруженных сил всем необходимым будет более отлаженной, выверенной и стойкой.

В основу военно-стратегического планирования были положены, прежде всего, идеи советской военной оборонительной доктрины. Советский Союз, исходя из основных положений своей внешней политики, не собирался ни на кого нападать. Вместе с тем было признано, что завоевания социализма должны защищаться со всей решительностью, всеми силами и средствами. Военно-стратегические планы строились на основе официально признанных взглядов относительно характера будущих военных столкновений. Считалось, что в будущей войне Советскому Союзу будут противостоять не отдельные страны, а коалиция враждебно настроенных капиталистических государств. СССР в свою очередь ни на кого не собирался нападать, поэтому в основу всех планов была положена идея отражения нападения агрессора, а затем перехода в мощное контрнаступление в форме решительных наступательных операций и завершение разгрома противника на его территории. В проекте Полевого устава РККА 1939 г. (его официальному утверждению помешала война) об этом говорилось так: «Если враг навязет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории»³.

Об этом свидетельствуют и многие архивные документы. Они же опровергают один из самых популярных мифов, или скажем более мягко, — одну из версий последнего времени о том, что советское военно-политическое руководство в период 1940–1941 гг. усиленно готовилось к наступлению, планируя нанести упреждающий удар по Германии и вести войну исключительно

на территории противника⁴. По мнению этих авторов, ожидалась легкая и скорая победа, а поэтому подготовка к длительной и тяжелой войне на истощение не велась. Архивные документы говорят об обратном: в предвоенные годы шло активное строительство вооруженных сил, определялись перспективы развития народного хозяйства и оборонной промышленности, предпринимались важные дипломатические шаги именно на основе предположения о том, что будущая война в силу своего характера потребует максимального напряжения всех сил фронта и тыла.

Первостепенное внимание уделялось социально-экономической устойчивости государства в условиях военного времени. Формирование комплексной системы подготовки страны к войне проходило одновременно с созданием нового хозяйственного механизма, основой которого являлись единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. В этих условиях мобилизационные органы должны были стать органической частью хозяйственного аппарата, а мобилизационное планирование промышленности — одним из направлений общего народнохозяйственного планирования.

Бурное развитие науки и техники во всех развитых странах в межвоенный период оказывало прямое воздействие на процесс разработки, создания и принятия на вооружение новых видов вооружения и военной техники. Было совершенно очевидно, что исход в новой войне будет во многом зависеть не только от превосходства военной мысли, таланта полководцев, выучки и морального духа воинов, но и от технического совершенства средств вооруженной борьбы и насыщение ими войск в нужном объеме. Советский Союз, добиваясь укрепления своей обороноспособности, решал эту задачу, прежде всего путем создания соответствующей материальной базы.

При этом предполагалось, что основная масса средств вооруженной борьбы, необходимая для успешного ведения боевых действий и достижения победы, будет произведена в ходе войны. Следовательно, от экономики требовалось не только обеспечить необходимыми средствами ведения боевых действий предвоенную группировку войск и материально оснастить мобилизационное развертывание вооруженных сил. Она также должна была обладать способностью восполнять материальные потери фронта и обеспечивать всем необходимым и в

нарастающем объеме новые воинские формирования, создаваемые в ходе войны.

Таким образом, при определении способности экономического обеспечения войны упор в СССР делался на способность народного хозяйства в короткие сроки осуществить экономическую мобилизацию, быстро перевести все народное хозяйство на военные рельсы и обеспечить расширенное воспроизводство военной продукции в масштабах, удовлетворяющих потребности фронта. В силу этого в предвоенные годы такое большое внимание уделялось эффективной мобилизационной подготовке экономики с опорой на преимущественное развитие высокотехнологичного для того времени гражданского сектора.

Таким образом, руководство Советского государства изначально, еще в начале 1920-х годов, понимало, что, находясь в окружении недружественно настроенных стран, а также с учетом объективных закономерностей развития системы империализма, государству придется рано или поздно воевать, и поэтому необходимо создавать и развивать свою собственную оборонную промышленность, которая в то время практически отсутствовала. О «все еще продолжающейся мобилизационной немоги нашей промышленности», которая «грозит поставить армию в опасное положение» говорил начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский и в 1928 году⁵. В том же документе обозначаются пути дальнейшего увеличения объемов и совершенствования качества военной продукции — «в виде постройки новой военной промышленности, а не путем внедрения военного производства в гражданскую промышленность при реконструкции и индустриализации страны»⁶.

Таким образом, оборонно-промышленный комплекс в стране мог быть построен только на базе крепкой народнохозяйственной экономики — прежде всего высокоразвитой промышленности, в первую очередь тяжелой. А в деле укрепления общей обороноспособности страны важную роль играло и развитие высокопродуктивного сельского хозяйства.

Восстановительный период экономики страны, разрушенной в результате Первой мировой, Гражданской и советско-польской войн, многочисленных послевоенных мятежей и восстаний, в основном закончился к началу 1925 г. Валовая продукция промышленности достигла в этом году 75 % от уровня 1913 г., а в следующем превысила его на 8 %. В основном практи-

чески полностью была восстановлена легкая и пищевая промышленность. Продукция машиностроительной промышленности в целом превысила в 1925 г. довоенный уровень на 13 %. Близко к довоенному уровню подошла добыча нефти и угля. Однако резко отставала от довоенного уровня металлургия и другие отрасли тяжелого машиностроения, которые являются основой оборонной промышленности.

Но страна в целом оставалась преимущественно аграрной, подавляющая часть населения была практически неграмотна. Производительные силы размещались крайне нерационально. Дальнейшее развитие промышленности требовало ее технической реконструкции, наращивания мощностей, широкого строительства новых заводов, внедрения новейших технических достижений, новых более эффективных методов управления, увеличения числа высокопрофессиональных, квалифицированных кадров, повышения удельного веса тяжелой промышленности, развития транспорта и инфраструктуры.

К 1925 г. в основном завершилось и восстановление сельского хозяйства. Общая посевная площадь достигла предвоенного уровня, но под зерновыми площадь посева на 7,5 % была меньше довоенной. Валовой сбор зерновых культур в 1925 г. по сравнению с 1913 г. составил 82 %. Однако по сравнению с довоенным периодом резко упала товарность сельского хозяйства. Это произошло в силу того, что главным производителем хлеба и других продуктов сельского хозяйства стало мелкое крестьянское хозяйство, товарность которого падала в связи с ростом потребления самого крестьянина.

Для кардинального изменения ситуации в экономике был взят курс на скорейшую индустриализацию страны, электрификацию, коллективизацию сельского хозяйства и проведение культурной революции. Необходимо было преодолеть многоукладность экономики, ликвидировать частноотварные и капиталистические формы хозяйства.

В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) был взят курс на индустриализацию и поставлена задача превратить СССР в страну, производящую машины и оборудование. Начало социалистической индустриализации было положено первым пятилетним планом развития народного хозяйства (принят в 1928 г. на пятилетний период с 1929 г. по 1933 г., но был выполнен досрочно в 1932 г.). Определению целей и методов осуществления индустриализации была посвящена

XVI конференция ВКП (б), состоявшаяся в апреле 1929 г., в центре внимания которой оказалось обсуждение и принятие первого пятилетнего плана. Таким образом, в социалистическом государстве было отдано предпочтение плановому ведению народного хозяйства. Многие исследователи сходятся во мнении, что с учетом господствовавших жестких методов управления экономикой, более правильное определение внедренному в те годы способу хозяйствования — планово-директивный.

Официально провозглашенная задача индустриализации заключалась в превращении СССР из преимущественно аграрной страны в ведущую индустриальную державу. В сельском хозяйстве надо было осуществить постепенный переход от мелкотоварного производства к крупному социалистическому хозяйству через простейшие формы кооперации к колхозам.

Важной вехой в становлении советского оборонно-промышленного комплекса стали события, развернувшиеся на июльском заседании Политбюро ЦК ВКП (б). Доклады о положении военной промышленности были представлены И. П. Павлуновским, М. Л. Рухимовичем, А. Ф. Толоконцевым, К. Е. Ворошиловым. 15 июля 1929 г. были приняты два Постановления Политбюро: «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности». Оба постановления имели гриф «Совершенно секретно». Второй документ особенно важен в плане понимания вопроса о развитии оборонной промышленности в стране.

В постановлении «О военной промышленности» была поставлена точка в многочисленных дискуссиях о характере современной войны и размерах необходимых военных приготовлений. Было четко определено, что война будет отличаться «крайней напряженностью», «громадным масштабом» и «глубоко техническим характером»⁷. С учетом этого ведение и достижение успеха в войне «требует всемерного развития военно-технических средств борьбы, применения этих средств в массовых количествах, получения их от промышленности в нужные для обороны сроки и постоянного их совершенствования»⁸.

Ведущая роль в подготовке к войне отводилась кадровой военной промышленности. Более того, в постановлении был сделан вывод о том, что «существование в системе советской промышленности специальной военной промышленности с весьма мощными заводами

объективно создает преимущество Советского Союза перед буржуазными государствами в деле наилучшей подготовки промышленности к обороне страны»⁹. Тем самым был дан зеленый свет развитию и неуклонному росту военной промышленности как самостоятельной отрасли народного хозяйства.

Однако оценка состоянию оборонной промышленности на 1929 г. была дана крайне неудовлетворительная. Крупнейшие недостатки заключались в следующем: «громадное преуменьшение мобилизационных мощностей заводов... и в связи с этим длительные и не соответствующие интересам обороны сроки развития заводов»; «длительность сроков мобилизационного развертывания военных заводов (от 1 до 1,5 лет)»; наличие «диспропорций и „узких“ мест по ряду отраслей военных производств и заводов»; не использование и частичное приведение в негодность большого парка запасного станочного оборудования; «недопустимо медленное изготовление новых опытных образцов вооружения и длительные (3–4 года) сроки постановки их изготовления в массовом производстве»; устаревшие технологические процессы; «крайне недостаточное использование основного капитала военной промышленности в отношении загрузки мирной продукцией»; разбазаривание оборотных капиталов; базирование военной промышленности целиком «на касте старых специалистов царской России», отсутствие должной подготовки новых советских кадров и как следствие этого критическое положение в промышленности после уличения старых специалистов в контрреволюционной и вредительской деятельности и их арестов¹⁰.

На последнем «узком месте» позволим себе остановиться несколько подробнее. Насыщенность заводов военной промышленности инженерно-техническим персоналом была крайне низкой. По таким важным группам специальностей, как металлургическая и механическая на конец 1929 г. имелось всего 1 % инженеров и 1,35 % техников, а по химической группе соответственно 0,77 % и 1,13 %. Поэтому за пятилетку необходимо было вовлечь в военную промышленность не менее 4113 инженеров и 6463 техника. При таком пополнении к концу пятилетки насыщенность по инженерам достигла бы 3,8 %, по техникам 6 %, а всего 9,8 %. В этом случае советская военная промышленность по этим показателям приблизилась бы к германской¹¹.

Устранить все эти недочеты и узкие места в оборонной промышленности необходимо было в ходе первой пятилетки, а в ходе второй пятилетки — продолжить развитие и рост военной промышленности.

Первый пятилетний план предусматривал рост промышленной продукции на 136 %, производительности труда на 110 %, снижение себестоимости промышленной продукции на 35 %. Приоритет отдавался тяжелой промышленности — основе оборонно-промышленного комплекса. Она получила 78 % всех капиталовложений. Была также поставлена задача освободить промышленность от импортной зависимости, поскольку это являлось одним из решающих факторов в деле обеспечения войны и обороны страны. Был разработан конкретный план развития «собственных производств, в полной мере гарантирующих работу промышленности в условиях военной блокады», который был тесно увязан с пятилетним планом развития промышленности в целом¹².

В области оборонной промышленности в период с 1 января 1929 г. по 1 октября 1933 г. планировалось увеличение производства самолетов в 2,7 раза, танков — в 15 раз, боеприпасов — в 2,7 раза, ручного огнестрельного оружия — в 2,5–3 раза, автомобильного транспорта — в 4–5 раз¹³. Утвержденный в июле 1929 г. мобилизационный план «С-30» требовал, не снижая темпов подачи предметов вооружения и боевой техники для выполнения текущих заказов, создания дополнительных производственных мощностей по всем отраслям промышленности, обеспечивающих военно-промышленное производство сырьем и материалами.

Однако проверка, проведенная военным ведомством, показала, что план «С-30», рассчитанный на введение в действие в период до 1 июля 1930 г., уже в конце 1929 г. оказался «устарелым, минимальным, не удовлетворяющим нужд обороны» и, более того, «безусловно, нереальным».

Неудовлетворительно обстояло дело и с выполнением плана текущих военных заказов в последние два года первой пятилетки. Итоги выполнения промышленностью плана по вооружению за 1931 г. показали, что план в среднем выполнен только на 70 %¹⁴. В 1932 г. более чем на две трети план текущих военных заказов был выполнен только по одной позиции (танки). В 1933 г. на две трети и более план выполнен по трем позициям (орудия, авиабомбы, самолеты)¹⁵. Плохие показатели работы военной промыш-

ленности в 1930–1931 гг. объясняются, в числе прочего, началом освоения в производстве новых образцов вооружения и боевой техники.

Главной базой индустриализации страны стали старые промышленные районы — Центральный район, Ленинградская область, Донецко-Криворожский район Украины, Урал. Они должны были стать фундаментом наращивания индустриальной мощи страны, поэтому их в первую очередь обеспечивали сырьем, материалами, оборудованием, кадрами.

Ведя широкую пропагандистскую работу, руководство страны обеспечило широкую поддержку плана индустриализации со стороны населения. В результате недостатка в дешевой рабочей силе не было. Миллионы людей самоотверженно, вручную или с использованием малой механизации, возводили новые заводы, фабрики, электростанции, прокладывали шоссейные и железные дороги, каналы. Широко использовался бесплатный труд заключенных из лагерей системы ОГПУ. В 1930 г. было развернуто строительство около 1500 объектов, из которых 50 являлись наиболее крупными — в них была вложена почти половина всех выделенных денежных средств. Были сооружены или начато строительство таких промышленных гигантов, как ДнепроГЭС, металлургические заводы в Магнитогорске, Липецке и Челябинске, Новокузнецке, Норильске а также первая очередь Уралмаша, тракторные заводы в Волгограде, Челябинске, Харькове, Уралвагонзавод, Саратовский завод комбайнов, автомобильные заводы «ГАЗ», «ЗИС» (в последующем «ЗИЛ») и др.

В конце 1932 г. было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки за четыре года и три месяца. В целом следует признать, что за годы первой пятилетки был совершен огромный скачок в развитии народного хозяйства. По официальным данным, в тяжелой индустрии, которая являлась фундаментом оборонной промышленности, план был выполнен на 108 %. Ее основные производственные фонды увеличились в 2,7 раза. Несмотря на общее недовыполнение плана военной промышленностью, Госплан СССР в анализе итогов пятилетки заявил, что «за истекшее четырехлетие наша промышленность имеет очень большие достижения по линии производства предметов снабжения РККА», и «эти достижения относятся, прежде всего, к освоению новой военной техники»¹⁶. Но главный и окончательный вывод сводился к следующему: «...промышленность имеет значительные успехи в ходе своей

оборонной подготовки... Однако достигнутый ею уровень оборонных возможностей совершенно недостаточен, и имеющиеся ресурсы не были использованы»¹⁷.

Эти недочеты и отставание оборонной промышленности планировалось ликвидировать в ходе второй пятилетки. Причем основной путь к решению этой задачи виделся в широком использовании гражданской промышленности для обороны. А в числе основных условий успеха развития оборонной промышленности указывались следующие: «обеспечение технического руководства военными производствами, хозяйственное оздоровление и укрепление военной промышленности, организационное улучшение оборонной подготовки и распространение ее на всю промышленность»¹⁸.

Главные задачи второй пятилетки и основные пути их реализации были намечены на XVII конференции ВКП (б) в январе–феврале 1932 г. и окончательно утверждены на XVII съезде партии (январь–февраль 1934 г.). Они заключались в следующем: техническая реконструкция всех отраслей народного хозяйства; ускорение темпов индустриализации; завершение реконструкции тяжелой промышленности; удвоение выпуска продукции всего народного хозяйства; СССР должен «догнать и обогнать по объему производства народного хозяйства все страны Европы и в ряде отношений — США, обеспечивая невиданные темпы роста материального благосостояния широких масс трудящихся, становясь страной окончательно независимой в технико-экономическом отношении от капиталистического мира»¹⁹; завершение коллективизации сельского хозяйства и его широкая механизация, а также окончательная ликвидация кулачества; создание кадров технической интеллигенции из рабочих и крестьян; существенный подъем уровня жизни и культуры всех трудящихся; совершенствование методов управления промышленностью.

Была сделана установка на то, чтобы решающим фактором выполнения намеченной программы увеличения объема выпускаемой продукции во втором пятилетии стало резкое повышение производительности труда. Съезд принял решение поднять производительность труда в промышленности на 63 % против 41 % в первой пятилетке.

На съезде было заявлено, что только на основе технической реконструкции всего народного хозяйства можно «окончательно обеспечить

технико-экономическую независимость страны и укрепить должным образом обороноспособность СССР»²⁰. Эта задача представлялась еще более важной, чем в годы первой пятилетки с учетом того, что угроза войны существенно возросла с приходом к власти в Германии национал-социалистской партии во главе с Гитлером и сохранением агрессивно-милитаристских устремлений Японии на Дальнем Востоке.

В период второй пятилетки промышленное строительство в стране продолжалось в небывалых масштабах. Валовая продукция всей промышленности к концу пятилетки выросла по сравнению с 1932 г. в 2,2 раза. По сравнению с дореволюционным 1913 г. объем промышленного производства увеличился более чем в 8 раз. Продукция тяжелой промышленности выросла по сравнению с 1932 г. в 2,3 раза. Примечательно, что более 80 % всей промышленной продукции в 1937 г. было произведено новыми или реконструированными предприятиями. Объем капитальных вложений в народное хозяйство составил 19,9 млрд рублей. Было построено более 4500 новых предприятий, обеспечивающих техническую реконструкцию транспорта и сельского хозяйства, а также рост обороноспособности страны²¹.

В процентном выражении с 1932 г. по 1937 г. продукция советской промышленности возросла на 220 %, в том числе по группе «А» — на 240 %, по группе «Б» — на 200 %. Такими стремительными темпами индустриализации не могла похвастаться ни одна капиталистическая страна. Советский Союз превратился в передовую индустриальную державу и по общему объему промышленного производства выдвинулся на второе место в мире (после США)²². Но важно отметить, что в целом планы второй пятилетки, как и первой, по большинству показателей не были выполнены, хотя процент выполнения плановых заданий был более высоким, чем прежде.

Вторая пятилетка ознаменовалась началом коренных сдвигов в промышленной и сельскохозяйственной географии страны. Наряду с завершением строительства Урало-Кузнецкого комбината были созданы и другие новые промышленные центры на Востоке. Восточные районы страны (Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, Башкирия, Среднеазиатские республики) получили 33 % всех капиталовложений в народное хозяйство, в том числе 71 % — в цветную промышленность,

49 % — в каменноугольную промышленность, 41 % — в черную металлургию, 37 % — в тяжелую промышленность, 34 % — в химическую, 27 % — в машиностроение.

Продвижение промышленности на Восток, приближение к сырью, создание новых опорных баз индустриализации имело большое значение с нескольких точек зрения: для экономического развития ранее отсталых национальных республик и областей, более равномерного размещения производительных сил, а в случае начала войны против СССР с Запада — для повышения устойчивости экономики в военное время, а также с целью успешного противостояния военной угрозе на Дальнем Востоке.

За годы второй пятилетки производительность труда, по официальным данным, возросла вдвое. Во многом это произошло благодаря стахановскому движению, зародившемуся в 1935 г. Оно было так названо по имени забойщика одной из Донбасских шахт А. Г. Стаханова, который добыл за смену 102 тонны угля при норме в 7 тонн, а впоследствии удвоил свой результат, добыв 227 тонн. Этот почин был подхвачен рабочими и колхозниками по всей стране и получил широкую массовую поддержку.

В 1937 г. была завершена коллективизация сельского хозяйства. 93 % мелких крестьянских хозяйств были объединены в 243,7 тыс. колхозов. В колхозах использовались 456 тыс. тракторов, 146 тыс. грузовых автомобилей, 129 тыс. комбайнов.

Изменилась форма владения землей — у земли появились два хозяина — колхоз и государство. Однако машинная техника принадлежала государству (МТС), а это поставило колхозы в экономически зависимое положение и способствовало созданию системы принудительного изъятия хлеба. Большую негативную роль сыграл неурожай и последовавший за ним голод 1932–1933 гг. По всем показателям существенно отставало животноводство. В отсутствие экономических стимулов колхозы и совхозы не могли произвести достаточно продуктов для того, чтобы прокормить страну и армию.

Что касается оборонной промышленности, то за вторую пятилетку произошел значительный рост объема ее производственных мощностей. Была оптимизирована система руководства: в декабре 1936 г. оборонную промышленность вывели из подчинения Народного комиссариата тяжелой промышленности и передали созданному Народному комиссариату обо-

ронной промышленности (НКОП). Для лучшей координации всех вопросов обороны страны в апреле 1937 г. был создан Комитет обороны при СНК СССР с постоянно действовавшей при нем Военно-промышленной комиссией, которая занималась обеспечением выполнения планов и заданий, которые ставил Комитет обороны перед промышленностью по производству вооружения и военной техники.

Расходы на оборону во второй пятилетке, включая оборонное капитальное строительство, содержание личного состава армии и флота, боевую подготовку и прочее, увеличились, по сравнению с первой пятилеткой примерно в четыре раза. Больших успехов добились отечественное самолетостроение, танковая и артиллерийская промышленность. Со стапелей советских заводов стали сходиться во все возрастающих количествах подводные лодки и эсминцы²³.

В общем объеме валовой промышленной продукции СССР, оценивавшейся советской статистикой в 1937 г. в размере 90,2 млрд руб. в ценах 1926–1927 г., продукция Наркомоборонпрома составила 10 %. В общем объеме капитальных вложений в промышленность, оценивавшихся в 1936 г. в размере 6270 млн руб., на долю НКОП приходилось 1600,4 млн руб. (25,5 %). В плане капитальных вложений в промышленность на 1937 г. доля НКОП составила 52,5 %²⁴.

В последние два года второй пятилетки в советской военной промышленности начался новый этап освоения новейших зарубежных технологий, возросли требования к качеству производимой продукции, получила широкое распространение аккордно-премиальная система оплаты труда. В целом, несмотря на целый ряд серьезных недостатков в оборонной промышленности, она справлялась с техническим перевооружением Красной армии и созданием дополнительных мощностей для работы в режиме военного времени. Однако, по мнению исследователя ВПК СССР Н. С. Симонова, «если отвлечься от динамики производственно-технологических возможностей советской военной промышленности, то ее состояние... не выглядит предпочтительнее военно-экономического потенциала любой из индустриально развитых стран: США, Германии, Франции, Великобритании и Японии. Отсюда — отсутствие у высшего советского руководства уверенности в способности военной промышленности и вооруженных сил СССР эффективно оборонять советский режим от „враждебного капиталистического

окружения“. Отсюда — стремление высшего советского руководства любой ценой оттянуть военное столкновение с потенциальными внешними противниками на Западе и Дальнем Востоке...»²⁵.

К началу третьей пятилетки в СССР была фактически завершена индустриализация страны — построен прочный фундамент современной по тем временам индустрии; созданы новые отрасли промышленности (тракторная, автомобильная, авиационная и химическая промышленности, станко- и приборостроение); были освоены многие новые технологии; модернизирована и значительно расширена транспортная система; сельское хозяйство практически полностью переведено на коллективную механизированную основу.

Одним из важнейших результатов первых пятилеток стало развитие тяжелой промышленности, благодаря чему прирост ВВП в течение 1928–1940 гг. составил 4,6 % в год²⁶. Промышленное производство в период 1928–1937 гг. выросло в 2,5–3,5 раза, то есть прирост составлял 10,5–16 % в год. В частности, выпуск машинного оборудования в период 1928–1937 гг. рос в среднем на 27,4 % в год²⁷.

На созданной индустриальной базе стало возможным проведение масштабного перевооружения армии. Выпуск продукции военного назначения вырос в несколько раз. Расширились возможности совершенствования основных видов вооружения, повышения его тактико-технических характеристик. Была создана сеть научно-исследовательских организаций по разработке и конструированию новых видов оружия. Но особенно масштабные мероприятия по непосредственной подготовке советской экономики к войне были проведены в ее преддверии, в 1938–1941 гг. Угроза грядущей войны потребовала подготовки всего советского народного хозяйства к скорейшему переводу на военные рельсы.

Основные направления решения этих задач были намечены в третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства (1938–1942 гг.), выполнение которого было прервано началом Великой Отечественной войны. План в изложении В. М. Молотова был рассмотрен и утвержден на XVIII съезде ВКП (б) в марте 1939 года²⁸. Съезд сформулировал основную экономическую задачу: догнать и перегнать индустриально развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Но с учетом

надвигавшейся войны план был скорректирован, и во главу угла была поставлена задача значительного ускорения темпов роста тяжелой и оборонной промышленности, увеличения государственных резервов и мобилизационных запасов.

Были предприняты шаги по реструктуризации экономики в интересах обороны, и эта задача в значительной степени оказалась решена. Особенно укрепились отрасли промышленности, производившие средства производства. Их удельный вес, составлявший в 1937 г. 57,8 %, в 1940 г. достиг 61,2 %. Наиболее быстрыми темпами перед войной развивались те отрасли народного хозяйства, которые имели непосредственное значение для производства военной продукции. Так, при общем росте промышленного производства с 1937 по 1940 г. на 45 % производство средств производства увеличилось на 53 %, продукция машиностроения и металлообработки — на 76 %, продукция химической промышленности — на 61 %. Удельный вес всех отраслей тяжелой индустрии превышал 70 %²⁹. На июнь 1941 г. доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности составляла 45 %³⁰.

Осуществлялись крупные мероприятия по строительству новых, расширению и реконструкции старых предприятий оборонной промышленности. По третьему пятилетнему плану в оборонной промышленности первоначально было намечено строительство 84 предприятий общей сметной стоимостью около 3,2 млрд руб. Более 8 млрд руб. капитальных вложений планировалось направить на реконструкцию и расширение действующих «кадровых» военных заводов. В результате пересмотра программы оборонного строительства в июле 1939 г. общий объем капитальных вложений в оборонную промышленность в третьей пятилетке возрос до 20,3 млрд рублей³¹.

Для повышения устойчивости промышленности в условиях войны огромную роль сыграли изменения в географическом размещении крупных предприятий. Особое внимание было обращено на создание военно-экономической базы дублера на востоке страны (в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке). В мае 1939 г. в Поволжье полным ходом шло строительство 23 промышленных объектов, на Урале — 26, в Сибири — 35, на Дальней Востоке — 13³². Предприятия-дублиры позволили в начале Великой Отечественной войны не только использовать их мощности для

военного производства, но и размещать на их площадях родственные предприятия, эвакуированные из западных районов. Однако, к сожалению, эта важная работа не была завершена к началу войны. Доля оборонных предприятий на востоке страны была существенно меньше, чем в западных и центральных районах.

По состоянию на середину 1938 г. из 219 «кадровых» военных заводов, входивших в систему Наркомата оборонной промышленности, 68 (31 %) дислоцировались в Москве и Московской области, 38 (17,3 %) — в Ленинграде и Ленинградской области и только 30 (13,6 %) — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке³³. Эта ситуация существенно не изменилась и к началу войны. Таким образом, основная промышленная база страны располагалась по линии Ленинград — Москва — Тула — Брянск — Харьков — Днепропетровск. Последствия этой ситуации оказались катастрофическими: летом 1941 г. свыше 80 % всех предприятий оборонной промышленности, в том числе 94 % авиационных заводов, оказались в зоне боевых действий или в прифронтовых районах³⁴.

В третьей пятилетке отдельные показатели росли особенно быстрыми темпами. Так, к июню 1941 г. валовая продукция промышленности уже составила 86 %, а грузооборот железнодорожного транспорта — 90 % от уровня, намеченного на конец пятилетки. Особенно быстрыми темпами рос выпуск военной продукции. За 1938–1940 гг. при ежегодном росте продукции всей промышленности СССР в среднем на 13 % продукция оборонной промышленности возрастала ежегодно на 39 %, т. е. в три раза быстрее³⁵. Только за 1940 г. СССР увеличил объем военного производства в 1,5 раза³⁶. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. в войска поступило более 7000 танков, 17 745 боевых самолетов, 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов. В первой половине 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66 %. Сразу оговоримся, что в разных источниках, в том числе и архивных, нет единства по поводу абсолютных цифр выпуска военной продукции, а тем более относительно ее поступления в войска. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Согласно секретной информации, направленной 21 января 1941 г. Госпланом СССР в ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О предварительных результатах выполнения плана развития народного хозяйства СССР за 1940 г.», продукция промышленности увеличилась по сравнению

Таблица 1

Объем валового производства оборонной промышленности в 1937–1940 гг. (млн рублей)³⁸

Виды оборонной промышленности	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Авиационная	2345,3	3237,7	4882,7	6310,0
Судостроение	1726,1	2010,7	2866,0	4448,0
Боеприпасы	1561,1	2423,6	3719,3	5500,0
Вооружения	2126,7	3001,4	4432,3	5710,0
Всего	7759,2	10673,4	15900,3	21968,0

с 1939 г., составив, в частности, по Наркомату судостроительной промышленности 139 %, авиационной — 133 %, боеприпасов и вооружения — 132 %, тяжелого машиностроения — 114 %, угольной промышленности — 111 % среднего машиностроения, электростанций, черной металлургии — 108 %, цветной металлургии — 107 %, общего машиностроения и нефтяной промышленности — 104 %³⁷. Всего за три года третьей пятилетки выпуск продукции в оборонных наркоматах вырос в 2,8 раза. Рост объема валового производства оборонной промышленности перед войной представлен в табл. 1. Однако, несмотря на это ускорение накануне войны, просчеты руководства страны в определении вероятных сроков начала войны показали, что оно запоздало по времени.

Уже в четвертом квартале 1939 г. часть оборонных предприятий была переведена на работу по мобилизационному графику. Проведение частичной мобилизации промышленности позволило выявить ряд серьезных организационных и технологических проблем. Однако полностью решить их к началу войны так и не удалось.

Уже с 1938 г. в стране происходило увеличение бюджетных расходов на оборону. О достигнутой перед войной интенсивности военно-экономических мероприятий можно судить по следующим показателям. В 1940 г. на военные нужды было использовано 17,2 % националь-

ного дохода, 26 % промышленной продукции, 9 % сельскохозяйственной продукции, 16 % всех транспортных перевозок³⁹.

Шведский исследователь Л. Самуэльсон, проанализировав большой массив российских архивных документов, пришел к выводу, что особенно интенсивная подготовка советской экономики к войне началась лишь в конце 1930-х гг., когда «мобилизационные задания, предусмотренные третьим пятилетним планом (1938–1942 гг.), значительно превысили все возможные показатели мобилизации гражданской промышленности»⁴⁰. Соотношение между национальным доходом государства и расходами на оборону в предвоенные годы показано в табл. 2. Естественно, что перераспределение материальных ресурсов в пользу оборонной промышленности шло за счет гражданских отраслей, что сказывалось на качестве жизни населения страны.

Особое внимание в третьем пятилетнем плане уделялось созданию крупных государственных материальных резервов на случай войны. В августе 1940 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О плане накопления госрезервов и мобзапасов на 1940 г.». Г. К. Жуков в своих мемуарах справедливо отмечает: «Что можно было при в общем-то ограниченных экономических возможностях заложить в госрезерв за полгода до войны? Мобилизационные запасы вооруженных сил также были явно

Таблица 2

Соотношение расходов на оборонные нужды и национальный доход в СССР (1938–1941 гг.)⁴¹

Годы	Национальный доход (в млрд руб. в факт. ценах)	Расходы НКО, НКВМФ и НКВД	Отношение расходов на оборону к национальному доходу (в %)
1938	257,4	31,639	12,2
1939	328,8	44,913	13,6
1940	368,2	63,439	17,2
1941	404,1	89,662	22,1

недостаточны...»⁴². Тем не менее, с 1940 по июнь 1941 г. общая стоимость государственных материальных резервов увеличилась с 4 млрд руб. до 7,6 млрд руб. Эти запасы, хотя и были относительно скромными, все же сыграли свою положительную роль в начальном периоде войны, особенно с учетом больших потерь вследствие размещения военных запасов преимущественно в западных районах страны.

Большое значение придавалось модернизации существовавших образцов и созданию новейших видов вооружения и военной техники (ВиВТ). Несмотря на многие трудности и недостатки в деятельности оборонных предприятий и отдельных отраслей военной промышленности, период 1938–1941 гг. стал переломным в деле оснащения Вооруженных Сил СССР вооружением, отвечавшим требованиям времени. Особое внимание было обращено на создание авиационной, бронетанковой и артиллерийской техники. Необходимость этого была подтверждена и боевым опытом, полученным в ходе гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны, а также анализом германского опыта в начале Второй мировой войны.

Талантливые советские конструкторы в 1938–1941 гг. разработали большое количество новых образцов артиллерийских орудий, минометов, танков, самолетов, стрелкового вооружения, боеприпасов. Многие образцы были разработаны в так называемых «шарагах» — закрытых особых конструкторских бюро (ОКБ), особых технических бюро (ОТБ) и других научно-исследовательских учреждениях, находившихся в подчинении ОГПУ/НКВД, где работали репрессированные специалисты, среди которых были, например, конструктор тяжелой артиллерии Е. А. Беркалов, авиаконструкторы А. Н. Туполев, В. М. Петляков, В. М. Мясищев, И. Г. Неман, А. И. Путилов, А. М. Черемухин, В. А. Чижевский, Р. Л. Бартини, ведущий специалист по авиационному вооружению А. В. Надашкевич, ведущий технолог авиапрома А. С. Иванов, конструктор подводных лодок А. С. Кассациер, бывший заместитель начальника ЦАГИ член-корреспондент АН СССР А. И. Некрасов, будущие конструкторы космических ракет С. П. Королев и В. П. Глушко и многие другие талантливые ученые и конструкторы.

В 1938–1941 гг. были разработаны новые образцы артиллерийских орудий и стрелкового оружия, большинство из которых было принято к массовому производству: 13 самоза-

рядных и автоматических отечественных винтовок, в числе которых самозарядная винтовка Токарева (СВТ-38) и ее модернизированный вариант СВТ-40 (получила высокую оценку немецких оружейников и взята ими за основу при разработке своего аналогичного образца), автоматическая винтовка АВТ-40; 15 образцов противотанковых ружей, в том числе 14,5-мм противотанковое самозарядное ружье Рукавишникова обр. 1939 г. (ПТР-39), противотанковое ружье Симонова обр. 1941 г. (ПТРС) и противотанковое ружье Дегтярева обр. 1941 г. (ПТРД); 12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева–Шпагина обр. 1938 г. (ДШК), 7,62-мм пистолет-пулемет системы Дегтярева обр. 1940 г. (ППД-40), замененный к концу 1941 г. более дешевым и эффективным пистолетом-пулеметом конструкции Г. С. Шпагина ППШ-41; минометы (50, 82, 107, 120 и 160-мм); 25-мм автоматическая зенитная пушка 72-К обр. 1940 г., 37-мм автоматическая зенитная пушка образца 1939 г. (61-К), 85-мм зенитная пушка обр. 1939 г. (52-К); 122-мм и 152-мм гаубицы обр. 1938 г.; уже упоминавшиеся 76-мм дивизионные пушки Ф-22 УСВ обр. 1939 г. и ЗИС-3; несколько артиллерийских систем большой мощности: 280-мм мортира, 210-мм пушка и 305-мм гаубица.

Темп роста производства артиллерийского вооружения в третьей пятилетке был довольно высок. В 1940 г. орудий всех калибров и типов было выпущено в пять раз больше, чем за все годы второй пятилетки. Однако в артиллерийских частях стрелковых войск более 50 % орудий оставались на конной тяге, а потребность в специальных артиллерийских тягачах в артиллерии РКК была удовлетворена лишь на 20 %. Это снижало возможности маневра в ходе боевых действий, особенно в период распутицы и в зимнее время.

В апреле 1941 г. началось формирование 10 противотанковых артиллерийских бригад РКК, но полностью укомплектовать их вооружением к июню не удалось. В предвоенные годы военное командование недооценило значение полевой реактивной артиллерии (знаменитые реактивные установки залпового огня БМ-13 — «катюши» были разработаны уже в декабре 1938 г.). Только в июне 1941 г. было принято постановление об их срочном серийном производстве (к началу войны было произведено только 7 установок).

Учитывая новые требования, Комитет Обороны при СНК СССР издал в августе 1938 г. спе-

циальное Постановление «О системе танкового вооружения», требовавшее к июлю 1939 г. создать опытные образцы танков на гусеничном ходу. Крупной победой на этом направлении, выдающимся достижением в мировой практике танкостроения, определившим на многие годы дальнейшие пути его развития, явилось создание среднего танка Т-34 конструкции М. И. Кошкина, А. А. Морозова, Н. А. Кучеренко и тяжелого танка КВ («Клим Ворошилов») в конструкторском бюро Ж. Я. Котина. По своим качествам они превосходили танки вероятных противников. Оба танка были приняты на вооружение в декабре 1939 г. и прекрасно зарекомендовали себя в ходе Великой Отечественной войны.

С лета 1940 г. одновременно с КВ-1 с 76-мм пушкой было налажено производство танков КВ-2 с 152-мм гаубицей М-10, установленной в высокой башне. Вооружение дополняли три пулемета. Танки КВ-2 по существу являлись самоходными артустановками. В 1940 г. промышленность произвела 243 танка, а в первом полугодии 1941 г. — 393 танка КВ-1 и КВ-2; во второй половине 1941 г. фронт получил уже 933 танка КВ; в 1942 г. — уже 2553. Ни одно немецкое танковое или противотанковое орудие не могло пробить броню КВ. Вместе с тем он был не очень надежен в эксплуатации и обладал низкой маневренностью.

Перед войной возникла необходимость сделать качественный скачок в самолетостроении: в целом отечественные самолеты уступали многим зарубежным образцам в скорости и вооружении. В январе 1940 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло Постановление «О работе Наркомата авиационной промышленности», направленное на скорейшую разработку новых образцов боевых самолетов и внедрение их в массовое производство. Советским ученым и авиаконструкторам удалось совершить качественный скачок, в результате которого были разработаны новейшие образцы самолетов, не уступавшие по ТТХ зарубежным аналогам. В 1939 г. на стадии проектирования, строительства и первичных испытаний находилось 40 новых самолетов и 29 модификаций; на стадии государственных испытаний — 11 новых самолетов и 14 модификаций; пять машин были приняты в серийное производство⁴³. В 1940 г. на стадии проектирования, строительства и первичных испытаний находилось уже 45 новых самолетов и 36 модификаций; на стадии государственных испытаний — 13 новых самолетов и 10 модификаций;

10 машин были приняты в серийное производство⁴⁴. Такие темпы вызвали определенные издержки: ставка была сделана на авральное развитие авиационной промышленности с резким увеличением производственных мощностей⁴⁵. Но при этом в 1940 г. удалось достичь даже определенного снижения себестоимости продукции⁴⁶.

В предвоенные годы в СССР были сконструированы и запущены в серийное производство: истребители — ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1; бомбардировщики — дальний тяжелый бомбардировщик ТБ-7 (с 1942 г. Пе-8), дальний бомбардировщик ДБ-240 (в серии Ер-2), скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2, скоростной ближний бомбардировщик-разведчик ББ-22 (в серии Як-2, Як-4), пикирующий бомбардировщик Ту-2, бронированный штурмовик Ил-2⁴⁷. Историк и профессиональный летчик В. И. Алексеенко утверждает, что самолеты Ил-2, Пе-2, Ту-2 «имели полное превосходство над самолетами подобного типа люфтваффе, а самолет Ил-2 не имел себе аналога в мировом самолетостроении»⁴⁸.

Одним из наиболее слабых мест при создании новых самолетов было тяжелое положение с двигателями: ни один из моторов, установленных на боевых самолетах нового типа до начала войны, не выдержал в полете положенные 50-часовые испытания. Это было связано с трудностями налаживания такого точного и сложного производства, как авиадвигателестроение и двигателестроение в целом⁴⁹. Были многочисленные случаи брака. Пик пришелся на февраль 1938 г., когда на каждые десять двигателей приходился один заклинивший мотор⁵⁰. В дальнейшем ситуация существенно выправилась. Но тем не менее почти все новые образцы самолетов, даже запущенные уже в серийное производство, имели конструктивно-производственные и эксплуатационные недостатки и требовали серьезных доработок. Многие самолеты нового типа не имели надежно работающей радиосвязи.

Уже в 1939 г. наметился резкий рост авиапроизводства. Заметим, что в 1938 г. авиавыпуск не покрывал запросов военного ведомства: в плане заказов ВВС РККА на 1938 г. значилось 7425 самолетов, а произведено было 4858⁵¹. В следующем году авиавыпуск возрос более чем на 40 %. В 1940 г. ассигнования на развитие ВВС составили 40 % военного бюджета. В том же году были выделены фонды в валюте для закупки импортного оборудования и дано указание

Наркомату внешней торговли разместить заказы за границей по авиационной спецификации с минимальными сроками доставки. Фактически со второй половины 1940 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к военному времени.

К началу войны производство самолетов всех типов достигло 50 единиц в день⁵². Тем не менее, попытка увеличить авиавыпуск путем интенсификации труда на существующих авиапредприятиях не увенчалась успехом. Выход на ежедневный выпуск 70 машин ожидался примерно к 1943 г. По данным В. И. Алексеенко, к началу войны мы имели в пяти западных пограничных округах всего лишь 304 истребителя нового типа, находившихся в стадии доработок и недоиспытанных, 3156 истребителей устаревшего типа⁵³. На них и на истребителях нового типа радиосвязи, по существу, не было. По немецким данным, люфтваффе располагали 2604 единицами боевых самолетов нового типа, а против СССР сосредоточили 1233 истребителя. Кроме того, имелось около 1000 единиц венгерских, румынских и финляндских самолетов устаревших типов. Люфтваффе имели полное превосходство над ВВС РККА, особенно в истребительной авиации⁵⁴. Такого же мнения придерживается генерал-полковник авиации Н. Г. Шишков, который констатирует, что советские «Военно-воздушные силы вступили в войну в основном на старой материальной части... и 82,7 % всего самолетного парка наших ВВС составляли самолеты устаревших типов, значительно уступавших по своим летно-техническим данным соответствующим немецким образцам»⁵⁵. Немецкие самолеты превосходили наши с точки зрения летных характеристик и огневой мощи. Следует учитывать необеспеченность экипажами и небоеготовность части самолетов советских ВВС. Наиболее важным было немецкое превосходство в качестве самолетов и подготовке экипажей.

СССР было крайне необходимо время для доводки, испытаний и освоения серийного производства боевых самолетов нового типа, а также для соответствующего обучения личного состава. К сожалению, война началась раньше, чем это было сделано.

Большое внимание в предвоенные годы придавалось количественному и качественному развитию Военно-Морского Флота. В программе строительства ВМФ на 1938–1942 гг. был намечен курс на увеличение в составе флота удельного веса крупных надводных кораблей,

которые должны были составить его ядро. Однако в 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял решение сократить, а затем и прекратить строительство линкоров и тяжелых крейсеров, создание которых требовало слишком больших затрат. Темпы строительства боевых кораблей других классов постоянно нарастали: только за 11 месяцев 1940 г. было спущено на воду 100 миноносцев, подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров, отличавшихся высокими боевыми качествами. Около 270 кораблей всех классов строилось в самом конце 1940 г. Наиболее активно велось строительство подводных лодок, которые по своим боевым качествам не уступали германским лодкам, а подводные корабли типа «Л» и «К» считались лучшими в мире. С начала 1939 г. и до 1941 г. общий тоннаж флота возрос: по надводным кораблям — на 108 718 т, по подводным лодкам — на 50 385 тонн⁵⁶. В целом боевые корабли, построенные перед войной, по своим боевым качествам не уступали аналогичным кораблям противника: они обладали большой скоростью хода, достаточно мощным вооружением и радиотехническими средствами.

Но при этом необходимо подчеркнуть, что в целом в ВМФ перед войной преобладали все же корабли старой постройки (до 70 %), многие из которых были спущены на воду еще до Октябрьской революции 1917 г. Плохо дело обстояло с быстроходными тральщиками, десантными и высадочными средствами, вспомогательными судами, плавмастерскими, танкерами, буксирами, водоналивными судами. Имелись крупные недостатки в организации береговой и противозушной обороны, в развитии минно-торпедного вооружения.

Таким образом, к началу войны ВМФ находился в стадии развернутого строительства. Несмотря на поставленную в начале третьей пятилетки задачу по приоритетному строительству надводных кораблей, самым массовым классом кораблей оставались подводные лодки, на которые возлагались большие надежды. Дальнейший опыт показал, что увлечение строительством боевых кораблей в ущерб созданию вспомогательных сил флота неизбежно ведет к снижению боевой готовности военно-морских сил в целом⁵⁷.

Общепризнанно, что многие образцы советского оружия и боевой техники, созданные накануне войны, по своим характеристикам превосходили аналогичные образцы в западных армиях, в частности германской, и надолго

остались непревзойденными. Однако наладить выпуск новой техники в массовом масштабе и вооружить ею РККА и ВМФ к началу Великой Отечественной войны не удалось. К июню 1941 г. устаревшие образцы ВиВТ составляли 80–85 % вооружения армии и флота.

И тем не менее, масштабы предвоенных мероприятий, направленных на усиление оборонной промышленности, были поистине огромны. В целом, несмотря на указанные недостатки, советская оборонная промышленность, созданная в предвоенные годы, оказалась способна производить для вооруженных сил необходимое вооружение и военную технику, восполняя их потери в ходе боевых действий. Особо необходимо отметить самоотверженность советских людей — ученых, конструкторов, инженеров, рабочих, колхозников, которые, не жалея сил, не щадя себя, ударно трудились во имя укрепления обороноспособности страны.

О масштабах предвоенных мероприятий по развитию оборонной промышленности и достигнутых результатах можно судить по данным, приведенным в табл. 3.

По третьему пятилетнему плану завершение экономической и военной программ, мероприятий по перевооружению и оснащению формируемых частей и соединений армии и флота намечалось на конец 1942 г. Однако неправильная оценка сроков начала войны против нашей страны и переоценка возможностей оборонно-про-

мышленной базы, ряд других причин привели к тому, что к началу войны эти планы оказались невыполненными. Кроме того, существенный вред развитию оборонно-промышленного комплекса нанесли массовые репрессии 1936–1938 гг. В атмосфере всеобщей подозрительности неопладки и брак, вызванные сложным процессом освоения новых технологий, расценивались как целенаправленное вредительство.

Советское руководство, предпринимая дипломатические шаги, пыталось оттянуть начало войны с Германией, что было необходимо для завершения реорганизации и перевооружения армии и флота, а также для перевода всей экономики страны на военные рельсы. По мнению экспертов Первого отдела Госплана СССР, занимавшихся в конце 1950-х гг. обобщением опыта развертывания военно-промышленной базы СССР накануне Великой Отечественной войны, «...мы слишком поздно начали проводить военно-мобилизационную подготовку нашей промышленности. Наша страна по существу не имела комплексного мобилизационного плана подготовки всего народного хозяйства к нуждам войны, что явилось, безусловно, крупным недостатком и объяснялось во многом несвоевременной организацией мобилизационного планирования»⁵⁸. Однако следует признать, что многое все же удалось сделать в плане укрепления обороноспособности страны и повышения боеспособности Советских Вооруженных Сил.

Таблица 3

Промышленные поставки вооружения, военной техники и боеприпасов в Вооруженные Силы СССР (1938–1941 гг.)

Наименование вооружения, военной техники и боеприпасов (шт.)	Количество поставленных образцов			
	1938 г.	1939 г.	1940 г.	январь–июнь 1941 г.
Артиллерийские орудия	12 340	17 066	15 096	7913
Минометы	1 188	4 070	37 867	10 480
Винтовки	1 124 700	1 396 700	1 395 000	792 000
Пулеметы всех систем	52 600	73 600	52 200	Нет данных
Самолеты	5 469	10 362	10 565	5 958
Танки	2 271	2 986	2 790	1 672
Боеприпасы (всего)	13 036 000	20 198 000	32 682 000	18 821 000
в том числе				
Артвыстрелы	12 434 000	16 838 000	14 561 000	10 861 000
Мины	602 000	3 360 000	18 121 000	7 960 000

Источник: ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д.14. Л. 2–4.

Оценивая трудности и проблемы, с которыми столкнулась наша страна в процессе подготовки к обороне накануне Великой Отечественной войны, следует отметить, что многие из них имели как чисто субъективные, так и объективные причины. Что касается объективной стороны, диктовавшей порядок подготовки экономики страны к войне, то она во многом упиралась в реальный уровень экономических возможностей Советского Союза в конкретных исторических условиях. Военно-экономический потенциал главного противника СССР — Германии с учетом природных ресурсов и экономической базы оккупированных ею стран был значительно мощнее, чем у Советского Союза. К середине 1941 г. возможности военной экономики Германии в результате оккупации одних европейских стран и присоединения к фашистскому блоку ряда других государств Европы увеличились более чем в два раза по производству электроэнергии, чугуна, стали, автомобилей, почти в два раза — по добыче каменного угля и выплавке алюминия, в 7,7 раз — по добыче железной руды, в 3,2 раза — по добыче медной руды, в четыре раза — по сбору зерновых. В десятки раз возросли германские ресурсы по нефти (в 20 раз) и бокситам (в 22,8 раза). Германия получила возможность распоряжаться и пользоваться ресурсами этих стран, которые превосходили собственно германские в 2–3 раза⁵⁹.

Такой существенный прирост экономических ресурсов Германии в 1939–1941 гг. позволил

Германии накануне нападения на СССР создать внушительные стратегические резервы. Накопленные запасы алюминия обеспечивали потребности военной экономики Германии в течение 13 месяцев, меди — 9, марганца и никеля — 7, свинца — 12, цинка — 13, олова — более 20 месяцев. Оценка запасов нефтепродуктов позволяла сделать вывод о том, что их хватило бы на 7 месяцев⁶⁰.

Советский Союз в свою очередь мог опираться только на собственную экономическую базу, свой военно-промышленный потенциал и ресурсы. Помимо всего прочего, необходимо помнить о том, что народнохозяйственные и оборонно-промышленные планы, намеченные на третью, предвоенную, пятилетку с завершением в 1943 г., предусматривавшие существенную модернизацию оборонной промышленности, увеличение производства продукции для военных нужд, перевод ряда гражданских предприятий на выпуск военной продукции, не были полностью выполнены к началу войны. Но тот факт, что в ходе войны удалось не только наладить производство всего необходимого для вооруженных сил, но и намного превзойти противника в этом, свидетельствует, что перед войной в СССР был создан надежный экономический базис, позволивший с началом войны в короткие сроки перевести все народное хозяйство страны на военные рельсы и в конечном итоге — достичь полной и решительной победы в войне.

¹ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1982. С. 432–433.

² Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 835–836.

³ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. Народный комиссариат обороны. М.: Госуд. воен. изд. Наркомата обороны Союза ССР, 1939.

⁴ См., напр.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. Глава «Советское военное планирование в 1940–1941 гг.». С. 370–415.

⁵ Из служебной записки начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского заместителю наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР И. П. Павлуновскому о методах мобилизационной работы промышленности // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932) / Под ред. А. А. Кольтюкова, Е. А. Тюриной, В. А. Золотарева и др. М., 2008. С. 148.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О военной промышленности». 15 июля 1929 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Указ. соч. С. 331.

⁸ Там же. С. 332.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 332–334.

¹¹ Объяснительная записка ГВПУ к материалам «О потребности военной промышленности в инженерно-техническом персонале на пятилетку». 18 декабря 1929 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Указ. соч. С. 394.

¹² Постановление №8 Реввоенсовета СССР по докладу ВСНХ СССР «О мобилизационной готовности промышленности». 2 февраля 1929 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Указ. соч. С. 278.

- ¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 2. Л. 471.
- ¹⁴ Справка заместителя наркома по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР М. Н. Тухачевского о выполнении плана заказов по вооружению за 1931 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Указ. соч. С. 602–603.
- ¹⁵ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. С. 84.
- ¹⁶ Из аналитического обзора Госплана СССР «Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке». 12 октября 1932 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Указ. соч. С. 737.
- ¹⁷ Там же. С. 755.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Доклад товарища Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Заседание шестнадцатое 3 февраля 1934 г., вечернее // XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет, М., 1934.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ История индустриализации СССР 1933–1937 гг. Документы и материалы / отв. ред. М. И. Хлусов. М.: Наука, 1971. С. 7–8.
- ²² История международных отношений и внешней политики СССР (1870–1957 гг.) / под общ. ред. Ф. Г. Зуева. М., 1957. С. 223–224.
- ²³ История индустриализации СССР 1933–1937 гг. Документы и материалы. Указ. соч. С. 7.
- ²⁴ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М.: Росспен, 1996. С. 98.
- ²⁵ Там же. С. 105.
- ²⁶ Мельянцева В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 84–95.
- ²⁷ Moorsteen R. Prices and Production of Machinery in the Soviet Union, 1928–1958. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
- ²⁸ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.). Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде ВКП (б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП (б) // Вестник Академии наук СССР. 1939. № 2–3. С. 4–27.
- ²⁹ Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957. С. 17–18; Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967. С. 51, 52, 80–87.
- ³⁰ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1.
- ³¹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. С. 126.
- ³² Парамонов В. Н. Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 41.
- ³³ Симонов Н. С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 19.
- ³⁴ Тюрин Е. А. Уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий на Восток в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Наркомата авиационной промышленности СССР) // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 апреля 2005 г. / Отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2007.
- ³⁵ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 11.
- ³⁶ Парамонов В. Н. Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг. С. 43; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 47.
- ³⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 183–184.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 265. Л. 1.
- ³⁹ Шаги пятилеток. М., 1968. С. 121.
- ⁴⁰ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. Пер. с англ. М.: АИРО-XX, 2001. С. 232.
- ⁴¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 168. Л. 178; Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1557. Лл. 104–107.
- ⁴² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 1. С. 254.
- ⁴³ Самолетостроение в СССР 1917–1945 годов / Под ред. Г. С. Бюшгенса. В 2 кн. М., 1992–1994. Кн. 2. С. 202.
- ⁴⁴ Там же.

- ⁴⁵ Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 гг.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 13.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 673. Л. 12.
- ⁴⁷ Яковлев А. С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 210.
- ⁴⁸ Алексеенко В. И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 2000. № 2. С. 6.
- ⁴⁹ Шумихин В. С. Советская военная авиация. 1917–1941. М.: Наука, 1986. С. 213.
- ⁵⁰ Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 гг.). С. 7; Алексеенко В. И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 5.
- ⁵¹ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М., 2006. С. 118.
- ⁵² 1941 год. В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др. под ред. В. П. Наумова. М.: МФД, 1998. Кн. 2. С. 379.
- ⁵³ До сих пор разные исследователи приводят различные цифры по количественному составу советских ВВС накануне войны, несмотря на то, что все они опираются на архивные данные. См., напр.: Шумихин В. С. Советская военная авиация. 1917–1941; Медведь А. Н. Лето 1941 года глазами советского авиационного командования // Авиапанорама. 2009. № 4; Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. пер. с англ. Минск: Харвест, 2001.
- ⁵⁴ Алексеенко В. И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 7.
- ⁵⁵ Шишков Н. Г. Качественное и своевременное обеспечение советских ВВС авиатехникой и вооружением в годы Великой Отечественной войны как одно из главных условий завоевания господства в воздухе // Роль Военно-Воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М.: МО СССР, ВВС, 1986. С. 115.
- ⁵⁶ Ачкасов В. И., Басов А. В., Сумин А. И. и др. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. 4-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1988. С. 139.
- ⁵⁷ 1941 год — уроки и выводы / коллектив авт. М.: Воениздат, 1992. С. 39.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 51–52.
- ⁵⁹ Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Bd. 1. 1939–1941. Berlin, 1971. S. 223; Про-мышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. С. 244–246.
- ⁶⁰ Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Bd. 1. S. 227, 228.

Просчеты советского военно-политического руководства накануне войны

В. А. Гаврилов*

По-прежнему не утихают споры по вопросу о том, почему гитлеровские армии смогли легко прорвать советскую оборону и оказаться у стен Москвы? Правильно ли за все роковые просчеты возлагать вину на одного человека — Сталина?

Казалось бы, советским руководством перед войной делалось все возможное и даже невозможное, чтобы подготовить страну и народ к суровым испытаниям. Была создана мощная материальная база, выпущены десятки тысяч единиц танков, самолетов, артиллерийских орудий и другой военной техники. Красная армия, несмотря на неудачную войну с Финляндией (хотя она велась в сложных зимних условиях и закончилась прорывом мощных железобетонных укреплений финнов), настойчиво училась воевать в условиях, максимально приближенных к боевым. Советская разведка, казалось, «докладывала точно» и все секреты Гитлера оказались на столе у Сталина.

Просчеты военного строительства

Количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы в СССР, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. Если к концу 1920-х годов советские вооруженные силы располагали всего лишь 89 танками и 1394 самолетами (и то в основном иностранных образцов), то к июню 1941 г. они уже насчитывали почти 19 тыс. отечественных танков, среди них и первоклассный танк Т-34, а также более 16 тыс. боевых самолетов (табл.)¹.

Беда в том, что советское политическое и военное руководство не сумело разумно распорядиться созданными средствами вооруженной борьбы, и Красная армия оказалась неподготовленной к большой войне. Напрашивается вопрос: в чем же причины?

Бесспорно, что прежде всего — это установленный в 1930-е годы режим единоличной власти Сталина, при котором ни один, даже самый

Таблица

Численность Вооруженных Сил СССР, Германии и ее союзников к началу Великой Отечественной войны

Силы и средства	СССР	Германия и ее союзники						Всего
		Германия	Япония	Италия	Румыния	Финляндия	Венгрия	
Люди, млн	5,7	7,3	2,1	2,6	0,7	0,65	0,2	13,55
Орудия и минометы, тыс.	117,6	71,5	13,5	13,1	7,8	3,8	1,5	100,7
Танки, тыс.	18,7	5,6	2,5	2,4	0,2	0,086	0,1	10,88
Боевые самолеты, тыс.	16,0	5,7	2,5	2,4	0,7	0,3	0,3	11,9

* **Виктор Александрович Гаврилов** — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Военной академии Генерального штаба (НИИ военной истории), специалист по проблемам национальной и международной безопасности.

незначительный вопрос военного строительства не решался военным ведомством без его санкции.

Именно сталинский режим повинен в том, что как раз накануне войны советские вооруженные силы фактически были обезглавлены. Кстати, Гитлер, принимая решение о непосредственной подготовке к нападению на СССР, особенно о сроках агрессии, придавал этому факту первостепенное значение. В январе 1941 г. на совещании с представителями командования вермахта он заявил: «Для разгрома России вопрос времени очень важен. Хотя русская армия является глиняным колоссом без головы, ее будущее развитие трудно предсказать. Так как Россия должна быть в любом случае разбитой, то сделать это лучше сейчас, когда русская армия не располагает руководителями...»².

Репрессии породили у командного состава страх, боязнь ответственности, а значит безынициативность, что не могло не отразиться на уровне управления и работе командных кадров. Это не осталось вне поля зрения германской разведки. Так, в «Сведениях о противнике на востоке» — очередной сводке от 12 июня 1941 г. — отмечалось: «Характерные черты русских: неповоротливость, шаблон, нерешительность и боязнь ответственности... Командиры всех звеньев на ближайшее время все еще являются неподходящими для умелого управления крупными современными соединениями. Они неспособны и вряд ли будут способны осуществлять крупные операции наступательной войны, быстро вступать в бой при благоприятной обстановке и действовать самостоятельно в рамках общей операции»³.

В связи с репрессиями, а главным образом из-за постоянной корректировки планов военного строительства политическим руководством страны в 1940–1941 гг. военному командованию приходилось принимать решения о расширении сети подготовки командно-начальствующего состава одновременно с началом организационных мероприятий, связанных с увеличением численности вооруженных сил, в том числе и командного состава. Это, с одной стороны, привело к огромному некомплекту командного состава. С другой стороны, на командные должности приходили люди с недостаточным опытом работы.

В ходе начатой в 1940 г. реорганизации вооруженных сил были допущены роковые просчеты, имевшие в буквальном смысле катастрофические последствия. Было предпринято

формирование большого количества новых соединений и частей с неоправданно большим числом основных видов военной техники. Создалась парадоксальная ситуация: при наличии почти 19 тыс. танков в Красной армии смогли укомплектовать ими полностью лишь один из 29 механизированных корпусов.

В 1940 г. советское военное командование отказалось от авиационных армий, подчинив основную часть боевой авиации (84,2 % всех самолетов) командованию общевойсковых объединений (фронтов и армий)⁴. Это привело к децентрализованному применению авиации, что противоречило общей тенденции развития этого высокоманевренного дальнбойного средства вооруженной борьбы. В вермахте, наоборот, вся авиация была организационно сведена в несколько крупных оперативно-стратегических объединений (в виде воздушных флотов), она не подчинялась общевойсковому командованию, а лишь взаимодействовала с наземными силами.

Многие ошибки в военном строительстве в СССР накануне войны вытекали из излишней приверженности к опыту боевых действий Красной армии в локальных конфликтах (Испания, поход советских войск в западные области Украины и Белоруссии), а также неспособности неопытного, слабо подготовленного в профессиональном отношении, к тому же лишнего самостоятельности военного руководства объективно оценить опыт большой войны, которую вермахт вел в Европе с сентября 1939 года.

Крупнейший просчет советское военно-политическое руководство допустило в соотношении средств вооруженной борьбы. Еще в 1928 г. при планировании первой пятилетки военного строительства приоритет был отдан созданию основных средств вооруженной борьбы — артиллерии, танкам, а также боевым самолетам. Основанием для этого послужил вывод: чтобы вести успешные операции, Красной армии для предполагаемого театра военных действий нужны высококомобильные и хорошо вооруженные подразделения (моторизованные стрелково-пулеметные части, усиленные крупными танковыми частями, вооруженными быстроходными танками и моторизованной артиллерией; крупные кавалерийские части, но, безусловно, усиленные броневыми /автоброневиками, быстроходные танки/ и огневыми средствами; крупные воздушно-десантные части). В принципе такое решение было правильным. Однако на каком-то этапе производство этих средств

приняло такие гипертрофированные размеры, что СССР не только сравнялся с основными своими вероятными противниками, но и значительно превзошел их. В частности, было налажено производство громадного количества так называемых «автострадных танков», которые выработали свой ресурс к еще к 1938 году. Их состояние, по оценке специалистов, «было ужасным». Большой частью они просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией и т. д., а большинство было к тому же разоружено. Запчасти отсутствовали, и ремонт производился только путем разукomплектования одних танков для восстановления других.

Были также допущены ошибки в порядке проведения реорганизации вооруженных сил. В первую очередь она осуществлялась в войсках приграничных военных округов, причем охватила их практически полностью. В результате значительная часть боеспособных, хорошо сложенных и укомплектованных соединений оказалась к началу войны расформированной.

Ввиду просчетов в определении необходимого и возможного числа соединений, а также ошибок в организационной структуре войск и по другим причинам основная часть намеченных мероприятий оказалась незавершенной, что крайне отрицательно сказалось на уровне боеспособности вооруженных сил в целом, но особенно танковых войск, авиации, воздушно-десантных войск, противотанковой артиллерии РГК и войск укрепленных районов. Не полностью укомплектованные, они имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

В 1939–1940 гг. на присоединенные к СССР новые территории была передислоцирована основная часть советских войск, располагавшихся на западе. Это отрицательно повлияло на боеготовность и боеспособность тех частей и соединений, которым 22 июня 1941 г. пришлось вступить в сражение с германским агрессором. Дело в том, что передислокация нарушила планы мобилизации и стратегического развертывания советских войск на западе на случай войны, а разработку новых планов полностью завершить не удалось. Войска и штабы не смогли освоить их в достаточной степени.

По свидетельству маршала С. С. Бирюзова, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников предлагал К. Е. Ворошилову и И. В. Сталину оставить главные силы войск восточнее старой границы, на которой уже были построены хо-

рошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему можно выиграть время для от мобилизации и создания группировок главных сил на линии старой границы⁵. Однако Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, а громить его следует на его же территории, отклонил это предложение. Он приказал главные силы войск сосредоточить в только что присоединенных районах, т. е. в непосредственной близости от границы с Германией.

Введенные на новые территории войска вынуждены были дислоцироваться на необорудованных театрах военных действий. К чему это привело, видно на примере авиации. Имевшиеся на новых территориях аэродромы лишь наполовину удовлетворяли потребности военно-воздушных сил западных военных округов, поэтому 40 % авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, т. е. более чем по 120 самолетов на каждом, при норме два–три аэродрома на полк⁶. Печальные последствия известны: в условиях внезапного нападения вермахта огромное количество советских самолетов с первого налета было уничтожено на земле.

То обстоятельство, что в ходе войны с Финляндией Красной армии пришлось прорывать долговременную глубокую оборону, а на границах ряда европейских стран тоже были возведены мощные долговременные укрепления, послужило веским основанием для принятия советским руководством решения о возведении долговременных оборонительных рубежей вдоль новой западной границы. Это дорогостоящее мероприятие требовало огромного количества и сил, и средств, и времени. Ни того, ни другого, ни третьего у руководства СССР не оказалось. К началу войны была выполнена примерно четверть намеченных работ.

Возглавлявший в ту пору инженерные войска Красной армии А. Ф. Хренов вспоминал после войны, что он и заместитель народного комиссара обороны Б. М. Шапошников, которому было поручено руководить оборонительным строительством на границе, предлагали сначала построить не бетонные, а легкие полевые фортификационные сооружения. Это позволило бы как можно быстрее создать условия для ведения

устойчивой обороны, а уж потом постепенно строить более мощные бетонные сооружения⁷. Однако этот план был отвергнут. В итоге к июню 1941 г. намеченные работы были далеки от завершения: план строительства укреплений удалось выполнить лишь на 25 %⁸.

Помимо этого столь крупное предприятие имело и другие негативные последствия: значительные средства были отвлечены от таких важных мероприятий, как строительство дорог и аэродромов, создание необходимых условий для боевой учебы войск. Более того, недостаток рабочей силы и стремление к экономии средств вынудили в широких масштабах привлекать к строительству боевые части, что пагубно отражалось на их боеготовности⁹.

В отличие от вермахта, где самыми молодыми солдатами в действующей армии являлись призывники осени 1940 г., а рекруты весеннего призыва 1941 г. направлялись сначала в армию резерва, в Красной армии рядовые дополнительного весеннего призыва (апрель–май) 1941 г. были поставлены сразу же в строй. В войсках приграничных военных округов солдаты первого года службы составляли более двух третей всей численности рядовых, причем почти половина из них была призвана в 1941 г.

Оперативно-стратегические просчеты

К весне 1940 г. в результате присоединения к СССР новых территорий значительная часть советских войск сменила дислокацию. К этому времени советские вооруженные силы существенно увеличились. План их действий, принятый в 1938–1939 гг., полностью перестал соответствовать обстановке. Поэтому в Генеральном штабе к лету 1940 г. были разработаны основы нового плана. Уже в октябре этот план после некоторой доработки был одобрен политическим руководством страны. В феврале 1941 г., после завершения в Генеральном штабе мобилизационной части плана войны, в округах приступили к разработке своих мобилизационных планов. Завершить все планирование намечалось в мае. Однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и непрекращавшейся передислокации войск планирование завершить не удалось.

Замыслы первых операций постоянно корректировались, однако в главном они с октября 1940 г. оставались неизменными.

Считалось, что Советскому Союзу «необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии»¹⁰. Допускалось также выступление на стороне фашистского блока и Турции. Основным театром военных действий признавался Западный, а главным противником — Германия. В последние месяцы перед войной ожидалось, что вместе с союзниками она развернет против СССР 230–240 дивизий, более 20,5 тыс. орудий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов всех типов. Предполагалось, что Япония выставит на востоке 50–60 дивизий, почти 9 тыс. орудий, более 1 тыс. танков и 3 тыс. самолетов¹¹.

Всего, таким образом, по оценке Генерального штаба, вероятные противники могли противопоставить Советскому Союзу 280–300 дивизий, примерно 30 тыс. орудий, 12 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов.

Первоначально начальник Генштаба Б. М. Шапошников предполагал, что главные силы немецкой армии для наступления будут развернуты к северу от устья реки Сан¹². Поэтому он предлагал главные силы Красной армии развернуть к северу от Полесья, чтобы перейти в наступление после отражения удара агрессора¹³.

Однако этот вариант не был принят новым руководством наркомата обороны. В сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков, соглашаясь с тем, что Германия нанесет главный удар севернее реки Припять, все-таки считали, что основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска»¹⁴.

Все военное планирование в СССР начиная с 1920-х гг. основывалось на том, что Красная армия начнет военные действия в ответ на удар агрессора. При этом ее действия в начале войны и в последующих операциях мыслились только как наступательные¹⁵.

Идея ответного удара по-прежнему оставалась в силе и накануне войны. Она декларировалась политическими руководителями в открытых выступлениях. Она фигурировала и в закрытых источниках и находила место в обучении командного состава стратегического и оперативного звена. В частности, на проведенных в январе 1941 г. стратегических военных играх с руководящим составом фронтов и армий военные действия начинались с нанесения ударов западной стороной, т. е. противником.

Считалось, что и противник начнет свои действия с проведения операции вторжения, для чего он уже в мирное время в приграничной полосе будет располагать значительным количеством войск, насыщенных танками. В соответствии с этим и советское военное руководство накануне войны держало в приграничных районах наиболее сильные войска. Дислоцировавшиеся в них армии были полнее укомплектованы техникой, оружием и личным составом. Помимо стрелковых соединений они включали, как правило, по одному–два механизированных корпуса и по одной–две авиационные дивизии. К началу войны 20 из 29 механизированных корпусов Красной армии дислоцировались в западных приграничных военных округах.

После отражения первого удара противника и завершения развертывания советских войск на западе предполагалось перейти в решительное наступление с целью окончательного разгрома агрессора. Следует отметить, что советские военные специалисты давно считали юго-западное стратегическое направление наиболее выгодным для наступательных действий против Германии и ее союзников в Европе. Считалось, что нанесение главного удара из Белоруссии могло привести к затяжным боям и вряд ли сулило достижение решающих результатов в войне¹⁶. Поэтому-то в сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков предлагали создать основную группировку войск к югу от Припяти.

В то же время руководство наркомата обороны, несомненно, знало точку зрения Сталина. Советский руководитель, определяя вероятное направление главного удара противника на западе, считал, что Германия будет стремиться в первую очередь захватить экономически развитые районы — Украину и Кавказ. Поэтому в октябре 1940 г. он приказал военным исходить из того, что главный удар германские войска нанесут из района Люблина на Киев.

Таким образом, достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск юго-западного направления, на котором предстояло развернуть более половины всех дивизий, предназначенных в состав фронтов на западе. В то время как на этом направлении предполагалось сосредоточить 120 дивизий, на северо-западном и западном — только 76.

Основные усилия фронтов сосредоточивались в армиях первого эшелона, главным образом за счет включения в них большей части по-

движных соединений для обеспечения сильного первоначального удара по противнику.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых операций были рассчитаны на полное отмобилизование армии, то они тесно увязывались с мобилизационным планом, последний вариант которого был принят в феврале 1941 г. Этим планом не предусматривалось формирование в ходе войны новых соединений. В основном исходили из того, что еще в мирное время будет создано необходимое для ее ведения количество соединений. Это упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и способствовало более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск.

В то же время значительная часть людских ресурсов должна была поступить из глубины страны. Это требовало значительного объема межокружных перевозок и привлечения большего количества транспортных средств¹⁷, которых было недостаточно. После изъятия из народного хозяйства максимально допустимого количества тракторов и автомобилей насыщение ими армии все равно составляло бы соответственно только 70 и 81 %. Мобилизационное развертывание войск не обеспечивалось и по целому ряду других материальных средств¹⁸.

Другая проблема заключалась в том, что из-за недостатка складских помещений в западных военных округах половина их запасов боеприпасов хранилась на территории внутренних военных округов, при этом треть — на удалении 500–700 км от границы. От 40 до 90 % запасов горючего западных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на гражданских нефтебазах в глубине страны.

Таким образом, недостаточность мобилизационных ресурсов в новых районах дислокации войск западных приграничных военных округов, ограниченные возможности наличных транспортных средств и коммуникаций усложняли мобилизацию и увеличивали ее сроки.

Своевременное развертывание войск с целью создания предусмотренных группировок, их планомерное отмобилизование ставились в прямую зависимость от организации надежного прикрытия. Задачи прикрытия возлагались на приграничные военные округа.

Согласно планам каждая армия получала для обороны полосу шириной от 80 до 160 км и более. В первом эшелоне армий должны были действовать стрелковые дивизии. Основу

армейского резерва составлял механизированный корпус, предназначенный для нанесения контрудара по противнику, прорвавшемуся в глубину обороны.

Передний край обороны на большинстве участков проходил в непосредственной близости от границы и совпадал с передним краем обороны укрепленных районов. Для батальонов второго эшелона полков, не говоря уже о частях и подразделениях второго эшелона дивизий, позиции заблаговременно не создавались.

Планы прикрытия были рассчитаны на наличие угрожаемого периода. Части, предназначенные для обороны непосредственно у границы, дислоцировались в 10–50 км от нее. Чтобы занять назначенные им участки, требовалось от 3 до 9 и более часов с момента объявления тревоги. Таким образом получалось, что при внезапном нападении противника, развернутого непосредственно у границы, о своевременном выходе советских войск на свои рубежи не могло быть и речи.

Имевшийся план прикрытия был рассчитан на способность политического и военного руководства своевременно вскрыть намерения агрессора и заранее принять меры к развертыванию войск, но он совершенно не предусматривал порядок действий войск в случае внезапного вторжения. Кстати, он не отрабатывался и на последних стратегических военных играх в январе 1941 г. Хотя «западные» нападали первыми, «восточные» начинали отработку действий с перехода в наступление или с нанесения контрударов на тех направлениях, где «западным» удалось вторгнуться на территорию «восточных». Характерно, что ни та ни другая стороны не отрабатывали вопросы отмотилизования, сосредоточения и развертывания, считавшиеся и действительно являвшиеся наиболее сложными, особенно в условиях, когда противник нападал первым¹⁹.

Таким образом, советский план войны строился на идее ответного удара с учетом только тех вооруженных сил, которые намечалось создать в перспективе, и не принималось во внимание реальное положение дел. От этого его составные части находились в противоречии друг с другом, что делало его нереальным.

В отличие от войск Германии и ее союзников, которые к моменту нападения на СССР находились в состоянии полной боевой готовности, группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям.

Насколько точно докладывала разведка?

Знакомство ныне с данными разведки, поступавшими в первой половине 1941 г. в Кремль, создает впечатление, будто обстановка была предельно ясной. Кажется, Сталину оставалось только дать директиву Красной армии о приведении ее в полную боевую готовность к отражению агрессии. Он, однако, этого не сделал и, безусловно, это его роковой просчет, обусловивший трагедию 1941 г.

Однако на деле все обстояло гораздо сложнее.

В первую очередь необходимо ответить на следующий главный вопрос: могло ли советское руководство на основе информации, полученной, в частности, от военной разведки, предполагать, когда, где и какими силами Германия нанесет удар по СССР?

На вопрос «*когда?*» были получены достаточно точные ответы: *15 или 20 июня; между 20 и 25 июня; 21 или 22 июня, наконец — 22 июня*. В то же время сроки все время отодвигались и сопровождались различными оговорками. Это, по всей видимости, вызывало растущее раздражение Сталина. *21 июня* ему было доложено сообщение о том, что, «по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года». На бланке донесения Сталин написал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации и накажите его»²⁰.

С другой стороны, сведения о дате 22 июня хотя и были получены буквально накануне войны, тем не менее, могли бы сыграть существенную роль в повышении готовности Красной армии к отражению удара. Однако все попытки заранее занять позиции в приграничной полосе (предполье) жестко пресекались сверху. Известны, в частности, телеграммы Г. К. Жукова Военному совету и командующему КОВО с требованием отменить указание о занятии предполья полевыми и урвскими частями, поскольку «такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями». Жуков потребовал разобраться, «кто конкретно дал такое самочинное распоряжение». Поэтому в конечном счете получилось так, что, когда все же было принято решение о выдвижении войск по плану прикрытия, времени уже практически не оставалось. Командующим армиями ЗапОВО 22 июня только в 02:25–02:35 поступила директива, предписывавшая привести все части в боевую готовность,

занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, привести в боевую готовность противовоздушную оборону²¹.

На вопрос «где?» был получен неверный ответ. Хотя аналитики Разведуправления в начале июня пришли к выводу, что необходимо уделять особое внимание усилению немецких войск в Польше²², тем не менее это заключение терялось на фоне других сообщений разведки, которые опять указывали на угрозу с южного и юго-западного направлений. Это обусловило ошибочный вывод, что «немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего восточного фронта против СССР». Одновременно подчеркивалось, что «немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта... в то же время довольно быстро восстанавливает свою главную группировку на западе... имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов»²³.

На вопрос «какими силами?» можно сказать, что на 1 июня был получен более или менее правильный ответ — 120–122 немецких дивизии, включая четырнадцать танковых и тринадцать моторизованных²⁴. Однако этот вывод терялся на фоне другого вывода о том, что почти такое же количество дивизий (122–126) было развернуто против Англии²⁵.

Хорошо известно недоверие Сталина к донесениям разведки, некоторые даже приписывают этому недоверию «маниакальный характер». Но надо учитывать и то, что Сталин находился под влиянием целого ряда других взаимно противоречивых и порой даже взаимоисключающих факторов международной политики.

Факторы международной политики

Внешнеполитические условия для СССР весной и летом 1941 г. складывались крайне неблагоприятно. Хотя заключение договора о нейтралитете с Японией упрочило положение на дальневосточных рубежах СССР, однако попытки улучшить отношения с такими странами, как Финляндия, Румыния, Болгария или хотя бы не допустить их участия в блоке фашистских государств успеха не имели.

Вторжение немцев 6 апреля 1941 г. в Югославию, с которой СССР только что подписал

договор о дружбе и ненападении, явилось последним ударом по советской балканской политике. Сталину стало ясно, что дипломатическое противоборство с Германией проиграно, что отныне господствующий в Европе почти повсеместно Третий рейх не намерен считаться со своим восточным соседом. Оставалась одна надежда: отодвинуть сроки теперь уже неизбежной германской агрессии.

Оставляли желать лучшего и отношения СССР с Великобританией и США. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 г. привели Англию на грань полного «стратегического краха»²⁶. В такой ситуации, полагал Сталин, правительство Черчилля сделает все, что в его силах, лишь бы спровоцировать войну рейха против СССР.

К тому же произошел ряд важных событий, укрепивших эти подозрения Сталина. 18 апреля 1941 г. посол Великобритании в СССР Р. Криппс вручил советскому наркому иностранных дел меморандум, в котором говорилось, что в случае затягивания войны на длительный срок определенным кругам в Англии может «улыбнуться мысль» об окончании войны с рейхом на германских условиях. И тогда немцам откроется неограниченный простор для экспансии в восточном направлении. Криппс не исключал, что подобная идея может найти последователей и в США²⁷. Этот документ явно предупреждал советское руководство, что возможен такой поворот событий, когда СССР окажется в одиночестве перед угрозой фашистского нашествия.

Советское руководство восприняло его как намек на возможность нового антисоветского сговора «мирового империализма» против СССР. Надо отметить, что в Англии были круги, ратававшие за мирные переговоры с Германией. Прогерманские настроения были особенно характерны для так называемой кливлендской клики, возглавляемой герцогом Гамильтоном.

Настороженность Кремля еще более возросла, когда на следующий день, 19 апреля, Криппс передал Молотову письмо английского премьер-министра, написанное еще 3 апреля и адресованное лично Сталину. Черчилль писал, что, по мнению британского правительства, Германия готовится совершить нападение на Советский Союз. «Я располагаю достоверными сведениями... — продолжал он, — что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т. е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых

дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»²⁸.

Эти два сообщения, совпавшие по времени, уже давали повод Сталину рассматривать происходящее как провокацию.

Но затем произошло еще одно событие. 10 мая ближайший соратник Гитлера, его заместитель по партии Рудольф Гесс на самолете «Me-110» перелетел в Англию.

По-видимому, целью Гесса было заключение «компромиссного мира», чтобы приостановить истощение Англии и Германии и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи. Гесс считал, что его прилет придаст силы сильной античерчилльской партии и даст мощный стимул «в борьбе за заключение мира».

Однако предложения Гесса были неприемлемы в первую очередь для самого Черчилля и поэтому не могли быть приняты. В то же время английское правительство никаких официальных заявлений не делало и хранило загадочное молчание.

Молчание официального Лондона по поводу Гесса давало Сталину дополнительную пищу для размышлений. Разведка неоднократно докладывала ему о стремлении правящих кругов Лондона сблизиться с Германией и одновременно столкнуть ее с СССР, чтобы отвести угрозу от Британской империи. В июне англичане неоднократно передавали советскому послу в Лондоне Майскому сведения о подготовке немцев к нападению на СССР. Однако в Кремле все это однозначно расценивалось как стремление Англии втянуть Советский Союз в войну с Третьим рейхом. Сталин искренне полагал, что правительство Черчилля хочет, чтобы СССР приступил к развертыванию войсковых группировок в приграничных районах и тем самым спровоцировал нападение Германии на Советский Союз.

Несомненно, большую роль играли мероприятия германского командования по имитации военных приготовлений против Англии. С другой стороны, немецкие солдаты активно строили оборонительные сооружения вдоль советских границ — это фиксировала советская приграничная войсковая разведка, но это же было частью дезинформационных мероприятий германского командования. Но самое главное, что вводило советское руководство в заблуждение, — это сведения об ультиматуме, кото-

рый якобы германское руководство собиралось предъявить СССР перед нападением. На самом деле идея предъявления ультиматума СССР никогда не обсуждалась в окружении Гитлера как реальное немецкое намерение, а была лишь частью дезинформационных мероприятий. К сожалению, она дошла до Москвы из источников в том числе внешней разведки («Старшина», «Корсиканец»), обычно дававших серьезную информацию²⁹. Эта же дезинформация поступала от известного агента-двойника О. Берлингса («Лицеист»)³⁰. Тем не менее идея «ультиматума» очень хорошо вписывалась в концепцию Сталина–Молотова о возможности путем переговоров (их Молотов назвал «большой игрой») отвести угрозу нападения летом 1941 года.

В целом, советской разведке удалось определить сроки нападения. Однако Сталин, боясь спровоцировать Гитлера, не позволил проводить все необходимые оперативно-стратегические мероприятия, хотя руководство Наркомата обороны просило его об этом за несколько дней до начала войны³¹. Кроме этого, советское руководство оказалось в плену тонкой дезинформационной игры немцев. В результате, когда необходимые распоряжения все же были отданы, не хватило времени, чтобы привести войска в полную боевую готовность и организовать отпор германскому вторжению.

Июнь: завтра была война

В июне стало совершенно ясно: следует ожидать нападения Германии в ближайшее время, и оно будет произведено внезапно и скорее всего уже без выдвижения каких-либо предварительных требований. Необходимо было принимать контрмеры, и они принимались. Проводились мероприятия по сокращению сроков приведения в боевую готовность частей прикрытия, выделяемых для поддержки погранвойск. Кроме этого, в приграничные округа продолжалась переброска дополнительных соединений: 16-й армии — в КОВО, 22-й армии — в ЗапОВО. Однако стратегическая ошибка заключалась в том, что эти меры запоздали. К 22 июня смогла прибыть только часть из перебрасываемых сил и средств. Из Забайкалья и Приморья с 26 апреля по 22 июня удалось отправить только примерно половину запланированных сил и средств: 5 дивизий (2 стрелковых, 2 танковых, 1 моторизованную), 2 воздушно-десантные бригады, 2 отдельных полка. При этом основное усиление шло опять на юго-западном направлении: в КОВО

сосредоточивались 23 дивизии, в ЗапОВО — 9. Это было следствием неверной оценки направления главного удара немцев.

Одновременно по-прежнему войскам категорически запрещалось занимать боевые позиции в приграничной полосе. Фактически полностью боеготовыми на момент нападения оказались только пограничники, которые несли службу в усиленном режиме. Но их было слишком мало и их ожесточенное сопротивление было быстро подавлено.

По признанию Г. К. Жукова, советские Вооруженные Силы не могли «по своей слабости» в начале войны отразить массированные удары германских войск и не допустить их глубокого прорыва³². В то же время, если бы удалось определить направление главного удара и группировку немецких войск, последним пришлось бы столкнуться с гораздо более сильным сопротивлением при прорыве советской обороны. К сожалению, как свидетельствуют документы, имевшаяся разведывательная информация не позволила сделать это. Решающую роль сыграла также заданность оперативно-стратегического мышления советского командования и точка зрения Сталина, что основной удар следует ожидать на Украине.

Фактически только на пятые сутки войны советское командование пришло к окончательному выводу, что главный удар немцы нанесли на западном, а не на юго-западном направлении. Жуков в своих мемуарах пишет: «... Пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении»³³. При этом, как пишет Жуков, «железнодорожные перевозки наших войск по ряду причин осуществлялись с перебоями. Прибывающие войска зачастую вводились в дело без полного сосредоточения, что отрицательно сказывалось

на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости»³⁴.

Таким образом, оценивая деятельность военно-политического руководства СССР накануне войны, следует отметить, что оно допустило ряд просчетов, имевших трагические последствия.

В первую очередь, это просчет в определении направления главного удара вермахта. Во-вторых, затягивание сроков приведения войск в полную боевую готовность. В итоге планирование оказалось нереальным, а проводимые накануне мероприятия — запоздалыми. Уже в ходе военных действий выявился еще один просчет: совершенно не предусматривались действия войск в случае глубокого стратегического прорыва противника, не планировалась и оборона в стратегическом масштабе. А просчет в выборе рубежа обороны у западных границ во многом обеспечил противнику внезапное нападение на войска первого оперативного эшелона, которые чаще всего дислоцировались на значительно большем расстоянии от намеченных для обороны рубежей, чем противник.

Предпринимая меры по повышению боевой готовности войск, военное и политическое руководство СССР, опасаясь спровоцировать Гитлера, не сделало главного: своевременно не привело в полную боевую готовность предназначенные для отражения первого удара противника войска прикрытия, которые находились в более укомплектованном состоянии. Несмотря на маниакальную боязнь Сталина спровоцировать Гитлера, как показали дальнейшие события (выступление Гитлера 22 июня), нацистское руководство все равно обвинило СССР в том, что советские войска «вероломно» атаковали части вермахта и последний «был вынужден» нанести ответный удар.

Ошибки, допущенные в оперативном планировании (определение направления главного удара противника, создание группировки войск, особенно второго стратегического эшелона и др.), пришлось срочным порядком исправлять уже в ходе боевых действий.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. С. 61. Учтены все боевые машины, числившиеся в Красной армии и ВМФ, включая небоеготовые.

² Fall Barbarossa. Op. cit. S. 147.

³ ЦА МО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1262. Л. 426.

⁴ Подсчитано по: ЦА МО. Ф. 35. Оп. 21883. Д. 4. Л. 251. См.: Великая Отечественная война. Кн. 1. М., 1999. С. 85.

⁵ См.: Бирюзов С. С. Суровые годы. М., 1966. С. 17–18.

⁶ Великая Отечественная война. Кн. 1. М., 1999. С. 86.

- ⁷ См.: Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 67.
- ⁸ См.: Инженерные войска Советской Армии, 1918–1945. М., 1985. С. 187.
- ⁹ РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 156. Л. 167; Д. 54. Л. 504, 201; Ф. 51. Оп. 3. Д. 504. Л. 1–11; Д. 527. Л. 1–12.
- ¹⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 198.
- ¹¹ Там же. Д. 241. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 14.
- ¹⁴ Там же. Л. 212.
- ¹⁵ Великая Отечественная война. Указ. соч. Кн. 1. М., 1999. С. 106.
- ¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 29. Л. 344, 345, 396.
- ¹⁸ Великая Отечественная война. Указ. соч. Кн. 1. С. 110.
- ¹⁹ Там же. С. 111.
- ²⁰ См.: Ивашутин П. И. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57. Известна также грубая реакция Сталина на сообщение источника разведки НКГБ «Корсиканца» от 17 июня 1941 г. о завершении подготовки Германии к нападению на СССР и о том, что «удар можно ожидать в любое время». См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 382.
- ²¹ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 423.
- ²² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 120–121.
- ²³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 114–116.
- ²⁴ Там же. По данным Гальдера, в немецкой группировке против СССР насчитывалось 14 моторизованных и 19 танковых дивизий. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Указ. соч. Т. 2. С. 582–583.
- ²⁵ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 114–116.
- ²⁶ См.: Burns J. M. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y., 1970. P. 77.
- ²⁷ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 91–96.
- ²⁸ Churchill W. The Second World War. London, 1950. Vol. 3. P. 320.
- ²⁹ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 150–151, 180.
- ³⁰ Там же. С. 259.
- ³¹ См.: Из неопубликованных воспоминаний маршала Советского Союза Г. К. Жукова // 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 501.
- ³² Там же. С. 502.
- ³³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 227.
- ³⁴ Там же. С. 294.

Советское общество до и после начала Великой Отечественной войны

А. А. Падерин*

Все дальше в историю уходят годы Великой Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии. Но даль времени и смена поколений не застилают от обращенного в прошлое пристального взора человечества героизм и мужество, с которыми советский народ, презирая страх смерти, защищал Родину.

С того памятного трагического дня, когда гитлеровские полчища вторглись на территорию СССР, прошло почти 70 лет. Однако не ослабевает, а, скорее, усиливается интерес наших соотечественников к тем суровым годам. Он объясняется не только чувством уважения к героическому прошлому своей страны, но и стремлением глубже понять истоки и корни современной политики руководства нашего государства.

Великая Отечественная война — главное событие семидесятилетнего советского периода российской истории. В то же время она вобрала в себя главный смысл и решила исход Второй мировой войны, так что ее правомерно рассматривать и как ключевое событие мировой истории XX века. Вот почему и шесть с половиной десятилетий спустя после своего завершения она остается в центре внимания общественной мысли, побуждает ученых, политиков, деятелей культуры к углубленным исследованиям и острым дискуссиям. Изучение трагического и героического опыта этой беспрецедентной в истории человечества войны — не уход в прошлое, а вы-

ход к самым актуальным проблемам современности. От того, как мы воспринимаем и понимаем ее причины, ее ход, непосредственные итоги и отдаленные последствия, напрямую зависит наша, как принято сегодня говорить, самоидентификация, а значит, и наша способность жить и творить свое будущее в современном мире.

За послевоенные десятилетия сильно поредели ряды фронтовиков, заметно поубавилось число прямых участников и свидетелей тех событий. На долю поколений, вступивших в жизнь уже в послевоенное время, выпали испытания если и несоизмеримые, то сопоставимые с ужасами войны, которую пришлось пережить отцам и дедам в далеких уже сороковых. Но вот парадокс: давняя война не только не ушла из памяти людей, но приобрела новую актуальность. Извлекаются не известные до сего времени не только широкой публике, но и науке архивные документы, обнародуются новые свидетельства, раскрываются роковые тайны, доступ к которым прежде был жестко заблокирован цензурными запретами и подписками о неразглашении. Военно-исторические исследования профессиональных, а более того «альтернативных», самостоятельных авторов становятся бестселлерами, их поток по сей день не иссякает.

Общественный интерес к истории войны в значительной мере подогревается и публикацией военно-исторических исследований, осуществляемых за рубежом. Их авторы воспринимают события той войны под другим углом

* **Александр Александрович Падерин** — полковник в отставке, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

зрения и опираются на другие источники — отсюда столь непривычные для нас трактовки и концепции. Под воздействием разнообразной, обширной, к тому же нередко преподносимой весьма агрессивно информации в обществе зародилось и окрепло ощущение, что до сих пор мы настоящей правды о войне не знали, между тем как познание этой правды позволило бы нам, наконец, понять, кто мы есть, почему наша жизнь сложилась так, а не иначе, и какие перспективы сулит нам — стране и ее гражданам — ближайшее и отдаленное будущее.

Новые представления о войне 1939–1945 гг. несут в себе, безусловно, позитивный смысл, обогащая нашу историческую память и развивая наше историческое самосознание. Вместе с тем, они создают благоприятную почву для разного рода исторических спекуляций, которые нередко используются во враждебных нашему национальному самосознанию и Российскому государству целях. Духовные агрессии такого рода представляют вполне реальную опасность для российского общества, переживающего нынче весьма непростой период. Вот почему в начале минувшего года Указом президента РФ (№ 97 от 22.01.2010) образована Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории. Перед ней поставлена задача «обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Одним из направлений фальсификации отечественной истории является распространение искаженных представлений о советском обществе кануна и периода Великой Отечественной войны.

Советское общество в войне 1941–1945 гг. достаточно широко освещается в отечественной литературе послевоенных десятилетий. В коллективных трудах, монографиях, статьях и брошюрах о войне, изданных до середины 1980-х годов, содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Ведущее место в них отводится теме советского народа-победителя, народа-героя, которому принадлежит главная заслуга в спасении страны и всего человечества от угрозы порабощения нацистскими агрессорами, их союзниками и сателлитами. Вместе с тем тема народа-мученика, анализ негативных явлений

в общественной жизни по существу сведены в работах тех лет к общим формулировкам о том, что огромные жертвы во имя свободы и независимости Родины, неисчислимые лишения и страдания не были напрасными и увенчались полной победой над врагом. В тени оставались вопросы цены победы, сотрудничества с противником части населения на оккупированной территории и военнопленных, негативных настроений, возникавших временами в стране и армии. Эта ставшая официозной трактовка фактически лишала историков возможности критического, альтернативного исследования войны, научного познания ее итогов и уроков.

Историками войны не был и не мог быть взят на вооружение в тогдашней общественной атмосфере призыв И. В. Сталина, прозвучавший в его выступлении перед избирателями Сталинского избирательного округа Москвы: «подвергать победителей критике и проверке, которые нужны для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными»¹. Не получило, к сожалению, развития в историографии и признание Сталиным того, что у Советского правительства «было немало ошибок, были... моменты отчаянного положения»².

Впервые новый концептуальный подход к исследованию беспрецедентного по своим масштабам военного испытания для советского государства и общества был реализован авторами первого капитального труда о нем — шеститомного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза», предпринятого в 1960-е гг. Суть их подхода — в стремлении исследовать войну не просто как ожесточенное вооруженное столкновение, но и как **особое экстремальное состояние общества** (выделено мной. — А. П.), бескомпромиссное экономическое противоборство, жесткое дипломатическое и острейшее идеологическое противостояние, а также как противоестественное людское бытие в период военного лихолетья. Это был несомненный шаг вперед в исследовании советского общества периода войны.

Широкий диапазон событий, явлений и процессов Великой Отечественной войны, как решающей части Второй мировой, в их органичной взаимосвязи и тесном взаимодействии содержится также в издании 70–80-х гг. прошлого века — 12-томном фундаментальном труде «История второй мировой войны 1939–1945 гг.». Война в нем предстает не только как

борьба вооруженных сил, но и как суровое испытание жизнестойкости общественного строя и государственного организма воевавших стран. Авторы, руководствуясь официальной исторической концепцией того периода, раскрывают идейно-политическое единство советского общества, особенности функционирования государственных органов и учреждений, их взаимодействия с общественными организациями, опыт и вытекающие из него уроки превращения страны в единый военный лагерь, перестройки жизни общества с мирного на военный лад.

К сожалению, в вышеназванной, как и других работах того времени, при всей ценности содержащегося фактического материала многие подходы, мысли, отдельные формулировки — о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя — превратились в непререкаемые постулаты, перекочевывали из одних статей, книг, учебников, диссертаций в другие. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация и, как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

Во второй половине 1980-х гг. картина стала постепенно меняться, но, к сожалению, не во всем в лучшую сторону. Получили распространение взгляды, противоположные традиционным. В моду входили тенденциозный подбор фактов — главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить ее величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушевывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны.

Часто анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся критикой пороков советской системы и характера советского народа, одержавшего Великую Победу. В частности, по утверждениям представителей ревизионистского, как его порой называют сегодня, направления в современной отечественной исторической науке, в СССР не было гражданского общества, характеризующегося высокой активностью граждан, их способностью жить и действовать в соответствии со своим представлением о долге перед Отечеством:

якобы такого общества в условиях тоталитарного сталинского режима и быть не могло.

Каковы истоки такого весьма устойчивого стереотипного представления о советском обществе 1930-х — начала 1950-х гг., т. е. сталинского периода, как обществе бесправном, безгласном, не имеющем собственного мнения, отличающегося от официально тиражируемых установок? Основной аргумент его сторонников заключается в следующем: никакое иное общество не могла сформировать атмосфера страха в стране перед властью, широко применявшей репрессивные методы.

Это, на наш взгляд, глубокое заблуждение. Любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без поддержки общественного мнения. Сталинский режим тоже весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан — от пропаганды до террора, чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета режима. Но возникает вопрос: можно ли считать эти настроения общественным мнением?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определиться, какой смысл мы вкладываем в само понятие «общество» и каким оно было в предвоенный и военный периоды.

Общество — это сложное и масштабное понятие, разноплановое по своему содержанию в различные эпохи. В широком смысле оно представляет собой совокупность исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности людей — экономических, социальных, политических, духовных. В более узком смысле общество понимается как совокупность разнообразных союзов людей, организованных сознательно (государство, армия, церковь, национальности, классы и др.) или возникших стихийно (митинги, различные собрания и т. д.). Общеизвестно и определение общества как совокупности всех социальных союзов (кроме государства), по Гегелю — «гражданского общества»³. Марксизм-ленинизм рассматривает общество как определенный тип общественно-экономической формации, общественно-классовых отношений.

Таким образом, во всех существующих толкованиях общества так или иначе просматривается, что по сути оно представляет собой совокупность различных исторически утвердившихся объединений людей в таких сферах (областях) их жизнедеятельности, как экономическая, социальная, политическая и духовная. В связи

с этим представляется необоснованной позиция тех исследователей истории советского общества, которые, ссылаясь на существовавшую при И. В. Сталине диктатуру, делают вывод о том, что в тех условиях настоящего общества по существу не было и быть не могло. Была, якобы, лишь видимость его.

В ответ на такое утверждение представляется убедительным следующий контраргумент: своеобразие явления, его непохожесть на то, что считается общепринятым и устоявшимся, отнюдь не означает отсутствия самого явления. Советское общество не было ни «молчаливым», ни абсолютно «верноподданным». Оно имело свое лицо и свой мир мнений⁴. Указанные качества характеризовали общественное мнение и в предвоенные годы, и в период Великой Отечественной войны. Восприятие людьми происходивших в стране, а затем на фронте и в тылу событий, их оценка зачастую отличались от оценок в официальной пропаганде. Мнение общества не было статичным. Оно определялось жизненными перипетиями того драматического времени, уровнем политической и общей культуры, а также житейским опытом наиболее активных граждан, делающих так или иначе свое мнение достоянием гласности.

С точки зрения некоторых исследователей, понятие «общество» неправомерно сводить лишь к набору каких-то определенных организаций, тем более — к какому-то виду организаций, в том числе так или иначе относившихся к власти. Это, утверждают они, — ограниченный подход. «Гражданское общество, — считает, например, доктор философских наук Ю. А. Красин, — это, на мой взгляд, все-таки качество общества, которое проявляется целым набором факторов. Это и грамотность, и образованность, и наличие гражданской позиции, и наличие гражданской энергии»⁵. Думается, справедливость данного утверждения очевидна: наличие перечисленных выше качеств у граждан, отдельных или объединившихся в те или иные общественные организации, является, несомненно, важнейшим критерием при рассмотрении вопроса о том, существует ли в стране высокоразвитое общество.

Любовь к Родине, стремление отстоять независимость страны, не дать разорить свою землю, свой дом у россиян формировались веками. С началом Великой Отечественной войны их патриотизм усилился. Это было вызвано тем, что большинство граждан считали естественным и законным сложившийся в стране социально-

политический строй, закрепленный Конституцией СССР. Были наглядны и очевидны вошедшие в быт социальные достижения: бесплатное образование, медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье, отсутствие безработицы, уважение к людям труда, их производственным достижениям и т. п. И, что бы ни говорили сегодня, тогда народ в массе своей поддерживал партийное и государственное руководство Советского Союза. Именно в этом смысле правомерно говорить о морально-политическом единстве граждан СССР, лежавшем в основе прочного союза между фронтом и тылом, сплочения советского общества перед грозной опасностью со стороны фашистской агрессии.

В конце XX — первом десятилетии XXI веков в историографии кануна и периода Великой Отечественной войны все более утверждалась достаточно взвешенная и аргументированная точка зрения на природу советского общества, его вклад в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками⁶. Согласно ей, в отличие от государства, гражданское общество как определенная социальная система относительно независимых и самостоятельных институтов и межличностных отношений включает семью, общественные организации, Церковь, культурно-просветительные и другие объединения, «создаваемые для идентификации, выражения, согласования и защиты личностных, корпоративных, социальных запросов и интересов. Анализ документов, статистики, причинно-следственных связей позволяет говорить о характерной для периодов социалистического строительства и Великой Отечественной войны высокой общественной активности граждан, получившей весьма многомерное выражение. Война, как заключали исследователи, особенно убедительно показала, что народные массы в новых социальных условиях проявили себя решающей силой исторического процесса»⁷.

Лишь взвешенный, объективный подход к исследованиям позволяет дать убедительные аргументированные ответы на многие животрепещущие вопросы, важные для становления сегодняшнего российского общества. Какими мы встретили войну? Как и за что воевали? Какой была цена победы? В чем основа и смысл патриотизма?

Однако этот процесс не обходится без сложностей. «К сожалению, тема войны остается все еще политизированной, с чем нельзя согласиться, — вполне обоснованно констатировала в сво-

ем выступлении на военно-исторической конференции 20 июня 2001 г. в Министерстве обороны РФ ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Н. К. Петрова. — Разумеется, утвердившийся в постсоветские годы плюрализм дал дорогу мировоззренческому многообразию, но требуется понимание того, что это многообразие должно служить познанию истины, а не являться средством подмены ее намеренными измышлениями и фальсификациями»⁸.

Конъюнктурное освещение событий 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и слабой профессиональной подготовкой и нравственной неустойчивостью части исследователей, еще и сегодня наносит ощутимый вред подлинно научной разработке проблем. Нас не могут удовлетворить неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в некоторых трудах послевоенных лет, на многие вопросы. Антинаучна и вредна распространившаяся в последние годы в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР.

Как свидетельствуют документы архивов ЦК ВКП (б), ГКО, Прокуратуры СССР, имевшее место в советской историографии кануна и периода Великой Отечественной войны представление о тотальном монолитном сознании советских людей как признаке их морально-политического единства в военный период, привычке жить только по указке сверху не совсем верно. Простая логика подсказывает, что народ, «задавленный диктатурой» и лишенный самостоятельного мнения, активной жизненной позиции, не мог бы с таким энтузиазмом трудиться в годы социалистического строительства, так героически сражаться на фронте за свою Родину, столь самоотверженно относиться к работе в тылу, как это делали советские люди.

Для лучшего понимания истоков духовной стойкости советского народа в период военного лихолетья, как фронтовиков, так и труженников тыла, не заглядывая в глубь веков, обратимся к более близкому периоду — «заглянем» в 1930-е годы. В этой связи трудно не согласиться с известным российским историком В. А. Анфиловым, который в «Литературной газете» за 22 марта 1989 г. писал: «...Прежде нужно постараться понять простую истину: ход войны от ее трагедии до триумфа есть логическое следствие предвоенного состояния общества».

Весьма объективную характеристику настроений довоенного советского общества мы находим в эмигрантском журнале «Новый путь», редактировавшемся бывшим активным русским меньшевиком Ф. Ю. Данном, который не питал симпатий к советскому строю. 7 октября 1942 г. в статье «Чудо Сталинграда» (цит. по: Правда, 1989, 13 окт.) говорилось: «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс, что при всех невзгодах, лишениях, страданиях...она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше — какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею — идею социального освобождения».

Советское общество **кануна войны** (выделено мной. — А. П.) представляло собой удивительную, поистине небывалую картину и в социальном, и в демографическом плане. Как социальная организация оно формировалось под руководством возглавлявшей социалистическое строительство ВКП (б) — Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Ее деятельность определялась марксистско-ленинской идеологией.

Кардинальные политические и социально-экономические сдвиги, осуществленные в стране после 1917 г., затронули практически все сферы народной жизни. К 1936 г. была завершена начавшаяся со времени Октябрьской революции 1917 г. ликвидация частной собственности. В процессе революционных преобразований сложилось новое общество, основу которого составляли рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Буржуазия, помещики, зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, исчезли с политической арены. Все население страны работало на государство.

В конце 1930-х гг. в выступлениях руководителей партии и правительства впервые прозвучал вывод об укреплении морально-политического единства советского общества. Так, в Отчетном докладе XVIII съезду ВКП (б) И. В. Сталин заявил: «В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно

признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества народов нашей страны, укрепление дружбы и, как результат всего этого, — полную демократизацию политической жизни страны...»⁹.

Как известно, строительство социализма в СССР представляло собой сложный и зачастую противоречивый процесс. На этом пути было все: и несомненные успехи, и труднопреодолимые препятствия. Естественно, и процесс формирования морально-политического единства советского общества тоже складывался весьма сложно, подчас противоречиво. Следует признать, что изучен он еще недостаточно. В отечественной исторической литературе его зачастую освещали слишком упрощенно. «Дело представлялось так, будто морально-политическое единство народа как бы автоматически следует из факта ликвидации в нашей стране к середине 1930-х годов кулачества в деревне и остатков нэпманской буржуазии в городе»¹⁰. Между тем это отнюдь не единственный, хотя и важнейший, фактор.

Многое в достижении данной исторической, а с учетом неотвратимо надвигавшейся большой войны поистине судьбоносной цели зависело и от того, насколько последовательно, обеспечивая единство провозглашаемых идей и практических действий, партийно-государственное руководство страны решало идейно-политические, социально-экономические, национально-государственные и духовно-культурные задачи. Ведь характер и реальное содержание процессов на каждом из этих направлений затрагивало интересы миллионов граждан, непосредственно влияло на формирование их взглядов, настроений и поведения.

Мировоззрение людей, живших в годы социалистического строительства, несомненно, формировала главным образом обстановка самоотверженного созидательного труда. Советские граждане в своем подавляющем большинстве чувствовали себя участниками великого дела, надеялись на светлое будущее. Во имя его они и работали с энтузиазмом, стойко переносили трудности и лишения, стремясь в кратчайший срок вывести страну на качественно новый экономический уровень. Ими высоко ценились очевидные успехи в экономике, социальной области, достигнутые страной за период от Ок-

тябрьской революции до начала 1940-х гг. Они были уверены в завтрашнем дне: основой такой уверенности являлись завоеванные в боях и труде, закрепленные в принятой на Чрезвычайном VIII съезде Советов в декабре 1936 г. новой Конституции СССР права и свободы. Особое значение в жизни каждого советского человека имели права на труд и гарантированный отдых, на бесплатное образование и медицинскую помощь, улучшение жилищных условий, доступ к науке и культуре.

Невысокий по сравнению с западным уровнем жизни официальной пропагандой объяснялся вполне убедительно: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Все это требовало больших усилий и затрат, направленных в конечном счете на достижение светлой цели — создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» — стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, государственными и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, к их производственным достижениям, почет ударникам и стахановцам.

Таким образом, поддержка народом советского строя обуславливалась вполне реальной идеологической и социально-экономической базой. Большинство рабочих, крестьян и интеллигенции были убеждены в том, что они живут и работают при самом справедливом строе. «Люди верили, что строят на земле рай. Они были готовы на все. Жертвовали любой жизнью и в том числе — своей собственной»¹¹. Это в первую очередь и определяло морально-политическое состояние подавляющего большинства граждан, в том числе личного состава Вооруженных Сил.

Сложившаяся в СССР политическая система направлялась и контролировалась партией на основе решений ее съездов, что осуществлялось в процессе их работы, а в промежутках между

ними — Центральным Комитетом ВКП (б) и его Политбюро.

В государстве сформировалась жестко организованная структура управления. Характерными ее чертами являлись строгая централизация распоряжений и указаний, их безусловное («любой ценой») выполнение, подчинение аппарата исполнителей его руководителю. Это в той или иной степени распространялось и на деятельность массовых общественных организаций, которых в стране насчитывалось около трехсот: профсоюзы, комсомол, кооперативные объединения, женские организации, оборонно-спортивные и научно-технические общества, общества социальной помощи, творческие и культурно-просветительные союзы. Они объединяли десятки миллионов людей, которые в своем большинстве активное участие в деятельности данных организаций и союзов рассматривали как конкретный личный вклад в решение задач, стоящих перед обществом и государством.

Граждане СССР в основной своей массе оказывали доверие руководству партии и правительства во главе с И. В. Сталиным. Они поддерживали реализуемые меры по укреплению экономического и оборонного могущества страны, пусть даже за счет «затягивания поясов». Несмотря на «успокоительную» пропаганду в период с августа 1939 г. (после подписания с Германией пакта о ненападении) до начала агрессии (за неделю до нее, 14 июня, в сообщении ТАСС утверждалось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»), население в своем большинстве понимало, что война приближается, верило в неиссякаемые силы страны и непобедимость Красной армии.

Эта вера подкреплялась активно тиражировавшимися вплоть до начала войны пропагандистскими стереотипами (война «малой кровью», война «на чужой территории», «непоколебимость РККА» и т. п.). Их навязывание нанесло серьезный ущерб духовной подготовке всех классов и социальных групп, наций и народностей к предстоящим военным испытаниям.

На протяжении почти двух десятилетий в основе воспитания советских людей было марксистско-ленинское положение о пролетарском интернационализме. Лейтмотивом в системе образования, в работе общественных организаций, средств массовой информации была идея о неизбежности победы социализма во всем мире, подчеркивалось, что СССР являет-

ся оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетенных народов была достаточно велика. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву — вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной.

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936–1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка порождала надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. И события в районе Халхин-Гола, и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками, и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР воспринимались как решение двуединой задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

В тесной связи с этим находилось и такое направление идеологической работы, как формирование в общественном сознании веры в предопределенность победы СССР над любым агрессором, поскольку народные массы капиталистических государств при всех обстоятельствах глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны немедленно перейдут на сторону страны социализма. Эта ложная, надуманная установка порождала неоправданные надежды на легкую победу, формировала шапкозакидательское настроение не только среди гражданского населения, но и, что было особенно вредно, — среди военнослужащих.

Походы Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, война с Финляндией вполне ясно выявили иллюзорность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Не случайно в мае 1940 г. и в январе 1941 г. Главное управление политической пропаганды Красной армии в своих докладах в ЦК ВКП (б) о состоянии военной пропаганды среди населения в числе «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в «освободительных походах» 1939–1940 гг., наряду с культом опыта Гражданской войны и необъективной оценкой боеспособности войск Красной армии называло

«неправильное освещение» интернациональных задач, национализма и патриотизма. Предлагалось искоренить «глубоко укоренившийся предрассудок», будто население капиталистических стран, вступающих в войну против СССР, незамедлительно выступит против своих буржуазных правительств и перейдет на сторону Красной армии, а последней останется только пройти по территории этих стран триумфальным маршем и установить Советскую власть. «Нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа», — особо подчеркивалось во втором докладе¹².

Руководство СССР в обстановке неотвратимо надвигавшейся военной угрозы осознавало необходимость консолидации всех наций и народностей, рабочих, крестьян и различных социальных групп, уточнения соотношения между национальными и интернациональными основами патриотизма. Так, незадолго до войны И. Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым разъяснял: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом...»¹³.

Усиленная интернационалистская пропаганда послереволюционного периода, базировавшаяся на политическом и историческом обосновании единения всех угнетенных, пролетариев, всемирной народной поддержки первого государства рабочих и крестьян, в предвоенные годы официально не снималась с повестки дня, а была лишь отодвинута на более скромное место.

Со второй половины 1930-х гг. главными в идеологической работе стали воспитание патриотизма, пропаганда понятия Родины как Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая, как потом, в годы войны, будет записано в государственном гимне, все народы в нерушимый союз. Всемерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на тер-

ритории, составлявшей шестую часть земной суши, проживало более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн человек. Существовавший строй объединял интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав Союза, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество социалистического строя. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн человек занимала две трети территории СССР, где проживало свыше 100 народов и народностей¹⁴.

За годы Советской власти многие народы России, ранее значительно отстававшие от русских по уровню экономического развития и образования, сократили этот разрыв. Узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели свою государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т. д. Так, Башкирия до революции не имела ни одного высшего учебного заведения. В 1939 г. здесь было уже 4 вуза, 60 техникумов, 4 рабфака. В Татарии до революции был только один Казанский университет, в 1938 г. — 54 вуза и 23 тыс. студентов. Если в царской России в 1914 г. действовало 72 вуза с 86 тыс. студентов, то в 1941 г. — 481 вуз с 478 тыс. студентов. Количество газет на всех языках возросло с 35 до 437¹⁵.

Действенным воспитательным фактором, который основная масса советских людей считали привилегией своего государства и личным достоянием, была гордость за Красную Армию, «сильнейшую и непобедимую». Широкая общественность не знала и не могла знать, что в армии далеко не все обстоит благополучно. Между тем перечень тогдашних «болевых точек» армейского организма был весьма внушителен: незавершенность формирования и реорганизации; низкая укомплектованность войск командным составом и его слабая профессиональная подготовка; недостаточная выучка личного состава подразделений и частей; далекая от требуемой слаженность штабов; отсутствие надежных средств связи, ремонта и эвакуации, транспорта для доставки горючего; острый дефицит новой боевой техники, инженерного вооружения; неподготовленность театра военных

действий. И что особенно прискорбно — спад воинской дисциплины.

Несмотря ни на что военная служба, согласно Конституции 1936 г., являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР» и была таковой в жизни. Еще до «большой войны» участники боев в Испании, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в финской кампании пользовались уважением в обществе, особенно среди молодого поколения, а награжденные, к примеру, медалью «За отвагу», становились едва ли не национальными героями. После нападения нацистской Германии это отношение к Красной армии стало основой сплочения армии и народа.

С приходом в 1933 г. к власти в Германии нацистской партии во главе с Адольфом Гитлером ВКП (б) развернула непримиримую идеологическую борьбу с фашизмом, отождествляя его с агрессией и войной, разоблачая человеконенавистническую идеологию и захватническую политику. «Когда в Европе оформился зрелый фашизм, его смысл был достаточно ясен для всех. Вальтер Шуберт в известной книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока... Когда Гитлер в своих речах, особенно ясно в своей речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г., заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противопоставление Востоку — как судьбоносная проблема Европы»¹⁶.

В сознании советских людей фашизм в концентрированном виде олицетворял злейшего классового врага. Становилось все более очевидным, что этот враг, прежде всего германский нацизм, вынашивает агрессивные планы, в первую очередь против СССР. Поэтому наряду с активной подготовкой к вооруженному отпору фашизму было жизненно необходимо наращивать пропагандистскую работу по разоблачению германского агрессора. Однако вместо этого руководство СССР, подписав с нацистской Германией 23 августа 1939 г. вполне объяснимый пакт о ненападении, вдруг резко прекратило антифашистскую пропаганду, более того — стало оправдывать войну Германии против западных держав.

Недоумение советских людей и прогрессивной международной общественности еще более усилилось после заключения 28 сентября того же года советско-германского договора о «дружбе

и границе». Действительно, нелегко было понять, как можно строить «дружественные отношения» с германскими нацистами, начавшими войну с целью захвата и порабощения других народов. Подобная труднообъяснимая политическая и идеологическая переориентация сбивала с толку людей, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании.

Такая внешняя политика отнюдь не способствовала морально-политической подготовке народа к отпору назревавшей фашистской агрессии. Однако антифашистское сознание советских людей, сформированное в предыдущие годы, было настолько укоренившимся, что его не смогли поколебать зигзаги внешней политики руководства страны и резкие пропагандистские повороты. Народ не питал иллюзий, предчувствуя, что война с германским фашизмом приближается, и готовился к ней. Важную роль в этом играли общественные организации.

Система общественных организаций, их деятельность развивались отнюдь не по прямой линии. Атмосфера сложившегося в стране культа личности И. В. Сталина, господство в обществе командно-административной системы давали о себе знать и здесь. Существенно ограничивалась самостоятельность общественных организаций, сковывалась их инициатива, искажались природа и роль в жизни страны. Серьезный ущерб их руководящим кадрам, активу наносили репрессии.

Несмотря ни на что размах массовой оборонной работы, проводимой общественными организациями, безусловно, не мог не сказаться благотворно на подготовке молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР. В предвоенные годы армия и флот приняли пополнение, значительная часть которого прошла определенную военно-техническую подготовку.

Привлечение широких слоев населения к массовой оборонной работе, занятиям военно-прикладными видами спорта сыграло большую роль в укреплении обороноспособности в предвоенные годы, в подготовке молодежи к службе в армии и на флоте. Советские люди тесно связывали цели этой работы с задачами построения социализма в нашей стране, защиты СССР от посягательств со стороны агрессивных сил империализма. В этом коренились истоки высокого патриотического отношения трудящихся к изучению военного дела, подготовке к службе в Красной армии. «Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война, —

писал К. М. Симонов в своих воспоминаниях. — Мы знали, что находимся в капиталистическом окружении, так и было на самом деле»¹⁷.

Более того, в этот тревожный, предгрозово-ый период ужесточение политического режима большинством народа воспринималось как вполне закономерная тенденция. Размышляя над этим феноменом общественного сознания, доктор исторических наук, профессор В. Н. Данилов пришел к следующему выводу: «Здесь можно согласиться с академиком Ю. А. Поляковым, который считает, что в народном сознании переплетались осуждение режима с иллюзорной идеей вынужденности репрессий для укрепления державы, понимание усиливающегося расхождения между словом и делом с убежденностью в правоте и реальности социалистических идеалов. Второе русло было главным»¹⁸.

Подготовка к отражению возможной агрессии осуществлялась в условиях воздействия на этот процесс всей политической системы государства, которая накануне войны представляла собой комплекс государственных и общественных организаций, руководимых ВКП(б). В качестве основных институтов этой системы выступали Советское государство, Коммунистическая партия, профсоюзы, комсомол и другие общественные организации. «Функционирование институтов политической системы налагало глубокий отпечаток на состояние советского общества, на протекание в нем процессов национально-государственного развития, на решение социально-экономических, политических и оборонных задач. Существовала и обратная связь. Под влиянием общественных процессов менялись средства, формы и методы воздействия тех или иных элементов политической системы на общество»¹⁹.

В годы начавшейся войны советское общество адекватно и остро реагировало на меняющуюся фронтовую ситуацию. Каждый период войны имел особую морально-психологическую доминанту.

Судя по воспоминаниям людей, переживших Великую Отечественную войну, в тот ошеломивший всех день, 22 июня 1941 г., мало кто из граждан СССР ожидал, что удар агрессора будет таким мощным. Для большинства советских граждан, любивших свою армию и безоглядно веривших в ее непобедимость, столь трагическое для нашей страны развитие событий на советско-германском фронте стало тяжелой неожиданностью. Это переживание убедительно опи-

сано, например, в воспоминаниях К. Ф. Телегина, работника Управления политпропаганды пограничных войск СССР: «...В первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад. Такое настроение не проходило еще несколько дней, пока не прояснилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скудные, а порой и путанные вести с границы были столь неутешительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом»²⁰.

Только 3 июля народу была сообщена страшная правда о положении на фронте: было передано по радио и опубликовано в газетах выступление И. В. Сталина, который признал огромные территориальные утраты нашей страны. Он прямо заявил о нависшей над Родиной серьезной опасности: «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР... Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»²¹. Выступление вождя, открывшего правду о трагическом положении на фронте, положило конец всем иллюзиям предвоенного времени, обусловило быстрый переход, по сути перелом, в настроении народа с мирного на военный лад.

У людей углубилось чувство тревоги, на их плечи легла непомерная тяжесть ответственности за судьбу Отечества. Ошеломляющие вести с фронта порождали недоуменные вопросы: о причинах отступления Красной армии, о том, куда делись наши танки и самолеты, почему боевые действия ведутся на советской, а не на вражеской территории, как обещано накануне войны, и т. д. «Шли первые недели войны, а под Львовом красноармейцы нашего восьмого мехкорпуса, — пишет в своем письме один из участников боев лета 1941 года, — спрашивали у комиссара Попеля: «Как там чувствует себя немецкий рабочий класс? Не поднял ли он восстание против Гитлера?»²².

В ЦК ВКП(б), на имя Сталина, в редакции газет поступали письма от фронтовиков, которые описывали удручающие картины отступления наших войск. Авторы давали различные объяснения этим поражениям: от чьих-то конкретных упущений, вызванных отсутствием опыта и низким профессионализмом, — до пред-

положений о предательстве командования. «Народ на фронте дерется хорошо. Но одного героизма мало... Надо централизовать руководство и тогда победа будет обеспечена», — говорится в одном из писем с фронта²³.

Настроения первых тяжелых военных недель показали, что советское общество периода Великой Отечественной войны обладало собственным, не всегда совпадавшим с официальными установками и оценками мнением, несмотря на жесткий контроль со стороны государства, фактическую ликвидацию конституционных прав и свобод.

После серии тяжелых поражений Красной армии летом и осенью 1941 г. моральный дух части населения страны, личного состава Красной армии заметно снизился. В докладных записках тыловых обкомов партии в Центральный Комитет ВКП (б) сообщалось о многочисленных фактах «нездоровых явлений», о безразличии некоторой части населения к происходящему в стране, о высказываемых сомнениях в правильности действий политического и военного руководства государства.

В Секретариат ЦК ВКП (б) приходили письма, жалобы и предложения от населения, в которых сообщалось о проблемах и недостатках в работе партийных и государственных органов на местах, о тяжелой жизни и быте трудящихся, о положении раненых в госпиталях, инвалидов войны, семей фронтовиков, воспитанников детских домов. Поступала информация о злоупотреблениях, чинимых отдельными руководителями на местах. Реакция центра была жесткой и неотвратимой. Так, первое постановление Секретариата ЦК, касавшееся деятельности местной партийной организации, вышло 17 сентября 1941 г. и называлось «О фактах плохой организации торговли продовольственными товарами на некоторых фабриках Ивановской области» (№ 13)²⁴. В документе Ивановский обком партии (первый секретарь Пальцев) был подвергнут жесткой критике.

Однако «буквально через месяц, в октябре 1941 г. по текстильным фабрикам города Иваново и области прокатилась мощная волна забастовок рабочих и работниц. И это происходило на родине первых Советов»²⁵. Своими забастовками, происходившими в момент, когда враг стоял под Москвой, работники ивановских фабрик не только протестовали против пренебрежительного отношения властей к их быту, но и выражали недоверие к политике руководства

государства, поставившего страну на грань катастрофы. Этот пример — лишь одно из многих свидетельств того, насколько близко к сердцу трудящиеся принимали сложившуюся для их Отечества трагическую ситуацию, реальную угрозу завоеваниям революции, судьбе подрастающих поколений.

Бесспорны, к сожалению, также явления и факты, свидетельствовавшие об антипатриотичном отношении к войне, своему гражданскому долгу. Немало встречалось граждан СССР, которые всячески ловчили, стремясь избежать отправки на фронт, отсидеться в тылу, а если, вопреки желанию, они все-таки вынуждены были надеть военную форму, то при первой же возможности дезертировали.

Такие настроения среди военнослужащих действующей армии усугублялись тем, что немецкое командование, используя свои спецслужбы и пропагандистский аппарат, вело постоянную работу по разложению наших войск. «В боевые порядки забрасывалось большое количество листовок, организовывались направленные радиопередачи. Путем дезинформации и клеветы немцы пытались вселить сомнение в победу Красной армии, восхваляли «новый порядок», установленный на оккупированной территории. Наших военнослужащих склоняли к сдаче в плен. К сожалению, имели место случаи, когда отдельные солдаты, особенно из числа тех, чьи семьи находились на оккупированной территории, под воздействием вражеской пропаганды переходили на сторону немцев»²⁶.

К счастью, не эта категория граждан определяла судьбу Отечества. У преобладающей части населения Советского Союза сомнений не было: борьба против агрессора — дело справедливое, святое, ему надо отдать все силы, а, если требуется, то и саму жизнь, но во что бы то ни стало добиться победы. Это и являлось доминантой общественного мнения, получившей адекватное отражение в лозунге «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Воодушевляемые этим оптимистическим призывом, вооруженные защитники Отечества, труженики тыла постепенно укреплялись в своей вере в победу над врагом, проявляли огромную силу духа, высокие нравственные качества, исстари присущие народам Советской страны. Совершенные героические деяния на фронте и в тылу были подвигами во имя Отчизны, подвигами героев-патриотов, вошедшими в историю Великой Отечественной войны.

Главная особенность настроений военного времени у подавляющего большинства граждан СССР независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов — сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам, волна которой до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола, сообщений печати и радио о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор, осуществлявших грабительские замыслы правителей нацистской Германии. Именно здесь находился источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором будущей победы в ней.

Правда, глубокое осознание смертельной опасности, нависшей над Родиной, над каждым народом, каждым советским человеком, а также того, насколько трудным будет путь к победе над сильным и наглым агрессором, наступило отнюдь не сразу.

Под воздействием неблагоприятного для нас развития обстановки на фронте в советском обществе шла напряженная морально-психологическая перестройка: происходили постепенное и все более глубокое осознание истинных масштабов грозящей опасности, мучительное преодоление иллюзий, навеянных предвоенной официальной пропагандой.

Победа в Московской битве, явившаяся первым крупным поражением агрессора в связанной им войне, способствовала избавлению большинства советских людей от их сомнений, позволила народу и его армии воочию увидеть плоды своих героических усилий. Это было чрезвычайно важно.

Период от 22 июня 1941 г. вплоть до победы в Сталинградской битве в морально-психологическом плане характеризует то, что общество, большинство советских людей жили в постоянном напряжении: слишком реальной была угроза поражения, очень остро стоял вопрос о самой жизни и смерти советского государства, причем не только общественного строя, но и населявших страну народов. Это чувство страшной опасности, сочетавшееся с жившими в глубине души каждого надеждой и верой в конечную победу над агрессором, накладывало отпечаток на мысли и поведение гражданского населения и воинов Красной армии.

«Ярость благородная» — так можно кратко определить основную психологическую доминанту того периода, очень точно выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны... По мере того, как... шок, вызванный разительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни... — по мере того, как этот шок проходил и росли горе и боль, которые нес агрессор на советскую землю, вскипала ярость, вызывавшая к мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация...»²⁷.

Война, потребовавшая невероятных физических и духовных сил, постепенно раскрыла глубинные качества народа — бесстрашие, решимость преодолеть самые суровые испытания, самоотверженность, патриотизм не на словах, а на деле, гражданскую ответственность за судьбу Родины. Массовое патриотическое сознание проявлялось в настроении и практических делах советских людей. Прежде всего — на фронте.

Большинство фронтовиков проявляли героическую самоотверженность. Уже в первый день войны насмерть стояли пограничники многих застав, началась легендарная оборона Брестской крепости. В критические моменты летчики применяли таранные удары по вражеским самолетам. Сотни и тысячи воинов вступали в единоборство с танками противника. Бились до последнего патрона гарнизоны многих дотов.

Массовый героизм проявлялся при нанесении контрударов по врагу в 1941 г., а особенно в ходе контрнаступления под Москвой. Поражительные примеры самопожертвования дала Сталинградская битва. 18 августа 1942 г. белорус Покальчук и украинец Гутченко закрыли своими телами амбразуру вражеского дота. Изумительный подвиг совершили бойцы интернационального по составу стрелкового взвода лейтенанта Михаила Кабилова. Четверо суток штурмовали они одну из господствующих, сильно укрепленных противником высот и захватили ее. А затем оставшиеся в живых 11 воинов взвода отражали яростные атаки целого батальона гитлеровцев. Когда закончились боеприпасы, храбрецы встретили врагов штыками. В неравном бою советские воины уничтожили более 120 вражеских солдат и офицеров. Высокий наступательный порыв продемонстрировали воины Ленинград-

ского фронта, когда в январе 1943 г., разрывая кольцо блокады, преодолели под огнем врага покрытую льдом и снегом Неву.

После победы под Сталинградом стало ясно — удалось выстоять и остановить страшный напор вражеских армий. Наступил следующий этап в развитии морально-психологического настроения народа и армии, отразивший в себе два судьбоносных процесса в ходе вооруженной борьбы — коренной перелом и освобождение от агрессора советской территории. «Это был перелом не только в ходе войны, но и в настроении масс. Люди сами рвались в наступление, охваченные порывом, без которого ни одна армия «не может совершать великие дела»²⁸.

Главной чертой нового этапа было общее стремление как можно быстрее изгнать войска противника с советской земли. Огромное желание скорее свести счеты с оккупантами, наказать их за все зло, причиненное населению захваченных территорий, умножало силы воинов, укрепляло их мужество и отвагу в боях. Геройски сражались советские танкисты под Прохоровкой в июле 1943 г. — в самом крупном танковом сражении Второй мировой войны.

Беспримерным в истории войн ратным подвигом было массовое форсирование Днепра в сентябре 1943 г. Об этом 18 октября 1943 г. газета «Правда» писала: «Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверххрабрых. Красная армия, давшая уже миру столько примеров воинской отваги, словно превосходит самое себя».

Жаркой атмосферой боев, в ходе которых красноармейцы самоотверженно и умело били врага, веет от в общем-то суховатого изложения сути боевых подвигов в политических донесениях, написанных по свежим следам свершившихся событий. Вот, к примеру, документ за подписью начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора С. С. Шатилова. Свое донесение в ГлавПУ РККА от 30 октября 1943 г. он озаглавил очень конкретно: «О героизме личного состава войск фронта в боях за Правобережную Украину в период с 15 по 25 октября 1943 года». Описывается, в частности, подвиг двух пулеметчиков из полка под командованием майора Щербатых: «Отлично дрались с врагом рядовые этого полка отец и сын Бабичевы. Они составляли расчет станкового пулемета. Быстро меняя позиции и умело маскируясь, Бабичевы подпускали противника на близкое расстояние

и кинжальным огнем уничтожали врага. Благодаря их мужеству и умению были отражены две контратаки немцев. Перед огневой позицией Бабичевых осталось 72 трупа фашистов. В этом бою пал смертью храбрых старший Бабичев. Его сын поклялся отомстить гитлеровцам за смерть отца. Свою клятву он с честью выполняет. На другой день им было уничтожено из своего пулемета более 50 солдат и офицеров. Отец и сын Бабичевы представлены к правительственной награде»²⁹.

Таких документальных свидетельств самоотверженности и бесстрашия советских воинов великое множество. Причем делали они свое дело, думая лишь о том, чтобы как можно больше уничтожить ненавистных врагов. Благодаря прежде всего высокому боевому настрою личного состава, Красная армия с тяжелыми боями, но неудержимо продвигалась на запад.

Когда освобождение территории страны еще продолжалось, советские войска на отдельных участках фронта уже переходили границу СССР и приступали к избавлению народов Европы от фашистской оккупации. Теперь для морально-психологического настроения воинов-освободителей характерными были такие чувства, как интернационализм, гуманизм, солидарность с народами, испытавшими гнет фашистских оккупантов. Силами войск Красной армии после изгнания гитлеровцев освобожденному населению оказывались продовольственная и медицинская помощь, велись работы по восстановлению дорог и мостов, промышленных предприятий, школ и больниц.

При вступлении на территорию Германии советские воины переживали очень сложные, противоречивые чувства и настроения. Им было чрезвычайно трудно не поддаться чувству мести за гибель семьи и друзей, за вандализм и жестокость, проявленные врагом на советской земле. Нередко праведный гнев прорывался, выражаясь в различных актах насилия над гражданским немецким населением, в бессмысленном уничтожении предметов быта и роскоши. Но постепенно под воздействием применявшихся командованием суровых наказаний, а также разъяснительной работы политотделов большинству личного состава удалось перестроиться, научиться более сдержанно относиться к немцам, проявляя издревле присущее нашему народу великодушие по отношению к побежденным.

Ощущение близости победы также было важным фактором, влиявшим на мысли и чувства советских воинов. В душе каждого невольно зарождалось желание дожить до этого счастливого дня. Труднее стало подниматься в атаку, больнее терять однополчан, страшнее самому сложить голову в бою. Однако брало верх осознание того, что врага надо добить в его «собственном логове». И поднимались в атаки, и падали под градом пуль и осколков в полушаге до победы, сполна выполняя свой долг перед Родиной. Такая участь в завершающей военной кампании постигла более 800 тыс. советских воинов из почти 7 млн ее участников³⁰.

В некоторых политических донесениях приводятся факты, характеризующие взаимоотношения между советскими военнослужащими, в том числе между командирами и подчиненными. Например, начальник политического отдела 5-й ударной армии генерал-майор Е. Е. Кощеев в своем донесении от 23 апреля 1945 г. начальнику политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту С. Ф. Галаджеву сообщает о подвиге солдата: «Красноармеец 905 сп 248 сд тов. Тесля во время артобстрела своим телом закрыл раненого командира роты старшего лейтенанта Воронина, получив при этом тяжелое ранение. Сам истекая кровью, тов. Тесля вынес с поля боя старшего лейтенанта Воронина»³¹.

Отметим высокую цену данного солдатского подвига: до победы оставались считанные дни. Однако в боевой обстановке, где смерть витала над головой, чувства проявлялись острее, обнаженнее: соображения собственной безопасности подавлялись чувством фронтового братства. Поэтому делились последним сухарем и глотком воды, укрывались одной плащ-палаткой, вытаскивали раненых из-под огня, закрывали собой от пуль. «Наша армия спокон веков сильна своим великим воинским братством, — писал Д. П. Ковтун из госпиталя на фронт сыну Олегу, — и оно, это великое братство, дает нам силы и мужество для того, чтобы побеждать»³².

В ходе войны у защитников Отечества проявились огромная сила духа, высокие нравственные качества, исстари присущие народам Советской страны. Совершенные в борьбе с агрессорами героические деяния были подвигами во имя Отчизны, подвигами героев-патриотов, вошедшими в историю Великой Отечественной войны. Несомненно, долго еще будет жить в народной памяти беспредельная стойкость защитников Брестской крепости, военно-морской

базы Лиепая, Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Москвы, Сталинграда и Новороссийска, Заполярья и Кавказских перевалов.

Это о них на бетонной мраморной плите Мамаева кургана высечены бессмертные слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника, люди ли шли в атаку — смертны ли они!». А в пантеоне, завершающем экспозицию мемориального комплекса Сталинградской битвы, написано: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой долг перед священной матерью — Родиной».

Патриотизм народа проявлялся не только в героизме на поле боя, в самоотверженном труде для максимального обеспечения нужд действующей армии, но и в сознательном заинтересованном отношении к событиям на фронте, в тылу, на международной арене. Газета, радио, доклад, беседа превратились даже для малообразованных слушателей в жизненную потребность. Несмотря на определенные различия в настроениях жителей города и сельской местности, тыловых и прифронтовых, а в дальнейшем и освобожденных районов, все жадно ловили каждое слово об обстановке на фронтах.

Государственный патриотизм, гармонически сочетавшийся с национальными традициями населявших СССР народов и их общими жизненными интересами, а также гордость за страну, сопричастность ее успехам и неудачам — это были главные побудительные мотивы непоколебимой верности Отечеству, факторы формирования патриотических общественных настроений и личной позиции граждан в то трудное время, самоотверженных действий не только на фронте, но и в тылу.

В тылу большинство советских людей подчинили свою жизнь интересам фронта. Своим трудом они выиграли битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание оружия победы. Они трудились по двенадцать и более часов в сутки, без выходных и отпусков. Даже во время налетов немецкой авиации на прифронтовые города не прекращалась работа. А если учесть нехватку продуктов, самых элементарных вещей, холод в нерегулярно отапливаемых домах, то станет ясно, в каких суровых условиях жили и трудились люди. Но они знали: действующая армия ждет самолеты, танки, орудия, боеприпасы. И старались произвести их как можно больше.

Велик был трудовой подвиг населения Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других городов-героев.

Почти все предприятия столицы, прежде всего машиностроительные и металлообрабатывающие, с первых дней войны переключились на выпуск военной продукции: автозавод, заводы «Красный пролетарий», им. С. Орджоникидзе, им. Владимира Ильича, «Динамо», «Станколит», «Компрессор», «Фрезер», «Калибр» и другие включились в выполнение срочных заказов фронта. В цехах круглосуточно шла напряженная работа. Однако ситуация на фронте все более осложнялась, враг приближался к столице, многие крупнейшие предприятия города эвакуировались на восток вместе с трудовыми коллективами. Но работа на оставшихся предприятиях продолжалась. Роль Москвы в военном производстве значительно возросла после разгрома немцев в Московской битве и последовавшей за этим эвакуацией многих промышленных предприятий. За годы войны машиностроительные заводы столицы произвели 16 тыс. самолетов, тысячи танков и САУ, 130 тыс. минометов, более 3,5 млн pistols-пулеметов, свыше 3,7 тыс. реактивных установок, 287 млн боеприпасов³³.

Наряду с выпуском военной продукции москвичи изыскивали и другие формы помощи фронту. Активное участие принимали во всенародных движениях по финансовой, материальной, социальной и моральной поддержке действующей армии. Так, они явились инициаторами массового движения за создание Фонда обороны. Уже к 20 августа 1941 г. внесли в него 11 млн, а к 11 октября — около 75 млн рублей. Трудящиеся Москвы первыми начали сбор личных средств на постройку танков и самолетов. Здесь широкий размах получили также другие патриотические движения: за годы войны донорами сдано для фронта более 520 тыс. литров крови, жители столицы собрали и отправили фронтовикам свыше 522 тыс. подарков³⁴.

Мир был потрясен небывалой стойкостью ленинградцев. В условиях жесточайшей блокады, при хроническом недостатке или полном отсутствии электроэнергии и топлива, в холоде, под постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбежкой, на полуголодном пайке, когда люди тысячами умирали от истощения, население города вносило огромный вклад в боевое и материально-техническое обеспечение Ленинградского фронта, Балтийского флота, ВВС, ча-

стей противовоздушной обороны, Ладожской военной флотилии, а иногда и других фронтов, как было в период битвы за Москву.

На судостроительных заводах ремонтировались сотни боевых кораблей, строились плавсредства для «Дороги жизни», переоборудовались и вооружались транспортные суда для выполнения боевых и народно-хозяйственных задач. За период блокады города трудовые коллективы Ленинграда сумели изготовить и отремонтировать 2 тыс. танков, 1500 самолетов, выпустить около 10 млн снарядов и мин, 225 тыс. pistols-пулеметов, 12 тыс. минометов и много другой боевой техники и оружия³⁵.

Героически проявили себя сталинградские рабочие. Летом 1942 г. коллектив крупнейшего предприятия города — Сталинградского тракторного завода продолжал наращивать выпуск гусеничных тракторов, имевших оборонное значение. Одновременно заводчанами решалась еще более важная и ответственная задача — производство среднего танка Т-34. Работа в цехах не замирала ни на один час. В августе 1942 г. завод отправил в действующую армию 390 боевых машин³⁶.

Пример работы по-фронтовому показывал и «Красный Октябрь», оставшийся в 1941 г. единственным металлургическим заводом юга страны. Он выпускал 70 марок высоколегированной стали³⁷. Металлурги за короткий срок освоили производство сложных приспособлений для минометов, наладили выпуск стальных ежей для противотанковых заграждений, бронированных колпаков для дотов. Вся эта продукция была важна для ведения боев в городских условиях.

Жизнь населения Сталинграда³⁸ и близлежащих районов, так же, как и населения всей страны, была подчинена интересам фронта. Мирные жители зачастую действовали в интересах обороны города по собственной инициативе. Имена многих из них остались неизвестными. 75 тыс. жителей областного центра, или 10,6 % городского населения (по состоянию на 23 августа 1942 г.), вступили в войска, оборонявшие Сталинград³⁹.

В годы войны массовым было участие женщин как непосредственно в вооруженной защите страны, так и в оказании помощи фронту. В рядах Красной армии находились около 600 тыс. женщин, в том числе офицеров — более 80 тыс. В тылу, заменив ушедших на фронт отцов и братьев, мужей и сынов, женщины

вынесли на своих плечах основную тяжесть труда в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте. Они составляли около трех пятых всех рабочих и служащих в промышленности. Многие из них овладели профессиями, считавшимися традиционно мужскими: работали электросварщиками, токарями, слесарями, электромонтерами, кузнецами, машинистами компрессоров и паровых машин, на лесоповале, на расчистке от снега железнодорожных путей и т. д. В сельском хозяйстве к концу войны женщины составляли почти три четверти рабочей силы.

В 1942 г. развернулось соревнование за повышение производительности труда, наращивание выпуска военной продукции, досрочное выполнение фронтовых заказов. Высокими темпами росло число «двухсотников», «трехсотников», «тысячников», выполнявших производственные задания на 200, 300, 1000 процентов. Передовикам присваивались звания стахановцев и ударников. К началу 1944 г. их число достигло 4,2 млн человек.

Практиковались разные формы трудового соревнования. Рабочие вели индивидуальные лицевые счета, участвовали в движении за звание фронтовой бригады, за создание фондов в целях финансовой, материальной поддержки действующей армии.

Широкий размах получило движение комсомольско-молодежных бригад. Зародившись в октябре 1941 г., оно довольно быстро превратилось в силу, эффективно влиявшую на реализацию производственных планов. К октябрю 1944 г. таких бригад насчитывалось 114 692, в них входили около 800 тыс. молодых рабочих. За высокие достижения в труде многим бригадам присваивалось наименование фронтовых.

Крупные изменения произошли в сельской местности. Крестьянин прежде всего становился солдатом, причем в несшей наибольшие потери пехоте. На протяжении большей части войны деревня не знала никаких льгот по призыву. Быстро сокращалось ее трудоспособное население. В армию и промышленность в 1941–1945 гг. из колхозов ушли как минимум 13,5 млн мужчин-хлеборобов, механизаторов, техников⁴⁰. На фермах и полях работали в основном женщины, старики и подростки.

Из-за утраты территории при отступлении Красной армии в 1941–1942 гг. посевная площадь СССР сократилась на 41,9 %. Из районов, которые были оккупированы противником,

удалось заблаговременно эвакуировать более половины поголовья скота, принадлежавшего колхозам. Но сохранилось его только 13 %. Часть скота погибла в пути от артобстрелов и бомбардировок, много его было сдано советским воинским частям, а затем государству в виде заготовок в счет обязательных поставок колхозов тыловых районов⁴¹.

Сельское население жило и трудилось в очень суровых условиях. Тем не менее даже в самое тяжелое время (особенно в 1943 г., когда был получен наиболее низкий урожай сельскохозяйственной продукции) труженики села при соблюдении режима экономии обеспечили фронт и население необходимым продовольствием. «...Колхозы (артельно-кооперативное производство) дали стране 94,2 % хлебных заготовок. И это оказалось тем спасительным минимумом для населения и основой фронтового хлебного довольствия. Колхозное крестьянство внесло незаменимый, во многом жертвенный вклад в достижение экономической победы над врагом»⁴².

Высокую самоотверженность в тыловой работе проявляли представители всех возрастных групп населения, мужчины и женщины, рядовые рабочие, колхозники и руководители высокого ранга. Подростки в возрасте 14–17 лет нередко сутками не покидали территорию предприятий. К концу войны в промышленности, строительстве и на транспорте они составляли более десятой части общего числа работников.

В годы войны плодотворно трудились советские ученые. 23 июля 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение перенацелить работу научных коллективов на укрепление оборонной мощи страны. Ученые оказывали оперативную помощь предприятиям в освоении производства новых видов изделий, совершенствовании технологических процессов. Они внесли незаменимый вклад в поиск новых месторождений нефти и других полезных ископаемых, подготовку высококвалифицированных специалистов, создание новых образцов оружия и т. д. Вместе с тем они не прерывали фундаментальных исследований. С лета 1943 г. в АН СССР под руководством академика И. Курчатова возобновились исследования в области ядерной физики.

В интересах повышения военной мощи страны работали и те ученые, которые были репрессированы. Создавались особые конструкторские бюро (ОКБ) под надзором НКВД.

В народе их называли «шарашками». Одной из них руководил легендарный авиаконструктор А. Туполев, который со своими помощниками из числа заключенных сконструировал фронтовой бомбардировщик Ту-2 и в 1941 г. был освобожден из заключения.

Верность патриотическому долгу советские люди проявляли в самой экстремальной, даже безнадежной обстановке. Так, большинство попавших в окружение воинов Красной армии, понимая свою обреченность, продолжали сражаться: у них была уверенность в том, что их гибель не напрасна. В то же время среди оказавшихся в плену или в оккупации были и такие, кто служил немцам, считая, что Германия победит. Но основная масса советских людей, даже находясь на захваченной агрессором территории, верили в конечную победу Красной армии. Без этой веры были бы невозможны невооруженное сопротивление населения оккупантам, а тем

более — партизанское движение, подпольная борьба в городах.

Таким образом, главная особенность настроений военного времени у подавляющего большинства граждан СССР независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов — сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам, волна которой до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола, сообщений печати и радио о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор, осуществлявших грабительские замыслы правителей нацистской Германии. Именно здесь находился источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором нашей Великой Победы.

¹ Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского округа г. Москвы. М., 1950. С. 23.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196.

³ Гегель Г. Соч. М., 1934. Т. 7. С. 223; Российский энциклопедический словарь. М.: «Большая российская энциклопедия», 2000. С. 390.

⁴ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 223; Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. — М., 1999. С. 14.

⁵ Общественный контроль национальной политики безопасности. Материалы «круглого стола». М.: Научный эксперт, 2007. С. 165.

⁶ См., в частности: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М.: Наука, 1999; Государство и общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: ИВИ МО РФ. — 2002; Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002 // Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 453–468; Война и общество. 1941–1945 гг. В 2 книгах. М., 2004; Социология Великой Победы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. С. 254–307; Война и общество в XX веке. В трех кн. / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2008 // Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. С. 189–239 // 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; МГИМО (ун-т) МИД России. М., 2010 // Т. 3. С. 212–248; Т. 4. С. 15–22.

⁷ См.: Социология Великой Победы. С. 254.

⁸ 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Военно-историческая конференция. Специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу». 2001. № 2. С. 72.

⁹ XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 16.

¹⁰ Курицын В. М. Выступление на встрече историков, философов, деятелей культуры // 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 89.

¹¹ Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России (Русская правда). М.: Язуз, Эксмо, 2005. С. 82.

¹² Известия ЦК КПСС. 1990, № 3. С. 198–201; № 5. С. 191–192.

¹³ Вопросы истории, 2000. № 7. С. 42.

¹⁴ Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002. Книга 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 455.

¹⁵ Мировые войны XX века. С. 455.

¹⁶ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. С. 549.

¹⁷ Знамя. 1968. № 3. С. 36.

- ¹⁸ Данилов В. Н. Великая Отечественная война в российской истории // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук, № 3 (15). Военная история. Саратов, 2005. С. 13; См.: Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 184.
- ¹⁹ Советский Союз: накануне великих испытаний. Монография. Изд-во ГУП «Клинцовская городская типография», 2004. С. 360.
- ²⁰ Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 163.
- ²¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 23, 27–28.
- ²² Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателями. М., 1989. С. 80.
- ²³ Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. С. 169.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 3.
- ²⁵ Черепанов В. В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Издательство «Известия», 2006. С. 395.
- ²⁶ Прокофьев В. И. Александр Сахаровский. Начальник внешней разведки. М.: Яуза, Эксмо, 2005 (Незримый фронт). С. 39–40.
- ²⁷ Социология Великой Победы. С. 232–233.
- ²⁸ Социология Великой Победы. С. 233.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 7. Л. 3, 4. Заверенная копия.
- ³⁰ Военная Энциклопедия: В 8 томах. — Т. 2: Вавилония — Гюйс. М.: Воениздат, 1994. С. 44–45.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2374. Д. 92. Л. 21–23. Подлинник.
- ³² Социология Великой Победы. С. 239.
- ³³ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 271.
- ³⁴ История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941–1965. М., 1967. С. 43–44; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы. — М., 1974. С. 187, 189.
- ³⁵ Всероссийская Книга памяти... С. 272.
- ³⁶ Сталинградская битва в истории России: Восьмые юношеские чтения, 29 марта 2003 г. : Сборник докладов / Отв. ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 144.
- ³⁷ Там же. С. 144.
- ³⁸ Там же. С. 236.
- ³⁹ Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. С. 548.
- ⁴⁰ Всероссийская книга памяти... С. 296.
- ⁴¹ Там же. С. 300.
- ⁴² Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945: история и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 152.

Китайская прелюдия, или «Странная война на Востоке»

В. А. Корсун*

Зловещий тезис Фридриха Ницше, ставший знаменем исторического релятивизма и агностицизма — «Фактов нет, а есть только их интерпретация!», — кошмаром преследует исследователя, занимающегося историей Второй мировой войны, что является крайне неблагодарной миссией, особенно в свете участвовавших попыток, вплоть до ревизии учебников, не признавать и искажать ее ход и итоги. Беспристрастному анализу данного периода мешают страсти, не позволяющие, помимо прочего, перевести современный диалог КНР и Японии в прагматическую плоскость, скандалы, периодически разгорающиеся вокруг вопроса об «уроках антикитайской агрессии», «вопрос покаяния Японии», ставший главным «раздражителем» отношений двух стран за весь послевоенный период. Так во время визита Цзян Цзэминя в Токио в ноябре 1998 г. проблема обозначилась, получив новое толкование китайской стороны. Экспредседатель КНР тогда, в частности, заявил: «Япония виновата в гибели 35 млн жизней (раньше речь шла о 10 млн китайских жителей) и ущербе на сумму 600 млрд долл. (ранее фигурировали 300 млрд), огромных бедствиях, причиненных китайскому народу»¹. Японская сторона соглашалась признать факт агрессии и выразить по этому поводу «глубокое сожаление», уже высказанное японским императором во время его первого за всю историю визита в Китай в 1992 г., и правительством, но отказалась внести в текст совместной декларации четкую формулировку о принесении «извинения» перед китайским народом, что стало поводом к тому, что ожидав-

шегося подписания нового дипломатического документа, аналогичного действующему «Договору о мире и дружбе» 1978 г., по итогам этого саммита не состоялось.

Очевидно, что национально-освободительная борьба Китая против японских захватчиков началась задолго до того, как война приобрела характер мировой и стала для китайского народа весьма затяжной войной (14 лет), в ходе которой было уничтожено более 1,5 млн японских агрессоров. Единственным надежным компасом в анализе данных могут служить документальные знания и «нарративная стратегия» автора, пропустившего через себя потоки информации, выстрадавшего их и выстроившего логически продуманную сюжетно-событийную конструкцию. Важность подобного анализа определяется тем, что в послевоенные годы вслед за динамичными изменениями в международной обстановке участились попытки некоторых государств не признавать и искажать итоги Второй мировой войны, вплоть до ревизии учебников истории для сокрытия или приуменьшения совершенных преступлений, что, выходя за рамки научной проблематики, становится важной политической проблемой.

Попробуем восстановить адекватную картину восточного фронта войны в лице сопротивления китайского народа японским захватчикам. Своего рода арьергардными боями Второй мировой можно, в известной мере, считать китайско-японское вооруженное противостояние, начало которому положил так называемый «мукденский инцидент», т. е. взрыв поезда 18 сентября 1931 г.

* Владимир Андреевич Корсун — к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России.

на железнодорожном полотне принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) в районе местечка Лютяоху, недалеко от Мукдена (ныне город Шэньян). Этот взрыв, организованный, как выяснилось впоследствии, японским полковником Доихара, был объявлен китайской диверсией и использован японской Квантунской армией, расквартированной в области Гуаньдун на Ляодунском п-ве, бывшей до Первой мировой войны германской колонией, в качестве предлога для массированного вторжения в Маньчжурию. С известными оговорками, именно эту дату «события 18 сентября» можно считать началом «войны сопротивления китайского народа Японии» и внесения Китаем своего весомого вклада в итоговый разгром японского милитаризма в мировой войне.

Оговорки связаны, прежде всего, с тем, что «японский фактор» стал неотъемлемой составляющей внутривнутриполитической ситуации Китая, а собственно «японский период» в китайской истории начался задолго до этого. Связан он был с сокрушительным разгром Китая в войне 1894–1895 годов «мелким государством», своим еще недавним «данником» и «вассалом» — модернизированной в результате «реставрации Мэйцзи» Японией. Данное поражение явилось мощным фактором, приведшим к краху китайской «политики самоусиления» и давшим импульс реформаторскому движению в Китае. Еще более впечатлила китайцев победа Японии над царской Россией в войне 1904–1905 гг., породившая целый «бум» японофильских настроений и всплеск надежд на особую «освободительную» миссию «страны восходящего солнца» в Азии в силу расовой и культурно-исторической близости. Впоследствии это воплотилось в доктрину «панasiatизма», которая стала активно культивироваться японскими шовинистическими кругами. Произшедшая при мощной финансовой и политической поддержке Японии Синьхайская революция 1911 года, результатом которой было «снятие» некоего общекитайского «колпака» и понижение уровня деспотии до региональных милитаристских «пирамид», порой еще более деспотической власти, казалось бы, выбила почву из-под китаеццентристской модели построения международных отношений. Провал так пугающей Токио попытки Юань Шикая, (покрывшего себя позором капитулянта, принявшего в 1915 г. известные унижительные «21 требование» Японии), воссоздать монархию лишил эту модель имперского содержания, а длительный раскол

страны — единого полюса «магнетизма». Наконец, невиданный плюрализм идей, пришедший на смену прежней монополии конфуцианства, создавал идеологические предпосылки для перехода от «традиционализма» к «модернизму», в том числе и в сфере равноправных взаимоотношений государств как носителей национального суверенитета. Тем не менее, история Китая XX века свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а, скорее, об их трансформации и послойном «нанизывании» на некий китаеццентристский стержень. Китайская традиционная культура оказалась недостаточно гибкой, слабо расчлененной, слишком высокомерной и этноцентричной для того, чтобы быстро воспринять и «переварить» обрушившийся на нее поток разнообразных «образцов поведения». Динамизм внутренних и внешнеполитических событий новейшего времени не давал возможность «передохнуть» и провести тщательную селекцию и дозированную апробацию заимствуемых идей и институтов, особенно в сфере международного общения.

Данный этнопсихологический стереотип наиболее рельефно проявился в диалоге с Японией, с которой, помимо географической, исторической и культурной близости, китайцев всегда связывал сложный комплекс противоречивых чувств, настроений и эмоций, взаимной подозрительности и недоверия, мешающих встречному движению к пониманию друг друга и сотрудничеству. Лишь последние десятилетия внесли некоторую коррекцию во взаимоотношения двух представителей конфуцианской цивилизации, прекрасно знающих друг друга и выработавших четкую систему сигналов, позволяющую двум странам успешно лавировать в сложном сплетении факторов сближения и отчуждения.

Если взглянуть на дальнейшую эволюцию китайской государственности и «особых» китайско-японских отношений через «призму» подобной китаеццентристской модели, то межмилитаристские войны, в которых активно участвовал и Сунь Ятсен (как известно, создавший свою партию «Объединенную лигу» — «Тунмэнхуэй» — в 1905 г. в Токио), можно назвать борьбой не только за право называться «собирателем китайских земель», но и за монопольное право обладателя некоего универсального «мандата». Становится понятным, в связи с этим, почему кульминационной составляющей учения

«трех народных принципов», наполняющего его масштабностью и «вселенским» содержанием, выступает идея лидерства Китая в некоем «Национальном интернационале» «всех угнетенных наций и государств», «слабых и малых народов», «желтых и цветных» в пике Лиги Наций, «граблящих Восток империалистических государств» во всемирном противодействии социально-этических ценностей Востока «грубому материализму» Запада. Так, в выступлении Сунь Ятсена в 1924 г. в Высшей женской школе Кобэ, озаглавленном «Паназиатизм» («Даясяичжуи»), содержался открытый призыв к Японии отказаться от «империалистических поползновений», вспомнить о «расовой, культурной, региональной и экономической близости», «начать движение за возвращение на Восток» и «встать в едином фронте с Китаем»².

Разделял руководитель Гоминьдана и имевшее хождение на уровне обыденного сознания суждение относительно того, что японцы должны отказаться от своих честолюбивых устремлений и, «вернувшись на Восток», отплатить свой исторический долг Китаю (за заимствованную у него культуру) плодами воспринятой ею западной цивилизации³. Не случайно, именно подобное, типологически относящееся к традиционно-конфуцианскому, прочтение суньятсенизма Дай Цзитао, (секретаря и личного переводчика Сунь Ятсена, получившего образование в Японии), придающее ему пафос «антиимпериализма» и возводящего в функции «русской революции трех народных принципов», в ранг некоей интернациональной доктрины, «теоретически не ограничивающейся Азией, а охватывающей слабые и малые нации всего мира», возобладало после кончины Сунь Ятсена. Построения в духе идеи «Датун» («Великого единения») народов Азии под эгидой возрождающего свое былое могущество Китая, обеспечивающей Китаю выполнение его «миссии» («шимин») (тот же иероглиф «мин» — «мандат»), было признано «истинным» и стало идеологической основой гоминьдановского режима⁴.

Идея «паназиатизма», получившая особое развитие на японской почве, получила значительный резонанс в Китае, в первую очередь потому, что своей основной посылкой относительно «общности судеб» азиатских народов она хорошо укладывалась в парадигму «китайского мирового порядка» и порождала надежды на то, что при содействии Японии Китай будет играть достойную, по сути дела руководящую

роль в паназиатском союзе народов желтой расы, станет заслоном на пути проникновения государств белой расы в Азию. Многие китайские японофилы не сразу осознали, что идея паназиатской общности народов Восточной Азии в ее японской интерпретации является не более, чем прикрытием экспансионистских планов воинственно настроенных кругов в Токио, уверенных в том, что сильный и процветающий Китай несовместим с самим понятием безопасности Японии. Приверженность Сунь Ятсена теории восточноазиатской солидарности двух стран в противопоставлении Западу, зафиксированная в его письме премьер-министру Японии Окума от 11 мая 1914 г. и получившая развитие в лекциях о национализме в Кобэ в 1924 г., т. е. уже после позора «21 требования» в 1915 г. и «движения 4 мая» в 1919 г., стала своего рода «священной коровой» для целого поколения прояпонски настроенных идеологов типа Ван Цзинвэя, считавшего себя наиболее последовательным продолжателем дела Учителя. Обращает на себя внимание то, что ни неоднократные факты «унижения» Китая со стороны Японии, ни регулярно следующие за ними и умело дирижируемые властями волны антияпонских настроений, погромов и бойкотов японских товаров, среди которых выделяется своим размахом и накалом «движение 4 мая 1919 года» не сумели окончательно и беспощадно обнажить масштабы японской угрозы, нависшей над Китаем, в глазах многих китайских интеллектуалов, среди которых оказался и д-р Сунь Ятсен. Не случайно, некоторые западные авторы, в частности М. Дженсен и Г. Шифрин критикуют Сунь Ятсена «слева» за политику уступок державам, в частности Японии, и даже обвиняют его в том, что временами он выступал «апологетом японской экспансии и даже орудием агрессии»⁵.

Как известно, поддержанный Коминтерном «Северный поход» Национально-революционной армии, ставящий задачу объединения Китая под властью Гоминьдана, с самого начала встретил резкое противодействие Токио, настаивавшего на том, чтобы военная акция гоминьдановцев была ограничена пределами Великой стены. Японское правительство не допускало саму мысль о восстановлении полного единства Китая, что было чревато укреплением мощи «Срединного государства», а, следовательно, и рецидивами возрождения традиционных китаецентристских комплексов, грозящих реанимацией статуса Японии как «коротконового

варвара» и «данника». Сформированный в 1927 г. кабинет японского премьера Г. Танаки заверил новый чанкайшистский режим в Нанкине — Национальное правительство, которое Япония признала последней из капиталистических держав лишь в январе 1929 г., что если тот сосредоточит усилия на борьбе за искоренение «коммунистического влияния» и установление «нового порядка» в контролируемом им районе, т. е. в Южном и Центральном Китае, Япония гарантирует ему свою «симпатию» и «моральную поддержку», в том числе в обеспечении таможенной автономии и отмены экстерриториальности в Китае. Когда же летом 1927 г. из Гоминьдана были изгнаны коммунисты и были закрыты все советские консульства и отделения торгпредства на территории, контролируемой нанкинским правительством, Токио использовал весь набор дипломатических и военно-политических средств, дабы сорвать под предлогом охраны японских подданных в Северо-Восточном Китае Северный поход и объединение Китая.

В докладе на состоявшейся в Токио так называемой Восточной конференции с участием представителей военных и дипломатических кругов высокого ранга Г. Танака провозгласил основным принципом японской политики в Китае обеспечение «мира» в Восточной Азии и достижение «сопроцветания» Японии и Китая. Материалы этой конференции были положены в основу составленного с особым цинизмом и откровенностью пресловутого секретного документа, предоставленного 25 июля 1927 г. Г. Танака императору Хирохито (Сёва) и называвшегося «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В нем, в частности, говорилось: «Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравляет на нас Китай... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы» Фактически этот грандиозный план резервировал за Японией в условиях мирового экономического кризиса право на контроль над политико-экономическим развитием Китая, на

вмешательство в его внутренние дела и нацеливал японскую военщину на поэтапное расчленение Китая и превращение его в японскую колонию⁶.

«События 18 сентября 1931 г.», т. е. массированное вторжение японских войск в Маньчжурию, казалось бы, полностью раскрыли истинные экспансионистские цели Токио, но, тем не менее, нанкинское правительство, требуя полного вывода японских войск и уплаты Китаю контрибуции за понесенные убытки, не только уклонялось от активного сопротивления японской агрессии, стремясь любой ценой избежать войны с Японией и продолжая искать пути мирного решения конфликта, но и всячески старалось демонстрировать свое стремление к сближению. При этом Нанкин не прекращал дипломатическую борьбу с западными державами за отмену «неравноправных договоров», в первую очередь за таможенную автономию и отмену права «консульской юрисдикции» или экстерриториальности иностранцев. Напомним, что в период событий в Маньчжурии японские войска насчитывали там всего лишь 10 тыс. человек, в то время как численность китайской армии, реорганизованной и обученный под руководством, вначале советских, а позднее сменивших их немецких военных советников, доходила в этом регионе до 300 тыс. Тем не менее, председатель ЦИК Гоминьдана и главнокомандующий Чан Кайши (как известно, он в свое время окончил военный колледж в Японии) отправил телеграмму маршалу Чжан Сюэяну, в которой назвал действия японской армии «заурядной провокацией» и во избежание расширения конфликта приказал воздержаться от сопротивления и отступать, ибо китайские вооруженные силы в политическом, организационном и материальном отношениях еще не в состоянии противостоять японским войскам на поле боя⁷. Подобная пассивная позиция Чан Кайши, исходящая из необходимости оттянуть время и добиться дипломатическими усилиями соотношения сил на международной арене в пользу Китая, получила в современной китайской историографии определение «политика несопротивления» и оценивается эпитетами «капитулянтство», «продажа родины» и т. п. Однако не только военно-политической слабостью Китая и упованиями на западные державы, пакт Бриана–Келлога 1928 г. (предусматривавший отказ подписавших его стран от использования силы при решении международных споров)

и Лигу Наций, куда Китай обратился 21 сентября, объясняется отказ Нанкинского правительства от активного сопротивления японцам. Очевидно, что в Нанкине не оставляли надежды договориться с Токио, что объясняет нежелание гоминьдановского руководства объявлять войну Японии, разрывать с ней дипломатические отношения, а также его стремление, выдержав стратегию паузы, интенсифицировать переговоры с Токио, для чего в Нанкине был создан специальный комитет по иностранным делам во главе с Дай Цзитао для поисков путей мирного решения конфликта⁸.

Рассмотрение китайского вопроса в Лиге Наций, несмотря на все усилия китайской дипломатии, отказывавшейся от прямых двусторонних переговоров с Японией до отвода войск и восстановления положения на 18 сентября 1931 г., закончилось для Центрального правительства Китая безрезультатно. Ни беззубые, лишённые каких-либо санкций против агрессора резолюции Совета Лиги, ни пресловутая наблюдательная комиссия во главе с лордом Литтоном, ни декларативная «доктрина непризнания» госсекретаря США Г. Стимсона о неприемлемости каких-либо договоров и соглашений, затрагивающих интересы США, а также суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китайской Республики не смогли предотвратить дальнейшую агрессию Японии. Европейские державы, и в частности Великобритания, сочли невозможным осуждение агрессии Японии, ибо полагали, что Токио «добросовестно соблюдает» в Маньчжурии принцип «открытых дверей и равных возможностей». Прикрываясь тезисом о «неорганизованном» характере китайского государства и его неспособности соблюдать права японских подданных, Япония за короткое время оккупировала всю Маньчжурию, где уже в марте 1932 г. создала марионеточное государство Маньчжоу-дго во главе с последним императором Цинской династии Пу И. Затем ее войска захватили Цицикар в пров. Хэйлунцзян, овладели Цзиньчжоу, подвергнув город, впервые в мировой истории (задолго до испанской Герники), жесточайшей бомбардировке и отбросили китайские войска до Шанхайгуаня, т. е. за Великую китайскую стену.

Не помог китайским властям, не исключавшим возможности предварительного сговора Японии с другими империалистическими державами, даже шантаж западных правительств перспективой союза Нанкина с Советской

Россией⁹. В свою очередь, японские правящие круги, пытаясь предотвратить вмешательство Запада в маньчжурские события, всячески подчеркивали антисоветскую и антикоммунистическую направленность своей агрессии. Подобного варианта развития событий не исключала и Москва, поэтому Советский Союз, зондируя почву для подписания пакта о ненападении с Токио, развернул активную деятельность по организации международной поддержки Китая, форсировал восстановление дипломатических отношений с Китаем ранее прерванных из-за враждебной деятельности китайской стороны, спровоцировавшей в 1929 г., вооруженный конфликт с СССР. Стратегически Китай выступал в роли гигантской буферной зоны между СССР и Японией по всему периметру восточных границ СССР. Ситуация «борьбы всех против всех» и постоянные опасения провокаций с целью вовлечения СССР в конфликт с Японией, свидетельством чему служило стремление местных китайских военачальников вести бои с японскими частями вблизи советско-японской границы и неоднократно переходить ее, укрываясь от преследования японцев, заставляли советскую дипломатию занимать особенно осторожную позицию. Однако уже в конце июня 1932 г., в Женева начались переговоры между китайским дипломатом Янь Хуэйцинем (Иен) и советским представителем М. М. Литвиновым о восстановлении дипломатических отношений и подписания по инициативе китайской стороны пакта о взаимном ненападении. К 12 декабря 1932 г. дипломатические и консульские отношения между странами были восстановлены, и Москва приступила к массовой морально-политической, дипломатической и военно-технической поддержке Китая, направляя в Китай советников, оружие и боеприпасы, а также предоставляя льготные кредиты на закупку вооружений. Значение этой помощи подтверждали многочисленные изъявления благодарности со стороны тогдашнего китайского правительства¹⁰. Ответом Японии послужили многочисленные «инциденты» на КВЖД и участвовавшие провокации японской военщины на советской границе. Весьма показательно также и то, что пакт о ненападении, предложенный Советским Союзом ранее, был отклонен японским правительством в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между СССР и Китаем.

Войдя во вкус и пользуясь тем, что западные державы до начала Тихоокеанской войны

в декабре 1941 г. строго придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке, Япония направила в начале 1932 года свой морской экспедиционный корпус в Шанхай «для защиты жизни японских граждан». В условиях общенационального порыва патриотизма ЦИК Гоминьдана даже был готов перенести столицу в западный г. Лоян на случай «затяжного сопротивления», но на разрыв дипломатических отношений и объявление войны Японии Нанкин не решился¹¹. Несмотря на то, что новый акт агрессии Японии задевал собственность и интересы держав в Шанхае и в дельте Янцзы, Лига Наций и на этот раз не смогла предложить действенных мер по обузданию японской военщины и ограничилась посредническими услугами в проведении китайско-японских переговоров, результатом которых явилось подписание 5 мая 1932 года соглашения о перемирии, восстанавливающее положение на 28 января: китайские войска не имели права вступать в зону Большого Шанхая; японские войска отводились на территорию международного селтльмента. Вероятно, подписать подобное, подрывающее престиж Китая, соглашение заставило раскалываемый коррупцией, распрями и противоречиями Нанкин давление шанхайской буржуазии, заинтересованной в нормальном функционировании промышленности и торговли города, а также стремление освободить силы для борьбы с коммунистами, которые придерживались установки на борьбу одновременно против японского империализма и против Чан Кайши¹².

Ради собственных интересов державы не хотели подвергать себя опасности вовлечения в войну с Японией и, опасаясь за судьбу своих колоний, готовы были пожертвовать суверенитетом и территориальной целостностью Китая, дабы канализировать дальнейшую агрессию Японии в нужном для себя направлении. Осознавая это, нанкинское правительство, разуверовавшись в способности Лиги Наций принять какие-либо санкции против агрессора, продолжало использование тактику антияпонских бойкотов и вооруженных отрядов добровольцев в Северо-Восточном Китае, но, наряду с этим, выразило готовность вступить в переговоры с японской стороной при участии представителей США и СССР на основании резолюции Совета Лиги от 11 марта 1932 г. и 3-го параграфа гл. 9 доклада Комиссии Литтона¹³. В это время японские войска после трехдневных кровопролитных боев захватили город Шанхайгуань у во-

сточной оконечности Великой китайской стены, овладели всей провинцией Жэхэ и вторглись в собственно провинцию Внутреннего Китая Хэбэй, создав угрозу всему Бэйпин-Тяньцзиньскому району. Китайские войска терпели поражения и стремительно отступали. Ситуацию не могла уже изменить принятая 24 февраля 1933 года резолюция Ассамблеи Лиги Наций по докладу комиссии Литтона, в которой, с одной стороны, признавался незаконным захват Маньчжурии японскими войсками и содержался призыв к членам Лиги Наций не признавать де-юре и де-факто Маньчжоу-го, а с другой — отмечалось наличие «особых прав и интересов» Японии в Северо-восточных провинциях Китая. В связи с принятием этого документа японская делегация покинула Женеву, а 27 марта 1933 года последовала формальная нота японского правительства о выходе Японии из Лиги Наций.

Правительство Советского Союза в соответствии с политикой строгого нейтралитета не приняло предложение Лиги Наций о присоединении к данной резолюции, а 2 мая 1933 года нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил о готовности начать предметные переговоры об уступке Маньчжоу-го всех прав на КВЖД. Акт о продаже КВЖД к огромному неудовольствию правительства Чан Кайши, которое осознавало, что ликвидация этого потенциального «яблока раздора» уменьшала риск советско-японского столкновения, на которое постоянно рассчитывало гоминьдановское руководство, был подписан в марте 1935 года. Гоминьдановскому правительству, которое возглавил прояпонски настроенный Ван Цзинвэй и основные войска которого были заняты борьбой с военными силами КПК в пров. Цзянси, ничего не оставалось, как начать, сперва в Бэйпине, а затем в Тяньгу, секретные переговоры с Японией, завершившиеся подписанием 31 мая 1933 г. соглашения о перемирии. По этому, крайне тяжелому для Китая соглашению (подписавший его министр иностранных дел Ло Вэньган был вынужден вскоре уйти в отставку), Великая китайская стена фактически стала границей между Китаем и Японией, а китайские войска лишились права заходить в демилитаризованную зону протяженностью в 5 тыс. миль, охватывающую северо-восточную часть пров. Хэбэй от Великой стены до Бэйпина и Тяньцзина. Власть на этой обширной территории, охватывающей две провинции, передавалась созданным японцами марионеточным Политсоветам¹⁴.

Соглашение в Таньгу имело не только чисто военные, но и, как показали дальнейшие события, важные политические последствия. По сути, оно означало поворот от политики «переговоров и ограниченного сопротивления» к поиску путей компромисса с Японией по самым принципиальным вопросам. 28 июля 1933 г. от имени Ван Цзинвэя и Чан Кайши была провозглашена «политика спасения родины», которая сводилась к тому, что сначала необходимо уничтожить коммунистов для того, чтобы «укрепить мощь государства», а затем сконцентрироваться на внешних проблемах. При этом, опасаясь спровоцировать Японию на очередное развязывание военных действий, Нанкин запретил все антияпонские выступления, прекратил всю антияпонскую пропаганду, включая школьные учебники, и распустил шанхайское «Общество по спасению родины». В октябре 1933 г. Китаем была достигнута договоренность с Японией об установлении железнодорожной, почтовой и торговой связи с Маньчжоу-го. Тогда же Нанкин изъявил готовность полностью покончить с антияпонскими настроениями в Китае, за что японские власти обещали предоставить Чан Кайши заем и военное снаряжение для «уничтожения коммунистических сил». В японских правящих кругах в это время также стала брать верх группировка, которая считала, что для успешной войны с СССР необходимо договориться с Чан Кайши и с его помощью превратить Китай в «антисоветский» и «прояпонский», что позволило бы обеспечить «спокойный тыл» для японской армии. На возможность японо-китайского сговора указывали и акции Чан Кайши, который осуществил операцию по уничтожению объединенной антияпонской армии, созданной в мае 1933 г. в Северном Китае, и вполне безбоязненно сконцентрировал основные вооруженные силы для борьбы против советских районов в Южном Китае. Проходившие в это время китайско-советские переговоры по вопросу о заключении пакта о ненападении не давали в этих условиях никаких результатов, ибо не только Китай, но и Советский Союз занимал двойственную позицию, так как в его политике большую роль играл идеологический фактор¹⁵.

Воспользовавшись после заключения соглашения в Таньгу некоторой передышкой, когда Япония временно ослабило военное давление на Китай, Нанкин сосредоточился на наращивании экономической и военной мощи страны. В центре внимания китайских лидеров оказа-

лись вопросы получения технической помощи от Лиги Наций и содействия США в строительстве военно-воздушных сил Китая¹⁶. Однако главную роль в модернизации китайских вооруженных сил играла Германия, из которой в апреле 1934 года приехал генерал Сект, сразу же назначенный заместителем Чан Кайши и подключенный к планам модернизации китайской армии и организации национальной обороны на случай расширения японской агрессии в Северном Китае. На протяжении 1933–1934 гг. проходили активные переговоры нанкинского правительства с представителями немецких фирм, проявивших большой интерес не только к продаже оружия, но и к вложению капиталов в развитие экономики Китая. С приходом к власти Гитлера стали укрепляться и расширяться контакты и в политической области. К неудовольствию Токио отношения Нанкина и Берлина изменились от настороженных (в связи с неопределенной позицией Германии в период маньчжурских событий) до крайне благожелательных¹⁷. Одновременно прояпонски настроенные гоминьдановцы, воспользовавшись уходом в отставку с постов министра финансов и заместителя председателя исполнительного юаня антияпониста Сун Цзывэня, продолжали попытки дальнейшего сближения с Японией. В ходе секретных переговоров с представителем Японии в Китае Акиро Ариоси Нанкин, власть которого к 1934 г. распространялась только на половину из 18 традиционных провинций собственно Китая, пошел на ряд уступок в вопросе о доминировании Японии в «демилитаризованной зоне». Симптоматично прозвучало в ходе переговоров скандальное заявление руководителя информационного отдела МИД Японии Х. Амо особой миссии Японии в Восточной Азии и о недопустимости каких-либо действий со стороны третьих стран, таких, как продажа Китаю оружия, военных самолетов, направление советников, предоставление займов, которые могут привести к ухудшению отношений Японии с Китаем. Подобная версия «доктрины Монро» для Азии и попытка, в нарушение принципа «открытых дверей», монополизации контроля над внешней политикой Китая вызвала далеко неоднозначную реакцию держав. Но и в этом случае, рассчитывая повернуть в дальнейшем экспансию Японии против СССР и добиться с ней сделки за счёт Китая, правительства США и Великобритании не шли дальше умеренного осуждения действий Японии. Более того, они

продолжали крупные поставки в Японию стратегических материалов, помогавших ей наращивать военный потенциал¹⁸.

Между тем, «медовый месяц» в китайско-японском диалоге в обстановке внутреннего экономического кризиса в Китае и потенциальной коммунистической угрозы продолжался и в повестку дня даже встал вопрос о заключении китайско-японского договора о дружбе. Так, председатель китайского правительства Ван Цзинвэй следующим образом прокомментировал произнесенную 21 января 1935 г. парламентскую речь министра иностранных дел Японии Хиро-та, призывавшего с помощью «мягкой политики» улучшать отношения с Китаем: «Сейчас я хочу подчеркнуть со всей откровенностью и серьезностью, что мы желаем решить все осложнения между двумя странами с полной искренностью и мирными средствами, а также с помощью регулярных контактов для того, чтобы все взаимные подозрения и все разговоры и действия, взаимно отвергающиеся и наносящие вред, могли бы постепенно быть искоренены и таким образом могли быть осуществлены надежды на тесную дружбу между двумя странами». Для реализации этих планов в феврале 1935 г. в Японию был направлен крупный гоминьдановский политический деятель Ван Чунхуэй, который после переговоров с японскими официальными лицами заявил: «Я покидаю гостеприимный берег Японии... в счастливой надежде, что кое-что сделал для того, чтобы положить конец ненужному отчуждению между двумя странами, имеющему место последние два года...»¹⁹.

Однако расчетам гоминьдановского правительства не суждено было сбыться. Япония продолжала расширять агрессию, применяя не только военные, но и «дипломатические» средства. Переговоры привели к тому, что Япония добилась права расширить свое политическое и экономическое влияние на провинции Чахар и Хэбэй. Становилось все более очевидным, что представители военных кругов Японии не склонны верить в искренность заявлений нанкинского правительства по поводу китайско-японской дружбы и ставили перед собой задачу, отколов от Китая Северо-Восток, Север и Внутреннюю Монголию, свести статус нанкинского правительства до уровня регионального правительства в долине Янцзы. Тем не менее, уже в 1935 г., поверив в провозглашенный МИД Японии новый курс в отношении Китая

и окончательно разочаровавшись в содействии Запада и Лиги Наций в обуздании Японии, правительство Гоминьдана, посты премьер-министра иностранных дел в котором совмещал склонный к сближению с Японией Ван Цзинвэй, пошло на принятие за основу для переговоров о заключении китайско-японского договора о дружбе известных «трех принципов Хиро-та»: 1) подавление полностью антияпонского движения, отказ от ориентации на Европу и Америку, курс на дружбу с Японией; 2) официальное признание Маньчжоу-го и развитие с ним активных экономических и культурных связей, особенно в прилегающих северных провинциях Китая; 3) сотрудничество с Японией в северных провинциях в целях предотвращения коммунистической угрозы. Нанкин был готов принять эти принципы за основу ведения официальных переговоров об условиях договора о ненападении²⁰.

Защищаясь от нападок и обвинений в капитулянтстве со стороны антияпонски настроенных лидеров Гоминьдана и воинствующих радетелей соблюдения конфуцианских нравов «синерубашечников», Ван Цзинвэй с пафосом подчеркивал, что японское правительство демонстративно отказалось от использования в отношении Китая термина «Джина», который китайцы считали уничижительным, а стали пользоваться термином «Китайская республика» («Чжунхуа миньго»), что из четырех государств (США, Англия, Франция, Япония) Япония первая пошла в мае 1935 года на повышение статуса дипломатических представителей с Китаем до ранга посла. Оправдывая бойкот японских товаров и запрещении анти-японской пропаганды, он обильно цитировал вышеупомянутое «паназиятское» выступление Сунь Ятсена в Кобэ, где последний призывал народы Японии и Китая сотрудничать во всех областях в целях достижения «благоденствия» обеих стран. Примечательно, что Чан Кайши, в свою очередь, в своей работе 1942 года «Судьбы Китая» утверждает, что, оказывается, он никогда не питал иллюзий и всегда оценивал «три принципа Хиро-та» как попытку подчинить Китай Японией в политическом и экономическом плане²¹. Еще более примечательно, что, по мнению китайского историка Ван И, привлеченная на данном этапе в качестве посредника для урегулирования китайско-японских разногласий Германия даже пригласила Китай принять

участие в проходивших в то время секретных германо-японских переговорах и Риббентроп даже зондировал возможность присоединения Китая к союзу Германии и Италии, направленному против СССР²².

После провокационных действий японцев в провинциях Хэбэй и Чахар, которые показали, что они приступили к претворению в жизнь плана отделения Северного Китая и создания там автономного государства, в Гоминьдане и правительстве усилилась оппозиция Ван Цзинвэю и тем, кто выступал за политику компромиссов и уступок в отношении Токио. Председатель Военного Совета Чан Кайши и поддержавшие его Сун Цзывэнь, Кун Сянси, Сунь Фо, а также лидеры многих патриотических организаций, распространяющих антияпонские настроения по всему Китаю настаивали на том, что уступки и компромиссы китайского правительства в отношениях с Японией должны иметь определенные пределы. В ответ на это Токио усилило свое военное и дипломатическое давление на Нанкин. После обострения обстановки в Северном Китае летом и осенью 1935 года Чан Кайши стал еще настойчивее стремиться к соглашению с Советским Союзом, предлагая заключить китайско-советский договор о взаимопомощи. Помимо возможности получать от СССР военно-техническую помощь, ради чего выражалась готовность урегулировать отношения с китайскими коммунистами, прекратив против них военные компании, Чан Кайши явно стремился втянуть Советский Союз в войну с Японией и, если будет возможно, повернуть агрессию на север. В декабре 1935 г. возобновились встречи Чан Кайши с советским послом в Китае Д. В. Богомоловым²³.

Участившиеся в 1935–1936 гг. провокации японской военщины на советско-маньчжурской границе и на границе МНР поставили советское и монгольское правительства перед необходимостью усиления совместных оборонительных мер. 12 марта 1936 г. они подписали Протокол о взаимопомощи. Это вызвало недовольство Нанкина, как якобы противоречащее советско-китайскому соглашению 1924 г., и бурю негодования со стороны Японии: Протокол обеспечивал прочные гарантии безопасности МНР, между тем, по упомянутому нами плану лидера милитаристских кругов Японии генерала Гиити Танака, она должна была быть захвачена сразу вслед за Маньчжурией. Кроме того, военные круги Японии в подписании

Протокола усматривали готовность Советского Союза заключить аналогичное соглашение и с Китаем. Недаром генерал Тодзё, в те годы начальник штаба Квантунской армии, «предупреждал генералитет штаба армии о возможности коалиционного объединения Китая с Советским Союзом»²⁴.

Укрепление позиции нанкинского правительства и, прежде всего, группировки Чан Кайши, его мероприятия по объединению страны, развитию экономики и усилению обороноспособности вызывали тревогу правящих кругов Японии. Многие источники сообщали, что Нанкин закупал в больших количествах оружие нового образца и военное снаряжение, главным образом в Германии и США, в обмен на китайское сырье. В Токио понимали, что если сейчас не вмешаться в сложившуюся ситуацию, то в ближайшем будущем преодолевший внутренние распри, сильный и объединенный Китай положит конец амбициозным планам по установлению господства в Азии Японии, стремительная модернизация экономики которой, изрядно потрепанной мировым экономическим кризисом, испытывала все большую нехватку как сырья, так и рынков сбыта. Рычагом своей политики в Китае Токио избрал наращивание численности своих войск на Севере и форсирование сепаратистского движения. Так 27 мая 1936 г. была провозглашена независимость от Китая Внутренней Монголии во главе с князем Дэваном, который объявил себя главнокомандующим и пригласил японских советников. При этом в Японии не скупилась на «кровнородственные» официальные заверения о «полнейшей симпатии» к Китаю в его борьбе с посягательствами Запада, «понимании» национальных чаяний китайцев и о совершенно особом характере отношений с ним на основе «сосуществования и сопроцветания» и т. п. Любопытно, что, по известной «зеркальной» аналогии с сюжетами китайско-японских отношений сегодняшнего дня, когда Пекин призывает Японию «вернуться в Азию», практически на протяжении всей первой половины XX века официальный Токио усиленно добивался отказа Нанкина от сотрудничества с западными державами, (министр иностранных дел Японии Хирота даже призывал Китай выйти из Лиги Наций²⁵. Япония также упорно настаивала на прекращении распространения в Китае антияпонских настроений и бойкотов, роспуске всех антияпонских организаций, а также на пересмотре китайских

школьных программ и учебников, представляющих Японию и японцев в негативном свете (!). Таким образом, сложился некий порочный круг, когда акты агрессии Японии вызывали вспышки антияпонских действий, а угрозы жизни, имуществу и правам японских граждан, в свою очередь, провоцировали новые военные операции японских войск²⁶.

В течение 1935–1936 гг. Япония активно разрабатывала военные планы овладения внутренним Китаем. Подготовленный к 1937 г. Генеральным штабом армии план войны предусматривал захват крупнейших китайских городов и оккупацию Северного, Центрального и Южного Китая силами 9–11 дивизий в течение двух–трех месяцев. Подготовка к тотальной войне, а также усилия по идеологическому ее обеспечению активизировались с приходом к власти в мае 1937 г. нового премьер-министра Ф. Коноэ. Свой агрессивный курс Япония прикрывала стремлением помочь китайскому народу и другим народам Азии освободить «восточноазиатский дом» от коммунизма, за которым прослеживалась «рука Москвы» и засилья западных стран, отбросить чуждую народам Восточной Азии западную цивилизацию. Между тем, в декабре 1936 г. в Китае произошли так называемые «сианьские события» (арест Чан Кайши в г. Сиань патриотически настроенными генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном и освобождение его, в т. ч. при активном содействии правительства Советского Союза, Коминтерна и руководства КПК), которые знаменовали собой конец гражданской войны, консолидацию всех сил Китая и начало формирования второго периода сотрудничества («второго единого фронта») Гоминьдана и КПК как организации сопротивления Японии в масштабе всей страны. По настойчивой рекомендации Москвы руководство КПК во главе с Мао Цзэдом, перебазировавшееся к этому времени в ходе 10 000-километрового Великого похода в Особый район Китая на стыке границ Китая, Монголии и СССР со столицей в г. Яньань, выразило готовность «во имя национального спасения» прекратить вооруженную борьбу против Нанкина, переименовать китайское советское правительство в управление Особого района Китайской Республики, а китайские Красные армии — в Национально-революционную армию (название, которое официально носили гоминьдановские войска) и подчинить ее Военному совету нанкинского правительства. В июне 1937 г. для встречи с Чан Кайши в Кулинь направилась

делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем, в активе которой было предложение Москвы заключить не только пакт о ненападении, но и договор о взаимопомощи²⁷.

Переговоры с коммунистами в условиях общенационального патриотического подъема вызвали недовольство прояпонских элементов в Гоминьдане и правительстве, которые всячески старались сорвать их, а компартию ликвидировать. Ван Цзинвэй и его сторонники искали такие пути примирения с Японией, которые могло бы одобрить большинство лидеров Гоминьдана. С этой целью в мае 1937 г. Ван Цзинвэй встретился с германским послом в Китае Траутманом и обсудил с ним широкий круг вопросов, в том числе возможность присоединения Китая к подписанному в ноябре 1936 г. японо-германскому антикоминтерновскому пакту. Траутман попытался убедить Ван Цзинвэя, так же как и позднее Гитлер убеждал министра финансов Кун Сянси во время визита того в Германию (дипотношения с Германией Китай разорвал только в июле 1941 г.), что пакт представляет собой особый тип политического соглашения, не имеющий антикитайской направленности, и предложил, чтобы, учитывая непопулярность в Китае идеи установления связей с фашистскими государствами, Нанкин присоединился к пакту тайно²⁸. Реализации этой идеи на данном этапе помешали поиски китайской дипломатии широкого блока союзников в возможной войне с Японией с участием западноевропейских держав, США и СССР. Однако попытка сформировать систему коллективной безопасности на Дальнем Востоке в преддверии новой японской агрессии в Китае не удалась. Последней такой попыткой было предложение Советского Союза Нанкину через своего посла в Китае 5 июня 1937 г. обратиться к великим державам с инициативой заключить региональный пакт о взаимопомощи, а также созвать тихоокеанскую конференцию с участием этих стран. Причем, если бы эта конференция не оправдала возлагающихся на нее надежд, Советское правительство изъявило готовность вести переговоры с Китаем о заключении договора о взаимопомощи. Своевременное принятие этих предложений, несомненно, охладило бы агрессивный пыл Японии. Однако позиция Чан Кайши и западных держав, в первую очередь США, воспрепятствовала претворению в жизнь этих предложенных Советским Союзом мер. Как в начале, так и в середине 1930-х годов

антисоветская и антинациональная политика правящих кругов Китая оставалась главным препятствием на пути подлинного улучшения советско-китайских отношений. Потребовалось новое, на этот раз массированное вторжение Японии в Китай, и опять же в условиях, когда западные державы продолжали придерживаться позиции «спокойного созерцания и терпения», чтобы, лишившись возможности особенно широко маневрировать во внешнеполитической сфере, чанкайшистская верхушка Гоминьдана смогла, несмотря на свой антикоммунизм, взять наконец курс на сотрудничество с Советским Союзом и с КПК. Как показала история, это был единственно правильный курс, отвечающий подлинным национальным интересам китайского народа.

Начало реализации этого курса было положено VII конгрессом Коминтерна (сентябрь 1935 г.), провозгласившим линию на создание направленного против угрозы фашизма широкого единого фронта, объединяющего все слои общества, в том числе народов колониальных и зависимых стран в борьбе против империализма. 22 сентября 1937 г. гоминьдановское правительство публикует обращение ЦК КПК от 15 июля, в котором руководство КПК признавало три народных принципа Сунь Ятсена в качестве идейно-теоретической основы политического сотрудничества и отказывалось от борьбы за свержение гоминьдановского режима, а на следующий день — заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий. Вооруженные силы КПК преобразовывались в 8-ю и 4-ю армии НРА. Обе партии рассматривали новую политику как вынужденную тактику, что, естественно, делало этот компромисс весьма неустойчивым. Несмотря на то, что Гоминьдану и КПК не удалось договориться ни о выработке общей официальной программы, ни о создании организационных форм единого фронта, политическое соглашение двух партий стало реальной основой национального сплочения, сыгравшего столь важную роль в войне сопротивления²⁹.

Развертывание необъявленной китайско-японской войны в результате «7 июля 1937 года» (партизанская Китайская Советская Республика объявила войну Японии еще 5 апреля 1932 г., а правительство Чан Кайши объявило войну Японии только после Пирл-Харбора, вслед за США и Англией, 9 декабря 1941 г., но и впоследствии постоянно шантажировало США и Мо-

скву кошмаром сепаратной сделки с Токио) еще более усилило осуждение в Китае в адрес Японии за «нарушение культурно-расового долга» и отказ от восточного духа «вандао» («праведного пути правителя», по яп. — «кодо») как на уровне обыденного сознания, так и на идеологизированном уровне. Чрезвычайная наглость, надменность японцев по отношению к китайцам, курс на раскол страны на вотчины типа «Маньчжоу-дго» и «Внутренней Монголии», стремление Токио низвести нанкинское правительство до статуса всего лишь одной из региональных китайских администраций в дельте реки Янцзы, изощренные и унижительные формы эксплуатации на японских предприятиях в Китае, наконец, особая жестокость, проявленная японскими агрессорами в годы восьмилетней войны формировали в Китае явно негативный облик Японии как «империалистического злодея», который, по словам С. Фицджеральда, «стремился максимально ослабить Китай, чтобы незаконно захватить его ресурсы»³⁰. Так или иначе, Китай воздерживался от объявления войны Японии, и сложилась парадоксальная ситуация, по меткому замечанию авторов мгимовского учебника, «странной войны наоборот», если сравнивать ее с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась»³¹.

За первые два месяца Япония, сконцентрировав в Северном Китае 300-тысячную армию, захватила Тяньцзинь и Пекин, а также Нанькоу и Чжанцзякоу (Калган). В этот критический для Китая момент Советский Союз незамедлительно откликнулся на призыв о помощи и оказал китайскому народу моральную, политическую и экономическую поддержку. 21 августа 1937 г. между СССР и Китайской Республикой был подписан Договор о ненападении (сроком на 5 лет). В соответствии с договором Китай взял на себя обязательство не подписывать с кем бы то ни было соглашений о борьбе с «коммунистической опасностью», аналогичных «Антикоминтерновскому пакту», а Москва обязалась не заключать пакта о ненападении с Японией, что повлекло бы за собой прекращение военной помощи СССР Китаю³². Значение договора для Китая было огромным. Советско-японские же отношения в связи с советско-китайским сближением стали быстро ухудшаться. Несмотря на опасность вовлечения в вооруженный конфликт с Японией, Советское правительство продолжало

расширять масштабы своей поддержки китайскому народу. Во время созванной по инициативе Консультативного комитета («Комитет 23-х») Брюссельской конференции, проходившей с 3 по 24 ноября 1937 г., советская делегация предложила принять против Японии санкции, не останавливаясь даже перед крайними мерами. К сожалению, советские предложения и на этот раз не были приняты. Французский министр иностранных дел Дэльбос в своем выступлении на этой конференции заявил, что-де «никакое насильственное решение не может ни юридически, ни фактически действенно и удовлетворительно урегулировать взаимоотношения между Китаем и Японией». Не было принято западными державами и предложение китайской делегации о применении экономических санкций против агрессора³³.

Не оставляя надежды договориться с Токио за столом переговоров, на фронте гоминьдановское руководство осуществляло тактику пассивной обороны. Попытки её отдельных соединений организовать активный отпор японским захватчикам (сражение в районе Тайэрчжуана, оборона Шанхая, Уханя, Чанша и др.) не получили надлежащей поддержки от главного гоминьдановского командования. К январю 1938 г. японская армия, захватив в ходе ожесточенных трехмесячных боев Шанхай, а также овладев столицей Нанкином (по версии китайских авторов японские войска учинили здесь настоящую резню гражданского населения, истребив за один месяц по разным данным от 50 до 300 тыс. китайских граждан), оккупировала весь Северный Китай. К концу года пали Ухань, Гуанчжоу и практически все города восточного побережья Китая. Новой столицей до 1945 г. стал расположенный на западном берегу р. Янцзы город Чунцин, а активная фаза войны, когда японские войска вели наступление по всему фронту и главным фактором, препятствующим их стремительному наступлению служили «человеческие пробки» или массы беженцев, забивающие практически все коммуникации, завершилась. В этих условиях огромное значение для борющегося против японской агрессии Китая имела материальная помощь, которую оказывал СССР. В марте и июле 1938 г. Советский Союз предоставил Китаю два крупных по масштабам того времени кредита по 50 млн долл. каждый, а 13 июля 1939 г. был подписан Договор о кредите в 150 млн долл. Причем поставки оружия под кредит начались уже

с 1937 г., то есть до подписания официального соглашения о нем. Наконец, 16 июня 1939 г. был подписан торговый договор между СССР и Китаем. Эти соглашения и договор явились тем более важными для Китая, что в этот самый трудный для него период ни одна из западных держав, несмотря на неоднократные обращения Нанкина, не предоставила ему ни одного займа. Летом 1938 г., после отзыва из Китая германских военных советников, туда приехали первые советские военспецы (более 3500 чел. к началу 1939 г.). В эти годы в Китае сражались свыше 700 советских летчиков, более 200 из которых погибли. К сентябрю 1939 г. 80 % военно-технической помощи Китайской Республике доставлялось из Советского Союза и лишь 20 % — из США и Европы³⁴. Оказав военную помощь Китаю, Советский Союз резко сократил экономические контакты с Японией, прекратив поставки нефти, угля, марганцевой руды и другого стратегического сырья. Экспорт из СССР в Японию упал с 40 808 тыс. иен в 1934 г. до 99 тыс. иен в 1939 г., а импорт из Японии в СССР уменьшился соответственно с 13 005 тыс. иен до 202 тыс. иен³⁵.

С ноября 1938 г. война, именуемая в Токио, дабы принизить ее значимость в глазах Запада и японкой общественности, просто «китайским инцидентом», трансформировавшись в пассивное позиционное противостояние без активных наступательных операций, грозила приобрести форму затяжной войны на истощение. Не разрывая дипломатических отношений и не прекращая попыток заключить мир, правительство Чан Кайши, вместе с тем, не капитулировало и не шло на унижительные условия соглашения. Впрочем, надежды договориться с агрессором не отбрасывалась и, в принципе, Чан Кайши был готов пойти на значительные уступки Японии. Так, в конце 1938 г. он выразил желание вести переговоры с ней на условиях восстановления положения, существовавшего до начала «большой войны» (1937 г.). Чан Кайши таким образом собирался уступить территории Северо-Восточных и Северных провинций Китая, граничащие с СССР и районами дислокации основных вооруженных сил КПК, быстро наращивавших свою мощь и создающих освобожденные районы большей частью за счет территорий за линией фронта, «освобождаемых» от власти Гоминьдана. Именно на упомянутых условиях гоминьдановский представитель Сяо Чжэньин вел в Гонконге секретные переговоры

с представителями Японии. Так же, как и переговоры через посредничество Германии и Англии, они, однако, успеха не имели, поскольку Япония тогда еще рассчитывала на захват всего Китая. Этим амбициям Токио, несомненно, потакали западноевропейские метрополии, готовые в любой момент пойти на сделку с Японией по мюнхенскому сценарию, подобно тому, как Лондон подписал 24 июля 1939 г. известное позорное «соглашение Арита-Крейги» по схеме: Япония уважает интересы Великобритании в АТР, а Англия «не мешает японской армии выполнять стоящие перед ней задачи»³⁶.

Понимали необходимость дополнить чисто военные действия комплексом политико-пропагандистских мероприятий и в Токио. Стержень идеологической работы японских политиков в Китае, так же как и в других азиатских странах, продолжали оставаться концепция расовой и культурной близости и лозунг «Азия для азиатов». Развитие теории «панасиатизма» привело к появлению в Японии еще в начале 1930-х годов таких новых концепций в защиту желтой расы против «империализма белой расы», как идея создания «Сферы совместного процветания Великой Восточной Азии» (далее «Сфера»), «нового порядка» и другие концепции, которые можно интерпретировать как альтернативный традиционной китайской «даннической системе» японоцентристский миропорядок. Активизация концептуальных поисков в Токио в этот период объяснялась, в частности, тем, что задача расчленения Китая на ряд «независимых» государств и дальнейшее развитие агрессии Японии в Китае требовали как морального и политического оправдания, так и идеологического закрепления достигнутых результатов. Обосновывая континентальное направление экспансии один из идеологов Миядзаки Масаеми даже утверждал, что центром развития Востока и единственной силой, ответственной за поддержание мира в Восточной Азии, становится Япония и необходимо создать Восточноазиатскую Федерацию, в которую на первом этапе войдут Япония, Манчжурия и Китай, как ядро «нового порядка» в Азии, бросающего вызов присутствию Запада в Азии. Термин «сфера сопроцветания Великой Восточной Азии» впервые официально появился в декларации министра иностранных дел Мацуока Есукэ 1 августа 1940 г., последовавшей за программным заявлением второго кабинета Коноэ. Однако сама концепция была

разработана раньше в окружении Коноэ при различной степени участия таких политиков евразийской ориентации, как политический деятель, философ и публицист Окава Сюзэмэ, адмирал Енаи и министр иностранных дел в его кабинете Арита. «Сфера» получила договорно-правовое оформление в рамках подписанного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, закрепившего раздел сфер влияния трех держав, отказ Германии от претензий на колониальные владения покоренных ею Франции (Индокитай) и Голландии (Индонезия) и признавшего за Японией «руководство в деле создания нового порядка в Великом восточноазиатском пространстве»³⁷.

В отличие от немалой части генералитета, «антиатлантист» Коноэ однозначно считал главным и, по сути, единственно возможным южное направление японской экспансии с идеологическим обоснованием в виде лозунгов панасиатизма на уровне массового сознания. Он публично отвергал, претензии «атлантистов», т. е. Великобритании и США, на универсальный характер их ценностей, что несомненно встречало поддержку в Азии, убедительно показывая, что японское и англо-американское понимание «права», «справедливости» или «гуманности» не совпадают в связи с коренными различиями национальных интересов, которые для него всегда были выше абстрактных «общечеловеческих». Не случайно, в ответ на на упреки в «недостаточном осознании Японией своей вины», вплоть до сегодняшнего дня многие японцы, в том числе многие члены ЛДП в парламенте, а также немало деятелей-членов кабинета, не чувствуют никакой вины за события пятидесятилетней давности, полагая, что «Япония воевала не против других стран Азии, а против Европы и США. Азия выступала против превосходства белых и завоевала независимость». Коноэ активно поддерживал марионеточное «Центральное правительство» Ван Цзинвэя в Нанкине (его армия насчитывала около 800 тыс. чел.), созданное 30 марта 1940 г. не без его личного участия, с которым 9 января 1943 г. Япония подписывает соглашение об отказе от неравноправных договоров с Китаем, что должно было произвести соответствующий политический эффект как на Китай, так и на колониальные страны Азии. В знак благодарности Ван Цзинвэй, ставший мишенью нападок, как Гоминьдана, так и коммунистов, заявляет о вступлении «Китайской республики» в Тихоокеанскую войну на стороне Японии.

Геостратегический проект Коноэ, который некоторые СМИ уже начали называть «доктриной Монро для Азии», получил даже обоснование в концепции философа Мики Киёси в виде «пан-азиатской культуры», «аналогичной эллинизму», который был, как известно, не только культурным или историческим, но и географическим и политическим феноменом. Лозунгом официальной идеологической доктрины Японии становится воплощение в жизнь исторической миссии «народа Ямато», заложенной в древних сакральных текстах — собрание «восеми углов» мира (в данном случае Азии) «под одной крышей» («хакко итиу»)³⁸.

Не следует думать, что так называемые «японофильские элементы» в гоминьдановском руководстве были единственными в Азии политическими деятелями, связывающими судьбы своей страны и свою собственную политическую карьеру с надеждами на сотрудничество с Японией. Не снимая с Японии, точнее с японской армии и администрации, ответственности за совершенные ими в Азии преступления, напомним, что в годы войны добрая половина руководителей национально-освободительных движений в этих странах была на стороне Японии, в том числе такие лидеры, как руководитель левого крыла Индийского национального конгресса Субхас Чандра Боса, Ба Мо в Бирме и Сукарно в Индонезии, а, кроме того, японцы пытались привлечь на свою сторону также Д. Неру и У Ну. Нельзя не признать, что симпатии значительной части населения азиатских стран были на стороне Японии, которая, в силу имперских и колониалистских амбиций, не оправдала всех, возлагавшихся на нее надежд, в частности, так и не предоставив полной независимости Индонезии. Тем не менее, хотя послевоенная независимость Индонезии, Индии, Бирмы, Филиппин — дело рук бывших владельцев этих колоний, это был вынужденный шаг, а не жест доброй воли: «хорошие» победители не могли безнаказанно лишить народы того, пусть и немногого, что им уже дали «плохие» японцы. Более сложную гамму чувств испытывали по отношению к японскому «континентальному проекту» и планам создания грандиозной колониальной империи по всему бассейну Тихого океана китайцы, уже потому, что границы японской «сферы» простирающиеся от Индии до Австралии и в акватории Тихого океана, совпадали с контурами концентрических кругов «китайского мирового порядка». Плюс к этому,

экстремизм японского военного руководства, склонного забывать об идеях «паназиатизма» и «сопроцветания», провоцировал ответный экстремизм со стороны различных сил и группировок в Китае, склонных, как Гоминьдан и КПК, скорее готовиться не к решающим сражениям с японцами, сколько к предстоящей борьбе за власть, лавируя и играя на межимпериалистических противоречиях. В свою очередь, атлантический блок в лице, в первую очередь, США и Великобритании, так же как и сталинское руководство в Москве, умело играли на этом противостоянии. Наряду с этим, иллюзии о возможности при содействии Японии укрепить национальную независимость, избавившись от пут режима капитуляций с Западом и коммунистической угрозы, разделялись в кругах Гоминьдана отнюдь не только Ван Цзинвэем и ему подобными, так что, в целом, формировало сложную гамму настроений по отношению к Японии, которую можно описать, используя терминологию Д. Барнетта, как «смешанное чувство вражды, зависти и восхищения»³⁹. Контроль над националистическими и антифорейнистскими настроениями в ходе войны стал приобретать одну из решающих ролей с точки зрения расстановки сил внутри Китая и способности заинтересованных иностранных государств влиять на нее.

Подводя итоги анализа эволюции ситуации в Китае в период до становления национально-освободительной войны китайского народа против агрессии Японии частью Второй мировой войны, следует констатировать, что пестрая гамма внешних факторов и внутривнутриполитических составляющих не позволяла еще давать прогноз, что Китай однозначно станет участником антифашистской коалиции. Противостояние Гоминьдана и КПК, активно готовящейся к решающей битве за власть, делало ситуацию в военном и политическом отношении взрывоопасной, что и выявилось в полной мере в следующий период войны. Японская пропаганда идей расовой и паназиатской солидарности, нашедшая благоприятную почву в умах многих китайцев и приведшая к расколу гоминьдановской верхушки, вносила еще большую неясность в перспективы будущей ориентации Китая. Немаловажную роль сыграли в этом победы советской армии в конфликтах в районе озера Хасан в июле–августе 1938 г. и на реке Халхин-Гол в мае–августе 1939 г., показавшие реальную мощь СССР. Помимо военно-силового эти кон-

фликты имели явное политико-дипломатическое измерение. И Советскому Союзу, и Японии было важно продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками, поскольку в Европе и в США существовали довольно серьезные сомнения в способности Москвы и Токио выступить в качестве надежных и боеспособных союзников в предстоящих коалициях, состав и конфигурации которых еще не были прояснены. При всей нервозности и, порой, неопределенности по геополитическим ориентирам внешней политики Кремля, на всех этапах противодействия японской агрессии

в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения стран-жертв японской экспансии, ослабление ее вооруженного натиска. Война Японии против Китая, вооруженные акции у границ СССР и в Монголии, как и завоевательные походы Германии в Европе, стали возможны, главным образом, из-за недалековидной умиротворительной (а фактически — подстрекательской, антисоветской) политики стран Запада, повлекшей разжигание очагов войны по обе стороны Евразии в мировой пожар.

¹ The Daily Yomiury. 1998. 29 ноября.

² Цит. по Делюсин Л.П. Идеи панasiatизма в учении Сунь Ятсена о национализме //Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 175.

³ Ху Ханьминь. «Миньбао» чжи лю да чжуи (Шесть великих принципов «Миньбао») / Синьхай гэмин цян ши нянь цзянь шилунь сюанцзи (Избранные статьи, опубликованные за десятилетие, предшествовавшие Синьхайской революции) Т. 2, ч. 1. Пекин, 1963. С. 381.

⁴ Корсун В.А. Концепция китаецентризма и империализма во внешнеполитических воззрениях Дай Цзитао, Проблемы востоковедения // Ученые записки МГИМО. М., 1978.

⁵ Jansen M.B. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge, 1954. С. 189, См. также Schiffrin H.Z. Sun Yatsen. Reluctant Revolutionary. Boston, 1980.

⁶ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы, 1918–2000. Т. 2. М., 2000. С. 131–132.

⁷ Ван Пэй, Ян Вэйхэ. Чжунго канжи чжаньчжэн шигао (История антияпонской войны в Китае). Т. 1. Ухань, 1984. С. 28.

⁸ Ма Чжунлянь. «Цзю и ба» дао «ци ци» (К истории японской агрессии в Китае. От 18 сентября 1931 до 7 июля 1937 г.) Пекин, 1985. С. 42.

⁹ Documents of British Foreign Policy, 1910–1939, Second Series. Vol. VIII. Chinese Questions, 1929–1931, L. 1960. P. 723.

¹⁰ О помощи СССР см. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. Док. № 266–268, 270–271, 278, 281–283, 285, 287, 290–293, 296–298, 301–393, 307–322, 325, 330–418, также Мировицкая Р.А. Китайская государственная и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны, 1941–1945. М., 1999.

¹¹ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. М., 1982. С. 31.

¹² Овчинников Ю.М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае, М., 1985. С. 60.

¹³ Фу Цисюэ. Чжунго вайцзяоши (История китайской дипломатии), Т. 2, Тайбэй, 1973. С. 514.

¹⁴ Сомряк М. Восточно-Хэбэйское автономное правительство. — Тихий океан, 1937. № 2. С. 104.

¹⁵ Капица М.С. Советско-китайские отношения в 1931–1945 гг., М., 1956. С. 258.

¹⁶ Миньго даши шичжи (Хроника важнейших событий в республиканском Китае). Тайбэй, 1982. С. 27.

¹⁷ Kirby W.G. Germany and Republican China. Stanford, 1984. P. 126, 201–202, 695.

¹⁸ Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. М., 1995. С. 125–128.

¹⁹ The China Year Book, 1935, Shanghai, 1935. P. 136.

²⁰ Каткова З.Д. Китай и державы 1227–1937, М., 1995. С. 161.

²¹ Chiang Kai-shek. China's Destiny. N.Y. 1946. С. 89.

²² Ван И. И цзю сань у нянь Дэго дуй «тяоцзе» чжунжи гуаньсиды тайду (Позиция Германии по вопросу урегулирования китайско-японских отношений в 1935 г.) / Цзиньдайши яньцзю. 1984, № 5. С. 183–184.

²³ Титов А.С. Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935–1937 гг. М., 1981. С. 105–104.

²⁴ Borton H. Japan's Modern Century, N.Y., 1955. P. 347.

²⁵ Чэнь Минчжун. Шилунь «и цзю сань у и цзю сань лю» нянь чжун чжи хуэйтань (Китайско-японские переговоры в 1935–1936 гг.). — Миньго данъань, 1989. № 2. С. 107.

- ²⁶ Каткова З.Д. Китай и державы 1227–1937. М., 1995. С. 50, 52, 80, 136, 199.
- ²⁷ Ли Хайвэнь. Чжоу Эньлай дуй хэпин цзецзюэ сиань шибяньды гунсянь (Вклад Чжоу Эньлая в мирное решение сианьских событий). — Чжунго сяньдайши. 1987. №2. С. 35.
- ²⁸ Титов А.С. Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935–1937 гг. М., 1981. С. 194–195.
- ²⁹ История Китая. М., 1998. С. 529–530.
- ³⁰ Fitzgerald St. China and the World. Canberra, 1978. С. 77.
- ³¹ История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 372.
- ³² Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4: Советско-китайские отношения. Кн. 1: 1937–1944 г. М., 2000. Док. №53. С. 8–9.
- ³³ Всемирная история. М., 1962, Т. IX. С. 439.
- ³⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 260.
- ³⁵ Moore H. L. Soviet Far Eastern Policy, 1931–1945, Princeton (New Jersey), 1945. P. 115.
- ³⁶ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане 1931–1945 гг. М., 2001. гл. 1–2.
- ³⁷ Kirby W. G. Germany and Republican China, Stanford, 1984. P. 144.
- ³⁸ Молодяков В.Э. Геостратегические проекты принца Коноэ, Белый мир <http://world.ruweb.info>
- ³⁹ Barnett A. Doak. China and the Major Powers in East Asia. Wash., 1977. С. 122.

Крах плана «Барбаросса»

В. И. Дашичев*

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска обрушили удар колоссальной силы против Советского Союза. После захвата почти всех континентальных стран Западной Европы и их ресурсов гитлеровское командование приступило к главному и решающему этапу борьбы — за установление полного господства нацистской Германии в Европе.

Военная кампания на Западе в мае–июне 1940 г. принесла Германии не только лавры быстрой победы. Она ознаменовалась и первой серьезной неудачей вермахта, имевшей далеко идущие политические и стратегические последствия: гитлеровские стратеги оказались не в состоянии вывести из войны Англию. То есть создать в преддверии нападения на Советский Союз все условия для решения центральной проблемы своей стратегии — устранения опасности ведения войны на два фронта. Кошмар такой перспективы десятилетиями довлел над умами германских милитаристов.

Поэтому после разгрома Франции перед руководством Германии встала дилемма:

- а) сосредоточить еще до нападения на СССР главные усилия по выводу из войны Англии, чтобы таким образом обезопасить тыл в предстоявшем походе на Восток;
- б) или, оставив пока в стороне Великобританию, обрушить основной удар на Советский Союз.

Для решения этой проблемы руководству Германии пришлось взвесить целый ряд политических, экономических и военно-стратегических факторов.

В первую очередь надо было установить:

- в состоянии ли вермахт осуществить быстрый военный разгром Англии, и если нет, то каковы возможности для сокрушения Советского Союза в стиле блицкрига?
- какую позицию займут в этом случае Соединенные Штаты и как скоро они смогут развернуть свой военный потенциал и активно вмешаться в войну на европейском континенте?
- каковы возможности и условия использования «японского фактора» для совместной борьбы против Советского Союза и отвлечения сил Англии и США от европейского континента?
- на каких военных союзников в Европе можно рассчитывать в войне против СССР?

Поиски выхода из создавшегося стратегического положения породили определенные колебания в военном руководстве вермахта. Первое время оно стало серьезно готовиться к десантной операции против Англии. Но с самого начала эта операция внушала германскому генералитету большие сомнения. Его желанию самым надежным способом — вторжением — нейтрализовать Британские острова противостояли мрачные раздумья. Больше всего нацистские стратеги, имея в перспективе поход на Восток, опасались из-за слабости Германии на море понести крупные материальные и людские потери, а также утратить стратегическую инициативу в результате возможных осложнений и неудач при осуществлении высадки.

* Вячеслав Иванович Дашичев — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

За каких-нибудь полтора месяца до нападения на Советский Союз весь мир был потрясен неожиданной сенсацией: 10 мая в Англии, вблизи фамильного замка лорда Гамильтона, приземлился на парашюте заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Политики «ломали головы», что бы это могло означать? Предприняло ли нацистское руководство отчаянную попытку договориться перед походом на Восток о перемирии с Лондоном? Или даже пытались вовлечь Англию в борьбу против ненавистного большевизма? Совершил ли Гесс полет в Англию на собственный страх и риск или с ведома и по поручению Гитлера? О чем шла речь на секретных переговорах Гесса с англичанами? Какие результаты они принесли?

На протяжении всей войны и после нее вплоть до наших дней это оставалось и все еще остается до конца и до деталей неразгаданной тайной. Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками, среди которых был и Гесс, ничего реального не дал в смысле выяснения мотивов и целей миссии Гесса и отношения к ней правительства Черчилля. Летом 1990 г. волею судьбы я оказался непосредственно вовлеченным в хитросплетения полета Гесса. Мне пришлось соприкоснуться — на этот раз совершенно неожиданным образом — с одной из наиболее интригующих и до сего времени неразгаданных тайн Второй мировой войны. Это было в Кёльне, где я участвовал в советско-западногерманском семинаре. Мне позвонили по телефону. Голос в трубке сказал: «С вами говорит сын Рудольфа Гесса — Вольф Рюдигер Гесс. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами и передать Вам информацию, которая может пролить новый свет на полет моего отца в Англию 10 мая 1941 года. Я готов приехать в Кёльн вместе с адвокатом моего отца на Нюрнбергском процессе Альфредом Зайдлем в удобное для вас время».

Когда я услышал эти слова, у меня дух перехватило. Ведь сколько бумаги было исписано историками и журналистами о загадочном полете Гесса! Сколько версий с ним связано! А ясности в этом вопросе так и не удалось достигнуть. Я и сам занимался в прошлом этой таинственной историей, но не пришел к какому-либо определенному выводу из-за отсутствия убедительных документальных данных и свидетельств. Неужели Вольф Гесс, наконец, приподнимет завесу над тайной полувековой давности?

На следующий день состоялась наша встреча. Г-н В. Гесс приехал вместе с Зайдлем в Кёльн

из Мюнхена. Передо мной предстал мужчина средних лет, очень высокого роста, с крупными чертами лица и улыбающимися глазами. В отличие от отца, Гесс-младший занялся созидательной деятельностью инженера-строителя. После кратких приветствий он сразу перешел к делу. По его мнению, в исторической литературе и публицистике сложилась неверная трактовка «миссии Гесса» в Англию в 1941 г. Она обычно изображается как попытка заключить с англичанами мир, чтобы обеспечить тыл Германии для нападения на Советский Союз и избежать войны на два фронта. На самом же деле «миссия Гесса», мол, не носила антисоветского характера, а преследовала далеко идущие миротворческие цели — покончить вообще с войной и заключить всеобщий мир.

Правда, выведать у отца истинную подоплеку его загадочного полета оказалось для Гесса-младшего не так просто. На всех его свиданиях с отцом в тюрьме Шпандау всегда присутствовали представители охраны четырех держав, фиксировавшие каждое слово их разговора. У Вольфа Гесса сложилось впечатление, что отец чего-то боялся и всячески избегал затрагивать щекотливую тему. Тогда Вольфу Гессу пришла в голову мысль тайно передать отцу записку с обращенными к нему вопросами. Копию этой записки он передал мне. Записка была написана в Гrefельфинге 27 марта 1984 г. и незаметно для охраны передана Гессу в тюремную камеру французским тюремным священником Шарлем Табелем, а затем возвращена им Гессу-младшему с пометками его отца. Вот ее содержание:

«В связи с моей книгой, известной тебе под названием «Мой отец Рудольф Гесс», и в связи с твоей идеей о заявлении для прессы к 90-летию имеют значение следующие два вопроса:

1. Можно ли исходить из того, что если бы твой полет мира в Великобританию 10 мая 1941 г. увенчался успехом в принципе, т. е. если бы Черчилль объявил, например, о своей готовности к созыву мировой мирной конференции, то немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. не состоялось бы и тем самым была бы прекращена Вторая мировая война со всеми ее кровопролитиями и опустошениями?
2. Можно ли, по меньшей мере, исходить из того, что после успешного возвращения из Великобритании ты использовал бы в полную меру вес твоего в то время очень большого авторитета для осуществления поли-

тики, обозначенной в пункте 1? Пожалуйста, дай мне на этом листе твой комментарий».

На первый вопрос Р. Гесс ответил: «Само собой разумеется. Наверняка». На второй — аналогично: «Наверняка. Само собой разумеется. Большого об этом сказать не могу». В конце листа Гесс приписал: «Все содержится уже в твоих вопросах». Эти пометки Гесс сделал в присутствии священника Габеля. По мнению Гесса-младшего, эта записка подтверждала версию, согласно которой миссия его отца состояла в том, чтобы покончить со Второй мировой войной путем созыва мирной конференции, но английское правительство не прореагировало на предложения Гесса. Но, чтобы не выглядеть в глазах общественности противницей установления мира в Европе в канун нападения Германии на Советский Союз, английская сторона, по убеждению В. Гесса, до сего времени тщательно скрывает документы. Те, которые были связаны с переговорами его отца в Англии в мае 1941 г.

В. Гесс видел именно в этом причину того, что доступ к документам, проливающим свет на миссию Р. Гесса, будет открыт лишь после 2017 г. Мой собеседник считал, что англичане, опасаясь в последние годы освобождения Гесса из тюрьмы и обнародования им нежелательных для английской политики фактов, постарались убрать «узника Шпандау». Для этого они инсценировали его самоубийство в августе 1987 г. Об этом В. Гесс написал в своей книге «Убийство Рудольфа Гесса». Он был уверен, что его отец не повесился сам на шнуре от настольной лампы, как гласит официальная версия, а был задушен. Одни таинственные загадки Р. Гесса нагромодились на другие!

Откровенно говоря, записка В. Гесса меня не убедила, особенно если учесть весьма тенденциозно (если не сказать большего) сформулированные вопросы. Можно ли поверить, что Гесс преследовал своим полетом в Англию миротворческие цели? Действительно ли он стремился в последний момент положить конец дальнейшему расширению войны и ее превращению в мировую? Хотел ли он предотвратить нападение Гитлера на Советский Союз? Насколько реален был созыв в то время мирной конференции всех держав, включая Советский Союз?

Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, в какой обстановке в мае 1941 г. был совершен полет Гесса в Англию. Сжатая до предела пружина военной машины Германии распрямилась лишь на одну треть. Но и этого было достаточно,

чтобы разгромить Польшу и Францию, захватить Бельгию, Голландию, Люксембург, Норвегию, балканские государства и установить германское господство фактически над всей континентальной Европой, исключая Советский Союз. К 10 мая 1941 г., когда Гесс тайно вылетел в Англию на своем «Мессершмитте 110Е» и выбросился из него на парашюте недалеко от Глазго, немецкий вермахт уже изготовился для очередного прыжка. На этот раз — для осуществления вождя замислов Гитлера — покорения России и народов на Востоке. Ради этого так тщательно готовились немецкий тыл (вывод из войны Франции) и стратегические фланги (подчинение Балкан и Скандинавии). Гитлер и его окружение были твердо уверены в быстрой победе. В мае 1941 г. фюрер сравнил Россию с «колоссом на глиняных ногах». После репрессий Сталина против цвета военных кадров страны, после советско-финской войны, выявившей низкую боеспособность Красной армии, у него были для подобных сравнений веские основания. Успешный блицпоход против Советского Союза принес бы Германии неограниченное господство над Европой. Мог ли Гитлер отказаться от прежних завоеваний и от заманчивых перспектив плана «Барбаросса»?

Думаю, что Гитлер не был бы Гитлером, если бы пошел на это. Даже накануне нападения на Польшу и развязывания Второй мировой войны он в одном из выступлений перед генералами выразил опасение, как бы «какая-нибудь каналья» в последний момент не выступила с мирными предложениями и не помешала бы ему бросить вермахт в бой. А тут, после головокружительных военных успехов, в роли такой «канальи» выступает сам Гесс, заместитель фюрера по партии! В мае 1941 г. Гитлер в лучшем случае мог согласиться на сделку с Англией, если бы она признала господствующее положение Германии в Европе и полностью высвободила ее тыл для войны против СССР. Вольф Гесс говорил мне, что накануне полета его отец четыре часа разговаривал с Гитлером. Однако о содержании беседы ничего не известно. Но надо полагать, что свой полет Гесс совершил с ведома Гитлера, хотя 13 мая последний обвинил своего заместителя в измене и бегстве перед самым решающим моментом в истории Германской империи — нападением на Советский Союз. Анализируя логику поведения и замыслы ставки Гитлера, можно прийти к выводу, что ни объективно, ни субъективно тогдашнее руководство Германии не пошло бы

по своей воле на созыв мирной конференции и прекращение войны.

Ну, а что можно сказать о позиции английского правительства, лично Черчилля? В Лондоне прекрасно сознавали, что с Германией Гитлера у Англии не может быть более никаких сделок. Об этом достаточно убедительно говорил печальный пример Мюнхенского соглашения. Черчилль был настроен вести войну во имя сокрушения гитлеровской тирании бескомпромиссно, до конца, и если вынудит обстановка, даже из колоний. Он воспринимал Гитлера и его тоталитарный режим как смертельную опасность для Англии и не сомневался в том, что в противостоянии нацистской экспансии рано или поздно возникнет великая коалиция, которая объединит Великобританию, США, Советский Союз и другие государства. В мае 1941 г. Черчилль уже располагал точными данными о готовившемся ударе вермахта по Советскому Союзу и даже сигнализировал об этом Сталину. Дать Гитлеру свободу рук на Востоке, чтобы оказаться затем в положении его очередной жертвы? Черчилль пойти на это не мог. Это было бы верхом государственной глупости. Следовательно, и в Англии миссия Гесса была обречена на провал.

Остается предполагать, что даже если Р. Гесс действительно руководствовался миротворческими устремлениями, то он совершенно неверно оценил обстановку, сложившуюся к маю 1941 г. Совершив свой полет, он оказался в положении человека, далекого от реальности. Возможно также, что он, будучи приверженцем геополитики и зная ее законы, хорошо понимал, что дальнейшее развитие событий войны неизбежно приведет к созданию мировой антигерманской коалиции, и Германия вынуждена будет вести длительную борьбу на два фронта против превосходящих сил, что, как показал опыт Первой мировой войны, окончится для нее тотальным поражением. В этом свете его полет в Англию можно рассматривать как шаг отчаяния.

Но это лишь возможные варианты. Разгадка тайны Гесса еще впереди, когда историки получат доступ к документам, раскрывающим содержание его переговоров в Англии. Но все же можно считать, что главной целью миссии Гесса было нейтрализовать Англию на период войны против Советского Союза. Об этом пишет в книге «Мирная ловушка Черчилля» официальный историограф английского МИД Аллен Мартин. Он писал, что Черчилль, желая ввести

немцев в заблуждение, дал им понять, что он якобы заинтересован в переговорах с германскими представителями и в примирении с Германией. На самом деле он, как дальновидный политик, отлично сознавал, что Гитлеру нельзя предоставлять свободный тыл на Западе, чтобы позволить без труда разгромить Советский Союз. Он несколько не сомневался, что после выполнения этой задачи Гитлер повернет против Англии. В этом смысле Черчилль был намного мудрее и дальновиднее Сталина, развязавшего Германии пактом 1939 г. руки для войны на Западе и не отдававшего себе при этом отчета в том, чем же это может обернуться в дальнейшем для Советского Союза.

Независимо от активно проводившегося по многим каналам мирного зондажа для поисков возможных соглашений с Англией германское руководство приняло в середине 1940 г. твердое решение о нападении на Советский Союз. «Если Россия будет разгромлена, — говорил Гитлер на совещаниях в ставке 31 июля 1940 г., — Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. В соответствии с этим рассуждением Россия должна была быть ликвидированной»¹. Нападение на СССР, по расчетам нацистских стратегов, сулило успех только в том случае, если бы удалось молниеносно разгромить Красную Армию. Еще до того, как Англия, а также, как можно было предполагать, США развернут широкие действия против Германии.

Поэтому оценка возможной линии стратегического поведения англосаксонских держав приобретала для руководства вермахта особый смысл. Оно не могло не заметить, как на протяжении второй половины 1940 и первой половины 1941 г. Соединенные Штаты в ускоряющемся темпе совершали эволюцию от дружественного по отношению к Англии нейтралитета к позиции ее «невоюющего союзника». В августе 1940 г. в Лондоне состоялись «предварительные» англо-американские штабные переговоры, в сентябре — была достигнута договоренность о передаче Англии 50 американских эсминцев. После переизбрания президента Рузвельта в ноябре 1940 г. на третий срок американское правительство, преодолевая сопротивление изоляционистов внутри страны, стало открыто проводить внешнюю политику под девизом: «Спасем Америку, помогая Великобритании».

Важным шагом на пути формирования англо-американского союза явилось принятие

11 марта 1941 г. конгрессом США закона о ленд-лизе. Он давал президенту неограниченные полномочия в предоставлении военной и прочей помощи странам, защита которых считалась «жизненно важной» для безопасности США. Выступление Рузвельта 17 марта по случаю вступления в силу этого закона было расценено командованием вермахта как по существу объявление войны Германии².

В принятом 27 марта 1941 г. англо-американском соглашении были заложены основы совместной глобальной стратегии США и Англии в войне против Германии и Японии³. Главным противником была признана Германия и соответственно решающим театром войны — Европа и Атлантика. После разгрома Германии основные усилия предполагалось направить против Японии. Общие стратегические установки предусматривали:

- оборону Британских островов как главной базы для развертывания в будущем военных действий против Германии;
- усиление блокады и воздушных налетов на Германию;
- захват плацдармов в бассейне Средиземного моря для осуществления десантных операций на юге Европы;
- обеспечение американским флотом морских коммуникаций в Атлантике;
- перенесение главных усилий английского флота на Средиземное море и пр.

На переговорах был также решен вопрос о создании англо-американских органов высшего стратегического руководства. Характерно, что в совместных военных планах США и Англии первой половины 1941 г. Советскому Союзу не отводилось никакой роли⁴, хотя государственный департамент еще в январе 1941 г. получил первые данные о готовившемся походе вермахта на Восток, а в последующем эти данные были значительно умножены. Такая позиция США и Англии объяснялась не только инерцией их антисоветской политики, но и очень низкой оценкой с их стороны военной мощи Советского Союза⁵. 14 июня Объединенный разведывательный комитет сделал вывод, что Германии потребуется самое большее шесть недель, чтобы взять Москву⁶. В докладе военного министра США Стимсона, представленном 23 июня Рузвельту, говорилось, что Германия сокрушит Советский Союз «по меньшей мере за один месяц, а вероятнее всего за три месяца» и поэтому в войне англосаксонских держав против Германии и Япо-

нии Россия будет лишь временным союзником, как Польша в 1939 г. или Франция в 1940 году⁷.

По некоторым открытым акциям администрации Рузвельта нацистское военно-политическое руководство могло судить о медленном, но неуклонном вползании США в войну. Но развертывание их вооруженных сил проводилось медленными темпами и к осени 1941 г., имея 40 дивизий низкой боеспособности, они все еще были не в состоянии активно участвовать в военных действиях на европейском континенте. Неуязвимость США позволяла им до поры до времени не торопиться с вступлением в войну, извлекая большие выгоды из своего положения «третьего радующегося».

Как же оценивало «фактор США» в преддверии нападения на Советский Союз германское руководство? Оно бесспорно учитывало очевидную возможность столкновения с Соединенными Штатами, однако полагало, что это произойдет не ранее 1942 г. Немецкий военный атташе в Вашингтоне генерал Беттихер доносил 11 марта 1941 г., что США лишь в 1942 г. достигнут полной готовности к войне. В сообщении поверенного Германии в США от 16 мая говорилось: «Для Америки важно выиграть время, по возможности до 1945 г. Здесь имеется стремление оттянуть решение, по крайней мере, до 1942 г., когда военная промышленность будет полностью поставлена на военные рельсы». Этому мнению придерживался и Гитлер. 30 марта 1941 г. на совещании в ставке он заявил, что максимального уровня производства США достигнут только через четыре года. Такой срок нацистские стратеги считали вполне достаточным, чтобы не только сокрушить Советский Союз, но и подготовиться к глобальной схватке с англосаксами.

Что касается Англии, то она, по оценке германского командования, не могла быть на ближайшее время после нападения на СССР сколько-нибудь существенной помехой для Германии. К середине 1941 г. на территории английской метрополии находилось около 37 дивизий. Этих сил было недостаточно для развертывания крупных военных операций на европейском континенте летом 1941 г. Тем более, что Британия была связана своими имперскими интересами на Средиземном море, Ближнем Востоке и в других регионах. Однако в перспективе, и весьма недалекой, она была способна стать большой угрозой для стратегических позиций Германии в Западной и Южной Европе. Уже в 1940 и 1941 гг.

она превзошла Германию или не уступала ей по производству самолетов, автомобилей, танков, самоходных орудий и некоторых других видов военной техники. В 1941 г. английская промышленность выпустила 20 100 самолетов, немецкая — 11 030, танков соответственно 4855 и 5200⁸. Кроме того, с марта по декабрь 1941 г. Англия получила из США по ленд-лизу 2400 самолетов. У нее имелись большие возможности для наращивания своих вооруженных сил, в том числе сухопутных войск. Это ставило германское руководство перед необходимостью провести военную кампанию против Советского Союза в минимальные сроки.

В таких условиях чрезвычайно важное значение для Германии приобретала координация стратегических действий с ее союзниками — Японией и Италией. Это было главной целью заключенного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. Германская дипломатия предпринимала энергичные усилия, чтобы втянуть Японию в активные действия в Юго-Восточной Азии и создать в ее лице противовес Англии и США. Кроме того, нацистское руководство рассчитывало получить от нее поддержку в войне против Советского Союза, в том числе в форме вооруженного выступления на Дальнем Востоке.

17 декабря 1940 г. Гитлер приказал разработать директиву верховного главнокомандования (ОКВ) относительно военного сотрудничества с Японией. В качестве «цели, к которой стремится Германия», он требовал предусмотреть в ней «по возможности скорейшее вовлечение Японии в активные действия на Дальнем Востоке». «Чем скорее Япония выступит, — говорил он, — тем более благоприятная военная обстановка возникнет для нее. Она должна овладеть Сингапуром и всеми источниками сырья, в которых нуждается для продолжения войны, особенно если в нее вступит Америка» Эти соображения легли в основу директивы ОКВ № 24 от 5 марта 1941 г. В ней особо подчеркивалось, что операция «Барбаросса» создаст благоприятные политические и военные условия для экспансии Японии в Юго-Восточной Азии.

На переговорах с министром иностранных дел Японии Мацуокой в Берлине в марте 1941 г. Гитлер уговаривал японцев ударить по позициям Англии. «Редко в истории, — говорил он, — можно было бы подвергаться меньшему риску, чем сейчас, когда в Европе свирепствует война, Англия связана там, Америка только начинает вооружаться, Япония является сильнейшей

державой в восточноазиатском пространстве, а Россия не может действовать, так как перед ее западными границами стоят 150 немецких дивизий. Такая возможность больше не повторится, она уникальна в истории»⁹. Гитлер заверял Мацуоку в том, что если Россия станет угрожать Японии в случае продвижения последней в Юго-Восточной Азии, он не станет ни секунды медлить и нападет на нее. Тут же он добавил, что не верит в подобные действия со стороны России¹⁰.

Аналогичные гарантии Гитлер давал Мацуоке против Соединенных Штатов. В конфиденциальных беседах с японскими представителями руководители Третьей империи называли и желательный срок вступления Японии в войну против Англии — май 1941 г., на который первоначально было назначено нападение на Советский Союз.

По мере приближения начала операции «Барбаросса» в планах германского руководства все большее место стали занимать расчеты на привлечение Японии к непосредственному участию в войне против

Советского Союза, чтобы вынудить его вести борьбу на два фронта. 5 июня японский посол в Берлине Осима сообщил в Токио о своей беседе с главой Германии: «Гитлер сказал, что он давно вынашивал мечту ликвидировать коммунистический Советский Союз и до сегодняшнего дня еще не оставил ее... Какую позицию займет Япония в германо-советской войне, целиком зависит от наших собственных желаний. Следовательно, для Японии оставляется открытой возможность вступить в войну лишь позже, после объявления Германией войны Советскому Союзу, если Япония захочет выступить на стороне Германии. Из его рассуждений явствовало, что Японию нельзя освободить от обязательств, вытекающих из союза. Он интересовался положением Владивостока, мощью советских подводных лодок и территориями, которые заняла Япония во время сибирского конфликта. Отсюда я пришел к выводу, что для него желательно японское участие»¹¹.

Некоторые круги Японии были увлечены заманчивой перспективой похода на Россию, разрисованной Гитлером. Весьма одобрительно относился к подобной идее Мацуока. Он призывал императора Хирохито отменить начавшуюся с 16 апреля подготовку японского наступления в южном направлении и сначала напасть на СССР, чтобы добиться «генерального решения русской проблемы»¹². Однако это мнение не раз-

деляли наиболее влиятельные круги Японии, заинтересованные прежде всего в южной экспансии и учитывавшие опыт Хасана и Халхин-гола. Они с пониманием относились к предложениям их немецких союзников захватить Сингапур.

У германского руководства существовали определенные надежды, что быстрый разгром Советского Союза наряду с активным выступлением Японии на стороне Германии настолько изменят расстановку сил на мировой арене в пользу Тройственного пакта, что это вынудит Соединенные Штаты остаться в стороне от войны¹³.

В отчете о беседе с Риббентропом 4 июня Осима писал: «Относительно американской позиции в случае возникновения германо-советской войны здесь придерживаются взгляда, что Америка по рукам будет связана помощью Англии и в настоящее время не может оказать эффективной поддержки Советскому Союзу. Существует далее уверенность, что сокрушительная победа Германии над Советским Союзом может иметь своим следствием то, что Америка откажется вступить в войну на стороне Англии»¹⁴.

Стремления германской дипломатии втянуть Японию в войну против СССР не увенчались успехом. Японские правящие круги предпочитали не обострять отношений с Советским Союзом, чтобы иметь возможность развивать экспансию в сторону южных морей. С этой целью 13 апреля 1941 г. они пошли на заключение с СССР пакта о нейтралитете, рассчитывая отказаться от него, как только это станет выгодным для Японии. Руководители Германии особенно не возражали против подобного шага Японии, так как пребывали в твердой уверенности, что им удастся одним, без японского участия быстро покончить с Советским Союзом. Главное, чего они желали от Японии, — это нападение на Сингапур, чтобы отвлечь внимание Англии и США от Европы.

Гораздо большую заинтересованность германское руководство проявило к привлечению европейских стран к войне против Советского Союза. В первую очередь это касалось Румынии, Финляндии, Венгрии и Болгарии, расположенных близ советских границ. Нацистская дипломатия проявила большие усилия, чтобы втянуть эти страны в Тройственный пакт. И она добилась здесь крупных успехов. Кроме того, Германия искала сближения с Турцией на антисоветской почве. 18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении». Гитлер

стремился придать войне против СССР характер «крестового похода» и полностью подчинить ресурсы и политику союзников достижению своих стратегических целей. «Опации, — говорил он Антонеску 12 июня, — которые будут вестись в пространстве от Северного Ледовитого океана до Черного моря, нуждаются в центральном едином руководстве. Естественно, оно будет в наших руках. Мы должны избежать ошибок прежних коалиционных войн»¹⁵.

В Западной Европе германское руководство не видело на ближайшее время серьезной угрозы для себя. Франция — этот традиционный геополитический и военный противовес Германии на европейской арене — была повержена, расчленена и бессильна что-либо принять, как отмечал Гитлер 9 января 1941 года¹⁶. На случай возможных осложнений на Западе предусматривалось ввести в действие план «Аттила» — оккупацию вишистской части Франции. Скандинавия и Балканы находились под пятой «оси». Испания и Турция занимали позиции дружественного по отношению к Германии нейтралитета.

В целом руководство Германии оценивало глобальную и европейскую политическую ситуацию как исключительно выгодную для войны против СССР. «Ныне, — говорил Гитлер на совещании генералитета 30 марта 1941 г. — существует возможность разбить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим»¹⁷.

Подобные политико-стратегические калькуляции, зыбкие и авантюристичные в своей основе, исходили из главной порочной предпосылки — неверной оценки политической прочности и военно-экономического могущества Советского Союза и стойкости русского народа. Высшие инстанции политического и военного аппарата Германии в превратном свете представляли себе боеспособность Красной армии. Выступая на совещании руководителей вермахта 9 января 1941 г., Гитлер говорил, что «русские вооруженные силы — глиняный колосс без головы»¹⁸. Близки к этому мнению были и другие руководители вермахта¹⁹. Главнокомандующий сухопутных войск Браухич, например, так рисовал перед генералами на совещании 30 апреля 1941 г. картину военных действий на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения, продолжительностью до четырех недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления»²⁰.

Предвзятость оказала роковое воздействие на стратегию Гитлера, лишив ее возможности трезво учитывать совокупность основных факторов и условий ведения войны, взятых такими, какими они были в действительности. В Германии, как правильно подметил германский историк Г. Улиг, господствовали «дурные приемы примитивной политической конъюнктурной борьбы — изображать противника слабым, ни на что не способным, достойным презрения, чтобы выставить самого себя в лучшем свете. Информация о Советском Союзе подвергалась цензуре и фильтровалась через предвзятое мнение, вместо того чтобы давать чисто деловую картину, как этого требовали самые насущные интересы. Особая опасность такого подхода заключалась в слепоте перед реальностью...».

Исходя из оценки общего стратегического положения и сил советского государства, германское руководство положило в основу планирования войны против СССР требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти им на помощь. В одном из документов главного командования сухопутных войск вермахта указывалось, что военная цель «Восточного похода» должна состоять в «быстром выведении из строя одного противника в войне на два фронта, чтобы можно было с полной силой обрушиться на другого противника [Англию]»²¹. Характерно в этом отношении и высказывание фельдмаршала Кейтеля: «При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

- а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;
- б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно — линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти;
- в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта»²².

Нацистская стратегия придавала фактору времени столь большое значение, что Гитлер настаивал в июле 1940 г. напасть на Советский Союз осенью этого же года. Однако Кейтель и Йодль сочли этот срок совершенно нереальным, ввиду неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск и не подходящим с точки зрения метеорологических условий.

22 июля главнокомандующий сухопутными войсками Браухич после совещания у Гитлера дал указание Генеральному штабу сухопутных войск начать разработку плана нападения на Советский Союз. По заданию Гальдера начальник отдела иностранных армий Востока полковник Кинцель занялся исследованием вопроса о наиболее целесообразном направлении главных ударов с точки зрения характера и численности группировки советских войск. Он пришел к выводу, что наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря, чтобы затем, осуществив громадный стратегический охват на юг, заставить советские войска на Украине сражаться с перевернутым фронтом²³.

Начальник оперативного отдела Генерального штаба генерал Грейфенберг, напротив, считал, что главный удар следует наносить на юге советско-германского фронта. Еще ранее, в конце июля начальнику штаба перебрасывавшейся на Восток 18-й армии генерал-майору Марксу было поручено разработать оперативно-стратегический план военной кампании против Советского Союза. 1 августа он сделал первый доклад генералу Гальдеру с изложением своих идей по плану операций. Они предусматривали развертывание боевых действий двумя крупными группировками войск на московском и киевском стратегических направлениях. Гальдер при этом указал на важность того, чтобы главное направление на Москву не ослаблялось из-за частных операций на соседних участках фронта. (Этот вопрос стал впоследствии предметом острых разногласий в командовании вермахта.)

5 августа Маркс представил Гальдеру законченную оперативно-стратегическую разработку, получившую наименование «План Фриц». В ней намечались два основных стратегических направления — московское и киевское: «Главный удар сухопутных сил должен быть направлен из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву. Поскольку сосредоточение в Румы-

нии невозможно, другого направления главного удара не существует. Попытка обходного маневра с севера лишь удлинила бы путь войск и в конечном счете привела бы их в лесистую область северо-западнее Москвы.

Ведущая идея наступления на основном направлении: прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы западнее, внутри и восточнее лесистой области; затем, овладев Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с немецкой южной группой занять Украину и в итоге выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск». По плану Маркса против Советского Союза предполагалось развернуть группировку войск, насчитывающую 147 дивизий, объединенных в пять армий, из которых три должны были действовать севернее Припятских болот.

Когда с идеями Маркса ознакомили немецкого военного атташе в Советском Союзе генерала Э. Кестринга, он выразил несогласие с тем, что взятие Москвы будет иметь решающее значение для победы над Красной Армией. По его мнению, наличие сильной промышленной базы на Урале позволило бы Советскому Союзу продолжать активное сопротивление, искусно используя имеющиеся и вновь созданные коммуникации. В последующих спорах с главным командованием сухопутных войск (ОКХ) о ведении операций на Востоке эти соображения Кестринга заняли определенное место в аргументации Гитлера и других руководителей ОКВ.

5 августа верховное главнокомандование отдало директиву «Ауфбау Ост» — «Строительные мероприятия на Востоке», положившую начало оборудованию театра военных действий для нападения на СССР. Предусматривалось строительство сети коммуникаций, аэродромов, складов, казарм и прочих военных объектов на территории Польши и Восточной Германии²⁴.

В начале сентября на первого обер-квартирмейстера и постоянного заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора Паулюса была возложена задача, основываясь на плане Маркса, разработать соображения относительно группировки войск для войны против Советского Союза и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. К 17 сентября он закончил эту работу, после чего ему поручили обобщить все результаты предварительного оперативно-стратегического планирования.

Это вылилось в докладную записку Паулюса от 29 октября. На ее основе оперативный отдел Генерального штаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию «Ост».

Независимо от Генерального штаба сухопутных войск, по указанию начальника штаба верховного главнокомандования Йодля, в штабе оперативного руководства вооруженных сил с начала сентября велась работа по составлению собственного плана войны против СССР. 19 сентября начальник оперативного отдела ОКВ Варлимонт представил этот план своему шефу Йодлю. Он предусматривал использование трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг» соответственно на ленинградском, московском и киевском направлениях. Главный удар наносился на Москву по кратчайшему пути через Минск и Смоленск. После захвата последних продолжение наступления на центральном направлении планировалось в зависимости от развития обстановки в полосе группы армии «Север». В случае ее неспособности решить поставленные задачи предполагалось приостановить наступление группы армий «Центр» и часть ее сил направить на помощь северному соседу²⁵. Эти идеи существенно отличались от планов ОКХ.

В ноябре–декабре Генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и проигрывание на штабных учениях вопросов о главных стратегических направлениях, о распределении сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом верховного главнокомандования и Гитлером «Изучение всех этих вопросов, — писал генерал Филиппи, — подтвердило прежде всего мнение, что в ходе операций на все более расширяющейся, подобно оронке, к востоку территории не хватит немецких сил, если не удастся решающим образом сломить силу русского сопротивления до линии Киев — Минск — Чудское озеро»²⁶.

К середине ноября под руководством генерал-квартирмейстера Генерального штаба были разработаны основы материально-технического обеспечения войск (из расчета: 3 млн человек, 600 тыс. машин, 600 тыс. лошадей, горючее и запчасти на 700–800 км).

28 ноября начальники штабов групп армий, предусмотренных для ведения наступления, получили указания представить независимо друг от друга соображения по плану операций. В разработке начальника штаба группы армий «А»

(позднее «Юг») генерала Зоденштерна от 7 декабря 1940 г. предлагалось провести наступление тремя ударными группировками. Ведущая идея этого плана заключалась в том, чтобы, сковав советские войска в центре фронта, основные наступательные операции предпринять на флангах и по достижении первой стратегической цели — рубежа Кременчуг — Киев — Могилев — Даугавпилс — нанести удар на Москву по сходящимся направлениям, осуществив тем самым гигантский охват всей западной части Советского Союза. Зоденштерн считал, что временно следует отказаться от овладения окраинными областями на юго-востоке и северо-востоке Советского Союза, а прикрытие внешних флангов ударных группировок осуществлять заслонами, обращенными в сторону Ленинграда и Восточной Украины.

5 декабря генерал Гальдер изложил перед Гитлером основы планируемой военной кампании. Теперь уже окончательно вырисовывались три стратегических направления — ленинградское, московское и киевское. Главный удар Гальдер предлагал нанести севернее Припятской области из района Варшавы на Москву. Проведение операций намечалось силами 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий. Кроме того, предусматривалось использование вооруженных сил Румынии и Финляндии. Для сосредоточения и развертывания этих сил Гальдер считал необходимым восемь недель. Он указал, что с первых чисел апреля или самое позднее с середины этого месяца скрыть от Советского Союза подготовку Германии к войне станет уже невозможно.

Гитлер, одоблив в принципе этот план, заметил, что последующая задача будет состоять в том, чтобы после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру, на московском направлении осуществить поворот части сил главной центральной группировки на север. Они во взаимодействии с северной группировкой должны будут разгромить советские войска в Прибалтике²⁷. Наряду с этим он предлагал в качестве первостепенной задачи разгром всей южной группировки советских войск на Украине. Только после выполнения этих стратегических задач на флангах фронта, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Черного морей и лишился важнейших экономических районов, фюрер считал возможным приступить к взятию Москвы. По его мнению, для

разгрома Советского Союза требовалось не более 130–140 дивизий.

Таким образом, еще в ходе планирования войны против СССР в германском командовании выявился разный подход к решению важнейших стратегических задач. Первую линию (концепция «концентрического наступления» на Москву) представлял Генеральный штаб сухопутных войск, вторую (наступление по расходящимся направлениям), которой придерживался и Гитлер, — штаб ОКВ.

Генерал Филиппи писал, что разработанный в сентябре в ОКВ план содержал «опасную идею остановить войска в центре, повернуть подвижные силы на север, чтобы помочь дальнейшему продвижению застрявшего соседа еще до того, как будет предпринято наступление на Москву». «Можно полагать, — отмечал далее Филиппи, — что Гитлер прочно усвоил идею этого „поворота“, подходившую как нельзя лучше к его стратегической концепции, хотя он ее совершенно иначе обосновывал»²⁸. Для него решающее значение имел захват сырьевых и продовольственных ресурсов Советского Союза.

Вероятно, и Геринг сыграл немалую роль в том, чтобы разжечь в Гитлере стремление к достижению военно-экономических целей. В качестве председателя совета министров по обороне империи он потребовал в ноябре 1940 г. от начальника военно-экономического управления штаба ОКВ генерала Томаса составить для него доклад, в котором выдвигалось требование быстрого овладения европейской частью России в связи с обострением продовольственного положения империи и ее трудностей с сырьем. Особенно в нем подчеркивалась необходимость «захватить неразрушенными ценные русские экономические районы на Украине и нефтяные источники Кавказа»²⁹.

Так или иначе, точка зрения штаба ОКВ возобладала и нашла свое отражение в окончательной директиве № 21 Верховного главнокомандования, подписанной Гитлером 18 декабря и получившей кодовое наименование «Барбаросса», которое как бы придавало войне символический смысл крестового похода.

В директиве говорилось, что после рассеяния советского фронта в Белоруссии для основной немецкой группировки, наступающей из района Варшавы, создадутся «предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север с тем, чтобы, во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной

Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности»³⁰.

17 декабря Гитлер в беседе с Йодлем по плану «Барбаросса» особо подчеркнул, что в 1941 г. вермахт должен решить «все континентальные проблемы в Европе, так как после 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну»³¹. Следовательно, основная цель плана «Барбаросса» состояла в том, чтобы разбить советские вооруженные силы в одной скоротечной кампании. Директива № 21 требовала закончить подготовку к нападению на Советский Союз к 15 мая 1941 г.

Многие бывшие генералы вермахта и военные историки ФРГ пытались выдать решение Гитлера наступать на Москву только после разгрома советских войск в Прибалтике и на Украине за основной и единственный порок плана «Барбаросса». Они называли это решение «несовместимым с оперативными требованиями». Тот факт, что Генеральный штаб сухопутных войск не отстоял еще при подготовке плана «Барбаросса» своей идеи нанесения главного удара на Москву, генералы вермахта объясняли тем, что у Гитлера отсутствовала необходимая «основа для доверия и понимания», ему было трудно что-либо доказать. А начальник Генштаба Гальдер и главнокомандующий сухопутных войск Браухич, исходя из мысли Мольтке, что «ни один оперативный план не может с определенностью предугадать события, которые последуют за первым столкновением с главными силами противника», полагали: после достижения линии Днепра проводить последующие операции можно будет, исходя из конкретно сложившейся обстановки³².

Ссылки на упрямство и недоверчивость Гитлера не могут служить сколько-нибудь веским алиби для германских генералов. Но дело даже не в этом. Нельзя сводить порочность плана «Барбаросса» только к вопросу о Москве (с тем же правом можно было бы сейчас сказать, что наступление на Москву представлялось невозможным без ликвидации угрозы со стороны фланговых стратегических группировок советских войск). Главное здесь заключается в том, что план «Барбаросса» был превыше сил вермахта, а потому оказался авантюристичным, порочным в своей основе. На совещании Галь-

дера с генералом Фроммом 28 января 1941 г. было установлено, что подготовленных людских резервов для восполнения потерь в войне против СССР хватит лишь до осени 1941 г., а снабжение горючим вызывает серьезные опасения. Войска совершенно не готовились к ведению действий в зимних условиях. Когда ОКХ представило в Верховное главнокомандование свои соображения об обеспечении армии зимним обмундированием, Гитлер отклонил их на том основании, что «Восточный поход» должен закончиться до наступления зимы. Эти зловещие факты не получили правильной оценки со стороны германского генералитета. На совещании командующих группами армий и армиями у Гальдера 14 декабря 1940 г., где подводились итоги штабных игр по плану нападения на Советский Союз, был сделан единодушный вывод, что Красная армия будет разбита в скоротечной кампании, которая займет не более 8–10 недель³³.

31 января ОКХ отдало на основе плана «Барбаросса» директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию. Для ведения операций создавались три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Перед ними была поставлена задача рассечь глубокими танковыми клиньями главные силы Красной армии, находившиеся в западной части Советского Союза, и уничтожить их, воспрепятствовав отходу боеспособных войск в «глубину русского пространства». В качестве первой стратегической цели была намечена линия Днепра и Западной Двины. Основные прорывы планировалось осуществить вдоль магистральных шоссе: в полосе группы армий «Центр» — вдоль шоссе Брест — Минск, а на фронте группы армий «Юг» — вдоль шоссе Ровно — Киев.

Для выполнения плана «Барбаросса» были развернуты громадные вооруженные силы. К июню 1941 г. они насчитывали в целом 7234 тыс. человек³⁴. Из них в сухопутных войсках и армии резерва было 5 млн человек, в ВВС — 1680 тыс., в ВМС — 404 тыс., в войсках СС — 150 тыс. человек. С 1 сентября 1939 по 6 апреля 1941 г. число дивизий в действующих сухопутных войсках возросло с 88 до 190. К моменту нападения на СССР их было уже 209. Из них для выполнения плана «Барбаросса» были выделены 152 дивизии и две бригады. Кроме того, страны — сателлиты Германии выставили против СССР 29 дивизий (16 финских, 13 румынских) и 16 бригад (три финские, девять

румынских и четыре венгерские), в которых числилось в общей сложности 900 тыс. солдат и офицеров. Следовательно, всего против СССР противник развернул 181 дивизию и 18 бригад. Ударная сила «восточной армии» — танковые войска имели около 3500 танков и штурмовых орудий. В сухопутных войсках было 7200 орудий.

Основные силы были сосредоточены в группе армий «Центр», которая имела задачу расколоть советский фронт стратегической обороны. Главная ставка делалась на сокрушающую мощь внезапного удара массированными силами танков, пехоты и авиации и на их молниеносный бросок к важнейшим центрам Советского Союза. Для поддержки сухопутных войск, действовавших против Красной армии, было выделено четыре воздушных флота. Кроме того, сателлиты Германии выставили против Красной армии около 1000 самолетов.

Сосредоточение немецких войск к исходным районам с помощью железнодорожного транспорта началось в январе. Постепенно нарастая, оно проводилось вплоть до июня пятью эшелонами. Для этих целей потребовалось 97 тыс. железнодорожных составов. К концу февраля в исходных районах находились 25 дивизий, в марте прибыло еще семь, в апреле — 13, в мае — 30 и до 22 июня — еще 51 дивизия. Сосредоточение военно-воздушных сил началось с 10 июня.

Для скрытия подготовки нападения на Советский Союз германское командование усиливало мероприятия по дезинформации. С этой целью Кейтель издал 15 февраля 1941 г. специальную директиву по дезинформации противника. Проведение дезинформационных мероприятий разбивалось на два этапа. На первом, примерно до апреля 1941 г., предусматривалось создать ложное представление относительно намерений немецкого командования, акцентируя при этом внимание на планах вторжения в Англию и на подготовке операции «Марта» (против Греции) и «Зонненблуме» (в Северной Африке).

На втором этапе, когда скрыть подготовку к нападению на Советский Союз, как отмечалось в директиве, станет уже невозможно, стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» должно было быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью «отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Чтобы создать иллюзию подготовки вторжения немецких войск в Англию,

командование вермахта распространяло дезинформационные сведения о несуществующем «авиадесантном корпусе». Оно также прикомандировало к войскам переводчиков с английского языка, отдало приказ напечатать в массовом количестве топографические материалы по Англии, подготовило «оцепление» определенных районов на побережье Ла-Манша, Па-де-Кале и в Норвегии, разместило на побережье ложные «ракетные батареи» и пр. Кроме того, были разработаны специальные операции «Хайфиш» и «Харпуне», чтобы усилить впечатление подготовки высадки десантов в Англию из Норвегии и Северной Франции.

30 апреля срок нападения на Советский Союз был перенесен с 15 мая на 22 июня. К этому времени большая часть соединений вермахта, участвовавших в захвате Югославии и Греции, была переброшена в район действий «Барбаросса». Развернутая против СССР группировка противника намного превосходила противостоявшие ей силы Красной армии. На 21 июня в советских западных округах насчитывалось 2,9 млн человек в составе всех видов вооруженных сил и родов войск³⁵. Против них было выставлено в одних сухопутных войсках Германии (с учетом армий сателлитов) около 4,2 млн человек. Группировка советских войск была в оперативном отношении крайне невыгодна для отражения удара превосходивших сил врага. Из 170 дивизий, входивших в состав Ленинградского округа, Прибалтийского, Западного, Киевского особых округов и Одесского военного округа, в их первом эшелоне к утру 22 июня на фронте от Балтийского моря до Карпат имелось только 56 дивизий (32 %). Остальные дивизии, входившие в состав этих округов, находились на марше или в районах сосредоточения на общей глубине от 300 до 400 км от границ. Противник же имел в это время перед фронтом советских округов в первом эшелоне 63 % всех соединений армии вторжения.

Таким образом, к моменту нападения на Советский Союз Гитлер располагал громадными военно-политическими и экономическими преимуществами. Вся Западная, Северная и Южная Европа, за исключением Англии, лежала с ее экономическими и людскими ресурсами у его ног. В результате заключения с Гитлером пакта о ненападении в августе 1939 г. Сталин поставил Советский Союз вплоть до 22 июня 1941 г. в положение полной международной изоляции. С этим были связаны и другие ошибки и просчё-

ты, сыгравшие роковую роль в судьбе советского народа. Пакт позволил Гитлеру обрушить удар вермахта против Франции, не опасаясь за свой тыл на Востоке и вести войну только на одном фронте.

После разгрома Германией Франции в мае-июне 1940 г. советская политика должна была сделать все возможное, чтобы решительно пойти на сближение с Англией и США и заключить с ними союз, противопоставленный державам «Оси». Для этого имелись все необходимые условия. Вместо этого Сталин предпочел дальнейшее сотрудничество с Гитлером и заигрывание с державами «Оси». Из Советского Союза в Германию вплоть до 22 июня 1941 г. потоком шли сырье, продовольствие и нефть. И все это, несмотря на то, что в Москву по различным каналам — и от Черчилля, и от Бенеша, и от собственной разведки, и от других источников — текла достоверная информация о том, что Германия изготавилась к войне против Советского Союза. Даже называлась конкретная дата нападения.

Но Сталин полностью игнорировал эти предупреждения, он отмахивался от них. А в высших военных и государственных структурах не нашлось ни одного человека, который бы нашел в себе мужество обрисовать перед ним реальное положение вещей и смертельную опасность, нависшую над страной. Даже начальник главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковник Ф. И. Голиков, в чью святую обязанность входило объективное информирование правительства о внешних угрозах, накладывал на агентурные донесения о надвигающейся нацистской агрессии резолюцию: «Дезинформация». Все подстраивалось под мнение Сталина, только бы не впасть в немилость вождя.

14 июня 1941 г., за неделю до начала нацистской агрессии против СССР, ТАСС опубликовал в центральных органах печати особое заявление, в котором он по уполномочию советского правительства возвестил, что слухи о якобы готовящемся нападении Германии на Советский Союз лишены оснований. Это заявление, сделанное в соответствии с установкой Сталина, дезориентировало народ и армию, дорого обошлось стране. Вооруженные Силы страны не были своевременно приведены в готовность к отражению агрессии. За дилетантизм и роковые ошибки Сталина советскому народу пришлось тяжело расплачиваться своей кровью. Немецким войскам удалось до конца 1941 года выйти

вплотную к Ленинграду и Москве, захватить почти всю Украину.

Но на этом все политические, стратегические и экономические расчеты Гитлера и его генералов, основанные на «молниеносной войне» по плану «Барбаросса», рухнули. Советский народ, государственные органы и военное командование сумели быстро оправиться от первых тяжелых поражений и в упорных боях остановить наступление вермахта. Еще в середине октября Гитлер говорил своим приближенным: «22 июня мы распахнули дверь, не зная, что за ней находится»³⁶.

Декабрьское контрнаступление Красной армии впервые с начала Второй мировой войны заставило германское командование перейти к стратегической обороне. Приказ об этом был отдан ставкой Гитлера 8 декабря 1941 г. В нем говорилось: «Главным силам войск на Востоке по возможности скорее перейти к обороне...»³⁷. Основная цель плана «Барбаросса» — «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной молниеносной кампании» — не была достигнута. вермахт не только оказался не в состоянии разгромить Красную Армию, но и сам потерпел жестокое поражение под Москвой. Перед Германией возникла перспектива затяжной войны, в которой у нее не было никаких шансов на победу.

Готовясь к борьбе за господство в Европе, гитлеровское руководство постаралось сделать всё возможное, чтобы избавить Германию от необходимости вести войну на два фронта. Благодаря пакту Молотова-Риббентропа, заключенному 23 августа 1939 г., оно добилось нейтралитета Советского Союза для проведения военных кампаний на Западе. Это позволило военной машине Гитлера без труда расправиться с Францией. Тем самым Германия обезопасила себя с Запада для войны против Советского Союза. Казалось, сбылись самые смелые мечты германских генштабистов: путь для военного похода на Восток был для них открыт. Но после 22 июня 1941 г. для них случилось совершенно невероятное и непостижимое. Германия оказалась неспособной одержать победу только на одном советско-германском фронте! До высадки западных союзников в Нормандии в июне 1944 г. вермахт в единоборстве с Советской Армией потерпел сокрушительное поражение. Судьба Второй мировой войны и фашистской Германии была решена на полях сражений в Советском Союзе.

- ¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М. 1969, Т. 2, С. 80
- ² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt am Main, 1965, Bd. I, S. 360, 363 (в дальнейшем: КТВ ОКВ).
- ³ Hull C. The Memoires. N.Y., 1948. Vol.II. P. 90.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959. С. 497.
- ⁶ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, P. 150;
- ⁷ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. N-Y. 1950. P. 235.
- ⁸ Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956. С. 270; Klein B. Germany's Economic Preparations. Cambrige, 1959. P. 99.
- ⁹ Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler 1939–1941. Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt am Main 1967. S. 507.
- ¹⁰ Ibid. S. 510.
- ¹¹ Ibid. S. 335; см. также: Kase T. Eclipse of the Rising Sun. L., 1951. P. 160; Presseisen E. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy 1933–1941. The Hague, 1958. P. 301; Butow R. Toja and the Kaming of the War. Princeton, 1961. P. 208; Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler 1939–1941. S. 598.
- ¹² Hupke H. Japans Russlandpolitik 1939–1941. Frankfurt a/M., 1962. S. 128.
- ¹³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 80; КТВ ОКВ, Bd.I, S. 257.
- ¹⁴ Hupke H. Japans Russlandpolitik 1939–1941. Frankfurt a/M., 1962. S. 128.
- ¹⁵ Hillgruber A. Der Einbau der verbündeten Armeen in die deutsche Ostfront 1941–1944; Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1960. № 12. S. 662.
- ¹⁶ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 225.
- ¹⁷ Gaszony P. Über die Vorgeschichte des deutschen angriffs auf die Sowjetunion im Juni 1941. Allgemeine schweizerische Zeitschrift, 1966, Nr. 7, S. 400.
- ¹⁸ КТВ ОКВ Bd1. S. 257.
- ¹⁹ Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung. S. 211. International Military Tribunal., Vol XXXVI. Doc. 873-P8. P. 400.
- ²⁰ Uhlig H. Das Einwirken Hitlers auf die Planung und Führung des Ostfeldzuges. „Aus Politik und Zeitgeschichte“, 1960. 16 März. S. 166.
- ²¹ КТВ ОКВ. Bd. I, S. 1033.
- ²² Военно-исторический журнал. 1961. № 9.
- ²³ Weinberg G. Hitlers Entschluss zum Angriff auf die Sowjetunion. „Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte“. 1957. H. 4. S. 309.
- ²⁴ Higgins T. Hitler and Russia. The Third Reich in a Two-Front War 1937–1943. N.Y., 1966. p. 64; Seth R. Operation Barbarossa. London, 1964. P. 94–95.
- ²⁵ Blau G. The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940–1942). Washington., 1955. P. 13.
- ²⁶ Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 31.
- ²⁷ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 982.
- ²⁸ См. Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 230.
- ²⁹ Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 43.
- ³⁰ Hitlers Weisungen. S. 86.
- ³¹ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 996.
- ³² Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 47:18.
- ³³ Blau G. Op. cit. P. 20.
- ³⁴ КТВ ОКВ, Bd. I, S. 97E.
- ³⁵ Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 10.
- ³⁶ Hitler's secret Conversations 1941–1944. N.-Y., 1953. P. 59.
- ³⁷ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. S. 171.

«Референдум» 1940 г. в Бессарабии и политика властей современной Молдавии

Н. В. Бабилунга*

Тот, кому сегодня удаётся манипулировать историческим сознанием народа той или иной страны, обретает возможность в значительной степени управлять его настоящим и даже будущим. Это хорошо просматривается на примере Республики Молдова, где правящий класс с момента выхода этого государства из состава Советского Союза и даже несколько раньше начал «конструировать» собственную версию истории своей страны, преследуя конъюнктурные политические цели. В последние два десятилетия власти в Кишинёве пытаются утвердить государственность Молдавии не как самобытный историко-политический феномен со своей национальной экономической, правовой, политической и социальной системами, со своей неповторимой историей, культурой и традициями, а как неотрывную часть некоего маловразумительного «румынского пространства».

Для реализации этой цели политическая элита взяла под свой полный контроль процесс формирования идеологии государства и общественного сознания, пытаясь создать новую для молдаван идентичность — румынскую, и формализовать молдавскую государственность как часть румынской. Основой этой новой, «молдовской» концепции истории стали четыре ключевых события прошлого.

События 1812 г., которые рассматриваются сегодня не как освобождение народов края от

ига Османской империи, а как насильственное расчленение не существовавшего в то время Румынского государства и аннексия его части Россией.

События 1918 г., которые интерпретируются не как насильственный захват королевской Румынией части территории России — своей союзницы по Первой мировой войне, а как воссоединение Бессарабии с «матерью-родиной» и торжество исторических идеалов «румынизма».

События 1940 г., которые с точки зрения официальной идеологии были просто большевистским грабежом и оккупацией части мирной независимой страны, а образование Молдавской ССР — незаконным и насильственным актом.

События Второй мировой войны, которые подаются как освобождение Бессарабии от советских оккупантов (в 1941 г.) и последующий захват части Румынии Советской армией с установлением антинародного большевистского режима (в 1945 г.)¹.

В этом ряду ключевых и поворотных событий на историческом пути молдавского народа 1940 г. занимает особое место. Парламент Республики Молдова даже принял специальное «заключение» по политико-юридической оценке Советско-Германского договора и Дополнительного секретного протокола к нему, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины². В этом документе среди прочего имеются и такие пассажи: «Настойчивые утверждения

* **Бабилунга Николай Вадимович** — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, заведующий научно-исследовательской лабораторией «История Приднестровья».

советской официальной историографии о том, что в Бессарабии в 1918 г. якобы победила советская власть и тем самым она якобы стала составной частью Советского государства, были призваны обосновать экспорт революции и повторную аннексию Бессарабии. Борцам за реализацию так называемых революционных намерений большевиков на этой территории, как и другим борцам за сохранение империи, замаскированным под революционеров, *за редким исключением иной этнической принадлежности* (Вид. авт.), были чужды жизненно важные интересы сохранения и процветания целостной румынской нации»³.

Столь откровенно выраженная в этом документе позиция кишинёвских властей фактически предоставила Приднестровью весомые юридические аргументы, подтверждающие его право на воссоздание своей государственности наряду с бесспорными историческими, демографическими, экономическими, социально-культурными и прочими фактами.

Этому лживому по своей сути тезису власти Молдавии придают такое огромное значение, что в тех или иных вариациях он повторяется буквально во всех официальных учебниках по «Истории румын», или так называемой «интегрированной истории». Он фактически стал своего рода «священной коровой» всех «научных», учебных и публицистических изданий кишинёвского режима. Его навязывает читателям практически вся его официальная идеологическая машина. Его выдают за откровение, за аксиому, не требующую доказательств. Сомнений в том, что население Бессарабии жаждало процветать и благоденствовать в составе «румынской матери-родины», даже не допускается, и значит, только коварство сталинской России, сговорившейся с гитлеровской Германией, разрушило эту идиллию.

Трудно найти в современной Молдавии хотя бы одно издание, которое не навязывало бы своим читателям с упорством, достойным лучшего применения, именно такой взгляд на события лета 1940 г. Однако фактов, подтверждающих единодушное стремление бессарабцев стать румынами, практически нет. И в поиске аргументов дело доходит до случаев почти анекдотических.

Вопрос о том, с какими чувствами жители Бессарабии встречали Красную армию и с какими провожали уходящих восвояси румын, конечно же, не праздный, тем более что он стал камнем преткновения в современной внутри-

политической жизни Молдавии. Некоторые исторические факты, опубликованные в самых разных независимых друг от друга источниках, свидетельствуют о том, что советские войска перешли Днестр по мосту в Бендерах в 14 ч 28 июня 1940 г. и, согласно плану операции, должны были через два часа быть в Кишинёве. Однако оставшиеся 70 км мотопехотные части прошли за восемь часов и оказались в Кишинёве только в 22 ч. Почему с таким опозданием была выполнена поставленная задача? Из-за сопротивления румын?

Отнюдь! Марш замедлился по совсем другой причине. Уже в ближайшем к переправе селе Кицканы население вышло навстречу советским войскам с красными флагами. У здания пограничного поста при всеобщем ликовании народа был сорван румынский «триколор». В Варнице, Сынжере, Меренах, Кетросах, Тодирештах, Кирке, Калфе и других сёлах, через которые проходила дорога на Кишинёв, молдаване, как во время свадьбы, перегораживали дорогу столами с вином и закусками, останавливали военные колонны и не пропускали их до тех пор, пока солдаты не отведали угощения. Эти встречи перерастали в стихийные митинги, в праздник каждого села. Крестьяне от всей души говорили приветственные речи и тосты. Первые слова были сказаны крестьянином из Кицкан: «Дорогие мои братья! Мы ждали вас! Давно вас ждём! И вы пришли, слава Богу, что пришли. Земля наша выжата, наша жизнь горька как полынь. Земли у нас нет, и жизни тоже не было! Вы пришли, и теперь мы создадим одну семью!»⁴.

Таким образом, в распоряжении историков есть не только сомнительные сведения неких «очевидцев», готовых услужливо «вспомнить» всё, что угодно властям, но и действительно документальные материалы. Они убедительно свидетельствуют о том, какими были в то время геополитические предпочтения населения Бессарабии. Конечно, люди голосовали не на референдуме, поскольку в политической практике той эпохи такие формы опроса населения были достаточно редким явлением, а в условиях разгоравшейся Второй мировой войны — просто невозможными. И тем не менее такой «референдум» практически состоялся. Он был весьма своеобразным: не имея возможности голосовать руками, население «голосовало ногами». Уникальная ситуация последних дней июня 1940 г. предоставила всем жителям Бессарабии

возможность выбора, право самостоятельно решать, с кем связать свою дальнейшую судьбу — с фашистской Румынией или с Советским Союзом. Каждый мог либо уйти в Румынию, присоединившись к обозам румынской армии, администрации, чиновников и священников, беспрепятственно покидавших Бессарабию, либо остаться дома и встретить «оккупационную» Красную армию многодневными праздниками и весельем. Огромное количество бессарабцев, по разным причинам покинувших в годы румынской оккупации пределы края, тоже сделали свой выбор.

Есть ли у нас факты, которые позволяют оценить результаты этого независимого и достаточно объективного «референдума»? Мы полагаем, что в нашем распоряжении есть значительный объём документальных материалов, кстати, хорошо известных молдавским историкам старшего поколения.

Начнём с того, что в 14 ч. пополудни 28 июня 1940 г. Красная армия вошла не в опустевшую страну, брошенную своими жителями, которым ничто не мешало покинуть её вместе с румынами, начавшими своё бегство ранним утром 27 июня. Ещё в течение недели жители края могли свободно покинуть Бессарабию. И такой исход действительно был. И даже немалый, что позволяет современным кишинёвским историкам писать о массовом бегстве «бессарабских румын» от «безбожной власти большевиков». Но в том-то и дело, что бежали не какие-то «бессарабские румыны», а румыны самые что ни на есть настоящие — уроженцы Старого королевства⁵, Мунтении, Олтении, Трансильвании, Баната и пр.

И ведь было кому бежать. После установления монархо-фашистской диктатуры Кароля II в феврале 1938 г. и превращения Румынии в сырьевой придаток агрессивного гитлеровского блока, воинственные настроения в правящей клике достигли максимального накала. В апреле 1939 г. министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку убеждал германского фюрера: «...Что особенно важно, так это не дать распространиться влиянию России на европейские дела»⁶. А в январе 1940 г. румынский король, инспектируя возводимую в Бессарабии линию военно-стратегических укреплений вдоль Днестра, заявил в Кишинёве, что его армия настолько сильна, что может дойти и до Южного Буга, и до самой Москвы. Призывая скорее освободить своих «братьев» в Левобережном

Приднестровье и на Украине, он поручил Генеральному штабу начать разработки конкретных планов операций, рассчитывая, естественно, на помощь Германии и Японии⁷. Проведённые в течение 1939–1940 гг. мобилизационные мероприятия позволили правящему режиму к июню 1940 г. довести численность румынской армии до 39-и пехотных и 4-х кавалерийских дивизий, 12-и артиллерийских полков, не считая других воинских подразделений. На территории собственно Бессарабии было сосредоточено 36 дивизий и 2 бригады⁸.

Кроме военных за Прут хлынули толпы присланных из Бухареста чиновников и членов их семей, колонистов и переселенцев, скупавших за бесценок земли у разорённых крестьян Бессарабии, румынских священнослужителей, коммерсантов, помещиков и просто любителей лёгкой наживы. Не обращая внимания на требования советской стороны, изложенные в ноте от 27 июня 1940 г.⁹, они безнаказанно мародёрствовали, грабили жителей края, а подчас убивали, злобно мстя симпатизировавшим Советам, как когда-то турки мстили им за симпатии к русским. Много ли их было этих мстителей, и сколько среди них было самих бессарабцев?

Американский историк Л. Ф. Шуман ещё в середине прошлого века привёл такие данные: «200 тыс. румын ушли за новую границу и примерно такое же количество пришло в оккупированные районы из самой Румынии». Интересно замечание автора о том, что в «оккупированные» районы, т. е. в Бессарабию, возвращалось много «румын». Объяснить внятно, почему одни «румыны» бежали из «оккупированного» края, а другие туда возвращались, автор так и не смог, отметив лишь, что последние, видимо, просто «предпочитали власть Москвы власти Бухареста»¹⁰. Мы ещё вернёмся к этим странностям «румын». Но пока зададимся вопросом: а сколько среди бежавших было бессарабцев? Сколько было тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, т. е. коллаборационистов или белогвардейцев, сводивших старые счёты с большевиками, или просто богатых местных жителей, спасавших свои капиталы и добро?

Молдавский историк П. М. Шорников пришёл к интересному выводу. Он обнаружил, что весной 1941 г. по указанию румынского диктатора Иона Антонеску была проведена перепись всех беженцев из Бессарабии. Всего зарегистрированных оказалось 82 555 человек¹¹. Если

учесть, что статус беженца давал ряд преимуществ и льгот, от которых бежавшие из Бессарабии румынские служащие, торговцы и пр. вряд ли отказывались, то данные Л. Ф. Шумана о 200 тыс. покинувших край явно завышены, поскольку даже зарегистрированные 82 тыс. включали не только истинных бессарабцев, но и часть оккупантов, временно управлявших «туземцами» и грабивших местное население. Во всяком случае, американский историк румынского происхождения Г. Чорэнеску в середине 80-х гг. XX в. подсчитал, что всего Бессарабию покинули и переехали в Румынию в 1940–1941 и в 1944–1945 гг. приблизительно 50 тыс. бессарабцев¹².

Правда, эти данные не учитывают бессарабских немцев. Но это особая история. Когда Москва 26 июня 1940 г. направила в Бухарест упомянутую ноту, германский посол в СССР граф Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову, что «Германия стоит на принципах Московских соглашений¹³ и не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Её интересует лишь судьба 100 тыс. немцев, проживающих в Бессарабии». Шуленбург к тому же имел инструкции из Берлина информировать советское правительство, что «его решение (бессарабского вопроса. — *Прим. авт.*) явилось полной неожиданностью для германского правительства и что это сильно затронет германские экономические интересы и приведёт к распаду больших немецких поселений в Бессарабии, а также немецких элементов в Буковине»¹⁴. Поэтому 5 сентября 1940 г. Москва и Берлин подписали договор о «репатриации», по которому из Бессарабии выехало в Германию 93 тыс. 548 немцев, проживавших главным образом на юге края. Часть из них стала «пушечным мясом» в войсках СС и вермахте. Семьями бессарабских немцев нацисты заселяли территорию оккупированной Польши¹⁵.

Итак, один поток мигрантов шёл из Бессарабии на Запад. Он насчитывал приблизительно 200 тыс. человек. По большей части это были румынские военные, полицейские, служащие, священники, чиновники и пр., в течение 22 лет колонизировавшие и румынизовавшие коренных жителей, а также управлявшие ими. Примерно четвертая часть из них (около 50 тыс. человек) были коренными жителями края, не пожелавшими жить под властью Советов.

Но был поток мигрантов, двигавшийся и в обратном направлении — в Бессарабию. «Бла-

годеяния» румынского оккупационного режима вынуждали население края к массовому бегству, которое продолжалось весь период иноземного господства. Только за первые 10 лет румынской оккупации эмиграция из Бессарабии в СССР составила 300 тыс. человек, в страны Западной Европы — 150 тыс., в Южную Америку и США — 50 тыс. человек¹⁶. В предвоенное десятилетие число эмигрантов из Бессарабии несколько сократилось, но и тогда они уезжали десятками тысяч.

Очень многие бессарабцы искали спасения от голода и в самом «Старом королевстве». Румыны превратили регион Пруто-Днестровского междуречья не только в источник дешёвого сырья, но и в поставщика дешёвой рабочей силы. Как отмечали сами румынские исследователи в 1938 г., «выход за Прут крайне обнищавших сельских пролетариев и полупролетариев Бессарабии принял особенно значительные размеры»¹⁷. А бухарестская газета «Темпо» в те годы рисовала такую живописную картину: «Ежедневно поезда из Бессарабии выбрасывают на улицы столицы сотни голодающих молдаван, русских, болгар, евреев... В бюро по найму, на улицах, на скамейках в общественных местах, в ночлежках, в окраинных трактирах, под мостами столицы — всюду, где скапливаются эти несчастные, преобладает молдавский язык или русский, смешанный с еврейским... Девушки, женщины, мужчины, бросившие на произвол судьбы свои поля и мастерские в Бессарабии, в поисках работы предлагают себя жителям Бухареста за любую сумму, не за нищенское жалованье, а только за пищу, хотя бы один раз в день»¹⁸. По сведениям Инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 г. местные биржи труда трудоустроили за пределами края более 40 тыс. зарегистрированных ими безработных горожан¹⁹. Понятно, что это лишь верхушка айсберга, ибо безработных и разорённых жителей сельской местности никто и не думал регистрировать.

Эти люди, оказавшиеся за пределами родины к июню 1940 г., тоже имели право голоса на том своеобразном «референдуме»: вернуться в Советскую Бессарабию и принять гражданство СССР или остаться в Румынии и в тех странах, куда их забросила судьба. Уже 28 июня 1940 г. в советское посольство в Бухаресте поступило около 250 заявлений от бессарабцев с просьбами о возвращении на родину²⁰. А затем со всех концов Румынии в сторону Прута устремились

потоки людей, направлявшихся домой несмотря на все препятствия и зверства, чинимые румынскими властями.

Американский журналист У. Максвелл, ставший очевидцем этого исхода, писал в статье «Бессарабия», что 28 июня 1940 г. «...в самой Румынии начался немедленный выезд из других румынских провинций молдаван, украинцев и особенно евреев в освобождённые Бессарабию и Буковину... Каждая станция вдоль железнодорожных путей, ведущих в Бессарабию, была полна людей, ожидавших поездов. Те, кто не мог найти другого способа, шли пешком, скрываясь днём в лесах во избежание возвращения (насильственного. — *Прим. авт.*) назад». По свидетельствам этого журналиста поезда на дорогах, ведущих в Бессарабию, обстреливались, что приводило к многочисленным жертвам²¹.

Одна из таких безнаказанных расправ произошла в Галаце 30 июня 1940 г., где на площади перед железнодорожным вокзалом собралось свыше 2 тыс. докеров, членов их семей и других выходцев из Бессарабии, ожидавших поезда на родину. Площадь была оцеплена румынскими жандармами и солдатами. Людей держали на жаре, лишив воды и пищи, превратив ожидание в пытку. А потом по безоружным людям открыли огонь. Тогда на площади погибли около 600 человек и вдвое больше были ранены²².

Это была неприкрытая месть румын за сочувствие столь ненавидимым ими Советам. Ветеран труда, жительница Бендер Людмила Горенко — участница круглого стола «Бендеры — форпост Приднестровья в переломные моменты истории», проходившего 24 июня 2010 г. в рамках конференции «Июнь 1940 года: Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР» — была очевидицей событий в Галаце, откуда в тот день возвращалась с семьёй на родину. По её словам, крови было так много, что она буквально ручьями заливала мостовые города. Это злодеяние румынских властей, по своей жестокости и масштабности не уступавшее страшным преступлениям гитлеровцев, почему-то осталось почти незамеченным современниками и почти забыто потомками.

Подобные расправы с репатриантами происходили и в Яссах, и в других румынских городах, сёлах и пограничных пунктах. В Яссах, например, 5 тыс. беженцев, возвращавшихся в Бессарабию, были заперты без пищи и воды в небольшом здании городского вокзала, а затем их погрузили в грязные товарные вагоны

из-под угля, которые в пути обстреливались румынами, а на станциях Сокола и Николина были ограблены при полной безнаказанности преступников и попустительстве властей²³. Рабочий Михаил Морозан, насильственно мобилизованный на строительство военных укреплений, а затем вывезенный вместе с другими бессарабцами в Румынию, рассказывал, что, когда они пожелали вернуться домой и объявили об этом, румынский офицер стал собственноручно расстреливать их команду из пистолета перед воинским строем²⁴. Погибли большинство мобилизованных бессарабцев, вся вина которых состояла лишь в том, что они хотели жить в своей стране, а не на чужбине.

Но несмотря ни на что, репатрианты возвращались. Менее чем за месяц в Бессарабию из Румынии вернулось 150 тыс. беженцев, и население региона возросло на 5 %. Но и позднее люди ехали в свои покинутые дома, причём не только из Румынии, но и из других стран. К концу 1940 г., когда репатриация в основном закончилась, из-за границы на родину вернулись примерно 300 тыс. бессарабцев, в том числе 220 тыс. из Румынии. Рост численности населения края в эти месяцы составил немногим менее 10 %. Характерно, что бессарабские эмигранты, возвращавшиеся в родные места из Франции, Италии, Венгрии и Югославии, в своих обращениях к Советскому правительству буквально умоляли ни в коем случае не реэвакуировать их через Румынию, прекрасно понимая, что их там ожидает²⁵.

Однако вернёмся к тому потоку беженцев, который направлялся из Бессарабии за Прут. Помимо румынских чиновников, жандармов, торговцев, священников и прочих выходцев из Старого королевства, прекрасно осознававших временный характер своего пребывания в оккупированной Бессарабии, преобладали в этом потоке, конечно же, офицеры и солдаты румынской армии. Но покидали они оккупированный край, так и не ставший для них удобным плацдармом для удара по юго-западным территориям СССР, не строем, не с развёрнутыми знамёнами. Они убегали поспешно, разрушая и уничтожая то, что не могли забрать с собой, отбирали у населения скот, продовольствие, ценности, имущество. Деморализация в бегущих войсках, по признанию самих румын, была очень распространённым явлением²⁶. И наиболее явным её признаком стало массовое дезертирство из румынской армии солдат-бессарабцев.

Как фиксировали агенты сигуранцы²⁷, радость и восторг при известии об освобождении Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. «демонстрировались не только в рядах гражданского населения, но и в рядах армии»²⁸. Бессарабцы и буковинцы покидали румынскую армию, скрываясь в лесах, оврагах, плавнях, домах местных жителей, ожидая подхода частей Красной армии. Многие из них погибли от рук румынских карателей, которые облавами, засадами, расстрелами без суда и следствия пытались остановить массовое дезертирство бессарабцев из бегущей армии. Но утратить зверскими расправами не желавших уходить в Румынию местных жителей, служивших в оккупационной армии, было невозможно.

Целые подразделения и даже части королевской армии не доходили до Прута, если большинство в них составляли мобилизованные жители Бессарабии. Солдаты просто бросали оружие и расходились по домам. Так перестала существовать как боевая единица 12-я пехотная дивизия румынской армии. По 3 тыс. солдат не досчитались 7-я и 15-я пехотные дивизии²⁹. Причём солдаты артиллерийского полка бросили в поле всё вооружение и боеприпасы. Многие бессарабцы, служившие на территории самой Румынии, тоже попытались вернуться домой, за что, как уже говорилось, чаще всего расплачивались своими жизнями. Тот же У. Максвелл по этому поводу писал: «Молдавские и украинские солдаты румынской армии убегали при любой возможности. В одной части при переключке румынский офицер приказал желающим возвратиться в Бессарабию сделать шаг вперёд. Надеюсь, что они будут отпущены в освобожденную Бессарабию, 60 солдат вышли вперёд. Они были расстреляны»³⁰.

Только за 10 дней, с 28 июня по 8 июля 1940 г., по данным румынского Генштаба, из румынской армии дезертировали 61 970 военнослужащих, что можно считать рекордным показателем³¹. Едва ли какая-либо другая армия в условиях мира теряла столько солдат за столь малый срок. Возвращаясь к началу нашего повествования, мы вполне можем определённо ответить на загадочный вопрос, который поставил в тупик американского историка А. Шумана и многих других западных — а ныне и кишинёвских, и бухарестских — историков.

Что же это за странные «румыны», часть которых бежала за Прут от Красной армии,

а часть, рискуя жизнью (а нередко и расставаясь с ней), имуществом и здоровьем, рвалась в освобождённые от румын же земли Бессарабии и Северной Буковины?! Эту странность трудно объяснить, если руководствоваться нынешней псевдонаучной версией, что Бессарабия будто бы была и остаётся неотъемлемой частью некой румынской «матери-родины».

Объективные данные свидетельствуют, что подавляющее большинство бессарабцев вовсе не считали себя румынами. Вот почему, за исключением местных коллаборационистов, связанных с оккупантами, из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане» — жители Старого королевства, пришедшие на эти земли как оккупанты, т. е. чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введенные в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нельзя было оставаться в Бессарабии после её освобождения. Но основная часть населения страны и не думала её покидать, с ликованием и цветами, фруктами и вином встречая воинов-освободителей. Край покинула лишь незначительная часть его уроженцев, численность которых в совокупности (т. е. выехавших и в 1940, и в 1944 гг.) не достигала и 2 % населения³².

С другой стороны, десятки и сотни тысяч жителей края, оказавшихся за его пределами к июню 1940 г., возвратились на родину, в свой освобождённый от ненавистных оккупантов край. Только с июня по декабрь 1940 г. численность населения увеличилась здесь почти на 10 %. И это при том, что из Бессарабии бежали 200 тыс. румын и ещё почти 100 тыс. немцев были репатриированы! При этом очень важно заметить, что вплоть до декабря 1940 г. на Днестре сохранялась временная демаркационная линия, и массовых бесконтрольных передвижений населения с левого берега на правый быть не могло. Учёт пересекавших эту линию был строгим, а потому его цифры для нас весьма показательны. В течение второго полугодия 1940 г. из других союзных республик в молдавские районы бывшей Бессарабии прибыли 11 580 человек, а из Молдавской ССР в другие республики СССР уехали 18 703 человека. К этому можно добавить, что по решению правительства Украины в южной части бывшей Бессарабии расселили приблизительно 12 тыс. поляков и столько же украинцев, бежавших из захваченной фашистами Польши³³.

Таким образом, напрашивается совершенно очевидный и, более того — естественный вывод: тот официально не объявленный «референдум», о котором мы говорили в начале статьи, тем не менее, фактически состоялся. Абсолютное и подавляющее большинство жителей освобождённой Бессарабии и Северной Буковины свой геополитический выбор сделали. Они проголосовали за освободителей, за Молдавию, за Украину — против оккупантов, против Румынии, даже несмотря на то, что платить за такой выбор часто приходилось собственными жизнями.

Ничтожное меньшинство, кучка местных коллаборационистов, землевладельцев и белогвардейцев, имевших с Советской властью старые счёты, сделали другой выбор. Его можно уважать как право меньшинства, но недопустимо вновь и вновь навязывать его народу, навязывать большинству. Политика ставшего в 2010 г. исполняющим обязанности президента Республики Молдова М. Гимпу и возглавляемой им коалиции политических сил представляет собой классический пример такого навязывания. Лично М. Гимпу имеет полное право относить себя к проигравшим Вторую мировую войну гитлеровцам или «железнодорожникам»³⁴. Лично для него, как и для остальных коллаборационистов, 1940 г. в истории молдавского народа может представляться своего рода трагедией. И это можно понять.

Но удивительно другое: Республику Молдова возглавил человек, который вообще не признаёт молдавской государственности и стремится её ликвидировать. Более того, он не признаёт и молдавской нации, молдавской истории, молдавской культуры, языка, самобытности. Его указ об объявлении светлого дня освобождения Бессарабии от румынских оккупантов «Днём советской оккупации» вполне объясняется особенностями его мировоззрения и психики, его стратегических целей и его политики. Это в своём роде уникальный и показательный документ. Поэтому приведём его полностью и *дословно*.

УКАЗ № 376 от 24 июля 2010 г. об объявлении дня 28 июня 1940 г. «Днём советской оккупации»

Принимая во внимание Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного сек-

ретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, утверждённое Постановлением Парламента № 149-ХІІ от 23 июня 1990 г., в соответствии с которым 28 июня 1940 г. СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края, учитывая предложения Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова, образованной Указом Президента Республики Молдова № 165-V от 14 января 2010 г., отдавая дань памяти жертвам советской оккупации 28 июня 1940 г. и жертвам тоталитарного коммунистического режима и на основании статьи 77 и части (1) статьи 94 Конституции Республики Молдова, Президент Республики Молдова ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Ст. 1. — Объявить день 28 июня 1940 г. Днём советской оккупации.

Ст. 2. — Ежегодно, 28 июня, на территории Республики Молдова отмечать День советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 3. — В этот день во всех населённых пунктах республики:

- a) приспустить государственные флаги;
- b) организовать возложение цветов к могилам, памятникам и мемориалам жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима;
- c) в 10 часов объявить минуту молчания.

Ст. 4. — Органам публичной власти, предприятиям и организациям в этот день отказаться от проведения массовых развлекательных мероприятий.

Ст. 5. — Проводить во всех учебных заведениях, летних оздоровительных лагерях и базах отдыха час памяти.

Ст. 6. — Рекомендовать:

- a) редакциям периодических изданий, информационным агентствам, радиостанциям и телеканалам при выпуске текущих номеров изданий и программ на 28 июня учитывать специфику этого дня;
- b) примэрии муниципии Кишинэу инициировать процедуру воздвижения на Площади Великого Национального собрания перед зданием Правительства памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 7. — До воздвижения памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима церемонию памяти

и возложения цветов в муниципии Кишинэу проводить на Площади Великого Национального собрания на месте, где 28 июня 2010 г. примэрия временно установит памятный камень.

Ст. 8. — Российской Федерации в качестве правопреемника Советского Союза безоговорочно, транспарентно и в срочном порядке вывести войска и вооружения с территории Республики Молдова.

ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Михай ГИМПУ

№ 376-V. Кишинэу, 24 июня 2010 г.³⁵

Трудно назвать что-либо больше противоречащее историческим реалиям, чем подобные документы, принимаемые высшими властями республики, принимаемые людьми, исповедующими догмы румынского шовинизма и ненавидящими собственный народ. Надо отдать

им должное — по этому пути они идут твёрдо и последовательно. По инициативе М. Гимпу в Молдавии даже была создана Государственная комиссия по оценке коммунистического режима, и член этой комиссии, некий В. С тэвилэ, уже подсчитал, что Россия должна выплатить в качестве компенсации «ущерба», нанесённого Советским Союзом Молдавии за годы «советской оккупации», около 30 млрд дол.³⁶

Политические цели нынешних властей Молдавии и их политика агрессивного румынизма, очевидно, определяются не в Кишинёве, а в других столицах. Печально, что эти цели и эта политика вступают в глубокий конфликт с миропониманием и менталитетом большинства жителей республики, с этнической и политической самоидентификацией её населения.

А это значит, что Республику Молдова ждут новые трагические катаклизмы, общественное неустройство и гражданское противостояние. При полной неопределённости её политического будущего.

¹ Галинский И. Н. Фальсификация современной политической истории Молдовы в контексте проводимой государственной исторической политики // *Общественная мысль Приднестровья*. 2010. № 1. С. 4.

² Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова о политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 28 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины № 41 от 28 июня 1990 г. (см.: Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики : сб. офиц. док. / сост. В. Н. Яковлев, Н. В. Бабилюнга, Б. Г. Бошешко. Тирасполь, 1993. С. 75–78).

³ Там же. С. 76.

⁴ Шорников П. М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинёв, 2010. С. 231, 233.

⁵ Старое королевство (Регатул векь) — территория Румынии в исторических границах до 1912 г. В состав королевства тогда не входили Южная Добруджа, захваченная румынами в ходе Второй Балканской войны 1913 г., и Бессарабия, оккупированная ими в январе 1918 г., а также Трансильвания (Ардял), Банат и Северная Буковина, присоединённые после Первой мировой войны. Румын, уроженцев Регатул векь, бессарабцы называли «регацанами» (см.: Шорников П. М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинёв, 2010. С. 130).

⁶ Брысякин С. К., Сытник М. К. Торжество исторической справедливости. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969. С. 136.

⁷ Там же.

⁸ Березняков Н. В., Бобейко И. М., Копанский Я. М., Мурзак У. Г., Платон В. П. Борьба трудящихся Бессарабии за своё освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). Кишинёв, 1970. С. 710.

⁹ Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Schuman L. F. Soviet Politics at Home and Abroad. N. Y. 1947. P. 397 (цит. по: Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв : Картя молдовеняскэ, 1974. С. 471).

¹¹ Шорников П. М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 гг. // *Советская Молдавия*. 1991. № 50. 15 марта.

¹² Там же.

¹³ Речь идёт о Советско-Германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г.

¹⁴ Лазарев А. М. Указ. соч. С. 443.

¹⁵ Шорников П. М. Указ. соч.

¹⁶ Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь : Изд-во Приднестровского ун-та, 2007. С. 263.

¹⁷ Зеленчук В. С. Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинёв : Штиинца, 1973. С. 30.

- ¹⁸ Обейко И., Копанский Я. Двадцать два года героической борьбы. Кишинёв : Партиздат, 1966. С. 10–11.
- ¹⁹ Кустрябова С. Ф. Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинёв : Наука, 1977. С. 112.
- ²⁰ История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней Изд. 2-е, перераб. и доп. Кишинёв : Elan Poligraf, 2002. С. 211.
- ²¹ Maxwell W. Bessarabia // Soviet Russia Today. 1940. Vol. 9, №4. August. P. 14, 19 (цит. по: Лазарев А. М. Указ. соч. С. 469).
- ²² Лазарев А. М. Указ. соч. С. 469.
- ²³ История Республики Молдова. Указ. соч. С. 222.
- ²⁴ История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинёв, 1968. С. 354.
- ²⁵ Лазарев А. М. Указ. соч. С. 471.
- ²⁶ В своей книге «Утерянная возможность» бывший генеральный секретарь Министерства иностранных дел Румынии А. Крециану пишет: «Глубокая и широко растространённая деморализация охватила наши войска в период их поспешного отступления» (Crezianu A. The Lost Opportunity. 1st ed. London : Cape, 1957. P. 54).
- ²⁷ С 1921 по 1944 г. — тайная полиция в Королевстве Румыния.
- ²⁸ Crezianu A. Op. cit. P. 472.
- ²⁹ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 2-е. Кишинёв : Картя молдовеняскэ, 1968. С. 246.
- ³⁰ Maxwell W. Op. cit.
- ³¹ Суляк С. Г. Оккупация или освобождение? // Аргументы и факты — Молдова. 2010. № 26 (1547). 30 июня — 6 июля. С. 5.
- ³² По расчётам автора.
- ³³ Шорников П. М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 гг. // Советская Молдавия. 1991. № 50. 15 марта.
- ³⁴ «Железная ныргия» («Гуара де фер») — фашистская румынская организация, созданная крайними шовинистами в 1931 г. В 1934 г. после организованного ею убийства премьер-министра Румынии Й. Дуки была распущена. Однако продолжала легальную деятельность под названием «Партия — всё для Отечества». После запрещения королём Каролом II всех политических партий перешла на нелегальное положение. После очищения Румынии от фашистского режима в 1944 г. распущена. Возродилась после убийства румынского диктатора Н. Чаушеску.
- ³⁵ Monitorul Oficial. Nr. 107, ст. № 330 // Registrul de Stat (Al Actelor Juridice al Republicii Moldova). URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=335006> (дата обращения: 30.06.2010).
- ³⁶ См.: Историк: «Счёт за советскую оккупацию» — новое обострение массового безумия в Молдавии : интервью // Regnum : информ. агентство. 2010. 23 апреля. URL: <http://www.regnum.ru/news/1277258.html>.

Первые дни войны

по документам

Центрального архива ФСБ России

В. С. Христофоров*

Одной из ключевых проблем для российских и иностранных историков остается исследование причин трагического для Советского Союза начала Великой Отечественной войны. Рассекреченные документы архивов, научные труды и источники личного происхождения позволяют реконструировать ход подготовки Германии к нападению на СССР, выяснить причины неудач Красной армии, проанализировать меры, принимавшиеся советским политическим и военным руководством по предотвращению катастрофы.

В Центральном архиве ФСБ России в материалах за 1941 г. хранятся шифротелеграммы и спецсообщения, переданные по ВЧ в первые дни войны. В этих документах содержатся сведения об авиационных налетах и десантах противника, продвижении войск вермахта и оборонительных действиях частей Красной армии. В последующие дни доклады о положении на территории различных областей СССР, подвергшихся агрессии, направлялись в два адреса: в НКВД СССР — Л. П. Берия и в НКГБ СССР — В. Н. Меркулову, а после объединения Наркоматов госбезопасности и внутренних дел, с 21 июля 1941 г. — в единый НКВД СССР¹. Изучение этих материалов дает возможность воссоздать картину драматических июньских дней 1941 г. Но этим событиям предшествовали не менее значимые, о которых также сохранились свидетельства в архивах органов безопасности.

Воздушная разведка территории СССР накануне войны

Утвердив план «Барбаросса», Гитлер поставил германским генералам задачу готовиться к военному походу на Восток. Осознавая, что «проблема русского пространства и необозримые просторы делают необходимым сосредоточение войск в решающих пунктах», Гальдер² записал в своем дневнике, что требуется массированное введение в бой авиации и танков. Для удара по СССР немецкое командование сосредоточило 2700 самолетов люфтваффе, или 65 % ВВС первой линии. Для того чтобы избежать преждевременного раскрытия авиационной группировки на Востоке, большая часть ударной авиации до последних дней оставалась на Западе, как бы демонстрируя намерение вермахта продолжать подготовку к высадке на Британские острова³.

По каналам советской внешней и военной разведки поступали данные о подготовке к широкомасштабному использованию германских ВВС в боевых действиях против СССР. Начиная с февраля 1941 г. специально оборудованные разведывательные самолеты люфтваффе систематически совершали полеты над западной частью территории Советского Союза вплоть до Крыма, ведя аэрофотосъемку военных аэродромов и других важных объектов. Как отмечает видный английский специалист в области военной авиации Р. Джексон⁴, полеты германских самолетов проходили на высоте до 12 тыс. м,

* **Василий Степанович Христофоров** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

и немцы располагали подробными сведениями об аэродромной сети западных военных округов. К тому же эта разведывательная операция дала им сведения о дислокации советских бронетанковых соединений вблизи от границы — исключительно ценная информация для командования немецких танковых дивизий, наступавших в авангарде армий вторжения.

Самолеты германской авиации, совершая полеты с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркенесе, вели аэрофотосъемку советской территории. Полученные материалы передавались в 5-й (разведывательный) отдел Главного штаба люфтваффе, где составлялись планы бомбардировок важнейших объектов Советского Союза. В первую очередь предполагалось нанести бомбовые удары по коммуникациям, железным дорогам, мостам с целью воспрепятствовать подвозу резервов с востока на запад и нарушить пути снабжения, идущие с юга на север. Разрабатывались планы бомбардировок крупных городов (Ленинград, Минск, Мурманск, Белосток, Кишинев) и железнодорожных узлов (Киев, Харьков, Валуйки, Лиски, Львов, Курск, Касторное, Воронеж, Брянск, Елец, Грязи, Мичуринск, Тула, Вязьма, Сухиничи, Гомель). По данным советской внешней разведки, в качестве объектов бомбардировок немецкой авиации были также крупные заводы в Москве и электростанции, особенно в Донецком бассейне. Намечалось подвергнуть бомбардировке аэродромы, расположенные по западной границе СССР.

Германские военно-воздушные атташе активно занимались сбором информации о военно-воздушных силах СССР. Немцы считали слабым местом советской авиации наземные службы и поэтому надеялись сразу же дезорганизовать их путем интенсивных бомбардировок. Да и в целом авиацию Красной армии они оценивали невысоко, считая, что в «силу своей тяжеловесности, излишнего радирования и сложности ключей» оперативность руководства чрезвычайно затруднена⁵.

В начале апреля 1941 г. НКГБ СССР получил агентурные данные о том, что в главном штабе люфтваффе окончательно утвердили план нападения на Советский Союз. Весной 1941 г. в пограничной с СССР полосе немцы ускоренными темпами строили и переоборудовали аэродромы и посадочные площадки. На территории генерал-губернаторства было создано два аэродромных узла (Люблинский и Замостье)⁶. Предусматривалось, что воздушные налеты будут сконцен-

трированы на наиболее важных объектах, «так как советская промышленность разбросана на огромной территории и бомбардировкой в короткий срок не удастся нарушить нормальной военно-хозяйственной жизни страны».

Германские самолеты совершали разведывательные полеты над советской территорией на глубину до 200 км над районами: Рига, Кретинга, Тауроген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно⁷.

21 апреля 1941 г. временному поверенному в делах Германии в СССР В. Типпельскирху была вручена вербальная нота по поводу многочисленных фактов нарушения советской границы германскими самолетами. К ноте был приложен список 80 таких случаев за период с 27 марта по 18 апреля 1941 г.

15 апреля в 16 час. 55 мин. (по московскому времени) над городом Ровно появился двухмоторный немецкий военный самолет. Вылетевший на перехват советский истребитель вынудил немецкий самолет совершить посадку в полутора километрах от Ровно. После совершения посадки из самолета вышли два немецких военных летчика и взорвали самолет, пытаясь уничтожить самолет, аппаратуру и документацию. Взрывом была вырвана кабина и часть фюзеляжа. У задержанных германских летчиков была изъята маршрутная карта, в фюзеляже обнаружен фотоаппарат и несколько рулонов фотопленки. При осмотре фотопленки и других документов установили, что германский самолет 15 апреля летал в районе Шепетовки и заснял на пленку станцию Шепетовка и окружающую местность, а также район города Малин, расположенного в 90 км от города Киева. Возле самолета были обнаружены клочки карты на немецком языке, на которых нанесены река Десна, местечко Круты, город Глухов, Нежин и другие пункты Черниговской области⁸.

Германский самолет был оснащен оборудованием для ночных полетов, имел радионавигационную аппаратуру: радиогоризонт, радиокompас, дистанционный компас, другое оборудование, полностью обеспечивающее разведывательные и боевые полеты (сохранились лишь обломки этого оборудования). Помимо этого на самолете имелись три фотоаппарата для высотной аэрофотосъемки: один аппарат марки «RB-50/30» фирмы «Цейс» F-50 и два аппарата марки «RB-75/30» фирмы «Цейс» F-75. Аппараты могли производить съемку с высоты 8–10 тыс. метров, были снабжены заменяемыми кассетами,

в каждую из которых заряжалось 50 м пленки, что давало возможность на одной из кассет произвести примерно 160 снимков. В обломках кабины обнаружены 3 кассеты, заснятые 15 апреля 1941 г. от 14 до 14 час. 15 мин. (по берлинскому времени), о чем имелись автоматически сделанные пометки на самой пленке⁹. Вокруг самолета было собрано 46 обрывков карт, по-видимому, изорванных в кабине радиста и при взрыве. На отдельных обрывках имелись карандашные пометки двух видов: красная черта, обозначающая, по-видимому, трассу полета; синие пометки, которыми обведены некоторые районы. Красная черта проходила по территории Житомирской и Киевской областей¹⁰.

Подготовительная работа для операции против СССР, как информировал 22 апреля 1941 г. В. Н. Меркулов, продолжалась с прежней интенсивностью: «первостепенное место в этой разработке занимает использование фотоснимков, сделанных в результате полетов немецких самолетов над советской территорией»¹¹.

12 июня Л. П. Берия направил в ЦК ВКП (б) и СНК СССР обобщенные данные о нарушениях германской авиацией воздушного пространства СССР: за период с октября 1940 г. по 10 июня 1941 г. со стороны Германии нарушили границу Советского Союза 185 самолетов. При этом за май и десять дней июня 1941 г. границу СССР нарушил 91 германский самолет. В ряде случаев немецкие самолеты пролетали над советской территорией до 100 и более километров и особенно в направлении районов, где возводились оборонительные сооружения, а также над расположением крупных гарнизонов Красной армии¹². За период с 10 по 21 июня 1941 г. пограничными нарядами НКВД СССР было зафиксировано 141 случай нарушения границы СССР иностранными самолетами. Из них: со стороны Финляндии — 17, со стороны Германии — 104, со стороны Венгрии — 2, со стороны Румынии — 17, со стороны Маньчжоу-Го — 1. Самолеты углублялись на территорию СССР на 35–35 км¹³.

Массовые налеты люфтваффе

Рано утром 22 июня начались массовые эшелонированные воздушные налеты, одиночными самолетами и группами от 10 до 50 бомбардировщиков, на приграничные пункты и аэродромы на глубину до 400 км, а также выброски с самолетов в тыл Красной армии парашютных десантов (до 250–300 человек) для нарушения управления войсками, а также совершения ди-

версий на коммуникациях и линиях связи, объектах промышленности и транспорта. Чтобы понять сколь масштабными были налеты авиации противника, приведем некоторые данные, поступившие от наркомов Украинской ССР В. Т. Сергиенко¹⁴ и П. Я. Мешика¹⁵ в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Первые сведения были получены в 4 часа утра о бомбардировке г. Севастополя. В 4 час. 20 мин. немецкие самолеты появились над г. Владимир-Волынский, в 4 час. 30 мин. шел воздушный бой в районе г. Колки, г. Дубно (Волынская область), одновременно подверглись бомбардировке окрестности г. Луцка. В районе Гросулово (Одесская область) два немецких самолета сбросили 8 бомб, был поврежден аэродром. В 4 час. 45 мин. самолеты противника появились над г. Ковелем (Волынская область), были сброшены бомбы, обстрелян г. Броды, на аэродроме пожар. Было сбито два вражеских самолета. На ст. Рудня Почаевская вражеские самолеты преследовались двумя нашими истребителями.

В 5 час. над г. Кагул (Молдавия) шел воздушный бой. В 5 час. 20 мин. бомбардировке подверглись города Дрогобыч, Луцк, Львов, Камень-Каширск.

В 6 час. 12 мин. в Бельцах совершен налет на советский аэродром. Над г. Кагулом было сбито шесть немецких самолетов. Один румынский самолет направился в г. Одессу. Выслано звено истребителей для встречи. В 6 час. 35 мин. в с. Ольшанка Шацкого района Волынской области немцами выброшен парашютный десант. В 6 час. 45 мин. в г. Киеве дан сигнал «Угрожаемое положение». Повреждена телефонная линия Львов-Луцк-Дрогобыч.

В 7 час. над г. Киевом появились девятнадцать немецких самолетов с красными звездами на плоскостях, бомбили аэродром ст. Пост. Волынский-Киев. В 7 час. 30 мин. вражеские самолеты появились над Болградом и сбросили несколько бомб. Над ст. Киверцы летало семь немецких самолетов. В то же время самолеты противника появлялись над г. Дубно (Ровенская область), сбросили бомбы. В 7 час. 55 мин. девятнадцать немецких самолетов бомбили Белоцерковский аэродром.

В 8 час. 5 мин. вражеские самолеты появились над г. Ровно, бомбы не сбросили. В 8 час. 35 мин. немецкие самолеты сбросили несколько бомб на старый аэродром г. Аккермана (Одесская область), в 8 час. 45 мин. немцы третий раз бомбили аэродромы Любитов, Хлыново,

Колки, Дубно, Киверцы, Елецк и окрестности Луцка и Броды.

В 9 час. над г. Вилково и г. Килия (Одесская область) появились двенадцать самолетов противника, совершивших налет на Севастополь. В Гусуловском районе были сброшены на аэродром около 20 бомб. В 9 час. 10 мин. над г. Ровно появились тринадцать германских истребителей, был подвергнут бомбардировке г. Хотин (Черновицкая область). В 9 час. 25 мин. тринадцать бомбардировщиков бомбили г. Луцк. В 9 час. 40 мин. были подвергнуты бомбардировке аэродромы Черновицы и Собакури.

В 10 час. 20 мин. два бомбардировщика противника бомбили г. Самбор (Львовская область).

В 11 час. 5 мин. шесть самолетов противника бомбили Малый Гвоздец (Станиславская область). В 11 час. 25 мин. м. Куликово (в 18 км от г. Львова) подверглось бомбардировке шестью самолетами противника.

В 12 час. 36 мин. над городом Черновицы появилось 60 тяжелых бомбардировщиков. В 12 час. 40 мин. немцы бомбили аэродром Шулявка (г. Киев).

В 13 час. 5 мин. в районе Черновиц шестьдесят самолетов противника вели бой с советскими летчиками. В 13 час. 15 мин. девять самолетов противника бомбили Владимир-Волынский, велась усиленная бомбардировка г. Ковеля и г. Любомля (Волинская область). В 13 час. 50 мин. в г. Броды самолеты противника несколько раз бомбили аэродром над м. Куликово.

В 14 час. в г. Трёмбовле (Тарнопольская область) самолеты противника обстреливали воинский эшелон. На город было сброшено несколько бомб. На перегоне Тарнополь — Мост — Великие два самолета противника обстреляли поезд и взяли курс на новостроящийся аэродром. В с. Кривое Козовского района два бомбардировщика сбросили бомбы. В с. Бережанах обстреляна железнодорожная станция и войсковая часть. На аэродроме г. Трёмбовля в результате воздушной бомбардировки возник пожар. В Черновицах обстрелян ангар, сгорело 25 самолетов. В Кодымском районе (Одесская область) и г. Аккермане сброшено несколько авиабомб. Города Рени, Карталы и Вилков интенсивно обстреливаются. В 14 час. немцы бомбили аэродром Бучач (Тарнополь), десять самолетов выведено из строя, ранено двадцать человек. Также бомбардировке подвергнут Тарнополь. На окраинах города рвутся бомбы. Из ВВС никого нет. Бомбы сброшены в Копчин-

ском районе. В Золотниках, в 3 км от райцентра, приземлился немецкий самолет. Летчики разбежались. Самолет цел. В Злочинском районе на ст. Плугово три бомбардировщика обстреляли пассажирский поезд. Самолеты взяли курс на г. Тарнополь. В Гуцаловском районе разбит наш самолет. В 14 час. 18 мин. самолеты противника бомбили четыре района Станислава: Гвоздец, Снятин, Большовцы и Калуш. На ст. Калуш бомбардировке подвергнут пассажирский поезд. В 14 час. 20 мин. в районе Волочиска обнаружено десять германских бомбардировщиков, в воздухе наших истребителей не было. В 14 час. 25 мин. через г. Кишинев направились 68 бомбардировщиков и 22 истребителя противника. В 14 час. 45 мин. в районе городов Перемышль, Дрогобыч, Стрий, Хиров, Добромист отмечены неоднократные налеты вражеской авиации. Сбито четыре вражеских самолета, из них два в тылу.

В 15 час. 25 мин. через г. Кишинев на Котовск прошла эскадрилья противника, по предварительным подсчетам, до 1.500 самолетов. В 15 час. 35 мин. в 3 км от Проскурова на нашу колонну войск сброшено несколько бомб. Ранено 8 человек. В 15 час. 45 мин. в с. Спилово (Львовская область) от сброшенных противником бомб на аэродроме сгорело пятнадцать самолетов. Сбито два бомбардировщика противника. В 15 час. 53 мин. три самолета противника подвергли пулеметному обстрелу г. Трёмбовль (Тарнопольская область). В Бучанском районе противник сбросил десять бомб.

В 16 час. в Торчинском районе (Волинская область) шел воздушный бой. Сбито два немецких бомбардировщика, два летчика задержаны. В Родеховском районе (Львовская область) на аэродроме брошенной зажигательной бомбой уничтожено шесть наших самолетов. Один наш самолет сбит в воздухе. Немецкая авиация обстреливает г. Родехов из пулеметов. В Одесском районе сбит один немецкий бомбардировщик. Над г. Львовом на высоте 1500 м прошли двенадцать германских бомбардировщиков. В 16 час. в селах Козовского района Тарнопольской области сбито два неприятельских самолета. В 16 час. 8 мин. над Львовом появилось восемнадцать немецких двухмоторных бомбардировщиков. Сброшены бомбы в центр города. В 16 час. 20 мин. на ст. Сербиновцы (Винницкая область) немецкий самолет «Юнкерс» обстрелял наш эшелон и направился в сторону Жмеринки. Самолет преследуется тремя нашими истребителями. В воздушном бою над г. Торчином наши

самолеты посадили немецкий самолет. В 16 час. 35 мин. в Тарнопольской области на высоте 2 тыс. м появилось 20 бомбардировщиков противника. В 16 час. 40 мин. на Бучакском аэродроме авиацией противника уничтожено шесть наших самолетов, четыре выведены из строя. Противник бомбит аэропорт в г. Трёмбове. В 16 час. 50 мин. под Луцком был бой на высоте 2 тыс. м. Пятнадцать германских бомбардировщиков ушли курсом на запад.

В 17 час. через Луцк-Ровно прошла большая группа германских бомбардировщиков. В 17 час. 20 мин. на высоте 800 м восемнадцать германских бомбардировщиков бомбили аэродром м. Млынов.

В 18 час. 50 мин. немецкие самолеты бомбили окрестности Луцка. В 18 час. 55 мин. в Трёмбовльском районе (Тарнопольская область) нашими самолетами был посажен немецкий самолет. В Струцком районе в результате обстрела вражеской авиацией на аэродроме пожар. Сбит один самолет противника. В районе Потуторы Бережанского района пулеметным огнем с самолета обстрелян железнодорожный батальон.

В 19 час. тринадцать бомбардировщиков улетели из Львова в направлении Ровно. Связь с районами Львова прервана. В 19 час. 20 мин. на аэродром Винчи Ровенской области был налет 17–19 бомбардировщиков. В 19 час. 30 мин. на высоте 1500 м двадцать три бомбардировщика бомбили Ровно. В 19 час. 45 мин. над г. Коростень (Житомирская область) появились два вражеских 2-х моторных бомбардировщика. После обстрела нашей зенитной артиллерией повернули в сторону г. Овруча (Житомирская область).

В 20 час. 2 мин. самолеты противника появились вблизи Овруча, бомбили Михайловский аэродром. После бомбежки ушли курсом на запад. Сброшены бомбы на Тарнополь. В районе с. Бяла в 5 км от Тарнополя опустилось два германских самолета. В 20 час. 54 мин. со стороны Желебца на Овруч вылетело пятнадцать самолетов противника.

В 21 час. 5 мин. немцы бомбили Коростень, в 21 час 15 мин. — Луцк. В 21 час. 54 мин. через Олевсу на Житомир направилось пять самолетов противника.

В 22 час. 45 мин. над Коростенем (Житомирская область) восемнадцать германских бомбардировщиков сбросили бомбы и ушли по направлению Шепетовки. В 22 час. 10 мин. Луцк подвергся интенсивной бомбардировке¹⁶.

План внезапного удара по основным советским аэродромам сработал. Подкравшись на большой высоте, немецкие бомбардировщики нанесли удар как раз в тот момент, когда в 3 час. 15 мин. немецкая артиллерия открыла огонь. Основные силы люфтваффе пересекли границу, 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков и 480 истребителей направились к намеченным целям. К 4 час. 30 мин. большинство немецких самолетов уже вернулись на свои базы, где наземные команды спешно заправляли их горючим и бомбами, готовя ко второму удару.

Информация о том, как прошел первый день войны для ВВС Прибалтийского особого военного округа (ПрибОВО), имеется в архивном уголовном деле на бывшего командующего ВВС округа генерала А. П. Ионова¹⁷. По этим данным, 19 июня 1941 г. командующий округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов¹⁸ приказал привести в боевую готовность ВВС округа. 21 июня 1941 г. письменным приказом были поставлены задачи с указанием районов действий и объектов противника (удар по авиации и моточастям немцев и разрушение складов противника в районах Кенигсберга и Мемеля). В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. (примерно в 3 час. ночи) был получен новый приказ о приведении частей ВВС округа в полную боевую готовность с немедленным вылетом для выполнения боевых задач. Однако спустя 30 мин. приказ был отменен, а вылет самолетов задержан. Командующий округом отменил приказ, предполагая возможность провокации со стороны Германии. В это время уже были получены данные о том, что германская авиация нарушила советскую границу. Советская авиация осталась на аэродромах, а затем последовали налеты германской авиации на аэродромы, повлекшие большие потери, особенно в материальной части. После первого налёта немцев части ВВС были подняты в воздух. В связи с изменившейся обстановкой были поставлены задачи по взаимодействию с наземными войсками и нанесению удара по мотомеханизированным частям противника. За первый день войны, согласно данным, поступившим к А. П. Ионову, части ВВС округа потеряли 133 самолета¹⁹.

По его мнению, причинами столь значительных потерь стала слабо развитая аэродромная сеть. «В основном всё строительство аэродромов велось силами ВВС округа. К началу войны округ имел всего 27 площадок, включая основные

аэродромы. Больших средств для увеличения числа аэродромов у меня не было»²⁰.

Немецкое командование, придавая особое значение завоеванию господства в воздухе, бросило на уничтожение советской авиации до половины самолетов, сосредоточенных против СССР. В первые же часы войны была предпринята серия массированных ударов по аэродромам пограничных округов: 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа. В первый день войны советские ВВС потеряли 1 тыс. 200 самолетов: 300 было сбито в воздушных боях и 900 — уничтожено на аэродромах. Тяжелый урон был нанесен авиации Западного особого военного округа, где 528 самолетов было уничтожено на земле и 210 сбито в воздухе²¹.

Десанты и диверсанты противника

Германским военным командованием до нападения на СССР были определены объекты, которые требовалось уничтожить в первые часы после начала боевых действий. Такие объекты классифицировались на несколько групп. Так, в приказе начальника штаба немецкой группы армий «Б» от 20 мая 1941 г. указывалось, что для вывода из строя объектов, намеченных командованием 4-й армии, выделяется одна рота 800-го учебного полка особого назначения (численностью 220 человек). Начало операции планировалось в ночь перед наступлением. Часть объектов должна быть захвачена и обезврежена силами небольших подразделений (по 30 диверсантов «при полной маскировке, т. е. в форме русских солдат»). Отряды диверсантов по 60 человек (при частичной маскировке, когда поверх немецкой формы надевалась гражданская одежда) во взаимодействии с частями первого эшелона перед началом наступления занимали другие объекты и удерживали их до прихода германских войск. Остальные объекты должны быть захвачены в ходе наступления, причем, как подчеркивалось в приказе, «следует использовать силы, принимавшие участие в захвате предыдущих объектов, и выделить резерв времени, с тем, чтобы они могли выполнить задачу до прихода передовых частей»²².

Об участии германских диверсантов в нападении на Советский Союз после войны рассказывали на допросах сотрудники спецслужб Германии. Для успешного руководства всей разведывательной работой германских войск, пред-

назначавшихся для вторжения в СССР, германской военной разведкой в конце мая 1941 г. был организован специальный разведывательный орган, так называемый штаб Валли, размещенный вблизи Варшавы. Кроме того, для боевой деятельности на советской территории была подготовлена специальная воинская часть — полк особого назначения «Брандербург-800».

Капитан Герман Киршнер²³, бывший командир 4-й роты 1-го батальона полка «Брандербург-800», на допросе 1 июля 1949 г. рассказал об операции, которая была проведена под его руководством в июне 1941 г.: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в 10 километрах от гор. Перемышль в районе польской деревни Валава мне [...] было предложено совместно с 228-м пехотным полком 101-й дивизии форсировать реку Сан, закрепиться и подготовиться к дальнейшему наступлению. По выполнении данной операции я совместно с ротой в течение 5–6 дней находился в данном районе и принимал участие в небольших боевых операциях с частями Советской армии. В одной из операций [...] 4-й ротой было пленено 23 солдата Советской армии, которые по моему указанию были направлены в распоряжение 228-го пехотного полка и их дальнейшая судьба мне неизвестна. Примерно, 30 июня 1941 г. я с ротой был переброшен в район гор. Львова, где получил задание в период наступления захватить в городе электростанцию, казармы и склад боеприпасов. 1 июля 1941 г. я совместно с войсками немецкой армии вступил в гор. Львов и захватил указанные объекты, которые в течение одной недели охранял»²⁴.

Бывший заместитель начальника диверсионного отдела (Абвер III) полковник Эрвин Штольце²⁵ на допросах в 1945 г. сообщил: «В марте или апреле 1941 года мой начальник — руководитель отдела Абвер-2 — полковник (ныне генерал) Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел Абвер-2, для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР»²⁶.

Штольце получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая в связи с намечавшимся нападением на СССР должна была заниматься исключительно подготовкой диверсионной и разложенческой

работы в советском тылу. Основная подрывная деятельность проводилась отделом Абвер-II через так называемые абверкоманды и абвергруппы. На Восточном фронте функционировали четыре Абверкоманды (201, 202, 203, 204), каждая из которых находилась при штабе армейской группировки. В подчинении Абверкоманд имелось всего около двенадцати абвергрупп, находившихся при штабах армий. Число агентов, находившихся одновременно во всех абверкомандах и абвергруппах, которые действовали на Восточном фронте, было от 200 до 400 человек. Перед переброской в тыл советских войск агенты проходили краткосрочную подготовку по диверсионному делу. Кроме переброски агентуры с диверсионными заданиями в ближайший тыл Красной армии, отдел Абвер-II направлял также своих агентов в глубокий тыл советских войск.

Абвером были подготовлены специальные диверсионные боевые группы для подрывной деятельности в Прибалтике. Так, например, агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а диверсионные группы, предназначенные для действий в Латвии, должны были захватить мосты через реку Двина. Все захваченные таким образом стратегические объекты должны были удерживаться диверсионными группами до подхода регулярных германских войск.

На допросе 15 октября 1946 г. полковник Штольце дополнил свои показания об участии диверсантов в нападении на СССР рассказом о событиях в Прибалтике: « [...] подполковник Гербер установил связи с латышскими националистами и повел вербовочную работу среди них, создавая подрывные и диверсионные группы. Конкретные фамилии, через кого проводилась эта работа, и кто был привлечен, я сейчас не помню. Помню, что одной из задач, которая ставилась при проведении этой работы — являлся захват мостов через реку Западная Двина, предотвращение их разрушения частями Красной армии и удержание этих мостов до подхода германских войск [...].

Благодаря действиям агентуры, тоннель около г. Вильнюс и ряд железнодорожных мостов на территории Литвы не были разрушены, и германская армия могла ими пользоваться. Также были сохранены мосты через реку Западная Двина, но возник спор, чья эта заслуга. Военное командование утверждало, что мосты были

захвачены быстро продвигающимися частями, которые предотвратили их разрушение, и представило к награде многих участников операции. Наша же агентура, созданная из литовских националистов, считала сохранение мостов своей инициативой, утверждая, что они помешали их разрушению отступающими частями Красной армии. Этот спор так и не был разрешен, так как события развивались быстро и постоянно возникали новые вопросы. [...] Нефтяные предприятия в районе Дрогобыча сохранились, но я не могу сейчас утверждать, что это результат проведенной под моим руководством подготовки или результат того, что Красной армией не предпринимались попытки к уничтожению предприятий»²⁷.

В целях своевременной и успешной ликвидации диверсантов СНК СССР 24 июня принял постановление, возложив на органы НКВД организацию борьбы против парашютистов и диверсантов на территории Калининской, Ленинградской, Мурманской Ростовской областей, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарского края и западной части Грузинской ССР. На основании решений ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии в июле 1941 г. в прифронтовой полосе было создано 1 тыс. 755 истребительных батальонов²⁸ по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника общей численностью 328 тыс. человек. В истребительные батальоны без отрыва от постоянного места работы подбирали проверенных, смелых и самоотверженных людей, способных владеть оружием. Кроме борьбы с парашютными десантами истребительные батальоны несли охрану промышленных предприятий, железнодорожных станций, осуществляли патрулирование в населенных пунктах, выполняли различные оперативные задачи органов безопасности и внутренних дел. В случае угрозы оккупации территории противником истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды. Для координации деятельности истребительных батальонов и обеспечения успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе в НКВД СССР был образован штаб, а в НКВД-УНКВД по Калининской, Ленинградской, Мурманской Ростовской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эс-

тонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР — оперативные группы. Начальниками истребительных батальонов назначались опытные оперативные сотрудники органов безопасности²⁹.

С первых дней войны совместно с органами НКВД решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и «бандитско-повстанческими группами, организованными контрреволюционными элементами», вели органы госбезопасности. Соответствующие указания по этому поводу были даны в директиве НКГБ СССР от 24 июня, которая предписывала не реже двух раз в сутки всеми доступными способами направлять в НКГБ СССР информацию о положении дел на местах. Следовало «решительно пресекать проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникеров и трусов», а также «форсировать эвакуацию арестованных, в первую очередь из районов, в которых создалось напряженное положение»³⁰.

В Центральном архиве ЦСБ России сохранились документы, в которых зафиксированы события первых часов и дней войны. Сообщения, поступавшие практически ежечасно из Киева и Минска, полны драматизма.

22 июня 1941 г. органами госбезопасности УССР были зафиксированы выброски нескольких парашютных десантов противника: в 6 час. 35 мин. в с. Ольшанка Шацкого района Волынской области и в 7 час. 5 мин. в районе Радехово.

В 11 час. 20 мин. в районе Владимир-Волынский немцы высадили десант в форме работников НКГБ.

В 12 час. 36 мин. десант из ста человек высадился на аэродроме в Черновицах.

В 13 час. 5 мин. в районе с. Татарка в 7 км от г. Одессы выброшен немецкий парашютный десант из ста человек. В 13 час. 8 мин. около Житомира высадился десант противника в форме НКВД. В 13 час. 10 мин. в 15 км от г. Одессы, вблизи с. Татарово, высадился воздушный десант противника численностью около ста человек.

В 14 час. в г. Рени выброшен водный десант, который был отеснен обратно на румынскую сторону. В 14 час. 20 мин. за г. Люсдорфом (15–18 км от Одессы) выброшен немецкий десант до двухсот человек в форме НКВД.

В 15 час. в Маневичском районе (Волынская область) с бреющего полета сброшены две

собаки и восемнадцать парашютистов, которые ушли в лес. В Ковельском районе высажен десант. В 15 час. 30 мин. в Демидовском районе (Ровенская область) высажен десант противника.

В 16 час. 20 мин. в Залещицком районе Тернопольской области выброшен воздушный десант из трехсот человек. В Козловском и Бережанском районах выброшены десанты неустановленной численности. Есть сигналы о формировании банд повстанческого характера.

В 17 час. 30 мин. в районе с. Марцевка около г. Станислава выброшены два парашютиста.

В 18 час. в Демидовском районе Волынской области выброшен парашютный десант из двенадцати человек. В Маневичском районе Волынской области в с. Севериниха на стройплощадке высадился парашютный десант из восемнадцати человек, южнее Млинова выброшен десант с 18 самолетов противника.

В ночь на 23 июня пришла очередная телеграмма, в которой сообщалось: «Луцк подвергается большой бомбардировке, горит большинство домов центра, в том числе ряд областных учреждений. Часть здания НКГБ и полностью здание горотдела НКГБ разрушены. Имеются жертвы, в том числе среди сотрудников НКГБ. Имеющиеся сведения о высадке десанта проверяются»³¹.

Не менее сложно складывалась обстановка в Белоруссии. Нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава³² 25 июня в 12 час. передал по ВЧ из Могилева в Москву: «НКГБ СССР, Меркулову. Доношу, что согласно предложения штаба фронта вчера правительственные учреждения города Минска были эвакуированы, в том числе было предложено эвакуировать НКВД и НКГБ Белорусской ССР.

Минск в продолжение трех дней подвергался интенсивной бомбардировке с воздуха. Самая сильная из них была 24 июня, в результате чего в городе разрушены средства связи, электростанция, водопровод и другие хозяйственные организации. Под особый прицел немецкими бомбардировщиками были взяты здание ЦК партии, штаб Белорусского особого военного округа и здание НКВД и НКГБ. От прямых попаданий и разрывов бомб в непосредственной близости эти помещения выведены из строя. В результате бомбардировок в Минске вспыхнуло много пожаров.

Согласно указанию штаба Западного фронта, работники центрального аппарата НКГБ

и НКВД Белорусской ССР, а также имущество, в ночь с 24 на 25 июня были погружены в вагоны и эвакуированы в Могилев. Арестованные, находящиеся в тюрьме Минска, вывезены из города»³³.

«Арестовать контрреволюционеров и шпионов ...»

В начале войны была проведена коренная перестройка деятельности Наркоматов госбезопасности и внутренних дел. Предстояло в короткий период времени решить сложные задачи по их мобилизационному развертыванию и внести изменения в организационную структуру, формы и методы оперативной работы. 22 июня 1941 г. в 9 час. 10 мин. Нарком госбезопасности В. Н. Меркулов подписал директиву всем подчиненным ему подразделениям: немедленно «привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ–УНКГБ, провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента», вскрывать и предупреждать все возможные вредительско-диверсионные акты в системе народного хозяйства и в первую очередь на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта, немедленно принимать «оперативные меры к пресечению попыток вражеских элементов нанести ущерб Советской власти»³⁴.

Так, исходя из требований этой директивы, было принято решение арестовать государственных и политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, которые в 1940 г. были административно высланы и в разных городах проживали с семьями под гласным надзором местных органов внутренних дел.

Архивные документы свидетельствуют, что исполнение полученных указаний началось немедленно. На следующий день, 23 июня, в НКГБ СССР стали поступать доклады из УНКГБ краев и областей.

Начальник УНКГБ по Тамбовской области доложил, что 23 июня подвергнуты домашнему аресту, а 26 июня с санкции областного прокурора арестованы проживавшие в городе Тамбове как административно высланные бывший министр иностранных дел Литвы И. К. Урбшиш³⁵ и его жена, интернированы германские подданные³⁶.

Из Молотовской области сообщили: «Согласно Вашему распоряжению взят под домашний арест бывший военный министр Латвии

Беркис³⁷ и его семья. Приступили к интернированию германских подданных»³⁸.

Органами НКГБ Башкирской ССР 25 июня арестован бывший президент Эстонии К. Я. Пятс³⁹, в этот же день в Воронеже был арестован бывший министр иностранных дел Латвии В. Н. Мунтерс⁴⁰. 4 июля УНКГБ по Куйбышевской области с санкции областного прокурора арестован бывший военный министр буржуазного правительства Латвии И. П. Балодис⁴¹.

Большинство из арестованных высокопоставленных должностных лиц дали показания о том, что в свое время, занимая различные посты в правительствах Латвии, Литвы и Эстонии, «вели борьбу с революционным движением, с компартией и проводили враждебную политику по отношению к Советскому Союзу». Беркис, Мунтерс, Урбшиш, Ульманис⁴² и другие арестованные рассказали следователям, что «после заключения договоров о взаимопомощи между СССР и Латвией, Литвой и Эстонией бывшие руководители правительств этих стран саботировали выполнение взятых на себя обязательств, пытались создать антисоветский блок прибалтийских государств, ориентируясь на фашистскую Германию».

УНКГБ по Красноярскому краю для обеспечения государственной безопасности принимал меры по «изъятию шпионских, белогвардейских и других антисоветских элементов, в частности активно проявляющих себя осадников⁴³, спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии, а также беженцев с территории бывшего польского государства, занятой Германией», интернированию лиц немецкой национальности, проводил аресты и других лиц «при наличии достаточных для этого материалов»⁴⁴.

Согласно директиве НКГБ СССР № 127/5809 от 22 июня 1941 г. предписывалось совместно с НКВД–УНКВД обеспечить охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций мостов, радиотелефонных, телеграфных станций, аэродромов банков и т. д., мобилизовать внимание работников милиции на борьбу с возможными проявлениями паники, привести в готовность пожарные команды⁴⁵.

Органы госбезопасности и внутренних дел были переведены на казарменное положение и приступили к проведению мероприятий, направленных на обеспечение административного режима и правопорядка. Были взяты под особый контроль оборонные заводы и режимные пред-

приятия, выставлены дополнительные милицеские посты, организована охрана социалистической собственности, усилена пожарная охрана и проведены профилактические мероприятия по проверке противопожарной готовности объектов городов и населенных пунктов, состояния охраны объектов транспорта, хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, усилена охрана тюрем и лагерей. Для обеспечения порядка организовано патрулирование в городах работников милиции⁴⁶.

Для обеспечения общественного порядка в Москве запрещался въезд всем лицам, не прописанным в городе, за исключением лиц, специально командированным по вызовам наркоматов СССР и РСФСР. В пределах Москвы запрещалось фотографирование и киносъемка без специального разрешения. Запрещалось движение легкового транспорта и пешеходов, не имевших специальных пропусков. В Москве было установлено регламентированное время работы учреждений и организаций. Театрам, паркам, кино, клубам и т. д., а также предприятиям — торговым (магазины, рынки), общественного питания (рестораны, столовые, кафе) и коммунального обслуживания (бани, прачечные, парикмахерские) — предписывалось заканчивать работу не позднее 22 час. 45 мин.

На основании совместной директивы НКВД СССР и Прокурора СССР, подписанной 22 июня, исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и колонии также были переведены на военное положение. Прекращалось освобождение «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников», а также поляков, немцев и иностранных подданных, их запрещалось использовать на работах вне охраняемых зон, содержание допускалось только в усиленно охраняемых зонах, максимально усиливалось конвоирование заключенных. Кроме того, в исправительно-трудовых учреждениях были проведены аресты заключенных, на которых имелись материалы о проведении ими антисоветской деятельности⁴⁷.

Правовой основой борьбы с преступностью и нарушениями законности для органов НКВД были указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП (б), военных советов фронтов, изданные в военное время, а также указания И. В. Сталина. Так, в выступлении по радио 3 июля 1941 г. он сказал: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла».

«Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

Причины неудач Красной армии

Стремительное продвижение германских частей в глубь территории СССР, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на настроения населения и психологическое состояние Красной армии. Решающее значение в дезорганизации некоторых частей и соединений имело большое превосходство противника в танках и авиации. Авиация противника, имевшая полное превосходство в воздухе, своими непрерывными и безнаказанными действиями наносила большие потери войскам Красной армии и лишала их способности к сопротивлению⁴⁸. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих. Для того чтобы остановить наступление противника, наряду с частями и соединениями Красной армии в бой пошли наспеш сформированные, недостаточно подготовленные и вооруженные дивизии народного ополчения, истребительные батальоны и партизанские отряды.

Почему в начальный период Великой Отечественной войны Красная армия оказалась в трагическом положении, можно понять, проанализировав различные источники: архивные документы, дневники и воспоминания участников Великой Отечественной войны, а также научные исследования, посвященные событиям 1941 г. Неудачи были обусловлены целым рядом причин.

Во-первых, это были просчеты советского военно-политического руководства в оценке сроков нападения Германии на СССР. Сталин был убежден, что войны в 1941 г. не будет, он считал, что Гитлер не нападет на СССР, пока не завершит боевые действия против Англии. Эта убежденность Сталина передавалась командному составу Красной армии и порождала благодушные настроения.

Некоторые сообщения разведки прямо говорили, что Гитлер предпримет поход против СССР только после разгрома Англии. Так, в начале марта 1941 г. Разведывательное управление Генштаба Красной армии получило от агентов из Будапешта и Бухареста сообщения, исключавшие возможность выступления Германии

против СССР. В первом документе сообщалось, что «выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчеркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступит Турция или СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР». Во втором подчеркивалось, что «возможность выступления немецких войск, сконцентрированных в Румынии, против СССР в Берлине решительно исключают»⁴⁹.

20 марта 1941 г. заместитель начальника Генштаба Красной армии Ф. И. Голиков⁵⁰ направил записку в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП (б): «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией». Далее был сделан вывод, что «наиболее возможным сроком начала действий против СССР является момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»⁵¹.

4 апреля 1941 г. В. Н. Меркулов направил Сталину, Молотову, Тимошенко агентурные сообщения, полученные из Берлина, о планах военного выступления Германии против Советского Союза. По данным, полученным от агента советской внешней разведки, оперативный план наступления Германии против СССР предусматривал «молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток»⁵². В сообщении был сделан вывод, что документы, проходившие через Главный штаб люфтваффе, свидетельствовали о полной готовности Германии к выступлению против СССР, но эти сведения «еще не дают оснований утверждать, что вопрос о выступлении окончательно решен верховным руководством».

В мае 1941 г. в НКГБ СССР получили еще несколько агентурных информации из Берлина, в которых содержались данные о планах нападения Германии на Советский Союз. Эти сведения были противоречивыми и не позволяли сделать однозначный вывод о планах Гитлера.

Так, в записке НКГБ СССР, направленной 1 мая в ЦК ВКП (б) и СНК СССР, говорилось о том, что «вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день»⁵³.

В записке НКГБ СССР от 14 мая говорилось об усиленной подготовке в Главном штабе люфтваффе операции против СССР. Все данные свидетельствовали о том, что «выступление намечено на ближайшее время». В разговорах среди офицеров штаба часто называлась дата начала войны с СССР — 20 мая. В то же время называлось и другое время выступления — июнь 1941 г. В информации обращалось внимание, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. По мнению источника информации, «большая часть германского офицерства, а также некоторые круги национал-социалистической партии настроены явно против войны с СССР. В этих кругах войну против СССР считают безумным предприятием, которое может привести Гитлера к краху»⁵⁴.

В записке, которую В. Н. Меркулов направил руководству страны 25 мая, говорилось, что Германия сконцентрировала на советской границе около 160–200 дивизий, снабженных большим количеством танков и самолетов, которых имелось там около 6 тыс. В то же время «война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время когда нынешняя война с Англией не одобряется населением», «Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти»⁵⁵.

17 июня В. Н. Меркулов направил Сталину агентурное сообщение из Берлина, в котором отмечалось, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Как теперь из-

вестно, Сталин не поверил этому сообщению, грубо обругал и назвал одного из самых ценных агентов НКГБ СССР «дезинформатором»⁵⁶.

Анализ архивных документов свидетельствует, что в первой половине 1941 г. внешняя и военная разведка направляла Сталину достаточно достоверную информацию о положении в Германии и подготовке Гитлера к нападению на СССР. Однако по сложившейся в те времена практике каждый материал докладывался в отдельности, в том виде, в каком он поступал, без аналитической оценки и комментариев. Будучи доложенной в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли в Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий. Для убедительного ответа на все эти вопросы требовалась глубокая аналитическая работа⁵⁷.

Во-вторых, рассматривая причины поражений в 1941 г., следует учитывать, что в войсках Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов не было завершено формирование механизированных корпусов и войск ПВО, перевооружение авиации, а также сам театр военных действий оказался не подготовленным (не до конца завершена реконструкция железных дорог, строительство укрепленных районов по рубежу новой государственной границы, не подготовлены аэродромная сеть, системы связи, тыловые склады, базы и т. д.)⁵⁸.

Неподготовленность театра военных действий была связана с тем, что в 1939–1940 гг. государственные границы СССР были передвинуты на запад. Первое приращение территорий произошло после того как 17 сентября 1939 г. части Красной армии в соответствии с секретным протоколом о разделении «сфер влияния» между Германией и СССР в Восточной Европе вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. части Красной армии вступили в Бессарабию и Северную Буковину, на территорию Литвы, Латвии и Эстонии. После создания просоветских правительств, проведения выборов и обращения народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии в августе 1940 г. был принят закон СССР о вхождении Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза.

Именно на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. были передислоцированы первые эшелоны войск западных округов. Это решение было ошибочным, так как районы еще не были должным образом подготовлены для обороны, и в то же время, не завершив строительство новых оборонительных рубежей, разрушили укрепления на старой границе СССР. Проект строительства укрепленных районов, утвержденный в 1940 г., был рассчитан на несколько лет и к июню 1941 г. не был реализован, между укрепрайонами по фронту имелись промежутки, доходившие до 50–60 км.

В-третьих, — к началу войны в западных военных округах не удалось создать боеспособных группировок; войска и штабы Красной армии оказались не подготовленными к отражению нападения. Группировки войск западных округов не соответствовали военно-политической обстановке и противостоящим силам противника. Помимо этого, было проведено ошибочное сосредоточение основных сил Красной армии на украинском направлении, в то время когда Гитлер ударил своими главными силами с белорусского направления.

О допущенных в предвоенный период роковых ошибках писал в мемуарах Г. К. Жуков: «И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь... Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника он допустил ошибку»⁵⁹.

В-четвертых, репрессии 1937–1938-х гг., которые Сталин развернул против командного состава Красной армии, коснулись десятков тысяч военнослужащих, от маршала до рядового, и существенно понизили боеспособность Красной армии и крайне негативно сказались на морально-психологическом состоянии. В результате репрессий на командные должности назначались офицеры, не имевшие опыта руководства воинскими коллективами и организации боевых действий⁶⁰.

Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что репрессии в отношении военных продолжались и в 1940–1941 гг.

Так, накануне войны в мае–июне 1941 г. подразделениями военной контрразведки по ложным обвинениям была арестована большая группа генералов Красной армии, ранее служивших в буржуазных армиях Латвии, Литвы и Эстонии. По ложным обвинениям за «участие в антисоветском военном заговоре» была арестована группа генералов ВВС — А. А. Левин⁶¹, П. И. Пумпур⁶², А. И. Филин⁶³, Э. Г. Шахт⁶⁴ и др. Даже после того как начались боевые действия, запущенный механизм репрессий продолжал набирать обороты и аресты продолжались. Так, в конце июня 1941 г. с согласия Сталина по ложным обвинениям были арестованы генералы К. А. Мерецков⁶⁵, Г. М. Штерн⁶⁶, А. Д. Локтионов⁶⁷, П. В. Рычагов⁶⁸, Ф. К. Арженухин⁶⁹, П. С. Володин⁷⁰, Н. А. Ласкин⁷¹, И. И. Проскуров⁷² и многие другие. В то время когда германская авиация, имея полное превосходство в воздухе, наносила удары по частям и соединениям Красной армии, по мирным городам и населенным пунктам Советского Союза, генералы ВВС Красной армии находились в заключении и не могли ни участвовать в боевых действиях, ни обучать летный состав.

Проводились аресты по обвинению в участии «в военно-фашистском заговоре», как среди генералов действующей Красной армии, так и среди тех, кто преподавал в военных учебных заведениях. Например как «участники антисоветской группы» была арестована группа генералов Военной академии им. Фрунзе⁷³. В течение всей войны они находились под арестом; следствие велось неспешно и необъективно, тех, кто дождался суда в 1951–1952 гг., приговорили к 25 годам лишения свободы. Лишь после 1953 г. началась реабилитация необоснованно репрессированных лиц, в том числе и большой группы генералов Красной армии, осужденных к длительным срокам или расстрелянных в военные годы.

Для того чтобы объяснить населению, почему части Красной армии не могут защитить свою территорию и продолжают отступать, Сталин и его окружение прибегают к испытанному еще в 1937–1938 гг. способу — поиску «заговорщиков» среди высокопоставленных военных и их публичному наказанию.

16 июля 1941 г. ГКО принимает постановление «об аресте и предании суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова⁷⁴, бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских В. Е. и других». В по-

становлении ГКО отмечалось, что хотя «части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей». Однако наряду с этим ГКО признавал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника». ГКО призывал принимать «строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров», которые были «хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной армии». Расправа с паникерами, трусами и дезертирами объявлялась «священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной армии». Командование Западного фронта обвинялось «в трусости, бездействии, отсутствии распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»⁷⁵.

Характер постановления ГКО не оставлял надежд на объективное следствие и независимое судебное разбирательство. В обвинительном заключении, которое было готово уже 21 июля, сказано: «Павлов признал, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу».

На следующий день, 22 июля, состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда по делу Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, приговорившей всех четверых к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Чрезвычайные меры государственных властей и военного командования в условиях войны и осадного положения в отношении предателей, дезертиров, паникеров, членовредителей и граждан, уклонявшихся от выполнения своего долга, можно считать оправданными. Но необходимо отметить, что в чрезвычайной обстановке несправедливо обвинялись в предательстве или трусости подчас те военнослужащие, которые честно выполняли свой долг. Они нередко становились заложниками неблагополучного хода

событий, не зависящих от них обстоятельств, которые складывались в боях с превосходящими силами противника. Неслучайно арестованный генерал армии Павлов на предложение следователя дать показания о «предательской деятельности» заявил: «Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам... Я не изменник, злого умысла в моих действиях как командующего фронтом не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию».

Несправедливо обвиненные Д. Г. Павлов и его ближайшие помощники были лишь первыми ответчиками за все, в том числе и за ошибки Сталина и руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба Красной армии.

Поиск виновных в оставлении Смоленска привел к тому, что 21 июля 1941 г. Особым отделом НКВД 16-й армии был арестован начальник Смоленского гарнизона, полковник П. Ф. Малышев⁷⁶. Его обвинили в том, что не обеспечил выполнение приказа командующего войсками Западного округа об организации обороны Смоленска, бросил свой пост и скрылся, в результате чего противник беспрепятственно занял город. 2 августа Военный трибунал Западного фронта, рассмотрев следственное дело по обвинению П. Ф. Малышева, возвратил его на следствие и предложил создать военную экспертную комиссию оперативного отдела штаба Западного фронта⁷⁷. Комиссия рассмотрела обстоятельства оставления г. Смоленска 15–16 июля 1941 г. и пришла к выводу, что все мероприятия по обороне города были выполнены в соответствии с приказом командующего войсками Западного округа. Войска, оборонявшие город, были сборные и недостаточно обученные, что исключало возможность организовать за короткий срок достаточно прочную и устойчивую оборону. Ввиду отсутствия у начальника гарнизона штаба и средств связи, управление разрозненными группами пехоты и артиллерии было неосуществимо. Оборона города в сложившейся обстановке была сложной задачей и не могла быть решена слабыми силами гарнизона Смоленска⁷⁸.

Продолжавшееся отступление Красной армии побуждало Сталина искать пути повышения стойкости советских частей и соединений. В целях борьбы с паникерами, трусами, пораженцами, самовольно оставлявшими позиции без приказа высшего командования, 12 августа

1941 г. был издан приказ наркома обороны СССР, в котором военным советам действующих армий было разрешено предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно. Приказ, с одной стороны, сыграл определенную роль в усилении сопротивления врагу, а с другой — имел негативные последствия, когда суду военного трибунала без достаточных оснований предавались лица, не совершившие никаких преступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника.

16 августа Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и Жуков подписали приказ № 270 Ставки ВГК Красной армии, до сих пор вызывающий острые дискуссии. Приказ был направлен всем членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий, председателям областных и краевых исполкомов, СНК союзных республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов и имел гриф «Без публикации».

В приказе подчеркивалось, что «в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически». Приводились примеры, когда части Красной армии, даже попав в окружение, сохраняли дух стойкости и мужества, не сдавались в плен, старались выйти из окружения. В то же время в приказе было отмечено, что «мы не можем скрывать и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Утверждалось, что проявил трусость и сдался в плен командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов⁷⁹, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу командующий 12-й армией генерал-лейтенант П. Г. Понеделин⁸⁰, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов⁸¹.

В приказе обращалось внимание на то, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качалову, Понеделину, Кириллову и другим сдать в плен врагу». В приказе подчеркивалось, что командиров и политработников, во время боя срывающих

с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, нужно считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаваться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»⁸².

Сталин и его ближайшее окружение считали, что мерами, основанными на принуждении и страхе, они смогут повысить стойкость войск. При этом не учитывалось, что в окружение попадали, как правило, части и соединения наиболее стойко оборонявшиеся, зачастую это происходило из-за отступления соседей. Именно поэтому в числе репрессированных оказалось большое количество наиболее самоотверженных красноармейцев и командиров, а также лица, оказавшиеся в плену или окружении по причине контузии, ранения и т. п.

Руководствуясь приказом Ставки ВГК № 270, 2 октября 1941 г. Главная военная прокуратура Красной армии возбудила в отношении Понеделина и Кириллова уголовные дела по обвинению их в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР. Уголовные дела были заочно рассмотрены Военной коллегией Верховного суда СССР, которая на закрытом судебном заседании 13 октября 1941 г. признала Понеделина и Кириллова виновными и приговорила каждого к расстрелу с лишением воинского звания⁸³.

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу причисляли к злостным дезертирам, а их семьи подлежали аресту. От бойцов и командиров требовалось, чтобы они сражались в бою до последнего. Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещения командиров батальонов и полков, снижения их в должности до рядовых, а при необходимости и расстрела на месте.

Чрезвычайные меры предусматривались и в отношении миллионов советских граждан, в том числе большей части семей воинов Красной армии, оказавшихся на захваченных противником территориях. 30 августа 1941 г. Берия направил всем начальникам особых отделов фронтов и армий директиву об усилении мероприятий по предотвращению измены Родине в частях Красной армии. Предписывалось усилить оперативную работу среди военнослужащих, семьи которых находились на занятой противником территории, взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками. Нарком внутренних дел приказал немедленно арестовывать тех, у кого окажутся спрятанные фашистские листовки, служившие пропуском для перехода к врагу, а также тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей.

12 сентября 1941 г. уполномоченные ГКО Л. З. Мехлис и К. А. Мерецков направили сообщение на имя Сталина. В нем говорилось, что на основании приказа Ставки № 270 по устному решению уполномоченных ГКО по обвинению в «дезорганизации управления артиллерией и личной трусости» перед строем был расстрелян начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор В. С. Гончаров⁸⁴.

Аналогичная ссылка на приказ Ставки № 270 содержится в приказе войскам Северо-Западного фронта № 057 от 12 сентября 1941 г., подписанном командованием этого фронта, а также уполномоченными Ставки ВГК Булганиным, Мехлисом и Мерецковым. Этим приказом отстранен от командования армией, арестован и предан суду командующий 34-й армией генерал-майор К. М. Качанов⁸⁵. Следствие продолжалось менее двух недель, и 25 сентября 1941 г. Качанову было предъявлено обвинение в том, что он не выполнил приказ Военного совета Северо-Западного фронта, во время боевых действий «проявил трусость и бежал с поля боя, оставив в тылу противника личный состав частей, всю материальную часть артиллерии, автотранспорт и обозы. Преступные действия Качанова К. М. привели к дезорганизации частей, личный состав которых отдельными группами выходил из тыла противника. Части 34-й армии на 11 сентября 1941 г. были небоеспособными. В результате этого противнику был открыт фронт и ему дали возможность распространиться на восток». В предъявленном обвинении Качанов виновным себя признал⁸⁶.

Поиски виновных в том, что противник достаточно легко продвигался по территории СССР, продолжались. 16 октября 1941 г. военной контрразведкой был арестован командующий 43-й армией генерал-майор П. П. Собенников⁸⁷, обвинявшийся в участии в антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы, направленной на поражение Красной армии в войне.

14 декабря 1941 г. НКВД СССР по обвинению в преступном руководстве вверенными войсками был арестован генерал-майор А. Н. Ермаков⁸⁸. Он обвинялся в том, что, будучи с 25 октября 1941 г. командующим 50-й армией, во время битвы за Москву «преступно руководил вверенными ему войсками и вопреки приказу командования сдал противнику город Сталиногорск».

В соответствии со ст. 133 Конституции СССР нарушение присяги, влекущее, согласно приведенным требованиям приказа Ставки ВГК от 16 августа 1941 г. № 270, расстрел на месте, рассматривалось, наряду с переходом на сторону врага, «нанесением ущерба военной мощи государства» и «шпионажем», как одна из форм измены Родине, т. е. приравнялось к совершению государственного контрреволюционного преступления, предусмотренного ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

Выводы

Первые шесть месяцев войны были самыми трудными для Советского Союза. Войскам Германии и ее союзников удалось продвинуться в глубь СССР на 850–1200 км, оккупировать Прибалтику, Молдавию, большую часть Украины и Белоруссии, ряд областей РСФСР, часть Карело-Финской ССР⁸⁹. Противник блокировал Ленинград, находился на подступах к Москве, имел полное превосходство в воздухе. Германская авиация с начала войны по декабрь 1941 г. совершила 127 налетов на Москву, в ходе которых самолеты противника сбросили на город 1732 фугасных и 58 050 зажигательных авиабомб, от которых пострадало 6742 человека (убито — 1404 человека, ранено — 5338). На территорию Московской области сброшено 5727 фугасных и 30 700 зажигательных авиабомб, пострадало 4385 человек (убито — 1464, ранено — 2921)⁹⁰.

В условиях тяжелейшей военно-политической обстановки части и соединения Красной армии и силы Военно-морского флота вели жестокие кровопролитные сражения с превосходящим по численности и вооружению

противником у границы, защищали Брестскую крепость, вели тяжелые оборонительные бои под Борисовом, Могилевом и Смоленском, героически обороняли Одессу, Москву, Ленинград и Севастополь, пытались вести первые контратаки, вырваться из окружения и плена. Безвозвратные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 г. составили 4 473 820 человек. Особенно велик процент (52,2 %) пропавших без вести и попавших в плен⁹¹.

В начальный период Великой Отечественной войны комплектование войск Красной армии велось в сложнейших условиях. За первые восемь месяцев войны в Красной армии после от мобилизации состояло 9 млн человек. Было сформировано для направления на фронт 218 стрелковых дивизий, 85 отдельных стрелковых бригад, 55 кавалерийских дивизий, а также части артиллерии, бронетанковые, инженерные и др., в составе которых находилось 4 388 800 человек. За этот же период на фронт были отправлены маршевые пополнения общей численностью 3 406 100 человек. Общая численность лиц, состоявших на службе в Вооруженных силах СССР (действующая Красная армия и тыловые части⁹², Военно-морской флот, войска НКВД), а также в рабочих колоннах⁹³ составляла 21 010 300 человек или 12 % от населения Советского Союза.

В связи тем, что противник оккупировал часть советской территории, произошло уменьшение количества военнообязанных (потеряно призывников 1922, 1923, 1924 годов рождения не менее 2 млн), кроме того, были исключены из призывных контингентов военнообязанные воюющих с СССР стран (немцы Поволжья и других районов, румыны и др.) — 250 тыс. человек, находились в тюрьмах и лагерях НКВД — 1 млн 182 тыс. человек в возрасте от 17 до 45 лет. Общая численность лиц, которые были исключены из потенциального контингента, подлежавшего призыву на военную службу, составляла 3 млн 432 тыс. человек⁹⁴.

В тыловых районах СССР органами НКВД с начала войны и по 20 декабря 1941 г. по подозрению в дезертирстве было задержано 189 137 человек, из числа задержанных арестовано 39 965 человек, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 172 человека. В тот же период в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД было задержано 448 975 человек, из них: арестовано 42 900, передано в войсковые части Красной армии 406 075 человек. Всего

в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД было задержано по подозрению в дезертирстве свыше 638 тыс. человек, из них арестовано 82 865 человек, передано в военкоматы и войсковые части — 555 247.

Несмотря на трагическое начало 1941 г., советский народ вынес на своих плечах тяжелое бремя борьбы с нацизмом и разгромил германскую армию. Для победы в Великой Отечественной войне и разгрома противника советскому государству пришлось мобилизовать все ресурсы, использовать чрезвычайные методы управления, которые в условиях военного времени были обоснованы и оправданы, но лишь на определенный, не слишком продолжительный, промежуток времени. Великая Отечественная война продолжалась долгих четыре года. За это время чрезвычайные меры, с одной стороны, сыграли определенную положительную роль в повышении организованности и дисциплины в войсках Красной армии и в глубоком

тылу, усилении сопротивления противнику, а с другой — привели к негативным последствиям, когда меры судебного и внесудебного принуждения использовались без достаточных оснований, репрессиям подвергались военнослужащие, не совершившие никаких преступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника; подверглись насильственному переселению отдельные группы населения и народы.

До победы в войне были еще трудные дни и ночи обороны Сталинграда, битва за Кавказ, Воронежско-Харьковская наступательная операция (1942), разгром германских войск под Сталинградом, Курская, Орловская и Киевская наступательные операции (1943), снятие блокады Ленинграда, наступательные операции на Украине, Белоруссии в Прибалтике, Карелии и Мурманской области (1944), освобождение Красной армией европейских стран, завершением войны стали Берлинская и Пражская наступательные операции (1945).

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 375. Л. 705–1119.

² Гальдер Франц (1884–1972) — немецкий военачальник. Генерал-полковник (1940). Начальник Генерального штаба сухопутных войск (1938–1942). Его «Военный дневник» (т. 1–3, 1962–1964) — важный источник по истории Второй мировой войны.

³ Цит. по: *Мяжков М. Ю.* Грозное лето 1941 г. Первые дни войны // Новая и новейшая история. 2011. № 2.

⁴ *Джексон Р.* Красные соколы / От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М., 1988. С. 145–146.

⁵ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 799, 806–807; Кн. 2. М., 1998. С. 13; Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 45–46, 128.

⁶ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 199–200.

⁷ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 30; 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 100.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 646, 668.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 676–682.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 676–682.

¹¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 35–36.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 9. 87–89.

¹³ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 269–270.

¹⁴ Сергиенко Василий Тимофеевич (1903–1982). Генерал-лейтенант (1945). Нарком внутренних дел УССР (1941–1943), заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения (1941–1943), нарком внутренних дел Крымской АССР (1943–1945). Как отмечалось в справке ЦК КПСС 1954 г. с ходатайством о лишении Сергиенко генеральского звания, в сентябре 1941 г. он не обеспечил своевременную эвакуацию аппарата НКВД УССР, в результате чего около 800 сотрудников оказались в окружении, многие попали в плен, погибли или пропали без вести. Сам Сергиенко «проявил растерянность и трусость». См. подробнее: *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 379

¹⁵ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953). Генерал-лейтенант (1943). Нарком госбезопасности УССР (1941), начальник ЭКУ НКВД СССР (1941–1943), заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР (1943–1945). Арестован 30 июня 1953 г. и 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР осужден к расстрелу. Не реабилитирован.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 375.

- ¹⁷ Ионов Алексей Павлович (1894–1942). Генерал-майор авиации, заместитель командующего ВВС Ленинградского военного округа (июль–декабрь 1940 г.), заместитель командующего ВВС (декабрь 1940 г. — май 1941 г.), командующий ВВС Прибалтийского особого военного округа (10 мая — 23 июня 1941 г.). Арестован 23 июня 1941 г. Расстрелян 23 февраля 1942 г. Реабилитирован 21 сентября 1955 г.
- ¹⁸ Кузнецов Федор Исидорович (1898–1961). Генерал-полковник (1941). С декабря 1940 г. — командующий Прибалтийским особым военным округом. С начала войны — командующий Северо-Западным фронтом. 30 июня 1941 г. снят с должности и находился в распоряжении Ставки. С 10 июля 1941 г. — командующий 21-й армией. С 26 июля 1941 г. — командующий Центральным фронтом. С 14 августа 1941 г. — командующий 51-й отдельной армией, оборонявшей Крым. С ноября 1941 г. — начальник штаба 28-й резервной армии Московского военного округа, с декабря — заместитель командующего Западным фронтом. С января 1942 г. — командующий 61-й армией, с апреля 1942 г. — начальник Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. С августа 1943 г. — заместитель командующего Волховским, затем Карельским фронтом. С февраля 1945 г. и до конца войны — командующий Уральским военным округом.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. № Р-2998. Д. Т. 1. Л. 80, 171–172, 180.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. № Р-2998. Д. Т. 1. Л. 73–75.
- ²¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 35.
- ²² 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 226.
- ²³ Киршнер Герман (1910–?) — сотрудник абвера; капитан. С июня 1941 г. — командир роты в специальном соединении «Бранденбург-800»; на советско-германском фронте выполнял задания диверсионного характера. В 1943 г. во главе особой группы направлен в Албанию для борьбы с партизанами. 9 мая 1945 г. пленен советскими войсками. 21 июля 1949 г. арестован сотрудниками 2-го Главного управления МГБ СССР. На основании п. «д» § 1 ст. 2 Закона № 10 Контрольного совета в Германии (за принадлежность к организации, объявленной Международным военным трибуналом преступной) по решению Особого совещания при МГБ СССР от 1 октября 1949 г. заключен в ИТЛ на 25 лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. досрочно освобожден 16 октября 1955 г. Репатриирован в ГДР.
- ²⁴ ЦА ФСБ России. № Н-19788. Л. 35–41.
- ²⁵ Штольце Эрвин (1891–1952), сотрудник абвера, полковник. Заместитель начальника отдела Абвер-2 (1936–1944), начальник диверсионного сектора военного управления РСХА (1944), руководитель Абверштелле-Берлин (1944–1945). Задержан в Берлине 27 мая 1945 г. сотрудниками контрразведки «Смерш» 2-й Гвардейской танковой армии. Арестован, содержался во Внутренней тюрьме. Приговорен к расстрелу в 1952 г.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. № Н-20944. Т. 1. Л. 79–84.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. № Н-20944. Т. 1. Л. 210–241.
- ²⁸ Истребительные батальоны (численностью от 100 до 200 человек) — в годы войны добровольческие формирования граждан СССР, одна из форм народного ополчения.
- ²⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 65.
- ³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 59.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 375.
- ³² Цанава Лаврентий Фомич (1900–1955). Генерал-лейтенант (1945). Нарком внутренних дел БССР (1938–1941), нарком госбезопасности БССР (февраль–июль 1941), начальник Особого отдела Западного фронта (июль–октябрь 1941), заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР (октябрь 1941 — апрель 1943), заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения (1943–1945), нарком госбезопасности БССР (1943–1951). Арестован 4 апреля 1953 г. Умер во время следствия.
- ³³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 348. Л. 174–175.
- ³⁴ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 35.
- ³⁵ Урбшис Иозас Казимирович (1896–1991), министр иностранных дел Литвы (1938–1940). В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку. Подвергнут домашнему аресту 23 июня 1941 г., арестован 26 июня 1941 г. 28 августа 1941 г. этапирован в Саратов. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного движения и враждебную деятельность против СССР» заключен в тюрьму на двадцать пять лет. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, 16 августа 1954 г. снизила меру наказания до фактически отбытого. Освобожден из-под стражи с «запрещением проживать в режимных городах, включенных в перечень Совета Министров СССР от 21 октября 1953 г., а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской

ССР». Реабилитирован прокуратурой Литовской ССР 3 апреля 1989 г. в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов».

³⁶ В документе упоминалось об интернировании шести германских граждан, а также об изъятии контрреволюционных элементов. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 81.

³⁷ Беркис Христиан Иванович (1884–1942), военный министр Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку в г. Молотов. Арестован 27 июня 1941 г. УНКВД по Молотовской области. Умер в тюрьме № 1 г. Молотова 29 июля 1942 г.

³⁸ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 57.

³⁹ Пятс Константин Яковлевич (1874–1956), президент Эстонии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку, проживал в Уфе. Арестован 26 июня 1941 г. НКГБ Башкирской ССР. В марте 1943 г. переведен в психиатрическую больницу НКВД СССР в г. Казань.

⁴⁰ Мунтерс Вильгельм Николаевич (1898–1967), министр иностранных дел Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку, проживал в Воронеже. Арестован 26 июня 1941 г. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 16 апреля 1952 г. заключен в тюрьму на 25 лет. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, 16 августа 1954 г. снизила наказание до фактически отбытого срока. Освобожден из-под стражи с ограничением проживания в режимных городах, а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Заключением Прокуратуры СССР от 18 декабря 1991 г. реабилитирован.

⁴¹ Балодис Иван (Янис) Петрович (1881–1965). Военный министр и вице-президент Латвии (1931–1940), в 1940 г. выслан в административном порядке под гласный надзор. Арестован 4 июля 1941 г. в г. Иваново. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного рабочего движения и враждебную деятельность против СССР» заключен в тюрьму на 25 лет. 16 августа 1954 г. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, снизила срок наказания до фактически отбытого с запрещением проживания в режимных городах и на территории Литовской, Латвийской, Эстонской ССР. Заключением Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 1991 г. реабилитирован.

⁴² Ульманис Карл Индрикович (1877–1942). Президент Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку в г. Ворошиловск Орджоникидзевского края (ныне г. Ставрополь). 4 июля 1941 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-4 УК РСФСР, арестован. 1 августа 1942 г. в связи с приближением немецко-фашистских войск этапирован в г. Красноярск. По пути следования оставлен в тюрьме г. Красноводска, где умер 20 сентября 1942 г. 9 января 1943 г. дело прекращено за смертью. Постановлением Генеральной прокуратуры СССР от 16 октября 1991 г. реабилитирован.

⁴³ Осадники — польские колонисты на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Польское правительство в целях полонизации своих восточных территорий, начиная с 1922 г. предоставляло уволенным в запас или отставку военнослужащим Войска Польского крупные участки пахотной земли, создавая себе, таким образом, опору в Западной Украине и Западной Белоруссии. Кроме того, осадники с семьями увеличивали процент польского населения в Западной Украине и Западной Белоруссии и тем самым давали польскому правительству лишний аргумент в том, что Западная Украина и Западная Белоруссия — это исконно польские земли. К 1939 г. осадников насчитывалось около 35 тыс. человек. В 1939–1940 гг. осадники были выселены с территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 59.

⁴⁵ В директиве были даны указания всем управлениям НКГБ: «Намеченные вами мероприятия согласуйте с первыми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и о результатах проводимой работы телеграфируйте в НКГБ СССР немедленно». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 35.

⁴⁶ Для патрулирования на улицах Москвы было выделено 1 тыс. 525 сотрудников милиции. См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 49.

⁴⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 36.

⁴⁸ Сандалов Л. М. 1941. На московском направлении. М., 2006. С. 536.

⁴⁹ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 704, 708.

- ⁵⁰ Голиков Филипп Иванович (1900–1980), советский военачальник. Маршал Советского Союза (1961). С июля 1940 г. — заместитель начальника Генерального штаба — начальник Главного разведывательного управления. С октября 1941 г. — командующий 10-й армией. В 1942 г. — командующий 4-й ударной армией, Брянским фронтом, 1-й гвардейской армией, заместитель командующего Северо-Западным фронтом, с 16 октября 1942 г. — начальник Главного разведывательного управления. В октябре 1942 г. — марте 1943 г. — командующий Воронежским фронтом. С апреля 1943 г. — заместитель наркома обороны по кадрам, с мая 1943 г. — начальник управления кадров НКО и с октября 1944 г. — уполномоченный СНК по делам репатриации.
- ⁵¹ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 776–780.
- ⁵² 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 25–27.
- ⁵³ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 1028–1030.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1227–1280.
- ⁵⁵ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 259.
- ⁵⁶ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 383.
- ⁵⁷ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 11–12.
- ⁵⁸ Об этом свидетельствуют документы Национального архива республики Беларусь (НА РБ) и воспоминания Л. М. Сандалова, который с 22 июня 1941 г. воевал в должности начальника штаба 4-й армии Западного, Центрального и Брянского фронтов. См.: Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.): Документы и материалы. Минск., 2007. С. 352–355, 370–371, 375–378; Сандалов Л. М. 1941. На московском направлении. М., 2006. С. 538.
- ⁵⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х тт. М., 1995. Т. 1. С. 348–349.
- ⁶⁰ В целом соглашаясь с тем, что репрессии и истребление лучшей части командиров в 1937–1938 гг. нанесли огромный ущерб Красной армии и заслуживают осуждения, М. А. Гареев, считает, что если бы в июне 1941 г. «вместо Жукова был Тухачевский, а вместо Павлова — Уборевич, мало, что изменилось бы». См.: Гареев М. А. Россия в войнах XIX–XX веков. Уроки и выводы. Причины неудач Красной армии в 1941–1942 гг. // Вестник Академии военных наук. 2010. № 4. С. 8.
- ⁶¹ Левин Александр Алексеевич (1896–1942), генерал-майор авиации, заместитель командующего ВВС Ленинградского военного округа. Арестован в Ленинграде 7 июня 1941 г. и этапирован в Москву в распоряжение 3-го Управления НКО СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 7 декабря 1955 г.
- ⁶² Пумпур Петр Иванович (1900–1942), генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, командующий ВВС Московского военного округа, снят с должности 10 мая, арестован 31 мая 1941 г., расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 25 июня 1955 г.
- ⁶³ Филин Александр Иванович (1905–1942), генерал-майор авиации, начальник научно-испытательного института ВВС Красной армии (1937–1941). Арестован 23 мая 1941 г., расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 26 марта 1955 г.
- ⁶⁴ Шахт Эрнст Генрихович (1904–1942), генерал-майор авиации, Герой Советского Союза, с апреля 1941 г. — помощник командующего ВВС Орловского военного округа. Арестован 30 мая 1941 г. в Орле и этапирован в Москву в распоряжение 3-го Управления НКО СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 26 ноября 1955 г.
- ⁶⁵ Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968), советский военачальник. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940). С января 1941 г. — заместитель наркома обороны, с июня 1941 г. — представитель ВГК. После ареста заключен во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР 30 июня 1941 г. (См.: ЦА ФСБ России. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 126). Освобожден по указанию Сталина 6 сентября 1941 г. и назначен командующим 7-й отдельной армией, с ноября — 4-й армией, с декабря 1941 г. — Волховским фронтом, с февраля 1944 г. — Карельским фронтом.
- ⁶⁶ Штерн Григорий Михайлович (1900–1941), генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1939), начальник Главного управления ПВО НКО СССР. Арестован 7 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 27 августа 1954 г.
- ⁶⁷ Локтионов Александр Дмитриевич (1893–1941), генерал-полковник (1940), в 1939–1940 гг. — заместитель наркома обороны по авиации, арестован 19 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 15 октября 1955 г.
- ⁶⁸ Рычагов Павел Васильевич, (1911–1941), Герой Советского Союза (1936), генерал-лейтенант авиации (1941). Начальник Главного управления Военно-воздушных сил Красной армии (1940–1941), одновременно заместитель наркома обороны СССР (февраль–апрель 1941). Арестован 24 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 июля 1954 г.
- ⁶⁹ Арженухин Федор Константинович (1902–1941), генерал-лейтенант авиации, начальник штаба ВВС Красной армии (1939), начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС (1940–1941). Арестован 28 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 ноября 1954 г.

- ⁷⁰ Володин Павел Семёнович (1900–1941), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Красной армии. Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 17 апреля 1954 г.
- ⁷¹ Ласкин Николай Алексеевич (1894–1942), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта. Арестован 11 июля 1941 г. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 25 апреля 1956 г.
- ⁷² Проскуров Иван Иосифович (1907–1941), генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, заместитель наркома обороны и начальник Разведуправления РККА (1939–1940), заместитель начальника ВВС Красной армии (1940–1941). 22 июня 1941 г. назначен командующим ВВС 7-й армии. Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 11 мая 1954 г.
- ⁷³ В конце 1941 г. были арестованы и на следствии «признали», что являются «участниками антисоветской группы, существовавшей в академии имени Фрунзе», генерал-майоры: Плюснин Николай Иванович (1891–1967); Кузьмин Федор Кузьмич (1896–1955); Соколов Александр Яковлевич (1889–1948); Бурлачко Федот Семенович (1892–1949); Армадеров Георгий Александрович (1888–1956); Глазков Алексей Александрович (1888–1943). См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–49.
- ⁷⁴ Командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) арестован 5 июля 1941 г. Обвинялся в «трусости, бездействии и паникерстве». Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 г. на основании ст.ст. 193–17 п. «б» и 193–20 п. «б» УК РСФСР осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. реабилитирован.
- ⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 3 Л. 95–96.
- ⁷⁶ Малышев Петр Федорович (1898–1972), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1943). В 1937 г. арестован и до 1940 г. находился под следствием. В феврале 1940 г. восстановлен в кадрах РККА и назначен заместителем командира 64-й стрелковой дивизии. С начала войны — командир 3-й запасной стрелковой бригады, с 14 июля 1941 г. — командир 64-й стрелковой дивизии. Имел задачу обороны Смоленска, после занятия которого противником находился под следствием. Освобожден за отсутствием состава преступления. С апреля 1942 г. — командир 288-й стрелковой дивизии, с октября 1942 г. — заместитель командующего 16-й армией, с мая 1943 г. — командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса. С декабря 1943 г. и до конца войны — командующий 4-й ударной армией.
- ⁷⁷ Военно-экспертная комиссия работала с 17 декабря 1941 г. по 13 февраля 1942 г.
- ⁷⁸ Постановлением заместителя начальника следственной части Особого отдела НКВД Западного фронта от 27 февраля 1942 г. уголовное дело прекращено с формулировкой «ввиду нецелесообразности». Малышев П.Ф. освобожден из-под стражи и направлен на фронт. Заключение Главной военной прокуратуры от 14 июля 2003 г. реабилитирован.
- ⁷⁹ Качалов Владимир Яковлевич (1890–1941). Генерал-лейтенант, командующий войсками Северо-Кавказского (апрель–июнь 1941) и Архангельского (июнь 1941) военных округов, командующий 28-й армией Западного фронта (июнь–август 1941).
- ⁸⁰ Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950), генерал-майор. Командующий 12-й армией Киевского особого военного округа (март–июнь 1941), командующий 12-й армией Юго-Западного фронта (июнь–август 1941), 7 августа 1941 г. под Уманью был пленен и до конца войны находился в плену. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.
- ⁸¹ Кириллов Николай Кузьмич (1897–1950), генерал-майор. Командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта. 10 августа 1941 г. был пленен и до конца войны находился в плену. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.
- ⁸² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 155–161.
- ⁸³ Подготовленный под влиянием неудач Красной армии приказ № 270 не учитывал многих реальных обстоятельств. Как выяснилось в ходе расследования, Качалов не сдался в плен, а погиб в бою 4 августа 1941 г. Понеделин и Кириллов были захвачены в плен превосходящими силами противника. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 484.
- ⁸⁴ Гончаров Василий Сафронович (1894–1941), генерал-майор, начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта. Высшая мера уголовного наказания применена во внесудебном порядке, без проведения предварительного следствия, а также без какого-либо расследования и получения письменного объяснения. 15 октября 2002 г. по заключению Главной военной прокуратуры в соответствии с п. «б» ст. 3, ч. 2 ст. 8 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. реабилитирован.

⁸⁵ Качанов Кузьма Максимович (1901–1941), командир 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта (июнь–август 1941), командующий 34-й армией Северо-Западного фронта (август–сентябрь 1941). Арестован 12 сентября 1941 г. Военным трибуналом Северо-Западного фронта 27 сентября 1941 г. по ст. 193 п. 22 УК РСФСР лишен военного звания генерал-майор и приговорен к расстрелу. 28 сентября 1941 г. приговор утвержден заместителем наркома обороны СССР Мехлисом и 29 сентября приведен в исполнение. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 декабря 1957 г. уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

⁸⁶ См.: ЦА ФСБ России. № Н-21784. Л. 60–61, 82–85, 90, 99, 115, 116.

⁸⁷ Собенников Петр Петрович (1894–1960), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1945). С августа 1941 г. — командующий 43-й армией. 16 октября 1941 г. арестован по обвинению в участии в «антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы», направленной на поражение Красной армии в войне. На допросах участие в антисоветском военном заговоре отрицал, подтверждая лишь свою полную ответственность за поражение 43-й армии. 28 января 1942 г. дополнительно предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 193-21 п. «а». По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1942 г. по ст. 58-1 п. «б» и 58-11 УК оправдан, по ст. 193-21 п. «б» УК лишен воинского звания и подвергнут лишению свободы в ИТЛ на 5 лет. Освобожден. С февраля 1942 г. в группе маршала Ворошилова занимался формированием резервных армий в тылу. С ноября 1942 г. и до конца войны — заместитель командующего 3-й армией.

⁸⁸ Ермаков Аркадий Николаевич (1899–1957), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1944). С октября 1941 г. — командующий 50-й армией. Арестован 14 декабря 1941 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР. 29 января 1942 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 5 годам ИТЛ и лишен воинского звания. 3 февраля 1942 г. освобожден из-под стражи и направлен в распоряжение НКО. В июне 1942 г. — заместитель командующего 20-й армией, в марте 1943 г. — командующий 20-й армией. С апреля 1944 г. — командир 23-го стрелкового корпуса.

⁸⁹ В конце 1941 г. германские и финские войска оккупировали две трети территории Карелии (18 районов из 26), в том числе и столицу — г. Петрозаводск (20 октября 1941 г.). Противником были захвачены города Олонец, Кандопога, Кексгольм, Сортавала, Выборг.

⁹⁰ По данным на 23 декабря 1941 г., от зажигательных и фугасных бомб в Москве возник 1541 пожар, в результате бомбардировок и пожаров уничтожено 412 и повреждено 879 жилых домов, полностью разрушено 22 промышленных объекта (3 завода, 12 фабрик, 7 предприятий городского и железнодорожного транспорта), частично разрушено 110 промышленных объектов, пострадало 85 культурно-просветительных, учебных, научных, лечебных и общественных учреждений (18 разрушено, 67 повреждено). См.: ЦА ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 15. Л. 384–386.

⁹¹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 59.

⁹² Численность запасных частей, военных училищ, академий, местных стрелковых войск и тыловых учреждений военных округов составляла 1 млн 851 тыс. человек. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

⁹³ В рабочих колоннах находилось 1 млн 264 тыс. 400 человек. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

⁹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

«... Великий кризис

ВОТ-ВОТ НАЧНЕТСЯ»

из донесений американской военной разведки в 1935–1941 гг.

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев*

Начальник штаба сухопутных сил США генерал Джордж Маршалл в ответ на запрос Белого дома направил 2 сентября 1943 г. президенту Франклину Рузвельту папку со сводным обзором секретных донесений армейской разведки США (знаменитой «Джи-2») за 1935–1941 гг. о росте фашистской военной угрозы в Европе. Этот документ был подготовлен на основе многих тысяч донесений военных атташе США в европейских странах, составивших в общей сложности 56 томов. Нам неизвестны мотивы этого президентского запроса, но Дж. Маршалл в сопроводительном письме на имя Рузвельта упоминает о том, что документы отбирались с учетом «исторического интереса»¹.

Можно предположить, что эти документы, уже не имевшие к тому времени оперативного значения, предназначались для будущих историков, включая и самого президента, который мечтал засесть за мемуары после войны. Так или иначе они сохранились в архиве Рузвельта и действительно представляют несомненный исторический интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, — как живые свидетельства современников о росте фашистской угрозы, причем свидетельства компетентные, поскольку «Джи-2» была тогда самой профессиональной и ресурсообеспеченной американской разведкой. Во-вторых, они дают представление об уровне информированности военно-политиче-

ского руководства США о военном потенциале стран «оси». Наконец, эти документы позволяют судить о том, насколько адекватно американская разведка понимала характер и масштаб назревавшей в Европе катастрофы.

Армейские разведчики хорошо знали свое дело: порой они лучше дипломатов и политиков понимали, куда идет развитие событий, поскольку судили о них по реальным фактам военного строительства стран «оси», а эти факты и цифры ярче всяких слов говорили о нарастании реальной военной угрозы. Однако военные атташе не ограничивались чисто военно-технической стороной дела; они шли дальше, давая оценки и прогнозы развития общей стратегической ситуации и намерений сторон. Не всегда эти оценки и прогнозы оказывались точными, но основные тенденции схватывались в них безошибочно. Приход Гитлера к власти как «разрыв между довоенным и предвоенным периодом», ремилитаризация Германии в качестве подготовки к большой войне, беспомощность Великобритании и Франции в отпоре фашизму, неизбежность советско-германского столкновения — эти и другие ключевые черты предвоенного периода проступают в донесениях со всей очевидностью. Яркий пример точного политического анализа — вывод военного атташе США в Берлине полковника Т. Смита о далеко идущих стратегических последствиях ремилитаризации

* **Владимир Олегович Печатнов** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

Искандер Эдуардович Магадеев — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Franklin D. Roosevelt Library
DECLASSIFIED
DOO DIR. 5200.9 (9/27/58)

WAR DEPARTMENT
THE CHIEF OF STAFF
WASHINGTON, D. C.

Date- 11-17-70
Signature- *gvd*

September 2, 1943

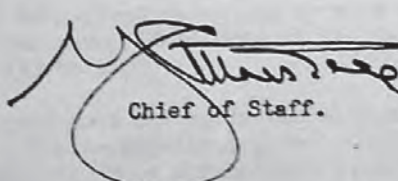
MEMORANDUM FOR THE PRESIDENT:

Subject: Axis War Potential.

In accordance with your memorandum of July 14, 1943, there are enclosed copies of Military Attache dispatches dealing with the preparations for war by Germany, Italy and Japan, and their aggressive intentions on the continents of Europe and Asia from January 1, 1937. Similar documents bearing on Bulgaria, Austria, Occupied France, Belgium, England and Russia are also included.

For easy reference the documents, which comprise 56 volumes, have been summarized in two folders attached as Tab A and Tab B. Also attached is a portion of a report submitted by Colonel Truman Smith on November 1, 1937, which is believed to be particularly significant. Colonel Smith's full report is included in the bound volumes.

In addition, there are thousands of miscellaneous dispatches and other documents which touch incidentally on German, Italian and Japanese war preparations, but since they are not particularly pertinent to an historical analysis, I have not forwarded them. During the summer and fall of 1941, G-2 secured from highly secret sources considerable information indicating Japan's determination to resort to armed force in the event that the negotiations between Secretary Hull and Ambassador Nomura, then being conducted, did not result in an agreement satisfactory to Japan. In the interests of security they will not be forwarded unless especially desired. In the case of the document collection pertaining to Germany, a few very important dispatches have been included dealing with the period 1935 to 1936, inasmuch as these were the years of the largest and most rapid military expansion.

Chief of Staff.

Encs.

SECRET

Германией Рейнской области — «дерзкого шага», «подрубившего основы всей структуры французских послевоенных союзов».

Вместе с тем американские разведчики, находясь в плену профессионального рационализма, все-таки недооценивали стратегическую дерзость и авантюризм Гитлера, преуменьшая его готовность к применению силы. Этому способствовала тогдашняя слабость агентурной сети разведки США в Германии и Италии, отсутствие надежных источников в военно-политических кругах этих стран. У читателей этого издания теперь есть возможность сравнить уровень информированности американской и советской разведок о военно-политической ситуации в предвоенной Европе. Это сравнение говорит о том, что советские разведчики имели доступ к более закрытой и важной информации о планах и намерениях стран «оси», чем их американские коллеги. Характерна и плохая осведомленность американцев о положении в Советском Союзе, хотя в целом они верно отмечали постепенное наращивание советских военных усилий в ответ на фашистскую угрозу при всем запаздывающем характере этих усилий. Интересен и точный прогноз о том, что крах нацистского блицкрига в 1941 году приведет к поражению Германии в войне.

Армейская разведка США снабжала военно-политическое руководство страны весьма адекватной информацией о разрастании европейского кризиса и не ее вина в том, что США вяло реагировали на угрозу фашизма и оказались не готовы к большой войне с ним, когда она разразилась. Но к счастью для Америки у нее, в отличие от СССР, и тогда было время, чтобы наверстать упущенное в предвоенные годы — время, купленное ценой жизни миллионов советских людей, сдержавших страшный натиск вермахта.

СВОДКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Рассекречено
Письмо аппарата министра
обороны США, 5-3-72
15 ноября 1972

Документы разведывательного отделения Штаба сухопутных сил состоят из меморандумов, исследований, оценок и подобного рода

материалов, которые были подготовлены для Военного министерства и других правительственных органов.

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году знаменовал собой разрыв между довоенным и предвоенным временем. Учитывая роль Германии в Европе, важно включить в сводку более ранние доклады военных атташе в Германии, чем изначально подразумевалось в директиве по ее составлению. Уже в мае 1935 года военный атташе в Берлине докладывал, что Германия переводит всю свою экономическую жизнь на военные рельсы. Неделию спустя он уточнил эту картину, отметив, что почти 50 процентов германского промышленного производства приходится на вооружения. В августе военный атташе добавил, что военное положение Германии укрепляется за счет строительства широкой сети дорог военного назначения. Речь Гитлера от 16 сентября была расценена военным атташе как прямая угроза существующему статусу Мемеля в Литве, хотя он оговорил, что невозможно предсказать, когда именно Германия предпримет шаги против своего маленького балтийского соседа. К октябрю военный атташе докладывал, что только три группы имеют существенное политическое влияние в нацистском руководстве: нацистская партия; армия; финансисты и промышленники. В столкновении партии и армии, добавил он, армию заставят отступить.

25 ноября военный атташе докладывал, что, хотя Германия и стремится к временному миру с Францией, она ожидает войны с французской нацией. Это произойдет тогда, когда окончательно придет время столкнуться с Советским Союзом. Франция, однако, будет представлена в роли агрессора². На востоке Финляндия рассматривалась как надежный союзник Германии в любом советско-нацистском конфликте. Дальнейшие свидетельства того, насколько жизнь Германия определялась военными соображениями, были приведены военным атташе в докладе о перемещении германской промышленности и создании новых военных производств в центре Германии как меры подготовки к возможным боевым действиям.

Военный атташе считал, что занятие Гитлером Рейнской области означает намного больше, нежели простое возвращение нацистских гарнизонов в несколько германских городов. Одним дерзким шагом Гитлер подрубил основы всей

структуры французских послевоенных союзов, заявил атташе. Европейский кризис, вызванный занятием Рейнской области германскими войсками, был такой глубины, что, по мнению военного атташе, отныне все стратегические факторы, связанные с возможной войной между Францией и Германией, должны быть приняты во внимание. Он добавил, однако, что не верит, что подобное столкновение на самом деле произойдет. Спустя месяц, военный атташе резюмировал, что Германия заняла строго оборонительную позицию. Германия будет тянуть время, поддерживать перевооружение Венгрии и пытаться поставить у власти в Австрии более дружественное Германии правительство. В течение лета 1936 года военный атташе докладывал, что Германия полностью не удовлетворена статус-кво и она стремится к получению новых территорий в Восточной Европе. Он добавил, что Германия не прибегнет к войне только в том случае, если сможет достичь своих целей другими средствами. В следующем докладе осенью 1936 года военный атташе предупреждал, что германо-итальянское сотрудничество постоянно укрепляется, и что занятие Рейнской области Германией вызвало резкий упадок престижа Франции в Восточной Европе. [2]

1937

1937 год отмечен началом последней отчаянной гонки всех европейских правительств с целью поставить развитие своих стран на военные рельсы. Возрастание германской военной мощи было отмечено военным атташе в Берлине в докладе, где говорилось о почти двукратном увеличении численности нацистской армии с 1936 года. Эта армия насчитывала 36 дивизий и как минимум 600 000 человек, хотя недостаток офицеров продолжал оставаться сдерживающим фактором ее роста. В другом докладе, датированном тем же днем, военный атташе говорил о том, что полная реорганизация резервов германской армии в дополнение к 36 дивизиям первого эшелона даст дополнительно 12 или более дивизий ландвера³. Мощь военно-воздушных сил Германии оценивалась военным атташе между 720 и 960 боевыми самолетами первой линии и численностью личного состава более 100 000 человек. В письме от 25 мая 1937 года военный атташе отмечал, что, хотя военный и экономический потенциал Германии неуклонно растет, он не ожидает войны в ближайшем будущем. В сентябре он докладывал, что

моторизация 4 германских дивизий начнется в течение ближайшего месяца. Германия делает быстрые шаги в развитии 4-моторных самолетов. К концу октября военный атташе считал, что германские военно-воздушные силы уже достигли того предела, когда их необходимо серьезно рассматривать как мощного противника, чья сила продолжает быстро расти. Он добавил, что немцы производят около 6000 самолетов ежегодно⁴. Система германских укреплений вдоль Рейна заперла французскую армию на ее территории. Военный атташе докладывал, что с каждым месяцем Франция все меньше способна оказать помощь своему восточному союзнику Чехословакии. К весне 1939 года он считал, что Германия способна удерживать французскую армию, задействовав лишь половину своих сухопутных сил.

В ноябре военный атташе информировал о том, что германский Генеральный штаб рассматривает позицию Великобритании как слабую, а также о том, что германской ценой за достижение соглашения с Англией был бы отказ последней от поддержки широко раскинувшейся французской системы союзов. Тем временем растущая германская мощь, о которой докладывал военный атташе из Берлина, оказывала серьезное воздействие на соседей Германии. На юге, как писал военный атташе в Риме, Италия стремилась закрепить свои позиции в Средиземноморье, а также, если получится, вовлечь в антибольшевистский блок Турцию. Италия также предпринимала серию шагов с целью подготовки либо к скорому, либо к возможному в будущем вооруженному конфликту. Военный атташе в Риме обращал внимание на то, что итальянцы строят новую прибрежную дорогу в Ливии, имеющую первостепенное военное значение, а также на то, что итальянские фабрики по производству военных материалов работают на полную мощность. Запасены существенные запасы продовольствия, добавлял он. 5 марта военный атташе в [3] Риме информировал о том, что военное министерство и большой фашистский совет на совещании 1 марта решили, что «всякая возможность ограничения вооружений ныне исключена». Производство самолетов в Италии оценивалось военным атташе в Риме в 1500–2000 единиц в год, в то время как общая численность итальянских военно-воздушных сил колебалась между 3000 и 4000 самолетов. В ряде докладов он обсуждал производственные мощности различных авиационных заводов

и шаги, которые Италия предприняла для подготовки к войне в воздухе. Комментируя мобилизацию резервистов в ноябре 1937 года, он констатировал, что приказ затрагивал около 100 000 резервистов и что приблизительная численность итальянской армии ныне составляет около 500 000 человек.

Тревога, с которой европейские государства смотрят на процессы перевооружения и нарастание международной напряженности были отражены в письме военного атташе в Болгарии. Он процитировал короля Бориса⁵, который сказал новому посланнику США в Софии, что Болгария желает мира и стремится избегать всяких затруднительных положений.

Западные державы — Франция и Англия — также постепенно осознавали растущую угрозу их безопасности со стороны нацистской Германии. Однако как британцы, так и французы были далеки от состояния военной готовности. В докладе от 10 марта военный атташе в Лондоне подробно анализировал проблему увеличения британской армии и приведения ее в боевую готовность, ясно обозначив огромный масштаб задач, который стоял перед Англией в деле создания современной армии. В следующем докладе неделю спустя обсуждались новые британские вооружения, а также был очерчен пятилетний план, выполнение которого намечалось на весну 1942 года. Эти планы были нацелены на создание небольшой, но эффективной ударной силы, которая в случае сражений на континенте зависела бы от союза с другой сильной военной державой. В докладе, сопровождавшем этот план, военный атташе оценивал его скептически, так как программа намечала наступательные действия армии, что было чуждо традиционному британскому оборонительному духу. В своем октябрьском докладе 1937 года он считал, что германская армия была великолепна, состояние французской армии улучшалось, в то время как состояние британской армии оставалось плохим из-за недостатка боевой техники и инерции устаревших идей. При дальнейшем обсуждении неблагоприятных факторов он отметил, что почти все его впечатления от британской армии были пессимистичными.

Французы также осознавали все возрастающую германскую угрозу на своей восточной границе. Военный атташе в Париже докладывал, что ситуация во французской промышленности была очень тяжелой, характеризовалась серьезной неразберихой и отсутствием реального

прогресса. Он особо отметил сопротивление владельцев заводов по производству вооружений попыткам национализации французской военной промышленности. Французское чувство беспомощности перед лицом нарастающего перевооружения Германии было отражено в докладе от 7 мая 1937 года [4], в котором военный атташе также констатировал, что французы полагают, что Австрия практически готова упасть в руки Германии и что Великобритания почти ничего не будет делать по этому поводу⁶. Франция имела лишь 1000 самолетов первой линии в 1937 году. Военный атташе отметил в этом докладе, что министр авиации Пьер Кот⁷ проводит национализацию французской авиационной промышленности.

В том, что касается Восточной Европы, роль, которую должен был играть в предстоящем столкновении Советский Союз, оставалась неясной. Военный атташе в Москве докладывал, что чистки, в ходе которых были расстреляны Тухачевский и другие ведущие советские офицеры, усилили контроль над политической благонадежностью советских командиров и начали повышать эффективность советской армии. Хотя наш военный атташе в Советском Союзе отмечал, что получить надежную официальную информацию о военно-воздушных силах Советского Союза крайне трудно, в августе 1937 он докладывал, что СССР имеет в общем около 4000 самолетов. В последующих докладах, обсуждая промышленную мобилизацию Советского Союза, он обратил внимание на то, что централизация исполнительной власти является полной и неограниченной. Сложности, с которыми борется сталинский режим, состоят в недостатке технических навыков у рабочих, низком уровне жизни, саботаже и грабежах. Цифры по бюджету за 1937 год демонстрируют увеличение затрат Советского Союза на оборону, в то время как объем средств, выделяемый на развитие сфер деятельности, тесно связанных с военными нуждами, также растет.

1938

Германия встретила 1938 год, все более укрепляя свое военное положение. Военный атташе в Берлине информировал, что Германия окончательно перевела свою экономику на военные рельсы и, хотя само по себе это не означает неизбежности будущей войны, значение этого факта состоит в том, что Германия намерена быть сильнейшей военной державой в Европе.

Военный атташе отметил, что политика Германии по строительству приграничных укреплений дает ясное представление о ее намерениях в случае войны: наступательных действий Германии можно ожидать на границах, оставленных неукрепленными. Военный атташе обратил внимание на то, что в их числе находится и граница с Чехословакией.

Заявление Гитлера от 20 февраля об увеличении германской армии было прояснено военным атташе, который объяснил, что количество пехотных дивизий будет увеличено с 36 до 48, а бронетанковых — с 3 до 5. 9 марта, за два дня до того, как германские войска пересекли австрийскую границу, военный атташе предупреждал, что нацисты могут быть нацелены на незамедлительное решение вопроса с Австрией, дабы не потерять преимущества, полученные ими по результатам конференции в Берхтесгадене⁸. [5]

После провозглашения австро-германского союза военный атташе в Берлине информировал о том, что защита Австрии Италией невозможна. В том же докладе он обращал внимание на то, что Великобритания и Франция серьезно ослабли и что малые государства Центральной Европы пойдут на уступки Германии. Чехословакия, добавил он, либо войдет в германскую орбиту, то есть прекратит существовать как самостоятельное государство, либо будет разделена по национальному признаку. Две недели спустя военный атташе, докладывая о растущей напряженности в германо-чешских отношениях, констатировал, что единственный вопрос состоит в том, когда, а не если, Гитлер предпримет следующий шаг. Германия нацелена на ликвидацию смешанного чехословацкого государства и на присоединение территорий, населенных немцами, к Третьему рейху, предупреждал военный атташе.

Кризис 21–22 мая 1938 года⁹ ознаменовал собой начало чехословацкой драмы, докладывал военный атташе. Он предположил, что она может длиться существенное время. Он, однако, не верил в то, что Германия предпримет немедленные действия, так как в следующем году она будет на 20 процентов экономически более самодостаточна, нежели в настоящее время. Тем временем из Праги поступила информация о чехословацких мерах на случай любой возможной германской угрозы. 24 мая военный атташе в Праге докладывал, что чехи предприняли военные меры, которые они называли «учениями», а не мобилизацией.

Хотя чехословацкий кризис не привел к немедленному результату, Германия продолжила ускоренное строительство Западного вала¹⁰. Военный атташе в Берлине докладывал, что из-за недостроенных укреплений на западной германской границе Гитлер воздержится от мер против чехов, которые могут повлечь столкновение с Францией¹¹. В течение лета чехословацкий кризис продолжал маячить на горизонте международной политики. К 1 августа военный атташе констатировал, что, хотя немцы еще могут согласиться с сохранением федеративного устройства Чехословакии, в конце концов, они, бесспорно, полностью присоединят Судетскую область. Неделю спустя он сообщал, что более 150 000 человек вовлечено в строительство Западного вала и что немцы планируют хотя бы частично завершить строительство этих укреплений к 15 сентября. 8 августа военный атташе информировал военное министерство о том, что Гитлер намерен окончательно решить чешский вопрос между 15 сентября и 1 ноября. Спустя 10 дней, в то время как миссия Ренсимена¹² находилась в Чехословакии с целью решения судетского вопроса, военный атташе в Берлине информировал, что не ожидается никаких действий до завершения миссией своей работы. В то же время, добавил он, Германия усиливает свои военные позиции. К 1 сентября он считал, что вооруженная интервенция Германии в Чехословакию пока не входит в планы Гитлера. В то же время он говорил о том, что военные приготовления Германии не будут ослаблены до тех пор, пока чехословацкий кризис не будет разрешен. Две недели спустя военный атташе докладывал, что намерения Гитлера были неясны, но, по его мнению, решения о военной интервенции не принято¹³. [6]

К 28 сентября военный атташе докладывал, что немцы призывают резервистов и принимают меры по приведению военно-воздушных сил в состояние полной боевой готовности. На следующий день он телеграфировал, что предпринимается дальнейшие шаги по военному приготовлению Германии. 27 сентября он информировал военное министерство о сосредоточении пяти или шести дивизий вдоль чехословацкой границы. Всеобщей мобилизации к 28 сентября объявлено не было.

29 сентября Мюнхенское соглашение было подписано и судьба Чехословакии была решена. 5 октября военный атташе докладывал из Берлина о том, что Германия стремится не допустить

перехода Словакии в руки Венгрии, несмотря на венгерские требования и их поддержку со стороны Польши и Италии. 28 октября военный атташе констатировал, что Германия вскоре потребует от Литвы Мемельский округ и что у литовского правительства в Ковно¹⁴ не так много времени для удовлетворения этого германского требования. В декабре он докладывал, что британо-германские отношения, видимо, зашли в психологический тупик.

В то время как Германия использовала 1938 год для укрепления своей власти в Центральной Европе, Италия предпринимала дальнейшие шаги по укреплению своего военного положения. В феврале 1938 года военный атташе в Риме докладывал, что военно-воздушные силы Италии существенно выросли за последний год. Комментируя визит Гитлера в Италию в мае, военный атташе писал о явном отсутствии энтузиазма к нему со стороны итальянского народа, что демонстрирует антигерманские настроения в Италии. Результаты переговоров Муссолини и фюрера были неизвестны, добавлял он, но было маловероятно, что они завершились заключением военного союза между двумя государствами.

В июле военный атташе констатировал, что на данный момент у Италии нет резервов военных самолетов и складов и вследствие этого она не сможет обеспечить замену технических подразделений в результате потерь, если бы война началась в ближайшем будущем. В течение чехословацкого кризиса военный атташе в Риме докладывал, что Италия не ожидает того, что существующая политическая ситуация приведет к европейской войне. Что касается нарастания напряженности в германо-чехословацких отношениях, он писал о том, что, хотя Италия может быстро провести мобилизацию, в стране существует сильные настроения против участия в войне в качестве союзника Германии. 12 октября он докладывал, что производство боевых самолетов в Италии составляет от 180 до 200 единиц в месяц. Согласно оценкам численности итальянской армии от 2 ноября 1938 года, она составляет около 738 000 человек.

События 1938 года и военная тревога, ставшая результатом чехословацкого кризиса, частично послужили тому, что чувство безопасности двух западных [7] держав, Англии и Франции, было поколеблено. В марте 1938 года британцы начали осознавать свою военную слабость, и военный атташе в Лон-

доне докладывал, что военный министр Хор-Белиша¹⁵ предпринимает шаги по реорганизации британской армии. 14 марта военный атташе констатировал, что британцы намерены сократить численность гарнизонов в империи и усилить свои позиции в метрополии для действий против Германии. Он докладывал, однако, и о том, что реорганизация армий, запланированная Хор-Белиша, в действительности была неэффективной, не говоря уже о мерах противовоздушной обороны.

Реальное производство самолетов в Англии в 1938 году составляло около 200 единиц в месяц. Успех британской военно-воздушной программы требовал серьезных перемен в отношении к проблеме со стороны всей британской нации. Несмотря на предупреждения, которые они получали в течение лета, чехословацкий кризис застал британцев полностью неподготовленными. Военный атташе констатировал, что все их военные приготовления были трагически недостаточны. Несмотря на этот недостаток чувства реальности, добавил он, британцы, вероятно, снова погрузились в апатию после того, как кризис был урегулирован в Мюнхене. Дополнительные сведения о неэффективности зенитной артиллерии в период кризиса были приведены в докладе военного атташе от 24 октября.

1938 год, а также чехословацкий кризис застали французскую нацию полностью неподготовленной и сотрясаемой внутренними политическими раздорами. В марте 1938 года военный атташе в Париже докладывал, что доверие французской общественности в отношении использования займа на государственную оборону 1937 года было поколеблено. Он сообщал, что в то время, когда напряженность в отношениях между немцами и чехами приняла в мае крайнюю форму, было мало доказательств того, что Генеральный штаб конструктивно мыслил относительно реагирования на сложившуюся ситуацию, несмотря на то, что французы были сильно заинтересованы в судьбе своего центральноевропейского союзника. Дополнительные сведения о слабости Франции были приведены военным атташе, который процитировал заявление полковника Линдберга¹⁶ о слабости французских военно-воздушных сил, которое было подкреплено утверждением французского министра авиации. После Мюнхенского соглашения и расчленения Чехословацкой Республики военный атташе сообщал

о том, что французы совсем потеряли уверенность. Французский Генеральный штаб полагал, что следующий кризис произойдет в апреле 1939 года. Все более серьезные последствия международного положения Германии и угроза европейской войны были отмечены в декабрьском докладе военного атташе. [8]

Для отчетов из Москвы с 1938 года и фактически за весь период европейского кризиса вплоть до начала войны в сентябре 1939 года характерно практически полное отсутствие информации от военного атташе в Советском Союзе. Это может быть в некоторой степени объяснено трудностями получения информации о военных и политических событиях по причине советской цензуры и недостатком доверия к иностранцам. Тем не менее описание того, что происходило в Советском Союзе, остается самой слабой стороной в совокупности отчетов американских военных атташе предвоенного периода.

В Советском Союзе события 1938 года ознаменовали конец советских намерений по созданию единого фронта против немцев с помощью Лиги Наций и союза с западными державами. В течение года Советский Союз продолжал предпринимать меры по промышленной мобилизации в плане подготовки к вооруженному конфликту. Численность советских военно-воздушных сил оценивалась в 49 бригад наземного и 5 бригад морского базирования. В течение чехословацкого кризиса военный атташе в Москве 15 сентября докладывал, что советская армия поможет чехам, если на них нападут немцы, при условии, что Франция также придет им на помощь¹⁷. Советские военные руководители, однако, открыто критиковали британскую политику и считали, что миссия Ренсимена приведет к расчленению чехословацкого государства. После Мюнхенского соглашения военный атташе докладывал, что советские руководители до конца не определились, продолжать ли участвовать в работе Лиги Наций, развивать дополнительные двухсторонние договоры с соседними государствами либо же отказаться от попыток коллективных действий и сконцентрироваться на внутреннем усилении Советского Союза. В декабре военный атташе оценивал производство самолетов в течение календарного 1938 года в 2150 единиц. Максимальный объем производства авиационных двигателей всех типов составил 6600 единиц. [9]

1939

1939 год начался с практически полного затишья в политической активности. Затишье было настолько полным, что 20 февраля военный атташе в Берлине сообщал о том, что, если не произойдет ничего непредвиденного, очень маловероятно, что германская агрессия произойдет в этом году. Неделью спустя военный атташе сообщал о том, что внимание Германии сосредоточено на венгерской ситуации и борьбе за власть между различными группировками в этой стране. 13 марта он писал о том, что германская пресса в течение нескольких дней раздувает тему чехословацкого кризиса и кажется, что Германия вмешается с помощью вооруженных сил в этот кризис. На следующий день в телеграмме он информировал военное министерство, что в течение двух грядущих дней ожидается оккупация Чехословакии германскими войсками. На следующий день он телеграфировал, что оккупация была осуществлена прошлой ночью. Оценивая последствия оккупации Чехословакии, военный атташе в Берлине писал, что она окончательно подтвердила германскую программу экспансии на восток в течение 1939 года. Хотя эта программа, должно быть, ограничена польским коридором, Данцигом, Мемелем и бывшей германской территорией в Польше, она может включать, добавил он, Румынию и части территории Советского Союза. 27 марта он сообщал, что самым главным для берлинских обозревателей был вопрос Данцига и польского коридора. Он добавил, что не верит в то, что полноценные итало-германские действия против западных демократий развернутся в 1939 году.

В течение весны 1939 года польско-германские отношения развивались по тому же образцу, что и чехословацко-германские отношения на протяжении прошлого года. 3 апреля военный атташе докладывал, что отношения почти достигли критической точки и сопровождаются инцидентами на границе, хотя он не верит в то, что немцы немедленно предпримут военные действия против Польши. Неделью спустя, он прояснил ситуацию, сообщив, что, несмотря на слухи, он не верит в то, что неординарные передислокации войск сколько-нибудь существенного масштаба имели место на территории Третьего рейха. Хотя непосредственных военных приготовлений не было, он сообщал о том, что самолеты были доставлены на аэродромы на случай возможных военных действий. Совокупная военно-воздушная мощь Германии

была определена в 4490 самолетов первой линии, достигавшая с учетом резервов почти 14 000 единиц. Он констатировал, что Германия была способна выставить на поле боя 150 [10] дивизий, что делало ее еще более мощной, чем в 1914 году. Он добавил, что приготовления против Польши велись с сентября 1938 года и, по его мнению, гарантии западных держав, данные Польше, чуть приостановили эти приготовления, однако в целом германская восточная программа не была отменена. Комментируя речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля, военный атташе определил ее как «самую зловещую». Он писал о том, что она оставляет впечатление отчаянной решимости продолжить осуществление германской экспансии на восток. Он также предупреждал о постепенном сосредоточении войск в восточной Германии. 8 мая военный атташе в Берлине докладывал, что все подразделения германских вооруженных сил переведены на штаты военного времени и что 500 000 резервистов проходят дополнительное обучение. Неделю спустя он сообщил еще об одном признаке углубляющегося кризиса, а именно о мероприятиях по обучению резервистов и пилотов коммерческих линий полетам на боевых самолетах в течение этого лета. Военный атташе констатировал, что, хотя Германия, осуществляя небольшие передислокации войск, делает все, чтобы у поляков сдали нервы, он не верит в то, что она рискнет начать большую войну в настоящее время. Однако небольшие передвижения будут использоваться для прикрытия всякой серьезной передислокации, добавил он. Первое предупреждение о возможном заключении германо-советского соглашения было представлено атташе 26 мая. Он предостерег, что, если Великобритания не достигнет соглашения с Россией, Германия может договориться с последней и что неудача британо-российских переговоров вполне может стать сигналом для германского нападения на Польшу. Он считал, что Германия может поставить под ружье 2 000 000 человек и информировал о расположении германских сил в возможной польской кампании. Временное затишье в развитии кризиса возникло в июле, и военный атташе отметил, что ряду высокопоставленных офицеров были даны увольнительные, что говорит о том, что немедленных военных действий не будет. В то же время, однако, он считал, что в случае войны немцы могут призвать на военную службу 3 690 000 человек. В течение месяца военный атташе вновь докладывал, что ситуация вокруг

Польши с 30 июня остается сравнительно спокойной, но предупреждал, что идея о том, что восточная программа Гитлера остановлена, не подкреплялась известными ему сведениями о военной ситуации. 7 августа военный атташе констатировал, что передвижения германских войск на восток и их сосредоточение вдоль польской границы, которое началось 30 июля, вкупе с другими чрезвычайными мерами, противоречили внешнему политическому спокойствию. Две недели спустя он докладывал, что многие офицеры были неожиданно отозваны из увольнительных. Немцы сбросили маску, писал он, и требуют не только Данциг, но и весь польский коридор и Тешин¹⁸. На следующий день после начала польско-германского конфликта военный атташе в Берлине информировал военное министерство о том, что максимум, чего можно ожидать от России, это усиление гарнизонов на польской границе. Эта мера заставит Польшу отправить войска на восток. В то же время он характеризовал советско-германский пакт от 23 августа как [11] грубый технический просчет Германии.

1 сентября нацистские армии напали на Польшу, и три дня спустя Англия и Франция объявили войну Третьему рейху. В то время как германская военная машина шла полным ходом и польская кампания подходила к концу, военный атташе в Лондоне докладывал, что британцы сообщили ему о том, что бензина у Германии осталось лишь на два-три месяца военных действий. После коллапса Польши военный атташе в Берлине сообщал о том, что первым шагом Германии будет, возможно, воздушная или подводная кампания против британского торгового флота. Если эта кампания не заставит Англию встать на колени, Германия нападет на французскую и британскую армии. Такое нападение может быть осуществлено лишь через территорию Бельгии и Голландии или Италии; бельгийско-голландский путь предоставляет больше шансов на успех. В Италии, как и в Германии, начало 1939 года было отмечено затишьем. В конце февраля военный атташе в Риме в докладе о производстве самолетов отметил, что несмотря на значительные разговоры о войне ускорения в производстве, которое могло бы означать начало незамедлительных военных действий, не наблюдалось. В докладе военного атташе в Париже была приведена цитата из французских военных источников, подтверждающая эту точку зрения. Однако сам

военный атташе не верит в то, что итальянские военные приготовления были просто блефом. Он придерживался более пессимистического взгляда на ситуацию. Военный атташе в Риме докладывал, что в марте максимальная численность армии мирного времени могла составлять 600 000 человек, половина из которых не была готова к участию в боевых действиях до завершения обучения в июле или августе. Уверенность Италии в том, что 1939 год пройдет без войны, так же как и 1938-й, была подкреплена сведениями из июньского доклада военного атташе. В нем он процитировал итальянского офицера, который заявил о том, что войны не будет. В конце месяца военный атташе докладывал, что ежемесячное производство самолетов в Италии достигло 150–180 единиц.

Когда война, в конце концов, началась первого сентября, Италия не приняла в ней участие. Италия, однако, продолжила военные приготовления, и к октябрю общая численность ее армии оценивалась военным атташе в 1 300 000 человек. В конце ноября он считал, что итальянская военная промышленность не сможет обеспечить армию необходимой материальной частью на случай большой войны и это предотвратит вступление Италии в любой длительный вооруженный конфликт. В юго-восточной Европе последнее препятствие для перевооружения Болгарии было снято Салоникским пактом 31 июля 1939 года¹⁹, и по оценкам численности болгарских вооруженных сил от 25 апреля она составляла 60 000 человек. Перед самым началом войны военный атташе в Бухаресте докладывал, что, хотя официальной политика Болгарии заключалась в поддержании нейтралитета, было возможно, что Болгария будет втянута в любой большой [12] вооруженный конфликт. В ноябре военный атташе в Софии спросил члена французской дипломатической миссии, верит ли он в то, что Болгария предоставит Германии право размещения военно-воздушных баз на своей территории. Французский дипломат ответил, что это маловероятно, так как болгары не хотят сражаться на стороне держав «оси».

В то время как Германия использовала начало 1939 года для завершения своих приготовлений к возможной войне, британцы начали, наконец, осознавать смертельную опасность своего положения. 4 января 1939 года военный атташе в Лондоне сообщил о том, что военные приготовления начались слишком поздно и что мас-

штаб изначальных концепций и программ был недостаточным. Он докладывал, что британцы верили в то, что несмотря на суровые испытания, через которые они пройдут в начале войны, в конце концов, через 2–6 месяцев инициатива в сухопутных и военно-воздушных действиях перейдет к западным державам. Военный атташе информировал военное министерство о серьезном замешательстве и слухах по поводу дальнейших шагов Германии в первые месяцы 1939 года. 19 апреля он констатировал, что Англия действительно находилась в серьезном положении и что большая война была неизбежна. Он сообщал, что в любой подобной схватке люфтваффе будет превосходить королевские военно-воздушные силы в количественном отношении. Он назвал британскую армию дилетантской. В мае и снова в июле военный атташе докладывал, что подразделения британской армии, которые он осмотрел, произвели очень благоприятное впечатление и, учитывая изменения по сравнению с прошлыми визитами, был достигнут явный прогресс. Эти впечатления были подкреплены другими более оптимистичными докладами по общей обстановке.

Другая ведущая западная держава, Франция, также пыталась использовать 1939 год для того, чтобы нагнать германскую военную машину. Однако военный атташе в Париже пессимистически оценивал подобные усилия. В апреле 1939 года он рассматривал попытки, предпринятые для усиления французской позиции. Однако он ясно показал, что французская промышленная мобилизация была неэффективной и что французское производство не достигло уровня организации, необходимого для успешного ведения войны. Он докладывал, что, в то время как французы были потрясены походом Гитлера на Прагу, они переоценивали степень сопротивления, которое польская армия сможет оказать любому дальнейшему продвижению Германии на восток. В серии докладов он обсуждал французские представления об общей международной ситуации. Французы, писал он, были уверены в том, что германская армия на 100 процентов поддерживает Гитлера, ее численность составляет 1 000 000–1 200 000 человек, однако германские запасы топлива ограничены 6 месяцами. Польская [13] армия насчитывала около 500 000 человек и состояла из хороших офицеров и солдат, но ей не доставало унтер-офицеров и военных материалов.

Слабость французских военно-воздушных сил постепенно становилась ясной, и военный атташе в Париже докладывал, что эта слабость широко обсуждалась в прессе и палате депутатов. В 1937 году были составлены планы и выделены ассигнования с целью увеличения производства современных боевых самолетов до 1500 единиц к апрелю 1940 года. Однако на деле французская военно-воздушная мощь продолжала уменьшаться и, хотя министерство авиации Франции еще в начале 1939 года заявило о том, что вскоре производство самолетов будет доведено до 250 единиц в месяц, французская армия в январе 1940 года получила лишь 15 боевых самолетов.

В Восточной Европе Советский Союз, серьезно обеспокоенный опасностями, грозящим некоторым его территориям после Мюнхенского соглашения, ускорил свою программу перевооружения. В 1939 году советское правительство провело реорганизацию Народного комиссариата вооружения, а также Комиссариата пищевой промышленности. Рост военных затрат был также отражен в увеличении военного бюджета. В течение весны и начала лета советское правительство вело переговоры как с западными державами, так и с Германией, однако передвижений войск, за исключением связанных с местными маневрами, замечено не было. Но в течение августа — как раз перед заключением советско-германского соглашения — военный атташе в Москве докладывал о серьезной передислокации войск в направлении Дальнего Востока. В более позднем докладе военного атташе подчеркивалась серьезность, с которой Советы смотрят на российско-японскую ситуацию, и военные шаги, которые они предпринимают для того, чтобы быть готовыми к любому развитию событий на границе. После начала войны между Польшей и Германией 16 сентября русские вторглись в Польшу и присоединились к Германии в четвертом разделе этого государства. Военный атташе докладывал об опасениях в Москве в отношении развития военных событий на западе, несмотря на договор с Германией. Он также сообщал о передвижениях советских дивизий к финской границе на севере и турецкой границе на юге. Диспозиция советских военно-воздушных сил, переданная военным атташе, подчеркивала растущую озабоченность советского руководства по поводу своей западной границы. 30 ноября Красная армия вторглась в Финляндию.

1940

В течение зимы и начала весны 1940 года на фронтах наблюдалось полное бездействие. Кампания в Польше была закончена, и единственным примером реальных боевых действий было советское наступление в Финляндии. В феврале военный атташе в Берлине оценивал объемы производства самолетов в Германии в 1500–2000 единиц в месяц, хотя он предупреждал, что эта цифра может быть слегка завышена. Французы также были осведомлены о растущей германской силе. Военный атташе в Париже докладывал, что, по оценкам военного министерства Франции, Германия мобилизовала 150–170 дивизий и это число со временем может быть доведено до 300 дивизий. Затем, 21 февраля, военный атташе докладывал, что 101–106 германских дивизий сосредоточены на западном фронте. Эти сведения сопоставимы с докладом военного атташе в Берлине, в котором говорилось о 111 дивизиях на западе. Военный атташе в Берлине считал, однако, что 214 дивизий, мобилизация которых, как он писал, будет завершена к 1 июня, были фактически мобилизованы к 1 мая.

В ходе неожиданного наступления на севере 9 апреля немцы захватили Данию и Норвегию, а два дня спустя, примерно за месяц до наступления на западе, военный атташе в Берлине информировал военное министерство о том, что немцы считают возможным взломать оборону на линии Мажино. После успешной норвежской кампании военный атташе в Берлине докладывал, что ситуация на фронтах была подозрительно спокойной и он чувствовал, что скоро будут предприняты новые действия. Анализируя форму, которую примут эти действия, он добавил, что необходимо всегда принимать во внимание потенциальные возможности, связанные с концентрацией германских войск на западе. Неделию спустя, 29 апреля, он категорически заявил о том, что, учитывая приготовления германских вооруженных сил, будет предпринято общее наступление на северном участке западного фронта с целью нанесения поражения армиям союзников. На начальном этапе наступления на западе военный атташе в Берлине оценивал численность германской армии в 240 дивизий всех типов. 13 мая он добавил, что германское наступление на северном участке французского фронта было нацелено на уничтожение всех вооруженных сил союзников.

20 июня первый намек на недовольство Германией русскими был сделан военным атташе в Берлине, писавшим о том, что экономическое сотрудничество Германии с советским правительством оказалось неудовлетворительным. В это время, однако, он верил в то, что Германия сначала предпримет наступление на Англию. Если оно будет успешным, добавлял он, за ним последуют операции против Советского Союза и в Африке. 24 июля [15] он вновь отметил неудовлетворительное состояние советско-германских отношений, заявив, что 60 немецких дивизий сосредоточено в Польше и восточной Германии в качестве превентивной меры. Несмотря на его догадки о возможных действиях против Советского Союза, военный атташе в Берлине считал, что главной целью Германии оставалась Англия и что передвижения войск на восток были оборонительной мерой. 16 августа он информировал о том, что Германия предпримет массированные бомбардировки Англии и, возможно, отправит армию вторжения, если завоеует превосходство в воздухе. Неделью спустя он телеграфировал о том, что Германия имеет 8000 самолетов первой линии для борьбы с британцами и дополнительно 3000 самолетов для внутренней обороны.

25 сентября военный атташе в Берлине докладывал, что впервые германские подразделения были отправлены в Северную Африку для помощи итальянцам в их борьбе с британцами. К 11 октября он информировал о том, что возможность высадки немцев на Британские острова в течение этого года быстро уменьшается, хотя и не может быть полностью сброшена со счетов. Передвижения войск на востоке и юго-востоке продолжаются, добавил он.

22 ноября военный атташе в Берлине докладывал, что сосредоточение войск в северной Норвегии служит знаком для Советского Союза о большой заинтересованности Германии в финских месторождениях минерального сырья. После победных кампаний во Франции, Бельгии и Нидерландах военный атташе писал о том, что в небольшом количестве, но постоянно на военную службу призываются все новые силы и к концу этого года у Германии будет около 223 дивизий. В докладе от 6 декабря военный атташе и его помощники соглашались, что Соединенные Штаты не должны недооценивать Германию и что как государство Третий рейх стал чрезвычайно могущественен.

Несколько дней спустя военный атташе отмечал, что в Германии формируются новые дивизии, и что к концу весны 1941 года германская армия будет насчитывать как минимум 250 дивизий. Несмотря на отсутствие антисоветских комментариев, военный атташе подозревал, что ведется скрытая подготовка к неожиданному нападению против России и предупреждал, что вероятность такого нападения должна быть тщательно рассмотрена. 11 декабря он докладывал, что мобилизация в Германии продолжается ускоренными темпами и что 65 процентов германской армии размещено в Германии, Польше и юго-восточной Европе. Тем временем, добавил он в докладе неделю спустя, подразделения, возможно предназначавшиеся для вторжения в Англию, были отозваны из Бельгии и Голландии. В этом же докладе говорилось о том, что количество бронетанковых дивизий в германской армии было увеличено до 20. [16]

В течение зимы 1939–1940 годов и начала весны южные партнеры Германии по «оси» продолжали оставаться вне конфликта. Итальянское правительство, однако, увеличивало затраты на военные приготовления. Военный атташе в Риме информировал военное министерство, что Италия могла бы призвать 4 500 000 человек, но у нее нет возможности вооружить и экипировать такое количество людей. В марте он оценивал численность итальянской армии в метрополии в 1 300 000 человек. В конце того же месяца он констатировал, что, хотя итальянское военное руководство понимает, что оно будет неспособно вести тотальную войну в течение долгого времени, оно делает все, что в его силах, чтобы быть готовым в случае вступления в конфликт. В августе 1940 года, после падения Франции, военный атташе в Белграде докладывал, что итальянская пропаганда направлена против Югославии и циркулируют сведения о том, что южные территории славянского королевства обещаны Албании. 13 декабря военный атташе в Риме докладывал, что лидеры фашистской партии выступают с критикой высокопоставленных офицеров Генерального штаба и ввиду высадки итальянских войск в Северной Африке оказание помощи им со стороны Германии становится все более возможным. Три дня спустя, однако, военный атташе писал о том, что присутствие германских войск может означать лишь то, что немцы по пути в Ливию изучают опыт колониальной политики и оказания

немцами прямой военной помощи Италии не ожидается.

Тем временем болгары оставались в стороне от конфликта на протяжении всего 1940 года. 27 марта военный атташе докладывал из Белграда о том, что была открыта коммерческая авиалиния Москва — София. Считается, что это было советской пропагандистской мерой, а не знаком того, что Советы получили от Болгарии какие-либо материальные уступки. Три месяца спустя военный атташе в Афинах оценивал численность болгарских военно-воздушных сил в 541 хороший самолет; между тем тяжелые грузы военных материалов продолжали прибывать в Болгарию из Германии.

В дополнение к постоянным военным атташе в главных европейских столицах правительство Соединенных Штатов решило также отправить военных атташе в Бельгию и Нидерланды. В Бельгию атташе был назначен летом 1938 года, в Нидерланды — после падения Польши осенью 1939 года. Эти атташе продолжали свою работу до германского вторжения весной 1940 года. Их доклады, особенно в течение весны 1940 года, дают точную картину имевшихся у Бельгии и Нидерландов сил и их возможном вкладе в оборону Западной Европы от германского вторжения. В то время как германские приготовления к возможному нападению на Советский Союз становились постепенно все яснее для наших военных наблюдателей в Берлине в течение второй половины 1940 года, военный атташе в Москве докладывал о постепенном усилении Советского Союза в течение этого года. Война с Финляндией вызвала недостаток продовольствия в Московской области, но военный атташе писал [17], что ситуация не была критической. В апреле, он докладывал, что в речи Молотова была подчеркнута дружба с Германией и выражена настороженность по поводу французских действий на Ближнем Востоке²⁰. Военный атташе отметил, что Сталин не желает заключения полноценного советско-германского военного союза, что могло бы втянуть его в войну с другими ведущими державами. Тем не менее Советский Союз продолжал извлекать преимущества из германской занятости на западе, и военный атташе информировал о присоединении части Бессарабии к Молдавской Советской Социалистической Республике в августе 1940 года.

Осенью 1940 года в Москве стало ясно, что советско-германские отношения стали напряженными.

1941

1941 год начался с германских приготовлений к колоссальным военным действиям. Военные атташе в Берлине были осведомлены о планируемых огромных увеличениях германской армии и постоянно докладывали о них на протяжении весны 1941 года. 17 января военный атташе писал о том, что наиболее вероятным направлением германского нападения будет либо Англия, либо Советской Союз. Он уточнял, что также возможна небольшая кампания в районе Балкан для уменьшения давления на итальянцев и консолидации позиции Германии в юго-восточной Европе. В этом докладе он обратил особое внимание на признаки возможных действий против Советского Союза, а именно: сосредоточение войск, увеличившиеся передвижения моторизованных частей, продолжающаяся германская мобилизация и сведения о похолодании в советско-германских отношениях. 27 января он информировал военное министерство, что германская бронетанковая бригада была уже в Триполи, но признаков планирования большой операции на Балканах не наблюдалось. Однако концентрация германских войск в юго-восточной Европе продолжалась. Согласно оценке численности германских сил в Румынии от 13 февраля, составленной для начальника штаба армии, нацистские войска насчитывали там 500 000–600 000 человек. Говорилось, что эти войска были предназначены для возможного наступления на юг в направлении Эгейского моря. Подобное наступление поставило бы под контроль Германии всю юго-восточную Европу. Месяц спустя военный атташе в Берлине докладывал, что у Германии имеется 32 300 самолетов активной службы и в резерве. Несколько дней спустя в другом сообщении от военного атташе в Берлине говорилось о том, что сложно судить, действительно ли немцы собираются напасть на Британские острова, хотя он думал, что скорее всего нет. Шумиха, которую они развернули вокруг этого нападения, чувствовал военный атташе, была частью войны нервов. 17 марта военный атташе информировал Вашингтон, что предпринимаются дальнейшие [18] приготовления к войне против России. Он писал, что германские силы на востоке в течение последних двух недель постоянно росли. Он докладывал о трех новых группах армий и о том, что Германия завершила инспектирование российской границы. Эти и другие факторы, заявлял военный атташе,

заставляют его думать, что готовится нападение на Россию.

О еще одном признаке напряженности в советско-германских отношениях военный атташе писал 28 марта: он докладывал, что Советский Союз использует свое влияние на Балканах для поддержки местных антигерманских элементов. К 15 апреля военный атташе в Берлине был убежден, что имеющиеся сведения указывают на готовящееся нападение на Советский Союз, тогда как в следующем докладе того же дня он заявил, что на побережье Ла-Манша Германия имеет лишь 48 боевых дивизий и не может начать наступление на Британские острова без их усиления. 13 мая он докладывал, что ситуация в отношениях с Россией достигла критической точки и Германия усиленно сосредоточивает войска на советской границе, доведя их численность до 100 дивизий. Первый признак того, что Германия может продолжить продвигаться на юг в район Эгейского моря после захвата Югославии и Греции во время Балканской кампании, появился в апреле. 15 мая военный атташе в Берлине докладывал, что немцы планируют атаковать остров Крит с помощью военно-воздушного десанта. В меморандуме для начальника штаба сухопутных сил от 20 мая, сразу после начала критской операции, говорилось о том, что успех Германии закроет Средиземное море для британцев.

16 июня, накануне советско-германского конфликта, военный атташе докладывал из Берлина, что, по его мнению, великий кризис вот-вот начнется. В оценке ситуации на русском фронте от 25 июня, подготовленной для начальника штаба сухопутных сил через три дня после германского нападения на Советский Союз, главной целью немцев считалось уничтожение северной группы советских армий. В ходе летней кампании военный атташе докладывал, что Германия существенно продвинулась вперед, но свидетельств того, что Советский Союз разваливается изнутри, не было. К концу августа он заявлял, что из-за русского сопротивления немцам придется смириться с достижением ограниченных целей в России в 1941 году. Они также работают над планами зимней кампании в Северной Африке. 3 октября он сообщал о том, что у Германии будет 300 дивизий к концу этого года и что аппарату военного атташе известно о существовании 24 бронетанковых дивизий. В октябре он считал, что немцы готовят широкомасштабное наступление в Советском Союзе

с целью нанесения ему поражения до наступления зимы. Если эта кампания не удастся, добавлял он, Германия потерпит поражение. [19]

В течение 1941 года значение роли, которую играл южный партнер Германии, отчасти возросло, хотя основное бремя сражений в Средиземноморье, в Советском Союзе и на Балканах несла германская армия. 23 января военный атташе в Риме сообщал об устойчивых слухах по поводу возможного воздушно-десантного вторжения на Мальту с помощью германских военно-воздушных сил, размещенных в Сицилии. Сведений о действительной подготовке такого нападения обнаружено не было. В начале марта он оценивал численность итальянских боевых самолетов в континентальной Италии, Сицилии и Сардинии в 600 или 800 единиц. К 3 апреля итальянцы сконцентрировали в Албании войска численностью около 450 000 человек. 13 мая военный атташе в Риме информировал военное министерство о слухах по поводу будущих планов Германии и Италии захватить Суэцкий канал и напасть на британский флот в Восточном Средиземноморье. Месяц спустя он предсказывал, что итальянские военно-воздушные силы усилят свою активность в Средиземном море. В августовском письме военный атташе в Риме писал о сомнительности того, что немцы будут продолжать снабжать достаточным снаряжением и сырьем планируемые 120 дивизий в Италии, так как немцы хотят, чтобы итальянская армия была настолько сильной, чтобы оказывать им помощь, но не настолько сильной, чтобы иметь иллюзию независимости. В декабре он сообщал о том, что численность личного состава итальянских военно-воздушных сил составляла около 200 000 человек.

Тем временем в течение 1941 года распространение европейской войны на юго-восток континента в конце концов втянуло в конфликт и болгар. К 4 апреля три четверти болгар было мобилизовано и только недостаток снаряжения препятствовал призыву на военную службу еще большего количества людей, докладывал военный атташе в Софии. Военный атташе добавил, что между Болгарией и Германией было заключено соглашение о том, что болгарские войска будут сконцентрированы вдоль турецкой границы, освобождая германские войска для действий против Югославии и Греции. 9 апреля военный атташе предупреждал военное министерство, что, принимая во внимание передвижение германских войск, нападение на Югославию

возможно в любое время. 14 апреля военный атташе докладывал о перемещении болгарских войск через Софию и видимых приготовлениях для повторного занятия территорий Фракии и Македонии²¹. Информация о болгарских намерениях занять территории Фракии и Македонии была подтверждена в коммюнике, изданном болгарскими 19 апреля.

Хотя в начале 1941 года Советский Союз внешне поддерживал дружественные отношения с Германией, советское правительство предпринимало шаги для воспрепятствования германской экспансии в юго-восточной Европе. 6 января военный атташе в Москве процитировал советского офицера, говорившего о том, что, когда немцы пересекут советскую границу, они будут встречены огнем и потерпят поражение. Употребление слова «когда», а не «если» служило признаком текущих настроений [20] советских офицеров о неизбежности столкновения между двумя государствами. Дальнейшие симптомы того, что Советы предпринимали масштабные приготовления для отражения любой германской угрозы, были приведены в докладе военного атташе в Москве от 27 января, в котором он писал о том, что большое количество контингентов

призвано на военную службу. Военный атташе докладывал, что в начале 1941 года Советский Союз продолжал увеличивать ассигнования на военные нужды.

8 апреля военный атташе информировал военное министерство о признаках резкого изменения в отношениях Советского Союза и Германии. Три недели спустя военный атташе в Москве писал о возрастающей угрозе германского вторжения. Он добавил, что на запад перемещаются войска и военные материалы. В мае он вновь информировал военное министерство о том, что словацкий дипломат сообщил ему о перемещении германских подразделений через Братиславу днем и ночью в направлении на Советский Союз. 19 июня военный атташе писал о том, что немцы советуют американским дипломатам в Москве эвакуировать американских женщин и детей из Советского Союза, намекая на возможность вторжения германской армии. После германского нападения 22 июня он отправил ряд телеграмм в военное министерство, информируя его о ходе военных действий. Военный атташе также сообщал военному министерству о том, что Советский Союз имеет на Дальнем Востоке около 22 дивизий.

¹ Memorandum for the President. September 2, 1943. Subject: Axis War Potential // Franklin D. Roosevelt Library, Map Room Files, Naval Aide's Files, Axis War Potential — A16.

² По всей видимости, военный атташе имел в виду следующий сценарий развития событий. Германия нападает на СССР, что вынуждает Францию оказать помощь СССР по договору о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. Франция предпринимает действия против Германии, что используется последней для представления Франции «в роли агрессора». При этом стоит отметить, что, несмотря на многочисленные дискуссии в Лиге Наций, признанной дефиниции агрессии в межвоенное время так и не было выработано. См.: Zourek J. Enfin une définition de l'agression // *Annuaire français de droit international*. 1974. Vol. 20. No. 1. P. 9–30.

³ Ландвер — категория военнообязанных запаса второй очереди и второочередные войсковые формирования. В Германии по закону 21 мая 1935 г. в ландвере состояли мужчины с 35 до 45 лет. — Прим. Авт.

⁴ В последующем автор данного доклада, военный атташе США в Германии в 1935–1939 гг. полковник Т. Смит, признавал его существенные недостатки. Его «наиболее серьезным упущением» Смит считал игнорирование того факта, что немцы строили самолеты, предназначенные для ведения совместных боевых действий с армией, а не тяжелые бомбардировщики, которые были необходимы, «если бы Гитлер был нацелен на проведение решающих операций против Англии или против США» (цит. по: Farnham B. R. *Roosevelt and the Munich Crisis: a Study of Political Decision-Making*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2000. P. 169).

⁵ Борис III (1894–1943), царь Болгарии с 1918 года из династии Саксен-Кобург-Гота. — Прим. Авт.

⁶ Как отмечает итальянский историк Э. ди Нольфо, характеризую британскую политику в отношении Австрии в начале 1930-х гг., англичане «считали аншлюс „фатальным событием“» (ди Нольфо Э. *История международных отношений, 1918–1999*. М.: Логос, 2003. С. 149). Для ряда политических деятелей Великобритании подобное отношение к аншлюсу было характерно и в 1920-е гг. Как писал первый секретарь британской дипломатической миссии в Вене в марте 1927 года, аншлюс, по его мнению, является для австрийцев «единственной надеждой на существование в будущем» (Leeper to Chamberlain, 23 March 1927 // *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Series Ia. Vol. III*. London: HMSO, 1970. P. 129).

⁷ Кот Пьер (1895–1977), французский государственный и политический деятель. В 1933–1934, 1936–1938 гг. — министр авиации Франции. — Прим. Авт.

⁸ 12 февраля 1938 г. австрийский канцлер К. фон Шушниг прибыл на встречу с Гитлером в его альпийскую резиденцию Бертехсгаден. Несмотря на предварительные заверения германского посла в Австрии Ф. фон Папена

о желании Гитлера лишь обсудить некоторые «взаимные недоразумения», во время встречи Шушнигу был предъявлен ультиматум, содержащий следующие требования: легализовать деятельность австрийских нацистов, чья партия была распущена в 1937 г.; установить германский контроль над внешней политикой Австрии; назначить ряд австрийских нацистов на ключевые правительственные должности (министр внутренних дел, военный министр, министр финансов). Под огромным нажимом Шушниг согласился на требования Гитлера, выговорив лишь одну уступку: отсрочить оглашение соглашений на три дня. Подробнее см.: Gehl J. *Austria, Germany, and the Anschluss, 1931–1938*. London: Oxford University Press, 1963; Полтавский М. А. *Австрийский народ и аншлюс 1938 г.* М.: Наука, 1971.

⁹ 20 мая второе (разведывательное) бюро Генштаба Чехословакии получило информацию о перемещении германских войск в сторону чехословацкой границы (сомнения в достоверности этих сведений появились сразу после 20 мая). Также в Прагу поступили данные о возможности восстания в Судетах во время муниципальных выборов 22 мая, что могло послужить предлогом для ввода германских войск. Той же ночью президент страны Э. Бенеш объявил частичную мобилизацию около 200 тыс. резервистов. 21–22 мая Великобритания и Франция предприняли ряд дипломатических демаршей, предупредив представителей Германии, что вторжение в Чехословакию может означать европейскую войну. Как отмечают современные российские исследователи, «Гитлер испугался. Время для большой войны еще не пришло. По его распоряжению 23 мая чехословацкий посол в Берлине был информирован о том, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии» (Системная история международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1. М.: Культурная революция, 2009. С. 290). Подробнее см.: The Munich Crisis, 1938: Prelude to World War II. Ed. by I. Lukes, E. Goldstein. London: Routledge, 1999.

¹⁰ Система долговременных укреплений, возведённых Германией в 1936–1940 гг. вдоль своих западных границ от Нидерландов до Швейцарии. Также известна как «линия Зигфрида». — Прим. Авт.

¹¹ В данном случае расчеты Гитлера и французских военных совпадали. Одним из основных вариантов военной помощи Чехословакии со стороны Франции было оказание давления на рейнском фронте. Максимально затруднить такие действия — «в этом заключается основная выгода, которую Германия извлечет из строительства укреплений на Рейне», отмечалось в записке французского Генштаба от 9 июля 1936 г. (Note de l'État-Major de l'Armée. Obligations d'assistance mutuelle pouvant incomber a la France, 9 juillet 1936 // Documents diplomatiques français. 1936. Tome II. Bruxelles : P.I.E.-Peter Lang, 2005. P. 645).

¹² Названа по имени ее главы У. Ренсимена (1870–1949), с 1937 г. виконта Ренсимена Доксфордского. В 1931–1937 гг. министр торговли Великобритании. С 3 августа по 16 сентября 1938 г. в качестве уполномоченного британского правительства возглавлял миссию в Чехословакию, целью которой было достижение компромисса в переговорах между правительством Чехословакии и представителями Судетской немецкой партии во главе с К. Генлейном. По итогам работы миссии был составлен доклад, в котором рекомендовалось провести в Судетской области плебисцит по вопросу ее присоединения к Германии, а также выработан план по созданию на территории Чехословакии автономных немецких и венгерских районов (подписан 7 сентября). Подробнее см.: Vyšný P. *The Runciman Mission to Czechoslovakia, 1938: Prelude to Munich*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

¹³ Военный атташе ошибался. Еще 30 мая 1938 года Гитлер подписал директиву по военному плану «Грюн». В ней он указывал: «Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии посредством военной акции в обозримом будущем». Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель дополнительно сообщил главнокомандующим видами вооруженных сил, что выполнение этой директивы «должно быть обеспечено самое позднее с 1 октября 1938 г.» (Мировые войны XX века. Кн. 3. М.: Наука, 2002. С. 41).

¹⁴ Официальное название с 1915 г. — Каунас. В связи с захватом Вильнюса Польшей в 1920–1940 гг. — столица Литовской республики. — Прим. Авт.

¹⁵ Хор-Белиша Лесли Исаак, с 1950 г. барон Хор-Белиша Девенпортский (1893–1957), британский государственный деятель. В 1937–1940 гг. — военный министр Великобритании. — Прим. Авт.

¹⁶ Линдберг Чарльз Огастес (1902–1974), американский военный летчик и общественный деятель. В 1936–1938 гг. по поручению военного командования США предпринял несколько поездок по Германии, по результатам которых представил ряд докладов о развитии германских ВВС. Переоценивая уровень их развития и степень их превосходства над военно-воздушными силами Великобритании и Франции, выступал против активного противодействия США политике Гитлера (в том числе в период Мюнхенского кризиса). Подробнее см.: Cole W. S. *Charles A. Lindbergh and the Battle Against American Intervention in World War II*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

¹⁷ Имеются свидетельства о том, что советское правительство могло оказать помощь Чехословакии и без аналогичных действий со стороны Франции. Так, 18 сентября 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта, касаясь вопроса о советской помощи, заявил американскому посланнику в Праге, что пока положение таково, что инициатива должна исходить от Франции, «но частным образом им дали знать, что в случае крайней необходимости СССР может прийти на помощь Чехословакии независимо от Франции». Косвенно

о готовности СССР взять на себя оказание основной помощи Чехословакии и без непосредственного участия Франции свидетельствует и телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкина полномочному представителю СССР в Чехословакии С.С. Александровскому от 20 сентября, в которой он указывал, что СССР готов помочь Чехословакии «как член Лиги Наций на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей» (История внешней политики СССР, 1917–1985. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 337–339).

¹⁸ 30 сентября 1938 г. Польша предъявила Чехословакии ультиматум о передаче ей трех районов Силезии (Фрейштадт, Тешин, Яблунков). Находясь в крайне тяжелом положении, Чехословакия была вынуждена удовлетворить его 1 октября. Тешин стал частью территории Польши. — Прим. Авт.

¹⁹ В оригинале опечатка: Салоникский пакт между Болгарией и странами так называемой Балканской Антанты (Турция, Греция, Румыния, Югославия) был заключен 31 июля 1938, а не 1939 г. Он предусматривал отмену военных ограничений, наложенных на Болгарию Нейским мирным договором от 27 ноября 1919 г. (численность армии в 20 тыс. человек, запрет иметь тяжелое вооружение и авиацию, размер флота не более 10 судов и др.) и предоставлял ей право ввода войск в демилитаризованную зону на границе с Грецией. — Прим. Авт.

²⁰ Текст речи см.: Молотов В. М. Внешняя политика Правительства. Доклад на заседании VI сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. М.: Госполитиздат, 1940.

²¹ По всей видимости, военный атташе употребляет термин «reoccupation» («повторное занятие»), имея в виду тот факт, что части территории Фракии и Македонии в свое время принадлежали Болгарии по Лондонскому мирному договору от 30 мая 1913 г., завершившего Первую Балканскую войну 1912–1913 гг. В последующем она потеряла их по Бухарестскому мирному договору от 10 августа 1913 г. Новые территории в Западной Фракии были уступлены Болгарией Греции после поражения в Первой мировой войне по Нейскому мирному договору от 27 ноября 1919 г. — Прим. Авт.

Книга двадцать первая

НА ЩИТЕ И БЕЗ ЩИТА

Победа была абсолютно закономерна

М. М. Наринский, М. А. Мунтян*

В связи с 70-летием начала Великой Отечественной войны редакция «Вестника МГИМО–Университета» обратилась с просьбой ответить на ряд вопросов к известному специалисту по отечественной и зарубежной историографии, в том числе и аргументации уже сложившейся теории ошибок и просчетов как со стороны агрессора, так и защищавшейся стороны, заведующему кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России Михаилу Матвеевичу Наринскому (далее — М. Н.). Беседовал с ним шеф-редактор журнала профессор Михаил Алексеевич Мунтян (далее — М. М.).

М. М. 70-летие гитлеровского нападения на Советский Союз и последовавшие за ним тяжелые поражения Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны вновь возвращают нас к вопросам, на которые нет однозначных ответов. И не только на уровне национальных исторических школ. Современные правящие элиты многих стран участвуют в «переписывании истории» и подверстывают оценки военных событий уже неблизкого прошлого под свои нынешние политические интересы и нужды. В последние десятилетия в российской историографии выявлены и детальнейшим образом описаны просчеты и ошибки И. В. Сталина и советского руководства накануне и в ходе войны. И как-то не совсем внятно в большинстве случаев объ-

ясняется, в отличие от Вадима Кожинова, что 22 июня 1941 года на СССР напала не 70-миллионная Германия, а, по существу, выступила 300-миллионная континентальная Европа, вольно или невольно умножившая наступательные возможности Германии. В меньшей степени у нас проанализированы стратегическое недомыслие и ошибочные решения Гитлера и его генералов. Их анализ подменяется, как правило, рассуждениями об авантюризме всех начинаний фюрера и неразумности его поступков и начинаний.

153 дивизии, 600 тысяч единиц боевой моторизованной техники, 3600 танков, 2700 самолетов, 7200 орудий — с такими силами нацистская Германия на рассвете 22 июня 1941 года начала нападение на Советский Союз. Это была самая огромная сосредоточенная на одном театре военных действий военная мощь, которую когда-либо фиксировала история. Наряду с немецкими соединениями, в «восточном походе» приняли участие 12 дивизий и 10 бригад Румынии, 18 финских дивизий, 3 венгерские и две с половиной словацкие бригады, к которым несколько позднее присоединились 3 итальянские дивизии и испанская «Голубая дивизия». Известно, что приграничные сражения были проиграны Красной Армией, и уже через 3 месяца агрессоры стояли у ворот Москвы.

В этой связи, Михаил Матвеевич, не могли бы Вы прокомментировать те просчеты и ошибки И. В. Сталина и советского руководства, которые

* **Наринский Михаил Матвеевич** — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Мунтян Михаил Алексеевич — д.и.н., профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО–университета».

привели к столь масштабной военной катастрофе, и оценить, насколько они повлияли на дальнейший ход и исход войны?

М. Н. Я бы сказал так: советское руководство во главе с И. В. Сталиным допустило много стратегических и тактических ошибок. Был один стратегический просчет, связанный со ставкой на затяжную войну на Западе. На то, что война будет развиваться примерно по лекалам Первой мировой войны и будет долгой. В это время, по расчетам Сталина, Советский Союз сможет решить свои собственные проблемы и укрепить обороноспособность, в первую очередь защищенность своей западной границы, и предпринять все те меры, которые сочтет нужными. В одной из своих работ я уже писал, со слов В. И. Дашичева, о реакции Сталина на известие о неожиданно быстрой капитуляции Франции. Он воскликнул: «Что же нам теперь делать? Это не входило в мои расчеты».

Стало ясно, что это был крупнейший просчет. Сталин и советские руководители уверовали, что Германия не хочет и не будет воевать на два фронта. И пока Германия не расправится, не покончит с сопротивлением Великобритании, она на Советский Союз не нападет. Отсюда — тактический просчет в определении времени возможного нападения нацистской Германии и ее союзников на Советский Союз. Самое вероятное для германского нападения на СССР время определялось 1942 годом. Именно к этому сроку должна была завершиться определенная фаза подготовки Красной армии к ведению войны с нацистской Германией и ее союзниками.

И я бы добавил также, что и Гитлер допустил еще более серьезные просчеты, недооценив:

- и экономический потенциал, и скрытые возможности политической машины Советского Союза;
- и моральную готовность советских людей к отпору агрессору и связанным с этим лишениям;
- и в известной мере силу Красной армии. Уже в ходе войны гитлеровские военачальники и руководители нацистской Германии вынуждены были признавать, что для них неожиданностью стали новые советские танки, новые образцы советского вооружения, что ощутимо расстроило германские планы достижения блицпобеды;

Но именно блицкриг стал основным просчетом нацистского руководства в начатой им

войне против СССР. Оно делало ставку на молниеносный разгром Советского Союза, который рассматривался как «колосс на глиняных ногах» с ослабленной в результате репрессий против командных кадров Красной армией. Недостаточную ее военную подготовленность выявила советско-финляндская война — «зимняя война» 1939–1940 годов.

Опираясь на эти соображения, Гитлер рассчитывал на блицкриг, то есть на скоротечную кампанию. Ставка делалась на то, чтобы разбить основные силы Красной армии в приграничных сражениях за 6, максимум 8 недель и, таким образом, сломить сопротивление вооруженных сил Советского Союза и фактически решить исход войны в свою пользу. Это был колоссальный просчет стратегического характера, поскольку Германия не была готова к затяжной войне. И чем все это обернулось для Германии, мы знаем: поражение германских войск под Москвой, затем упорные сражения за то, чтобы добиться коренного перелома в ходе войны — это сражения 1942–1943 годов под Сталинградом, на Курской дуге.

Делая ставку на блицкриг, недооценивая политические возможности советского руководства, патриотизм советского народа и военно-экономический потенциал Советского Союза, а также чисто военные возможности Красной армии, германское руководство стало на путь, приведший в конечном счете к катастрофическому поражению.

М. М. Не могу не согласиться с ходом и логикой Ваших рассуждений, с Вашими оценками. Действительно, целый ряд стратегических просчетов гитлеровского руководства и германского генералитета позволяют некоторым авторам в ФРГ утверждать, что провал блицкрига осенью 1941 года под Москвой означал стратегическую катастрофу для Германии, и констатировать, что к концу 1941 года война Германией практически была проиграна. вермахт еще был способен на оперативные победы в отдельных сражениях, на упорное сопротивление, но «тотальная война» как война ресурсов и резервов была гитлеровцами проиграна. Но ведь это достаточно легко просчитывалось экономически и прочитывалось в хитросплетениях международных отношений накануне мировой войны. Что, 6-недельный победный блицкриг против Франции настолько вскружил головы гитлеровскому руководству, что они заложили тот же сценарий в план «Барбаросса»? Почему Гитлер

так спешил с нападением на СССР, буквально горел нетерпением, опасаясь вмешательства каких-то непредвиденных обстоятельств в его планы? Неужели и рассчитанный буквально по часам план «Барбаросса» был скорее инструментом самовнушения предстоящего успеха, чем планом достижения победы в войне?

М. Н. Германские генералы и Гитлер прекрасно понимали, что состояние дорог и климатические условия в Советском Союзе требуют начинать войну против него только летом, ибо начинать войну осенью — совершенно бессмысленное дело, и заранее проигрышное. Не случайно и Наполеон начинал свой поход на Россию примерно в эти же дни, в июне. Поэтому время мая–июня диктовалось климатом, состоянием дорог в Советском Союзе. Так что сам этот отрезок времени — май–июнь — диктовался объективными обстоятельствами. Что касается стремления Гитлера развязать войну именно в 1941 году, то здесь было, как мне кажется, два основных соображения:

- одно из них — достаточно химерическое: Гитлер считал, что Великобритания и после поражения Франции продолжает сопротивление, не признает себя побежденной, не просит мира, не выпрашивает какие-то германские условия именно потому, что есть Советский Союз как потенциальный союзник Великобритании, как сила, на которую Лондон может опереться на континенте. Поэтому уничтожение Советского Союза, нанесение ему полного поражения было для Гитлера решающим шагом к тому, чтобы поставить «на колени» Великобританию. Как у него эта химерическая идея сформировалась, я не могу объяснить, но она у него была. Советский Союз в его представлении был последней опорой Британии в Европе и главным препятствием к установлению окончательного владычества Германии на континенте;
- второе соображение заключается в том, что гитлеровская разведка, хотя и допускала иногда очень даже серьезные просчеты, тем не менее, докладывала фюреру, что в 1942 году Советский Союз будет гораздо сильнее, что он действительно закончит серию своих мероприятий по подготовке к войне. Информированное ею германское руководство также было убеждено, что в 1942 году воевать против Советского Союза будет сложнее и труднее, чем в 1941.

Я думаю, что вот именно этими соображениями объяснялось решение Гитлера начать войну в мае–июне 1941 года. В целом же, конечно, замысел войны против Советского Союза вытекал из стремления Гитлера господствовать в Европе, из его приверженности концепции расширения жизненного пространства немецкой нации, планов достижения мирового господства германской расы и т. д.

М. М. За месяц до нападения на СССР из нацистской Германии в Англию перелетел заместитель Гитлера по партии Р. Гесс, миссия которого до сих пор остается загадкой. Сын Гесса в посвященной отцу книге настаивает на том, что Гесс-старший собирался в переговорах с британскими лидерами не просто искать двустороннего замирения, но и в целом попытаться прекратить войну на Западе, то есть остановить разгоравшуюся в Европе «большую войну». Другие авторы пишут, что Гесс, добиваясь перемирия с Великобританией, своей целью считал обеспечение Германии войны на одном фронте — на восточном — против Советского Союза. Эта загадка, быть может, перестанет быть таковой в 2017 году, когда англичане обещали рассекретить документы переговоров с Гессом. Тем не менее интересна Ваша оценка самого поступка Гесса и его возможных последствий.

М. Н. Если говорить о перелете Гесса в мае 1941 года в Великобританию, то в нем можно отметить несколько моментов:

- во-первых, эта была личная инициатива Гесса, что доказано документально, Гитлер не знал, не был информирован о плане Гесса. Гитлер резко осудил этот поступок своего заместителя, назвал его предательским. Гесс был психически не совсем уравновешенным человеком, был склонен к экстравагантным поступкам;
- во-вторых, поступок Гесса отражал настроение определенной части германского руководства, которая была убеждена, что с англичанами можно договориться, найти компромиссное решение всех существовавших между двумя странами противоречий. Хотя сам Гесс, как и те, чьи взгляды и интересы он мог представлять, плохо знали и представляли себе британское общество, ввиду чего инициатива последнего выглядела достаточно авантюристичной и глупой. Но тогдашнее советское руководство перелет

Гесса в Англию очень насторожил и, может быть, напугал, потому что перспектива договоренности Германии с британцами была для Сталина угрожающей.

Рассекретят или в 2017 году отложат обнародование документов, связанных с миссией Гесса, — в любом случае это вопрос только времени. Что у него могли быть иллюзии относительно замирения с Великобританией, я не сомневаюсь. Он был человеком не совсем рационально мыслящим, с какими-то психическими отклонениями. И то, что у него могла быть надежда на договоренность хотя бы о перемирии, это вполне возможно, но ни со стороны руководства нацистской Германии, ни со стороны руководства Великобритании такая сделка, как представляется, была невозможной.

М. М. Вместе с нацистской Германией против СССР выступили не только ее союзники, но и вся индустрия покоренной Европы, обеспечивавшая всем необходимым армии агрессоров. Только в 11 покоренных странах Германия захватила вооружения, достаточного для формирования 200 дивизий. После разгрома Франции немцы захватили до 5 тыс. танков и бронетранспортеров, 3 тыс. самолетов, около 5 тыс. паровозов и др. К моменту нападения Германии на СССР на французских промышленных предприятиях, работавших на немецкий вермахт, было занято 1,6 млн человек. И такого рода данные можно привести по многим государствам Европы. Но европейский коллаборационизм с фашизмом в годы Второй мировой войны откровенно замалчивается. Эта сторона антисоветской войны слабо и плохо изучена в России, но еще меньше и хуже — в тех странах, которые под гитлеровским насилием или вполне добровольно участвовали в «восточном походе». В то же время антифашистскому сопротивлению в Европе посвящена весьма обильная литература. Как Вы думаете, подобный дисбаланс возник случайно или был чем-то обусловлен?

М. Н. Если говорить о европейских странах, покоренных нацистской Германией или оказавшихся в орбите ее влияния, то, конечно, здесь нужно понимать: каждый народ, каждая страна, каждое государство стремится сформировать собственную идентичность, основываясь, прежде всего, на каких-то положительных моментах и примерах своей истории. За исключением, может быть, немцев, которые полностью признали свою вину за Вторую мировую войну, за агрессию, за преступления нацистов. Остальные

же стремятся всячески подчеркнуть, что в той или иной форме они выступали против и / или стремились не участвовать в этом конфликте, выпячивать свое участие в антифашистской борьбе антигитлеровской коалиции, даже если они в последний момент перешли на ее сторону. Я помню, например, как мы готовили один труд совместно с историками всех социалистических стран и румынские историки усиленно доказывали, что Румыния по числу своих войск, которые она выставила на заключительном этапе войны, являлась четвертой страной антифашистской коалиции. Они с гордостью говорили, что их соотечественники освобождали Чехословакию, штурмовали Будапешт, дошли до Австрии, «забывая» при этом хотя бы упомянуть, что в течение трех лет их страна принимала активное участие в антисоветской войне.

Советская же сторона, когда дело касалось социалистических стран, всегда и всячески старалась подчеркивать существование в них движений сопротивления фашизму и нацизму, антифашистских, демократических традиций и т. д. Она не была заинтересована в «педалировании» вопросов, которые могли внести нежелательные моменты в единство «социалистического лагеря», даже если это касалось их участия в «восточном походе» и преступлений на оккупированных территориях СССР. Хотя, к сожалению, были и есть документальные свидетельства того, что некоторые союзники нацистской Германии проявили себя на оккупированных территориях далеко не лучшим образом, действовали там даже более жестоко, чем нацистские оккупанты.

Что касается стран Западной Европы, то там, конечно, было более сложное отношение к событиям Второй мировой войны. В общем, насколько я знаю, были опубликованы честные работы и в Италии, и во Франции, объективные труды появлялись в Великобритании и США. Но, конечно, и здесь тоже не очень хотелось показывать, скажем, французский коллаборационизм во всей его «красе», в полном объеме и достаточной мере. На всю эту ситуацию накладывала свой отпечаток «холодная война», противостояние двух лагерей: с одной стороны — Советского Союза и стран «реального социализма», с другой — США и их союзников как «главного оплота демократии». Сама «холодная война» и характерное для нее идеологическое противостояние, конечно, весьма негативно сказывались на объективном освещении событий Второй мировой войны.

М. М. В одном из своих интервью Вы утверждали, что, «учитывая мобилизационные возможности Советского Союза, можно смело утверждать: победа СССР в войне против Германии была „абсолютно закономерна“». Более того, сотрудник университета вермахта в Гамбурге Бернд Вергер писал в канун 65-летия Великой Победы, что «войну выиграл в основном Советский Союз», но «этот факт был утерян в годы „холодной войны“». Соглашаясь с Вами и с германским автором, хочу спросить: как в таком случае объективно оценить роль в разгроме фашизма других участников антигитлеровской коалиции? В первую очередь тех, для кого СССР был только «союзником на время войны»?

М. Н. Должен сказать, отвечая на Ваш вопрос, что в нашей стране в последнее время появляются публикации, которые более объективно, чем раньше, оценивают вклад союзников в достижении победы над нацистской Германией. В частности, не так давно в журнале «Новая и новейшая история» появилась статья о ленд-лизе. Значение ленд-лиза для поддержки сопротивления Красной армии и советского народа вражескому нашествию и их усилий в борьбе с нацистскими и фашистскими силами во Второй мировой войне имело материальное и моральное измерение. Конечно, основной вклад в победу на полях континентальной Европы внес Советский Союз. И я думаю, что это никто не может отрицать. В общем подвиг советского народа и его Вооруженных Сил нелепо преуменьшать, замалчивать, замазывать. Но также необходимо объективно оценивать:

- во-первых, то, что союзники сразу же после известия о гитлеровском нападении на СССР политически выступили в его поддержку, четко заявив, что они ни в коем случае не будут помогать Гитлеру и готовы поддержать всеми имеющимися в их распоряжении силами Советский Союз;
- во-вторых, что союзники вели свои военные кампании, которые, к сожалению, в нашей научной литературе тоже часто недооцениваются — кампании на Тихом океане, в Северной Африке, военные действия в Италии. Конечно, они не могли заменить второй фронт, открытия которого начиная с осени 1941 года настойчиво добивалось советское руководство, но, тем не менее, вносили свой вклад в сопротивление агрессорам, объединенных в блок. Известно, что Япония выступала

как союзник нацистской Германии не против Советского Союза, а против других держав антигитлеровской коалиции. Я думаю, что вклад союзников был полезным и в смысле материальной помощи. Но главным все же было то, что США и Великобританией четко заявили, что никаких уступок Гитлеру в этой войне сделано не будет, что война будет вестись до полной капитуляции Германии и ее союзников. И для СССР это было очень важно.

В этом вопросе не нужно впадать ни в какую крайность, то есть не надо переоценивать вклад наших союзников, потому что Советский Союз и советский народ принес на алтарь победы громадные человеческие жертвы, понес великие потери и лишения. Конечно же, это был решающий вклад в победу над нацистской Германией и ее союзников в Европе, но, тем не менее сама позиция наших союзников по антигитлеровской коалиции и то, что они делали, в борьбе против агрессоров на других театрах военных действий, в рамках ленд-лиза, бесспорно, было полезно. И я думаю, что если бы Советский Союз воевал с нацистской Германией один на один, то это была бы еще более трудная и долгая борьба.

М. М. На завершающем этапе Второй мировой войны и сразу после нее мало кто сомневался в том, что решающий вклад в Великую Победу внес именно Советский Союз. Это видно из переписки И. В. Сталина с руководителями США и Великобритании, из материалов, представленных на проведенной Вашей кафедрой конференции об имидже СССР в 1945 году, из многих других источников. Но «холодная война» и особенно ее окончание поощрили переписывание истории «большой войны». В первом случае наиболее радикальные переоценки многих военных событий предприняли западные идеологи «холодной войны». Во втором случае сработал «комплекс коллаборационистов», пытающихся «обелить» себя и предстать перед историей в качестве жертв двух тиранов — Гитлера и Сталина, пытавшихся поделить между собой весь мир. Такие упрощенные схемы не только фальсифицируют историю, но и, по существу, компрометируют ее, отбрасывая мир если не в эпоху «холодной войны», то, по крайней мере, «холодного мира». Что Вы можете сказать по этому поводу?

М. Н. Согласен с Вашим утверждением, что «холодная война» действительно во многом

«смазала» тот имидж Советского Союза, который существовал в 1945 году:

- образ страны-победительницы нацистского агрессора;
- образ государства, внесшего главный вклад в победу над нацистской Германией и ее союзниками;
- образ народа, принесшего освобождение от нацизма и фашизма многим странам Европы.

К сожалению, «холодная война» сместила все акценты в оценках факторов и причин, приведших ко Второй мировой войне и Великой Отечественной войне, преобразила имиджи их главных участников, переформатировала союзнические коалиции, сделав одних бывших союзников врагами, а бывших врагов — союзниками. На Западе, например, существовал особый «синдром Мюнхена»: западные руководители и западные деятели очень часто во времена «холодной войны» сравнивали Сталина с Гитлером, говорили, что Гитлер был диктатором и Сталин — тоже диктатор. Великобритания и Франция пытались в Мюнхене договориться с Гитлером и даже вроде бы договорились, но чем все это завершилось — известно всем: Гитлер все договоры порвал, Чехословакию «сожрал», то есть уничтожил. Отсюда следовал вывод: и со Сталиным договариваться нельзя.

Вы правы, что и идеология «холодной войны», и практика «холодной войны», и сами концепции «холодной войны», которые были изложены в «длинной телеграмме» Кеннана, речах Трумэна, Черчилля и других западных лидеров, были направлены на дискредитацию СССР. На то, чтобы представить Советский Союз в негативном свете, очернить, минимизировать вклад Советского Союза в победу над нацистской Германией. К сожалению, к глубокому нашему с Вами сожалению, в некоторых странах бывших республик Советского Союза, скажем в странах Прибалтики, тоже ведь ходят эти концепции столкновения двух тоталитаризмов. И не случайно все последние события, связанные с празднованием 9 мая как дня Победы над фашистской Германией в прибалтийских странах вызывают серьезную тревогу.

М. М. Мне кажется, что события начала мая этого года во Львове выглядят еще более тревожными и опасными. Избиения наследниками Степана Бандеры ветеранов Великой Отечественной войны стали настоящими вылазками фашистов, которые не скрывают, что готовятся отобрать

власть у теперешних украинских «желто-голубых» властителей. С этой точки зрения заслуживает внимания вопрос, а не рано ли обществу мира посчитали нацистскую идеологию до конца разоблаченной и даже преодоленной социально-политическими условиями жизни современного мира?

Не создает ли информационное общество с его возросшими возможностями манипулирования общественным сознанием и настроениями больших групп людей условия для реанимации неонацистских и неофашистских идеологий? Не рано ли мы, создав убедительные труды, разоблачающие идеологические построения нацизма Гитлера и фашизма Муссолини, начали считать неприличным даже обращение к проблематике идейных истоков движений современных «бритоголовых» и им подобных? Их пока что маргинальность не должна нас успокаивать. Опыт 20-х — 30-х годов XX века в европейской истории должен стать назидательным для антифашистов и антинацистов всего мира.

М. Н. Я полностью согласен с Вашими поправками относительно Львова и, конечно, к Прибалтике надо прибавить Львов, и даже Львов поставить на первое место. Действительно, событие в целом возмутительное и выходящее за пределы всяких сколько-нибудь разумных и оправданных действий. Если говорить о нацистской идеологии, то в общем-то она изучалась, я не могу сказать, что совсем ей не уделяли внимание. В последнее время, в частности, Институт всеобщей истории подготовил труд «Общество и война», где внимание уделялось как раз идеологическим аспектам. Нацистская идеология в общем-то была изучена в работах Галкина Александра Абрамовича «Германский фашизм», Бориса Николаевича Бессонова «Фашизм» и т. д.

Другое дело, что сколько бы мы ни говорили о нацистской идеологии, тем не менее не удастся до конца вскрыть ее опасность, ядовитые семена, которые были ею посеяны в Европе. Материя нацистской идеологии ведь очень гомогенна, целостна и в общем достаточно эффективна. Мы должны это признать, ибо Германия сопротивлялась до мая 1945 года, хотя поражение уже казалось неизбежным для большинства немцев задолго до этого. Не произошло и какого-то внутреннего развала общества, за исключением неудавшегося генеральского заговора против Гитлера. Сколько-нибудь заметного массового возмущения нацизмом в Германии также не наблюдалось.

М. М. Наоборот, после вступления Красной армии на территорию Германии в вооруженную борьбу включились и дети.

М. Н. Да, гитлерюгенд тоже был мобилизован. Наиболее последовательные сторонники нацистской Германии тоже до конца оказывали сопротивление. В Венгрии, например, режим нилашистов в конце 1944–1945 годов сопротивлялся до конца. Его сторонники не сдавались в плен. Республика Сало в Италии, куда вывезли Муссолини, тоже до конца оставалась сторонником фашистской доктрины. Думаю, мы довольно часто недооцениваем эффективность нацистской идеологии.

И это при всем том, что идея арийского превосходства в этой идеологии порождала соответствующую негативную реакцию у других народов. Пропагандистские лозунги, с которыми Гитлер вел войну, — превосходство арийской расы, окончательное решение еврейского вопроса, славяне — «недочеловеки», которые подлежат порабощению и должны только обслуживать германских господ, — все это так или иначе внесло свою лепту в поражение Германии.

К сожалению, есть и вторая сторона этого вопроса. Честно говоря, я не могу понять этих людей, скажем, на Украине, которые сотрудничали с нацистами, почти наверняка зная, что германские власти не собирались никому давать никакой независимости. Мифом являлось уже то, что с помощью нацистской Германии можно было приобрести какую-то независимость либо для Украины, либо для стран Балтии. Да ничего этого нацисты не планировали и не предполагали. Планы же нацистского господства в Европе хорошо изучены и проанализированы: и Украину, и Прибалтику предполагалось заселить немецкими колонистами, сделать их и только их привилегированными хозяевами, которых все другие этносы должны были содержать и обслуживать в том или ином качестве. О какой борьбе за независимость при сотрудничестве с нацистской Германией можно было говорить?

Я не понимаю этих людей, которые пытаются возродить иллюзии, которые были у Бандеры, у Мельникова, у других такого рода лидеров. Они пытались доказать, что боролись за независимую Украину, хотя никто им предоставлять ее даже не обещал. Это был миф, и гитлеровцы четко показали, что это всего лишь миф. Именно поэтому я не нахожу оправдания коллаборационистам, тем, кто сотрудничал с гитлеровскими

оккупантами. Потому что они в той или иной форме, так или иначе содействовали реализации гитлеровских и нацистских планов и ни о какой независимости речи быть не могло.

М. М. С катастрофических поражений лета 1941 года начался длинный и трудный путь советского народа к Победе. Как Вы думаете, что было главным для наших дедов и отцов, с честью выстоявших в схватке с фашизмом и победивших?

М. Н. Я думаю, что главным было действительное стремление отстоять свою Родину, сохранить ее независимое существование и воспрепятствовать нацистским планам превращения населения Советского Союза в рабов. Если же говорить о каких-то дополнительных моментах, которые помогли добиться Великой Победы, то это, конечно, великое терпение народа и его умение приспосабливаться ко всем лишениям, щедро отпущенным ему в годы войны. Не случайно Сталин поднял в 1945 году тост за русский народ. Он даже признал, что другой народ, может быть, и прогнал бы своих правителей со всеми теми ошибками, которые совершило советское руководство. Великое терпение народа и его умение выживать в самых тяжелых условиях, я думаю, тоже было недооценено нацистским руководством. То, что страна была в основе своей крестьянской и, конечно, крестьянин со своим клочком земли мог выжить даже в самых трудных условиях, даже когда значительная часть инфраструктуры страны была разрушена. Я думаю, что стремление отстоять независимость Родины, готовность к лишениям и потерям были очень важными компонентами Великой Победы. Плюсом было и то, что во время войны и на фронте, и в тылу рука об руку шли вера и страх. Была вера в великого вождя, непобедимость того строя, который был создан, и это отмечали зарубежные наблюдатели — это все доказано. В то же время был, конечно, и страх, потому что карательные органы существовали и действовали. Также известно, какими драконовскими мерами наводился порядок: депортировались целые народы, продолжал действовать ГУЛАГ, который никто не отменял. Поэтому, я думаю, на первое место надо поставить борьбу за то, чтобы отстоять независимость Родины, ну а дальше — все другие прилагаемые обстоятельства.

М. М. Спасибо за состоявшуюся беседу. Надеюсь, что она будет с интересом воспринята читателями журнала.

Канал связи Сталин — Рузвельт

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев*

Знаменитая переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом в годы Великой Отечественной войны — хрестоматийный источник для изучения союзной дипломатии военных лет. Однако новые документы российских и американских архивов дают возможность проследить происхождение этих посланий, выявить их подчас трудноуловимый для внешнего взгляда подтекст и тем самым — создать более предметное и углубленное представление о роли этого уникального канала в становлении боевого союза двух великих держав.

* * *

Переписка Сталина с Рузвельтом наладилась не сразу. Её начал Рузвельт, чьё первое послание Сталину было связано с известной миссией Г. Гопкинса в Москву летом 1941 года. 25 июля Гопкинс запросил согласия президента на свою поездку в советскую столицу прямо из Лондона, где он вёл переговоры с У. Черчиллем и членами его кабинета: «По-моему, — телеграфировал он, — нужно сделать всё возможное для того, чтобы русские удержали постоянный фронт, даже если они и потерпят поражение в нынешней битве. Если в этот критический момент и можно как-то повлиять на Сталина, то это стоит сделать путём прямого обращения от Вас через личного посланника. Ставки, на мой взгляд, настолько велики, что необходимо это сделать. Тогда Сталин будет точно знать, что мы

всерьёз настроены на долговременную поддержку поставками»¹. Рузвельт полностью одобрил предложение своего alter ego и на следующий день отправил Гопкинсу послание для Сталина, подготовленное при помощи первого заместителя госсекретаря С. Уэллеса².

В нём он выразил своё восхищение борьбой «русского народа» с гитлеровской Германией и готовность оказать помощь СССР путём поставок американских военных материалов. Чтобы подчеркнуть серьёзность своих намерений, он сослался на встречу с послом СССР в США К. А. Уманским от 10 июля³ и выразил готовность обсудить детали поставок с миссией генерала Ф. И. Голикова, находившейся в Вашингтоне (личная встреча Рузвельта с Уманским и Голиковым состоялась 31 июля⁴). В своём послании Рузвельт также высказал просьбу «разговаривать с Гопкинсом с тем же доверием, которое Вы испытывали, если бы говорили со мной напрямую».

Встречи Сталина с Гопкинсом 30–31 июля⁵ прошли в откровенной и доверительной обстановке, сыграв большую роль в становлении советско-американского сотрудничества. Сталин произвёл на Гопкинса сильное впечатление: «Никто не сможет забыть образ диктатора России — строгую, суровую, решительную фигуру в сапогах, которые блестели как зеркало, плотные, мешковатые брюки, тесно прилегающую гимнастёрку... Его голос суров, но он всегда

* **Владимир Олегович Печатнов** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

Искандер Эдуардович Магадеев — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

держит его под контролем. Он говорит именно с тем ударением и интонацией, в какой нуждаются его слова»⁶.

Гопкинс докладывал Рузвельту о том, что во время личной встречи Сталин «выразил глубокую благодарность Президенту за его заинтересованность в их борьбе против Гитлера... Он сказал, что вначале думал направить ему письменное послание, но потом решил, что будет лучше, если я передам его своими словами». Это был правильный расчёт на то, что Рузвельт скорее поверит своему доверенному эмиссару, чем ему. Суть сталинского наказа Гопкинсу была проста и радикальна: США являются «главной опорой» всех антигитлеровских сил мира, их вступление в войну решит её исход, рано или поздно американцам «придётся сойтись» с немцами на поле боя и потому он «будет приветствовать американские войска на любом участке русского фронта под полным американским командованием». Последнее приглашение звучало для Гопкинса фантазией, но он обещал всё передать президенту. Прекрасно понимая всю взрывоопасность разглашения такого призыва, Гопкинс передал единственный экземпляр записи этой беседы Рузвельту и просил его не показывать её в Госдепартаменте⁷. Так Сталин впервые заговорил о войсках союзников на советско-германском фронте — задолго до его аналогичного обращения к Черчиллю в середине сентября. Сам он вряд ли верил в реальность скорого участия невоюющей ещё Америки в боевых операциях на своём фронте; так, что это было — жест отчаяния или попытка приучить американцев к мысли о неизбежности реальной схватки с вермахтом? Вопрос остаётся открытым.

Первое письменное послание в Белый дом от имени Сталина было отправлено 4 августа через посольство СССР в США. Рузвельт в те дни находился в секретной поездке для первой встречи с Черчиллем в заливе Арджентия (остров Ньюфаундленд). «Чтобы не задерживать выполнения Вашего задания, — сообщил Молотову посол СССР в США Уманский 5 августа, — я написал Рузвельту рукописное личное письмо, в котором дословно изложил послание товарища Сталина и попросил Рузвельта реагировать на это послание письменно, ввиду невозможности личной встречи. Своё письмо, прошитое и запечатанное, я передал, минуя Госдепартамент, заведующему секретариатом Белого дома, который обещал мне доставку его в руки Рузвельта не позже 7 августа вылетающим в этот день

в эскадру фельдегерским самолётом»⁸. Перевод Уманского был точным и дошёл до адресата, однако «письменной реакции» на это послание не последовало. И это не удивительно. Безо всяких объяснений и личного обращения к президенту правительству США предлагалось оказать давление на Финляндию, дабы предотвратить её вхождение в войну на стороне Германии. Это весьма неуклюжая, граничащая с требованием просьба непонятного происхождения⁹, должно быть, вызвала некоторое недоумение в Белом доме, который предпочёл воздержаться от прямого ответа. Однако, как сообщил Уманскому через две недели Уэллес, идя навстречу советскому пожеланию, Госдепартамент предостерег финского посланника Я. Прокопе от продолжения войны с СССР¹⁰. Во время встречи с ним Уэллес подчеркнул, что, несмотря на готовность советского правительства пойти на некоторые уступки Финляндии для предотвращения её вступления в войну, это не означает ослабления СССР, так как «советское правительство не только прекрасно сопротивляется германской агрессии, но также готово неограниченно долго сражаться с Германией»¹¹. Финнов, однако, де-марш Уэллеса не остановил.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 4 августа 1941¹²

«СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявленная Англией блокада Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в правящих кругах Финляндии. Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР.

Если бы Правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор».

Первое совместное послание Рузвельта и Черчилля Сталину было составлено 14 августа во время совещания двух лидеров на острове Ньюфаундленд после обсуждения вопроса о помощи Советскому Союзу с участием Гопкинса.

Посол США в Москве получил указание вручить его Сталину совместно с британским коллегой от имени обоих государств. 15 августа Л. Штейнгардт и С. Криппс вручили его Сталину, который просил их передать Рузвельту и Черчиллю «сердечную благодарность за их готовность оказать помощь СССР в его освободительной войне против гитлеровской Германии». Ознакомившись с посланием, Сталин отметил, «что он приветствует предложение Рузвельта и Черчилля и что со стороны СССР не будет возражений против созыва в Москве совещания представителей трёх стран для распределения сырья и вооружения». Он также добавил, что «готов принять все меры, чтобы это совещание состоялось как можно скорее»¹³.

На этой же встрече по предложению американской стороны было решено опубликовать сообщение о приёме послов и текст самого послания Рузвельта и Черчилля в Москве, Лондоне и Вашингтоне 16 августа в 9 часов утра по московскому времени¹⁴. При этом английское и американское посольства в спешке перепутали порядок абзацев в тексте послания, что после публикации было замечено и в Москве и в Вашингтоне. В. М. Молотов дал указание Уманскому разобраться в этом вопросе с Госдепартаментом¹⁵ и 20 августа Штейнгардт переслал Молотову «окончательный и достоверный» вариант послания¹⁶.

Судя по всему, Сталин был действительно доволен полученным известием: союзники пошли на первый согласованный шаг по оказанию помощи СССР, и то, что будущее совещание было предложено провести в Москве с его участием, лишний раз подтверждало серьёзность их намерений.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль И. В. Сталину 14 августа 1941

«Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великопечальном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем.

Мы должны теперь обратить наше внимание на рассмотрение политики, рассчитанной на более длительное время, ибо предстоит еще пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными.

Война идет на многих фронтах, и, до того как она закончится, могут возникнуть еще новые боевые фронты. Наши ресурсы хотя и огромны, тем не менее они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к военному снаряжению, так и к сырью.

Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами. Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то мы хотим поставить Вас в известность, что впредь до принятия этим совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы.

Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления».

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ
Уинстон С. ЧЕРЧИЛЛЬ

Второе личное послание Рузвельта Сталину от 17 сентября должно было быть передано с А. Гарриманом, который отправился на это совещание в Москву во главе американской миссии. Однако это письмо, как зафиксировал 26 сентября в своей докладной Гопкинс на основании отчёта офицера связи, задержалось из-за плохой погоды и Гарриман не успел его получить до своего отлёта из Лондона в Москву. «Письмо было сожжено, поскольку его не должен был видеть никто, кроме г-на Гарримана»¹⁷. По прибытии в Москву Гарриман обратился к Рузвельту

с просьбой прислать ему «личное послание» для советского лидера, подчеркнув важность этого шага и то, что британский представитель лорд У. Бивербрук привёз Сталину личное послание от Черчилля¹⁸. Президент поручил Гопкинсу продублировать в Москву вариант послания, сожжённого в Лондоне, что и было исполнено¹⁹. 30 сентября письмо было передано Сталину. Но его злоключения на этом не кончились — переданное простым шифром через Госдепартамент послание перехватила и сумела расшифровать германская разведка. Документ, который «не должен был видеть никто, кроме г-на Гарримана», был разнесён по свету нацистской пропагандой в качестве доказательства «сговора» Рузвельта с коммунистами, для чего нацисты «утеплили» тон обращения президента к Сталину как своему «дорогому другу»²⁰. «Нью-Йорк Таймс» предположила, что ответственность за разглашение послания лежит на советском командовании, которое, якобы, передало по радио его текст советским войскам для «укрепления их морального состояния, а немцы перехватили его в эфире»²¹. 11 октября Рузвельт на пресс-конференции усомнился в этой версии, а на следующий день ТАСС по предложению А. Я. Вышинского, одобренному Сталиным, опроверг её как «сплошной вымысел». («Верховный» усилил звучание проекта Вышинского, добавив к словам «советское верховное командование не передавало письма г-на Рузвельта тов. Сталину по радио» фразу «и не могло передать»)²².

Это был первый, но далеко не последний случай утечки секретной переписки «большой тройки». В ответственных случаях Белый дом впредь будет пользоваться каналами военной связи в обход Госдепартамента: для отправки посланий Рузвельта, как правило, использовались каналы Военно-морского министерства, а для получения — каналы Военного министерства.

Сам Рузвельт понимал ненадёжность передачи посланий через американский Госдепартамент, отдавая предпочтение советской системе кодировки. Так на встрече с Временным поверенным в делах СССР в США А. А. Громыко 11 апреля 1942 г. он «заметил, что считает более целесообразным передать послание нашим кодом, который, по его мнению, более надёжен»²³. Подтверждением уязвимости каналов связи Госдепартамента было и уникальное для дипломатической практики послание Черчилля Рузвельту от 25 февраля 1942 г. В нём британский премьер-министр, призывая к сотрудничеству

двух государств в области кодировок, признавался, что британские эксперты смогли в своё время взломать американские дипломатические шифры²⁴.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину 29 сентября 1941

«Уважаемый г-н Сталин,

Это письмо будет вручено Вам моим другом Авереллом Гарриманом, которого я просил быть главой нашей делегации, посылаемой в Москву.

Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве.

Гарри Гопкинс сообщил мне подробно о своих обнадеживающих и удовлетворительных встречах с Вами. Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий.

Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимое для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный.

Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь».

*Искренне Ваш
Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ*

Несмотря на фальстарт, идея переписки витала в воздухе и Гарриман в разговоре со Сталиным во время Московской конференции (возможно, не без подсказки самого президента) посоветовал ему установить прямой контакт с Рузвельтом. По данным Р. Шервуда, Сталин с готовностью откликнулся, так как «раньше считал, что не должен обращаться непосредственно к президенту»²⁵. Своё следующее письмо Рузвельту от 3 октября (подготовленное Молотовым) он отправил с тем же Гарриманом. Адресованное на сей раз самому президенту, оно было выражением искренней благодарности за предложенную США и Великобританией помощь и не обязывало к ответу. За день до составления письма, на обеде 2 октября в Кремле с участием работников американского и британского посольств, Сталин также выступил с тостом в честь Рузвельта. Он подчеркнул

роль президента в оказании помощи странам, подвергшимся агрессии со стороны Германии, и пожелал ему в этом успеха²⁶.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту

3 октября 1941

«Уважаемый г-н Рузвельт,

Ваше письмо мне передано г. Гарриманом.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность Советского Правительства за то, что Вы поручили руководство американской делегацией столь авторитетному лицу, как г. Гарриман, участие которого в работах Московской конференции трех держав было так эффективно.

Я не сомневаюсь, что Вами будет сделано все необходимое для того, чтобы обеспечить реализацию решений Московской конференции возможно скоро и полно, особенно ввиду того, что предзимние месяцы гитлеровцы наверняка постараются использовать для всяческого нажима на фронте против СССР.

Как и Вы, я не сомневаюсь в конечной победе над Гитлером стран, которые теперь объединяют свои усилия для того, чтобы ускорить ликвидацию кровавого гитлеризма, для чего Советский Союз приносит теперь столь большие и тяжелые жертвы.

С искренним уважением»

И. СТАЛИН

Обдумывая реакцию на это сталинское послание, президент решил посоветоваться с Гопкинсом: «Как думаешь — надо ли ответить? — приписал он на переводе документа. — Особенно учитывая явное удовлетворение Сталина, когда Гарриман сказал ему, что я буду рад его прямому обращению?»²⁷. Гопкинс, должно быть, полностью поддержал идею ответа, записав через несколько дней в своём меморандуме: «После моих встреч в России у меня создалось впечатление, что президенту следует контактировать со Сталиным напрямую. Было совершенно ясно, что Сталин не имеет никакого доверия к нашему послу и другим сотрудникам посольства. Я почувствовал, что он проявил бы такое же отношение и к Госдепартаменту, если бы его спросили»²⁸.

Гопкинс был прав. Вполне вероятно, что он был осведомлен об оценках, которые Штейнгардту дал Сталин в разговоре с Гарриманом в Москве. В них он охарактеризовал американского посла как пораженца и отметил, что

Штейнгардт не раз поддавался панике в течение нескольких недель после нападения Германии на СССР²⁹. При этом стоит отметить, что и сам Гопкинс открыто высказывал свои сомнения по поводу эффективности работы Госдепартамента в вопросах двухсторонних отношений с СССР. На встрече с Уманским 11 июля 1941 г. он «откровенно признал, что в аппарате американского правительства (с намёками на госдепартамент) имеется немало людей, у которых «политические предрассудки по отношению к СССР сильнее их лояльности при выполнении приказов главы государства и главнокомандующего вооружёнными силами их родины»³⁰. Характерно и то, что Рузвельт называл работников Госдепартамента «твердокаменными бюрократами».

Вполне возможно, что именно Гопкинс после своего возвращения из Москвы первым подсказал Рузвельту идею прямого контакта со Сталиным. Для поддержания диалога Рузвельт решил-таки ответить³¹, хотя и этому его посланию не повезло. В ноябре 1941 г. оно было по ошибке отправлено диппочтой в Тегеран. До посольства США, находившегося тогда в Куйбышеве, оно дошло лишь 15 марта 1942 г. и было вручено советской стороне на следующий день³².

Ф. Рузвельт И. В. Сталину

25 октября 1941

«Уважаемый г-н Сталин,

Г-н Гарриман вручил мне Ваше любезное письмо, датированное 3 октября 1941 года. Я высоко ценю Ваше сообщение.

Вам уже отправлена телеграмма с сообщением о том, что мы распространяем на Советский Союз действие закона о займе и аренде.

Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы снова заверить Вас, что мы приложим все возможные усилия к доставке этих поставок на Ваш фронт.

Решилось Ваших армий и народа нанести поражение гитлеризму вдохновляет свободные народы всего мира».

Искренне Ваш

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ

Следующее послание Рузвельта Сталину (от 30 октября) тоже дошло до адресата не совсем обычным путём. Во время встречи 2 ноября Штейнгардта и Вышинского в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел СССР выразил желание получить текст послания, который был у посла в руках. Однако последний заявил,

что «он не может этого сделать, т. к. произошло досадное недоразумение, даже глупость, так как послание передано ему шифром, а на передачу расшифрованного текста необходимо специальное разрешение из Вашингтона»³³. Ввиду этого «недоразумения» он мог устно передать лишь содержание послания, но не его текст. В тот же день, но уже после этой беседы по настоятельной просьбе Вышинского посол дослал ему памятную записку с изложением послания, которая и была опубликована в «Переписке». Сличение этой записки с сохранившимся в архиве Рузвельта оригиналом послания показывает, что за исключением замены первого лица на третье она точно воспроизводит его содержание³⁴. Вдогонку этому посланию на следующий день через Штейнгардта Вышинскому был передан одобренный Рузвельтом длинный список товаров в дополнение к поставкам, намеченным в Первом протоколе³⁵. При этом посол попросил рассматривать этот список наравне с посланием, «ибо телеграмма по этому поводу была получена им не от Хэлла, а от Рузвельта»³⁶.

Передавая Вышинскому памятную записку с изложением послания Рузвельта от 30 октября, Штейнгардт особо отметил два обстоятельства: одобрение президентом всех решений Московской конференции и предоставление Советскому Союзу беспроцентного займа для оплаты поставок по ленд-лизу. Последнее, добавил он, «означает, что отныне Советское правительство не должно будет беспокоиться по поводу финансовой стороны поставок во всяком случае до тех пор, пока не будет израсходована вся сумма займа»³⁷. Впрочем, Сталин вряд ли нуждался в разъяснениях посла, чтобы сразу же оценить все преимущества рузвельтовского предложения. До последнего времени в Кремле изыскивали средства для оплаты поставок, отправив за океан в качестве залога специальный корабль с десятью тоннами золота общей стоимостью 30 млн долл.³⁸. Теперь об этом действительно можно было не беспокоиться, а выделение президентом дополнительных поставок лишь подчёркивало верность Вашингтона принятым на себя обязательствам.

Штейнгардт также сделал акцент на том, что «послание является не правительственным документом, а личным письмом президента»³⁹. Действительно, послание Рузвельта были фактическим приглашением к установлению прямого личного контакта со Сталиным, что порадовало последнего. Теперь уже самому Сталину захоте-

лось огласить послание Рузвельта для поддержки морального духа советского народа.

**Памятная записка,
вручённая Послом США
г-ном Штейнгардтом
А. Я. Вышинскому
2 ноября 1941 года**

«В личном послании г-ну Сталину Президент

Рузвельт заявляет:

- 1) *Что он ознакомился с Протоколом Конференции Трёх Держав в Москве и обсудил с членами американской миссии изложенные в нем данные;*
- 2) *Что он одобрил все списки военного снаряжения и вооружения и отдал распоряжение, чтобы сырьевые материалы были предоставлены по мере возможности и как можно скорее;*
- 3) *Что он дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в возможно наибольшем объеме;*
- 4) *Чтобы избежать финансовых затруднений, он отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду на сумму до 1 000 000 000 долларов;*
- 5) *Он предлагает, если Советское Правительство это одобрит, чтобы Соединенные Штаты не взыскивали процентов с задолженности, которая может возникнуть у Советского Правительства и которая вытекает из этих поставок, и чтобы платежи по этой задолженности начались только спустя пять лет после окончания войны и производились в течение десяти лет после истечения этого пятилетнего периода;*
- 6) *Президент надеется, что Советское Правительство приложит особые усилия, чтобы продать Соединенным Штатам те товары и сырьё, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет зачисляться на счет Правительства Советского Союза;*
- 7) *Президент пользуется случаем, чтобы выразить Советскому Правительству благодарность за быстроту, с которой г-н Сталин и его коллеги провели Конференцию Трёх Держав в Москве, и заверяет его, что постановления этой Конференции будут выполнены в максимальной степени;*

- 8) *Президент выражает надежду, что г-н Сталин не замедлит войти в контакт непосредственно с ним, если этого потребуют обстоятельства.*

Ответ Сталина был выдержан в подчёркнуто благодарственном и предупредительном духе. 6 ноября в 1 час ночи послание Сталина и его копия на английском языке были вручены Вышинским Штейнгардту. Посол назвал послание Сталина «превосходным ответом на послание Рузвельта, замечательным документом». Вышинский передал Штейнгардту пожелание Сталина и Молотова опубликовать последнее послание в советской печати. Осторожный посол усомнился во внутриполитической целесообразности разглашения факта предоставления миллиардного кредита в обход Конгресса США⁴⁰. Он сослался на то, что «Рузвельт принимал аналогичные решения в свое время относительно Англии, и сообщения о них делались спустя несколько месяцев после того, как общественное мнение Америки было подготовлено к таким мероприятиям»⁴¹. В тот же день, 6 ноября, содержание послания Сталина было уже известно в Вашингтоне. Вечером Гопкинс позвонил Временному поверенному в делах СССР в США Громыко. Он сообщил, «что лучшего ответа из Москвы не могло и быть, настолько данный ответ хорош»⁴².

Текст ответа Сталина также был передан Рузвельту при личной встрече с ним Громыко 7 ноября 1941 г. Содержание послания к этому времени было уже известно президенту и получило его одобрение. Как отмечал Громыко, «чувствовалось, что он очень удовлетворен ответом Сталина».

Опасения Штейнгардта в отношении публикации посланий Рузвельта и Сталина не были поддержаны в Белом доме. Рузвельт высказался за их публикацию, но в перефразированном виде. При встрече с Громыко он подчеркнул, что «по его мнению, опубликование полного текста опасно. Документы связаны с риском расшифровки немцами наших кодов. Лучшим способом, сохраняющим секретность кодов, является перефразировка этих документов с таким расчётом, чтобы была обеспечена только передача их содержания»⁴³. В итоге, 8 ноября изложение текстов послания Рузвельта и ответа на него Сталина были опубликованы Госдепартаментом США, а на следующий день — в «Известиях». Дабы подчёркнуть, что конструктивный дух обмена посланиями переходит в практическое русло, рядом с ответом Сталина в «Известиях»

было опубликовано сообщение ТАСС от 8 ноября о том, что «Рузвельт предложил Стетиниусу — уполномоченному по осуществлению закона о передаче займы или в аренду вооружения — срочно приступить к осуществлению помощи Советскому Союзу на основе закона о передаче займы или в аренду вооружения»⁴⁴.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 4 ноября

«Господин Президент,

Хотя текста Вашего послания я еще не получил, Посол Соединенных Штатов Америки г-н Штейнгардт передал мне через г-на Вышинского 2 ноября с. г. памятную записку с изложением содержания Вашего послания на мое имя.

В связи с этим позвольте мне прежде всего выразить полное согласие с Вашей оценкой работ Конференции Трех Держав в Москве, что следует отнести в наибольшей мере к заслугам г-на Гарримана, а также г-на Бивербрука, сделавших все возможное для успешного завершения работ Конференции в кратчайший срок. За Ваше заявление о том, что постановления Конференции будут максимально выполнены, Советское Правительство выражает свою глубокую признательность.

Ваше решение, г-н Президент, о том, чтобы предоставить Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму в 1 миллиард долларов на оплату поставок вооружения и сырьевых материалов Советскому Союзу, Советское Правительство принимает с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом.

По поручению Правительства СССР я выражаю полное согласие с изложенными Вами условиями предоставления Советскому Союзу этого займа, платежи по которому должны начаться спустя 5 лет после окончания войны и будут производиться в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода.

Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты.

Что касается выраженного Вами, г-н Президент, пожелания, чтобы между Вами и мною был бы незамедлительно установлен личный непосредственный контакт, если этого потребуют обстоятельства, то я с удовольствием

присоединяюсь к этому Вашему пожеланию и готов со своей стороны сделать все возможное для осуществления этого.

С искренним уважением
И. СТАЛИН

Послание Рузвельта от 6 ноября 1941 г. также было выдержано в конструктивном духе, продолжая линию на оказание Советскому Союзу разнообразной, в т. ч. и благотворительной помощи. В своём послании президент США делал отсылку на итоги работы Московской конференции. По её результатам была сформирована заявка по требуемому для СССР медицинскому снабжению. Как указывалось в «Секретном протоколе Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании» от 1 октября 1941 г., «заявка по медицинскому снабжению будет рассмотрена в Лондоне и Вашингтоне. Американский Красный Крест уже дал согласие на поставку некоторых материалов»⁴⁵. Эта заявка известна в литературе как Приложение № 2 к Московскому протоколу. Она включала в себя «83 наименования и насчитывала 11,3 млн единиц медицинstrumentария, более 560 тонн медикаментов, многие сотни тысяч резиновых изделий и др.»⁴⁶. Эти поставки должны были обеспечиваться обществами Красного Креста США и Великобритании, а также администрацией по ленд-лизу.

Стоит отметить, что особое внимание Рузвельта к деятельности Красного Креста, проявленное в послании от 6 ноября, было связано не только с тем, что американский Красный Крест должен был отчитываться перед Конгрессом США о расходовании предоставленных ему материалов, но и с тем, что сам Рузвельт являлся президентом этого общества.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину 6 ноября

«Я счастлив сообщить Вам, что медицинские материалы по списку, разработанному комиссией медицинского снабжения на Конференции Трёх Держав, будут предоставлены, как только эти материалы смогут быть закуплены и отправлены, за исключением той части из них, которая может быть предоставлена англичанами. Условия американского снабжения и производства делают невозможной немедленную закупку больших количеств некоторых требуемых предметов, но 25 % всего количества по

списку может быть предоставлено в течение 30–60 дней, а остальная часть поставок — в течение ближайших 8 месяцев.

Американский Красный Крест готов предоставить приблизительно одну треть материалов, указанных в общем списке, на сумму приблизительно в 5 миллионов долларов в качестве подарка американского народа. В соответствии с моими указаниями американский Красный Крест приобретет эти материалы за счет фондов, предоставленных в мое распоряжение Конгрессом, а также за счет фондов пожертвований американского народа, созданных для оказания помощи Советскому Союзу. Поскольку американский Красный Крест должен отчитываться перед Конгрессом и теми, кто внес пожертвования, об использовании этих фондов и материалов, Уордуэлл — председатель делегации американского Красного Креста — в письме представителю Советского Красного Креста г-ну Колесникову изложил в общих чертах ту организационную форму сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран, которая являлась бы желательной. Красный Крест также передает сегодня г-ну Колесникову послание, в котором указывается на важность соответствующего наблюдения со стороны представителя американского Красного Креста за распределением материалов последнего с учетом, разумеется, соответствующих военных соображений. Я был бы весьма благодарен, если бы Ваше правительство могло заверить меня в том, что желаемые организационные формы приемлемы. Смею указать на то, что процедура, предложенная американским Красным Крестом, является той же, которой придерживаются при оказании им помощи Великобритании и другим странам.

На изложенной выше основе американский Красный Крест готов рассмотреть вопрос об оказании дальнейшей существенной помощи Советскому Союзу по мере возникновения потребностей и представления заявок».

В октябре–ноябре 1941 г. шла разработка соглашения между американским и советским Красным Крестом об организационной форме их сотрудничества. Оно было оформлено обменом письмами между американским (А. Уордуэлл) и советским (С. А. Колесников) представителями Красного Креста, о которых упоминал в своём послании Рузвельт. Подписание писем могло

произойти, как отмечал Штейнгардт, лишь после их просмотра и одобрения Наркоматом иностранных дел СССР. На встрече с Молотовым 6 ноября 1941 г. американский посол поставил этот вопрос лично. Молотов подчеркнул, что «не знаком с этими письмами, но если они просты, то с просмотром их не будет задержки»⁴⁷. Однако на встрече Д. Никольсоном — вице-президентом американского Красного Креста — 10 ноября 1941 г. в Куйбышеве Вышинский, выразив благодарность «за готовность содействовать нашей борьбе теми способами, которыми располагает американский Красный Крест», подчеркнул, что «заключение соглашения или обмен письмами, предложенные американской делегацией в ходе переговоров в октябре, Советское Правительство считает на настоящее время неактуальными вопросами»⁴⁸. Никольсон был явно разочарован такой позицией советского правительства и сообщил об этом в Вашингтон. 11 ноября 1941 г. Сталин получил вышеприведенное письмо Рузвельта, а на следующий день из Вашингтона пришла телеграмма председателя Красного Креста США Н. Дэвиса. Видимо, демарши Вашингтона произвели своё действие и способствовали смягчению советской позиции.

Сталин оперативно ответил на послание Рузвельта от 6 ноября 1941 г., слегка подправив черновик, подготовленный Молотовым⁴⁹. В своём послании он подчеркнул отсутствие возражений у советской стороны по установлению организационных форм сотрудничества между Красным Крестом США и СССР. Послание Сталина от 14 ноября было передано через американское посольство в Куйбышеве, а 21 ноября его текст был официально вручён Уэллсу Временным поверенным в делах СССР Громыко⁵⁰. На сопроводительке Уэллеса для президента, приложенной к сталинскому посланию, стоит приписка от руки — «нужен ли ответ г-ну Сталину?» — с резолюцией «Нет»⁵¹.

Смягчение позиции советского правительства по вопросу сотрудничества с американским Красным Крестом тут же отразилось и на переговорах с Никольсоном в Куйбышеве. Его разочарование в ходе ведения переговоров, выраженное 10 ноября, сменилось удовлетворением. В беседе с Вышинским от 22 ноября он «заявил, что получил указание возможно скорее вернуться в Вашингтон, и пришёл, чтобы проститься и выразить мне благодарность за содействие, оказанное в переговорах, результаты которых удовлетворили американский Красный Крест»⁵².

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 14 ноября 1941

«Ваше послание с сообщением о благоприятном разрешении вопроса о поставках медицинских материалов американским Красным Крестом получено мною 11 ноября.

По вопросу об установлении организационных форм сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран у Советского Правительства нет возражений, при этом имеется в виду, что это сотрудничество будет организовано в соответствии с обменом писем, текст которых был согласован в начале ноября между представителями Красного Креста обеих стран в г. Куйбышеве».

СТАЛИН

Ко времени следующего обмена посланиями между Рузвельтом и Сталиным ситуация в войне резко изменилась. 8 декабря после нападения японских вооружённых сил на Пёрл-Харбор США объявили войну Японии, а 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединённым Штатам. 9 декабря войну странам «оси» объявил и Китай. В этой обстановке Белый дом решил принять срочные меры по организации коллективного отпора Японии в Азии с участием своих союзников. Уже 8 декабря в беседе с новым послом СССР в США М. М. Литвиновым Рузвельт, вид у которого был «утомлённый и озабоченный», задал вопрос о том, ожидает ли СССР объявления ему войны со стороны Японии. Советский посол «выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязываться в войну с нами»⁵³. На встрече 11 декабря, на которой Литвинов передал Рузвельту решение о том, что СССР не будет в данный момент воевать с Японией, президент просил посла передать в Народный комиссариат иностранных дел просьбу о том, «чтобы мы не объявляли публично о нашем решении соблюдать нейтралитет, а считали вопрос как бы не решённым, для того чтобы привязать к нашему фронту возможно больше японских сил, которые иначе освободились бы для действий против Англии и Америки»⁵⁴. 14 декабря Рузвельт срочно вызвал к себе нового посла СССР Литвинова и вручил ему своё послание Сталину по данному вопросу.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину 14 декабря 1941

«По моему мнению, крайне важно предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для совместных действий не только на ближайшие

недели, но также для окончательного поражения гитлеризма. Я очень хотел бы встретиться и поговорить с Вами лично, но так как это в настоящее время невозможно, то я предпринимаю три предварительных шага, которые, я надеюсь, подготовят более постоянное совместное планирование.

1. Я предлагаю генералиссимусу Чан Кайши созвать немедленно в Чунцине конференцию в составе китайского, советского, британского, голландского и американского представителей. Эта группа должна бы собраться не позже 17 декабря и доложить результаты своим правительствам совершенно конфиденциально к субботе, 20 декабря. Это должно дать нам предварительное представление об общей проблеме под углом зрения Чунцина.
2. Я прошу британцев собрать в Сингапуре военно-морскую конференцию, которая представила бы к субботе, 20 декабря, свой доклад, составленный главным образом под углом зрения операций в южной зоне.
3. Я был бы очень рад, если бы Вы лично переговорили с американским, британским и китайским послами в Москве и сообщили мне Ваши предложения по всему вопросу к субботе, 20-го.
4. В течение ближайшей недели я подвергну обсуждению те же вопросы со здешними британскими миссиями и сообщу Вам о положении, как оно представляется отсюда. Я имел хорошую беседу с Литвиновым, и я вполне понимаю Ваши непосредственные задачи. Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации. Позволяю себе надеяться, что предварительные конференции, намеченные мною на ближайшую неделю, приведут к установлению более постоянной организации для планирования наших усилий. Гопкинс и я шлем Вам свои личные горячие приветия».

РУЗВЕЛЬТ

Сообщая Сталину содержание послания, Литвинов так характеризовал мотивы президента: «Мне кажется, что Рузвельт хочет дать некоторое удовлетворение общественному мнению, требующему общесоюзных действий и осуждающему его за то, что он раньше не привлекал нас к советаниям по тихоокеанским вопросам». «Возможно, — добавлял он, — что Рузвельт не прочь втянуть нас хоть косвенно и словесно в антияпонскую акцию, и что все это является единственной и основной

целью его предложений». Тем не менее, при всём своём скептицизме в отношении затеи Рузвельта посол рекомендовал согласиться на участие советских представителей в предлагаемых Рузвельтом совещаниях в качестве наблюдателей, что «подчеркнёт лишь наше неучастие в войне и наше особое положение и не может поэтому вызвать японский протест, если даже китайцы разгласят»⁵⁵.

Но Сталин, давно опасавшийся преждевременного втягивания СССР американцами в войну с Японией, решил поступить ещё осторожней, чем рекомендовал Литвинов, — он взял паузу, вежливо запросив у Рузвельта разъяснений по предлагаемым совещаниям.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 17 декабря 1941

«Ваше послание получил 16 декабря. В связи с тем, что в Вашем послании не были указаны цели конференций в Чунцине и Москве, и ввиду того, что до открытия конференций оставался всего один день, я полагал возможным выяснить вопрос о целях конференций и возможность отложения конференций на некоторое время при встрече с г-ном Иденом, который только что прибыл в Москву. Однако, как выяснилось, г. Идеи также не информирован по этому вопросу. Ввиду этого я считал бы желательным получить от Вас необходимые разъяснения, дабы обеспечить желательные результаты от участия представителей СССР в этих конференциях.

Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии.

Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане.

Шлю Вам и г. Гопкинсу мои личные горячие приветия».

СТАЛИН

Послание было вручено Литвиновым Рузвельту 19 декабря. В ответ на вопрос Сталина президент, как описывал посол его реакцию, «развёл руками и стал повторять неопределённые и путанные объяснения, которые он мне ранее давал». Далее Рузвельт пустился в рассуждения о возможных операциях США против Японии и Германии — бомбардировках Японии с территории Южного Китая, противодействии германскому наступлению на Северную Африку. «По-моему, все эти разговоры — плод растерянности и беспомощности, — жёстко подытожил Литвинов. — Дела в районе Голландской Индии и Сингапура идут

плохо и все тихоокеанские позиции могут скоро оказаться потерянными. Рузвельт хочет создать видимость усиленной дипломатической активности и всяческих совещаний, ибо общественность требует общесоюзных действий и общих планов»⁵⁶. Выжидательная тактика Москвы в данном случае себя оправдала. Рузвельт больше не обращался к Сталину по этому вопросу, однако 22 декабря 1941 г. он заявил Литвинову, что намерен обсудить вопрос о создании Верховного Военного Совета на Тихом океане из представителей США, Великобритании, СССР и Нидерландов. В ответ на это Молотов телеграфировал Литвинову 24 декабря: «...Мы благодарны Рузвельту за приглашение в Верховный Военный Совет, но мы, к сожалению, не можем в настоящее время принять участие в таком Совете..., как держава, не воюющая на Дальнем Востоке...»⁵⁷. Созданный в начале 1942 г. Тихоокеанский военный Совет с участием США, Великобритании и Китая оказался малоэффективным. Отсутствие в его составе СССР не прошло в США незамеченным. В апреле 1942 г. Литвинов в телеграмме Молотову отметил: «Создание здесь Тихоокеанского совета вызвало в некоторых кругах нарекание в связи с игнорированием Советского Союза, ибо общественному мнению неизвестно, что мы сами отказались от участия в этом совете»⁵⁸.

* * *

Канал связи Сталин–Рузвельт пережил в течение лета–зимы 1941 г. серьёзную трансформацию. Он эволюционировал от осторожных первых шагов двух сторон начать прямое общение до возникновения взаимопонимания и определенного доверия между лидерами двух государств. Эта эволюция шла параллельно с общим развитием советско-американских отношений в 1941 г.: от взаимного отчуждения предвоенных лет до сотрудничества на базе американской помощи военным усилиям СССР в борьбе с Германией. Немалую роль в работе канала Сталин–Рузвельт в 1941 г. играли посредники, главным образом с американской стороны. Испытывая недоверие к традиционным каналам дипломатической связи, Рузвельт в общении со Сталиным пользовался услугами своих личных представителей — Гопкинса и Гарримана.

Особое значение придавалось секретности в составлении посланий и условиях доступа

к ним. Советская сторона по степени закрытости и персонализации стояла на первом месте. В ней содержание посланий целиком определялось тандемом Сталин–Молотов и доводилось до сведения отдельных старших членов Политбюро по вопросам их компетенции⁵⁹. Серьёзные меры секретности были предприняты и в США. Послания Рузвельта и Сталина хранились в т. н. «штабной комнате» Белого дома (Map Room), доступ в которую имели лишь Рузвельт, Гопкинс и представитель КНИШ адмирал У. Леги⁶⁰.

Большую роль для успешного функционирования канала Сталин–Рузвельт играло формирование приемлемых для обеих сторон норм общения. Наибольшие результаты обмена посланиями между Сталиным и Рузвельтом приносил в тех случаях, когда интересы двух государств совпадали. Именно об этом свидетельствуют послания октября–ноября 1941 г., связанные с результатами Московской конференции. В тех же вопросах, где интересы СССР и США были различны, как в вопросе со вступлением СССР в войну с Японией, результаты обмена посланиями были незначительны.

События 1941 г., ставшие истоком антигитлеровской коалиции, продемонстрировали одновременно и особенности общения лидеров стран «большой тройки», которые будут проявляться на протяжении всей Второй мировой войны. Канал связи Сталин–Рузвельт был тесно связан с двумя другими сторонами «эпистолярного треугольника» — Рузвельт–Черчилль и Сталин–Черчилль. Это создавало своеобразную конкуренцию в англо-американских отношениях: для Рузвельта и Черчилля было непросто совместить тесные отношения внутри своего тандема со стремлением обойти друг друга в личных контактах со Сталиным и установить доверительные отношения с советским лидером. Сталин использовал эту конкуренцию в своих интересах, но и ему, в свою очередь, было также непросто иметь дело со сплоченным англо-американским тандемом, участники которого были гораздо лучше осведомлены о переписке своего ближайшего партнера со Сталиным, чем тот — об их переписке между собой. Короче говоря, переписка «большой тройки» военных лет имела и серьёзное психологическое измерение, которое требует специального изучения.

¹ Hopkins to Roosevelt, July 25, 1941 // FDRL, President's Secretary's File, SAFE File, Hopkins, Harry, Box 3 (впервые опубликовано в: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. М., 1958, Том первый, С. 512).

² Roosevelt to Hopkins, July 26, 1941 // Ibidem. Опубликованный текст послания см. в: Шервуд Р. Рузвельт

и Гопкинс, Т. 1, С. 517–518, а также в: Butler S. *My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin*. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 36.

³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 10 июля 1941 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х тт. (далее — CAMO), Т. 1. М., Политиздат, 1984. С. 58–63.

⁴ См. о ней: Golikov F. I. *On a Military Mission to Great Britain and the U.S.A.* Moscow: Progress Publishers, 1987.

⁵ См.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers* (далее — FRUS). 1941. Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington: Government Printing Office, 1958. P. 802–814; CAMO, С. 80–89.

⁶ Цит. по: Butler S. *Op. cit.* P. 35–36.

⁷ For the President Only. Conference held on July 31, 1941, between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter, Mr. Litvinov at the Kremlin in Moscow 6:30 PM to 9:30 PM. Enclosed in: Hopkins to Roosevelt, August 20, 1941 // FDRL, PSF, SAFE File, Russia, Roosevelt–Stalin Messages, 1941–1942. См. также: FRUS. 1941. Vol. 1. P. 813–814; Шервуд Р. Указ. соч., Т. 1, С. 546.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2484, л. 46.

⁹ Как следует из служебной справки МИД СССР, подготовленной при первом издании «Переписки», «источники возникновения этого документа» несмотря на все розыски в Архиве МИД установить так и не удалось (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 82, оп. 2, д. 1091, л. 102).

¹⁰ См.: Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 19 августа 1941 г. // CAMO, Т. 1. С. 106.

¹¹ Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Welles), August 18, 1941. // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 56.

¹² Здесь и далее тексты посланий приводятся по: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: Политиздат, 1957 (далее — Переписка...).

¹³ Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с послом США в СССР Л. Штейнгардтом и послом Великобритании С. Криппсом, 15 августа 1941 г. // Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIV. М., Международные отношения, 2000. С. 238. См. также: FRUS. 1941. Vol. 1. P. 819–822.

¹⁴ Приём тов. Сталиным американского посла Штейнгардта и английского посла Криппса. 15 августа 1941 года // РГАСПИ, ф. 558, оп. 011, д. 363, л. 3.

¹⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2364, л. 364–365.

¹⁶ Штейнгардт — Молотову, 20 августа 1941 г. // РГАСПИ, ф. 558, оп. 011, д. 363, л. 4–5.

¹⁷ Memorandum by Harry Hopkins, September 26, 1941. // FDRL, Harry L. Hopkins Papers, Sherwood Collection, Box 306, Book 4.

¹⁸ FDRL, President's Secretary's File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 49.

¹⁹ The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt), September 29, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 836.

²⁰ FDRL, President's Secretary's File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 49.

²¹ The New York Times, October 10, 1941.

²² Тов. Сталину, 11 октября 1941 г. // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, л. 15–16.

²³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 11 апреля 1942 г. // CAMO, Т. 1. С. 158.

²⁴ Kimball W. F. Churchill & Roosevelt. *The Complete Correspondence*. Vol. I. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1984. P. 371.

²⁵ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1, С. 610.

²⁶ The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State, October 3, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 840.

²⁷ F. Roosevelt to H. Hopkins, October 25, 1941. // FDRL, President's Secretary File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 45.

²⁸ Memorandum of October 30, 1941. // FDRL, Harry Hopkins Papers, Sherwood Collection, Box 309.

²⁹ Butler S. *Op. cit.* P. 18.

³⁰ Из телеграммы посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел, 13 июля 1941 г. // CAMO, Т. 1. С. 64.

³¹ Стоит отметить, что в данной статье не приводится послание Рузвельта Сталину от 13 октября (текст см. в: Butler S. *Op. cit.* P. 46). Как было отмечено в предисловии к «Переписке» 1957 г., «послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину от 13 октября 1941 г., упоминаемое Р. Шервудом, было направлено Ф. Рузвельтом У. Черчиллю в копии для сведения, которая в октябре 1941 г. была передана английским министром Бивербруком советскому пол-

преду в Лондоне; однако каких-либо данных, подтверждающих передачу этого послания непосредственно американскими представителями советским, в архивах также не обнаружено» (Переписка..., Т. 1, С. 4).

³² Переписка..., Т. 2. С. 282.

³³ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о послании Президента США Ф. Рузвельта Председателю Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину 2 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: МФД, 2004. С. 163.

³⁴ To: Stalin October 30, 1941 // FDRL, PSF, SAFE File, Russia.

³⁵ Steinhardt to Vyshinsky, November 5, 1941 // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, лл. 44–48. Опубликованный текст см. в: Butler S. Op. cit. P. 49–51.

³⁶ Приём американского посла Штейнгардта 6 ноября 1941 г. // РГАСПИ, 558, оп. 11, д. 363, л. 50.

³⁷ Приём американского посла Штейнгардта 2 ноября 1941 г. // Там же, л. 23.

³⁸ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941–1945. М., Международные отношения, 1983. С. 59.

³⁹ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о послании Президента США Ф. Рузвельта Председателю Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину, 2 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 163.

⁴⁰ Приём американского посла Штейнгардта 6 ноября 1941 г. // РГАСПИ, 558, оп. 11, д. 363, л. 49–50.

⁴¹ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом в связи с передачей личного послания И.В. Сталина Президенту США Ф. Рузвельту, 6 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 167–168 (Курсив наш. — Авт.).

⁴² Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 8 ноября 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 138.

⁴³ Как отмечает У. Кимбэлл, перефразировка документов была «обычной практикой, используемой для недопущения взламывания противником шифров и кодов» (Kimball W. F. Op. cit., P. XIX).

⁴⁴ Известия. 1941. 9 ноября.

⁴⁵ Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании, 1 октября 1941 г. // ДВП. Т. XXIV. С. 347.

⁴⁶ Тудоряну Н.Л. Американский Красный Крест в СССР в годы Великой Отечественной войны. По архивным материалам. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 40.

⁴⁷ Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о Московской конференции трёх держав, 6 октября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 158.

⁴⁸ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с представителем американского Красного Креста Дж. Никольсоном об оказании помощи СССР по линии американского Красного Креста, 10 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 169–170.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 558, лп. 11, д. 363, л. 63.

⁵⁰ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2366, л. 26; Butler S. Op. cit. P. 54.

⁵¹ S. Welles to the President, November 21, 1941 // FDRL, PSF, Diplomatic Correspondence, Russia: 1941, Box 49.

⁵² Подчёркнуто Молотовым. См.: Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с представителем американского Красного Креста Дж. Никольсоном об оказании помощи СССР по линии американского Красного Креста, 22 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 177.

⁵³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 8 декабря 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 143. См. также: Remarks by the Ambassador of the Soviet Union (Litvinov) on the Occasion of the Presentation of Letters of Credence to President Roosevelt, [December 8, 1941]. // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 662–663.

⁵⁴ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 11 декабря 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 145.

⁵⁵ Из Вашингтона. Сталину. 14.XII.41 // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, лл. 72, 74.

⁵⁶ Из Вашингтона. Сталину. 19.XII.41 // АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2366, лл. 179–181.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1091, л. 104.

⁵⁸ Телеграмма посла СССР в США Народному комиссару иностранных дел СССР, 14 апреля 1942 г. // САМО, Т. 1. С. 163.

⁵⁹ Подробнее см.: Печатнов В.О. Сталин–Рузвельт–Черчилль: «большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО–Университета. 2009. № 5. С. 59–69.

⁶⁰ Butler S. Op. cit. P. 7.

Первые месяцы войны

воспоминания с заметками историка

И. И. Орлик*

Великая Отечественная война началась 70 лет тому назад. О ней написано так много, что, кажется, новая публикация вряд ли может что-либо добавить к тому, что уже известно. Но как рядовой участник Отечественной войны, должен сказать, что о ней известно далеко не все. Да, существуют многотомные специальные исследования, где скрупулезно изложены направления крупных сражений и локальных боев, печальных поражений и героических побед Красной армии, приведены подробные карты и стратегические планы. А сколько мемуарных трудов наших маршалов и генералов стоят на полках многих библиотек!

Что же известно о людском, человеческом восприятии войны, об отношении к ней моего рядового соотечественника? Как почувствовали начало войны, жившие в западной приграничной полосе? Все ли известно о крупных сражениях в начале войны? Что ощутили миллионы людей, оказавшись под властью жестокого врага? Как жили на оккупированной территории? Это лишь часть вопросов, ответы на которые далеко не полно дают авторы многих толстых книг и других публикаций.

Внезапные потрясения

Война началась для меня с первого ее дня — 22 июня, в небольшом городке Балта на севере Одесской области. Полдень. Я стою у окна. Из черной тарелки бумажного репродуктора звучит голос Молотова: «Вероломное нападение фашистской Германии...». У меня сжимаются

кулаки, и я все время твержу: «Ну и дадим же мы им... ну и дадут же им!».

Рядом — мама. Она плачет и все время повторяет: «Витя, Витя». Это мама о Викторе, моем старшем брате, призванном в прошлом году в армию и находящемся, судя по его письмам, где-то под Киевом.

Через час или два после выступления Молотова из-за забора раздается голос живущего в соседнем доме моего школьного учителя по русской литературе Петра Алексеевича Амосова: «Игорь, всех старшеклассников созывают в райком комсомола». Я тоже уже был старшеклассником. Только что сдал последний экзамен за 8-й класс.

Не помню, звучали ли у райкома какие-то речи, призывы. Кажется, нет. Слишком торопились уже сегодня, до темноты, выяснить, где и какие в городе есть подвалы, пригодные для бомбоубежищ. Немецкие самолеты уже бомбили находящуюся в 25 км от Балты железнодорожную станцию Котовск (на главном пути Одесса — Киев — Москва). Никаких других сведений не было, но железнодорожную станцию Балта, в 7 км от города (на пути Одесса — Харьков), пока не бомбили. Всех нас распределили по улицам. Мне достались 1-я, 2-я и 3-я Сенянские. Как-либо прочных подвалов там быть не могло: почти все дома, как и наш, были построены в лучшем случае из глинобитных кирпичей, а чаще представляли собой деревянный каркас с толстыми ивовыми ветвями, обмазанными глиной. Сырые заброшенные подвалы нашлись

* **Игорь Иванович Орлик** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

лишь в нескольких кирпичных домах. Вот их-то в течение двух-трех дней мы и очищали, проветривали, устанавливали там деревянные лавки.

А над городом, высоко в небе, уже раздавался гул немецких самолетов. Особенно угрожающим казался прерывистый рев самолета с двумя фюзеляжами, который мы прозвали «рамой». Да и позже все их так называли. Никакой противовоздушной обороны не было, иногда появлялись красноармейцы с длинными старыми винтовками. Прислонившись к стене, под прикрытием козырька низкой крыши нашего домишки они из обычной винтовки стреляли в немецкий самолет, летящий на высоте 1,5–2 тыс. метров! Воинских частей в городе тоже не осталось. Уже 22 июня пехотный полк, стоявший на северной окраине Балты, ушел в сторону Молдавии, до которой было менее 50 км. Небольшая по составу военная комендатура и несколько милиционеров — вот и вся охрана города. А охрана была необходима с первых дней, так как по ночам за городом, в небольших окрестных лесах, с немецких самолетов сбрасывались парашютисты-диверсанты.

К концу первой недели в основном из молодых ребят, главным образом старшеклассников, был сформирован истребительный батальон. Оружия у нас не было, если не считать нескольких учебных винтовок, взятых из школьных тиров и из городского общества ОСОАВИАХИМ, да наганов милиционеров, возглавлявших отдельные отряды нашего батальона. Утром отряды выходили за пределы города, прочесывали уже высокие к концу июня посадки кукурузы, виноградники, маленькие рощи, кустарники. Иногда мы находили брошенные парашютистами вещи и даже парашюты, но самих разведчиков-диверсантов, во всяком случае, нашему отряду, обнаружить и захватить не удавалось ни разу, хотя об их действиях сообщали многие люди, приезжавшие с железнодорожной станции Балта и бывшие свидетелями пожаров и взрывов на железнодорожных путях.

Сообщения о продвижении немецких войск в Западной Украине и Белоруссии были тревожными, но ритм жизни в городе пока еще не нарушался. Мы жили в полном неведении относительно нашего ближайшего будущего и даже не думали о том, что придется все бросить и бежать. Вскоре, однако, такие мысли стали приходить все чаще и чаще. В первых числах июля все население города — и стар, и млад — было призвано на земляные работы. Более двух недель под палящим южным солнцем мы примитивными до-

машними лопатами копали широкий, глубокий ров на западной окраине города. Ров должен был стать препятствием для немецких войск, прежде всего танков. Впоследствии выяснилось, что вся эта тяжелейшая работа нескольких тысяч балтян оказалась совершенно напрасной. В последних числах июля немцы вошли в город с востока, совсем с другого направления.

С середины июля над городом все чаще стали проноситься немецкие самолеты, обстреливавшие проезжавшие через Балту машины с ранеными солдатами. Иногда за городом раздавались взрывы бомб, а ровно через месяц после начала войны, 22 июля, в полдень, жестокой бомбардировке подверглась и сама Балта. Зрелище было страшное: дым, грохот, звон разбивающихся окон, хотя и заклеенных бумагой крест накрест. О наших глиняных бомбоубежищах никто не успел даже вспомнить. И если до сих пор и бомбоубежища, и противотанковый ров, и истребительный батальон, и даже глухой рёв высоко пролетающих немецких самолетов представлялись чем-то временным, то сейчас, когда на соседних улицах горели дома, а по узким переулкам бежали обезумевшие от страха люди, война стала реальной, физически ощутимой. Ближе к вечеру снова началась бомбежка. Бомбы падали вдоль протянувшейся с запада на восток через весь город улицы Котовского и совсем рядом, на Уваровскую. Горела швейная фабрика, горел только что построенный гастроном. Я узнаю о пожарах от пробегающих мимо нашего дома знакомых ребят. Кое-кто из них тащит мешки. Говорят, в городе (так мы называли центральные улицы) народ разбивает уцелевшие магазины и разбирает все, что только можно. Главным образом сахар, муку, крупы. Никто людей не останавливает. Милиции нет.

Вскоре мы узнали, что в городе вообще нет никакой власти: все работники райкома партии, горсовета, милиции и другое начальство уехали на грузовиках еще ночью, а их семьи, оказывается, были тайно вывезены неделей раньше. А ведь всего несколько дней назад на вопросы сотрудников детской поликлиники, где работала мама, что делать, городское начальство угрожающе заявляло: «Не паниковать! Паникеров будем арестовывать». Так, ровно через месяц после начала войны провинциальный городок Балта, но все же центр большого района, был брошен на произвол судьбы. 14 тыс. его жителей были в полном неведении, что делать дальше, откуда

могут появиться немецкие войска, куда бежать от них, где скрыться. Всем казалось, что спасенье на востоке, за Бугом. С наступлением ночи толпы людей стали покидать город.

Закрыв на маленькие крючки внутренние деревянные ставни разбитых во время бомбежки окон, заперев на маленький навесной замок дверь, мама, ее сестры Нюра, Женя и я в общей толпе беженцев двинулись на восток. Кругом были такие же, как и мы, — балтская беднота. Те, кто побогаче, купили повозки с лошадьми и уехали заранее. Дни бегства стали для нас тяжелейшим испытанием. Мы пережили голод, жажду, обстрелы немецких самолетов, бомбежку, лишь по счастливой случайности не оказавшуюся для нас роковой, встретились с немецким мотоциклетным десантом. Но главное — так и не сумели добраться до Буга. В поселке Кривое Озеро нас остановили румынские солдаты. Началась дикая вакханалия, массовый грабёж. Потом один из них несколько раз прокричал по-русски, что всем жителям Балты разрешается вернуться домой. Кое-кого из мужчин задержали, выделив в отдельную группу. Всех остальных солдаты погна́ли по улице. Началось тяжелое возвращение.

Битва под Уманью

Тысячи беженцев, скопившихся в Кривом Озере и окрестных селах, рассчитывали через день-два дойти до Буга, а за ним — двинуться далее, на восток страны. Оказавшись внезапно в окружении вражеских солдат, они не могли себе представить, что там, у Буга, шло одно из крупнейших сражений Отечественной войны.

Советские военные историки позже о нем совсем не писали¹. Да и нынешние отечественные исследователи отделяются скупыми, на 2–3 страницах, сведениями², ссылаясь на то, что, якобы, «имеющаяся в настоящее время в распоряжении историков информация весьма противоречива»³.

О многих обстоятельствах трагических событий, происходивших восточнее Кривого Озера, мне стало известно только через срок с лишним лет из книги бывшего военного корреспондента, известного советского поэта Евгения Долматовского «Зеленая брама»⁴. Его воспоминания участника боев, собранные им в течение длительного времени записи и рассказы других участников боевых действий в этом регионе, раскрыли весь драматизм обстановки, в которой оказались отступавшие советские армии, а с ними и мы — десятки тысяч беженцев.

Разрозненные сведения из различных источников дают мне — историку возможность хотя бы кратко восстановить ход драматических событий южнее Умани и северо-восточнее Кривого Озера в 20-х числах июля — первой декаде августа 1941 г., то есть в течение трех недель того жаркого лета.

Уже через месяц после начала войны был совершен прорыв немецких войск через Западную Украину и Молдавию к берегам Южного Буга между Уманью и Первомайском. Это был именно прорыв, так как севернее и южнее врезавшегося в советскую территорию клина находились советские армии.

Почему изменилась стратегия германского командования, стремившегося прежде всего захватить Киев? Из записей в военном дневнике верховного главнокомандования вермахта (26 июня — 24 июля 1941 г.) видны сомнения Гитлера: «Куда повернуть — на юг или на север?». «Это будет самым тяжелым решением этой войны» (4 июля)⁵. 17 июля фюрер дает указание «перерезать тыловые коммуникации 6-й и 12-й русских армий»⁶.

Именно эти две советские армии, с боями отходя от западной границы, затем в течение трех недель сдерживали продвижение на юго-восток Украины мощнейшего объединения войск гитлеровской коалиции: германских, румынских, венгерских и итальянской дивизий.

В пространной директиве фюрера № 33 от 19 июля подчеркивалось: «Важнейшая задача — концентрическим наступлением западнее Днестра уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника, не допуская их отхода за реку»⁷. 27 июля в беседе с генералом Йодлем Гитлер возражает против наступления на Москву и взятия Киева, «указывая на необходимость как можно скорее овладеть Донецким промышленным районом...»⁸. 28 июля он «вновь подчеркивает свое мнение, что для него большее значение имеет промышленный район Харькова, нежели Москва»⁹. 4 августа он заявляет: «в первую очередь повернуть крупные силы группы армий «Центр» на юго-восток»¹⁰.

Вот почему южнее Умани, вдоль реки Синюха до ее впадения в Южный Буг сосредоточились войска гитлеровской коалиции, в том числе германские 16, 11 и 9 танковые дивизии, две механизированные (16-я и «Адольф Гитлер»), 297, 24, 125 и 97 пехотные дивизии, 1-я и 4-я горнострелковые, 157-я и 96-я пехотные и другие дивизии, венгерский и румынский корпуса, итальянская

дивизия. Всего 22 дивизии со всевозможными средствами усиления. Их поддерживали более 700 бомбардировщиков и истребителей. Только немецкие дивизии насчитывали более 100 тыс. человек, 3 тыс. орудий и более 200 танков.

Всей этой огромной военной группировке противостояли 6-я и 12-я армии: около 130 тыс. человек, более 1 тыс. орудий, 384 танка¹¹.

О боевых действиях в этом регионе известно мало. Даже в таком авторитетном издании, как «История Великой Отечественной войны», содержится всего лишь краткая, без каких-либо объяснений причин поражения двух армий констатация, что окруженные войска вели героическую борьбу до 7 августа, а отдельные отряды — до 13 августа, пока не иссякли возможности сопротивления.

6-я и 12-я армии, которые, отступая и сохраняя силы, с первых часов войны вели упорные бои, к 25 июля оттесненные в район Умани были окружены превосходящими силами противника.

Установить основные направления боевых действий сейчас без материалов военных архивов практически невозможно. Известно только, что в конце июля немецкие танковые дивизии генерала Э. Клейста прорвались к Новоархангельску, а затем вышли к Первомайску. Прорваться к Умани они не смогли, так как сохранившая боеспособность пришедшая на помощь 11-я танковая дивизия в боях с 21 по 23 июля нанесла большие потери противнику, который вынужден был отступить.

Севернее и восточнее Новоархангельска шли ожесточенные бои с тремя немецкими танковыми дивизиями. На юге и юго-западе противник сконцентрировал две немецкие горнострелковые дивизии, венгерский и румынский корпуса. Сюда же направлялась итальянская дивизия.

Об огромных масштабах и предельной напряженности сил обеих сражавшихся сторон свидетельствуют лаконичные ежедневные записи в военном дневнике начальника Генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера.

24 июля. Силы 6-й (немецкой. — *Авт.*) армии «разбросаны на большой территории. Масштабирование сил на направлении главного удара отсутствует!»¹². 26 июля. «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения... большое искусство, с которым он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их...».

Здесь же, в дневнике, Гальдер подчеркивает, что перед ними «совсем другой противник»¹³. С 29 по 31 июля — записи о локальных окружениях и прорывах танковых групп западнее и севернее Первомайска, бои и локальные окружения у Первомайска, Вознесенска; продвижение на Александрию; окружение отдельных групп юго-восточнее Умани¹⁴.

Военная ситуация изменялась буквально с каждым часом. 1 августа ночью группа советских войск и ее штаб оставляют Умань. Ранним утром Военный совет 6-й и 12-й армий, объединенных в «группу Понеделина», сообщает командованию Южного фронта и Государственному комитету обороны: «Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено полностью. ... Резервов нет. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка — Новоархангельск. Боеприпасов нет. Горючее на исходе».

Однако в ответ приходит указание: «Прочно удерживать занимаемые рубежи»...¹⁵. А затем — «новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения»¹⁶.

В первых числах августа бои приняли особенно ожесточенный характер, несмотря на окружение многих воинских частей 6-й и 12-й армий. 2 августа бои шли у Первомайска, где немцы смогли замкнуть кольцо окружения. В районе села Подвысокое бои шли днем и ночью в течение нескольких дней. До 13 августа сопротивлялась большая группировка войск в лесу восточнее села Копенковатое¹⁷.

Некоторым группам удавалось прорваться и выйти из окружения. Но не всем. Генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко — командующий 6-й армией и генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин — командующий 12-й армией «предпринимали все меры, возможные в сложнейшей обстановке... вместе с бойцами пошли в прорыв, показывая пример личной храбрости и отваги»¹⁸. Но 6 августа в рукопашном бою с превосходящими силами противника был схвачен Понеделин, а тяжело раненный в подбитом танке Музыченко также попал в плен.

После трех недель отчаянных боев обе армии потерпели тяжелое поражение. Это было одно из первых проигранных сражений Красной армии в самом начале войны.

И все же битва под Уманью с немецкими войсками, которую вели 6-я и 12-я армии, фактически сорвала план Гитлера захватить Киев, Днепропетровск, Запорожье, Донбасс уже в июле 1941 г. На три недели «задержались» под Ума-

нию 22 немецкие дивизии и почти все войска сателлитов. Это дало возможность отошедшим на восток Украины войскам закрепиться на новых рубежах, одновременно началась и продолжалась эвакуация Днепропетровска, Запорожья, Кривого Рога, Днепродзержинска, Никополя и других промышленных городов.

Маршал авиации В. А. Судец, позже говоря о роли 6-й и 12-й армий в битве под Уманью, отмечал, что если бы не их отчаянные бои в окружении, вряд ли удалось бы эвакуировать заводы Запорожья, сыгравшие такую великую роль для поворота к победе. На Урал и в Сибирь было отправлено 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием. Несколько миллионов жителей восточной Украины смогли избежать вражеской оккупации.

В ходе битвы под Уманью здесь были сосредоточены огромные силы войск гитлеровской коалиции. Это дало возможность многим воинским частям Красной армии с боями пройти севернее Умани на восток и затем выйти к Запорожью. Об этом мне еще в конце 1950-х годов рассказывали мой былой однокурсник по истфаку МГУ Константин Тарновский и коллега по кафедре в МГИМО Николай Иноземцев, артиллеристы которых прошли долгий боевой путь от западной границы до Днепра¹⁹.

Именно здесь, у Днепра, за три недели боев под Уманью удалось сосредоточить дивизии Красной армии для противодействия продолжавшим наступление немецким войскам.

Конечно, обо всех этих событиях мы, беженцы, остановленные в Кривом Озере румынскими солдатами, ничего не знали. Подгоняемые прикладами ружей, а то и выстрелами, мы толпами возвращались кто в Балту, кто в Котовск или другое место своего бывшего жительства.

Дорога в Балту оказалась еще более продолжительной и тяжелой, чем бегство. Мы возвращались другой, длинной дорогой, по территории, уже оккупированной врагом. В первую же деревню нас не пустили немецкие солдаты. Пришлось обходить через поле, а затем снова выбираться на дорогу. Постепенно толпа беженцев рассредоточилась. Шли отдельными небольшими группами. Мучили жара и жажда. Но напиться удавалось только у колодцев, стоявших в стороне от занятых немцами сел и деревень. Что мы ели и ели ли вообще что-нибудь за эти дни тяжелого пути, я не помню. Ночевали в сараях, куда нас четве-

рых пускали хозяева, либо в пустом загоне для скота. Как-то вечером тетю Нюру узнала одна из ее пациенток в балтской поликлинике и дала нам еды. В дом не пустила — немцы. Они находились здесь уже не один день. Так что и Балта, скорее всего, уже была занята врагом. К чему мы придем?

1 августа, к вечеру, мы наконец вошли в Балту. Непонятно откуда взялись силы, но мы бросились к своей Сенянской улице бегом. Вбежали во двор и увидели, что в соседнем доме, где жил мой школьный учитель, двери и окна нараспашку, а молодые парни и мальчишки вытаскивают оттуда мебель и домашнюю утварь. И вдруг я слышу: «Эй, Орлик, малой крест, тут будет гетто». Это был Ванька М. (не стану называть его фамилию, поскольку мои воспоминания могут прочесть его внуки или правнуки). Ванька, как мы все в школе его называли, учился классом старше меня, а по возрасту был и того старше. На левом рукаве его пиджака я увидел широкую белую повязку с синей печатью со свастикой в центре и надписью латинским шрифтом «полицай».

Наконец дрожащими руками мама открыла навесной замочек. Внутренние ставни в окнах были закрыты. Значит, за время нашего отсутствия здесь еще никто не побывал. Между тем за забором стояли мальчишки, которые еще две-три минуты назад были готовы ринуться и в нашу квартиру. Полицай ушел. «Не открывайте ставни!», — взволнованным голосом сказала мама и бросилась на колени перед нижним ящиком старенького комода. Вытащила защитную офицерскую гимнастерку с красными петлицами, на которых блестели по две темно-красные эмалевые шпалы, офицерские галифе и офицерский зимний шлем с большой красной звездой. Полный комплект обмундирования командира Красной армии еще в конце зимы прислал мне из Москвы мамин брат — дядя Шура, инженер химических войск, после того как побывал в начале года у нас в Балте и увидел мою скудную одежку. У мамы руки не дошли до перешивки, потом началась война, и мы забыли об этом дядином подарке. Страшно подумать, что ожидало бы нас, если бы немцы или румыны, или полицай Ванька обнаружили у нас одежду советского командира. Поэтому первым делом мы спорили петлицы со шпалами, разрезали командирский шлем со звездой, закопали все это за домом, а распоротые по швам гимнастерку и брюки

мама тут же принялась красить в черный цвет. Поставила на керосиновый примус ведро с водой и положила туда два пакета краски, которая у нас была всегда, поскольку в те бедные времена мы часто перекрашивали и перелицовывали выгоревшие вещи. А я тем временем в полной темноте остатками белил выводил полузасохшей кистью на двери нашего дома большой православный крест. Я явно перестарался — крест получился больше метра. Зато он был хорошо виден даже с улицы и впоследствии часто спасал нас от многих неприятностей и угроз.

Очень трудно и, откровенно говоря, тяжело вспоминать, а тем более описывать свою жизнь за время оккупации. 32 месяца физических и моральных страданий, страха, угрозы жизни, полного неведения и безнадежности. В первые дни после возвращения в Балту мы были очень подавлены. Город был занят немецкими и румынскими войсками за два дня до нашего прихода. Говорили, что на северо-восточной окраине несколько дней шли бои и часть города дважды переходила из рук в руки. Тем не менее к 1 августа в Балте уже была не только немецкая военная комендатура, но и быстро сформированная полиция из местных городских и сельских, в основном, молодых парней, вроде Ваньки М.

Грабежи продолжались. На другой день утром к нам явились два румынских вооруженных солдата. Выгнав нас во двор, они вошли в дом. Через разбитые окна я видел, как они выдвигали ящики комода, вытаскивали из ящика буфета ложки, ножи и вилки. Отобрали понравившиеся, а остальные швырнули обратно. Поживиться у нас было нечем, и они скоро ушли. Но такое повторялось несколько раз в течение первых дней. Немцы проходили мимо, что-то говорили, глядя на большой белый крест на двери, но не зашли ни разу.

Утром, отправившись в соседний двор к колодцу, я увидел большую группу веселившихся солдат в форме, не похожей ни на немецкую, ни на румынскую. Оказалось, это итальянцы. Еще через несколько дней в поисках еды я рискнул зайти на близко расположенный от нашего дома базар. Всю площадь занимала толпа вооруженных солдат уже в другой форме. Слышалась совершенно незнакомая мне речь. Это был венгерский батальон. Таким образом, в Балте была представлена почти вся гитлеровская коалиция.

Вскоре на всех улицах, на стенах домов, появились угрожающие распоряжения на немецком и русском языках, требующие полного подчинения всем приказам немецкой комендатуры и содержащие строгое предупреждение о том, что за сокрытие беглых военнопленных и коммунистов последует суровое наказание, вплоть до расстрела. Такая же угроза распространялась на тех, кто будет помогать евреям либо прятать их у себя. Здесь, я должен сказать о драматической для моего городка, особой ситуации. Примерно половину населения Балты составляли евреи. Большинство из них проживало на трех Сенянских и Кузнечной улице, которые и были определены в качестве территории гетто. Никаких оград или проволочных заграждений не было установлено, но выходить за пределы гетто евреям строго запрещалось. Русские и украинцы, как и мы, должны были выделить свой дом крестом. Распоряжения немецкой военной комендатуры, регламентирующие поведение горожан, были отнюдь не простыми угрозами. На южной окраине города, за старым кладбищем, немцы вскоре расстреляли более ста человек — пойманных военнопленных, коммунистов из соседних сел, многих евреев. Среди погибших оказалась наша знакомая — 70-летняя врач из поликлиники, где работала моя тетя.

По городу вскоре были расклеены большие объявления на русском и на румынском — декрет об установлении румынской администрации на всей территории между Днестром и Бугом, получившей название «Транснистрия». Судя по декрету, все эти земли, включая Одессу, которая не сдавалась еще до середины октября, отходили к Румынии. В декрете были столь же грозные предупреждения относительно полного подчинения населения румынским властям, как в прежних немецких распоряжениях.

Городская управа издала приказы об обязательном участии всего населения в выполнении «трудовой повинности». Это совпало со слухами о вывозе на работу в Румынию молодых людей. Из Балты пока еще никого в Румынию не отправляли, но приезжавшие из окрестных сел знакомые сообщали о таких насильственных отправках из поселков севернее Балты. Поэтому каждый раз, когда местные полицейские в сопровождении вооруженных румынских солдат проходили по домам вдоль улиц и выгоняли на работу молодых ребят, каждый со страхом ожидал возможной отправки в Румынию. Однако пока все ограничивалось полевыми работами на уборке кукурузы

и свеклы. Часто в одной «бригаде» оказывались ребята из моей школы, а то и одноклассники. Тогда становилось и легче, и даже веселее. Помню один такой осенний день, когда под присмотром стоявшего на краю поля солдата мы, чуть не половина бывших двух 8-х классов «а» и «б», копали и дергали из мокрой земли белую сахарную свеклу. Вдруг одна из девочек (жаль, забыл ее имя и фамилию), всегда отличавшаяся озорством, громко запела всем известную песню: «На просторах родины чудесной, закалялась в битвах и труде...». На мгновение мы все обмерли, а затем дружно подхватили: «Мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Солдат, ничего не понимая, посмотрел на нас и пошел вдоль поля, а мы громко распевали припев к песне и лишь чуть потише — имя вождя. «Выгоны», как мы их называли, происходили все чаще, и не только в поле, но и на другие тяжелые работы — погрузку отправляемого в Румынию зерна или станков и оборудования с мебельной фабрики и других мелких предприятий.

Первой проблемой, с которой столкнулись мы сразу после возвращения в Балту, — это отсутствие продуктов. Никаких запасов дома не было. Рынок пустовал. Но уже через неделю-две в город потянулись крестьянки из ближайших сел с корзинами и мешками, чтобы обменять хлеб, масло, овощи на вещи, главным образом одежду. Вот и пришлось нам из своего и без того скудного гардероба отбирать рубашки, кофты, постельное белье, коврики для обмена на еду, прежде всего хлеб.

Поздней осенью к нашему полуголодному существованию, а подчас и голоду, добавился еще и холод. Осень и начало зимы 1941 г. оказались на редкость холодными. Дождей и снега не было, но уже в конце октября неожиданно подули ледяные ветры, а затем ударили и весьма редкие для наших южных краев морозы. Сначала на топку пошли все заборы, потом чахлые деревья и кустарники. Темными вечерами, а то и ночью я пробирался в соседний заброшенный еще до войны глиняный домик и вытаскивал оттуда все, что могло гореть. Мой «промысел» был и тяжелым и опасным — по улице ходили румынские патрули и открывали стрельбу при любом подозрительном шуме. После каждого такого «рейда» мама и обе тети со слезами на глазах умоляли меня покончить с этим опасным занятием, но снова надвигалась морозная ночь и я опять отправлялся за дровами. Так промышлял не я один.

Начало борьбы

Когда я пытаюсь воспроизвести в памяти осенние месяцы 1941 г., то как бы ощущаю то состояние всеобщего оцепенения, покорности судьбе, в котором пребывали мы — жители маленького южного городка, оккупированного врагом, особенно после падения в середине октября Одессы. На что можно было надеяться?

По тротуарам Уваровской улицы, выложенным старыми, плохо отделанными, но отполированными за многие десятилетия гранитными плитами, чеканили шаг в подбитых подковами сапогах патрули немецкой комендатуры. Вечером в темноте высвечивались их нагрудные длинные бляхи с фосфоресцирующей свастикой. По утрам румынские солдаты гнали на полевые работы за город молодых ребят. По Кузнечной и Сенянской гнали из гетто толпы евреев на загородный кожевенный завод или еще куда-нибудь. Казалось, кто мог воспротивиться такой военной силе — гестапо, обосновавшемуся в старой школе-четырёхлетке, где я начинал учиться в 1933 г., румынской жандармерии, полиции, которые знали почти всех и за всеми следили? Ни мне, ни моим друзьям по школе, даже и более старшим тогда и в голову не приходило, что можно бороться с оккупантами. Выжить, избежать отправки в Германию или Румынию — вот, что нас волновало больше всего. Ну и, конечно, — не умереть от голода и холода.

Ни в конце 1941 г., ни в последующие два с лишним года большая часть населения на оккупированных землях, не выражая симпатий и поддержки оккупантам, тем не менее вынуждена была мириться со своим тяжелым положением. Можно ли их винить за это? Ведь не они были повинны в том, что произошло. Но были и те, кто не только пытался вселить надежду на освобождение, но сам и боролся за это. Сначала их было немного, однако с каждым месяцем становилось все больше и больше. Только на Балте и в балтском районе в подпольной партизанской организации и во многих группах партизан насчитывалось несколько сот человек. Как это начиналось?

Мой школьный приятель Саша Ткачук как-то показал мне небольшую листовку, кем-то привезенную из Одессы. Это было обращение к гражданам Одессы и Одесской области. Не помню содержания листовки, но помню, что она была очень краткой, призывала к оружию, к борьбе с оккупантами и стала для меня первым свидетельством того, что где-то разворачивается

сопротивление врагу на занятой им нашей земле. Позже я узнал, что уже осенью 1941 г., еще без какого-либо организационного оформления зародились первые немногочисленные группы единомышленников, вскоре ставших подпольщиками — активными борцами против оккупантов в Балтском и соседних районах. Сейчас трудно установить, когда оформились первые небольшие подпольные группы. Очевидно, они появились уже в октябре–декабре 1941 г. Возможно, именно тогда о них стало известно руководителям партизанского подполья в Одессе. Не случайно преподаватель Одесского университета Татьяна Борисовна Брагаренко была направлена ими в Балту для организации подпольной работы в городе и районе. Владея немецким языком, она устроилась на работу машинисткой в румынской городской управе.

Брагаренко начала свою деятельность в Балте, имея уже нескольких помощников. Среди них были учитель физкультуры моей школы Николай Осокин и его жена Валентина, учитель 1-й украинской школы, приятель моего старшего брата Виктора Виталий Деренянюк, мои старшие товарищи по школе, окончившие ее в 1941 г., Оскар Шмальц и Юрий Гаудич. Как свидетельствуют документы Одесского архива, началась деятельность подпольной группы, которая сначала состояла из 11 человек, потом превратилась в крупную подпольную организацию, включавшую несколько подпольных групп Балтского и соседних с ним районов.

Со временем Балтская подпольно-партизанская организация стала одним из самых крупных и разветвленных партизанских соединений. По количеству участников и по масштабам действий она была второй после Одесского объединения. В силу объективных условий руководители балтского подполья не имели возможности сформировать многочисленный партизанский отряд, но фактически таким отрядом являлась разветвленная система партизанских групп, которые были не только в Балте, но и во многих селах балтского и соседних районов²⁰.

Став связным балтского подполья, я выполнял задания по связям примерно с четырьмя или пятью партизанскими группами. А ведь таких связных, вроде меня, было немало. Каждая из партизанских групп включала от 5 до 10 человек. Были группы и более 15 партизан — это уже целый отряд.

Борьба балтских партизан, их успехи и тяжелые поражения — тема отдельного рассказа²¹.

После освобождения Балты 29 марта 1944 г., перезахоронив тела 50-ти расстрелянных гестаповцами партизан-подпольщиков, большинство их друзей ушли на фронт. Для меня это был 230-й армейский стрелковый полк 53 армии 2-го Украинского фронта. Пройдя через Молдавию, мы участвовали в Ясско-Кишиневской операции, затем в боях на подступах к Бухаресту, в Трансильвании и Восточной Венгрии, взятии Будапешта, освобождении Словакии и, наконец, в освобождении Праги. Но впереди еще была война с Японией. И только к новому, 1947 году, после демобилизации я вернулся в Балту. Впереди была вся жизнь. Только почему она так быстро проходит?

Никто не забыт, ничто не забыто?

Почему через столько лет (десятилетий!) меня все еще волнует память о начале войны, о неудавшемся бегстве, о друзьях партизанах-подпольщиках (погибших и оставшихся в живых), о фронтовых дорогах?

Почему волнует ставшая известной через много лет после войны судьба 6-й и 12-й армий, трагедия двух командармов?

Очевидно, потому, что судьба моя, моих близких, тысяч беженцев, попавших в окружение вместе с 6-й и 12-й армиями, была определена сражением под Уманью. А еще память не дает успокоить жестокая несправедливость, проявленная к некоторым героям войны, да и ко многим другим ее участникам. Вот лишь один из трагических фактов:

Ровно через 10 дней поле того, как командарм 12-й армии попал в плен, 16 августа 1941 г. последовал Приказ Ставки Верховного Главного командования Красной армии № 270. В приказе, в частности, отмечалось: «Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим... Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, трусил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги»²². Далее следовал приказ уничтожать трусов и дезертиров, а их семьи «подлежат аресту»; «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»²³.

«Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах»²⁴.

Приказ подписали Сталин, Молотов, Бурденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков.

Е. Долматовский и К. Симонов, знавшие подлинные обстоятельства пленения двух командармов, позже утверждали, что приказ № 270 — это «бесчестная попытка свалить на них ответственность за все, что произошло на Южном фронте»²⁵.

В плену П. Г. Понеделин «держался мужественно и с достоинством»²⁶. Но после возвращения из плена в 1945 г. его арестовали, судили (с формулировкой приказа № 270) и в 1950 г. он был расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Командарм 6-й И. Н. Музыченко, находясь в плену, тоже «вел себя достойно и мужественно»²⁷. О его судьбе были разные сведения. Но, согласно последней публикации, в 1947 г. (ему было 46 лет) он был «уволен в отставку по болезни» и прожил до 1970 г.

Кроме двух командармов, в результате поражения 6-й и 12-й армий в плен попали четыре командира корпуса, 11 командиров дивизий. Погибли два командира корпуса и шесть командиров дивизий²⁸. Именно их и обвинила Ставка в гибели обеих армий.

Только лишь в 1998 г. впервые было весьма лаконично сказано, что поражение под Уманью двух советских армий было результатом ошибок Ставки и командования Южного фронта²⁹.

Современные отечественные историки, вторю, мало внимания уделяют исследованию неизвестных страниц начала Великой Отечественной войны, в том числе и битве под Уманью. Даже некоторые разрозненные свидетельства говорят об огромном сражении южнее Умани. Не зря, видно, немецкие мемуаристы и историки озаглавливали свои публикации и даже книги — «Битва под Уманью».

О том, что это было одно из первых сражений Великой Отечественной войны, подтверждают многие факты, скрупулезно собранные на протяжении многих лет не военным историком, а поэтом Евгением Долматовским. В качестве корреспондента армейской газеты он был в самой гуще событий, участвовал в боях, оказался в плену в знаменитой «Уманской яме», куда сгоняли тысячи пленных советских солдат и командиров. Ему удалось бежать из плена.

О битве под Уманью знал и лишь немного написал Константин Симонов.

Еще не исследованы многие документы военного архива в Подольске и в других архи-

вах, в том числе личные архивы Долматовского, Симонова, других участников войны. А ведь по свидетельству Е. Долматовского в военном архиве есть специальный фонд 6-й армии. В архиве Симонова — большая папка «Южный фронт».

Речь идет не только о битве под Уманью, но и, вообще, о начальном периоде войны и о многом другом из истории Великой Отечественной войны.

Оба фронтовика, Долматовский и Симонов, не раз с сожалением говорили: как много еще не рассказано о войне. Но и сейчас, через 70 лет после начала войны, приходится повторять эти грустные слова. А кто может рассказать? Ведь нас, участников войны, с каждым днем остается все меньше и меньше. Еще два-три года, ну, скажем, пять лет, и нить памяти оборвется. Навсегда.

Полную, и главное, объективную оценку многим событиям военного времени должны дать не только участники войны и историки, но и государственные деятели, власть страны.

Сколько времени и усилий потребовалось, чтобы, преодолевая сопротивление власти, восстановить честь и достоинство защитников Брестской крепости, воздать должное их стойкости и героизму. Так может и битва под Уманью сейчас, спустя семь десятилетий, заслуживает признания как героический подвиг и солдат и генералов, которые впервые оказали врагу столь мощное и продолжительное по тем временам сопротивление. Битва под Уманью не должна быть предана забвению, как и подвиг всех защитников Отечества в первые месяцы Великой Отечественной войны.

И еще. О памяти. Но не о военных битвах. А о людской, человеческой драме. Большим и совершенно неоправданным «провалом» нашей памяти остаются трагические обстоятельства жизни людей на огромных территориях, оккупированных врагом в начале войны. Ведь речь идет о судьбе десятков миллионов людей. Как мало, а подчас и вовсе неизвестно о борьбе подпольщиков-партизан в небольших городах и селах, сколько тысяч имен тех, кто самоотверженно боролся за жизнь и свободу, преданы забвению и стерты в памяти даже их прямых потомков.

В истории народов бывают такие эпохальные события, которые не могут, не должны быть преданы забвению. Без знания, без памяти о них

теряется жизненность народа, его сила, воля, самосознание, нравственность и, в конечном счете — вера в собственное будущее. Кто-то скажет, что это — громкие слова, но я уверен, что в этом — суть необходимого отношения к своему недавнему прошлому народа России, пережившего в середине XX в. гигантское трагическое потрясение, вошедшее в нашу историю под названием Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Все меньше остается участников, свидетелей, да и просто современников тех событий. Все меньше правдивых, отражающих реальность того времени сведений доходит до молодых людей, которые вступают в сознательную жизнь в начале нового, XXI века. Может быть, мой краткий очерк побудит кого-нибудь из них более серьезно задуматься над прошлым своей страны, над жизненным подвигом их прадедов и дедов в середине прошлого века.

¹ См. *Анфилов В.А.* Грозное лето 41-го года. М., 1995; его же: Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1956; История Великой Отечественной войны. М., 1977.

² См. Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 186–188.

³ Там же. С. 189.

⁴ *Долматовский Е.* Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. Изд. 2-я. М., 1985.

⁵ Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Том 2. М., 1973. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Цит. по: *Дашичев В.И.* С. 208.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 186.

¹² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942. Том 3. Кн. 1. М., 1971. С. 180.

¹³ Там же. С. 181, 195.

¹⁴ Там же. С. 206, 213, 214, 219, 224.

¹⁵ Цит. по: Долматовский Е. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 188–189.

¹⁸ Долматовский Е. С. 74.

¹⁹ См. также Иноземцев Н. Фронтовой дневник. 2 изд. М., 2005. С. 58.

²⁰ Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. Т. 2. Одесса, 1949; Одесская область в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Документы и материалы. Одесса, 1970.

²¹ См. Орлик И. И. В Балтском подполье. Новая и новейшая история. 1988. № 6; его же: В подполье и на фронте. Новая и новейшая история. 1965. № 3; его же: Моя военная юность. М., 1965.

²² Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 27.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же.

²⁵ Доламовский Е. С. 269.

²⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 728.

²⁷ Там же. С. 585.

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. С. 189.

²⁹ Там же. С. 188.

Цели Германии в войне против СССР

В. Н. Богданов*

Анализируя цели, безусловно агрессивные, которые преследовала Германия в Восточной Европе и в СССР во Второй мировой войне, для истории важно сопоставить, насколько они отличались от целей, преследовавшихся ею в восточноевропейских странах в годы Первой мировой войны. Сравнение целей Германии в двух мировых войнах позволяет достаточно уверенно говорить о том, что они обнаруживают большое сходство, даже в деталях. Это необходимо для осознания того, что же произошло с германским обществом и его правящими кругами в годы самой страшной в истории человечества войны, откуда появилась ненависть к другим нациям, геноцид населения на захваченных территориях, экспансионизм, теория расового превосходства.

Стоит подчеркнуть, что до Первой мировой войны и сразу после нее, то есть до появления Гитлера на политической сцене и независимо от этого появления, германское общество было достаточно серьезно пронизано экспансионистскими идеями. Лозунг о «жизненном пространстве» на Востоке, разнообразные геополитические планы территориального расширения за счет других государств, расовые и колонизаторские идеи, агрессивные внешнеэкономические установки, а также возникшие после поражения Германии в Первой мировой войне и революций в России и Германии в 1917–1918 гг. реваншизм и антибольшевизм являлись составной частью идеологии германских правящих кругов¹.

Цели в Восточной Европе, которые рассчитывали достичь в ходе войны 1914–1918 гг. влиятельные круги германского крупного капитала, землевладельцев и националистически настроенной интеллигенции, с самого начала имели бесчеловечный характер. Они, в частности, предусматривали ослабление «русского врага» путем сокращения численности его населения и предотвращения в дальнейшем любой возможности его роста. Представители крупной промышленности Германии открыто демонстрировали огромный интерес к овладению экономическими ресурсами России, особенно Украины и Кавказа (марганцевая руда, железо, нефть, другие полезные ископаемые). Получившие достаточно широкое хождение в германском обществе в начале XX в. положения национальной идеологии, такие как «германский дух», «варвары с востока» и т. п., позже использовались в нацистских декларациях и заявлениях.

Однако во Второй мировой войне цели, которые Германия ставила перед собой на Востоке, приобрели новое качество и иной масштаб. Об этом свидетельствуют планы аннексии по установлению германского господства на Востоке вплоть до границ Азии, программа колонизации и экономического ограбления захваченных территорий, долгосрочные империалистические экономические и военно-стратегические установки. Методы достижения этих целей также изменились, они стали откровенно преступными: уничтожение так называемого «еврейского большевизма» и всех форм советской

* Виталий Николаевич Богданов — ведущий научный сотрудник Института военной истории, кандидат военных наук, старший научный сотрудник.

государственности, политика истребления людей, приобретшая масштаб геноцида.

Программные цели в Восточной Европе, равно как и образ России, сформировались у Гитлера под влиянием пропаганды времен Первой мировой войны, известных ему установочных документов тех лет о военных устремлениях Германии и «практических знаний» о восточном соседе, почерпнутых им при общении с германскими военными и политиками. После революций в России и Германии к этому добавилось активное неприятие большевизма и рабочего движения.

Все это, а также стремление к реваншу и новой германской экспансии на Востоке роднили Гитлера со многими видными представителями германских элит. Но, в отличие от них, нацистский лидер был ярким сторонником идеологии геноцида, истоком которой стала совокупность реакционных, бесчеловечных идей, которые уже долгие годы, если не десятилетия имели хождение в определенных кругах Германии и других стран. Без понимания этой идеологии невозможно объяснить сущность войны на уничтожение, которую вел германский нацизм на Востоке.

В исторической науке и в средствах массовой информации западных стран, в первую очередь в ФРГ, вплоть до 80-х годов прошлого столетия считалось общепризнанным, что цели агрессии Германии против Советского Союза были последовательным результатом нацистской идеологической «восточной программы», направленной на завоевание «жизненного пространства». Общая позиция при этом сводилась к следующему положению. В июне 1941 г. началась реализация Гитлером его подлинных, идеологически мотивированных намерений, в которые были включены традиционные для Германии того времени гегемонистские требования. Германия в войне против Советского Союза стремилась не только к захвату его территории, но и преследовала цель уничтожить советский общественный строй. В этом состояло отличие войны нацистской Германии против СССР от войн, которые она вела против других европейских стран. Так, Гитлер признавался М. Борману, что целью всей его жизни и смыслом существования национал-социализма являлось уничтожение большевизма².

Нападение на Советский Союз произошло несмотря на то, что с августа 1939 г. между СССР и Германией действовал пакт о ненападении, а с сентября 1939 г. — договор о дружбе и границе.

В течение срока действия этих договоров «Третий рейх» не отказывался от программы действий на Востоке, от завоевания «жизненного пространства»³.

Пакт о ненападении и договор о дружбе и границе для германских правящих кругов являлись тактическим шагом. Они были необходимы прежде всего для решения ближайшей задачи — захвата Польши. А в ходе Западной кампании договор был использован Германией для прикрытия своего тыла. После разгрома Франции и покорения почти всей Западной Европы Гитлер уже не нуждался в союзе с СССР. Таким образом, с точки зрения большой стратегии Советский Союз продолжал оставаться и после подписания договоров главным противником Германии, для борьбы с которым ей необходимо было укрепиться путем завоевания господствующего положения в большинстве стран Европы.

Гитлер и представители германского руководства не скрывали этого в своем узком кругу, хотя в открытой пропаганде после 23 августа 1939 г. избегали каких-либо антисоветских высказываний и выступали за поддержание с СССР деловых связей. В конечном итоге нацистская Германия развязала против СССР войну на уничтожение, обусловленную политическими, экономическими и расово-идеологическими факторами. Этот вывод основывался на результатах многочисленных фундаментальных исследований.

Не подвергалось сомнению и то, что проблема мотивации решения о войне против Советского Союза, принятого Гитлером летом 1940 г., могла быть достигнута только в контексте долгосрочных военно-политических целей «третьего рейха», а именно: мирового господства Германии. Намерение Гитлера напасть на СССР было органическим следствием его «восточной программы» и вытекало из сложившейся в 1940 г. в Европе военно-стратегической ситуации.

Антисоветская в своей основе внешняя политика фашистской Германии не исключала борьбы против западных демократий. Предпринятые нацистами агрессивные действия на Западе способствовали увеличению Германией своих материальных ресурсов, а также устранению возможности создания системы коллективной безопасности в Европе, которая могла помешать осуществлению германских военных планов.

Вопрос о последовательности агрессивных акций Германии рассматривался нацистским

руководством еще до начала Второй мировой войны. В Германии были выпущены заштрихованные контурные карты, отображавшие расширение Германии с начала 1938 г. Сверху над картой обозначалась приблизительная дата, а ниже — присоединяемая в это время территория. Планировалась следующая последовательность создания Великой Германии: весна 1938 г. — аннексия Австрии; осень 1938 г. — Чехословакии; весна 1939 г. — Венгрии; осень 1939 г. — Польши; весна 1940 г. — Югославии; осень 1940 г. — Румынии и Болгарии; весна 1941 г. — Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга, северной и центральной части Франции, Швейцарии; осень 1941 г. — Советского Союза до рубежа Волги. Надо сказать, что, с некоторыми оговорками, нацистское руководство было последовательным в своих действиях⁴. К 1948 г. границы Германии должны были распространиться на всю Европу, включая, кроме указанных выше территорий, Скандинавские страны, Прибалтийские государства, северо-западную часть Испании и Португалию, а также Ближнюю и Среднюю Азию, в том числе большую часть Турции, Ирак, Иран. Оставшаяся территория Европы и западная часть Турции предназначалась фашистской Италии как союзнице Германии.

При нападении Германии на СССР не могло быть и речи о «превентивной войне» в обычном понимании смысла этого термина, т. е. о военных действиях, которые предпринимаются с целью предотвратить или упредить готовившуюся агрессию⁵. После принятия решения о нападении на СССР политику Гитлера, в первую очередь, определяли программные установки нацизма, а не внешнеполитический курс Советского Союза, как это пытаются утверждать современные сторонники распространения ложных представлений о политике национал-социалистов, которые пытаются выдать агрессию Германии против СССР как защиту Европы от большевизма. Предпринимаемые попытки под видом анализа «психологических» или «психолого-политических» факторов имеют цель сознательно отвлечь внимание от расистской идеологической «восточной программы» нацистского рейха⁶. Гитлера пытаются представить не в роли агрессора, а в роли политика, вынужденного реагировать на наступательные акции СССР. С помощью тезиса о «справедливой превентивной войне» нацисты превращаются в спасителей европейского Запада.

Следует помнить, что разработка плана «Барбароссы» с самого начала являлась наступательной инициативой нацистских правящих кругов и командования вермахта, которые самонадеянно недооценивали способности Красной армии. Таким образом, Гитлер и германские военные изначально исключали возможность упреждающего удара со стороны Советского Союза. Генерал-майор Эрих Маркс, которому поручили составить первоначальную версию плана нападения на СССР, высказывал мнение, что Красная армия «вряд ли будет столь любезна, чтобы атаковать» немцев⁷.

Впервые Гитлер представил эту войну как превентивную меру в своем заявлении в момент начала войны, а также в обращении к армии в тот же день. Он повторил подобную оценку в октябре 1941 г., призывая собирать зимние вещи для солдат на Восточном фронте и оправдываясь, что якобы в мае «ситуация сложилась столь угрожающая, что нельзя было больше сомневаться в намерении России напасть на нас при первой возможности»⁸.

Пытаясь скрыть трудности, встретившиеся при проведении блицкрига в России, Гитлер вновь повторил в мае 1942 г., что, если бы он «слушал плохо информированных генералов и ждал, пока русские, в соответствии со своими планами, опередят нас, вряд ли был бы шанс остановить их танки на благоустроенных дорогах Центральной Европы»⁹.

Представление данной войны как превентивной было взято на вооружение некоторыми германскими генералами на Нюрнбергском процессе. В атмосфере начинающейся холодной войны предпринимались попытки оправдать подготовку операции «Барбаросса» как поддержку развязывания упреждающей войны с целью остановки советской экспансии¹⁰. Однако архивные материалы точно удостоверяют тот факт, что германская разведка никогда не работала в этом направлении. Фельдмаршал Паулюс на Нюрнбергском процессе признавал, что «мы не замечали никаких приготовлений Советского Союза к нападению». В мемуарах Гудериана это также подтверждается. Фельдмаршал Манштейн подчеркивал, что диспозиция советских войск не показывала намерения нанести удар¹¹.

Серьезные работы западных исследователей о мировоззрении Гитлера и его политических целях подтверждают вывод о том, что «завоевание жизненного пространства на Востоке относилось к числу констант гитлеровской программы»¹².

Поскольку нет никаких доказательств тому, что германское руководство считало необходимым нанести «превентивный удар», в ход идут различного рода измышления о политике СССР и при этом совершенно игнорируются планы и мотивы нацистских правящих кругов.

Вплоть до настоящего времени появляются материалы, в которых нападение вермахта на СССР именуется «превентивной войной», что является неприкрытым стремлением переосмыслить характер и сущность подготовки и осуществления операции «Барбаросса». При этом решение Гитлера совершить акт агрессии против Советского Союза трактуется как один из самых важных шагов «фюрера» в течение Второй мировой войны.

При таком подходе представляется возможным вытеснить из общественного сознания «нежелательные» научные выводы или просто не принимать их во внимание. Приверженцы подобного похода стараются не заметить столь важного источника, как опубликованные дневники Геббельса, содержание которых служит неопровержимым доказательством подлинных агрессивных намерений Гитлера в отношении СССР¹³.

По этой причине вопрос о начале советско-германской войны является одним из центральных в историографии и исследованиях по Второй мировой войне. Война на Востоке была для германского руководства главной целью, определявшей все остальные действия нацистской Германии. Планирование агрессии против Советского Союза началось задолго до 1941 г. Как показала история, война против Польши, а затем кампания в Западной Европе стали промежуточными целями при подготовке нападения на Советский Союз.

Модифицированные версии о превентивной войне не имеют никакой научной ценности, они лишены документальной основы и не находят поддержки в фундаментальных публикациях трудов по проблематике Второй мировой войны. Вместе с тем, вполне очевидно, что история Второй мировой войны будет использоваться определенными кругами для воссоздания «образа врага», для возрождения страха перед Востоком, что должно послужить, по их мнению, формированию позитивного национального сознания в определенных слоях западного общества.

Война Гитлера — это «чудовищная захватническая война, направленная на порабощение и уничтожение народов¹⁴, и ее невозможно зад-

ним числом выдать за справедливую, оборонительную войну или же — вслед за нацистской пропагандой¹⁵ — трактовать в качестве крестового похода Европы против большевизма.

Следует еще раз указать на невозможность разрыва таких криминальных аспектов нацизма, как массовые убийства европейских евреев и войну, которая велась ради «жизненного пространства» на Востоке. Нельзя считать случайным то, что именно 31 июля 1941 г., в момент победной эйфории вермахта и нацистского режима, рейхсмаршал Геринг направил шефу главного управления имперской безопасности Гейдриху письменную директиву «осуществить всестороннюю организационную и материальную подготовку к окончательному решению еврейского вопроса в зоне германского влияния в Европе»¹⁶.

Экспансия Гитлера на Восток, наряду с уничтожением евреев, депортированных со всего европейского континента, была важнейшей составной частью расистского курса национал-социализма. Обе цели принадлежали одной и той же программе. Систематическое, плановое уничтожение более чем шести миллионов европейских евреев в гетто и лагерях смерти на востоке Европы — неотъемлемая часть развязанной Германией Второй мировой войны. Тем более тяжким преступлением является активное участие частей и соединений вермахта в гитлеровской «истребительной войне» в Восточной Европе¹⁷.

В ряду побудительных мотивов, которыми руководствовались в Германии, принимая решение о начале войны с СССР, не последнее место занимали идеологические соображения. Традиционный антикоммунизм, являвшийся одной из основ национал-социалистической идеологии, объявившей себя единственной силой, способной противостоять коммунизму, разгром коммунистического движения в самой Германии и идеологическая борьба с ним в оккупированных странах Европы, подталкивали национал-социалистическое руководство к сокрушению центра коммунистических идей в СССР. Антикоммунистическая и антисоветская составляющие идеологии третьего рейха естественным образом дополнялись идеей борьбы за «жизненное пространство», которое было необходимо для создания мощной германской империи.

Составной частью внутривнутриполитических мероприятий германского фашизма по подго-

товке к войне против СССР стала идеологическая обработка вооруженных сил и населения страны. Во всех школах и университетах, в рядах «гитлеровской молодежи», в вермахте, в первую очередь среди рядовых военнослужащих, проводилось упорное изучение идей книги Гитлера «Майн кампф». Вторая мировая война и, прежде всего, война против Советского Союза преподносилась национал-социалистами как неизбежная и политически оправданная. Программа захвата «жизненного пространства» за счет расширения немецких земель на Восток стала главной темой национал-социалистической пропаганды. Немцам постоянно внушалась мысль, что благодаря своей технике и культуре они имеют превосходство над другими народами и призваны руководить ими.

Кампания в печати, развернутая против СССР, ставила своей целью подготовить общественное мнение против народов Советского Союза и, прежде всего, против русского народа. Она заострялась на «красном империализме» и на целенаправленности советской внешней политики в сторону распространения мировой революции. Особый упор делался на то, что Россия является извечным врагом Германии, что русские войска подавили революцию 1848 г. в Германии, что в 1919 г. Россия пыталась установить в Германии «еврейский большевизм».

Стремление Германии к территориальному переделу мира вызывалось рядом причин. Потеря, в результате Первой мировой войны, значительной части своей территории, колоний в Африке и в бассейне Тихого океана привела к сокращению сырьевой базы немецкой промышленности и рынку сбыта ее товаров. Следствием стал спад промышленного производства, повышение стоимости и снижение конкурентоспособности немецкой продукции на мировом рынке. В Германии, в соответствии с Версальским мирным договором, была отменена всеобщая воинская повинность, распущен Генеральный штаб. Вооруженные силы ограничивались 100-тысячной армией. Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, военную авиацию, подводные лодки, химическое оружие. Это привело к значительному сокращению выпуска не только продукции военного, но и гражданского предназначения, а, следовательно, к увеличению безработицы и уменьшению прибылей монополий.

Брестский мирный договор, заключенный в марте 1918 г., по которому Россия лишилась

значительной части своей территории, стал важным этапом в развитии германской экспансии в Восточной Европе. Эта территория оказалась открытой для контроля и проникновения со стороны Германии. Хотя воспользоваться плодами победы кайзеровская империя так и не успела, поражение России и Брестский мир не были забыты в послевоенной Германии. Они остались в памяти представителей немецких политических, экономических, военных и научных элит как доказательство слабости русского государства.

В их среде существовали две фракции, по-разному подходившие к развитию отношений между Германией и СССР. Первая, прагматически мыслящая, фракция, к которой можно отнести часть политиков, военного руководства и крупных промышленников, рассчитывала путем переговоров с советской Россией и достижения с нею соглашений добиться удовлетворения собственных текущих интересов и первоочередных государственных интересов Германии.

Восстанавливая национальную экономику, немецкие предприниматели все больше обращали свое внимание в сторону Советского Союза. Они учитывали, что после Гражданской войны СССР, обладая огромными сырьевыми ресурсами и оказавшись в политической и экономической изоляции, очень нуждался в кредитах, оборудовании и передовой технологии. Первый зондаж с предложением о развитии союзных отношений между Россией и Германией, «нацеленных против Запада», немецкие монополии предприняли в 1919 г. Через представителей рейхсвера они предлагали деньги, техническую и военную помощь, офицеров-специалистов по ведению современной войны. Взамен просили создать в России секретные промышленные возможности для создания оружия и военной техники (прежде всего самолетов, танков, подводных лодок, отравляющих веществ).

Это предложение было принято, а подписание 16 апреля 1922 г. в Рапалло советско-германского договора создало юридическую основу для широкого развития взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической областях, а также в сфере подготовки военных кадров. В военно-учебных заведениях СССР совершенствовались свои знания многие офицеры германской армии. В академиях Германии обучались советские военные специалисты. Рапальская политика, сотрудничество рейхсвера с Красной Армией и завязывавшиеся

германо-советские экономические связи — все это отвечало представлениям этой группы военных, промышленников и политиков Германии¹⁸.

С приходом Гитлера к власти между Советским Союзом и Германией военное-техническое сотрудничество было прекращено. Немецкие офицеры покинули советские военные учебные центры. В конце 1933 г. из Германии выехала последняя группа советских военных специалистов, проходивших стажировку в рейхсвере.

Другую фракцию отличали стремления к пересмотру итогов прошедшей войны и воинственный антисоветизм. Ее представители группировались вокруг ряда военных, публицистов, промышленников, а также все активнее — вокруг НСДАП, ее идеологов и приверженцев из среды промышленников и военных. Влияние этой партии и ее «фюрера» Гитлера неуклонно возрастало. В рядах НСДАП сторонники скорейшего восстановления военной мощи Германии объединились с теми, кто делал ставку на совместный «крестовый поход» на Восток и колониальную завоевательную войну великих держав против СССР.

Эти две фракции не были полностью изолированы друг от друга. Между ними существовали многочисленные связи, а общими для них были антисоветизм, антикоммунизм и надежды на пересмотр результатов Первой мировой войны. К тому же позиции их представителей не всегда отличались постоянством и последовательностью.

Во время подготовки нацистами тех или иных агрессивных акций проявлялось расхождение во взглядах внутри господствующего класса Германии, но главным образом по тактическим аспектам. Однако все господствующие группировки были едины в стремлении к экспансионизму, к превращению Германии в сверхдержаву. Точки зрения могли не совпадать по вопросам о масштабах экспансии и об ее предпосылках, направлении главных ударов, об очередности достижения промежуточных целей, о сроках осуществления экспансионистских планов, а также о методах господства и эксплуатации захваченных территорий¹⁹.

Подобные различия лежали в плоскости разных производственных и рыночных условий, в различных способах получения прибыли теми или иными господствующими группировками. Перед подготовкой большой войны против СССР для всех группировок принципиальное значение имели два условия: создание «великого

германского рейха» и исключение из борьбы западных конкурентов. С завершением Западной кампании в июне 1940 г. эти условия, по мнению германского руководства, были достигнуты. В результате побед Германия превратилась в господствующую силу в Европе. Кроме того, была создана такая международная обстановка, которая исключала нападение на Германию какой-либо державы, пока она будет занята войной против СССР.

Основные ориентиры внутренней и внешней политики Германии были намечены Гитлером уже в первые дни его правления: сначала полное искоренение марксизма и строительство вооруженных сил, затем завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация²⁰. С этого момента под воздействием националистической пропаганды, политики милитаризации, внутри- и внешнеполитических успехов гитлеровского режима началось стремительное наполнение германского общества идеями нацизма.

Антисоветская пропаганда немецкого военно-политического руководства приобрела особенно широкий размах после официального отказа Германии от выполнения условий Версальского мирного договора и достигла своего пика на съездах НСДАП 1935 и 1936 гг. СССР был объявлен «врагом мира» и источником мировых проблем. «Всемирной миссией» Германии, как было провозглашено на нацистских съездах, является борьба против большевизма. Такого рода заявления, сопровождавшие беспрецедентные мероприятия по восстановлению обороноспособности, свидетельствовали о том, что в господствующих кругах Германии война против Советского Союза все больше рассматривалась в качестве само собой разумеющейся политики форсированного вооружения.

Война против СССР рассматривалась как особая война, в которой ставка делалась, в том числе, и на физическое уничтожение населения на захваченной территории. На совещании руководящего состава вермахта 30 марта 1941 г. глава фашистского государства, как свидетельствует дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск, резюмировал: «Речь идет о борьбе на уничтожение... На Востоке сама жестокость — благо для будущего»²¹. При обсуждении нападения на СССР в Генеральном штабе Гитлер был еще более требователен: «Частью нашей борьбы должно стать уничтожение России. Весной 1941 года. Чем скорее Россия будет сокрушена,

тем лучше. Нападение достигнет цели только в том случае, если после одного удара русское государство рассыплется вдребезги. Простого захвата территории страны недостаточно... Целью является уничтожение людских ресурсов России»²².

Документы германского рейха говорят о том, что советское государство подлежало расчленению и полной ликвидации, по крайней мере, на территории, ограниченной с Востока Уральскими горами. На Европейской части СССР предполагалось образовать четыре рейхскомиссариата — германские колониальные провинции: «Остланд», «Украина», «Москва» и «Кавказ», — управление которыми должно было осуществляться специальным «восточным министерством» во главе с А. Розенбергом²³. По «Инструкции об особых областях», подписанной начальником штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем, высшим представителем вооруженных сил на территории рейхскомиссариатов назначался командующий оккупационными вооруженными силами, который наделялся неограниченными полномочиями.

Об истинных целях германского руководства по отношению к народам Восточной Европы, и особенно к народам Советского Союза убедительно свидетельствуют генеральный план «Ост», директива «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых мероприятиях войск», указания об отношении к советским военнопленным и другие документы. План разрабатывался главным управлением имперской безопасности. 25 мая 1940 г. соображения по этому плану были представлены Гитлеру, который утвердил их в качестве директивы. В дальнейшем в генеральный план «Ост» были внесены дополнения и изменения, направленные на осуществление поставленных целей германского руководства на территории СССР²⁴. Его наиболее поздняя редакция «Генеральный план Ост» (май 1942 г.) хорошо известна и опубликована²⁵.

Депортация, по замыслу германского руководства, должна была происходить в первую очередь за счет бегства населения от голода дальше, в Сибирь, за пределы немецкой зоны влияния. Директива от 23 мая 1941 г. сообщает: «Население в этих районах, и в особенности городское население, обречено на серьезные страдания от голода. Необходимо будет вывозить население в Сибирь... Фюрер потребовал, чтобы к осени снижение норм на мясо прекратилось. А это

возможно осуществить только путем самого быстрого и решительного захвата скота в России, главным образом в районах, удобных для транспортировки скота в Германию... Многие десятки миллионов людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть, или выехать в Сибирь»²⁶.

Разработчики «восточной политики» планировали разделить территорию Советского Союза, «населяемую русскими, на различные политические районы с собственными органами управления» и «обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие»²⁷. Генеральным планом «Ост» намечалось истребление русской интеллигенции как носителя культуры народа, его научных и технических знаний, а также искусственное сокращение рождаемости. На захваченной территории Советского Союза предусматривалось уничтожение высших и средних школ. Германское руководство полагало, что образование поработанных народов должно быть самым элементарным — достаточно человеку уметь расписаться и считать самое большее до 500. Главная цель обучения, по его мнению, состояла в том, чтобы внушить советскому населению необходимость беспрекословного подчинения немцам²⁸.

Программой массового уничтожения людей явилась директива «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых мероприятиях войск», подписанная начальником штаба верховного главнокомандования вермахта 13 мая 1941 г. Она снимала ответственность с солдат и офицеров вермахта за будущие преступления на захваченной территории СССР, требуя быть безжалостными к мирным гражданам, осуществлять массовые репрессии и расстреливать на месте без суда всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление. В распоряжении от 12 мая 1941 г. «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками» устанавливалось, что политические работники Красной армии не признавались военнопленными и подлежали расстрелу²⁹.

Впоследствии эти приказы неоднократно конкретизировались и утверждались верховным командованием германских вооруженных сил. 16 сентября 1941 г. немецким войскам, вторгшимся на территорию Советского Союза, предписывалось: «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных

властей... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Экономические цели войны включали в себя ограбление Советского государства, истощение его материальных ресурсов, использование общественного и личного достояния людей для нужд «третьего рейха». «Согласно приказам фюрера, — гласила одна из директив немецкого командования, — необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии... Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании»³⁰.

21 января и 18 марта 1941 г. Геринг провел встречи с руководителями крупнейших германских концернов и банков. На них обсуждалось создание организации, которая приняла бы в свое владение и управление все нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие предприятия на захваченных Германией территориях, а также на территориях, которые предстояло завоевать в будущем, в первую очередь на Кавказе. Договоренности с крупным капиталом достичь удалось, и 27 марта 1941 г. такая организация была создана. Она получила название акционерное общество «Континентальная нефть». Ее акционерами и членами наблюдательного совета стали представители крупнейших германских фирм, таких, как «ИГ Фарбен», «Дойче банк» и т. д.

На оккупированных территориях предусматривалась ликвидация промышленных центров страны, в первую очередь, демонтаж и вывоз годного к применению машинного парка, особенно для производства цветных металлов. Восстановлению подлежали лишь некоторые отрасли промышленности, в частности предприятия, выпускающие транспортные средства, предприятия по производству металла, текстильные предприятия и некоторые другие. Намечалось восстановить ряд заводов по производству вооружения, но только такого профиля, которое в Германии производилось в недостаточном количестве. Открытию подлежали и ремонтные мастерские для нужд немецкой армии.

Территория Советского Союза рассматривалась в качестве аграрного придатка Германии. Хозяйственная рекультивация земель планировалась с целью расширения посадок картофеля, других высокоурожайных сель-

скохозяйственных культур. Особенный упор делался на производство зерна, жиров и масличных культур.

Экономические цели войны с СССР помимо германского руководства активно выражались военно-промышленными концернами, способствовавшими приходу нацистов к власти. Конкретные предложения и директивные указания по использованию экономических ресурсов СССР в течение войны разрабатывало управление военной экономики и вооружений, входившее в ОКБ. Это управление возглавлял генерал Г. Томас — член наблюдательного совета крупнейших немецких концернов и член совета вооружений, куда входили высокопоставленные представители германских монополий³¹.

В ноябре 1940 г. управление Томаса начало разработку предложений об использовании экономических ресурсов для нужд вермахта уже в первые месяцы войны против СССР на всей его европейской части вплоть до Урала. В предложениях отмечалось, что необходимо воспрепятствовать уничтожению Красной Армией при отступлении запасов продовольствия, сырья и промышленных товаров, разрушению заводов оборонной промышленности, шахт и железнодорожных магистралей. Особое внимание обращалось на важность захвата кавказского нефтеносного района. Овладение Кавказом, а также районом устья Волги предлагалось включить в число важнейших задач восточной кампании³².

С целью получения и изучения подробных данных о советской военной промышленности, об источниках сырья и топлива в управлении Томаса в начале 1941 г. был образован отдел военно-хозяйственного штаба специального назначения под условным наименованием «Ольденбург»³³ (позднее он был переименован в военно-хозяйственный штаб «Восток»). Для верховного командования и промышленных кругов Германии управление Томаса составило справку, содержащую оценку экономического и военного потенциала Советского Союза по состоянию на март 1941 г. К ней прилагалась картотека с перечислением важнейших заводов СССР³⁴. На основе этих и других документов велась разработка планов экономического захвата территорий Советского Союза. 12 февраля 1941 г. под председательством Геринга состоялось совещание по «восточному вопросу», на котором разъяснялись цели германской экономической экспансии. «Высшей целью всех мероприятий,

проводимых на Востоке, — говорил на этом совещании Геринг, — должно быть укрепление военного потенциала рейха. Задача состоит в том, чтобы изъять из новых восточных районов самое большое количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, рабочей силы»³⁵.

29 апреля 1941 г. германское руководство уточнило функции штаба «Ольденбург» и расширило его структуру. С началом военных действий против Советского Союза на штаб возлагалось руководство экономикой оккупированной территории СССР. Штабу на местах подчинялись пять хозяйственных инспекций, 23 хозяйственные команды и 12 филиалов. В тылу каждой из групп армий должна была действовать хозяйственная инспекция, задачей которой являлось «экономическое использование» данной территории.

Организационные структуры штаба «Ольденбург», хозяйственных инспекций и команд были тождественны. В каждом звене учреждались: «группа М», которая отвечала за снабжение и вооружение войск и за организацию перевозок; «группа Л», ведавшая вопросами продовольственного снабжения и сельского хозяйства; «группа В», отвечавшая за состояние торговли и промышленности, а также занимавшаяся лесным хозяйством, финансовыми и банковскими проблемами, обменом товарами и распределением рабочей силы»³⁶.

Штаб «Ольденбург» разработал инструкции и директивы по руководству экономикой оккупированных областей СССР. Эти документы были сведены в так называемую «Зеленую папку»³⁷. В них подробно излагались цели и последовательность германской экономической экспансии. В документах «Зеленой папки» предусматривался немедленный вывоз в Германию запасов ценного сырья (платины, магнетита, каучука и др.) и оборудования. Другие важные виды сырья должны были сохраняться до того момента, пока «идущие вслед за войсками хозяйственные команды не решат, будет это сырье переработано в оккупированных областях или вывезено в Германию»³⁸. Большинство советских промышленных предприятий, выпускавших мирную продукцию, планировалось уничтожить. Какую отрасль промышленного производства надлежало сохранить, восстановить или организовать вновь в оккупированных областях СССР, руководство рейха определяло, исходя только из нужд германской военной машины»³⁹.

Германское командование рассчитывало обеспечивать продовольствием свои вооруженные силы за счет ограбления оккупированных районов СССР, что обрекало местное население на голодную смерть. «Несомненно, — говорилось на одном из совещаний по экономическим вопросам 2 мая 1941 г., — если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей умрут голодной смертью»⁴⁰.

Военные цели агрессии нацистской Германии против СССР состояли в том, чтобы еще до окончания войны с Англией в ходе скоротечной летней кампании разгромить советские вооруженные силы и оккупировать большую часть европейской территории Советского Союза до Волги и Северной Двины. Достижение этих целей представляло собой центральное звено военной кампании против СССР.

Что касается вопроса военного планирования Германией войны с СССР, то при разработке оперативно-стратегического замысла войны на Востоке германское командование исходило из следующих предпосылок:

- а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;
- б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно — линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти»⁴¹;
- в) для решения этой задачи необходим быстрый разгром Красной армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта»⁴².

Отдавая приказ о начале разработки плана «Барбаросса», Гитлер считал, что «операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно»⁴³. Однако, когда 5 декабря 1940 г. ему был доложен итоговый стратегический вариант операции против СССР, Гитлер согласился с тем, что «наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла больше совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить

удары с воздуха по русским военно-промышленным районам»⁴⁴. Поэтому в директиве № 21 от 18 декабря 1940 г. было сказано, что «Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающихся у русских на Урале, можно парализовать с помощью авиации»⁴⁵.

Вместе с тем Гитлер надеялся, что «если русские потерпят поражения в результате ряда наших ударов, то, начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация»⁴⁶.

Германское военное командование в ходе военных действий с Красной Армией предполагало использовать все сухопутные войска, за исключением тех, которые выполняли оккупационные функции в Европе, а также примерно $\frac{2}{3}$ ВВС и относительно небольшую часть ВМС. Стремительными операциями с глубоким и быстрым продвижением танковых клиньев германская армия должна была уничтожить находившиеся в западной части СССР советские войска и не допустить отхода их боеспособных частей в глубь страны. Далее, быстро преследуя противника, немецкие войска достигали линии, откуда советская авиация была бы не в состоянии совершать налеты на Третий рейх.

Ближайшей стратегической целью руководство Германии поставило разгром и уничтожение советских войска в Прибалтике, Белоруссии и Правобережной Украине. Предполагалось, что в ходе наступательных операций вермахт достигнет Киева с укреплениями восточнее Днепра, Смоленска и района южнее и западнее озера Ильмень. Дальше было необходимо своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий угольный бассейн, а на севере — быстро выйти к Москве.

К операциям по взятию Москвы директива требовала приступить лишь после уничтожения советских войска в Прибалтике, захвата Ленинграда и Кронштадта. По плану группа армий «Север» должна была вести наступление в направлении на Ленинград, группа армий «Центр» и «Юг» — на Москву и Киев соответственно. Признавалось необходимым избежать крупного сражения в районе Белостока, а дать его не далее как в районе Минска. Предусматривалось также не допустить фланговых контрударов советских войска.

Подготовка нападения на СССР тщательно маскировалась. 24 марта 1941 г. командующий группой армий «Центр» Ф. фон Бок приказал соорудить различные укрепления вдоль границ Польши и Восточной Пруссии, предназначенные якобы для обороны от возможного советского наступления. Также было решено не препятствовать полетам советской авиации по разведке проводимых работ. Оборонительные сооружения возводились так, чтобы впоследствии их можно было использовать в качестве исходных позиций для наступления на СССР.

Объединенное командование вермахта (ОКВ) стремилось, как можно дольше держать в неведении личный состав войска об операции «Барбаросса». В соответствии с указанием штаба ОКВ от 8 мая 1941 г. офицеров должны были проинформировать примерно за восемь дней до начала боевых действий, а рядовой и унтер-офицерский состав — только в самые последние дни.

Таким образом, установка на достижение победы на Западе через победу на Востоке вплоть до 22 июня 1941 г. была основной стратегической целью Германии. Германское руководство, принимая решение напасть на СССР, руководствовалось своими собственными стратегическими соображениями, а не опасениями перед возможным скорым советским нападением, поскольку Советский Союз расценивался только как потенциальная угроза для Германии в будущем⁴⁷.

Национал-социалистические лидеры стремились претворить в жизнь сформулированный Гитлером в «Майн кампф» основной закон внешней политики Германии: «Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете право успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть»⁴⁸.

В целом, политические, экономические и военные цели Германии в войне против СССР были тесно связаны между собой и отражали совокупные интересы нацистского руководства,

командования вермахта и германских монополий. Они были разработаны и утверждены военно-политическими кругами еще до начала Великой Отечественной войны, то есть до того, как вермахт вступил в военные действия с Красной Армией. Преступные цели ставились заблаговременно, и для их достижения заранее планировалось использование преступных средств. Попытка претворения в жизнь нацист-

ской «восточной программы» оказалась возможной только потому, что ее основные компоненты (расширение германского господства в направлении на Восток; крайне враждебное отношение к социализму и евреям; культ силы; признание допустимости использования любых средств в борьбе за существование и т. д.) задолго до войны стали составной частью идеологии правящих кругов.

- ¹ Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. // Новая и новейшая история, 2002, № 6.
- ² Le testament politique de Hitler. Paris, 1950. P. 61.
- ³ Ueberschar G. "Der Pakt mit dem Satan, um den Teufel auszutreiben" — Der Zweite Weltkrieg. Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. Munchen, 1989.
- ⁴ Атлас офицера. М., 1947. С. 183.
- ⁵ Hillgruber A. Hitlers Strategic. Munchen, 1965. S. 533.
- ⁶ Topitsch E. Die deutsche Neurose. — Criticon. H. 100–101, 1987.
- ⁷ "Der Operationsentwurf Ost" des Generalmajors Marcks vom 5. August 1940//Wehrforschung/Hrsg. Von F. Klein, I. Lachnit. 1972. № 4. S. 116.
- ⁸ Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia, 1941. London, 1975. P. 169.
- ⁹ Ibid. P. 105.
- ¹⁰ Hitler as Warlord. London, 1950.
- ¹¹ Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia. P. 171.
- ¹² Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987. S. 463.
- ¹³ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Samtliche Fragmente, Bd. 1–4. Munchen, 1987.
- ¹⁴ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Munchen, 1963. S. 436.
- ¹⁵ Wette W. "Unternehmen Barbarossa": Die verdrängte Last von 1941. — "Auschwitz erst möglich gemacht?" Bremen, 1991.
- ¹⁶ "Unternehmen Barbarossa". Hrs. G. Ueberschar, W. Wette. Paderborn, 1984. S. 149.
- ¹⁷ Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Frankfurt a.M., 1985.
- ¹⁸ Sowjetunion und Deutschland 1922–1933. Berlin, 1984.
- ¹⁹ Burckhardt C.J. Meine Danziger Mission 1937–1939. Munchen, 1980. S. 348.
- ²⁰ Fall Barbarossa, S. 51, Rede Hitlers vor den Befehlshabern von Heer und Marine, 3. 2. 1933.
- ²¹ Ф. Гальдер. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939–1941. М., 2007. Т. 2. С. 430–431.
- ²² Там же. С. 265.
- ²³ В. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 18.
- ²⁴ Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи в документы. М., 1960. С. 225–236.
- ²⁵ R.-D. Muller. Hitlers Ostkrieg und deutsche Siedlungspolitik. F. am M., 1991. S. 186.
- ²⁶ Документ ЕС-126. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1954. Т. 1. С. 708.
- ²⁷ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР (Далее — «Совершенно секретно! Только для командования»). М.: Наука, 1967. С. 101.
- ²⁸ Там же. С. 226–227.
- ²⁹ Fall Barbarossa. S. 321–323.
- ³⁰ Fall Barbarossa. S. 365.
- ³¹ Г. Розанов. План «Барбаросса». Замыслы и финал. М., 1970. С. 65.
- ³² The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940–1942). Washigton, 1955. P. 20–21.
- ³³ Fall Barbarossa. S. 356.
- ³⁴ Fall Barbarossa. S. 89–108.
- ³⁵ Д. Проэктор. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 178.

- ³⁶ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1971. С. 319–320.
- ³⁷ «Совершенно секретно! Только для командования». С. 100.
- ³⁸ Fall Barbarossa. S. 395.
- ³⁹ Ibid. S. 365.
- ⁴⁰ Ibid. S. 362.
- ⁴¹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 389.
- ⁴² Дашичев В. И. Указ соч. Т. 2. С. 63–64.
- ⁴³ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 80–81.
- ⁴⁴ Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 83.
- ⁴⁵ Там же. С. 86.
- ⁴⁶ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 282.
- ⁴⁷ Новая и новейшая история, № 1, 1992, С. 96. Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 555.
- ⁴⁸ Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад. 1992. С. 565.

Июнь 1941: трагедия, которой могло не быть

В. Б. Маковский*

По сей день широкая общественность страны не утратила интерес к трагическим, а порой и катастрофическим для Красной армии событиям начала Великой Отечественной войны. Причинам поражений и неудач советских войск посвящено громадное количество книг и публикаций. К сожалению, среди них немало разного рода фальсификаций, измышлений или слишком вольных трактовок. Как правило, с приближением очередной знаменательной даты, связанной с Великой Отечественной войной, в российском обществе наблюдается неожиданный всплеск острых исторических дискуссий на эту тему. Казалось бы, чем дальше в прошлое уходят от нас события 1941 г., тем спокойнее должно реагировать на них общество. Но ничуть не бывало, до этого еще очень далеко. А, может, в этой эскалации исторических споров есть своя неумолимая логика?

Давно известно, что процесс переосмысления крупных исторических событий продолжается бесконечно. Ведь для конструирования желаемого будущего использование исторического материала практически неизбежно. Сегодня мы как раз и переживаем очередной этап переоценки отечественного исторического опыта. И в этой связи тяжелые испытания, обрушившиеся на нашу страну летом 1941 г. в связи с началом войны, вновь оказываются в эпицентре этого процесса.

Действительно, поражения начального периода войны могло и не быть, а его последствия были бы не столь трагичными, если бы не мно-

гочисленные серьезные просчеты, допущенные еще в предвоенные годы. Сегодня в военно-исторической литературе рассматривается много различных причин, которые обусловили поражения советских войск в приграничных сражениях. Прежде всего это неправильная оценка высшим военно-политическим руководством страны характера начального периода войны, недооценка стратегической обороны и нерешенность вопросов стратегического управления Вооруженными Силами. К этому следует добавить незавершенность оперативно-стратегического и мобилизационного планирования, отсутствие боевого опыта у командных кадров, недостаточная укомплектованность соединений и частей личным составом и военной техникой, просчеты в базировании авиации и материальных запасов и т. д.

Хотя все эти причины и обстоятельства сыграли негативную роль, но, на наш взгляд, не они оказались решающими. Основная причина неудач кроется в том, что советское военно-политическое руководство не смогло вскрыть общий стратегический замысел противника и определить направление его главного удара, а также установить точную дату нападения Германии на нашу страну. Причем оно не смогло даже ориентировочно предположить силу главного удара противника на избранных им направлениях. Более того, в период нарастания военной угрозы не были предприняты адекватные меры в ответ на потенциально агрессивные устремления вермахта, а отсюда вытекала нерешительность

* Валерий Борисович Маковский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

в заблаговременном приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность. Здесь необходимо подчеркнуть, что на эти и другие причины исследователи многих военно-исторических трудов и мемуаров неоднократно обращали внимание. Тем не менее, не лишне еще раз проанализировать их с учетом того, что в последние годы значительно расширился доступ к архивным документам, появилось множество новых материалов и источников.

Если внимательно, не растворяясь в частностях, взглянуть на события, происходившие накануне войны, то возникает больше вопросов, чем ответов на них. Например, имело ли военнополитическое руководство СССР обоснованные разведывательные данные, позволявшие ему вскрыть истинные стратегические планы Германии? Почему оно просчиталось в определении срока германского нападения? В чем причина промедления в создании необходимой группировки войск и приведении ее в боевую готовность и т. д.?

Для того чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы, необходимо, на наш взгляд, прежде всего обратиться к архивным документам, а именно: к соответствующим разведывательным донесениям, поступавшим в Кремль, и выяснить, насколько там были информированы о планах Германии.

Даже краткий анализ доступных документов и источников позволяет отметить, что советская разведка предоставила высшему руководству страны немало ценных сведений по вопросам подготовки Германии к нападению на СССР. Общий объем такой информации исчисляется сотнями сообщений. К сожалению, порой достоверность их была весьма относительной в связи с высокоэффективными мерами германских спецслужб по сохранению секретности. В результате нашим разведчикам так и не удалось добыть конкретные оперативно-стратегические документы, подтверждающие подготовку вермахта к нападению на Советский Союз. Это положение можно всецело подтвердить, проанализировав все 38 документов по данной проблеме, помещенных в труде «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Так, практически всю информацию об агрессивных устремлениях Германии наши разведчики получали в основном от знакомых гражданских специалистов, работающих в различных министерствах и ведомствах Германии, а также от генералов и офицеров штаба Верхов-

ного командования в ходе личных бесед и разговоров с ними. Например, «...из разговоров с офицерами штаба узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза». Или: из беседы «со своим другом, который работает в отделе Министерства авиации... получил сведения, что акция против Советского Союза совершенно определена и нападение последует в скором времени». Однако далее следовала запись, что «...наш агент за достоверность этих данных не ручается», которая говорила о многом¹.

И разведывательное управление Генерального штаба РККА не смогло своевременно вскрыть планы и стратегические замыслы верховного командования Германии. По причине недостатка информации, о военных приготовлениях Германии начальник разведывательного управления Красной армии генерал Ф. И. Голиков вынужден был 3 июня 1941 г. обратиться в Наркомат КГБ СССР с просьбой об оказании помощи. Он просил руководителей Наркомата выяснить и уточнить вопросы относительно «общей численности германской армии, организационно-штатной структуры войск; наличия бронетанковой техники и боевой авиации... и самое главное предоставить сведения «... о планах военных операций против СССР»².

В этот период, видимо, не случайно в плане Генерального штаба Красной армии «О стратегическом развертывании Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке», разработанном в марте 1941 г., было записано: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по западу, так и по востоку Генеральный штаб Красной армии не располагает»³.

Советская разведка сразу же после окончания военных действий вермахта на Западном фронте стала информировать высшее руководство страны относительно сосредоточения германских войск на западных границах СССР. Причем заблаговременно установила их переброску на восток. Уже в начале июля 1940 г. она сообщала, что «после капитуляции Франции германское командование приступило к массовой переброске своих войск с запада на восток...»⁴. Однако выявить весь процесс наращивания германских войск в непосредственной близости от нашей западной границы не смогла, что в свою очередь затрудняло советскому военному руководству возможность оценить угрозу самого нападения Германии на нашу страну и определить

его цели. Так, генерал П. И. Ивашутин, с 1963 г. по 1987 г. занимавший должность начальника Главного разведывательного управления, писал, что только непосредственно накануне агрессии «... советской разведке удалось наиболее точно установить количественный состав группировки войск противника, сосредоточенной на нашей госгранице: 191 дивизия, из них немецких — 146. По немецким данным, 199 и 154 дивизии соответственно»⁵.

Хотя наша разведка постоянно отслеживала наращивание войск противника на западной границе СССР, ее данные почему-то не вызвали у советского руководства обостренного чувства тревоги. Причина, видимо, в соответствующих докладах, что поступали И. В. Сталину от руководителей советской разведки и в том числе от начальника разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерала Ф. И. Голикова. Например, в конце марта 1941 г. он в своем известном докладе «... варианты боевых действий германской армии против СССР» делает следующий вывод: «... наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией...»⁶. За три недели до начала войны он, анализируя общее состояние группировки немецких войск, пишет в выводах, что Германия сначала осуществит «главную операцию против английских островов» и только затем нападет на СССР⁷.

Вопрос о возможных сроках нападения Германии на СССР был постоянно в поле зрения советской внешней разведки. Поток информации по данной проблеме особенно усилился с середины декабря 1940 г., после утверждения Гитлером плана «Барбаросса». С этого времени вплоть до нападения Германии на СССР наша разведка сообщила об 11 различных его сроках. Генерал П. И. Ивашутин в своей статье пишет, что 31 декабря 1940 г. она доносила «... из Бухареста: война начнется весной следующего года... 19 марта 1941 года — из Берлина: нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 года... 1 июня 1941 года — из Токио: начало войны — вторая половина июня... и т. д.»⁸. Следует признать, что сделать какие-то объективные выводы из таких противоречивых сообщений просто невыносимо.

В подавляющем большинстве разведывательных донесений прямо говорилось об ударе вермахта в направлении Киева, о захвате Украины и Кавказа. Так, в марте 1941 г. наша разведка

сообщала: «... германский генеральный штаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели»⁹. В других разведывательных сводках, кроме удара на Киев, сообщалось о запланированных вермахтом вспомогательных ударах в Прибалтике и Западной Белоруссии. Сводки о переброске немецких войск к границам СССР содержали сведения о том, что большая по численности группировка сосредотачивается на киевском направлении. Как тут можно сделать какие-либо определенные выводы на основании этой разведывательной информации?

В то же время можно предположить, что на принятие советским руководством решения о размещении главной группировки наших войск на юго-западном направлении частично повлияла информация, поступавшая от разведывательных органов и других «заслуживающих доверия источников». В последующем она нашла отражение в оперативно-стратегических планах СССР и затем реализовывалась на практике. В связи с этим сегодня, по нашему мнению, преждевременно говорить о том, что военное-политическое руководство страны имело все возможности сделать правильные выводы из имевшейся в его распоряжении информации.

Для более полного ответа на поставленные выше вопросы необходимо хотя бы кратко проанализировать разработанные непосредственно накануне войны оперативно-стратегические планы СССР, так как именно их документальная основа позволяет определить, как намеривалось советское руководство реализовать стратегический замысел в случае войны. Для этого необходимо выяснить предполагаемый характер ее ведения на начальном этапе и тем самым понять, насколько предпринимаемые советским военное-политическим руководством действия соответствовали реальной обстановке. А главное — выяснить, не в них ли заключается одна из основных причин трагедии начального этапа войны?

Ни для кого не секрет, что в вопросе определения оперативно-стратегических замыслов противника главное — это выявить направление его главного удара, установить группировку войск с тем, чтобы не только определить силу первоначального удара на избранных врагом направлениях, но и возможный порядок его дальнейших стратегических действий. Поэтому при анализе основных оперативно-стратегических документов, разработанных накануне

войны в Генеральном штабе, основное внимание необходимо сосредоточить именно на этих вопросах.

По роду своей служебной деятельности в Генеральном штабе автору данной статьи приходилось неоднократно обращаться к этим документам при подготовке различных справок для руководства. Поэтому с полным основанием можно пояснить, что соответствующие «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР...», к которым часто обращаются исследователи, подтверждая или опровергая свои выводы, — это всего лишь замысел оперативно-стратегического плана. К нему прилагается масса всевозможных документов, позволяющих наиболее полно раскрыть истинный смысл отдельных положений основного документа. И эту особенность исследователям необходимо обязательно учитывать в своей работе.

Даже после краткого анализа разработанных Генеральным штабом планов можно с полной уверенностью утверждать, что в предвоенные годы военно-политическое руководство страны в целом правильно оценивало создавшуюся военно-политическую обстановку и в будущей войне верно определяло западное стратегическое направление в качестве главного фронта. В соответствии с общим замыслом отражения нападения противника намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки войск на западе. Все зависело от той международной обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны. В одном случае главная группировка могла быть развернута к югу от Брест-Литовска, а в другом — к северу от него. В тот период Генеральный штаб считал, что основной удар противник направит севернее Бреста, а потому предлагал главные силы Красной армии развернуть севернее Польши. В докладе его руководства подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и более вероятным является вариант... с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»¹⁰.

Как вспоминал маршал А. М. Василевский, при рассмотрении представленного Генеральным штабом плана И. В. Сталин высказал такую точку зрения по поводу наиболее вероятного направления главного удара противника: «Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-гер-

манской границы, а на юго-западе с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы». В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении¹¹. Доработанный вариант плана (южный) был утвержден высшим руководством страны еще 14 октября 1940 года. Одновременно было решено разработать и другой вариант — северный. По нему главную группировку советских войск предстояло развернуть в полосе Западного и Северо-Западного фронтов. Исходя из этой установки Сталина при разработке новых планов главная группировка советских войск по-прежнему размещалась в составе Киевского особого военного округа.

Таким образом, Генеральный штаб планировал развернуть главную группировку войск к югу от Брест-Литовска, т. е., как оказалось, против не основных сил противника. Чем же было мотивировано такое решение? Только ли установкой И. В. Сталина? Почему маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах признает ошибочным размещение главных сил на юго-западном направлении? Вот что он пишет по этому поводу: «...весной 1941 года (февраль–апрель) мы этот просчет полностью не исправили и не запланировали на западное направление большее количество сил»¹².

А ведь в случае благоприятного для Красной армии развития событий на начальном этапе войны последующий ее переход в наступление на юго-западном направлении проходил бы по слабо подготовленной в оборонительном отношении территории бывшей Польши. Это позволило бы в короткие сроки изолировать главного противника от его союзников. А это в свою очередь имело бы важное международное значение. Поэтому данный замысел в своей основе никак нельзя признать нецелесообразным. На наш взгляд, именно это очевидное стратегическое преимущество было для советского военно-политического руководства самым веским аргументом при размещении основных сил на юго-западном направлении. Поэтому в тот период оно и не придавало особого значения определению места нанесения главного удара противником. Более того, оно было абсолютно уверено, что в случае агрессии войска западных приграничных округов смогут имевшимися силами остановить противника, даже в том случае,

если его войска сумеют вклиниться на нашу территорию на глубину до 120 км.

Такие выводы подтверждают и материалы оперативно-стратегических игр, которые проводились в январе 1941 г., после декабрьского совещания высшего командного состава Красной армии. Основная цель игры заключалась в том, чтобы «проработать и усвоить основы современной наступательной операции фронта и армии...»¹³. В ходе ее оперативно-стратегический замысел основывался на идее нанесения мощного контрудара. Но вопросы, непосредственно связанные с отражением агрессии, т. е. организацию и ведение оборонительных операций в начальном периоде войны, организаторы не отрабатывали. Тем более не рассматривали возможность нанесения противником внезапного удара. Этим вопросам тогда просто не придавалось должного значения. Именно в этом и состоит стратегическая ошибка советского руководства и военного командования.

Дальнейший анализ планов, разработанных Генеральным штабом, позволяет сделать еще один вывод: накануне агрессии он совершенно необоснованно игнорировал реально складывавшуюся обстановку на западной государственной границе. А ведь там, с одной стороны, были сосредоточены стратегические группировки врага в полной готовности к наступлению, а с другой — советские войска, не завершившие развертывание. В своих расчетах Генеральный штаб по-прежнему исходил из того, что в угрожаемый период даже армиям прикрытия будет предоставлено определенное время на приведение в боевую готовность и отмотилизование. Позднее маршал Жуков писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»¹⁴.

Как известно, недооценка советским военным руководством изменившегося характера начального периода войны, а также реально складывавшейся обстановки, когда немецкие

войска упреждали Красную Армию в стратегическом и оперативном развертывании, имела самые тяжелые последствия для советских войск при отражении агрессии.

Разница вступления в войну вооруженных сил Германии и СССР становится особенно заметной, если попытаться сравнить их действия по созданию соответствующих группировок войск. Известно, что к июню 1941 года вооруженные силы Германии были полностью отмотилизованы, а экономика и государственный аппарат перестроены в соответствии с требованиями войны. К тому же наращивание германских группировок на границе Советского Союза происходило в стремительном темпе. В полосе западных военных округов противник развернул 153 свои дивизии и все выделенные для нападения силы стран-сателлитов, т. е. всего 190 расчетных дивизий. Для их всестороннего материально-технического обеспечения вермахт имел к началу 1941 года 187 складов¹⁵.

В первом эшелоне Германия развернула против Советского Союза 77 % пехотных дивизий, 90 % танковых, 94 % моторизованных дивизий и 100 % самолетов, оставив в резерве до 12 % имевшихся в ее распоряжении сил и средств. Таким образом, с первых же часов войны в удар по советским войскам вермахт вкладывал основную мощь.

В группировку советских войск были включены: в состав армий первого эшелона 43 % дивизий (против 77 % у противника), 25 % входило в состав вторых эшелонов округов (фронтов), а 32 % составляли резерв Главного командования. Обе стороны развернули свои главные силы, но у советского командования они были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Рассредоточение на столь большом пространстве такой стратегической группировки не было обеспечено своевременным развертыванием и оперативно-стратегическим взаимодействием.

В соответствии с оперативно-стратегическим планом советского командования в первом эшелоне армий прикрытия планировалось иметь 63 дивизии и 2 бригады. Как мы видим, это было в два раза меньше, чем у противника, т. е. на одну дивизию в среднем приходилось 80 км участка прикрытия. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия, остальные 45 дивизий составляли резервы округов или их вторые эшелоны.

К 22 июня 1941 года в полосе западных приграничных округов группировка советских

войск находилась в следующем положении и состоянии. В Прибалтийском особом военном округе на государственной границе — на фронте 165 км к началу войны находились всего 15 стрелковых батальонов. Остальные войска располагались в пунктах дислокации мирного времени, летних лагерях или были частично приведены в боевую готовность. Отдельные соединения только начали выдвижение в свои районы согласно плану прикрытия. Механизированные корпуса находились в районах боевого предназначения. Штабы армий и корпусов располагались на полевых командных пунктах в готовности с началом боевых действий взять на себя управление войсками. Всего командованию округа из 25 дивизий, имевшихся в его составе, удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий и 2 механизированных корпуса¹⁶.

В Западном особом военном округе войска первого и второго эшелонов армий прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации, а непосредственно на границе — только пограничные войска. Здесь же строительством укрепленных районов занимались инженерные части и подразделения, не имевшие оружия, а также специально выделенные стрелковые войска из дивизий первого эшелона. Всего в округе насчитывалось 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и кавалерийский корпус, в составе которых было 44 дивизии.

В Киевском особом военном округе войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, располагались в местах постоянной дислокации, на полигонах, стационарных, временных лагерях или находились на марше. Всего округ имел 58 дивизий, которые входили в состав 11 стрелковых, 8 механизированных корпусов и кавалерийского корпуса.

В Одесском военном округе войска прикрытия оставались в пунктах постоянной дислокации. Всего в округе было четыре стрелковых, два механизированных и один кавалерийский корпус, в которых насчитывалось 26 дивизий.

Во всех особых военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизий проводили на артиллерийских полигонах стрельбы по учебному плану.

К началу войны командования западных военных округов не успели создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска, оставаясь в штатах мирного времени,

имели большой некомплект в личном составе, транспортных средствах, средствах связи и т. д. Полная боевая готовность не была достигнута. Поэтому противник, завершив развертывание, получил возможность громить советские войска по частям.

Из 108 дивизий войск прикрытия, предназначенных действовать в первом эшелоне своих объединений, вооруженный отпор агрессору смогли оказать в первые часы войны лишь около 40 не полностью отмобилизованных дивизий. Причем только 25 дивизий успели занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска находились в своих пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше.

Кроме того, так как мы уступали противнику в пропускной способности железных и шоссейных дорог, войска второго стратегического эшелона Красной армии только начинали сосредоточение в назначенных им районах. На 5-й день мобилизации в районах оперативного предназначения смогли сосредоточиться всего 17 стрелковых дивизий, на 10-е сутки — 24, на 20-е сутки — 46 и лишь на 35-е сутки — 75 дивизий. Таким образом, группировку войск, способную перейти к активным, в том числе и наступательным действиям, можно было создать только на 35-е сутки. Иными словами, даже при одновременном начале перегруппировок противник имел все условия упредить советские войска, что позволяло ему захватить инициативу и создать предпосылки для успешных военных действий в начальном периоде войны. А с учетом того обстоятельства, что войска вермахта уже были полностью отмобилизованы и содержались по штатам военного времени, то они имели по отношению к советским войскам подавляющее превосходство.

Следует заметить, руководство Генерального штаба к середине мая 1941 года, сделав вывод, что Германия, полностью отмобилизовавшая свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза с развернутыми тылами, наконец осознало, что время упущено. Следовательно немедленно предпринять кардинальные меры по отражению готовящегося удара противника и обеспечению стратегического развертывания Красной армии. Этот стратегический просчет так и не удалось исправить до начала войны.

Маршал А. М. Василевский, говоря о причинах поражения Красной армии в начале войны, признавал ошибку Генерального штаба, допущенную им в отношении сроков, необходимых

для сосредоточения и развертывания советских войск. По его мнению, «это не сыграло бы существенной роли, если бы план своевременно был приведен в действие»¹⁷. Другими словами, Василевский полагал, что если бы войска западных приграничных округов были заблаговременно приведены в боевую готовность и своевременно заняли свои районы обороны по плану, то развернувшиеся с началом агрессии боевые действия не были бы для нас столь трагичными.

Постигшие Красную Армию неудачи в начале войны заставляют задуматься над тем, какие же действия были бы оптимальными в период, непосредственно предшествовавший войне. Конечно, если рассуждать с точки зрения ведения «нормальных» оборонительных операций, то в начальном периоде войны было бы выгоднее прикрыться предпольем (полосой обеспечения), а главную полосу обороны создать в глубине. По свидетельству маршала С. С. Бирюзова, такое предложение Б. М. Шапошников высказывал И. В. Сталину. Он предлагал еще весной 1940 года, когда к СССР были присоединены новые территории, оставить главные силы Красной армии восточнее старой границы, на которой уже были построены хорошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему удастся выиграть время для от мобилизации и создания группировок главных сил на линии старой границы. Однако Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, отклонил это предложение. В итоге укрепленные районы строились непосредственно на новой государственной границе¹⁸.

Если рассуждать с позиций сегодняшних знаний, то в условиях, когда возможность нападения Германии на СССР становилось все очевиднее, что у советского военно-политического руководства был в сложившейся обстановке один, на наш взгляд, возможный вариант решения. Это завершение стратегического развертывания, приведение войск в полную боевую готовность, занятие ими назначенных оборонительных рубежей, проведение оборонительных операций с целью отражения и срыва агрессии противника и переход в контрнаступление, как это и было предусмотрено практически всеми предвоенными оперативно-стратегическими

планами. Но этот путь Сталин отверг, боясь спровоцировать нападение Германии и надеясь отсрочить начало войны. Возможно, в этом случае было выгоднее главные силы Красной армии разместить в полосе Западного фронта. Такой способ стратегических действий рассматривался как запасной вариант (северный), но практически он никак не был реализован, поэтому о целесообразности сосредоточения основных сил Красной армии на этом направлении можно судить только в качестве предположения.

История не терпит сослагательного наклонения, и все же давайте задумаемся: как развивались бы события, если бы основные силы советских войск размещались в составе Западного особого военного округа? Смогли бы они, располагая значительным составом сил и средств, но не приведенные в боевую готовность, к тому же находящиеся в положении мирного времени, отразить агрессию?

Как уже указывалось, к середине июня 1941 года германское командование, упредив советские войска в стратегическом развертывании, заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам предполагалось вложить всю мощь вермахта. Это обстоятельство, должным образом не учтенное в советских оперативно-стратегических планах, во многом предопределило неожиданные для советских войск условия вступления в войну. Маршал Жуков в своих мемуарах писал: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался»¹⁹. И далее он еще раз подчеркивает ту же мысль: «...мы не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»²⁰.

Архивные документы свидетельствуют, что на направлении своего главного и вспомогательных ударов противник сумел создать значительное превосходство над войсками западных приграничных военных округов. Так, на гродненском направлении, где противник наносил свой главный удар, на смежных флангах Северо-Западного и Западного особых военных округов, на фронте в 220 км против 15 наших

дивизий противник развернул 33 своих, из них 13 танковых и моторизованных дивизий. На этом же участке противник превосходил советские войска по личному составу в 3,7 раза, по артиллерии — в 2,8 раза и более чем 1,3 раза по танкам. На направлениях вспомогательных ударов: брестско-барановичском направлении, в полосе Западного особого военного округа, на 100-километровом участке, от Мельника до Славатиче, у врага было развернуто 15 дивизий, из них 5 танковых, против наших 7. На этом участке противник превосходил советские войска в личном составе в 3,7 раза, по артиллерии — в 2,8 раза, по танкам — почти 1,5 раза. На житомирском направлении, в полосе Киевского особого военного округа, на фронте в 75 км противник сосредоточил 19 дивизий, из них 9 танковых и моторизованных против наших 9 дивизий и достиг преимущества в личном составе в 3,4 раза, в артиллерии — в 3,6 раза, в 4,6 раза по танкам²¹.

Таким образом, даже краткий сравнительный анализ состояния вооруженных сил Германии и СССР, особенно на направлении главного удара вермахта, позволяет сделать вывод о том, что возможное сосредоточение основной группировки советских войск в полосе Западного фронта все равно не способствовало бы успешному разгрому противника на этом направлении. А их реальное размещение на этом направлении, на наш взгляд, поставило бы на грань катастрофы не только все войска западных приграничных округов, но и предопределило бы еще более тяжелые условия вступления в сражения войск второго стратегического эшелона Красной армии.

Для более глубокого понимания причин поражения советских войск в начальный период войны следует хотя бы кратко проанализировать построение группировок войск, развернутых вдоль границ Советского Союза на западных стратегических направлениях — северо-западном, западном и юго-западном.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что на всех трех направлениях противник добился существенного превосходства над войсками армий прикрытия, обеспечив, таким образом, возможность быстрого прорыва обороны советских соединений и развития наступления в глубину. По этой причине, а также вследствие незавершенности развертывания армий и фронтов, подавляющего превосходства противника на избранных им направлениях

наступления, достигнутой войсками вермахта внезапности, отсутствия в глубине подготовленных оборонительных рубежей первые оборонительные операции приняли далеко не тот вид, который рисовался в воображении советского командования. Вместо прикрытия госграницы пришлось вести обычную оборону против главных сил противника. К такому повороту событий советские войска не были готовы.

Война, как известно, началась не так, как предполагало советское командование, — отсутствовал так называемый угрожаемый период, который предшествовал всем войнам прошлого. С началом войны в крайне тяжелом положении оказались соединения и части первого эшелона армий прикрытия западных приграничных округов. Поднятые по тревоге утром 22 июня, они сразу же подверглись ударам авиации, артиллерии и массированному натиску наземных ударных группировок противника. Оказавшись под воздействием артиллерийского огня и ударов авиации противника, большинство соединений и частей армий прикрытий не смогли организованно покинуть места расквартирования и своевременно занять оборону. Вместо планомерного занятия заранее оборудованных позиций, они вынуждены были с боями пробиваться в предназначенные им полосы обороны. Решить эту задачу удавалось далеко не всегда. Этим войскам приходилось занимать оборону на не оборудованной в инженерном отношении местности. Вести боевые действия на широком фронте, который в два-пять раз превосходил нормативные показатели, а стремление командующих (командиров) во что бы то ни стало выйти в свои районы оперативного предназначения, нередко уже захваченные врагом, только усугубляло положение советских войск, приводило к большим потерям.

Тем не менее, отдельным соединениям все же удавалось занять предназначенные им полосы. Например, в полосе Юго-Западного фронта из десяти соединений первого эшелона 5-й, 6-й и 26-й армий четыре стрелковые дивизии сумели занять рубежи в соответствии с планами прикрытия. Между этими и остальными соединениями образовались большие разрывы. Так, между соседними 87-й и 124-й стрелковыми дивизиями разрыв составил 20 км, а между 124-й стрелковой и 3-й кавалерийской — 15 км. Именно сюда и устремились ударные силы врага. Уже в первый день в полосе 5-й армии он

прорвался шестью пехотными и танковой дивизиями на глубину 30 км. Разрывы возникли и между другими соединениями. Поэтому большинство дивизий первого эшелона вынуждены были вести боевые действия изолированно друг от друга.

Такое тяжелое положение сложилось для войск прикрытия, прежде всего потому, что к началу войны советскому командованию так и не удалось создать планируемой группировки, предусмотренной предвоенным планом и привести войска в боевую готовность к отражению агрессии. В связи с чем, к началу агрессии соединения армий прикрытия располагались по-эшелонно, на определенном удалении от государственной границы. Так, в полосе Западного фронта, например, 22 июня в первом эшелоне 3-й, 4-й и 10-й армий располагалось 13 дивизий. Они находились на удалении 15–40 км от государственной границы. Механизированные корпуса, составляющие второй эшелон этих армий, располагались в районах, которые находились от границы в 50–100 км. Во фронтовом резерве находилось 18 дивизий, которые располагались от государственной границы на удалении 100–400 км. В таких условиях ударные группировки противника сравнительно легко преодолевали такую оборону и к исходу четвертого дня войны они сумели продвинуться в глубь советской территории до 200–250 км.

К тому же многие армии имели широкие полосы обороны при сравнительно низкой плотности сил и средств. В связи с этим, уже в начале агрессии первые армейские оборонительные операции складывались из боевых действий в тактической зоне обороны и боев в оперативной глубине. При этом продолжительность боев в той или иной зоне зависела от степени готовности каждой армии к боевым действиям и от прикрываемого направления. В полосах 11-й армии Северо-Западного фронта, которая оказалась на направлении главного удара противника и 4-й армий Западного фронта находившейся на направлении вспомогательного удара врага, борьба в тактической зоне завершилась в первый день войны, а в оперативной зоне — к 24 июля. На третьи сутки войны соединения этих армий вели бои в 110–130 км от границы. В других армиях лишь отдельные соединения оказались на направлениях главных ударов противника. Так, на Северо-Западном фронте, в полосе 8-й армии — только 125-я стрелковая дивизия, а в полосе 3-й армии Западного фрон-

та — только 56-я стрелковая дивизия. Оборона указанных дивизий была прорвана противником в первые же сутки, который продвинулся к востоку от границы на 20–30 км. На других направлениях советские войска либо вели боевые действия на границе, либо отошли от нее на 5–10 км. Первые оборонительные операции этих армий завершились 25–26 июня, т. е. через четверо-пятеро суток после начала войны. В последующем они отходили на восток, ведя боевые действия в окружении, или оборонялись совместно с фронтовыми резервами в 50–90 км от государственной границы.

Боевые действия в приграничных сражениях, несмотря на всю трагичность положения, сложившегося для советских войск, характеризовались высокой их активностью, выразившейся в нанесении многочисленных контратак и контрударов. Основу контрударных группировок, как правило, составляли механизированные корпуса. Армейские контрудары, которые проводились в первые трое суток в 15–35 км от госграницы, не достигли той цели, которая была поставлена, практически все они были проведены неудачно. Причина в том, что в своем большинстве германские ударные группировки избегали вступать в бой с советскими танковыми соединениями, стремились их обходить и продолжали двигаться на восток с целью выполнения ближайшей стратегической задачи.

Советским механизированным корпусам приходилось вести бои в основном с пехотными соединениями противника, хорошо оснащенными противотанковыми средствами и артиллерией и поддерживаемыми авиацией. Зачастую контрудары они наносили разрозненными силами по превосходящим группировкам врага. Так, 14-й механизированный корпус в контрударе, который готовился 4-й армией, в 1,5 раза уступал танковой группировке противника, а скованный боями 28-й стрелковый корпус должен был переходить в атаку против пяти немецких пехотных дивизий.

Во многих случаях контрудары наносились по слабо разведанным, а главное — более сильным и лучше управляемым группировкам врага. Отсутствие опыта и слабая сколоченность штабов, а также частое нарушение связи не позволяли иметь достоверные сведения о положении и характере действий своих войск. Все это затрудняло принятие решения и постановку соединениям боевых задач. По существу,

взаимодействие между войсками отсутствовало. Например, 27 июня на южную окраину Дубно в ходе контрудара вышли части 34-й танковой дивизии 8-го механизированного корпуса. На несколько часов раньше к Дубно с севера и северо-востока прорвались соединения 19-го механизированного и 36-го стрелкового корпусов. Вышедшие к Дубно с разных направлений советские войска так и не смогли установить между собой связь и организовать совместные действия. В результате овладеть районом Дубно им не удалось.

Первые оборонительные операции фронтов и армий, которые начинались сразу же после внезапного нападения противника, отличались высокой активностью советских войск, значительным динамизмом и скоротечностью. Их продолжительность во фронтах составляла от четырех до девяти суток, а в армиях — от двух до шести суток.

Условия, в которых оказались войска прикрытия, привели к тяжелым потерям в личном составе и военной технике. Уже к исходу первого дня войны в 28-м стрелковом корпусе 4-й армии сохранили боеспособность лишь два полка 42-й стрелковой дивизии, которые дислоцировались на некотором удалении от границы. Через 36 часов после начала военных действий в 22-й танковой дивизии этой же армии осталось всего 40 танков из 235. За первые два дня войны 11-й механизированный корпус 3-й армии потерял 369 танков, в строю осталось только 45 боевых машин. 27-я стрелковая дивизия той же армии потеряла до 40 % личного состава и вооружения, а в 56-й стрелковой дивизии осталось всего около 800 человек. 12-я армия за четыре дня войны потеряла убитыми, ранеными и без вести пропавшими 37 173 человека. Потери 8-й армии за первые десять дней войны составили 54 тыс. человек, или 65 % состава армии, более 3 тыс. автомашин (6652 единицы), около 1230 орудий и минометов всех калибров (67 %), 755 танков (95 %). В этих сражениях объединения прикрытия потеряли 28 дивизий (12 стрелковых, 10 танковых, 4 моторизованные, 2 кавалерийские), а остальные соединения имели менее 50 % личного состава и военной техники от первоначального состава.

За короткое время войска Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, потерпев серьезное поражение, не выполнили возложенных на них задач. Оборонительные действия армий, целью которых было обеспе-

чение развертывания и переход в наступление главных сил, вместо запланированных 15–20 суток, продолжались 2–5 суток. Это во многом и предопределило вынужденный отход советских войск в глубь страны.

Таким образом, тяжелое положение, в котором в начале войны оказались советская страна и ее Вооруженные силы, сложилось, прежде всего, в результате просчетов и грубых ошибок, допущенных военно-политическим руководством при оценке агрессивных планов Германии в целом. Высшими руководителями страны не была своевременно решена главная задача — приведение соединений и частей армий прикрытия западных приграничных округов в готовность к отражению агрессии.

Накануне агрессии советское руководство недооценило опасность войны, считая, что, в случае ее возникновения, военные действия сразу же будут перенесены на территорию врага. Оно ориентировало себя и войска на легкую победу. Поэтому первые оборонительные операции советским командованием в полном масштабе не рассматривались, так как приоритет отдавался наступлению. Именно в ошибочности ряда теоретических положений, а также в просчетах военного руководства в планировании первых оборонительных операций кроется одна из основных причин неудачного исхода приграничных сражений для советских войск. Ошибочные взгляды советского командования на характер действий противника с началом вторжения, закрепленные в оперативно-стратегических планах страны, существенно повлияли не только на исход приграничных сражений, но и в целом на начальный период войны.

Готовность армий прикрытия к отражению агрессии в значительной степени была связана с качеством планирования. Оперативно-стратегические планы были разработаны незадолго до начала войны. В целом они отвечали сложившейся теоретической концепции на начальный период войны, содержали немало рациональных решений. Однако претворить их в жизнь своевременно не удалось. До непосредственных исполнителей они не всегда своевременно доводились, так как непрерывно изменялись и уточнялись. Внезапность начала военных действий противником в планах не учитывалась, а так как вооруженные силы СССР и Германии к 22 июня 1941 г. находились в неравном боеготовом состоянии, то планы советского командования заранее обрекали войска на неудачу. Другие ва-

рианты действий не отрабатывались. Вряд ли планирование можно было назвать реальным из-за того, что значительной части войск, предназначенных для прикрытия государственной границы, не существовало. Не предусматривали планы и длительного ведения оборонительных действий, не говоря уже о глубоком построении обороны.

К существенным недостаткам планирования можно отнести и то, что наиболее сильные группировки советских войск были размещены в белостокском и львовском выступах. Но именно под основания этих выступов немецкое командование и намеривалось нанести свои главные удары. При создании группировок войск слабо учитывалась их реальная дислокация. Порой они должны были выдвигаться в свои районы оперативного предназначения вдоль фронта, в непосредственной близости от государственной границы. Какого-то другого варианта занятия обороны предусмотрено не было, как не была проработана и возможность перехода советских войск к обороне вблизи мест их постоянной дислокации. Иными словами, уже сама организация прикрытия предопределила поражение советских войск.

К началу войны общее соотношение сил между первым оперативным эшелоном прикрытия советских войск и армий вторжения противника было в пользу Германии как по численности войск, так и по количеству дивизий, орудий и минометов. Только по танкам и самолетам объединения прикрытия имели превосходство. С учетом же качественного состояния сил сторон преимущество было на стороне противника. Особенно в сложном положении оказались соединения и части Красной армии на направлениях главных ударов противника, где он имел трех-четырекратное превосходство.

С началом агрессии противник, умело используя наши ошибки и просчеты, решал свои задачи главным образом за счет подвижных войск, поддержанных авиацией. Они наступали на широком фронте и на значительную глубину, в высоких темпах и с решительными целями. Захватив стратегическую инициативу, противник осуществлял глубокие обходы советских войск, окружал и уничтожал их, чтобы воспре-

пятствовать их отходу в глубь страны. Противник захватывал коммуникации и важные в стратегическом и оперативном отношении районы, срывал мобилизацию и планомерное развертывание войск приграничных военных округов.

В этих условиях следовало бы возможно быстрее перевести военные действия на рельсы позиционной войны. Однако сделать это было непросто, потому что стратегическая оборона заранее не планировалась. Более того, основы ее организации пришлось разрабатывать уже в ходе начавшейся войны. Войска, оставив оборудованную в инженерном отношении полосу обороны и укрепленные районы, не имели возможности создавать оборонительные рубежи в глубине территории, так как противник, обладая стратегической инициативой и господством в воздухе, не давал отходившим соединениям возможности организованно перейти к обороне.

И все же первые дни войны, когда начались приграничные сражения, несмотря на всю их трагичность, состоят не из сплошных «черных пятен». В них переплелись массовый героизм воинов со случаями паники и неорганизованности, мужество и умелые действия многих командующих и командиров с бездарностью и неорганизованностью некоторых из них. Поэтому к оценке событий первых дней войны необходимо подходить неоднозначно, учитывая все присущие им противоречия и сложности.

В заключение необходимо подчеркнуть еще одну немаловажную деталь. Безусловно, начальный период войны непосредственно влияет на весь дальнейший ход вооруженной борьбы, так как именно на этом этапе обеспечивается организованное вступление вооруженных сил в войну. Следует отметить, что Россия никогда не была готова к началу войны. Это относится к 1812, 1904, 1914, 1941 годам. Мы всегда учились воевать уже в ходе военных действий. В связи с этим опыт начального периода минувшей войны не утратил своего значения и сегодня. В июне 1941 г. войска западных приграничных округов находились на грани катастрофы. Потребовались колоссальные усилия всей страны, чтобы изменить ход вооруженной борьбы в свою пользу.

¹ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 1. С. 269. Кн. 2. С. 71.

² Там же. Кн. 2. С. 206–207.

³ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 1–15.

- ⁴ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 1. С. 278.
- ⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.
- ⁶ ЦАМО РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21.
- ⁷ ЦАМО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 117–119.
- ⁸ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.
- ⁹ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 2. С. 48.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1–2.
- ¹¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 110.
- ¹² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 234–235.
- ¹³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 564. Л. 2–12, 28.
- ¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 239–240.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11624, Д. 28. Л. 42.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 33.
- ¹⁷ Василевский А. М. Новая и новейшая история. 1994. № 6. С 8–11.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 19а. Оп. 1970. Д. 20. Л. 24; Ф. 124. Оп. 12915. Д. 34. Л. 2–4.
- ²⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990, Т. 2. С. 29.
- ²¹ Там же. С. 30.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 235. Л. 86–109; Д. 243. Л. 228–230; Д. 253. Л. 47–50; Д. 262. Л. 81–95.

Гитлеровский геноцид славянских народов Европы в 1930-е — первой половине 1940-х годов

Г. А. Куманев*

Идеология гитлеризма была одним из главных факторов, обусловивших живучесть в Германии фашистского строя. С ее помощью фюрер и его приспешники после прихода к власти в январе 1933 г. с удвоенной энергией стремились изменить саму систему мышления и моральные критерии немецкого народа.

При этом Гитлер понимал, что раскрыть сразу всю сущность нацистской политики и идеологии, подлинные цели фашизма нельзя. Потому подмену категорий морали и совести нацистскими доктринами он совершал, сообразуясь с конкретной обстановкой. Для маскировки своих классовых целей и обмана трудового населения фашистские главы широко использовали социальную демагогию. В своей закрытой речи перед представителями прессы 10 ноября 1938 г. нацистский фюрер откровенно заявил, что народ надо подготавливать постепенно к поддержке фашистских «истин». «Лишь обстоятельства вынудили меня, — признавался он, — в течение десятилетий говорить почти исключительно о мире. Только путем постоянного подчеркивания воли к миру и мирных намерений можно было шаг за шагом вернуть германскому народу свободу...». По словам Гитлера, народ «надо воспитать в абсолютной, упрямой, автоматической вере в то, что в конце концов мы добьемся всего, что нам необходимо».

Нацистская пропаганда настойчиво и весьма изоциренно внушала немецкому народу, что новый режим является выразителем устремлений всей германской нации и что для ее «самоутверждения» следует расширить «жизненное пространство» Германии за счет соседних «неполноценных» народов, а их самих превратить в рабов Третьего рейха.

О необходимости завоевания «жизненного пространства» Гитлер писал еще в своей книге «Майн кампф» («Моя борьба»). Он подхватил давние устремления кайзеровской Германии к экспансии на Востоке, подкрепив их антибольшевизмом, расистской идеологией и антисемитизмом. При этом антисемитизм Гитлер считал самым сильным оружием в его пропагандистском арсенале. К концу 1930-х гг. нацистская расовая политика достигла в Германии стадии апогея.

В годы Великой Отечественной войны нацистский фюрер поставил во главе угла «социально-экономические» задачи по очищению обширных восточных территорий от «недочеловеков» во имя германской империи. Беспощадное насилие должно было вселить в их души животный страх и ужас, что позволило относительно малыми силами удерживать в повиновении громадную колонию на Востоке.

Вполне вероятно, что не только этот, но и другие преступные людоедские планы

* Георгий Александрович Куманев — д.и.н., Институт Российской истории РАН, профессор, академик РАН.

нацистов им удалось бы осуществить, не будь Советского Союза и его славной Красной армии, переломивших хребет кровавому фашистскому зверю и спасших мировую цивилизацию от угрозы уничтожения.

Важным объектом покорения и истребления со стороны германского империализма явились славянские народы стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В «Моей борьбе» Гитлер писал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное государство на Востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением правильности расовой теории»¹.

В покоренных славянских государствах фашизм планировал осуществление массового геноцида в самых крайних формах. Политика геноцида предусматривала физическое уничтожение расстрелами и казнями огромных контингентов славянского населения и его сокращение путем преднамеренной организации голода и эпидемий, ликвидации медицинского и санитарного обслуживания, резкого сокращения рождаемости, разобщения и дробления отдельных народов на мелкие этнические группы и т. д.

В записке Гимmlера, датированной 25 мая 1940 г., «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей» говорилось: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы... Для немемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам... Умение читать я считаю ненужным...»².

Основные направления нацистской политики по отношению к славянским народам нашли отражение во многих приказах, директивах, распоряжениях, записках, проектах и других документах фашистских главарей. В своем наиболее полном и обобщенном виде эта программа уничтожения СССР и порабощения ряда славянских стран Восточной Европы была изложена

в так называемом «генеральном плане „Ост“». Его разработало главное имперское управление безопасности под руководством Гимmlера совместно с восточным министерством Альфреда Розенберга³. (Правда, подлинник «генерального плана» в конце войны таинственно исчез. Однако в распоряжении историков оказался ряд документов с подробным пересказом его важнейших положений).

Первые наметки этого плана, уникального по своей жестокости и цинизму, относятся к началу фашистской агрессии в Европе, т. е. к концу 1930-х гг. В нем шла речь о детальной тридцатилетней программе заселения завоеванных вермахтом восточных территорий, о «германизации» земель между Вислой и Уралом.

В «генеральном плане „Ост“» предусматривалось онемечить около 50 % чешского населения, а оставшуюся часть — 3,5 млн чехов «постепенно удалить с территории империи»⁴. «Следует подумать о том, — говорилось в этом документе, — чтобы переселить этих чехов в Сибирь, где они растворятся среди сибиряков и тем самым будут способствовать дальнейшему отдалению сибиряков от русского народа...»⁵.

Еще более ужасная участь ожидала народы Польши и Югославии. Если во время войны они должны были служить гитлеровцам в качестве бесправной рабочей силы, то после войны, в случае полной победы Третьего рейха, славяне этих стран подлежали почти полной ликвидации.

Особенно чудовищными по своим целям были намерения авторов «генерального плана „Ост“» в отношении народов Советского Союза, которым отводился статус рабов на службе у германских господ. На первых порах численность советского народа в восточных регионах должна была сократиться прежде всего за счет славянства на 31 млн человек. Оставшиеся там 14 млн людей «хорошей породы» предусматривалось сначала использовать в качестве рабов, содержащихся в резервациях, затем они подлежали выселению и истреблению, а небольшая часть — онемечиванию.

Так складывалась изуверская программа гигантского геноцида славянского населения.

Гитлер всегда плохо скрывал свою патологическую неприязнь, точнее — ненависть по отношению к славянству. Вот одно из откровений нацистского фюрера, которое обнародовал в 1940 г. в своей книге «Голос разрушения» его приближенный Г. Раушининг (на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными

преступниками оно было приведено во вступительной речи главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко):

«После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные институты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»⁶.

Ненависть к славянским народам объединяла Гитлера и тех, кто стоял во главе стран — участниц фашистского блока, в подготовке и осуществлении агрессии. В беседе с начальником протокольного отдела германского МИД, состоявшейся 10 февраля 1942 г., румынский диктатор И. Антонеску заявил: «Румыния вступила в союз оси не для исправления Версальского договора, а для того, чтобы бороться против славян...»⁷.

Вслед за Австрией второй жертвой немецко-фашистских захватчиков оказалось славянское государство — Чехословакия, в соответствии с разработанной гитлеровскими стратегами «Директивой Грюн». Датированная маем 1938 г. «Директива Грюн» ясно свидетельствовала о тщательно продуманной нацистским режимом подготовке захвата Чехословакии⁸. Еще за год до этого в своей секретной директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер заявил: «Я принял окончательное решение разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем. Задача политических руководителей — выждать или обеспечить подходящий момент с политической или военной точки зрения». Уточняя, что он имеет в виду, Гитлер далее отметил: «Самым благоприятным в военном и политическом отношениях моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности»⁹.

Вскоре последовал позорный мюнхенский сговор глав правительств Англии и Франции с Гитлером и Муссолини, и печальная судьба Чехословацкой Республики была предрешена. В начале 1939 г. нацистский фюрер все еще фарисействует, маскируя свои агрессивные замыслы. Так, 21 января 1939 г., во время беседы

с чехословацким министром иностранных дел Хвалковским, Гитлер уверял его, что национал-социалистские принципы не позволяют Германии «производить аннексий», а потому, мол, нет никаких причин для беспокойства. Однако на рассвете 15 марта 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию, и республика перестала существовать.

Так была, и «„по словам“ Гитлера, „создана“ основа для действий против Польши»¹⁰. В распоряжении Нюрнбергского суда имелось 19 важнейших официальных документов, разоблачающих преднамеренное нападение гитлеровской Германии на польское государство. К их числу относятся материалы совершенно секретного совещания у фашистского фюрера, состоявшегося 23 мая 1939 г. На нем, кроме Гитлера, присутствовали Геринг, Редер, Кейтель и др. Формулируя свои намерения по «польскому вопросу», Гитлер заявил: «Поляк не является каким-то неожиданным врагом. Польша всегда будет на стороне наших противников. Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о жизненном пространстве на востоке и обеспечении продовольственного снабжения, о разрешении балтийской проблемы...». «Таким образом, — сказал Гитлер, — отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности. Нельзя рассчитывать на повторение чешской операции. Это будет война»¹¹.

Еще до этого совещания германским верховным командованием разрабатывался план нападения на Польшу — «Операция Вейс». В приказе Кейтеля от 3 апреля 1939 г. подчеркивалась необходимость вести разработку плана таким образом, «чтобы проведение его было возможно в любое время начиная с 1 сентября 1939 г.»¹².

Но, как это было и перед вторжением в Чехословакию, нацистские главарь постоянно твердили об отсутствии у них какого-либо желания поглотить Польшу. В числе подобных заявлений, оглашенных на Нюрнбергском процессе, приведем только небольшую выдержку из речи гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа, произнесенной 25 января 1939 г. при посещении им Варшавы. В этой речи он лицемерно говорил, что «основной частью внешней политики Германии является неуклонный прогресс и укрепление дружественных отношений с Польшей... Польша и Германия, — торжественно подчеркивал Риббентроп, — могут смотреть в будущее с полным доверием, основываясь на

своих взаимоотношениях...»¹³. Агрессия против Польши была начата именно 1 сентября 1939 г., т. е. в первый же день, к которому должны были быть полностью готовы германские вооруженные силы.

В числе славянских стран, подвергшихся внезапному фашистскому нападению, была и Югославия. Как свидетельствуют факты и документы, в конце 1930-х гг. гитлеровское правительство неоднократно давало лживые заверения, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Югославии. Так, 28 апреля 1939 г. в своей речи в рейхстаге Гитлер заявил, что Германия готова дать заверения ряду государств, и в частности Югославии, в том, что она сохранит полное взаимопонимание, так как она с этими государствами состоит в союзных отношениях и связана «тесными узами дружбы». Еще раньше берлинское агентство объявило, что намерение Германии «не распространяется дальше Австрии» и «югославская граница останется неприкосновенной». Несмотря на все подобные заверения, войска вермахта 6 апреля 1941 г. вторглись в Югославию и вскоре оккупировали ее. Материалы, имевшиеся у Нюрнбергского трибунала, красноречиво свидетельствовали, что гитлеровская верхушка уже задолго до этой вероломной агрессии имела тщательно разработанный план нападения — план «Марита». В совершенно секретной директиве ставки фюрера от 27 марта 1941 г., предназначенной только для высшего командного состава вермахта, говорилось: «Мое (Гитлера. — Г. К.) намерение заключается в том, чтобы концентрированными ударами вторгнуться в Югославию из района Фиуме-Граф и Софии с общим направлением на Белград и южнее как с целью нанесения решающего поражения югославским войскам, так и с тем, чтобы отрезать южную часть Югославии от всей страны и превратить ее в плацдарм для продолжения германо-итальянских операций против Греции». Небезынтересен и такой факт. В этой же директиве предусматривалось: «Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно»¹⁴.

Столь же вероломной и внезапной была гитлеровская агрессия против Советского Союза. Притом то, что произошло 22 июня 1941 г., задумывалось, подготавливалось и планировалось задолго до указанной даты.

Известно, что уже в первый день фашистской агрессии против СССР в декларации Гитлера, зачитанной по радио Геббельсом, была пущена в ход нацистская «утка» о якобы вынужденном, превентивном характере германского нападения, что, мол, вермахт лишь опередил Красную Армию, которая будто бы изготовилась для нанесения внезапного удара по Третьему рейху.

На Нюрнбергском процессе ряд подсудимых, в частности Риббентроп и Кейтель, пытались использовать данную фабрикацию, чтобы спастись от виселицы. Но суд решительно отклонил эту нацистскую небылицу. Бывший руководитель германской прессы и радиовещания г. Фриче в своих показаниях признал, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз». «Никаких оснований к тому, чтобы обвинить СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было»¹⁵, — заявил Фриче.

В распоряжении Нюрнбергского трибунала находились бесспорные доказательства, свидетельствовавшие об абсурдности и лживости указанных утверждений ведомства Геббельса. «22 июня 1941 года, — отмечалось в Приговоре Международного суда, — без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»¹⁶.

В течение четырех послевоенных десятилетий фактически ни один из серьезных историков Запада (не говоря уже о советских исследователях) не поддержал миф о том, что якобы СССР намеревался напасть на Германию, насколько он выглядел бредовым и абсурдным. Но в последнее десятилетие обветшалый тезис о «превентивной» войне Гитлера против СССР был

вновь извлечен на свет стараниями предателя-перебежчика В. Резуна — «лже-Суворова», ныне сотрудника британских спецслужб.

Укажем на тот факт, что в материалах Нюрнбергского трибунала было сосредоточено немало документальных доказательств о полной несостоятельности гитлеровской концепции «превентивной» войны. И их следовало бы шире использовать в борьбе против нынешних фальсификаторов истории Второй мировой войны.

Итак, все подлинные материалы, включая документы гитлеровского политического и военного руководства, которыми располагал Международный трибунал в Нюрнберге еще в 1945–1946 гг., убедительно свидетельствовали, что во всех случаях преступной агрессии фашистской Германии в славянских странах она действовала на основе заранее и детально разработанной стратегии завоевания мирового господства.

Подготовив и осуществив вероломное нападение на славянские и другие государства Европы, главари Третьего рейха превратили войну в систему военизированного бандитизма. Убийства военнопленных, уничтожение гражданского населения, ограбление захваченных земель и другие преступления были частью программы задуманной фашистской кликой тотальной войны.

Установив на захваченных славянских землях невыносимый режим террора и массового истребления людей в соответствии с «генеральным планом „Ост“», гитлеровцы утнали на немецкую каторгу сотни тысяч мирных жителей, не щадя даже детей, которых посылали на тяжелые работы в шахты и рудники, на предприятия и фермы.

Простое перечисление документальных доказательств злодеяний немецко-фашистских оккупантов в славянских и других странах потребовало бы значительного объема текста. Поэтому приведем лишь несколько наиболее характерных примеров чудовищных нацистских преступлений.

В распоряжении историков имеются, например, официальные материалы Чехословацкого правительства, в том числе доклад «Германские преступления против Чехословакии», о вопиющих злодеяниях, совершенных гитлеровцами на ее территории, включая и документы, связанные с чудовищной расправой фашистских палачей с мирным населением деревни Лидице близ

Кладно. Лишь через тюрьму гестапо в г. Брно в период оккупации прошло 200 тыс. человек, из них было освобождено советскими войсками только 50 тыс., а остальных расстреляли или замучили нацисты и их сообщники¹⁷.

В исключительно жестких формах осуществлялся террор и на территории Польши. Первая массовая «акция» по уничтожению польской интеллигенции была проведена с одобрения Гитлера главой гражданской администрации оккупированной польской территории обергруппенфюрером СА Франком летом 1940 г. (так называемая операция «АБ»). Сотрудники гестапо, привлекавшие в помощь отряды эсэсовцев, уничтожили при проведении этой зверской операции несколько тысяч польских интеллигентов. Не прекращались жестокие репрессии и в отношении польских священнослужителей. Уже к январю 1941 г. гитлеровцы убили около 700 священников, а три тысячи бросили в концентрационные лагеря.

Согласно официальному документу правительства Югославии, представленному в Нюрнберге, из 15 млн жителей этой страны за четыре года оккупации фашисты уничтожили почти 14 % населения. В сообщении № 29 Югославской государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений описывались зверства, совершенные на территории этого славянского государства солдатами эсэсовской дивизии «Принц Евгений», которые сжигали заживо население целых деревень, в том числе женщин и детей.

Еще в более широких размерах и жестоких формах осуществлялся геноцид на оккупированной территории СССР. Только в г. Киеве было замучено, расстреляно и отравлено в так называемых «душегубках» более 195 тыс. мирных жителей. В г. Ровно и Ростовской области гитлеровские палачи уничтожили 102 тыс. человек¹⁸. Огромные людские потери понесла Белоруссия. Только на оккупированной врагом территории СССР погибло одних славян не менее 15 млн человек.

Невиданные масштабы приняли зверства германских властей в отношении советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Помимо пыток, истязаний и массовых казней, проводившихся специально созданными для этого зондеркомандами, широко практиковалось систематическое истребление советских людей комендантами и находящимися в их распоряжении командами лагерей для советских

военнопленных. Эти лагеря, как мы уже отмечали выше, были превращены нацистами в «фабрики смерти», откуда не вернулись около двух с половиной миллиона русских, украинцев, белорусов и других наших воинов, попавших в плен.

В «лагеря смерти» на оккупированных славянских землях направлялись и гражданские лица. Только в лагерях Майданек и Освенцим в газовых камерах были убиты более пяти с половиной миллионов мирных жителей, значительную часть которых составляли славяне. В течение одного марта 1944 г. в Майданеке умерли 1654 заключенных — 615 из них были русскими, 247 — поляками, 74 — югославами¹⁹.

Велики по своим масштабам жертвы, понесенные славянскими народами в годы Второй мировой войны.

В братском единстве со всеми народами СССР, Югославии, Польши и Чехословакии славяне внесли решающий вклад в завоевание всемирно-исторической Победы над фашизмом, в спасение мировой цивилизации от неминуемой гибели.

Меч возмездия, опустившийся на головы главных немецких военных преступников по Нюрнбергскому приговору, был не только справедливым приговором за совершенные ими злодеяния, но и поучительным уроком на будущее для всех реакционных сил в мире.

¹ Hitler A. Veib Kampf. Munchen, 1933. S. 742–743.

² Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88–89.

³ См.: Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М., 1967. С. 108.

⁴ Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 97.

⁵ Там же.

⁶ Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1952. Т. 1. С. 279–280.

⁷ Там же. С. 280.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Там же. С. 314.

¹⁰ Там же. С. 329.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² Там же. С. 334.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 394.

¹⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. документов и материалов. Т. 7. М., 1960–1961. Т. 5. С. 569.

¹⁶ Там же. Т. 6. С. 358–359.

¹⁷ См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. 1. С. 252; Т. 2. С. 283–284.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 6, 375, 376, 383.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 266, 563.

Нацистская политика в отношении советских военнопленных

А. А. Маринченко*

О судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны долгое время предпочитали не писать, возникло своеобразное табу на изучение данной темы. Ответ на вопрос, как и почему это произошло, не так прост и однозначен, как это может представиться на первый взгляд, и еще ждет своего исследователя. Очевидно одно, пленные Красной армии, подвергавшиеся нацистами одной из наиболее интенсивных форм массового истребления, стали, по сути, забытыми жертвами войны. Ныне же эта страница истории попала в эпицентр острых дискуссий, и не в последнюю очередь в вопросе о международных конвенциях об обращении с военнопленными и отношении к ним со стороны советского и немецкого военно-политического руководства, правительственных кругов других стран, деятельности Красного Креста и т. п.

Некоторые аспекты указанной проблемы все же были отражены в работах советских историков, но им существенно не хватало целостности в освещении событий, поскольку очень часто они писались с акцентом на отдельные разнородные эпизоды на примере определенных регионов Советского Союза, что создавало некоторую мозаику для восприятия. К тому же они не были лишены некоторой однобокости в оценках, а также чрезмерного фокусирования на одной стороне вопроса и игнорирования другой¹.

История военного плена насчитывает не одно столетие. Если для древних времен характерным было уничтожение пленных, то

в рабовладельческих Греции и Риме получила распространение продажа военнопленных и использование их в качестве рабов, что было одной из главных причин войн того времени. Продажа пленных была характерна также для эпохи Средневековья. Но их участь далеко не всегда была таковой. Когда пленных было очень много и они затрудняли движение войска или могли стать опасными при новых встречах с противником, их уничтожали. Со временем более гуманное отношение к военнопленным становится характерной чертой для большинства воюющих стран. Например, во время Семилетней войны в Европе начал практиковаться обмен и выкуп пленными, причем это было нормой даже для периода боевых действий. Однако до конца XIX в. судьба тех, кто оказался в плену, целиком зависела от отношения пленившей стороны, а условия плена продолжали оставаться чрезвычайно тяжелыми, главным образом вследствие антисанитарных условий содержания².

Принципиально новым этапом в вопросах регулирования войн и военных конфликтов стало принятие международных конвенций на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. При этом правовой статус, а также обязанности военнопленных стали регулироваться на основании положения о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к 4-й Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г., глава II, статьи 4–20)³. Среди подписавших и ратифицировавших данную конвенцию были, в частности, Российская и Германская империи⁴.

* Александр Александрович Маринченко — аспирант кафедры российской истории Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

Отношение большевистского руководства к международным соглашениям царской России и Временного правительства нашло свое отображение в «Обращении Совета Народных Комиссаров» от 30 мая 1918 г. В нем указывалось, что «эта Конвенция (имеется в виду Женевская конвенция 1864 г., касавшаяся раненых и больных солдат на поле боя. — А. М.), как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 года, признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»⁵. На основании «Обращения» был издан декрет СНК от 4 июня 1918 г. Вполне резонно предположить, что поскольку речь шла именно обо всех международных конвенциях и соглашениях, то подобным образом понимались также Гаагские конвенции. Однако явно в обращении про них не сказано. Это тем более важно, что, по свидетельству начальника Генерального штаба сухопутных сил вермахта Ф. Гальдера на Нюрнбергском процессе, Гитлер еще до нападения на СССР заявлял, что «так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции»⁶. О том, насколько распространенным является тезис о неподписании и непризнании Советским Союзом Гаагской конвенции, говорит хотя бы тот факт, что его с полной уверенностью разделяют исследователи, подходы которых в изучении темы о советских военнопленных существенно образом разнятся, такие как В. Король, Н. Толстой, Б. Хавкин, А. Шнеер, К. Штрайт и другие⁷. Хотя Штрайт в то же время подчеркивает, что для гитлеровского командования «эти обоснования были всего лишь прикрытием»⁸. Возможно, подобное представление основано на том, что вопрос о возможном присоединении к конвенции был решен большевиками в 1918 г., то есть еще до формального договора об образовании СССР. Во всяком случае, специально авторами это нигде не оговорено.

Учитывая опыт Первой мировой войны, с 1 по 27 июля 1929 г. делегации от 47 государств приняли участие в работе Женевской международной конференции⁹. Ее результатом стало подписание двух чрезвычайно важных документов: 1) Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹⁰; 2) Конвен-

ции об обращении с военнопленными¹¹. Советский Союз участия в работе конференции не принял и Конвенцию об обращении с военнопленными вплоть до подписания новой конвенции в 1949 г. так и не подписал¹². Во-первых, это было связано с тем, что советское руководство было не согласно с приданием привилегированного статуса захваченным в плен офицерам, так же как и с привлечением пленных к работам без их на то согласия и т. д., а сам режим плена представлялся ему мало удовлетворительным¹³. Во-вторых, оно выступало против разделения военнопленных по национальному признаку, так как это, по его мнению, противоречило принципам интернационализма. Хотя страны, подписавшие этот документ, исходили из идеи избежания конфликтов на национальной почве¹⁴.

На практике в годы Второй мировой войны подразделения вермахта и особых команд службы безопасности и СД проводили в лагерях «отборы» военнопленных, что соответствовало нацистской политике игры на национальных противоречиях в советском обществе. Согласно ей пленных одной национальности наделяли более привилегированным статусом, а других подвергали различным формам национальной или расовой дискриминации, натравливая их друг на друга. Это должно было в корне ликвидировать саму возможность оказывать с их стороны какое-либо организованное сопротивление на оккупированных территориях. К тому же правящая верхушка нацистской Германии прекрасно понимала, что победить СССР, используя исключительно военную силу и без использования дополнительных политических методов, будет крайне сложно, а то и практически невозможно¹⁵. Не зря глава Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, выступая на совещании 21 июля 1941 г., апеллировал к высказыванию немецкого военного теоретика К. фон Клаузевица о том, что «Россия может быть побеждена только в том случае, если посеять раздор среди ее народов»¹⁶.

Спустя два года, 19 марта 1931 г., ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение о военнопленных» взамен Женевской конвенции (в некотором отношении более демократичное)¹⁷, а уже 25 августа 1931 г. нарком иностранных дел М. Литвинов официально заявил, что Советский Союз присоединяется к первой конвенции, касавшейся улучшения участи раненых и больных в действующих армиях¹⁸. Однако вторая конвенция, как уже указывалось, так и не была подписана.

Несмотря на это, некоторые авторы пытаются представить дело таким образом, будто бы СССР присоединился именно ко второй конвенции, регламентировавшей обращение с военнопленными, в которой речь шла якобы о «военнопленных, раненых и больных» или «пленных раненых и больных» либо же «раненых и больных военнопленных» (в зависимости от формулировки авторов, которые таким образом объединили две разные конвенции в одну)¹⁹, что говорит о часто допускаемых ошибках или о преднамеренных подтасовках, ибо, как было показано выше, речь шла о разных документах.

Между тем отказом СССР присоединиться к Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» Гитлер мотивировал свои указания не применять в отношении советских пленников нормы международного права. И это несмотря на то, что сама Германия подписала и ратифицировала эту конвенцию 21 февраля 1934 года²⁰.

Впоследствии это дало возможность некоторым западногерманским исследователям оправдывать жестокое обращение с советскими военнопленными. Так, некоторые представители т. н. ревизионистского направления, а также авторы из праворадикального лагеря заявляли, что, поскольку Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 г., это вызывало справедливое возмущение у немецких солдат и гражданского населения²¹. Им возражал Б. Бонвеч, утверждая, что первые месяцы войны наглядно показали, что гитлеровское командование вообще не собиралось ей следовать, хотя Женевская конвенция об обращении с военнопленными распространялась также на те страны, которые ее не подписали. Вермахт в отношении советских военнопленных действовал также в духе «плана Барбаросса», как и вообще весь Восточный поход. Он сотрудничал с СД, отбирал комиссаров, евреев и других «нежелательных» военнопленных, не чувствуя себя ответственным за их жизнь. Бонвеч подчеркивает, что немецкое руководство грубейшим образом нарушило не только принципы Женевской конвенции от 1929 г., но и основы международного права. Сознание несправедливости и сомнения в законности искоренялись²².

По мнению Штрайта, нацистское руководство изначально желало вести войну против СССР в соответствии со своими идеологическими целями и невзирая ни на какие международные обязательства, а обращение с военно-

пленными отчетливо демонстрирует готовность действовать в нарушение международного права. И это при том, как особо отмечает автор, что «важнейшие принципы Гаагской и Женевской конвенций, в том числе принцип гуманного обращения с пленными, представляют собой кодификацию всеобщего международного права и тем самым являются обязательными для всех государств вне зависимости от ее ратификации»²³.

Правда, поначалу командование вермахта все же пыталось в какой-то мере оправдываться ссылками на международно-правовые нормы. В частности, утверждалось, что военные комиссары не являются настоящими солдатами в смысле участников войны, согласно Гаагской конвенции 1907 г., а тактика Красной армии, диктуемая этими комиссарами, попирает все правила гуманного ведения войны²⁴. А на одном из совещаний 1 августа 1941 г. начальник управления по делам военнопленных ОКВ генерал Г. Рейнеке заявил: «Между нами и Советским Союзом не существует никакой договоренности, и если она будет существовать, то в связи с преступлениями большевиков не может быть нами признана»²⁵.

Подобные заявления делались, невзирая на то что в немецком сборнике международно-правовых актов, имеющих обязательную силу также и для германского военного командования, изданном в Берлине еще в 1940 г., в разделе «Нормы права, касающиеся военнопленных. Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.» имелось замечание о том, что предписания ст. 4–20 этого положения обязательны сами по себе и без Женевской конвенции 1929 г., после чего следовал перечень государств, в отношениях между которыми применялось это положение и среди которых названа Россия (о чем, несомненно, были осведомлены немецкие юристы). Статьи 4–20 приложения к Гаагской конвенции — это нормы международного права, касающиеся военнопленных и составляющие основу Женевской конвенции 1929 г. В том же сборнике в разделе «Конвенция Красного Креста 1929 года» можно найти указание о том, что действие этой конвенции распространяется на многие государства, и в том числе на Советскую Россию²⁶.

Фактически же судьба советских военнопленных была предрешена идеологическими установками войны и наиболее отчетливым образом проявилась в «преступных приказах»,

изданных до нападения на СССР Верховным командованием вермахта (ОКВ), Главным командованием сухопутных войск (ОКХ) и Главным управлением имперской безопасности (РСХА). Они отчетливо показывают, что военно-политическое руководство Германии уже на уровне детального планирования будущей войны отказалось от следования международно-правовым нормам ее ведения, преследуя далеко идущие цели в «крестовом походе» против большевизма. Речь идет в первую очередь о таких документах, как: «Инструкция об особых областях» от 13 марта 1941 г.; «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск» от 28 апреля 1941 г.; распоряжение «О военной подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г.; директива «О поведении войск в России» от 19 мая 1941 г.; «Приказ о комиссарах» от 6 июня (ОКВ) и 8 июня 1941 г. (ОКХ). Некоторые из подобных приказов появились уже в ходе истребительной войны против СССР. Речь идет об «Оперативных приказах» РСХА № 8 и № 14 от 17 июля и 29 октября 1941 г. соответственно, приказе гестапо № 9 от 21 июля 1941 г., приказах ОКВ № 1332/41 от конца июля 1941 г. и «Об обращении с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. В них достаточно четко просматривается участь, ожидавшая советских военнослужащих, попавших в нацистский плен²⁷.

16 июня 1941 г. управление по делам военнопленных при ОКВ своим распоряжением «Сущность военного плена согласно плану „Барбаросса“» фактически аннулировало важнейшие охранительные положения Гаагской и Женевской конвенций, главным образом отбросив саму идею человеческого обращения с пленными²⁸. Последние, за редким исключением, были подчинены вермахту, который издавал директивы об их содержании и об отношении к ним. Военное руководство, как отмечает немецкий исследователь Й. Остерло, было пособником нацистской политики: с самого начала ОКВ и ОКХ учредили ранговый порядок различного права и правовой гарантии для пленных различных враждебных государств. Этим командование вермахта нарушило решения Женевской конференции 1929 года. Более того, оно не выполнило ни одного пункта международно-правовых соглашений в войне против Советского Союза и проигнорировало основные права человека. Результатом стали сотни тысяч и миллионы убитых советских пленных на оккупированной

территории и в III рейхе. Решающим критерием по обращению с военнопленными было, по мнению историка, их место в нацистской иерархии рас. В самом наихудшем положении из всех военнопленных находились советские. Они были лишены всех прав, не могли обратиться за защитой в суд и не должны были получать помощь от Международного комитета Красного Креста. Надуманная система различных прав и привилегий функционировала без помех почти до конца войны: советские военнопленные владели жалкое существование, в то время как пленные «расово более ценных» народов находились в лучшем положении и в их отношении соблюдались все права международных соглашений. Охранники действовали соответствующим образом. Руководство вермахта одобрило и поддержало расовую политику относительно советских пленных²⁹.

Немецкие историки Г. Хеер и К. Науман пишут, что война, которую Гитлер начал готовить с первых дней своего прихода к власти — войну против СССР, могла быть, по его собственному пониманию, только войной на уничтожение. Говоря о «преступных приказах», они констатируют, что в них была ясно определена группа жертв для вермахта: комиссаров расстреливать, военнопленных лишить всех прав, гражданскому населению выносить смертные приговоры за помощь партизанам, евреев передавать айнзатц-группам. вермахт был осведомлен о программе уничтожения и брал на себя ответственность. Более того, он был включен в эту программу. Его руководящие кадры дали согласие на первоначально поставленные задачи. Радикализация программы охватила верхушку вермахта, а менталитет рядовых солдат к этому времени уже не отличался от менталитета войск рейхсфюрера СС Г. Гиммлера³⁰.

В данном контексте можно согласиться с мнением Б. Хавкина о том, что «было бы наивно полагать, что в случае подписания Советским Союзом названных международно-правовых документов Гитлер отказался бы от войны за завоевание „жизненного пространства на Востоке“ и уничтожение „неполноценных рас“ и вел бы „войну по правилам“»³¹.

С началом войны истребление не только пленных, но и мирного населения стало принимать все более ужасающие масштабы. Уже 23 июня 1941 г. глава Международного комитета Красного Креста М. Губер направил правительствам СССР, Германии, Финляндии и Ру-

мынии телеграммы с предложением помощи в обмене списками военнопленных и данными о погибших и раненых. В ответ на это 27 июня 1941 г. нарком иностранных дел В. Молотов телеграфировал президенту МККК о готовности Советского Союза осуществить предоставление сведений о военнопленных на основе взаимности³². В тот же самый день Германия и ее сателлиты были проинформированы об этом согласии. Вопрос о присоединении к Женевской конвенции 1929 г. советским правительством не поднимался, но в то же время Совет Народных Комиссаров СССР утвердил постановлением № 1798–800с от 1 июля 1941 г. новое «Положение о военнопленных», основанное именно на этой конвенции. Этот документ гарантировал военнопленным безопасность, поскольку запрещалось оскорблять и жестоко обращаться с ними, обеспечение жильем, одеждой, денежным довольствием по установленным нормам, а также медико-санитарным обслуживанием. Разрешалось получение посылок и денежных переводов, отправление и получение почтовой корреспонденции. На военнопленных, привлекаемых к работам, распространялись постановления об охране труда и рабочем времени, в точном соответствии с их действием в отношении советских граждан. Для такой категории плененных предполагалась также выплата заработной платы. Предусматривалась уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных. Допускался обмен списками военнопленных с международными организациями или справочными бюро Красного Креста³³.

«Положение о военнопленных» систематически доводилось до сведения личного состава воевавших с СССР армий Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и пр. по радио, в листовках, обращениях и т. п., а в лагерях для военнопленных оно вывешивалось на видных местах на русском языке и языке военнопленных³⁴.

В дополнение к «Положению» СНК, ГКО, руководство РККА, НКВД и другие ведомства в ходе войны приняли сотни документов, регулирующих режим военного плена. Решения советского военно-политического руководства в основном совпадали с требованиями международного гуманитарного права. Изданные приказы, директивы, распоряжения не призывали красноармейцев к расправам над военнопленными Германии или стран-сателлитов. Имевшая место ответная реакция бойцов и командиров

Красной армии на преступления, чинимые частями вермахта и СС, пресекалась. Требования постановления Совнаркома в основном соблюдались, а его нарушения со стороны должностных лиц преследовались как в дисциплинарном, так и в уголовном порядке³⁵.

Следует, однако, отметить, что этот документ в то же время имел существенные отличия от Женевской конвенции (отчасти из-за того, что содержал в три раза меньше статей): не были четко прописаны нормы питания военнопленных, не содержался запрет на использование труда военнопленных для изготовления и перевозки оружия, для постройки всякого рода укреплений, на работах с вредными для здоровья условиями труда, не оговаривалось предоставление защиты военнопленным, обвиняемым в совершении преступлений, смертный приговор осужденному мог быть приведен в исполнение без уведомления об этом правительства страны, гражданином которой он являлся, и без сообщения Международному комитету Красного Креста³⁶.

Со стороны отдельных ведомств нацистской Германии также предпринимались некоторые попытки добиться от Верховного командования вермахта правового регулирования в вопросах о военнопленных. Речь идет о двух официальных письмах управления по делам военнопленных от 24 июня 1941 г., направленных в управление разведки и контрразведки в ОКВ. Первое из них ставило целью выяснить возможность создания при участии МККК справочного бюро о военнопленных в нейтральной стране и тем самым оказать помощь немецким пленным в Советском Союзе. Второе же письмо касалось необходимости соблюдения Германией положений Женевской конвенции и, что самое удивительное, даже при условии, что противник не подписал ее³⁷. Весьма странная формулировка ввиду отданных «преступных приказов».

Однако следует учесть, что оба письма были составлены по инициативе эксперта по международному праву при ОКХ графа Г. фон Мольтке, ставившего в качестве одной из основных задач улучшить обращение с советскими военнопленными путем внесения корректив в уже существующие директивы. В результате же конечная цель данной инициативы оказалось безрезультатной. Штаб оперативного руководства вермахта заявил о том, что СССР не признает даже Гаагскую конвенцию, поэтому все дальнейшие разговоры на данную тему были прекращены³⁸.

Между тем, переговоры МККК с советским правительством продолжались в менее благоприятных условиях. Дело в том, что Красный Крест, по существу, проигнорировал протест советской стороны против неоднократных бомбардировок санитарных формирований и учреждений в начале войны, что было грубейшим нарушением норм международного права, военным преступлением. Вместо расследования подобных происшествий и их публичной огласки МККК занял пассивную позицию, и в результате протест был просто передан немецкой стороне. Подобная практика имела место и в дальнейшем³⁹.

Деятельность МККК, несмотря на возникшие трудности, сводилась в этот период в основном к попыткам добиться установления постоянных контактов с советской стороной. 6 июля в ответ на предложения Губера основать в столице Турции Анкаре Центральное агентство по делам военнопленных Молотов сообщил о согласии своего правительства с осуществленными шагами МККК. Все дальнейшие переговоры по данному вопросу было поручено вести послу в Турции С. Виноградову⁴⁰. А тем временем в начале июля имперское правительство также заявило о готовности к обмену списками фамилий, что давало еще большую надежду на заключение соглашения.

В ответ на меморандум шведской миссии в Москве от 14 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 июля направил «Памятную записку», в которой объявлял о своем намерении придерживаться Гаагской конвенции 1907 г. о ведении сухопутной войны, но при условии, что «эта конвенция будет соблюдаться самой Германией»⁴¹.

Положения этой ноты были оставлены без внимания немецкой стороной, соответственно предложения придерживаться норм Гаагской конвенции были отклонены⁴². Нацистское руководство не испытывало ни малейшего желания заключать с советским правительством какие бы то ни было формально юридические соглашения об обращении с военнопленными, дабы не связывать себе руки и иметь полную свободу действий в деле ликвидации политически и расово «нежелательных» пленных и перемещения остальных. Уклонение от заключения принципиального соглашения с Советским Союзом и попытка избежать прямого ответа на советскую ноту путем затягивания времени не в последнюю очередь определялась уверенно-

стью гитлеровского командования в быстром окончании войны с СССР и полном разгроме Красной армии. Через пять недель в ответной ноте шведскому правительству от 25 июля 1941 г. Германия обвинила Советский Союз в проведении расстрелов немецких военнослужащих⁴³.

Во второй половине июля МККК пытался наладить контакты между управлением по делам военнопленных ОКВ и уполномоченным представителем в Анкаре. 23 июля 1941 г. уполномоченный МККК М. Жюно рекомендовал Советскому Союзу ратифицировать Женевскую конвенцию 1929 г. о защите военнопленных. По его мнению, это позволило бы воспользоваться услугами Красного Креста, чьи представители смогут посещать в Германии лагеря для советских пленных и требовать улучшения их положения. Соответственно инспекции подвергнутся также и советские лагеря для немецких пленных. Жюно также предложил советскому послу организовать с Германией обмен информацией о военнопленных. Запись беседы была отправлена Виноградовым в Москву⁴⁴.

13 августа Жюно узнал от советского посольства, что исполнительный комитет Общества советского Красного Креста и Красного Полумесяца создал центральное справочное бюро, которое в соответствии с положениями Гаагской конвенции будет собирать и передавать дальше сведения о военнопленных и организует для них переписку. Казалось, что речь теперь идет лишь о том, чтобы уладить технические детали⁴⁵.

За пять дней до этого, 8 августа 1941 г., посольства стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту, в которой вновь обращалось внимание на то, что Советский Союз будет соблюдать общеизвестные международные договоры, в том числе Гаагскую конвенцию 1907 г. и Женевскую конвенцию 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», так же как и Женевский протокол от 17 июня 1925 г., запрещающий применение химического и биологического оружия. В тексте вновь содержалось требование соблюдать Германией вышеперечисленные договоры⁴⁶.

На следующий день немецкое руководство предоставило разрешение представителям Красного Креста К. Бурхарду и Э. де Халлеру посетить лагерь для советских пленных, а затем и составить первый список с их фамилиями. Однако советское правительство отказалось пу-

скать сотрудников международной организации в свои лагеря. Следствием запроса немецкого посла фон Папена, сделанного через Жюно советскому послу в Анкаре о том, действительно ли Сталин угрожал репрессиями в отношении семей военнослужащих, попавших в плен, стало резкое ухудшение климата переговоров. 6 сентября 1941 г. С. Виноградов телеграфировал заведующему средневосточным отделом Наркомата иностранных дел С. И. Кавтарадзе: «Как Вам известно, немцы уже дали первый список наших красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест получит такие же данные от нас»⁴⁷.

Однако до второй половины сентября переговоры проходили неконструктивно: то советская, то германская стороны или уводили разговор в сферу технических деталей дела, или подолгу согласовывали разные вопросы со своим руководством. В результате не нашли поддержки такие инициативы МККК, как попытка наладить обмен списками военнопленных, взаимная выдача раненых и больных, передача посылок с продовольствием, одеждой, обувью, табаком и другим⁴⁸. Обе стороны принципиально решили не идти на дальнейшие уступки.

В октябре 1941 г. МККК предпринимал попытки получить возможность инспектировать советские лагеря для военнопленных. Для этого использовалось два канала связи: через шведское Общество Красного Креста и советского посла в Стокгольме А. Коллонтай, с одной стороны, и К. Бурхарда и советского посла в Лондоне И. Майского, с другой. Но положительного ответа не последовало.

В ответном письме президенту США Ф. Рузвельту от 14 ноября 1941 г. И. Сталин заявил, что «по вопросу об установлении организационных форм сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран у Советского Правительства нет возражений...»⁴⁹. Однако и на этот раз дальше заявления дело так и не пошло.

Некоторые усилия в этом направлении предпринимались также со стороны правительств ряда стран, о чем свидетельствует запись беседы первого заместителя наркома иностранных дел А. Вышинского с посланником иностранных дел Швеции в СССР В. Ассарссоном от 19 ноября 1941 г. В частности, речь шла о создании организации, которая бы занималась всеми вопросами, касающимися режима военного плена на условиях взаимности. Правительства США, Англии

и Швеции предлагали Советскому Союзу присоединиться к Женевской конвенции, поскольку, по их мнению, так было бы легче требовать ее выполнения от германского руководства в отношении советских военнопленных. Однако, по мнению Вышинского, зверский режим нацистских лагерей, установленный в отношении пленных, исключал какую-либо возможность говорить о взаимности. А после того как советское правительство дважды заявило о своей готовности выполнять обязательства Гаагской конвенции, основные положения которой полностью совпадают с основными положениями Женевской конвенции 1929 г., присоединение СССР к последней не вызывается никакой необходимостью. Поэтому разговоры германского правительства о Женевской конвенции являлись лживыми, рассчитанными на то, чтобы ввести всех в заблуждение касательно преступного обращения с пленными. В конце беседы Ассерссон прямо заявил: «Да, я теперь понимаю, что вопрос о Женевской конвенции не имеет никакого отношения к вопросу о положении советских военнопленных»⁵⁰. Переговоры так ни к чему и не привели.

Несколькими днями позже, 25 ноября 1941 г., поверенный в делах США в СССР У. Торстон передал в Народный комиссариат иностранных дел СССР письменное сообщение госдепартамента с предложением о выступлении Советского Союза с декларацией о согласии применять статьи 1–88 Женевской конвенции о военнопленных. В ответ на сделанное предложение Вышинский заявил, что согласие применять указанные статьи означало бы согласие применять статью 9, по поводу чего уже в прошлый раз был дан отрицательный ответ, и что он считает этот вопрос исчерпанным. На том основании, что статья 9 конвенции устанавливает размещение в лагерях для военнопленных по расовому и этническому признаку, что противоречит статье 123-й Конституции (Основного Закона) СССР, советское правительство не может дать своего согласия на присоединение к Женевской конвенции об обращении с военнопленными. Торстон заметил, что можно было бы оговорить неприменение данной статьи, а сама декларация целесообразна в целях улучшения положения советских пленных, поскольку окажет свое действие на немцев. Возразив на эти доводы, Вышинский подчеркнул, что «на немцев не действуют декларации и что ожидать от такой декларации подобного рода эффекта не приходится»⁵¹.

После издания упомянутого выше приказа ОКВ от 8 сентября 1941 г. «Об обращении с советскими военнопленными», граф фон Мольтке предпринял очередную попытку добиться изменения позиции германского командования. Его письма к жене показывают, насколько хорошо он был проинформирован об их судьбе. В середине сентября 1941 г. Мольтке писал ей об ужасном обращении с советскими пленными и евреями, характеризуя сложившуюся ситуацию как страшное бедствие, что было главным признаком моральной деградации нацистской политики и ее носителей⁵². В частности в одном из писем от 12 сентября 1941 г. Мольтке написал про т. н. эксперименты Паннинга направленные на проверку эффективности действия экспансивных пуль («дум-дум») на живых людях. В качестве мишеней для эксперимента были использованы советские пленные, специально доставленные для этой цели из лагерей. По мнению Мольтке, подобные эксперименты были «вершиной зверств и извращенности»⁵³. К тому же еще со времен Первой Гаагской мирной конференции действовал формальный запрет на использование подобных боеприпасов.

Мольтке прилагал немало усилий, чтобы доказать хотя бы сам факт наличия военнопленных вермахта в советском плену, поскольку Гитлер категорически это отрицал, утверждая, будто бы все военнопленные расстреливаются Советами. Если судить по записям Гальдера, только до середины августа 1941 г. на Восточном фронте пропало без вести около 20 тыс. унтер-офицеров и рядовых германской армии⁵⁴, часть из которых действительно оказалась в плену.

15 сентября Мольтке передал начальнику абвера В. Канарису докладную записку, составленную при участии Г. Йенике, для фельдмаршала В. Кейтеля. В ней были изложены причины несогласия с приказом ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными». После ознакомления с содержанием записки Канарис также подписал ее⁵⁵. В документе указывалось, что «военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а лишь заключением в целях безопасности, единственно для предотвращения дальнейшего участия военнопленных в боях», а само «постановление составлено в самых общих чертах», при этом «если иметь в виду господствующие принципы, то эти так рьяно одобряемые меры неминуемо приведут к произволу, истязаниям и убийствам, даже в случае формального запрета такого произвола»⁵⁶, вследствие чего «отпадает

возможность протестовать против плохого обращения с солдатами вермахта в советском плену»⁵⁷. Спустя неделю документ был возвращен его авторам, а в его заглавии Кейтель оставил пометку: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и защищаю их»⁵⁸. После этого любая договоренность с СССР представлялась совершенно невозможной.

Комитет Красного Креста примерно в начале декабря 1941 г. предложил генералу Рейнеке организовать обеспечение продовольствием и одеждой из США немецких пленных в Советском Союзе и советских пленных в Германии, а также приобрести вакцину против сыпного тифа для советских пленных в Германии. Это предложение было поддержано Рейнеке, а также министром пропаганды Геббельсом, ибо они надеялись, что таким образом удастся без переговоров и без политических уступок облегчить судьбу немецких пленных в СССР, что было весьма желательно «с точки зрения воздействия на настроения населения». Кроме того, Рейнеке учел «материальную сторону» снабжения советских пленных из-за границы. Однако Гитлер в начале января категорически отклонил это предложение⁵⁹. Утвердительное решение инициатив МККК со стороны верхушки III рейха наталкивалось на многочисленные препятствия. Это было связано как с боязнью того, что советское командование через составленные списки узнает о массовой гибели своих пленных, так и с тем, что это создаст прецедент для массовой сдачи немецких солдат в плен.

По сути, МККК добиться ничего не удалось. Оба участника переговоров никакого настоящего стремления перевести взаимное обращение с военнопленными на принципы человечности не проявили. Поэтому правовое положение пленных определялось не международными соглашениями, а внутренними документами воюющих сторон⁶⁰.

И тем не менее Наркомат иностранных дел СССР своими официальными нотами продолжал информировать мировую общественность о вопиющих нарушениях немецкой стороной международно-правовых норм, и в первую очередь Гаагской конвенции, приводя множество примеров совершения преступлений в отношении советских военнопленных. В то же время подчеркивалось соблюдение советской стороной всех пунктов и принципов Гаагской конвенции

в отношении военнопленных Германии. Данный вопрос наиболее четко был сформулирован в нотах НКВД СССР от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»⁶¹ и от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»⁶². А 27 апреля 1942 г. Молотов в новой ноте вновь поставил вопрос об истреблении нацистами советских военнопленных (раздел VI), а также подчеркивал, что Советский Союз *de facto* присоединился к Гаагской конвенции. Осуждая жестокую политику Германии в отношении советских военнопленных, правительство СССР заверило мировую общественность в том, что оно «не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных»⁶³.

Сущность отношения советского руководства к собственным солдатам и командному составу, попавшим в плен, была изложена еще в довоенном законодательстве.

Советские законы и практика правосудия имели обвинительный характер в отношении добровольно сдавшихся в плен военнослужащих. Так, статья 193 Уголовного кодекса 1926 г. предусматривала высшую меру наказания с конфискацией имущества за сдачу в плен, если это не было вызвано боевой обстановкой. Преследованию не подлежали военнослужащие, попавшие в плен при обстоятельствах, от них не зависящих. В отношении семей военнослужащих, попавших в плен, законодательство также не предусматривало никаких ограничений в отношении материального обеспечения и т. п.⁶⁴

27 июля 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли новое «Положение о воинских преступлениях», статья 22 которого практически полностью повторяла статью 193 УК РСФСР 1926 года⁶⁵. При этом в комментариях к статье 22 «Сдача в плен» указывалось: «Каждый военнослужащий обязан выполнить свой воинский долг согласно данному им торжественному обещанию (красная присяга), не щадя своих сил ни самой жизни». Однако в некоторых случаях обстановка на поле боя может сложиться так, что сопротивление станет невозможным, а гибель собственных бойцов бесцельной. В подобных случаях сдача в плен рассматривалась как допустимый акт, который не вызовет судебных преследований. Статья 22 рассматривала как преступление лишь

такую сдачу в плен, которая не была вызвана боевой обстановкой, т. е. сдачу в плен с целью избежать риска, связанного с нахождением в рядах бойцов (быть убитым, раненым и т. п.)⁶⁶.

Уже в 1930-е гг. в атмосфере всеобщей подозрительности постепенно стало оформляться негативное отношение к военному плену, как и многие соответствующие ему стереотипы. Официально провозглашалось, что бойцы и командиры Красной армии в плен не сдаются. Считалось, что красноармейцы должны драться до последнего и тем самым до конца выполнить свой долг перед страной. Фактически ничто, в том числе и угроза смерти, не могло заставить военнослужащего сдаться в плен⁶⁷.

По мнению ответственного секретаря Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий В. Наумова, отношение советского руководства к военнослужащим Красной армии, оказавшимся в плену, определилось еще в 1940 г., по окончании советско-финской войны, когда значительная часть из 5,5 тыс. пленных после годовой проверки была осуждена⁶⁸. Вопрос же о том, можно ли считать, что к началу войны у советского руководства сложилось представление о военнопленных как об «изменниках Родины», остается открытым. Так, некоторые исследователями утверждают, что об этом отчетливо говорят принятые государственными учреждениями документы. Подобным образом характеризуются 22-я статья «Положения о воинских преступлениях» 1927 г.; статьи Уголовного кодекса 1938 г., касавшиеся воинских преступлений, включая плен, и носившие ярко выраженный обвинительный и репрессивный характер; совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР от 28 июня 1941 г., предусматривавший привлечение к ответственности членов семей заочно осужденных «изменников Родины» либо через военные трибуналы, либо через особые совещания при НКВД СССР. При этом Сталину часто приписывается мнение о том, что «в Красной армии нет военнопленных. Есть только предатели и изменники Родины»⁶⁹. Однако никакие документальные подтверждения этому не приводятся. Следует также отметить, что в нормативных документах по вопросам, связанным с «изменой Родине», нигде не говорится об их непосредственной привязке к положениям о военнопленных. Это касается также принятого 8 июня 1934 г. ЦИК СССР репрессивного закона «Об измене Родине», который предусматривал привлечение

к ответственности членов семей изменников, т. е. лиц, вообще не причастных к совершению преступления⁷⁰. Поэтому в данном случае все зависит от авторской трактовки. Утверждение же о том, что сам факт попадания в плен в соответствии со статьей 22 «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. приравнивался «к измене Родине», совершенно неверно и опровергается текстом самого документа.

Следует, однако, отметить, что некоторые из репатриированных в СССР бывших военнопленных вспоминали, что, хотя и не было принято нормативного документа, характеризовавшего плененных как «изменников» на официальном уровне, тем не менее в послевоенный период, согласно общей негласной установке, сам факт пребывания в плену считался позором, в особенности это касалось советского командного состава⁷¹. А по мнению М. Семиряги, в послевоенный период сталинское руководство относилось лучше к военнопленным вражеской армии, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из плена. Был нарушен сам принцип восстановления в правах военнослужащих после плена⁷².

В трагедии советских военнопленных ощутимой была также роль приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа 1941 г., подписанного всеми членами Ставки ВГК. Приказ обязывал расстреливать на месте командиров и политработников, которые во время боя срыгают с себя знаки различия и дезертируют в тыл или сдаются в плен врагу. При этом их семьи подлежали аресту как семьи дезертиров. Частям и подразделениям, которые попали в окружение, предписывалось самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося им людские и материальные потери. А если «начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»⁷³. Приказ был зачитан во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

В период Второй мировой войны и после ее окончания приказ № 270 был тем документом, на основании которого определялся правовой статус советских военнопленных в СССР.

О том, что пребывание в плену или же за линией фронта уже само по себе ставило бойцов и командиров РККА под подозрение в лояльности, отчетливо говорит опыт практического применения приказа. Зачастую он понимался слишком широко и применялся не только в отношении добровольно сдавшихся или умышленно перешедших на сторону противника, но и тех, кто оказался в плену по независящим от них причинам, причем часто без должного выяснения обстоятельств пленения. Речь идет о том, что среди плененных значительную часть составляли раненые и контуженные, израсходовавшие все боеприпасы или лишенные продовольствия, находящиеся в тяжелых условиях окружений целых армий, когда все возможности дальнейшего сопротивления были исчерпаны. Все это приводило к широкому использованию неприглядных сторон применения приказа № 270, так же как и некоторых его формулировок, нацистской пропагандой в лагерях для советских военнопленных, направленной на подавление их воли к дальнейшему сопротивлению. Широко использовался тезис о преданных плененных, брошенных на произвол судьбы своим же правительством. Судя по пропагандистской литературе периода войны, активно распространявшейся Главным политическим управлением РККА, советским военнослужащим действительно активно внушался тезис о недопустимости сдачи в плен к противнику, поскольку это означало не только дезертирство с поля боя и совершение предательства, но и неминуемую гибель. При этом не проводилось принципиальной разницы между понятиями «сдаться» и «попасть в плен»⁷⁴.

В изменившихся условиях конца декабря 1941 г., когда Красная армия перешла в стратегическое контрнаступление под Москвой и на других направлениях, ГКО принял постановление № 1069сс, в соответствии с которым все военнослужащие, бывшие в окружении или в плену, проходя через армейские сборно-пересыльные пункты, поступали в спецлагеря НКВД на проверку⁷⁵. Причем проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы: 1) военнопленные и окруженцы; 2) рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности; 3) гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником⁷⁶. Только по

официальным данным, за годы войны и по ее окончании более 233 тыс. человек⁷⁷ (по другим данным, более 226 тыс. человек⁷⁸), скомпрометировавших себя в плену, были осуждены на пребывание в лагерях НКВД.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить следующее. Отказ Германии от соблюдения международных конвенций, регулировавших обращение с военнопленными, как и отказ от помощи Красного Креста советским пленным, был предрешен до начала войны. В среде военнопленных гитлеровское командование установило четкую иерархию в плане соблюдения гарантий и прав, сообразуясь с нацистской доктриной. Советские пленные занимали самую нижнюю ступень этой иерархии, поскольку рассматривались в первую очередь как социальные и идеологические, а не национальные враги. В них видели большевиков, смертельных врагов нацизма, к тому же расово неполноценных. А сама война с СССР представлялась как столкновение двух мировоззрений и рас⁷⁹.

До нападения на Советский Союз на самой низшей ступени иерархии находились пленные Югославии и Польши, в особенности польские евреи. Последние, за исключением офицеров, были формально освобождены из плена и в последующем помещены в гетто в нарушение Женевской конвенции⁸⁰, при том что Польша, к примеру, являлась государством, подписавшим и ратифицировавшим эту конвенцию 29 июня 1932 года⁸¹. Однако после оккупации этих стран немецкое руководство пришло к выводу: раз государства как такового больше не существует, соответственно, никаких правовых гарантий в отношении военнопленных такой страны применять не стоит. Во многом подобного рода соображения касались также и советских пленных, ведь гитлеровское командование исходило из расчетов молниеносного завершения Восточной кампании (еще до окончания войны против Англии), результатом чего станет полный разгром Советского государства, на территории которого будет построен «новый порядок»⁸². Эти соображения диктовались тем, что в подобной ситуации можно будет, с одной стороны, избежать ответных репрессий в особенности при отсутствии контроля со стороны третьих лиц, и, с другой стороны, действовать в духе нацистской оккупационной политики, в особенности если речь идет о народах, которые считались «неполноценными» в расовом и культурном отношениях.

Отношение сталинского руководства к собственным пленным в значительной степени определялось той внутрисполитической ситуацией, которая начала складываться в СССР в 1930-е гг. и на которую оказали влияние массовые политические репрессии, базировавшиеся не в последнюю очередь на практике уголовного осуждения граждан во внесудебном порядке. Учитывая оперативно-стратегическую ситуацию лета–осени 1941 г. и то катастрофическое положение, в котором оказались советские войска, можно предположить, что вопросы, связанные с военнопленными, отошли для Сталина и его окружения на второй план. Переговоры с правительствами Англии и США касались, в первую очередь, наиболее важных, по мнению советских руководителей, вопросов: союзнических поставок, совместных действий в войне с Германией, подготовки к межсоюзнической конференции, решения послевоенных вопросов⁸³. Возможно, также не последнюю роль сыграло стремление Сталина скрыть реальные масштабы поражения и количество пленных перед советским обществом и международной общественностью. Встав перед необходимостью продемонстрировать своим будущим союзникам способность Красной армии оказывать упорное сопротивление наступлению вермахта, Сталин и его окружение не были заинтересованы в обсуждении вопроса про миллионы советских пленных, поскольку боеспособность войск могла быть, таким образом, поставлена под сомнение. Возможно, незаинтересованность сталинского руководства в подписании Женевской конвенции была связана также с намерением предотвратить сдачу в плен советских солдат, и жестокое отношение к ним со стороны противника должно было этому способствовать. Дальнейшее же выполнение «преступных приказов», да и общие условия содержания пленных красноармейцев в нацистских лагерях, о чем очень быстро стало известно, убеждали советское правительство в бесперспективности дальнейших переговоров.

Позиция союзников определялась главным образом соображениями максимального затягивания открытия второго фронта в Европе. Поэтому чрезмерное акцентирование внимания на фактах, говорящих о проведении политики массового истребления народов оккупированных стран, и в первую очередь СССР, могло бы представить их позицию в весьма неприглядном

свете. Настойчивое упорство правительств Англии и США обязать Советский Союз выполнять условия Женевской конвенции, а по возможности и подписать ее, исходили из соображений безопасности собственных солдат и офицеров. Предположение о том, что если Женевская конвенция не будет применяться по отношению к военнопленным всех стран, то это неминуемо приведет к ухудшению положения всех без исключения пленных, не было лишено основания. Хотя в то же время, как показал опыт содержания пленных англичан, американцев, а также австралийцев и новозеландцев в японских лагерях, жестокого обращения с ними в ходе конвоирования и т. д.⁸⁴, простое подписание той иной конвенции само по себе мало что значило⁸⁵. Главным было изначальное намерение той или стороны руководствоваться в своих действиях нормами

гуманного обращения с пленными противоборствующей стороны.

Говоря о роли Красного Креста, нельзя не отметить, что, с одной стороны, именно эта организация стала инициатором переговорного процесса между СССР и Германией по вопросу о военнопленных обеих сторон, а также главным посредником между двумя государствами. В то же время в его деятельности практически полностью отсутствовала решительная официальная критика нацистской политики, попиравшей требования всех без исключения международных договоров, так или иначе касавшихся обращения с пленными. Следствием подобной политики стала гибель миллионов советских военнослужащих на территории оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также СССР.

¹ См., напр.: Манаенков А. Л. Грубое нарушение законов и обычаев войны в обращении с военнопленными // *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.)*. М., 1965. С. 330–339; Халепо Т. І. Масове знищення німецько-фашистськими загарбниками мирного населення і військовополонених України // *Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України)*. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 236. Л. 153–203.

² Урланис Б. Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. М., 1998. С. 312–314.

³ Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942. С. 7–10; *Laws and Customs of War on Land (Hague IV)*; 18 October, 1907 // URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hague04.asp

⁴ Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague 18 October 1907 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=195&ps=P>

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 333–334.

⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов. В 7 т. Т. 3. М., 1958. С. 19–20; Нюрнбергский процесс: сб. материалов. В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 99.

⁷ Король В. Ю. Трагедія військовополонених на окупованій території України в 1941–1944 роках. К., 2004. С. 43; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 31; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. Русское издание. 2006. № 1. С. 8; Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 2: Советские военнопленные в немецком плену. Иерусалим, 2003. С. 6, 166; Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 236.

⁸ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 236.

⁹ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 17.

¹⁰ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. М., 1932; Законы и обычаи войны... С. 21–32.

¹¹ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/FULL/305?OpenDocument>

¹² См., напр.: Конасов В. Б. Судьба немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. Вологда, 1996. С. 20–22; *Народ и война: 50 лет Великой победы*. СПб., 1995. С. 284; Текст конвенции 1949 г. См. напр.: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml

¹³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 64.

¹⁴ Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 2... С. 166.

¹⁵ Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009. С. 17–19.

- ¹⁶ Семиряга М. И. Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 14.
- ¹⁷ Военнопленные в СССР... С. 59–63.
- ¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 493; «Существовавшие до сих пор правила отменяются» // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 10.
- ¹⁹ См.: Веремеев Ю. СССР и Женевская конвенция о военнопленных // URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/zenev-konvencia.shtml>; Мартиросян А. Б. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007. С. 451;
- ²⁰ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=P>
- ²¹ См., напр.: Беддекер Г., Карель П. Немецкие военнопленные Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2004; Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944–1945. М., 2006; Гофман И. Сталинская истребительная война (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006; Рендулич Л. Фатальные ошибки вермахта. М., 2006; Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941–1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München–Zürich, 1993; Klink E. Die militärische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion // DRZW 4. 1983. S. 190–277; Pfeffer K. Deutsche und andere Menschen in zweiten Weltkrieges // Bilanz des zweiten Weltkrieges: Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft. Hamburg, 1953. S. 492–517; Uhlig H. Der Verbrecherische Befehl // Vollmacht des Gewissens. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1965. S. 321.
- ²² Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1993. № 2. S. 136–138.
- ²³ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 193–194, 427.
- ²⁴ Jacobsen H.-A. Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangenen // Anatomie des SS-Staates. Bd. II. Olten und Freiburg, 1965. S. 181.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 7021. Оп. 148. Д. 160. Л. 2.
- ²⁶ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 21; Пленков О. Ю. III Рейх. Война. Кн. 1: вермахт, война и немецкое общество. СПб., 2005. С. 271.
- ²⁷ См., напр.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 107–337; Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005. С. 67–94; Лешин М. Преступления вермахта против военнослужащих Красной армии и советских партизан // Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944. М., 2005. С. 25–39; Полян П. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: воспоминания и документы. М., 2006. С. 9–70; Хартман К. Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза // URL: http://www.mgimo.ru/victory65/documents/4-hartman_plan-anti-US.pdf. С. 86–90; Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003. С. 89–99; Förster J. Das Unternehmen „Barbarossa“ als Eroberungs- und Vernichtungskrieg // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion, Stuttgart, 1983. S. 413–447; Krausnick H. Kommissarbefehl und „Gerichtsbareitsenerlaß Barbarossa“ in neuer Sicht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1977. № 25. S. 682–738.
- ²⁸ Ерин М. Е. Советские военнопленные... С. 92–93; Хартман К. Планирование Гитлером войны на уничтожение... С. 90; Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 76–78.
- ²⁹ Osterloh J. „Hier handelt es sich um die Vernichtung einer Weltanschauung...“ Die Wehrmacht und die Behandlung des sowjetischen Gefangenen in Deutschland // Die Wehrmacht: Mythos und Realität. München, 1999. S. 784–785, 802.
- ³⁰ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hrsg. / H. Heer und K. Naumann. Hamburg, 1995. S. 29–30.
- ³¹ Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 8.
- ³² Лужеренко В. К. Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4.: Народ и война. М., 1999. С. 169; Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2009. С. 21.
- ³³ Военнопленные в СССР... С. 65–68.
- ³⁴ Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 15.
- ³⁵ Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 238–239; Лужеренко В. К. Плен... С. 170.
- ³⁶ Военнопленные в СССР... С. 28; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 8.
- ³⁷ Van Roon G. Graf Moltke als Völkerrechtler im OKW // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. J. 18. S. 12–61.
- ³⁸ De Zayas A. The Wehrmacht Bureau on War Crimes // Historical Journal. Vol. 35. No. 2. PP. 386–387; Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke als Völkerrechtler 1907–1945 // Die Durchsetzung völkerrechtlicher Verpflichtungen. 1987. S. 745.

- ³⁹ См.: Документы обвиняют. Вып. 1. М. 1943. С. 244–247; Тудоряну Н.Л. Американский Красный Крест в СССР в годы Великой Отечественной войны по архивным материалам // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 36–48.
- ⁴⁰ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁴¹ Документы внешней политики. Т. 24. М., 2000. С. 163.
- ⁴² Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 45.
- ⁴³ Лужеренко В.К. Плен... С. 170; Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 240.
- ⁴⁴ Смыслов О.С. Плен... С. 22.
- ⁴⁵ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 242.
- ⁴⁶ См., напр.: Нота правительства СССР посольству США в СССР // Документы внешней политики. Т. 24... С. 224.
- ⁴⁷ Смыслов О.С. Плен... С. 22.
- ⁴⁸ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁴⁹ Документы внешней политики. Т. 24... С. 420.
- ⁵⁰ Документы внешней политики. Т. 24... С. 436–437.
- ⁵¹ Документы внешней политики. Т. 24... С. 488–489; Король В.Ю. Трагедія військовополонених... С. 43.
- ⁵² Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke... S. 745–746.
- ⁵³ Moltke, Helmuth James von. Letters to Freya 1939–1945. Ed. and Trans. Beate Ruhm von Oppen. New York, 1990. P. 160
- ⁵⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. М., 1971. С. 315–316.
- ⁵⁵ Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke... S. 750.
- ⁵⁶ Война Германии против Советского союза 1941–1945 / под. ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 111–114.
- ⁵⁷ Война Германии против Советского союза... С. 114.
- ⁵⁸ Война Германии против Советского союза... С. 114.
- ⁵⁹ Штрайт К. «Они нам не товарищи...». С. 189.
- ⁶⁰ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁶¹ ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 9–26.
- ⁶² ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 27–50.
- ⁶³ ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 51–57.
- ⁶⁴ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. М., 1957. С. 86.
- ⁶⁵ См. напр.: Положение о воинских преступлениях 1927 г. Советское военное уголовное право. М., 1941. С. 38–51.
- ⁶⁶ Змиев Б. Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г.: текст и комментарий. М., 1928. С. 52.
- ⁶⁷ Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Государство и право. 1990. № 4. С. 126.
- ⁶⁸ Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
- ⁶⁹ Ерин М.Е. Советские военнопленные... С. 7–9; Король В.Ю. Трагедія військовополонених... С. 42–46; Наумов В.П. Судьба военнопленных... С. 92–94; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 9.
- ⁷⁰ Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 47.
- ⁷¹ См., напр. Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина»: записки военного разведчика. М., 2009. С. 392–477.
- ⁷² Семиряга М.И. Военнопленные — изменники Родины или жертвы войны? Размышление о судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Вологда, 1997. С. 8; Его же. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000. С. 352.
- ⁷³ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.
- ⁷⁴ См.: Зверства немцев над пленными красноармейцами (рассказы бежавших из плена, документы и факты). М., 1942; Федоров Е. Воин Красной армии в плен не сдается. Л., 1942.

- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 29.
- ⁷⁶ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4.
- ⁷⁷ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 463–464.
- ⁷⁸ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 6.
- ⁷⁹ См.: Forwick H. Zur Behandlung alliierter Kriegsgefangener im Zweiten Weltkrieg. Anweisung des Oberkommandos der Wehrmacht über Besuche ausländischer Kommissionen in Kriegsgefangenenlagern // Militärgeschichtliche Mitteilungen 2. 1967. S. 119–134.
- ⁸⁰ См.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 19–20, 230–241; Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 1: Военнопленные Западных стран антигитлеровской коалиции в немецком плену. Иерусалим. С. 68–74;
- ⁸¹ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=P>
- ⁸² См.: Дашичев В. И. «Совершенно секретно. Только для командования!»: стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М. 1967. С. 124–190; Его же. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. Т. 2. М. 1973. С. 58–134.
- ⁸³ См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискусии: документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 10–95.
- ⁸⁴ См.: Николаев А. Н. Токио: суд народов: по воспоминаниям участника процесса. М., 1990. С. 253–258; 322–323.
- ⁸⁵ Имеется в виду, что Япония, будучи страной — участницей международной конференции в Женеве в июле 1929 г., подписала, но не ратифицировала конвенцию «Об обращении с военнопленными». См.: Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=S>

Отношение к нацистским преступникам после 1945 г. и современные тенденции их оправдания

Л. А. Терушкин*

Еще в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войны справедливое возмездие настигло многих нацистских преступников и их пособников-коллаборационистов. Расследование их преступлений проводилось практически сразу же после освобождения многих районов и городов СССР, очень часто параллельно с работой Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Судебные процессы опирались не только на показания свидетелей, очевидцев, которым посчастливилось остаться в живых, но и на письма (часто предсмертные записки), дневники жертв.

Еврейский антифашистский комитет, созданный в августе 1941 г., вел активную работу по разоблачению преступлений нацизма, по изданию информационно-пропагандистских материалов «О зверствах гитлеровских банд над еврейским населением». Орган ЕАК газета «Эйникайт» еще 27 июля 1943 г. призвала всех присылать в комитет свидетельства об уничтожении евреев. Созданная весной 1944 г. литературная комиссия, которую поочередно возглавляли Илья Эренбург и Василий Гроссман, подготовила «Черную книгу. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши...» Рукопись книги предоставлялась как

вещественное доказательство для Нюрнбергского трибунала.

На самом Трибунале фигурировали так же показания некоторых свидетелей (А. Суцкевер, который уже летом 1944 г. написал свою книгу, изданную через 2 года в Москве на идиш), которые ранее предоставляли свои письма, дневники и очерки для «Черной книги» в процессе сбора материалов.

На Нюрнбергском процессе фигурировал дневник, который вел в оккупированном г. Кременец (Украина) школьник Роман Кравченко. Окна его дома выходили прямо на одну из улиц гетто, узницей которого была девочка, с которой он дружил до войны.

С ноября 1943 г. вплоть до начала 1980-х гг. проводились расследования преступлений оккупантов и коллаборационистов в Бабьем Яру в Киеве и в Сырецком концлагере. Помимо допросов свидетелей и очевидцев, привлеченных органами НКГБ уже в 1943–1945 гг., в ЧГК поступили письма, заявления и показания многих чудом избежавших смерти (письмо Исаака Бродского, погибшего позднее на фронте, заявление бывшего узника Фимы Вилкиса, записка бывших заключенных Сырецкого лагеря В. Будника, В. Давыдова, З. Трубакова и других от 20 мая 1945 г.).

Уже в декабре 1943 г. был приговорен к смертной казни И. Морозов, бывший заключенный и сотник Сырецкого лагеря.

* Леонид Абрамович Терушкин — заведующий архивом Российского научно-просветительского центра «Холокост».

В январе 1946 г. в Риге был признан виновным и приговорен к смертной казни руководитель войск СС и полиции генерал Фридрих Еккельн. В его подчинении в находилось 10 500 полицейских и эсэсовцев. На их совети — 325 000 жертв на Украине, 30 000 — в Риге, почти 25 000 — в Белоруссии (операции против партизан «Болотная лихорадка», «Зимние чары», «Отто»).

На процессе свидетелем обвинения выступала Фрида Михельсон, одна из двух евреек Риги, спасшихся при расстреле рижского гетто в декабре 1941 г.

В 1962–1965 гг. в Киеве и Краснодаре проходили суды над бывшими вахманами и охранниками лагеря уничтожения Собибор (Польша). Но ранее, в 1949 г., был осужден один из них — Иван Козловский. Показания и записки бывших узников и участников восстания (записка 1944 г. А. Печерского) свидетельствовали против них.

Сотрудники архивов и музеев, изучая и используя фотодокументы военного времени, не придавали особого значения рабочим тетрадям, записным книжкам и дневникам военных корреспондентов. Мой личный опыт работы с подобными источниками при комплектовании архива НППЦ «Холокост» и ЦАЭ и АДМ г. Москвы показал, что эти материалы не только содержат пояснения к фотографиям, но в них очень часто встречаются интереснейшие наблюдения и замечания, отражены незначительные на первый взгляд, но сегодня крайне интересные факты, а также упоминания имен жертв, мест преступлений нацистов.

Например, запись, сделанная Д. А. Минскером в Киеве сразу после освобождения города. Он зафиксировал информацию о жизни оккупированного Киева, полученную из бесед с местными жителями. Вероятно, это первый источник, созданный по «горячим следам», без какой-либо цензурной корректуры до начала работы ЧГК.

После окончания Нюрнбергского процесса отношение к нацистским преступникам определялось все сильнее и сильнее политической конъюнктурой. «Холодная война», превратившая бывших союзников по антигитлеровской коалиции в непримиримых противников, позволила многим нацистам или уйти от ответственности за содеянное, или отделаться довольно мягкими, несоизмеримыми с масштабами их преступлений приговорами.

Нацистские преступники, попадавшие в руки правосудия в СССР, странах Восточной Европы и Израиле (яркий пример тому — процесс Эйхмана), в лучшем случае могли рассчитывать на весьма длительные сроки тюремного заключения, а часто им выносили смертные приговоры. Пособники-коллорабационисты преследовались не столь сурово, но процесс их поиска не прекращался вплоть до распада СССР.

Другой была ситуация в Западной Германии. Преследование нацистских преступников продолжалось, но лишь небольшая часть их была привлечена к суду, а многие были оправданы или освобождены.

Например, в 1965–1966 гг. в Хагене проходил процесс над двенадцатью эсэсовцами — палачами лагеря смерти Собибор, где было уничтожено 250 000 евреев Европы. Кстати, советских узников не приглашали на суд в качестве свидетелей. Из 12 обвиняемых шесть были освобождены, трое получили 3–4 года тюремного заключения «за содействие убийству» десятков тысяч людей, один получил восемь лет, один был приговорен к пожизненному заключению (Карл Френцель, один из комендантов лагеря). В 1980 г. он добился пересмотра своего дела и вышел на свободу, но в 1985 г. повторный суд подтвердил приговор, вынесенный в 1966 г.

Организация по розыску нацистских преступников (Центр Симона Визенталя) до сего дня не прекращает их преследование.

После распада СССР и масштабных политических изменений на карте Восточной Европы отношение к холокосту, преступлениям нацизма и ответственности нацистских преступников разделилось на две основные тенденции, которые очень тесно связаны и с изменением отношения к итогам Второй мировой войны. В России официально признан холокост (тема, находившаяся под запретом в СССР), ведется активное изучение этого вопроса, сбор исторических источников, свидетельств и установка памятников жертвам. Отношение к нацистским преступникам, недопущение игнорирования решения ООН о том, что нацистские преступления не имеют срока давности, не претерпели в России изменений. В других государствах, например в странах Балтии, признаются факты уничтожения евреев на их территории, возводятся памятники и параллельно чествуются нацистские преступники — местные коллабационисты за их борьбу против «советского режима». А ведь эти «герои» занимались под руководством

германских инструкторов прежде всего уничтожением сначала местного еврейского населения, потом тех, кто симпатизировал советской власти или просто был недостаточно лоялен гитлеровскому режиму. На территории Белоруссии, России и Польши литовские, эстонские, латышские и украинские полицейские формирования и дивизии СС выполняли карательные функции, осуществляли политику «выжженной земли». Регулярным частям Красной армии эти формирования серьезно противостоять не могли.

Хочется заметить, что сегодня отношение к нацистским преступникам и их пособникам является не просто вопросом «прощать или карать старых больных людей, которые выполняли приказы свыше». Именно так звучат формулировки адвокатов — защитников последних нацистов. Буквально вчера был наконец вынесен приговор, осудивший Ивана Демьянюка, бывшего охранника Собибора. Следствие и судебный процесс тянулись практически 15 лет. Примечательна правовая коллизия: суд, осудивший преступника де-юре, де-факто был вынужден отпустить «измученного старика», так как тот уже длительное время находился под следствием и фактически отбыл срок заключения. Вопреки противодействию различных политических сил принцип неотвратимости наказания все-таки восторжествовал.

Отношение к нацистским преступникам, к незыблемости принципа неотвратимости наказания за преступления против человечности являются «лакумсовой бумажкой» взгляда на итоги Второй мировой войны. Можно проследить закономерную цепочку развития взглядов на пересмотр итогов войны и фальсификацию ее истории. Отрицание холокоста — преуменьшение и отрицание преступлений нацизма — оправдание и освобождение от ответственности нацистских преступников и закономерный итог — объяснение и оправдание агрессивной политики гитлеровской Германии и преступлений ее режима, полное отождествление Германии и СССР как двух агрессоров, стремившихся только поделить Европу вопреки планам демократических стран (Великобритания, США). Во многих государствах Восточной Европы деятельность Гитлера и Сталина воспринимается синонимично, вермахт и Красная армия — тоже. Разумеется, Красная армия больше не является освободительницей Европы от фашизма, в лучшем случае она просто союзник вооруженных сил Великобритании и США.

В последние годы даже были попытки осудить бывших борцов с нацизмом и партизан. В Латвии был инициирован судебный процесс над Василием Кононовым, бывшим партизаном, который был осужден несмотря на явные нарушения в ходе следствия и судебного процесса и вопреки международным правовым нормам. В Литве была предпринята попытка осудить Ицхака Арада — советского партизана, историка бывшего директора мемориального комплекса «Яд ва-Шем», автора книг и публикаций по истории катастрофы европейского еврейства. В 2007 г. 81-летнего Арада вызвали в прокуратуру Вильнюса в связи с обвинением в участии в партизанском отряде. Сам Арад отметил: «У евреев в Литве был небольшой выбор: идти к месту казни и быть убитым или остаться в живых, то есть уйти в леса, податься к партизанам и воевать. Не было другого пути вообще. Скажу больше, я горжусь тем, что это сделал, потому что я считаю, что эти убийцы моего народа, убийцы миллионов советских людей». По его мнению, таким образом Литва пытается «очистить» собственную историю: «И это в Литве, где по сей день за сотрудничество с нацистами официально не осужден ни один человек». В июне 2008 г. представители еврейской общины Литвы в открытом письме выразили осуждение в связи с преследованием Арада. Протест выразили также председатель совета директоров «Яд ва-Шем» Авнер Шалев и Федерация еврейских общин России. В своём письме Шалев заявил, что «в Литве имеет место деструктивный исторический ревизионизм, подвергаются сомнению легитимные и героические военные действия партизан с целью распространения необоснованных взглядов и искажения исторических истин».

Вооруженные силы западных союзников подаются как единственные освободители Европы от нацизма, как спасители европейского еврейства. А ведь руководители демократических стран в 1943–1944 гг. были достаточно хорошо информированы о лагерях уничтожения, об эшелонах, регулярно доставляющих евреев в газовые камеры. Многочисленные обращения представителей еврейских и не только общественных организаций с просьбами направить авиацию союзников для бомбежки железных дорог и лагерей, чтобы остановить фабрики смерти, были проигнорированы. Военно-политическое руководство отправляло армады бомбардировщиков стирать с лица земли германские города, что да-

леко не всегда было оправдано военной необходимостью, но не смогло найти возможность помочь спасти узников лагерей. Да, конечно, американские, английские, французские солдаты сражались и умирали ради скорейшей победы над Германией. Но солдаты и офицеры Красной армии все-таки внесли решающий вклад не только в общую Победу, но прежде всего в спасение евреев Восточной Европы, в освобождение узников лагерей смерти. Бойцы Красной армии жертвовали своими жизнями, не задумываясь о политических планах послевоенного устройства Европы. Именно советские войска спасали узников калужского гетто в декабре 1941 г., освобождали Майданек, Освенцим и другие лагеря. Именно советские солдаты спасли узников гетто в Будапеште в феврале 1945 г. Кстати, в память об этом установлен в Будапеште памятник, именно на том месте, где первые советские разведчики преодолели стену, отделявшую гетто от основной части города.

Фактически у России остается единственный на сегодняшний день союзник, принципиально разделяющий взгляд на итоги Второй мировой войны, на отрицательное отношение и недопущение фальсификации ее истории. Это — Государство Израиль, его общество, значительная часть его историков, а также все, кто занимается сохранением памяти о жертвах Холокоста. И не только ветераны Великой Отечественной войны 20 тысяч которых проживает в Израиле. За последние 20 лет с момента восстановления дипломатических отношений между российскими и израильскими историками установилось теснейшее сотрудничество и взаимопонимание. Мемориальный комплекс и Институт «Яд-Вашем» осуществляют целый ряд совместных программ с Российским научно-просветительным центром «Холокост», с аналогичными научными и мемориальными организациями СНГ. Именно при активном участии израильских коллег НПЦ «Холокост» подготовил и выпустил энциклопедию «Холокост на территории СССР». Да, у нас далеко не всегда совпадают взгляды на различные аспекты истории войны, политики руководителей стран антигитлеровской коалиции, различные вопросы истории холокоста (например, на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.). Но принципиальным является совпадение взглядов на нацистский режим как на виновника войны, геноцида народов, уничтожения еврей

ев Европы и СССР, организатора массового уничтожения мирного населения и советских военнопленных.

В первых числах мая 2011 г. в Российском культурном центре (Тель-Авив) состоялась мемориально-историческая конференция, посвященная 65-летию Нюрнбергского процесса — суда народов над главными нацистскими военными преступниками. Основной состав участников — израильские ветераны Второй мировой войны, и это не случайно. Открывая конференцию, директор Российского культурного центра в Израиле профессор Александр Крюков отметил, что материалы Нюрнбергского процесса и сегодня не потеряли своей актуальности. Этому способствует введение в научный оборот все новых и новых архивных документов, приливающих свет на тот или иной аспект проблематики.

В работе конференции принял участие представитель Российского НПЦ «Холокост» в Израиле Григорий Рейхман. Он рассказал о судебных процессах над нацистскими палачами и их пособниками по материалам изданий Российского научно-просветительного центра «Холокост». Сегодня тема холокоста изучается и осмысливается на научном и образовательном уровнях в современной России, на постсоветском пространстве. Пример — недавняя международная конференция в Москве, в синагоге на Поклонной горе, ее организаторами были Российский еврейский конгресс, Музей еврейского наследия и холокоста, Научно-просветительный центр «Холокост».

Активно развивается сотрудничество ветеранских организаций Израиля и России. Уже 20 лет в составе международной комиссии Российского комитета ветеранов войны и военной службы действует группа «Россия — Израиль». День Победы является государственным праздником в Израиле. К маю 2012 г. планируется установить памятник воинам Красной армии в городе Нетания. Предполагается, что памятник будет стоять на территории уже существующего мемориального комплекса Бейт Яд Лебаним (Дом памяти), посвященный солдатам, погибшим за интересы Государства Израиль.

И хотя Красная армия сражалась прежде всего за свою родину — Советский Союз — и против фашизма вообще, для Израиля победа над коричневой чумой — дело государственной важности. Поэтому и памятник советским воинам-победителям, который на встрече с руководством

России пообещал установить в Израиле премьер-министр страны Биньямин Нетаньяху, получит статус национального. В Израиле сегодня подчеркивают: памятник в Нетании ставят воинам всех национальностей Советского Союза. Необходимо, чтобы этот памятник был олицетворением общей борьбы против нацизма. «Этот памятник выразит сильнейшее чувство благодарности, которое мы испытываем к русскому народу, храбро сражавшемуся с нацистами и сыгравшему решающую роль в победе стран-союзниц во Второй мировой войне и в освобождении евреев из концентрационных лагерей», — сказал премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Примечательно, что установка этого памятника планируется именно сейчас, когда во многих государствах Восточной Европы и бывшего СССР памятники воинам Красной армии и жертвам холокоста сносятся или оскверняются.

Сегодня история Второй мировой и Великой Отечественной войны рассматривается, конечно, совсем не так, как 20–30 лет тому назад. Но принципиальным остается отношение к преступлениям нацизма, к памяти о жертвах. Тем не менее тенденции, о которых мы говорили выше, сознательное опасное искажение истории в угоду политической конъюнктуре не проходит мимо не только политиков, но и юных умов поколений граждан новой Европы. Материалы неонацистских ресурсов в Интернете, краткие и даже заведомо тенденциозные справки в школьных учебниках истории (и в России, увы, тоже), статьи в популярной и не всегда качественной периодической печати — все это сознательно трансформирует восприятие прошлого у современного человека, опасно влияет на формирование исторической памяти о событиях прошлого.

Книга двадцать вторая

СТАЛИНГРАДСКАЯ МАДОННА

Сталинградская битва

Н. П. Пархитько*

Весной 1942 г. мир еще находился под впечатлением выдающейся победы Советского Союза под Москвой: на главном фронте второй мировой войны «непобедимому» вермахту было нанесено первое крупное поражение. Здесь, где в течение десяти месяцев проходила ожесточенная схватка главных сил противоборствующих коалиций — Советского Союза и фашистской Германии, Красная армия преградила путь фашистскому агрессору, сорвала пресловутый план «молниеносной войны», окончательно похоронила доктрину блицкрига, на что германские политики и стратеги делали главную ставку в достижении своих захватнических целей.

Первая военная весна не принесла заметной передышки на советско-германском фронте. На одних направлениях еще продолжались боевые действия по планам зимней кампании, на других — обеими сторонами готовились новые операции, которые развернулись в конце апреля — начале мая. Это открывало новый этап войны, продолжавшийся до осени 1942 г.

В ходе этого этапа вооруженным силам фашистского блока удалось вновь перейти в наступление на всех театрах военных действий и первоначально добиться определенных успехов. Военные события, особенно на советско-германском фронте, развивались стремительно. Период между победой под Москвой и началом сокрушительного разгрома немецко-фашистских войск у Сталинграда для Советского Союза был крайне тяжелым и драматичным. Первоначально, весной и в начале лета 1942 г.,

обе стороны боролись за сохранение или захват стратегической инициативы. К концу июня эта борьба в силу ряда причин закончилась не в пользу Красной армии. В течение лета и осени 1942 г. Советские Вооруженные Силы вынуждены были под напором численно превосходившего врага отойти к Волге и предгорьям Кавказа. Они второй раз за время Великой Отечественной войны вели активную стратегическую оборону, в ходе которой враг был обескровлен и остановлен, не достигнув своей главной военно-политической цели — вывести СССР в 1942 г. из войны и перенести военные действия в другие районы мира. Окончательно преградив путь фашистскому агрессору на волжском и кавказском рубежах, Советские Вооруженные Силы создали необходимые условия для перехода в решительное контрнаступление под Сталинградом.

Соотношение сил и средств сторон на 28 июня 1942 г.

В результате тяжелых поражений, которые потерпела Красная армия в мае–июне 1942 года, обстановка на советско-германском фронте изменилась в пользу противника. Немцам удалось значительно улучшить тактическое положение своих войск и создать выгодные условия для проведения «главной операции» на Восточном фронте. Германское командование приступило к подготовке генерального наступления на южном крыле советско-германского фронта, разработав операции «Блау» (которую намечалось провести на Воронежском направлении.

* Николай Петрович Пархитько — к.и.н., сотрудник МГИМО (У) МИД России.

С 30 июня операция была переименована в «Брауншвейг») и «Клаузевиц» (наступление с Харьковского и миусского плацдармов с целью овладения Донбассом, Ростовом и далее на Кантемировском направлении).

Накануне летнего наступления командование вермахта изменило структуру управления войсками на Восточном фронте. В частности, группа армий «Юг» 9 июля была разделена на группу армий «Б» (под командованием генерал-фельдмаршала Вейхса) в составе 4-й танковой, 2-й и 6-й полевых немецких и 2-й венгерской армий и группу армий «А» (генерал-фельдмаршал В. Лист) в составе 1-й танковой, 17-й и 11-й немецких полевых армий и 8-й итальянской армии, а также словацких горнострелковых частей (при этом 11-я немецкая армия до 4 июля действовала в Крыму, а после захвата Севастополя была переброшена на Ленинградский фронт)¹. Кроме того, в резерве находились 3-я и 4-я румынские армии, которые использовались, главным образом, в качестве флангового прикрытия для наступающих немецких войск с тем, чтобы максимально высвободить последние для поддержания высокого темпа наступления. Как показало дальнейшее развитие событий, эта тактическая схема возымела самые печальные последствия как для самих союзников Германии по «оси», так и, в особенности, для вермахта. Таким образом, наиболее крупная группировка сил была развернута противником на южном крыле Восточного фронта — на группы армий «А» и «Б» в совокупности приходилось 37 % пехотных и кавалерийских и 53 % танковых и моторизованных соединений вермахта. В составе этих групп армий находились 76 пехотных, 10 танковых, 8 моторизованных и 3 кавалерийские дивизии (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тысяч орудий и минометов при поддержке 1640 боевых самолетов)².

Советское военное командование летом 1942 года ошибочно полагало, что генерального наступления немецких войск следует ожидать вновь на московском направлении, где противник сосредоточил до 70 дивизий. Поэтому на Западном направлении, включавшем в себя Калининский и Западный фронты, а также Московскую зону обороны, были сосредоточены крупные силы, переброска которых на другие участки фронта затруднялась сложившейся оперативно-тактической обстановкой. Юго-Западному направлению (включавшем в себя

Брянский, Юго-Западный и Южный фронты), таким образом, отводилась если и не второстепенная, то, по крайней мере, посредственная роль в обеспечении активной стратегической обороны, к которой вынуждено было перейти советское командование после неудавшегося весеннего наступления на Керченском, и особенно, Харьковском направлениях.

Брянский фронт занимал оборону в 350-км полосе от г. Белев до верхнего течения р. Сейм, прикрывая правым крылом Тульско-Московское направление, а левым — Воронежское. Войска Юго-Западного фронта после отхода за р. Оскол организовали оборону на 350-км рубеже от верховьев р. Сейм до г. Красный Лиман. Южный фронт закрепился на 250-км участке фронта от Красного Лимана до Таганрога, прикрывая два важных направления — на Ворошиловград и Ростов³.

В составе войск этих фронтов по состоянию на 28 июня 1942 года в общей сложности насчитывалось 81 стрелковая и 12 кавалерийских дивизий, 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов, 62 танковые бригады — всего 1715 тыс. человек, 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 самолетов.

Таким образом, изготовившаяся для наступления группировка немецких войск уступала противостоящим ей войскам Красной армии в численности личного состава и в танках почти в 2 раза при примерном равенстве в артиллерии. Лишь в авиации немцы имели двукратное превосходство. Тем не менее, как это уже бывало не раз, на направлениях главных ударов немцам удалось добиться многократного превосходства в силах, достигаемого за счет рационального распределения сил и средств и повышенной концентрации войск на стратегически направлениях.

Начало немецкого наступления и продвижение немецких войск к Сталинграду

28 июня началось наступление вермахта на южном участке Восточного фронта. На начальном этапе оно развивалось точно по плану: советский фронт был быстро прорван, и немецкие войска начали преследование отступающих частей Красной армии. Уже 5 июля передовые части немецкой 2-й армии вели уличные бои в Воронеже. Однако предпринятая противником попытка сходу захватить плацдарм на левом берегу Дона провалилась из-за сильного сопротивления советских войск. Лишь к 10 июля войска

6-й полевой и 4-й танковой армий противника вышли к Дону южнее и захватили на его левом берегу несколько небольших плацдармов. Однако окружить силы Юго-Западного фронта противнику не удалось ввиду своевременного отхода войск последнего. Ударные немецкие группировки, соединившись в районе Кантемировка — Миллерово, замкнули в кольцо уже пустое пространство.

Подробное рассмотрение действий немецкой группы армий «А» в исследуемом сражении не входит в задачу настоящей работы. Следует лишь упомянуть, что указанная группа армий 23 июля овладела Ростовом и продолжила продвижение на Кавказском направлении, развивая наступление веерообразно на Новороссийск, Майкоп и Грозный.

В ночь на 12 июля немецкие войска вторглись в пределы Сталинградской области, а 14 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР в области было введено военное положение. Ставка Верховного Главнокомандования в срочном порядке выдвинула в большую излучину Дона 62, 63 и 64-ю армии из резерва Ставки. Кроме того, на базе управления Юго-Западного фронта был создан Сталинградский фронт, в который вошли помимо упомянутых армий 21-я армия и 8-я воздушная армия. Во второй половине июля в состав Сталинградского фронта были включены отошедшие в его полосу 28, 38 и 57-я армии, а также Волжская флотилия. Командующим фронтом был назначен маршал С. К. Тимошенко (23 июля его сменил генерал-лейтенант В. Н. Гордов), членом военного совета — Н. С. Хрущев.

Фронту приходилось действовать в очень непростой обстановке: враг подошел вплотную к Дону, где его намечалось остановить, а командование Сталинградского фронта располагало весьма ограниченными силами. Так, из 38 стрелковых дивизий Сталинградского фронта только 18 были укомплектованными, 6 насчитывали от 2,5 до 4 тыс. человек, а 14 числились фактически только на бумаге, т. к. имели от 300 до тысячи человек личного состава. Поступившие в распоряжение командующего 22, 23 и 13-й танковые корпуса имели в строю по 65–90 исправных машин, ввиду чего сразу же были отведены в тыл на доукомплектование людьми и материальной частью. Таким образом, на 530-км участке фронта реально были развернуты только 12 дивизий 62-й и 64-й армий, т. е. около 160 тыс. человек, 2,2 тыс. орудий и минометов и всего 400 тан-

ков (включая поврежденные, которые могли применяться только как неподвижные огневые точки). 8-я воздушная армия имела в своем составе лишь 337 исправных самолетов, притом значительную их часть составляли устаревшие машины И-15, И-16, И-153, а также около сотни ночных бомбардировщиков У-2⁴.

Что же касается немецких войск, то к 17 июля (т. е. к началу боев на дальних подступах к городу), на Сталинградском направлении наступало 14 дивизий 6-й немецкой полевой армии, в которых насчитывалось около 270 тыс. человек, 3 тысячи орудий и минометов, около 500 танков при поддержке 4-го воздушного флота Люфтваффе в составе 1200 боевых самолетов. Противник превосходил советские войска в личном составе в 1,3 раза, в самолетах — более, чем в 3,5 раза.

17 июля авангарды немецкой 6-й армии встретились с передовыми отрядами советских 62-й и 64-й армий на рубеже рек Чир и Цимла. Завязались ожесточенные бои, с которых и началась Сталинградская битва.

Бои на подступах к Сталинграду 17 июля — 12 сентября

Замысел операции 6-й армии был прост: нанесение охватывающих ударов по флангам советских войск, оборонявшихся в большой излучине Дона, замкнуть в кольцо 62-ю и 64-ю армии, выйти в район Калача и уже оттуда, форсировав Дон, прорваться по кратчайшему направлению к Сталинграду. Для выполнения этой задачи 19 июля в состав 6-й армии был включен 14-й танковый корпус, ранее предназначавшийся для наступления на Кавказском направлении. 20 июля в армию был возвращен 51-й армейский корпус, переданный за шесть дней до этого в 4-ю танковую армию, также нацеленную на Кавказ (впрочем, 1 августа она вновь была переброшена на Сталинградское направление).

Начав наступление 23 июля, противнику к исходу 26 июля удалось охватить с юга и с севера части 62-й армии, а также выйти к Калачу, угрожая сходу форсировать Дон и полностью окружить советские войска в большой излучине. И лишь своевременный отход основных сил 62-й и 64-й армий вновь помешал противнику осуществить его замысел. В течение всей первой недели августа противник вынужден был перегруппировывать свои силы для нанесения нового удара из района Калача на Котельниковское, овладеть которым немцам удалось лишь 9 августа. В результате, после последовавшего

вслед за этим контрудара советского 13 танкового корпуса, противник был остановлен в 30 км от Сталинграда. В самом городе тем временем шло интенсивное строительство внешних и внутренних оборонительных обводов, число которых к середине августа достигло четырех с учетом фортификационных сооружений, возведенных непосредственно по окраине города.

Период с 5 по 10 августа был, пожалуй, одним из самых напряженных в ходе оборонительного сражения. Немецко-фашистским войскам удалось выйти к внешнему оборонительному обводу и ликвидировать плацдарм советских войск на правом берегу Дона в районе Калача. У Абганерова 6 августа враг прорвал внешний обвод и продвинулся на глубину 12–15 км. 9–10 августа силами трех стрелковых дивизий и танкового корпуса 64-й армии по нему был нанесен контрудар. В результате вклинившийся противник был разгромлен, а утраченное положение восстановлено. Немецко-фашистские войска на этом участке фронта перешли к обороне и в дальнейшем в течение целой недели не предпринимали здесь активных действий.

Тяжелой была обстановка в полосе 62-й армии. 7–9 августа противник отеснил ее войска за реку Дон, а четыре дивизии окружил западнее Калача. Подошедшие из Резерва Ставки три дивизии 1-й гвардейской армии (генерал-майор К. С. Москаленко, с 28 сентября — генерал-майор И. М. Чистяков) нанесли по вражеским войскам контрудар и остановили их дальнейшее продвижение к городу, превращенному в крепость. Таким образом, план врага — стремительным ударом с ходу прорваться к Сталинграду — был сорван упорным сопротивлением советских войск в большой излучине Дона и их активной обороной на юго-западных подступах к городу. За три недели наступления противник смог продвинуться лишь на 60–80 км. Исходя из оценки обстановки немецко-фашистское командование внесло в свой план существенные коррективы. Оно решило достичь Волги и овладеть Сталинградом путем нанесения ударов по сходящимся направлениям из района Трехостровская, Вертячий на восток силами 6-й армии и из района Абганерова на север силами 4-й танковой армии. Произведя перегруппировку и выдвинув резервы, противник начал борьбу за захват плацдармов в малой излучине Дона.

19 августа немецко-фашистские войска возобновили наступление, нанеся удары в общем направлении на Сталинград. 22 августа 6-я не-

мецкая армия форсировала Дон и захватила на его восточном берегу, в районе Песковатки, плацдарм шириной 45 км, на котором сосредоточилось шесть дивизий. 23 августа 14-й танковый корпус противника прорвался к Волге севернее Сталинграда, в районе поселка Рынок, и отрезал 62-ю армию от остальных сил Сталинградского фронта. В тот же день вражеская авиация нанесла массированный удар по Сталинграду с воздуха, совершив около 2 тыс. самолетовылетов. Город бомбили 600 самолетов. В воздушных боях над городом до 29 августа советские летчики и зенитная артиллерия сбили 120 немецких самолетов. Однако защитить Сталинград от воздушных атак врага им не удалось. В результате город подвергся страшным разрушениям — целые кварталы были превращены в руины или же попросту сожжены, учитывая, что до 40 % городских строений (особенно на окраинах) были деревянными.

20–28 августа войска 63-й, 21-й, 1-й гвардейской и 4-й танковой армий нанесли контрудары с севера во фланг 6-й немецкой армии, захватили и расширили ряд плацдармов на правом берегу Дона. И хотя ликвидировать прорыв врага к Волге им не удалось, положение защитников Сталинграда несколько облегчилось. Противнику пришлось перенацелить крупные силы для отражения ударов главных сил Сталинградского фронта с севера. Поэтому свое наступление на Сталинград он вынужден был приостановить, ограничившись выходом на северо-западную окраину города.

Немецкая 4-я танковая армия 23 августа вклинилась в оборону Юго-Восточного фронта на глубину до 25 км. Однако контрударами резервов 57-й и 64-й армий дальнейшее продвижение противника было остановлено. После перегруппировки немецко-фашистские войска возобновили наступление и 29 августа прорвали фронт 64-й армии севернее Абганерова, создав угрозу выхода в тыл войскам 64-й и 62-й армий. По приказу командующего фронтом 64-я и 62-я армии 2 сентября были отведены на внутренний обвод. Ожесточенные бои на этом рубеже продолжались до 12 сентября.

Для оказания помощи войскам Сталинградского фронта Ставка ВГК передала в его состав из своего Резерва 24-ю (генерал-майор Д. Т. Козлов, с 1 октября — генерал-майор И. В. Галанин) и 66-ю (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, с 14 октября — генерал-майор А. С. Жадов) армии, которые совместно с 1-й гвардейской армией в начале сентября нанесли ряд контрударов по

противнику, прорвавшемуся к Волге. Командующий 6-й немецкой армией вынужден был выделить для отражения этих ударов значительные силы, существенно ослабив свою наступавшую на город группировку. Это позволило 62-й армии задержать противника на внутреннем обводе до 12 сентября. Отходом войск 62-й и 64-й армий на городской обвод закончилась оборонительная операция советских войск на подступах к Сталинграду. План врага овладеть городом с ходу путем нанесения одновременных ударов силами 6-й полевой и 4-й танковой армий был сорван.

Оборонительный этап битвы 12 сентября — 19 ноября 1942 года

С 12 сентября, когда противник вплотную подошел к городу, его оборона была возложена на 62-ю и 64-ю армии. Превосходство в силах и средствах было на стороне врага. Особенно значительным оно было в 40-км полосе обороны 62-й армии от поселка Рынок до Купоросного, где враг имел почти двукратное превосходство в людях и артиллерии и почти шестикратное в танках. Удаление переднего края советских войск от Волги не превышало 10–12 км, что существенно ограничивало для них возможность маневра. 13 сентября противник перешел в наступление по всему фронту, пытаясь захватить Сталинград штурмом. Сдержатъ его мощный натиск советским войскам не удалось. Они были вынуждены отступить в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои. С 13 по 26 сентября упорная борьба шла в основном в центральной части города. 14 сентября немцы прорвались к вокзалу, а в районе Купоросное (южная окраина города) вышли к Волге. 62-я армия оказалась отрезанной от 64-й армии. В этот критический момент с левого берега Волги в Сталинград была перебросена 13-я гвардейская стрелковая дивизия (генерал-майор А. И. Родимцев), прибывшая на усиление 62-й армии из Резерва Ставки ВГК. После переправы через Волгу она с ходу контратаковала противника и выбила его из центра города, а 16 сентября и с Мамаева кургана. До 27 сентября шла яростная борьба за вокзал, который 13 раз переходил из рук в руки. Ценой больших потерь врагу удалось несколько потеснить войска 62-й армии на участке шириной до 10 км. Получив подкрепление, немецко-фашистские войска 27 сентября начали второй штурм Сталинграда, продолжавшийся до 8 октября. На этот раз главный удар врага был направлен против войск 62-й армии, оборонявших заводские поселки «Крас-

ный Октябрь» и «Баррикады». В начале октября немцам удалось вновь овладеть Мамаевым курганом, заводскими поселками и ликвидировать выступ фронта в северо-западной части города, обращенный в их сторону. Большую помощь защитникам Сталинграда в этот период оказывали почти не прекращавшиеся в течение всего сентября контрудары 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий севернее города. Значительные силы противника сковывались войсками 51-й и 57-й армий, предпринявшими в конце сентября локальную наступательную операцию в 25 километрах южнее Сталинграда.

28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), а Юго-Восточный фронт — в Сталинградский (генерал-полковник А. И. Еременко). Это отвечало задачам предстоящего контрнаступления Красной армии под Сталинградом, подготовку к которому Ставка ВГК вела уже с середины сентября 1942 года. Для поддержки оборонявшихся в городе войск на восточном берегу Волги была образована фронтовая артиллерийская группа в составе 250 орудий и минометов. Общее руководство боевыми действиями советских войск на Сталинградском направлении по поручению Ставки ВГК с самого начала битвы возглавляли заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба Красной армии генерал-полковник А. М. Василевский.

Сопrotивление советских войск в районе Сталинграда продолжало нарастать. За 12 дней немцы продвинулись в районе заводских поселков лишь на 400–600 м. Но враг, готовясь к генеральному штурму, тоже продолжал наращивать свои силы. В октябре гитлеровская ставка направила в район Сталинграда 200 тыс. человек пополнения, до 30 артиллерийских дивизионов (свыше 1000 орудий) и около 40 инженерно-штурмовых батальонов, специально подготовленных для ведения боевых действий в городе. К середине октября гитлеровцы создали превосходство над 62-й армией в людях и артиллерии в 1,7 раза, в танках — почти в 4 и в самолетах — более чем в 5 раз и в третий раз бросили свои войска на штурм Сталинграда (14 октября). Они получили приказ уничтожить советские войска в Сталинграде и полностью овладеть городом, вернее, его развалинами, так как Сталинград как город к этому времени практически уже перестал существовать, он был полностью разрушен и едва ли напоминал город как таковой.

На этот раз основной удар врага был нацелен на заводы Тракторный, «Баррикады» и «Красный Октябрь». Немецкая авиация только за первый день штурма произвела более 3 тыс. самолетовылетов. Противнику удалось захватить Тракторный завод и на 2,5-км участке прорваться к Волге. Положение войск 62-й армии крайне осложнилось. Часть сил армии оказалась отрезанной к северу от Тракторного завода. Бои шли за каждый квартал, дом, подвал, за каждый метр земли. С обеих сторон широко применялись снайперы.

С целью оказания помощи защитникам Сталинграда войска Донского фронта 19 октября перешли в наступление. Для его отражения противник вынужден был снять со штурма города значительные силы. Одновременно 64-я армия нанесла контрудар с юга в районе Купоросного. Наступление Донского фронта и контрудар 64-й армии существенно облегчили положение 62-й армии и не позволили врагу завершить захват города.

11 ноября немецко-фашистские войска предприняли последнюю, четвертую попытку штурма Сталинграда. В этот день им удалось захватить южную часть территории завода «Баррикады» и на узком участке пробиться к Волге. 62-я армия оказалась рассеченной на три части. Основные ее силы прочно обороняли территорию завода «Красный Октябрь» и узкую прибрежную часть города. Таким образом, к концу оборонительного периода Сталинградской битвы 62-я армия в основном удерживала свои позиции в Сталинграде. Линия фронта к этому времени проходила севернее Тракторного завода, через завод «Баррикады» и далее через северо-восточные кварталы центральной части города. 64-я армия стойко обороняла подступы к южной части Сталинграда.

Своей цели враг не достиг. В ожесточенных сражениях на подступах к Сталинграду и в самом городе его наступательные возможности были полностью исчерпаны. Войска же Сталинградского, Юго-Восточного и Донского фронтов выполнили свою задачу, сдержав мощное наступление противника на Сталинградском направлении и создав необходимые условия для его последующего разгрома. Однако этот успех был достигнут дорогой ценой. В ходе ожесточенных сражений на берегах Дона и Волги они потеряли около 644 тыс. человек (в том числе около 324 тыс. человек составили безвозвратные потери), 12 137 орудий и минометов, 1426 танков

и 2063 самолета⁵ (включая бомбардировщики, пикировщики, истребители и штурмовики).

Оборонительный период Сталинградской битвы продолжался четыре месяца. В ходе ожесточенных сражений советские войска под мощным напором превосходящих сил противника были вынуждены отойти на глубину до 150 км. Ценой огромного напряжения сил защитники города на Волге не только отразили все штурмы врага, но и нанесли ему такие огромные потери, которые в корне подорвали его наступательный потенциал. Немецко-фашистские войска в ходе борьбы за Сталинград летом и осенью 1942 года потеряли около 700 тыс. человек убитыми и ранеными, свыше 2000 орудий и минометов, более 1000 танков и штурмовых орудий, свыше 1400 самолетов. План гитлеровского командования, рассчитанный на быстрый выход к Волге в районе Сталинграда и овладение этим городом, полностью провалился, как и план всей летне-осенней кампании 1942 года. Советские войска, проявив несгибаемую волю и стойкость в обороне, высокое воинское мастерство и массовый героизм, измотали и обескровили главную группировку врага, действовавшую на Сталинградском направлении. Отрадив все удары врага, советские войска создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление под Сталинградом. Историческое значение воинского подвига защитников Сталинграда состоит в том, что на берегах Волги ими окончательно был положен предел победному шествию немецко-фашистского вермахта, начатому им еще в сентябре 1939 года.

Операции «Уран», «Кольцо» и разгром 6-й армии в «Сталинградском котле»

В ноябре 1942 года на Сталинградском направлении действовали соединения немецко-фашистских войск и их союзников (румыны, венгры, итальянцы), входивших в группу армий «Б». Наиболее боеспособные из них — 6-я полевая и 4-я танковая немецкие армии, имевшие оперативную плотность 7 км на дивизию, продолжали вести боевые действия в городе. Фланги основной группировки противника прикрывали 3-я и 4-я румынские армии, имевшие плотность 17 км на дивизию, а также 8-я итальянская армия. Оперативное построение группы армий «Б» и армий, входивших в ее состав, было одноэшelonным. В резерве группы армий находились лишь три дивизии (2 танковые и 1 моторизован-

ная), располагавшиеся в 30–50 км от переднего края. Войска поддерживала авиационная группа «Дон» и часть сил 4-го воздушного флота — всего до 1200 самолетов.

Оборона противника на Среднем Дону и к югу от Сталинграда имела относительно небольшую глубину. В инженерном отношении была оборудована только тактическая зона обороны (глубина 5–8 км), состоявшая из главной полосы, имевшей две позиции. Их основой являлись отдельные опорные пункты. Подступы к ним прикрывались инженерными заграждениями и огнем всех видов. В оперативной глубине имелись отдельные узлы сопротивления, оборудованные на наиболее важных узлах дорог.

Советские войска под Сталинградом были объединены в три фронта: Юго-Западный (генерал-лейтенант, с 7 декабря 1942 года — генерал-полковник Н. Ф. Ватутин), Донской (генерал-лейтенант, с 15 января 1943 года — генерал-полковник К. К. Рокоссовский) и Сталинградский (генерал-полковник А. И. Еременко). Войска этих трех фронтов имели 1 млн 135 тыс. человек, свыше 14,9 тыс. орудий и минометов (в том числе 115 дивизионов реактивной артиллерии), 1560 танков и 1916 самолетов. Им противостояло более 1 млн человек, около 10,3 тыс. орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий и 1216 самолетов. Следовательно, советские войска превосходили противника в людях в 1,1 раза, в орудиях и минометах — в 1,4, в танках — в 2,3 и в самолетах — в 1,6 раза⁶. Такое соотношение сил и средств могло обеспечить прорыв обороны и наступление в ближайшей оперативной глубине противника. Для развития же успеха на большую глубину требовалось использование стратегических резервов второго эшелона.

План контрнаступления под Сталинградом был разработан Ставкой ВГК на основе предложений и расчетов Генерального штаба, а также военных советов фронтов еще в ходе оборонительной операции. Ведущую роль в его разработке сыграли представители Ставки ВГК на фронтах Сталинградского направления генералы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Решение о контрнаступлении под Сталинградом (кодовое наименование операции — «Уран») было принято Верховным Главнокомандующим 13 сентября 1942 года. Замысел контрнаступления состоял в том, чтобы ударами с плацдармов на Дону в районах Серафимовича и Клетской и из района Сарпинских озер южнее Сталинграда раз-

громить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки противника, и, развивая наступление по сходящимся направлениям на город Калач, хутор Советский, окружить и уничтожить его основные силы, действовавшие в междуречье Волги и Дона.

Юго-Западный фронт (5-я танковая и 21-я общевойсковая армии) получил задачу нанести главный удар с плацдармов в районах Серафимовича и Клетской, разгромить войска 3-й румынской армии, к исходу третьего дня операции выйти в район Калача и соединиться с войсками Сталинградского фронта, замкнув кольцо окружения вокруг 6-й армии. Одновременно 1-я гвардейская армия должна была нанести удар в юго-западном направлении, выйти на рубеж рек Кривая и Чир и создать внешний фронт окружения. Поддержка войск фронта с воздуха возлагалась на 17-ю воздушную армию (генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский) и часть сил 2-й воздушной армии Воронежского фронта.

Сталинградский фронт (51, 57, 64-я армии) должен был нанести главный удар из района Сарпинских озер, разгромить 4-ю румынскую армию и, развивая наступление в направлении Советский, Калач, соединиться там с войсками Юго-Западного фронта. Часть сил фронта получила задачу наступать в направлении Абганерово, Котельниковский и образовать на этом рубеже внешний фронт окружения. Прикрытие и поддержка с воздуха войск фронта возлагались на 8-ю воздушную армию.

Донской фронт наносил удары с плацдарма в районе Клетской (65-я армия) и из района Качалинской (24-я армия) по сходящимся направлениям на Вертячий с задачей окружить и уничтожить войска противника, оборонявшиеся в малой излучине Дона. В последующем совместно с войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов он должен был принять участие в уничтожении окруженной в районе Сталинграда основной группировки немецко-фашистских войск. Войска Донского фронта должна была поддерживать 16-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С. И. Руденко).

Сроки перехода в контрнаступление были такие: для Юго-Западного и Донского фронтов — 19 ноября, для Сталинградского — 20 ноября. Это обуславливалось необходимостью одновременного выхода ударных группировок фронтов в район Калач, Советский. Главное внимание в решениях командующих фронтами уделялось прорыву обороны противника в высоких

темпах и обеспечению развития стремительно-го наступления в оперативной глубине. С этой целью силы и средства концентрировались на направлениях главных ударов, а армиям передавались на усиление почти все танковые, механизированные и кавалерийские корпуса. На участках прорыва Юго-Западного и Сталинградского фронтов, составлявших 9 % общей протяженности линии фронта, сосредотачивалось от 50 до 66 % всех стрелковых дивизий, около 85 % артиллерии, свыше 90 % танков. В результате на участках прорыва было достигнуто превосходство над противником в людях в 2–2,5 раза, в артиллерии и танках — в 4–5 раз⁷.

В 8 часов 50 минут 19 ноября после 80-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов. Стрелковые дивизии 5-й танковой (генерал-лейтенант П. Л. Романенко) и 21-й армий к 12 часам завершили прорыв первой позиции главной полосы обороны противника. С 12 часов в сражение были введены 1-й (генерал-майор В. В. Бутков) и 26-й (генерал-майор А. Г. Родин) танковые корпуса 5-й танковой армии, а также 4-й танковый корпус (генерал-майор А. Г. Кравченко) 21-й армии. Они с ходу атаковали врага, совместно со стрелковыми соединениями быстро сломили его сопротивление и, завершив прорыв обороны противника, устремились на юг. Во второй половине дня в прорыв были введены 3-й гвардейский (генерал-майор И. А. Плиев) и 8-й (генерал-майор М. Д. Борисов) кавалерийские корпуса. К исходу первого дня наступления стрелковые дивизии продвинулись на 10–19 км, а танковые корпуса — на 25–30 км. На участке наступления Донского фронта войска 65-й армии (генерал-лейтенант П. И. Батов), встретив очень сильное сопротивление противника, смогли продвинуться лишь на 3–5 км, прорвав на отдельных участках главную полосу тактической обороны.

20 ноября начали наступление войска Сталинградского фронта. Войска 51-й, 57-й армий и левофланговые соединения 64-й армии прорвали вражескую оборону в первый же день наступления. В 15–16 часов на глубине 8–10 км в прорыв были введены 13-й танковый (генерал-майор Т. И. Танасишин), 4-й механизированный (генерал-майор В. Т. Вольский) и 4-й кавалерийский (генерал-лейтенант Т. Т. Шапкин) корпуса. К исходу дня они продвинулись на глубину до 20 км. В итоге двух дней наступления советские войска добились крупных успехов: 3-я

и 4-я румынские армии потерпели тяжелое поражение, обозначился глубокий охват группировки румынских войск в районе Распопинской. Танковые, механизированные и кавалерийские корпуса получили возможность развивать наступление в оперативной глубине противника. Используя ее, 26-й танковый корпус стремительно приближался к Калачу — главной тыловой базе 6-й немецкой армии⁸.

Своевременный его выход в глубокий тыл врага во многом зависел от быстрого захвата переправ через Дон. Вечером 21 ноября к мосту с боем прорвалась 19-я танковая бригада. Захват моста у Калача обеспечил преодоление Дона соединениями 26-го и подошедшего затем 4-го танковых корпусов. 23 ноября 26-й танковый корпус занял Калач, захватив в нем большие трофеи. В 16 часов 23 ноября 4-й танковый и 4-й механизированный корпуса встретились в районе хутора Советского. Первыми здесь соединились 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 36-я механизированная бригада 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. С выходом подвижных соединений Юго-Западного и Сталинградского фронтов в район Калач, Советский, Мариновка было завершено оперативное окружение 6-й полевой и части сил 4-й танковой армий противника (всего 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью свыше 300 тыс. человек). К исходу дня 23 ноября капитулировала окруженная советскими войсками распопинская группировка румынских войск (27 тыс. человек). В это же время войска 57-й армии окружили и уничтожили в районе Дубового оврага две румынские дивизии. Одновременно кавалерийские корпуса и стрелковые соединения 5-й танковой, 1-й гвардейской и 51-й армий, развивая наступление в южном и юго-западном направлениях, создавали внешний фронт окружения сталинградской группировки противника. К 30 ноября его создание было завершено. Протяженность внешнего фронта окружения, проходившего по линии рек Кривая, Чир и Дон, Котельниковский, составляла почти 500 км. С улучшением погоды наземным войскам стала оказывать помощь авиация, совершившая за шесть дней около 6 тыс. самолетовылетов. 24–30 ноября войска всех трех фронтов продолжали успешное наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, они всё теснее сжимали кольцо окружения. К 30 ноября терри-

тория, занимаемая окруженной группировкой противника, сократилась более чем вдвое.

В создавшейся обстановке немецко-фашистское командование предприняло попытку деблокировать свою попавшую в окружение группировку. С этой целью в конце ноября в срочном порядке была создана группа армий «Дон» (генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). В нее вошли остатки разбитых, но избежавших окружения немецких и румынских соединений, вновь прибывшие на Сталинградское направление дивизии и окруженная 6-я армия (всего 44 дивизии). Первоначально Манштейн планировал нанести удар с двух направлений — из районов Тормосина и Котельниковского. Однако недостаток сил для одновременного создания двух ударных группировок, а также активность советских войск на внешнем фронте окружения не позволили осуществить этот замысел. Тогда командующий группой армий «Дон» решил начать действия по деблокаде силами только котельниковской группировки (13 дивизий и ряд отдельных частей), которая должна была ударом вдоль железной дороги Котельниковский — Сталинград пробиться к окруженной группировке и деблокировать ее (операция «Зимняя гроза»). Фланги ударной группировки вновь обеспечивали румынские войска. Начало контрудара немецко-фашистских войск намечалось на раннее утро 12 декабря.

Фронты Сталинградского направления вели в это время подготовку к решению одновременно трех задач: разгрому противника на Среднем Дону, ликвидации окруженной группировки в районе Сталинграда и отражению возможного контрудара врага в районе Котельниковского. К моменту перехода немецко-фашистских войск в наступление 51-я и прибывшая из Резерва Ставки ВГК в состав Сталинградского фронта 5-я ударная (генерал-лейтенант М. М. Попов, с 26 декабря 1942 года — генерал-лейтенант В. Д. Цветаев) армии насчитывали 115 тыс. человек, около 330 танков, свыше 1100 орудий и минометов. С воздуха их поддерживали до 220 самолетов. Против них противник сосредоточил 124 тыс. человек, до 650 танков, около 900 орудий и минометов и до 500 самолетов. При этом основные усилия он направил против 51-й армии (6 дивизий, всего 34 тыс. человек, 319 орудий и минометов, 105 танков), где развернулась армейская группа «Гот» (9 дивизий, всего 35 тыс. человек, до 300 танков, 800 орудий и минометов)⁹.

12 декабря немецко-фашистские войска перешли в наступление. Танковые дивизии врага прорвали оборону 51-й армии в центре и к исходу дня продвинулись на глубину до 40 км. Но упорное сопротивление частей и соединений 51-й армии на флангах прорыва заставило противника направить значительные силы танков для борьбы с ними и тем самым ослабить силу удара на главном направлении, вдоль линии железной дороги. Стрелковые дивизии сковали ударную группировку врага с фронта, а подвижные войска нанесли ей контрудар во фланг. Тем самым 4-й механизированный и 13-й танковый корпуса Сталинградского фронта заставили Манштейна распылить свои силы на широком фронте и резко снизить темпы наступления. Поэтому за последующие 10 дней, несмотря на все усилия, армейская группа «Гот» смогла продвинуться вперед всего лишь на 20–25 км. Выйдя к реке Мышкове, ударная танковая группировка врага в течение четырех дней безрезультатно атаковала оборонявшиеся здесь советские войска. С этого рубежа до окруженной группировки оставалось около 40 км. Но здесь на пути немецких танковых дивизий непреодолимым барьером встала прибывшая из Резерва Ставки ВГК 2-я гвардейская армия (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский). Это было мощное, полностью укомплектованное личным составом и боевой техникой общевойсковое объединение (122 тыс. человек, более 2 тыс. орудий и минометов, 469 танков)¹⁰. Первоначально Ставка ВГК планировала использовать 2-ю гвардейскую армию для ликвидации окруженной в районе Сталинграда группировки противника и передала ее в состав Донского фронта, но в связи с резким ухудшением обстановки на внешнем фронте окружения выдвинула ее на рубеж реки Мышковы и включила в состав Сталинградского фронта. В ожесточенном сражении на берегах Мышковы между 2-й гвардейской армией и армейской группой «Гот» противник понес тяжелый урон и полностью исчерпал свои наступательные возможности. К исходу дня 23 декабря он вынужден был прекратить атаки и перейти к обороне.

На следующий день войска Сталинградского фронта перешли в наступление. Сопротивление врага было быстро сломлено, и он начал поспешное отступление, преследуемый советскими войсками. 29 декабря 7-й танковый корпус (генерал-майор П. А. Ротмистров) освободил Котельниковский. 31 декабря был освобожден

Тормосин. Остатки наголову разгромленных вражеских войск были отброшены за реки Маныч и Сал. Армейская группа «Гот» прекратила свое существование.

Крупная победа советских войск на Среднем Дону и выход войск Юго-Западного фронта в тыл группе армий «Дон» резко изменили обстановку на Сталинградском направлении. Противник под угрозой окружения был вынужден окончательно отказаться от планов нанесения удара на Сталинград с целью деблокирования своей окруженной группировки. Таким образом, к концу декабря 1942 года войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив противостоящего противника, продвинулись на глубину 150–200 км. Это создало благоприятные условия для ликвидации окруженной под Сталинградом группировки немецко-фашистских войск.

Ликвидация окруженной группировки немецко-фашистских войск

К началу января 1943 года внешний фронт окружения под Сталинградом был отодвинут далеко на запад и проходил в 200–250 км от города. Численность окруженной группировки противника сократилась до 250 тыс. человек. Но в ее составе оставалось еще свыше 4,1 тыс. орудий и минометов и до 300 танков. Задачу ликвидации окруженной группировки врага Ставка ВГК возложила на Донской фронт, в состав которого входили 66, 24, 65, 21, 57, 64, 62-я общевойсковые и 16-я воздушная армии. Он превосходил противника по артиллерии в 1,7 раза, по самолетам — в 3 раза, но уступал ему в людях и танках в 1,2 раза¹¹. Общее руководство операцией (условное наименование «Кольцо») возглавил представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. В период подготовки операции советские войска осуществляли воздушную блокаду окруженной группировки. За все время воздушной блокады, с начала декабря 1942 года, было уничтожено 1160 боевых и транспортных самолетов противника. В результате воздушной блокады окруженной группировки врага, все попытки немецко-фашистского командования организовать снабжение 6-й армии по воздуху (создать так называемый воздушный мост) полностью провалились. Они были сорваны советской авиацией и ПВО.

8 января 1943 года во избежание напрасного кровопролития окруженным войскам

противника был предъявлен ультиматум. Им предлагалось прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать. Но ультиматум был отклонен командованием 6-й армии, выполнявшим приказ Гитлера «стоять до конца». Утром 10 января войска Донского фронта после мощной артподготовки перешли в наступление, приступив к ликвидации окруженного противника. Несмотря на упорное сопротивление врага, войскам ударной группировки фронта удалось вклиниться в его оборону на 3–5 км. На участках остальных армий продвижение было небольшим. Развивая наступление, войска Донского фронта к исходу дня 12 января вышли к реке Россошке, ликвидировав так называемый мариновский выступ. Здесь было уничтожено до трех дивизий противника. По реке Россошке проходила вторая полоса обороны противника. Ее прорыв был возложен на 21-ю армию, в полосу которой Донской фронт перенес свои основные усилия. Возобновив 15 января наступление, войска фронта к 17 января достигли района Воропоново, Большая Россошка, где вновь встретили ожесточенное сопротивление противника. В упорных боях 22–25 января сопротивление немецко-фашистских войск на этом рубеже было сломлено. Вечером 26 января войска 21-й армии соединились в районе поселка Красный Октябрь с 62-й армией. Вражеская группировка была расчленена на две части. Однако, несмотря на безнадёжность положения, противник упорно сопротивлялся. Но его конец неумолимо приближался. Под мощными ударами советских войск он терял одну позицию за другой. Вскоре фронт борьбы в городе, куда были загнаны остатки немецких войск, распался на несколько изолированных друг от друга очагов. Началась сдача вражеских войск в плен. Утром 31 января прекратила сопротивление южная группа войск 6-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом, а 2 февраля капитулировала и северная группа, возглавляемая генералом К. Штреккером¹². В этот же день Н. Н. Воронов и К. К. Рокоссовский доложили Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину о завершении операции «Кольцо». Сталинградская битва закончилась полным триумфом советского военного искусства. С 10 января по 2 февраля 1943 года войска Донского фронта взяли в плен 91 тыс. человек, в том числе свыше 2,5 тыс. офицеров и 24 генерала во главе с Паулюсом. Около 140 тыс. немецких солдат и офицеров были уничтожены в ходе сражения¹³.

Значение Сталинградской битвы

В результате контрнаступления советских войск под Сталинградом были наголову разгромлены 4-я немецкая танковая, 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армии и несколько оперативных групп, а 6-я немецкая полевая армия полностью уничтожена. Немецко-фашистские войска и их союзники были отброшены далеко на запад от Волги. Сталинградская битва — одна из крупнейших битв Второй мировой войны. Она продолжалась 200 суток. Фашистский блок потерял в ходе ее в общей сложности около 1,5 млн солдат и офицеров, т. е. 25 % всех своих сил, действовавших на советско-германском фронте, до 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов, свыше 70 тыс. автомашин и огромное количество другой боевой техники и вооружения. вермахт и его союзники полностью лишились 32 дивизий и 3 бригад, а еще 16 дивизий были разгромлены, потеряв более 50 % своего личного состава и были впоследствии расформированы¹⁴. Кроме того, было утрачено пятьсот транспортных самолетов, погибла тысяча летчиков, уничтожены все наземные службы Люфтваффе в Сталинграде, а 9-я зенитная дивизия вообще стерта с лица земли¹⁵.

Победоносный исход Сталинградской битвы имел огромное военно-политическое значение. Она внесла решающий вклад в достижение коренного перелома не только в Великой Отечественной войне, но и во всей Второй мировой войне, явилась важнейшим этапом на пути к победе над фашистским блоком. Были

созданы условия для развертывания общего наступления Красной армии и массового изгнания немецко-фашистских захватчиков с оккупированных территорий Советского Союза. В результате Сталинградской битвы советские Вооруженные Силы вырвали у противника стратегическую инициативу и удерживали ее до конца войны. Победа под Сталинградом еще выше подняла международный авторитет Советского Союза и его Вооруженных сил, явилась решающим фактором дальнейшего укрепления антигитлеровской коалиции. Порабощенные фашистской Германией народы Европы поверили в скорое освобождение от нацистской тирании и поднялись на более активную борьбу против немецко-фашистских оккупантов. Сокрушительное поражение под Сталинградом явилось тяжелым морально-политическим потрясением для фашистской Германии и ее сателлитов. Оно кардинальным образом поколебало внешнеполитические позиции Третьего рейха, повергло в уныние его правящие круги, подорвало доверие его союзников. Япония была вынуждена окончательно отказаться от планов нападения на СССР. В правящих кругах Турции, несмотря на сильное давление со стороны Германии, возобладало стремление воздержаться от вступления в войну на стороне фашистского блока и сохранить нейтралитет.

Одержанная под Сталинградом победа явилась победой всего советского народа, результатом несгибаемой стойкости, мужества и героизма советских воинов. Имя «Сталинград» золотыми буквами навечно вписано в историю нашего Отечества.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М. 1973. С. 174.

² Дерр Г. Поход на Сталинград, пер. с нем. М. 1957. С. 30.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. С. 149.

⁴ Самсонов А. М. Сталинградская битва, 4-е изд., испр. и доп. — М.: Наука. 1989. С. 238.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Воронов Н. Н. На службе военной, М. 1963. С. 98.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Карелл П. Дорога в никуда: вермахт и восточный фронт 1942. Смоленск. Русич 2003. С. 465.

⁹ Там же. С. 493.

¹⁰ Чуйков В. И. 180 дней в огне сражений, М. 1962. С. 129.

¹¹ Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М. 1980. С. 211.

¹² Видер И. Катастрофа на Волге. пер. с нем., М. 1965. С. 304.

¹³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг, 2 изд., М. 1972. С. 204.

¹⁴ Воронов Н. Н. Великая победа на Волге. М. 1965. С. 202.

¹⁵ Бивор Э. Сталинград. М. 2004. С. 410.

Сталинградские зарисовки

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс в советском плену

А. А. Ахтамзян*

В Сталинграде (точнее сказать, среди развалин жилых домов на берегу Волги) 31 января 1943 года был взят в плен генерал-фельдмаршал, командующий 6-й германской армии Фридрих Паулюс. Фотография, зафиксировавшая момент выхода фельдмаршала с группой офицеров штаба из подвала универмага, вошла в книги по Второй мировой войне как фотофакт. Нам доподлинно неизвестно, когда это фото было опубликовано впервые. Возможно, она напечатана тогда же в феврале 1943 г., скажем, в «Правде» или в «Известиях». В связи с 60-летием окончания Сталинградского сражения в документальных кино- и видеофильмах были показаны сцены и эпизоды этого события. Сильное впечатление оставляют кадры, отразившие реальный факт — многотысячная колонна немецких солдат, идущих в легких одеждах по заснеженной холодной степи. Известно, что Ф. Паулюсу советское командование предложило подписать приказ о капитуляции 6-й армии, но он отклонил это предложение под предлогом, что он больше не командует армией.

Неисчерпаемым источником свидетельств о судьбах людей остаются тысячи писем немецких солдат, которые не были отправлены из котла. И в российских, и в германских архивах еще не раскрыты многочисленные свидетельства о масштабах и эпизодах этого гигантского сражения Второй мировой войны.

Как реагировал А. Гитлер на весть, что Ф. Паулюс пленен? Стенограмма совещания в Вольфшанце («Волчьем логове») 1 февраля

1943 г. днем дает ответ на этот вопрос. Вначале сомнения: Они сообщают, что взяли Паулюса в плен... Это невероятно! Как он мог совершить такое. Далее последовали сумбурные рассуждения на тему, что значит жизнь отдельного человека перед лицом великих целей, которые определяет фюрер. А. Гитлер: «Я не знаю, как поступить в случае с Паулюсом. Нужно передать (командующему в северном котле), чтобы он при любых обстоятельствах удерживал котел. Котел должен обороняться до последнего солдата». Фюрер отказывается понять, как мог назначенный фельдмаршалом Паулюс остаться в живых, не пустить себе пулю в лоб. Он дважды приводит в пример поступок экзальтированной «гордой, красивой дамы» в канцелярии Геринга, которая, будучи оскорбленной рейхсмаршалом, сказала: «Тогда я могу удалиться. Я не нужна», а шеф сказал: «Ну и иди». Она вышла от него и застрелилась. А тут фельдмаршал не понял намека фюрера на героическую смерть. Сомнения еще одолевают фюрера: не может быть, чтобы сдался без боя и без хотя бы одного ранения. А. Гитлер заявил под сильным впечатлением: «В эту войну никто больше не получит звание фельдмаршала». Однако в тот же день 1 февраля 1943 года звание генерал-фельдмаршала было присвоено генерал-полковникам фон Клейсту, Бушу и барону фон Вейхсу. В дальнейшем звание фельдмаршала получили генерал-полковник Модель (1 апреля 1945 г.), генерал-полковник Шернер (Лудт-ваффе), генерал-полковник барон фон Рихтхофен, а 25 апреля 1945 г. генерал-полковник фон

* Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян — д.и.н., профессор кафедр истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У).

Грейм. Один серьезный вывод после Сталинграда все же пришел в голову фюреру: «Но я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует» (т. 2, с. 370).

В Российском государственном военном архиве хранится «Учетное дело № 4613» (или папка № 17) на военнопленного генерал-фельдмаршала, командующего (бывшей) 6-й германской армии Фридриха Эрнста Паулюса (РГВА, Фонд 463, Опись 1, ед. хр. 17). Историческую ценность имеет составленный в НКВД СССР со слов плененного документ — «Опросный лист». В документе зафиксирована дата прибытия в лагерь: 24 февраля 1943 г. и убытие в лагерь № 160 27 апреля 1943 г. «Опросный лист» содержит фотографию того времени и «словесный портрет»: рост — 187 см, телосложение — худощавый, волосы — светлорусые, глаза — серые, нос — с «большой горбинкой». Со слов пленного записан состав семьи: 1) жена — Еллина (так в тексте) Констанция; 2) дочь — Ольга (Хельга?) Констанция; 3) сын — Фридрих 24 г., ст.лейтенант; 4) сын — Эрнст 24 г., ст.лейтенант (близнецы).

Со слов пленного фельдмаршала записаны основные сведения о карьере кадрового военного. В деле имеются две таких справки с грифом «сов.секретно»: одна из них составлена на бланке Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, видимо, еще в феврале 1943 г. и содержит самые подробные сведения о личности пленного. Вторая — «Справка на генерал-фельдмаршала германской армии» — датирована 12 февраля 1945 г. (т. е. после Ялтинской конференции), очевидно, по запросу сверху. Справка, составленная на бланке НКВД, разумеется, имеет значение первичного документа. Из этого документа следует, что Фридрих Эрнст Паулюс родился 23 сентября 1890 г. в Брайтенау/Мельзунген близ Касселя в семье земельного чиновника (инспектора) в земле Гессен, который имел собственный дом — наследство «от деда». В графе «образование» (общее) скромно отмечено окончание гимназии в г.Касселе в 1909 году (в справке от 12 февраля 1945 г. ошибочно указан г. Брюссель); затем два семестра юридического факультета Марбургского университета. Почему молодой Ф. Паулюс решил стать военным, остается неясным.

Военная карьера началась в 1910 году, после окончания 9-месячной военной школы в Энгерсе на Рейне, откуда он вышел в чине поручика

или по-немецки «фенриха». Далее три десятилетия службы в армии: три года перед Первой мировой войной — пехотный офицер, командир взвода в чине младшего лейтенанта; в 1914–1918 гг. на западном фронте — командир роты в чине капитана, адъютант полка; после поражения в войне оставлен в рейсвере, а в 1922 г. переведен в Генштаб, где работал в оперотделе по артиллерии; в 1927 г. переведен в пехоту, вновь командиром роты; однако в 1930 г. как опытный офицер вновь взят в Генштаб в чине майора, преподавал «военную историю и тактику». После прихода к власти нацистов и провозглашения подготовки к большой войне перед кадровыми офицерами открылись широкие перспективы: в 1934 г. Ф. Паулюс получил звание подполковника, а через год, будучи командиром батальона, получил звание полковника. Германия приступила к подготовке массовой армии, и офицер с фронтовым опытом, конечно, становится ценным кадром. В 1935 году генерал-майор Ф. Паулюс стал начальником штаба 16-го танкового корпуса.

Вторая мировая война началась для почти 50-летнего генерала с легких побед в Польше, а затем во Франции, после которых генерал-лейтенант получает в сентябре 1940 г. назначение на должность первого квартирмейстера германской армии (фактически заместителя начальника Генштаба и принимает участие в разработке плана войны против Советского Союза — «План Барбаросса». Свидетельства Ф. Паулюса о том, что происходило в штабах вермахта и сухопутных сил имеют существенное значение для понимания характера и оценки войны Германии против Советского Союза. Он однозначно говорит, что на деле о «превентивной войне» не могло быть даже речи: это была спланированная агрессия.

В январе 1942 года, когда определился исход битвы за Москву, генерал-лейтенант Ф. Паулюс назначен командующим 6-й армии, которую А. Гитлер считал образцовым соединением и возлагал на нее большие надежды при составлении весной 1942 г. плана прорыва к Волге и далее к нефтяным полям на Кавказе, в частности, в район г.Грозного.

Сталинградское сражение стало не только концом карьеры Ф. Паулюса, но началом конца германского вермахта и нацистского режима. От Москвы, Сталинграда и Курска начался марш Советской армии к Победе 1945 года. В Сталинградском котле Ф. Паулюс в течение четырех месяцев получил два повышения

в звании: 30 ноября 1942 г. (когда кольцо вокруг 6-й армии замкнулось, он получил звание генерал-полковника, а 30 января 1943 г. — высшее воинское звание: генерал-фельдмаршала. Наград Ф. Паулюс имел сравнительно немного: за Первую мировую войну — железный крест 2-го класса, в 1939 г. получил и обновленный железный крест 1-го класса и пряжку к нему, затем в январе 1943 г. орден — рыцарский крест с дубовыми листьями.

Учетное дело генерал-фельдмаршала Ф. Э. Паулюса заканчивается лаконичной заметкой от руки: репатриирован и 24 октября 1953 г. передан ГДР. Фридрих Эрнст Паулюс (в «Энциклопедии Третьего рейха» (М., 1996) почему-то он назван Фридрих Вильгельм, да еще с титульным знаком «фон») умер в Дрездене (ГДР) 1 февраля 1957 г. в возрасте 66 лет.

Личное дело фельдмаршала Ф. Паулюса отразило и некоторые человеческие слабости. Спустя полтора месяца после того, как он попал в плен, он обратился с письмом к Ф. фон Папену, который в годы войны был германским послом в нейтральной Турции: «О судьбе моей армии и моей лично Вы, наверное, уже осведомлены. Так как возможность дать сведения моим родным не очень вероятна, поэтому я избираю этот путь. Я буду Вам очень обязан, если Вы сообщите моей жене (адрес фрау Е. Паулюс: Берлин — Далем, Альтенштайнер-штрассе, 19) о том, что я здоров и что нет повода моей семье беспокоиться обо мне». Что называется в простоте душевной, маршал сообщал, что адъютант Адам находится с ним. Он, видимо, даже не мог предположить, что по указанию фюрера гестапо уже готово было к репрессивным мерам в отношении семьи фельдмаршала. В отдельном письме на имя военного атташе в Анкаре генерал-лейтенанта Роде, а затем и в адрес военного атташе в Токио генерал-майора Кречмера 5 апреля 1943 г. просил прислать ему срочно: несколько пар носков, свитер с длинными рукавами, ботинки 46 размера, а главное — 6 знаков отличия фельдмаршала на погоны (да и сами погоны), одну полевую фуражку с генеральским козырьком (размер головы 58) и походный френч, сшитый в свое время в парижской фирме и находящийся в «полевом багаже». Видимо, фюреру даже не стали докладывать о письмах Ф. Паулюса. Ведь он ожидал от фельдмаршала в окружении мужественного решения: пустить себе пулю в лоб и таким образом взять на себя позор поражения в Сталинграде.

Перечень вещей, в которых маршал испытывал потребность, трогает своей тщательностью и целесообразностью. На память невольно приходят факты из судьбы советского генерала Карбышева, принявшего мученическую смерть в КЦ Маутхаузен в феврале 1945 г. Генерал-фельдмаршал просил даже крем для кожи. Что действительно было необходимо германскому маршалу, то этой чай, поскольку он долгое время страдал желудком и боялся окончательно «обессилеть».

Десять лет пребывания в Советском Союзе дали возможность кадровому германскому военному не только сохранить свое здоровье, но и критически оценить свою роль во Второй мировой войне, в ее подготовке, но особенно в трагедии 6-й армии. Это получило отражение в заявлении, направленном им в адрес Советского правительства в январе 1946 г. Документ хранится в фондах Российского государственного военного архива и, несомненно, представляет собой серьезный исторический документ. Он написан собственноручно Ф. Паулюсом очень аккуратным почерком и четко подписан с гордой припиской «генерал-фельдмаршал».

Прежде всего Ф. Паулюс напомнил, что 8 августа 1944 года (т. е. после неудавшегося покушения на А. Гитлера с участием германских военных) он обратился к немецкому народу с призывом к борьбе, свержению Гитлера и окончанию ставшей бессмысленной борьбы. В январе 1946 года в связи с судом народов, который шел в Нюрнберге, фельдмаршал решил представить доказательства по обвинению Гитлера и его подручных в военных преступлениях. Как обер-квартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил с 3 сентября 1940 г. до 18 января 1942 г. Ф. Паулюс выполнял «особые поручения» начальника Генштаба, в тот период генерал-полковника Гальдера. К моменту начала его работы в генштабе сухопутных войск уже был подготовлен проект плана, известного позже как «План Барбаросса». Первоначальный проект был разработан генерал-майором по фамилии Маркс, начальником штаба 18-й армии, которой командовал фельдмаршал Ф. Кюхлер. Генерал-полковник Гальдер поручил Ф. Паулюсу дать заключение по проекту относительно возможности развернуть наступательные операции (с учетом рельефа местности и необходимых сил), исходя из находящихся в распоряжении 130–140 дивизий. «Цель операции была обозначена Верховным

8. I. 1946. 18

An die Regierung der U. d. S. S. R.

Moskau

Am 8. August 1944 habe ich mich an das deutsche Volk gewandt, um es zum Sturze Hitlers und zur Beendigung des sinnlos gewordenen Kampfes aufzurufen. Weiterhin habe ich durch Radioansprachen und Verschiebung von Schreiben und Aufrufen an Führer und Truppen im selben Sinne zu wirken gesucht.

Ich selbst trage die schwere Verantwortung, den ich damals bei Stalingrad, wenn auch in gutem Glauben, den Befehlen dieser bewusst verbrecherisch handelnden militärischen Führer gehorcht habe. Ferner trage ich die Verantwortung dafür, dass ich die Durchführung meines Befehls vom 14. I. 43 über Abgabe aller Kriegsgefangenen an die russische Seite nicht überwacht habe und für die dadurch entstandenen Todesfälle, ferner dass ich mich der Gefangenenfürsorge nicht mehr gewidmet habe.

Als Überlebender von Stalingrad fühle ich die Verpflichtung, dem Sowjetvolke Genugtuung zu leisten.

Kriegsgefangenenlager,
9. I. 1946

Paulus
Generalfeldmarschall.

командованием вермахта: захват Москвы, Ленинграда и Украины с последующим завоеванием Северного Кавказа с его нефтяными полями. Конечной целью должно было стать достижение линии Астрахань — Архангельск. «Уже даже постановка целей, — говорится в документе, — характеризует это планирование как прямую подготовку агрессии, что, кроме того, вытекает и из факта, что не предусматривались никакие оборонительные меры. Тем самым разоблачаются лживые утверждения Верховного командования вермахта относительно превентивной войны против якобы угрожающей опасности, аналогичные распространявшимся геббельсовской пропагандой». Это признание германского фельдмаршала обрело особую актуальность в России в конце 1990-х гг., когда геббельсовский тезис о превентивной войне против большевиков нашел адептов, вскормленных на российской почве (Волкогонов, Резун, Мерцалов и другие). Генерал-лейтенант Ф. Паулюс принял участие в мероприятиях по вовлечению в агрессивную войну сателлитов германского рейха: Румынии, Финляндии и несколько позже Венгрии. Он привел много подробностей переговоров и подготовительных мероприятий с этими союзниками.

«В целом подготовка по плану „Барбаросса“ к концу 1940 года существенно продвинулась. Начатая в августе 1940 г. разработка проекта „Барбаросса“ получила в начале декабря завершение в итоге двух военных игр в главной штаб-квартире Верховного Командования сухопутных сил в Цоссене под моим руководством, — отметил Ф. Паулюс. Присутствовали генерал-полковник Гальдер, шеф оперативного отдела полковник Хойзингер и другие избранные старшие офицеры Генерального штаба Верховного командования сухопутных сил. Итог, который был воспринят как основа для разработки указаний по развертыванию плана „Барбаросса“, состоял в том, что достижение линии Астрахань — Архангельск предполагалось как предпосылка для достижения следующей цели Верховного командования вермахта: полное крушение Советского государства, к чему стремилось Верховное командование вермахта при определении агрессивных целей и что было целью этой войны: превратить Россию в колониальную страну». Суждения о потенциале Советской России были вынесены на основе доклада шефа отдела «иностранные армии-

Ост» полковника Кинцеля. Резюме его доклада сводилось к тому, что Красную Армию следует рассматривать как значительного противника, хотя о каких-либо особых ее приготовлениях к войне ничего не известно. Что касается военной промышленности, то в резюме разведчиков было отмечено, что и новые объекты промышленности к востоку от Волги также достигли высокого уровня развития.

Директива Верховного командования вермахта от 18 декабря 1940 г. назначила срок готовности к нападению: середина мая 1941 г. Круг посвященных в «План Барбаросса» с этого момента расширился, хотя лишь в устной форме при обсуждении задач. Среди посвященных были от группы армий «Зюд» генерал Зоденштерн, от группы армий «Центр» генерал Зальмут, от группы армий «Норд» генерал-лейтенант Бреннеке (?). Затем в присутствии Кейтеля и Йодля А. Гитлер одобрил доклад Браухича и Гальдера по оперативному плану командования сухопутных сил и отдал приказ о развертывании сухопутных сил. «Тем самым руководство сухопутных сил было ориентировано на разрыв договора, нападение и захватническую войну против Советского Союза. Ф. Паулюс отметил активную роль полковника Хойзингера в конкретизации планов вторжения в СССР. 3 февраля 1941 г. А. Гитлер одобрил директиву по развертыванию вооруженных сил по плану Барбаросса после доклада Браухича на совещании в Оберзальцберге. Это происходило в присутствии Кейтеля и Йодля, а также представителей командования сухопутных сил: Ф. Паулюса, полковника Хойзингера, генерал-квартирмейстера Вагнера и шефа по транспорту генерала Геркке.

В дни подготовки развертывания вермахта против Советского Союза Ф. Паулюсу стало известно хвастливое заявление Йодля: «Через три недели после нашего вторжения (нападения) весь этот карточный домик рухнет».

К весне 1941 г. стратегическим препятствием для немедленного нападения на Советский Союз германские военные считали «фланговую угрозу» на Балканах — Югославию. На совещании в рейхсканцелярии 27 марта 1941 г. «тройка» — Гитлер, Кейтель и Йодль приняли решение о вторжении в Югославию и отдали приказ Браухичу и Гальдеру провести операцию в Югославии. Из-за этого предприятия Верховное командование вермахта 3 апреля 1941 г. переносит срок начала операции «Барбаросса»

на вторую половину июня. В связи с военными действиями в Югославии Гальдер направил Ф. Паулюса 30 марта в Будапешт для согласования действий с Венгрией. «6-го июня 1941 года в рейхсканцелярии состоялось последнее решающее совещание. Все верховные командующие — сухопутных сил, военно-морских и военно-воздушных сил доложили перед Гитлером, Кейтелем и Йодлем о поставленных перед ними задачах при проведении германского вторжения в Советскую Россию».

22 июня 1941 года началось уничтожение и опустошение нами в Советской России. На Волге, в Сталинграде этот ход войны достиг высшей точки и концентрации всех усилий в нацистской захватнической войне» (л. 10). Фельдмаршал глубоко осознал всю тяжесть и своей ответственности и вины за страдания, причиненные советскому народу, особенно за уничтожение мирных жителей и военнопленных в районе окружения, ставшего «зоной уничтожения» и германских войск из-за того, что в Берлине не прислушались к его настойчивым предложениям пойти на прорыв кольца окружения: радиogramмы отправлялись 22, 23, 25 ноября, а затем с 8 декабря до конца декабря ежедневно. Ф. Паулюс напомнил и о своем предложении пойти на капитуляцию, сделанное Берлину 20-го января 1943 г. Отказ от капитуляции стоил больших жертв и мирному населению и германским солдатам. «Военные преступники Кейтель, Йодль и Геринг несут ответственность за то, что окруженной в Сталинграде 6-й армии обещанное обеспечение по воздуху не было выполнено» (л. 11). 6-я армия была брошена на произвол судьбы, обречена на вымирание от голода и холода. Нацистские главари не сделали нужных выводов из сталинградской катастрофы и мобилизовали силы для продолжения войны, которая в течение еще более двух лет потребовала новых жертв от народов и СССР, и от Германии.

«Я сам несу тяжелую ответственность за то, что тогда в Сталинграде, хотя из добрых побуждений, подчинился этим заведомо преступным приказам действующих военных фюреров». Ф. Паулюс взял на себя ответственность за то, что не проследил за выполнением своего приказа от 14 января 1943 г. о сдаче всех военнопленных русской стороне и не обеспечил их выживание. Как выживший в Сталинграде я чувствую свою обязанность выразить сатисфакцию советскому народу» (л. 12). Эта

записка была, пожалуй, одним из первых опытов извлечения выводов из сталинградской катастрофы германской армии. В 1947 г. Ф. Паулюс составил более обстоятельную записку «Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом» (В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, С. 376–391).

«Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом. Из личного архива фельдмаршала Паулюса», опубликованные на русском языке в «Военно-исторической журнале» (1960, № 2), а затем в т. 2 сборника документов с комментариями В. И. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма», содержат важные оценки хода и исхода Сталинградской операции с германской стороны — со стороны командующего 6-й армией вермахта, потерпевшей сокрушительный разгром силами Советской Армии без существенной помощи от союзников.

В вводной части своей записки, написанной, как он подчеркнул, по памяти, Ф. Паулюс сформулировал свою методологию осмысления этой самой крупной катастрофы германских вооруженных сил: «Я стремился провести четкую грань между тогдашним пониманием данных мне приказов и их сегодняшним толкованием в свете прошедших лет... Эти записки должны служить в первую очередь для того, чтобы расширить и углубить мое собственное понимание затронутых вопросов. При дальнейшей доработке и изложении в более широких рамках они, может быть, помогут выяснить ряд вопросов истории войны и ее хода» (т. 2, С. 375).

Если в рассмотренном выше заявлении Ф. Паулюс сосредоточился на вопросе политической ответственности за войну в целом, то позже он попытался критически оценить оперативные-стратегические решения германского командования, правда, не зная в деталях замыслов советского командования и его реализации. Фельдмаршал выдержал длительную паузу, находясь в плену, прежде чем в 1944 г. присоединился к Союзу немецких офицеров и к национальному комитету «Свободная Германия», хотя не состоял в нацистской партии. На Нюрнбергском процессе он выступил как свидетель обвинения главных военных преступников и остался в положении военнопленного вплоть до 1953 года, когда были репатриированы немецкие пленные.

Политические последствия Сталинградской битвы

В дни 65-й годовщины Великой Победы не только историки и публицисты, но и граждане обеих стран — России и Германии — вновь и вновь обращаются к событиям того времени. При этом они все больше уделяют внимания отдельным эпизодам и судьбам людей, оказавшихся участниками бойни (большей частью не по своей воле, одни по злой воле бесноватого фюрера, другие для защиты своей земли от захватчиков). К сожалению, это существенное различие между советскими и германскими солдатами за «давностью лет» все более нивелируется, особенно усилиями с западной стороны. Даже профессиональные историки в Европе и Америке все более склонны эту грандиозную битву сводить к столкновению амбиций «двух диктаторов». Конечно, это была война не двух диктаторов, а двух коалиций, двух миров, разных идеологий. Война советского народа против нацистской Германии была действительно Отечественной войной против агрессора. Это важно отметить и сегодня не только из соображений воспитания патриотизма у нового поколения соотечественников, но и для утверждения исторической правды.

В то же время народы, мечтая о «вечном мире», не могут жить в вечной вражде. Очевидно, необходимо примирение народов, но непременно при условии не предавать забвению уроки истории. События 1941–1945 гг. до сих пор дают много пищи для размышлений, особенно народам России и Германии. Сталинградская эпопея поучительна во многих отношениях, начиная с военно-стратегических оценок и кончая переживаниями и страданиями рядовых солдат обеих противостоявших армий.

После первого крупного поражения вермахта в ходе Второй мировой войны в сражении под Москвой на направлении «Центр», а также удавшегося агрессору блокирования Ленинграда германское командование, сохраняя угрозу возобновления наступательных операций в «Центре», принимает решение сосредоточить силы на южном направлении и нанести удар с целью захватить Сталинград и перерезать жизненно важную для России артерию — Волгу, отрезать

от Москвы кавказские нефтяные источники, создать угрозу вторжения вермахта на Средний Восток и далее.

На сравнительно небольшом пространстве (100 тыс. кв. км!) и в то же время в бескрайней (с точки зрения одного человека) степи между Доном и Волгой были сосредоточены миллионные группировки войск на каждой стороне с большим количеством техники и вооружений. Именно на этом безлесном пространстве и развернулось грандиозное сражение, продолжавшееся несколько месяцев: с 17 июля 1942 до 2 февраля 1943 г.

Сталинградское сражение вошло в историю XX в. как самое крупное по масштабам и по своим последствиям сражение не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны. Это сражение имело решающее значение не только для хода войны на советско-германском фронте, но и для изменения соотношения сил в Европе. Тогда же советское правительство оценило исход сражения как коренной перелом в ходе войны. Советские историки и историки-международники провели на протяжении десятилетий обстоятельные исследования, результаты которых опубликованы в виде монографий и многотомных публикаций по истории Второй мировой войны¹. Казалось бы, и военно-стратегические и международно-политические итоги этой битвы получили всестороннее освещение в научной литературе. Однако и теперь, спустя шестьдесят пять лет после окончания Второй мировой войны, в странах Европы и Америки (США) наблюдается тенденция к пересмотру итогов основных сражений этой большой войны, к преуменьшению роли Советского Союза в разгроме германской армии, хотя бы к частичной реабилитации германских генералов. Например, Военно-исторический исследовательский институт, находившийся во Фрайбурге (ФРГ), подготовил книгу «Сталинград», которая вышла в Мюнхене в 1992 г., а затем в переводе на русский язык в Москве в 1994 г.². В этой книге имеется признание этого события как одного из «величайших сражений», но в то же время делаются «оговорки». В предисловии за подписью

бригадного генерала д-ра Гюнтера Рота сказано: «Конечно, Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной армии, не была сражением, решившим исход войны». Германские генералы, по острому замечанию У. Черчилля, проигравшие Вторую мировую, взяли реванш в мемуарах, возложив всю вину на А. Гитлера.

В данном очерке автор намерен проанализировать не только оценки советской (российской) историографии, но и отклики на Сталинградское сражение в странах антигитлеровской коалиции, а также военно-стратегические и морально-политические последствия поражения на Волге для Германии.

Прежде всего отметим, что к осени 1942 г. под оккупацией держав «оси» находилось примерно 500 млн человек на территории почти в 13 млн кв. км. В распоряжении нацистской Германии были ресурсы и промышленный потенциал более 10 стран Европы, в том числе Австрии, Венгрии, Румынии, Франции, Чехословакии и Польши. Летом 1942 г. фашистский блок сосредоточил на Восточном фронте значительные силы: 266 дивизий общей численностью 6,2 млн человек, располагавших соответствующей техникой, более 5 тыс. танков, более 50 тыс. орудий и минометов и 3,5 тыс. самолетов. Советский Союз смог в течение года мобилизовать и вооружить 390 стрелковых и кавалерийских дивизий. Войска имели 7350 танков и САУ, около 78 тыс. орудий и минометов, более 4,5 тыс. самолетов. Очевидно, что, хотя и имелось некоторое численное преимущество, его было далеко не достаточно для развертывания стратегических наступательных операций, тем более по всему фронту.

Красная армия вела упорные оборонительные бои, а на южном фланге вынуждена была отступать под натиском фашистского блока, начавшего летом 1942 г. наступление на южном направлении с целью достичь Волги в районе Сталинграда и перерезать жизненно важную транспортную артерию. На сталинградском направлении германское командование сосредоточило войска численностью более одного миллиона солдат, располагавшими более 10 тыс. орудий и минометов, 675 танков, более 1200 самолетов. Еще весной 1942 г., сразу после поражения под Москвой, А. Гитлер подписал директиву № 41 (план «Блау» или «Голубой» план), которая предписывала на севере взять Ленинград, а на южном фланге осуществить прорыв к Волге, а далее на Кавказ, чтобы захватить нефтяные источники. Весной 1942 г. А. Гитлер во время

посещения группы армий «Юг» в узком кругу сказал: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, то буду вынужден закончить эту войну»³.

Советское командование не исключало возможности возобновления наступательных операций вермахта на направлении «Центр», т. е. на Москву, однако взвешивало и возможное наступление германских войск на юге, где шло сосредоточение значительных сил вермахта.

Советское командование держало на Сталинградском, Донском и Юго-Западном фронтах более 1 млн человек, 15,5 тыс. орудий и минометов, 1460 танков и 1350 боевых самолетов. Несмотря на некоторое преимущество (отнюдь не пятикратное, как утверждают некоторые публицисты в России сегодня), советские войска не смогли удержать оборонительные рубежи и с лета 1942 г. отходили к Сталинграду. Собственно решение о подготовке контрнаступления на этом направлении было принято еще 13 сентября 1942 г. после доклада генералов Г. К. Жукова и А. М. Василевского в Ставке. План скрытной подготовки контрнаступления и операции по окружению германских войск под кодовым названием «Уран» был разработан и утвержден к концу сентября. План контрнаступления со среднего течения Дона на Ростов получил название «Сатурн».

Группа армий «Б» в составе 6-й и 4-й танковых армий вермахта, а также 8-я итальянская и румынские армии уже в конце сентября продвинулись к Сталинграду. Хроника обороны Сталинграда свидетельствует, что советские войска героически сражались, вели ожесточенные бои не только за каждый участок на берегу Волги, но и за каждый квартал, за каждый дом в городе, расположенном на протяжении 24 километров вдоль Волги. В ставку Гитлера под Винницей 12 сентября 1942 г. прибыли командующий группой армий «Б» Вейс, а также Гальдер и Паулюс. Фюрер поставил задачу в короткий срок захватить Сталинград. На вопрос, сколько времени потребуется для решения задачи, генерал Ф. Паулюс ответил: десять дней плюс две недели для перегруппировки. 13 сентября началась «первая фаза» наступления: атакован Мамаев курган (высота 102). Две пехотные дивизии должны были «одним рывком» выйти к Волге. Накануне армада «мессершмитов» атаковала позиции советских войск. Один немецкий ефрейтор отписал домой: «Трудно поверить, что после этого налета хотя бы одна мышь осталась жива». В тот же день, узнав от А. Еременко о ситуации

в Сталинграде, И. В. Сталин распорядился перебросить 13-ю гвардейскую дивизию (10 тыс. человек) под командованием А. И. Родимцева «на подмогу» В. Чуйкову, который удерживал высоту 102 от натиска 295 пехотной дивизии вермахта. 14 сентября две пехотные дивизии противника прорвались к центральному вокзалу, а затем к городскому водоканалу. В тот день вокзал три раза переходил из рук в руки. Как видим, сражение за город уже с сентября приняло ожесточенный характер. Вечером 16 сентября на стол И. В. Сталину легла шифровка Генштаба — радиосообщение из Берлина: «Несокрушимые германские войска захватили Сталинград. Россия разрезана на две части — север и юг — и скоро прекратит свое существование как суверенное государство». И. В. Сталин тотчас отдал приказ немедленно доложить обстановку в Сталинграде, дать прямой и правдивый ответ на вопрос: «Действительно ли город захвачен немцами?» Генерал Ф. Паулюс 26 сентября доложил в Берлин: «Боевое знамя рейха развевается над зданием сталинградского обкома партии!»

В действительности защитники города вели беспримерную оборонительную войну в городе. В данный момент переброска дивизии А. В. Родимцева сыграла решающую роль. Советские солдаты выстояли, хотя и ценой больших потерь. Из дивизии Родимцева остались в живых к концу сражения всего 320 человек. Командующий не раз давал пример личного мужества. Девизом солдат стали его слова: «За Волгой для нас земли нет». Ожесточенные бои на территории заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» начались 5 октября. 10 октября германские войска захватили Тракторный завод и вышли к берегу Волги на участке в 2,5 км. Часть подразделений 62-й армии оказалась отрезанной от основных сил. На следующий день германские войска, захватив южную часть завода «Баррикады», также вышли к берегу Волги, правда, на узком пространстве. Наша 62-я армия оказалась рассеченной на три части. В речи в Мюнхене 9 ноября А. Гитлер заявил: «Сталинград почти взят!» Подразделения советских войск, понеся большие потери, продолжали сражаться за каждую пядь земли и за развалины. Многие подразделения были буквально прижаты к Волге и продолжали упорное сопротивление. Символом стойкости советского солдата стал легендарный Дом Павлова. Особенно ожесточенные бои шли на так называемом Мамаевом кургане, обозначенном на картах как высота 102. Ожесточенные оборо-

нительные бои шли вплоть до 19 ноября, когда на северном фланге фронта после массовой артиллерийской подготовки началось наступление Красной армии.

Наступление Красной армии начали войска Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Н. Ф. Ватутин, рано утром 19 ноября 1942 г. севернее Сталинграда. Они прорвали фронт на участке, где наряду с германскими войсками стояли румынские части. На следующий день последовал удар советских войск южнее Сталинграда. Левое крыло Сталинградского фронта, которым командовал генерал-полковник А. И. Еременко, пошло в наступление, одновременно приведены в движение войска Донского фронта под командованием генерал-полковника К. Рокоссовского. Германское командование не сумело верно оценить обстановку и значения прорыва советских войск. Советские танковые корпуса пошли к Дону, за ними шли стрелковые дивизии, которые заняли Калач, а затем хутор Советский. 23 ноября кольцо замкнулось. Образовался как бы внутренний фронт и внешний фронт. В окружении оказались 22 германские дивизии и отдельные части противника, общей численностью более 300 тыс. человек. В ошеломленных (в старорусском смысле слова) войсках противника, в особенности в румынских частях, началась паника. Кольцо неумолимо сжималось, пространство между внутренним и внешним фронтами увеличивалось, а возможности прорыва изнутри уменьшались. Уже к 30 ноября положение германских войск стало критическим. Верховное командование вермахта оказалось не в состоянии адекватно реагировать на свершившийся факт: в котле оказалась 6-я армия под командованием генерала Ф. Паулюса, которую А. Гитлер считал надежной элитной армией. 30 ноября фюрер присвоил Ф. Паулюсу звание генерал-полковника и приказал оставаться в котле в ожидании поставок необходимых боеприпасов, продовольствия и горючего по «воздушному мосту». Офицерам генштаба не стоило большого труда доложить, что для 6-й армии ежедневно требуется около 700 т грузов. Авиаторы тотчас сообщили, что они могут перевозить максимум до 350 т в сутки. Однако в действительности имевшимися на этом направлении самолетами они могли поставлять около 100–150 т в день. 350 т смогли забросить только один раз. Обстановка все более усложнялась. Имели место и курьезы, когда вместо хлеба и мяса доставили большую партию перца.

Германскую армию еще с лета поразила дизентерия, в том числе лично Ф. Паулюса, с конца ноября силы подрывало недоедание, а затем и голод в полном смысле слова. Немецкие врачи сначала ставили диагноз «неизвестная болезнь», а затем дистрофия. Важным фактором гибели солдат 6-й армии стал «генерал Мороз».

В тот день, когда началось наступление Красной армии, т. е. 19 ноября, А. Гитлер находился в Бергхофе около Берхтесгадена в ожидании сообщения, что русские капитулировали в Сталинграде. Однако генерал Цейтцлер сообщил из Растенбурга, где находился штаб вермахта, что русские прорвали фронт на участке, где стояли румынские войска. Первым делом фюрер распорядился взять под арест генерала Хейма, командующего 48-м танковым корпусом, чтобы, очевидно, возложить на него всю ответственность. На следующий день он отдал приказ фельдмаршалу Манштейну сформировать группу армий «Дон». В дневник военных действий какой-то умник внес запись, что русские начали наступление, которое... давно предвидел фюрер. Однако вскоре пришлось внести в дневник формулу «временное окружение» 6-й армии, которой предписано «твердо удерживать позиции». В этот момент командующий 6-й армии Ф. Паулюс и начальник штаба Шмидт вынуждены были принять решение переместить свой штаб из Голубинской и двигаться к Ново-Чирской. Замысел состоял в том, чтобы установить взаимодействие с группой армий «Б». Верховное командование, однако, рекомендовало оставаться у Волги, удерживать Сталинград. Оно подчинило Паулюсу войска генерала Гота, действовавшие к югу от Сталинграда. 22 ноября генерал Гот прибыл в штаб Паулюса. Главной проблемой стало снабжение армии в окружении: продовольствием, боеприпасами и горючим, без которого танки и иная техника представляли собой много тонн железа. Из Берлина последовали заверения, что всем необходимым будут снабжать по воздуху. Командующий 8-м воздушным корпусом генерал Мартин Фибинг, однако, сообщил Паулюсу по телефону: «Мы не можем по воздуху снабжать целую армию. У люфтваффе нет для этого средств». На обращение начальника штаба Шмидта к командованию группы армий «Б» генерал Зоденштерн лаконично ответил: «У нас нет сил их [русских] остановить... Спасайтесь сами». В первые дни окружения Шмидт, которого все чаще посещала мысль, что их ждет судьба Наполеона, говорил:

«Мы все хотим вырваться из кольца». Штаб 6-й армии разместился в Гумраке. Отсюда 22 ноября в 19 часов Паулюс отправил донесение, которое начиналось словами: «Армия окружена...» В 23 часа пришла радиограмма фюрера: «6-я армия временно окружена», он (фюрер) вызовет ее «из беды». Штаб Паулюса все еще продумывал план прорыва на юго-западном направлении.

Гитлер заверил военных: «Мы нашли выход». Вероятно, он имел в виду «воздушный мост», по которому якобы будут ежедневно перевозить по воздуху 500 т грузов (при потребности в 700 т). Он полагался на заверение Геринга, что люфтваффе обеспечит окруженных всем необходимым. Однако очень скоро выяснилось, что транспортные самолеты не могут перебрасывать необходимое количество продовольствия, боеприпасов и горючего. Кроме того, не были приняты во внимание возможности советской авиации, да и артиллерии сбивать транспортные самолеты противника.

Рано утром 24 ноября штаб Паулюса получил приказ: удерживать во что бы то ни стало позиции на берегу Волги. Амбиции Гитлера были поставлены выше жизни сотен тысяч солдат. Генерал люфтваффе записал в своем дневнике, что с мнением генералов фюрер просто не считается, что генералы поставлены в положение высокооплачиваемых фельдфебелей.

Окруженная армия несла потери не только на поле боя (численность подобранных на поле боя превысила 140 тыс.), но и умерших от истощения и болезней. В антисанитарных условиях разносчиками болезней (сыпной тиф) стали вши. Врачи попытались выработать свое средство против сыпняка, однако позже о «достижении», похоже, не было речи. Уже к январю вермахт потерял 50 тыс. убитыми, а затем в январе еще 100 тыс. В середине декабря некий В. Хоффман из 94 пехотной дивизии записал: «Лошади давно съедены. Я бы съел и кошку».

Три недели после начала советского наступления и даже после того, как кольцо прочно замкнулось, официальные сообщения в Германии сводились к тому, что русские под Сталинградом и в самом городе несут большие потери в результате боевых действий вермахта. Только 8 декабря из официальной информации можно было понять, что советские войска прорвали фронт южнее Сталинграда. Однако об окружении целой армии публично не было сказано ни слова. Так немцев держали в неведении вплоть до января 1943 г. В войска была пущена приписываемая

Паулюсу фраза: «Держитесь! Фюрер спешит нам на помощь». В узком кругу Ф. Паулюс, однако, говорил в те дни: «Я знаю, что военная история уже вынесла свой приговор». Очень быстро исчезла иллюзия, что группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна провет кольцо окружения.

В день прибытия в штаб группы армий «Б», 24 ноября, генерал-фельдмаршал (с 1942 г.) Эрих фон Манштейн отметил свое 55-летие. К этому времени между позициями группы армий «Б» и войсками группы «А» на Северном Кавказе образовалась брешь шириной в 150 км. Штаб-квартиру устроили в Новочеркасске, поставив часовыми казаков в меховых шапках, но в униформе вермахта. Фельдмаршал Э. Манштейн слыл большим авторитетом в среде генералов. В 1942 г. он успел отличиться в захвате Крыма и в блокаде Ленинграда. В узком кругу он высказывался презрительно относительно Геринга и Гимmlера и даже давал понять, что в его жилах, возможно, есть и еврейская кровь, что не мешало ему отдавать приказы о репрессиях против евреев. Жена его боготворила фюрера, а собачка-такса при возгласе «Хайль Гитлер!» поднимала переднюю лапу как знак нацистского приветствия. Несмотря на все амбиции и имевшуюся амуницию Манштейну не удалось спасти 6-ю армию.

План спасения 6-й армии, разработанный в штабе Манштейна, получил название «Зимняя буря». Он предусматривал прорыв на двух направлениях с целью проложить два коридора: от Котельникова и от плацдарма на реке Чир. По приказу Гитлера «Об освобождении окруженной группировки под Сталинградом» от 10 декабря 1942 г. танки генерала Гота пошли на север (12 декабря), 6-я танковая дивизия преодолела 30 км и форсировала речку Аксай. Немецкие танки дошли до Верхне-Кумска. Однако операция была сорвана контрударом советских войск.

Советское командование реагировало быстро и эффективно. Оно решило начать выполнение плана «Сатурн» в новой версии или варианте «Малый Сатурн». 19 декабря три советские армии вышли в тыл группировке Манштейна, разгромив итальянскую армию. Манштейн попытался ввести в действие план «Удар грома», но не добился успеха. Позже Манштейн, конечно, свалил все на Гитлера, который-де обрек армию Паулюса на гибель, чтобы сковать семь советских армий. Фюрер был уверен, что Паулюс будет стоять до конца, а в конце пустит себе пулю

в лоб и возьмет на себя всю ответственность за поражение. Однако Ф. Паулюс выбрал иной путь, осознав коварство фюрера, но от звания фельдмаршала не отказался.

В ночь с 15 на 16 декабря 1942 г. Волга оказалась скованной льдом так, что стало возможным проложить с восточного берега дорогу по которой можно было доставлять продукты бойцам на правом берегу и вывозить раненых. По настилу пошли машины и артиллерийские орудия, которые нужны были для того, чтобы выбить немцев с территории завода «Красный Октябрь», превращенного немцами в бастион. Солдат по очереди стали отпускать на другой берег для краткого отдыха, особенно ценна была русская баня. Немецкие солдаты еще до окружения ждали, что им привезут финские сауны, но так и не дождались. 19 декабря генерал Чуйков в первый раз за все время отправился пешком на другой берег и с середины реки увидел «панораму» разрушенного города. На обратном пути генерал попал в полыню, но был спасен. Немецкие солдаты в середине декабря стали умирать от «неизвестной болезни», как писали врачи, чтобы не писать от голода. Счет умерших от дизентерии, гепатита и сыпного тифа шел уже не на сотни, а на тысячи.

К концу декабря была подготовлена операция «Кольцо». Представитель Ставки генерал-полковник Н. Н. Воронов доложил И. В. Сталину об обстановке. Командование операцией «Кольцо» И. В. Сталин возложил на командующего Донским фронтом К. Рокоссовского, в распоряжении которого были 47 дивизий общей численностью 218 тыс. человек при 5,5 тыс. полковых орудий и 200 танках. Начало операции назначено на 10 января 1943 г. За несколько дней до начала заключительной фазы разгрома германской группировки, 6 января, Ф. Паулюс писал в донесении Цейтцлеру: «Армия голодает и мерзнет. Солдаты раздеты, разуты, а танки превратились в груды бесполезного металла». Перед началом операции по уничтожению остатков 6-й армии советское командование направило своих парламентариев с ультиматумом германскому командованию, апеллируя к здравому смыслу и возможности сохранения тысяч жизней. Однако 9 января повторное обращение было отвергнуто. Ф. Паулюс находился в это время в состоянии глубокой депрессии. Приближенные к штабу старались не замечать тик левой щеки. Своему окружению (один из офицеров пытался сослаться на примеры во-

енной истории) он кратко сказал: «Мертвых не интересует военная история». 22 января из Берлина поступил приказ: «О капитуляции не может быть и речи. Войска должны стоять до последнего». 30 января А. Гитлер присвоил Ф. Паулюсу звание генерал-фельдмаршала, дав понять, что германские фельдмаршалы в плен не сдаются. Еще раньше А. Гитлер пытался играть на честолюбии Ф. Паулюса: в конце ноября 1942 г. он присвоил ему звание генерал-полковника, а 15 января наградил Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

В период с 10 января до 2 февраля попали в плен и сдались более 90 тыс. солдат и офицеров вермахта, в т. ч. 2500 офицеров и 24 генерала. 31 января 1943 г. генерал-фельдмаршал Фридрих Вильгельм фон Паулюс вместе со своим штабом, находившимся в подвале здания универмага, сдался в плен. Однако он отказался подписать приказ войскам сложить оружие, сославшись на то, что отныне он не командующий. Так полным разгромом германской армии к 2 февраля 1943 г. закончилось Сталинградское сражение, продолжавшееся 200 дней на площади в 100 тыс. кв. км. Наибольшие потери понесла германская армия в период с 19 ноября 1942 г. до 2 февраля 1943 г. На полях сражений остались 140 тысяч трупов. 3 февраля берлинское радио передало специальное сообщение о «прекращении боев в Сталинграде». Последовали аккорды из оперы Рихарда Вагнера «Риенци», которую А. Гитлер особенно высоко ставил, связывая с ней начало своей политической карьеры. В Германии был объявлен трехдневный траур, прекращены увеселения. Объявленные еще в январе меры «тотальной войны» введены в действие согласно указу от 13 января «О поголовном привлечении трудоспособных мужчин и женщин к выполнению задач по обороне рейха». Последовали репрессии против недовольных нацистским режимом. Особые меры были приняты в отношении семьи Ф. Паулюса.

До сих пор (странно, что не только в Германии, но и в России) не утихают споры по поводу того, чем же было поражение вермахта в Сталинграде. Перед лицом неоспоримого факта самого крупного поражения вермахта во Второй мировой войне, некоторые публицисты все еще высказывают сомнения в решающем значении этой победы Красной армии для дальнейшего хода войны. Сегодняшние «знатоки» стратегии и истории войн в России утверждают, что нашли «новый подход» к оценке событий того

времени и «смело» ставят вопрос: а какова цена победы и сколько людей погибло? При этом бросают упрек «бездарному» командованию Красной армии, которое якобы было лишено стратегического мышления⁴. Ставить, как говорят, на одну доску «двух диктаторов», это, по меньшей мере, безнравственно. Для Советского Союза (читай для России) эта война и каждое ее сражение было борьбой не на жизнь, а на смерть. Со стороны Германии эта война была войной на уничтожение России как государства. Только с учетом этих определяющих характер войны факторов можно дать верную оценку «цены победы». Как писал о войне А. Твардовский, бой идет «не ради славы, ради жизни на земле».

Советские (российские) военачальники — участники Великой Отечественной войны (сегодня это и генерал армии М. А. Гарева, и генерал армии В. И. Варенников), да и профессиональные военные историки в своих исследованиях и публицистических выступлениях взвешенно оценивают и военно-стратегические и морально-политические факторы Сталинградского сражения, не умалчивая об ошибках и просчетах командования, о тяжелых потерях нашего народа. Мне представляется, что решающее значение имеет объективный анализ соотношения материально-технических ресурсов, правильно-сти или ошибочности стратегических замыслов воюющих сторон и морально-политического фактора.

Неоценимое значение имело обеспечение фронта техникой и боеприпасами. Известно, что были проложены дополнительные железнодорожные пути к Волге, причем рельсами, которые были доставлены из Сибири, где начата была ранее прокладка Байкало-Амурской магистрали. При подготовке контрнаступления по железным дорогам было доставлено 142 тыс. вагонов с войсками, техникой и боеприпасами. На каждого солдата на фронте должны были работать по семь человек в тылу. Решающее значение для обеспечения войск на фронте имело налаживание производства техники и боеприпасов на заводах, которые в 1941 г. были эвакуированы из западных районов (да и из Москвы) за Урал. За короткий срок были вывезены и начали работу прямо под открытым небом почти 1,5 тыс. заводов. К зиме лишь появилась крыша над головой рабочих, производивших танки, самолеты, орудия. Разве было бы возможно производить в большом количестве оружие, если

в предвоенное время не была проведена индустриализация страны, не налажено производство станков, моторов, машин, металла?..

Летом 1942 г., когда германская промышленность выпускала 500 танков в месяц, А. Гитлер спросил Гальдера: сколько танков могут производить советские заводы? Гальдер ответил, что, по его оценкам, примерно 1200 танков в месяц. Гитлер взорвался от злости: «Это возмутительно! Это попросту невозможно!» В действительности уже в 1942 г. наши заводы довели выпуск танков до 2 тыс. в месяц. Авиационные заводы строили и отправляли на фронт примерно такое же количество боевых самолетов: в 1942 г. они дали фронту 25 тыс. самолетов. Налаживание производства вооружения и техники было великим подвигом народа, однако без сталинской дисциплины это едва ли стало бы возможным.

Ни военачальники, ни историки нашей страны никогда не утверждали, что в итоге Сталинградского сражения или даже в ходе Курского сражения был предрешен исход войны. Предстояли еще крупные кровопролитные сражения, однако произошел действительно коренной поворот в ходе войны: нацисты утратили стратегическую инициативу, хотя летом 1943 г. еще попытались ею овладеть вновь. Полагаю, что оценка Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, одного из основных организаторов победы в Сталинграде, сохранит свое значение навечно. Он так оценил значение Сталинградского сражения: «С этого момента советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны»⁵.

В западной историографии наряду с признанием грандиозности масштабов и беспрецедентности Сталинградского сражения имеется тенденция не очень широко говорить об этом, особенно по прошествии десятилетий, выискивая «теневые стороны» победы Красной армии. Это и жестокость спецотрядов НКВД, позже названных СМЕРШ, в отношении своих солдат. Такая тенденция просматривается в книге Э. Бивера⁶. Представляется тенденциозным и утверждение его об участии 50 тыс. попавших в плен советских граждан в составе германской армии именно на этом фронте. Известно, что осенью 1942 г. германские власти начали формирование легионов, но их применение на фронте мало вероятно. Очевидно, имеется в виду использование голодных и раздетых пленных на вспомогательных работах, особенно на земляных работах

в зоне боевых действий. В западной историографии в 1990-х гг. обильно используются свидетельства германских «сталинградцев» (именно так их называют), которые считают причиной катастрофы не авантюризм Гитлера и его генералов, а коварство русских, которые-де заманили германскую армию в Сталинград как в «ловушку» (в западню) и жестоко расправились с ней. Особенно жалуются оставшиеся в живых на суровые русские морозы, на отсутствие теплой одежды. Они ссылаются и на факты: русские имели полушубки и валенки, а немцы получили перед окружением поношенные шерстяные вещи и даже несколько дамских шуб, очевидно, добытых мародерами.

Чем больше проходит времени после события, тем больше появляется попыток подправить, исказить, фальсифицировать реальную картину под предлогом выявления якобы неизвестных ранее обстоятельств. Упомянутый ранее редактор изданной в ФРГ книги «Сталинград» Юрген Фёрстер в августе 1992 г., желая разрушить «живучие легенды», утверждал, что «Сталинград не был главной целью летнего германского наступления». Почему же Гитлер настаивал на беспрекословном выполнении его приказа 62-й армии ни в коем случае не уходить из Сталинграда? Ю. Ферстер полагает, что с «оперативной» точки зрения «падение Туниса было более крупным поражением, чем в Сталинграде», поскольку там сдалось большее количество немцев в плен. И это пишет военный историк, который вынужден однако признать, что Сталинград стал для Германии «психологическим поворотным моментом в войне». Масштабы катастрофы германской армии на Волге на деле были таковы, что никакие «поворотные пункты» в Северной Африке не годятся даже для сравнения. Как воспринимали это событие современники события не только в Советском Союзе, но и в Германии и в странах антигитлеровской коалиции? Германские историки признают, что многие в Германии поняли тогда же, что это «может быть началом конца».

23 февраля 1943 г. президент США Ф. Д. Рузвельт в приветствии в адрес Красной армии в связи с победой под Сталинградом подчеркнул: «Она [Красная армия] остановила его [могущественного врага] под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе. Наконец, в беспримерном Сталинградском сражении Красная армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое

по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтики до Черного моря». Президент США передал для Сталинграда от имени народов США грамоту, в которой выражено восхищение доблестью защитников Сталинграда и выражена уверенность в том, что этот подвиг будет вечно вдохновлять сердца всех свободолюбивых народов: «Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

По-своему откликнулось правительство Великобритании: оно направило в дар Сталинграду как символ победы специально выкованный меч, на клинке которого на русском и английском языке выгравированы слова: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, — от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Меч был вручен маршалу И. В. Сталину в дни Тегеранской конференции в 1943 г. Победа Красной армии в Сталинграде вдохновила народы оккупированных нацистами стран Европы на активное сопротивление оккупантам, особенно во Франции, Италии, Голландии, в Югославии, Польше, Чехословакии. В Германии стали активнее действовать разрозненные группы Сопротивления. Оппозиционные настроения охватили даже высшие военные круги. После неудачных попыток устранить А. Гитлера от власти в 1943 г. образовались несколько групп заговорщиков в высших слоях военных и чиновников, кото-

рые искали возможности установить контакты с западными державами, чтобы заключить сепаратный мир с ними и все силы бросить на Восточный фронт. Однако покушение на А. Гитлера 20 июля 1944 г. не привело к устранению фюрера и имело следствием новую волну репрессий, казни нескольких тысяч участников Сопротивления, в том числе генералов и офицеров вермахта.

Сталинградская победа и Курское сражение Советского Союза имели серьезные международно-политические последствия: Италия была выведена из войны, Румыния и Венгрия оплакивали своих солдат, павших бесславно на русском фронте, Турция и Япония воздержались от вступления в войну против Советского Союза на стороне Германии.

Коренной перелом в ходе войны имел огромное значение для укрепления морально-политического единства народов Советского Союза. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» вдохновлял работников тыла на самоотверженный труд. На многих предприятиях рабочие стояли у станков по 12 часов и более. На заводах работали женщины и подростки. Производство вооружений и боеприпасов было обеспечено благодаря наличию станков отечественного производства, а также полученных в межвоенные годы из Германии. Немаловажную роль сыграли станки, полученные по ленд-лизу из США («станки Цинцинати»).

¹ История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. М., 1973–1982; История Великой Отечественной войны 1941–1945: в 6 т. М., 1960–1965; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. М., 1984; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.

² Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / под ред. Ю. Ферстера. М., 1994.

³ Там же. С. 16.

⁴ АиФ. 2003. № 4.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 116.

⁶ Энтони Бивер. Сталинград. Смоленск, 1999.

Сталинградская Мадонна Курта Ройбера

В корреспонденции Р. Колчанова из Берлина («Труд», 28 января 2003 г. было рассказано о рисунке Мадонны с младенцем в храме памяти на Курфюрстендамм. В Российском государственном

военном архиве теперь выявлено учетное дело военнопленного Курта Конрада Ройбера, из которого стали известны многие подробности его судьбы, неизвестные российскому, а, возможно, и немецкому читателю.

Одна из тенденций современных западных историков и публицистов состоит в том, чтобы больше уделить внимания судьбам отдельных людей, пострадавших в ходе этого гигантского сражения, особенно в результате окружения и беспощадного уничтожения окруженных германских войск. Конечно, сотни тысяч убитых на поле боя, умерших от ран и болезней (дизентерии, сыпного тифа), а еще больше от голода и холода — все это великая человеческая трагедия. Излагая происшедшее в подробностях по воспоминаниям оставшихся в живых и по письмам германских солдат, западные авторы предпочитают делать акценты на жестокостях НКВД, но не помнят странным образом первопричины трагедии, захватнические планы агрессора, ставившего целью уничтожение России как нации. На этом мрачном фоне, разумеется, были и светлые пятна, отдельные эпизоды сохранения человеческих качеств и в стане окруженных германских войск. Одним из таких примеров служит судьба и деяние германского военврача Курта Ройбера, имя которого вошло в историю благодаря написанному им рисунку Мадонны с младенцем, получившему название «Мадонна из Сталинграда» или «Сталинградская Мадонна».

Как известно, Курт Конрад Ройбер (по недоразумению на титульном листе «Учетного дела» второе имя Конрад записано как «Кондратович») родился в семье скромного железнодорожного служащего в г. Касселе 26 мая 1906 г. Родители (евангелического вероисповедания) хотели, чтобы их сын стал священником. Он получил духовное образование и стал священником в с. Вихманнсхаузен, а затем получил медицинское образование. Судя по документам, он был призван в Вермахт осенью 1939 г., в период «странной войны». Военный билет («зольдбух») выписан 17 ноября 1939 г. За короткий срок он прошел несколько ступеней солдатской карьеры, начав службу в январе 1940 года в должности и звании ефрейтора санитарной службы, а в апреле 1940 г. получает звание помощника врача («унтера») и ассистента, а в феврале 1942 года, уже на восточном фронте назначен старшим врачом в чине капитана медицинской службы. В этом качестве он и оказался под Сталинградом.

Курт Ройбер в юности хотел стать врачом. Однако после окончания гимназии стал сначала теологом. В 1933 г. молодой священник стал служить в сельской церкви в местечке

Вихманнхаузен, а через пять лет получил диплом медицинского факультета Гёттингенского университета. Родственники вспоминали позже, что к его пасторской деятельности проявляли интерес и гестаповцы, подозревая его в антинацистских настроениях. В литературе имеются упоминания, что К. Ройбер был близок по духу к Альберту Швейцеру и был дружен с ним.

По внешним данным военврач Курт Ройбер был типичным, если не идеальным, немцем: рост 182–183 см, блондин, глаза серые. Евангелическое образование и профессия, конечно, наложили свой отпечаток на мировоззрение этого талантливого человека, а война, судя по его письмам с фронта, внесла свои коррективы в его взгляды на жизнь и смерть, на страдания людей. В трудных фронтовых условиях он продолжал зарисовки, делал рисунки карандашом и углем. Рисунки его проникнуты гуманизмом и верой в доброе начало. Известно, что он отправил с фронта и из «котла» более 100 рисунков, которые наследники передали позже в различные мемориалы.

Когда началась война, нацистские власти отправили К. Ройбера сначала на Балканы, а затем на восточный фронт. В духе общего настроения в нацистском стане К. Ройбер писал в августе 1941 года своему учителю, что Советская армия рано или поздно будет уничтожена, что это дело времени. Летом 1941 г. на оккупированной территории он видел «серую массу без человеческого достоинства, у которой нет сил для обновления». Однако за год войны убеждения врача-теолога изменились. Он писал много писем домой. В одном из писем, не попавшем адресату, но избежавшем и гестаповской цензуры, теолог писал: «Мы ведем „крестовый поход“ без креста. Нацизм и сталинизм — обе системы порождены сатаной, но фашизм „обер-сатаной“». В одном из писем летом 1942 г. К. Ройбер писал: «За год участия в русской войне становишься объективнее и справедливее в оценках. Я познакомился с прекрасными людьми... Столько потоков крови и слез, террора души и тела прокатилось через эту страну...». Осенью 1942 г. старший военврач Курт Ройбер получил краткий отпуск, но его срочно отозвали в часть. Он оказался снова в 6-й армии за два дня до того, как эта группировка попала в окружение. Реалии войны внесли свои поправки в настроения критически мыслящего человека. Под Сталинградом

в 1942 г. он испытывал иные чувства, нежели в начале войны в 1941 году: «Страх, страх, страх без конца... Атаки и контратаки, грохот танков и орудий, вой „катюш“, автоматы, гранаты — и все это лицом к лицу...». Наблюдательный врач записал такой эпизод: когда он оказался рядом с немецким солдатом, которому оторвало руку и снесло нос, тот нашел в себе силы, чтобы состричь, что теперь ему не понадобится носовой платок. Я спросил его, что бы он сделал, если бы мог плакать? В ответ услышал: «Все мы здесь уже никогда не будем плакать, нас будут оплакивать другие». Письма К. Ройбера — человеческие документы, достойные пера и внимания не только историков и военных психологов, но и писателей. Этот несомненно одаренный человек и в условиях окружения, перед лицом тысяч смертей продолжал рисовать портреты, в том числе русских людей и детей, оказавшихся в этом пекле. Он успел переправить домой более 100 рисунков, в том числе такие, как «Женщина с прялкой», «Сапожник Коваленко», «Слепая» и другие. Своей младшей дочке Уте он послал акварель «Маленькая Нина», сопроводив пояснением: «Когда я ее рисовал и начиналась очередная адская канонада, я брал дрожащую от ужаса девочку на руки. Но едва кошмар прекращался, она снова садилась на ящик и сеанс продолжался...». На художника произвело сильное впечатление «слепое семейство» и он запечатлел сцену на рисунке «Слепая». Художник написал по поводу этого рисунка: «Слепая женщина вместе со слепым мужем и двумя детьми, умирающими от голода. Подобные картины встречаешь на каждом шагу». Уничтожение мирного населения изморов, лишение людей продуктов питания было продуманной (спланированной) политикой нацистов. Это получило отражение в «Плане Ост». Письма и рисунки К. Ройбера могли бы быть не только иллюстрациями к обвинительному акту Нюрнбергского процесса, но и доказательствами по обвинению нацистов в геноциде славянских народов. На оккупированной территории нацисты реквизируют всё продовольствие, не делая снисхождения даже для казаков, встретивших оккупантов «хлебом и солью».

Война странным образом порождала парадоксы. Например, после начала советского наступления кольцо окружения быстро замкнулось и в котле оказалась вся 6-я армия под командованием генерала Ф. Паулюса. Однако командующий армией не предпринял никаких

действий, чтобы вырваться из окружения: ему было приказано оставаться в котле, не уходить от Волги. Кольцо внутреннего фронта неумолимо сжималось, а внешнего фронта также неотвратимо расширялось. Штаб 6-й армии под давлением советских войск отступал, но перемещался не на запад, а на восток, к берегу Волги. Когда ударили морозы, части и подразделения, успевшие окопаться и построить землянки и блиндажи, надеялись отсидеться в них, хотя в степи не было никаких средств для обогрева жилья. Обреченные на гибель от холода и голода солдаты не хотели уходить, а потом уже были не в силах передвигаться даже на небольшие расстояния. Солдаты верили, что фюрер не оставит их в беде, однако тот считал, что «мои солдаты» будут стоять «до конца», не имея ни одежды, ни еды, ни боеприпасов. «Воздушный мост» оказался большой ложью фюрера.

Германская авиация и артиллерия разрушили город, который должна была взять и удерживать 6-я армия. Немецкие солдаты надеялись на чудо спасения, особенно перед рождеством. Пунктом духовной поддержки хотя бы одной части стал блиндаж военврача и пастора 16-й танковой дивизии Курта Ройбера. Этот 36-летний военврач и теолог превратил свой блиндаж не только в художественную студию, но и в духовную обитель, где вывесил оставшиеся рисунки, и солдаты приходили поклониться Мадонне.

Рисунок богородицы с младенцем на руках, нарисованный углем на обратной стороне трофейной советской топографической карты, производил умиротворяющее впечатление. Позже рисунок получил историческое и символическое обозначение «Сталинградская Мадонна».

Мадонна с младенцем — это не монументальное полотно, а скромный рисунок. На картине слова на немецком языке: «Свет. Жизнь. Любовь» и дата «Рождество, 1942, в котле», «Крепость Сталинград». Сентиментальные немцы приходили к пастору помолиться. В землянках они пели в рождественскую ночь песню «Тихая ночь, святая ночь», пока советская артиллерия не напомнила им, что они в окружении, далеко от фатерланда.

Судьба священника и врача, доктора Курта Ройбера сложилась не только драматически, но, можно сказать, трагически. Из котла ему выбраться не удалось, но он, видимо, и не пытался сделать это, считая своим долгом оставаться

Курт Ройбер. Сталинградская Мадонна

со своими пациентами до конца. В прощальном письме (22 декабря 1942 г.) он написал: «Вряд ли у нас есть хоть какая-то надежда...». Вскоре ему удалось отправить рисунок Мадонны с офицером, эвакуированным одним из последних воздушных рейсов 13 января 1943 г. самолетом «Юнкерс-52». Наряду с другими рисунками этот сохранился у него дома. Сам художник попал в плен и до января 1944 г. находился в лагере для пленных офицеров в г. Елабуге на р. Каме, где умер от болезни в январе 1944 г. По свидетельству тех, кто вернулся из плена, врач был похоронен с соблюдением определенных почестей.

Записная книжка, находящаяся в учетном деле в Российском государственном военном архиве К. Ройбера, умещается на ладони (примерно 7 x 10). Она свидетельствует, что его размышления касались многих исторических событий, начиная со средних веков и до 30-х годов XX века. Обращает на себя внимание упоминание имен поэтов эпохи Возрождения: Данте, Петрарка... Записи не поддаются прочтению. Их расшифровка возможна лишь с применением каких-либо технических средств человеком, способным читать немецкие рукописи. На листах из записной книжки сохранились несколько набросков рисунка, ставшего ныне знаменитой «Сталинградской Мадонной». Сделаны наброски до рисунка на обороте топографической карты или позже, остается вопросом. Скорее всего, это ранние наброски, однако около одного эскиза стоит дата 26.10.43.

Военврач оставался в котле до последнего дня и попал в плен вместе с другими солдатами и офицерами 6-й армии вермахта.

В лагерь военнопленных № 97 в г. Елабуга на р. Каме он был переведен из лагеря № 874 лишь в декабре 1943 года. В учетном деле № 2747 отмечено прибытие в лагерь 7 декабря. Жители помнят, что зима 1944 года была особенно морозной. Вероятно, поэтому произошло обострение хронического заболевания. Военврач капитан Курт Ройбер был помещен в лазарет лагеря НКВД, где находился с 16 по 21 января. Попытки врачей спасти жизнь военнопленного, не дали результата. Он умер от абсцесса мозга (точнее мозжечка), что за-

свидетельствовал врач городской больницы Богомолова и врач лагеря Малевицкая после анатомического обследования. Соответствующие документы находятся в деле.

Картины, как и книги, имеют свою судьбу. Родственники К. Ройбера передали его рисунки в храмы и музеи Германии «Сталинградская Мадонна» нашла свое место в «Гедехтнис-кирхе» («Храме памяти») в Западном Берлине, на Курфюрстендам в 1983 году. Через несколько лет рядом с рисунком К. Ройбера разместили еще одну мадонну из Сталинграда — икону (резьба по дереву), подаренную сталинградцами, переданную в храм архиепископом Пиеменом.

Сам автор рисунка придавал особое значение своему произведению, смысл которого он выразил в простых словах: «Я ни с кем не мог говорить, оставалось только хвататься за голову и посылать безмолвно вопросы отчаяния в пустоту, и тогда Бог подал мне спасительную мысль противопоставить тьме, смерти и разрушению — свет, жизнь, любовь...».

Накануне 60-летия окончания сражения на Волге собственный корреспондент газеты «Труд» Рудольф Колчанов прислал в Москву яркий очерк о Курте Ройбере под названием «Мадонна, рожденная в аду» (см. «Труд», 28 января 2003 г.). Фрагменты из писем Ройбера цитированы по этому очерку. Еще ранее ряд фактов из биографии Ройбера был известен, в частности, из книги Энтони Бивора, вышедшей в переводе с английского на русский в Смоленске в 1999 г. Автору данного очерка довелось видеть оригиналы сталинградских Мадонн в Берлине в Храме памяти, называемом также Кайзер-Вильгельм-Кирхе (см. проспект этого храма, второе издание в 2001 г.).

Сталинградская Мадонна неоднозначно воспринимается сегодня в самой Германии: наряду со слезами умиления это произведение фронтового искусства вызывает и иные чувства и мысли. Один из жителей Берлина в ответ на вопрос российского журналиста после посещения Храма памяти в январе 2003 г. сказал: «Говорить о Боге на войне — значит отрицать его существование. С неба летят бомбы и огонь. Разве там есть место для Бога?»

Слово «Сталинград» приводило в ужас

А. В. Серегин*

«В роте осталось всего семь человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово „Сталинград“ приводит нас в ужас», — написал в своем дневнике безвестный немецкий ефрейтор Отто Крепель и, должно быть, канул в Лету, так как судьба его в дальнейшем не прослеживается. Но запись эта попала в руки фельдмаршала Паулюса, и он привел ее в своих воспоминаниях о Сталинградской битве. Великой битве, собравшей на бранном поле невиданные дотоле солдатские силы и устрашающее по количеству оружие. В течение двухсот дней на огромной территории под Сталинградом шли напряженные бои, в которых участвовало несколько миллионов человек, располагавших 26 тыс. орудий и минометов, более 2 тыс. танков и свыше 2 тыс. самолетов.

Наш замечательный военный историк академик Александр Михайлович Самсонов, создавший о Сталинградской битве, пожалуй, наиболее значительное исследование, с которым мне довелось провести многие часы в обсуждении перипетий сражения и окружавших его событий и с которым мы написали несколько статей на эту тему, считал, что *под Сталинградом решилась судьба войны*. «Битва завершилась блестящей победой Советского Союза и его Вооруженных Сил. Красная армия разгромила пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-ю и 4-ю танковую), две румынские (3-ю и 4-ю) и одну итальянскую (8-ю).

За время контрнаступления полностью были уничтожены 32 дивизии и 3 бригады, а 16 дивизий врага понесли серьезное поражение, лишившись свыше половины своего состава. Его потери составили свыше 800 тысяч человек. Всего же за 200 дней и ночей битвы на Волге, бросая в сражения все новые и новые дивизии, противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн человек. Он лишился также около 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 3 тыс. боевых и транспортных самолетов, более 12 тыс. орудий и минометов, 75 тыс. автомашин и пр. Такого количества людей и боевой техники было достаточно для укомплектования 75–80 дивизий», — отметил он в своей книге, посвященной Сталинградской битве.

Вообще об этой битве написано очень много. Как-то не хочется скатываться до набивших оскомину «тысяч или гор» книг, научных монографий, воспоминаний и т. д. Но это так. Писать начали тогда, когда пушки, стрелявшие с обеих сторон, еще не остыли от залпов. И что поразительно, уже тогда *победа советских войск под Сталинградом стала принижаться на Западе, а ее значение в истории Второй мировой войны стало уравниваться со значением весьма скромных по военным и политическим меркам операций союзников*.

Конечно же, это не могло не остаться незамеченным. Академик Самсонов, допуская, что впервые на научном уровне обратил на это внимание: «Стремясь умалить значение побед Красной армии, буржуазная историография

* Александр Васильевич Серегин — директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО(У), кандидат культурологии.

(тогда, в 1968 году, западная историография называлась буржуазной — А. С.) Второй мировой войны часто ставит в один ряд Сталинградскую битву и наступление английских войск от Эль-Аламейна до Туниса, хотя по масштабам и напряженности борьбы, а также по своему значению они несоизмеримы. На Североафриканском фронте в период сражения под Эль-Аламейном действовало всего 12 немецких и 8 итальянских дивизий, а на Восточном фронте гитлеровцы имели в это время 226 дивизий», — писал он.

Действительно, весной–летом 1942 года в Африке германские войска со своими союзниками-итальянцами продвигались к Суэцу из Ливии. Цель — разорвать английские коммуникации с Азией через Суэц, установить контроль над Средиземным морем и постараться соединиться с прорвавшими советскую оборону на Кавказе фашистскими войсками. Странные цели, не правда ли? Нефть в ту пору на северном африканском побережье еще не нашли и как можно контролировать Средиземное море сухопутной армией да еще продвигать ее в направлении Кавказа (!!), чтобы соединиться с действующей там гитлеровской группировкой? Не самый короткий путь. Но германские стратеги рассудили по-своему и бросили на реализацию своих задумок весьма неплохую армию Роммеля.

В 90 километрах от Александрии, в местечке Эль-Аламейн, английские войска смогли остановить движение этой армии и после жестоких и кровопролитных боев перешли в контрнаступление. Англия ликовала, сравнивая значение этой победы со значением разгрома немцев под Сталинградом и назначая это сражение самым решающим с целью защиты интересов союзников. В своих мемуарах английский премьер Черчилль назвал победу у Эль-Аламейна «поворотом судьбы». Можно сказать, писал он, что «до Эль-Аламейна мы не имели ни одной победы. После Эль-Аламейна мы не понесли ни одного поражения». Бравые и даже хвастливые заявления премьера Англии вызывали недоумение даже у американцев. Их генерал Вейдемейер эпистолярно заметил в этой связи: «Черчилль страшно преувеличивал значение победы союзников в Африке».

Собственно, все эти периферийные сражения в Северной Африке большого значения для исхода войны не имели. Скорее они были нужны западным лидерам, чтобы оттянуть время для

своего реального вступления в войну на европейском континенте, убедить свою и мировую общественность в приверженности союзническим обязательствам, а также продемонстрировать всему миру крупный вклад Англии в борьбу против Германии и Италии. С такой точкой зрения, высказанной академиком В. Г. Трухановским в книге «Уинстон Черчилль», трудно не согласиться.

С самого начала у операции «Джимнаст», а именно так кодово называлась высадка англо-американских войск в Северной Африке как альтернатива десанту в Северной Франции, в стане союзников было много противников. Противились американцы. Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах на этот счет вспоминал беседу с Черчиллем, которому сказал, что со многих точек зрения операция «Джимнаст» невыгодна. Американский генерал поставил перед премьером весьма жесткий и справедливый вопрос, а приведет ли эта операция к тому, что немцы выведут с русского фронта хотя бы одну дивизию или один самолет? Время ответило за английского премьера. Ни технику, ни солдат немцы с русского фронта не вывели. Напротив, участники Сталинградской битвы были немало удивлены, когда с немецкой стороны на советские позиции выдвинулись зимой танки, окрашенные в желтые маскировочные цвета. Неужели неизвестные новые модификации бросили в бой немецкие генералы? Позднее стало ясно. Танки — старые, приготовленные для отправки в песчаные пустыни Северной Африки, но маршрут им поменяли с учетом развернувшихся боев в Сталинграде. Какая Северная Африка, даже цвет не успели переокрасить, настолько спешили.

Американский генерал Маршалл назвал операцию «Джимнаст» дорогостоящей и бесплодной. Адмирал Кинг предостерег, что невозможно выполнять обязательства военно-морских сил на других театрах и в то же время обеспечивать доставку грузов и эскортирование, если будет предпринята эта операция.

Что же Англия? По инициативе Черчилля операцию «Джимнаст»... переименовали в «Торч» (Факел). Назначили главнокомандующим войск Д. Эйзенхауэра. 8 ноября 1942 года англо-американцы высадились в Северной Африке, а 12 мая 1943 года Роммель капитулировал. На ходе войны эта капитуляция практически не сказалась. *Боялись и не хотели англичане высаживаться во Франции. Потому*

и разворачивали периферийные сражения вдалеке от Европы, от Германии, чтобы хоть как-то прицельно попасть в общественные ожидания внутри станы и в рядах коалиции антифашистских сил. И если не в десятку, то хоть не в молоко.

Сталинградская битва, по мнению многих военных историков, сложилась из двух периодов: наступательного для немецкой стороны и оборонительного. 17 июля 1942 года, когда она началась, на Сталинградском направлении немцами было сосредоточено свыше 1 миллиона человек: в июле 30 дивизий, в августе — 69, а через месяц наступление вела уже 81 дивизия (кстати, в Северную Африку Германия не отправила на подмогу ни одного соединения). Вместе с немцами наступали две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Все это обеспечило немцам почти трехкратное превосходство в технике и солдатах. Продвинувшись на 200–400 километров, гитлеровские войска 23 августа вышли к Волге. Это был для наших войск самый тяжелый, самый драматичный этап. Именно концом июля датирован знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!».

Но еще большей опасностью, катастрофой грозила создававшаяся ситуация Отечеству. В своих воспоминаниях, которые сегодня тиражируются на Западе, Берия писал, что видел Сталина плачущим всего два раза в жизни. Первый, когда Сталин получал сводки о ходе боевых действий из Сталинграда. Понятно, что не только сообщения о продвижении гитлеровских войск к Сталинграду заботили и омрачали Верховного. На Востоке в это время милитаристская Япония наращивала силы Квантунской армии, расположившейся вдоль наших границ. *Что должно было случиться, чтобы японцы начали наступление? Наши историки-японисты убеждены, что сигналом послужило бы поражение советских войск под Сталинградом. Это с одной стороны. С другой — в Лондоне шли допросы перелетевшего в Англию Гесса. Учитывая неискренность англичан, их стремление обеспечить исключительно свои интересы за счет других, эти допросы могли объективно превратиться в сепаратные переговоры с гитлеровской верхушкой. Доверять в то время информации англичан о содержании этих допросов было бы сверхлегкомысленным. (К слову сказать, архивные материалы этих допросов, бесед, переговоров англичане и на се-*

годня не рассекретили и продлили секретность еще на полтора, по-моему, десятка лет.) Такой огромной была цена победы в битве за Сталинград.

К ноябрю 1942 года в результате перестройки советской промышленности резко возросло производство военной техники. И, как следствие, повысилась степень вооруженности Красной армии: по автоматическому оружию — в 2,4 раза, по орудиям и минометам — в 1,5 раза, по танкам — 1,6 раз, по самолетам — в 1,2 раза. К этому же времени удалось увеличить Сталинградскую группировку оснащенными, свежими войсками. Теперь уже на стороне Красной армии обозначился перевес под Сталинградом в людях и технике: по личному составу — в 1,1 раза, орудиям и минометам — в 1,5 раза, танкам — в 2,2 раза, самолетам — в 1,1 раза. И, что поразительно, *гитлеровцы не догадывались о готовящемся советскими войсками контрнаступлении. Не сработали ни их хваленые спецподразделения, ни «пятая колонна», ни диверсанты и шпионы, да и предателей, рассказавших бы о планах советского командования, не нашлось.* Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал К. Цейтлер засвидетельствовал в своих мемуарах, что руководители вермахта накануне советского наступления все еще не знали, на каком участке фронта русские нанесут удар. Действия советских войск для немецкого командования оказались внезапными.

За два дня до советского контрнаступления (17 ноября 1942 года) Гитлер отдает приказ о наступлении. Трудно сказать, чего здесь было больше — незнания обстановки или ее игнорирования высшим военным командованием вермахта. Но на местах-то обстановку должны были чувствовать. Паулюс, получив приказ фюрера, отреагировал не как боевой генерал, а как сделал бы вертлявый аппаратчик, находившийся вдалеке от сражений: «Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках». Правду генерал сказать себе не позволил.

19 ноября 1942 года советские войска перешли в контрнаступление и вскоре были окружены 22 немецкие дивизии 6-й армии общей численностью более 300 тысяч человек. После отчаянного сопротивления и неудачных попыток разблокировать окруженные под Сталинградом немецкие войска, предпринятых Гитлером, остатки окруженной группировки во

главе с произведенным в фельдмаршалы Паулюсом капитулировали 31 января — 2 февраля 1943 года. Серьезнейшие потери понесли союзники Гитлера. Венгры не досчитались 146 тысяч убитых и 30 тысяч раненых солдат и офицеров. Итальянская армия просто сгинула. Потери румын составили 300 тысяч человек. Румынский диктатор Антонеску трагично и не без гордости за храбрость румынских солдат сообщал Гитлеру после Сталинграда, что из четырех генералов трое погибли в штыковых боях, как и все командиры рот. («Геройские румынские солдаты» в сегодняшней Румынии превозносятся. Не берут в толк местные политики, что погибли они на Русской земле, куда пришли оккупантами и ворами. После них советские города оставались без трамвайных рельсов, заводов, без всего, что мало-мальски представляло материальный интерес для Румынии. Все бережно и рачительно вывозилось ими домой. Об этом необходимо сегодня говорить и, может быть, посчитать и представить Румынии в качестве наших материальных претензий, чего она избежала в Нюрнберге, изящно и вовремя переместившись в конце войны на сторону антигитлеровской коалиции.)

Германию поражение под Сталинградом потрясло. Гитлер на людях признал свою ответственность за катастрофу, писал в мемуарах лучший стратегический ум вермахта фельдмаршал Эрих фон Манштейн, но в действительности он был в ярости. Как же так, произвел в фельдмаршалы Паулюса, а тот не только не победил, но даже не застрелился, чтобы посмертно остаться героем в учебниках германской истории. *Помимо утраченного морального духа у Германии был полностью подорван военный потенциал, который она уже не смогла восстановить. Катастрофа военная все больше становилась системной, политической катастрофой. Английский историк Уильям Крейг справедливо заметил, что Сталинград стал началом конца Третьего рейха.*

Извечный вопрос «кто виноват?» начал мучить немецкое общество, милитаристские круги и верхушку вермахта. До поры объективные суждения не прорывались наружу и, как это принято в тоталитарном государстве, не выходили за рамки доверительных бесед. Но стоило капитулировать Германии, как родилась другая крайность — винить помимо фюрера всех других, снимая ответственность с себя. Тон задал рейхсминистр пропаганды Геббельс.

Надо сказать, что литературно он был весьма способным человеком. В апреле 1945 года, когда стены рейхсканцелярии дрожали от разрывов в Берлине советских снарядов, он, запершись с секретарем, гладко диктовал по 40–50 страниц в день своего видения лихих событий — мемуары, которые были опубликованы в Советском Союзе в недоступном широкому читательскому интересу засекреченном издании «Прогресса». Там рейхсминистр вспомнил одну из своих многочисленных бесед с фюрером, когда Гитлер, уже чувствующий проигрышное завершение войны и лихорадочно искавший этому объяснение, изрек, что русские генералы оказались энергичнее немецких, что их народная закваска помогла оказаться выше немецкого военного генерала. И так, *Гитлер сбросил ответственность на генералов, те в своих мемуарах — на Гитлера и других генералов, в общем, друг на друга. И были правы. Стратегических и тактических просчетов, ошибок и фанфаронства, в частности под Сталинградом, немцам для поражения хватило с лихвой.*

Как вспоминал в книге «Солдаты, которых предали» майор немецкой армии Гельмут Вельц, в окруженных под Сталинградом войсках считали виновным за поражение не только Гитлера, но и Геринга. «В ставке фюрера состоялось большое совещание. На нем шла речь о дальнейшей судьбе окруженной под Сталинградом армии. Командующие групп армий и воздушных флотов Манштейн, Вейхс и Рихтгофен, а также генерал Цейтцлер высказались за немедленное отступление на запад и за сражение на прорыв изнутри. И только один человек высказался за то, чтобы „выстоять“, бросив при этом сакраментальную фразу: „Обеспечение 6-й армии беру на себя“. Это был Геринг. Его слово оказалось решающим».

Надо сказать, что в то время автор этого заявления находился в немилости у фюрера и, тонко и точно реагируя на настроения патрона, попытался этими словами вернуть себе его былое расположение. «Мой фюрер, я уже объявил, что люфтваффе обеспечит снабжение 6-й армии по воздуху», — выпалил он Гитлеру, примчавшись к нему в резиденцию в Растенбурге сразу после этого совещания. Расположение Гитлера было возвращено, операция по снабжению окруженных под Сталинградом немецких войск началась. И на бумаге по самолетовылетам выглядела внушительно. Но вот по прилетам картина удручала. Доведись, предполагаю, Гитлеру познакомиться

со статистикой, и Геринг лишился бы не только расположения. Грузы до сидящих в окопах солдат не доходили. Из-за нелетной погоды тяжелые самолеты возвращались с полпути. Их массово сбивали советские истребители и зенитки. Степь под авиатрассой была усеяна обломками самолетов, превратившись, пожалуй, в авиационное кладбище. Манштейн подсчитал, что под Сталинградом немецкая авиация за 70 дней снабжения по воздуху потеряла 488 самолетов и 1000 человек из их экипажей.

А вообще-то вся эта кампания с авиаснабжением окруженной немецкой группировки пахла надувательством начальства и авантюризмом. Имевшийся у немцев авиатранспорт едва мог покрыть пятую часть потребностей войск в продовольствии и боеприпасах. 700–900 тонн ежедневно необходимых грузов могли перебросить 500 транспортных самолетов, если по ним не будут стрелять. А в распоряжении немецких воздушных сил даже после поставок из Франции, Норвегии и Италии находилось всего около 300 самолетов.

Цейтцлер в своих мемуарах (книга «Роковые решения»), по-солдатски привирая, рассказывает о своих смелых попытках добиться от Гитлера отхода окруженной 6-й армии. Когда нет очевидцев, рождаются легенды о смелости генералов, стоящих навтыжку перед фюрером. Чаще всего, со слов этих же генералов.

«Я не уйду с Волги! — воскликнул Гитлер.

Я громко ответил:

— Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде — преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию — значит сломать хребет всему восточному фронту.

Гитлер ничего не ответил и лишь приказал вызвать к себе Кейтеля и Йодля. Когда они вошли, он сказал:

— Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать ваше мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград?

...Вытянувшись словно по команде смирно, Кейтель ответил:

— Мой фюрер, не оставляйте Волгу.

Йодль говорил тихо и объективно, взвешивая каждое слово.

— Мой фюрер, — начал он, — это действительно очень важное решение. Если мы отступим от Волги, мы потеряем большую часть тер-

ритории, захваченной нами во время летнего наступления ценой огромных потерь. Но если мы не отведем 6-ю армию, ее положение станет крайне тяжелым. Операция по ее деблокированию может пройти успешно, но может и провалиться. До тех пор, пока мы не увидим результатов этой операции, на мой взгляд, надо удерживать позиции на Волге.

— Ваша очередь, — обратился Гитлер ко мне... Встав по стойке смирно, я сказал:

— Мой фюрер, я не изменил своего мнения. Оставить армию там, где она находится сейчас, — преступление. Мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее. Она будет бессмысленно принесена в жертву».

И Манштейн радирует в 6-ю армию: «Продержитесь, фюрер вас вызовет».

С другой стороны, возможность успешного прорыва окруженной группировки под Сталинградом изучили и наши историки. Академик А. М. Самсонов писал по этому поводу: «Прежде всего, возникает естественный вопрос о том, достаточно ли было принятия решения об оставлении и Сталинграда и прорыве 6-й армии изнутри, чтобы реально это осуществить? Враг был не только окружен, но и скован упорными боями на улицах Сталинграда и в его районе: прежде чем „прорваться“, ему надо было „оторваться“ от советских войск, что отнюдь не зависело от одного решения это сделать».

Советское Верховное командование смогло принять весьма действенные меры для пресечения подобных попыток прорыва, тем более что предположить их было несложно. Соотношение сил под Сталинградом было решительно изменено в пользу советских войск, и судьба окруженной группировки решалась далеко не приказами из Берлина. Сталинградский разгром немцев и их капитуляция все это подтвердили.

Но эпистолярные ссоры немецких генералов-мемуаристов отнюдь не ограничились выгораживанием себя и возложением ответственности за поражение на других генералов. Курт Типпельскирх, сначала генерал пехоты (это по-нашему генерал-полковник. — А. С.), а затем военный историк, в своей «Истории Второй мировой войны», говоря о сражении на Волге, вынужден признать: «Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немец-

кий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 г. — гибель окруженной противником армии».

Он пишет, что участники гитлеровского похода на Сталинград, которых он называет «немецкими солдатами-идеалистами», в ходе борьбы с советскими войсками проявили «истинный героизм» во имя «верности своему долгу». Не будь отдельных ошибок германского командования, утверждает Типпельскирх, немецко-фашистские войска даже в условиях окружения «сделали бы невозможное». И, как он полагает, «русские командиры оказались бы беспомощными» перед лицом «готовых на все и энергично руководимых немецких солдат». Отвага, храбрость, стойкость и преданность Отечеству русского солдата и его командиров в битве на Волге генералом отмечены не были.

Что ж, в ходе Сталинградской битвы советским войскам действительно приходилось иметь дело с опытным и упорным противником, располагавшим современной военной техникой. И спорить с генералом, чей солдат лучше, вряд ли уместно. Но приведу мнение академика А. М. Самсонова, внимание которого также при-

влек этот пассаж из книги генерала: «Напомним в этой связи лишь два факта из длинного ряда других. При наступлении на Среднем Дону, начатом 16 декабря 1942 года, советские войска за девять дней с боями продвинулись в южном направлении на 180 км, разгромив целый ряд соединений противника. В течение того же срока и приблизительно в это же время (с 12 декабря) юго-западнее Сталинграда из района Котельниково в северо-восточном направлении наступали войска армейской группы „Гот“, которые пытались деблокировать окруженные в Сталинграде войска Паулюса. Несмотря на значительное преобладание в силах и средствах, группа „Гот“ лишь с большим трудом, неся значительные потери, преодолела расстояние в 35 километров от реки Аксай до реки Мышкова. Подобными фактами изобилуют события Сталинградской битвы».

Выводы о политическом, военном и историческом значении Сталинградской битвы содержатся сегодня во всех учебниках истории, если, конечно, написаны они неангажированными политическими историками. Есть такие примеры и о них пойдет речь в 8-м томе этого издания. Что же касается данных заметок, то выводы читатель найдет в них выделенными шрифтом.

Книга двадцать третья

ПОМНИМ

Уроки и выводы из опыта Великой Отечественной войны

М. А. Гареев*

Обращаясь к событиям Великой Отечественной войны, мы еще раз осознаем, что в истории человечества есть годы, не укладывающиеся в рамки обычных календарных измерений, годы, которые по величию свершенных дел и воинских подвигов, по всенародному воодушевлению и напряжению всех сил страны равняются целым десятилетиям.

Такими годами, составившими важнейший этап в истории нашей Родины, были годы Великой Отечественной войны. Они предопределили не только судьбу народов нашей страны, но и спасли Европу и весь мир от угрозы фашистского порабощения. Это была всемирно-историческая победа, достигнутая совместными усилиями СССР, США, Великобритании, Китая и других стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил.

Война эта складывалась для нас очень трудно. Были отчаянные трагические дни и ночи 1941 г., лета 1942 г., когда мы потеряли основной состав нашей кадровой армии и огромные территории. Были и выдающиеся победы под Москвой, Сталинградом, Курском, блестящие наступательные операции 1944–1945 гг., завершившиеся сокрушительным поражением фашистской Германии и империалистической Японии и продемонстрировавшие высочайший уровень советского военного искусства.

В последнее время за рубежом и в нашем Отечестве предпринимаются многочисленные попытки дискредитировать нашу победу,

изобразить дело так, что германские генералы и войска во всем действовали безупречно, а мы воевали бездарно. Поэтому вроде бы и победу нельзя считать за победу. Но итоги войны определяются тем, какие цели преследовали воюющие стороны и как они фактически достигнуты. Гитлеровцы хотели поработить нашу страну, лишить ее всякой государственности и обратить наши народы в рабство. Главная цель нашей страны состояла в том, чтобы отразить агрессию, освободить свою и другие оккупированные фашистами страны и покарать агрессора. И в итоге войны не фашистские войска пришли в Москву, Ленинград или Лондон, а советские войска и их союзники вступили в Берлин, Кенигсберг, Харбин и Токио. А фашистская Германия и его вермахт, Японская империя вообще перестали существовать.

Это главный исторически свершившийся факт, отменить который никому не дано.

Не надо забывать и о том, что нам противостояла, по существу, вся Европа с ее 350-миллионным населением и экономикой.

На советско-германском фронте фашистское военно-политическое руководство использовало подавляющую часть своих войск и войск европейских союзников. Ни на одном из фронтов в ходе Второй мировой войны не находилось столько личного состава и разнообразной военной техники, сколько было на советско-германском фронте. Здесь в течение всей войны действовало в среднем до 70 % дивизий фашистской армии.

* **Махмут Ахметович Гареев** — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук РФ.

Ни на одном из фронтов Второй мировой войны не было столь продолжительных, непрерывных и ожесточенных военных действий, как на советско-германском фронте. С первого до последнего дня, днем и ночью здесь шли кровопролитные сражения, которые в разное время охватывали или весь фронт, или значительные его участки.

Приняв на себя удар основных сил гитлеровской Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно здесь решился исход Второй мировой войны. Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны.

На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли 10 млн (более 73 %) убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь за войну. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. (более 75 %) самолетов, около 50 тыс. (до 75 %) танков и штурмовых орудий, 167 тыс. (74 %) артиллерийских орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов.

Советско-германский фронт не только отвлекал на себя основные силы вермахта, но и резко отличался от других продолжительностью вооруженной борьбы и напряженностью. Из 1418 дней его существования активные боевые действия сторон здесь велись 1320 дней. Все остальные фронты и театры военных действий характеризовались значительно меньшей напряженностью. Так, на северо-африканском фронте из 1068 суток его существования активные действия велись лишь 309 суток, а на итальянском — 492 из 663 суток.

Небывалым в истории был пространственный размах вооруженной борьбы на советско-германском фронте. С первых же дней она развернулась здесь на рубежах протяжением свыше 4 тыс. км. К осени 1942 г. фронт превысил 6 тыс. км. В целом протяженность советско-германского фронта была в четыре раза больше северо-африканского, итальянского и западноевропейского, вместе взятых. О глубине территории, на которой происходило военное противоборство Советской Армии с армиями фашистского блока, можно судить по тому, что советские войска прошли от Сталинграда до Берлина, Праги и Вены более 2,5 тыс. км.

Эта была величайшая победа, достигнутая в ожесточенной борьбе с очень сильными противниками. И главная задача всей нашей патриотической, воспитательной работы состоит в том, чтобы прочно закрепить в сознании общества и всего личного состава Вооруженных Сил и других войск величие и незыблемость этой победы. Это важнейший фундамент для построения новой России и ее движения вперед.

Президент РФ Д. А. Медведев издал специальный указ о мерах по противодействию фальсификации войны. И эту задачу должна решать не только созданная им комиссия, все мы должны активно участвовать в этой работе.

Главный смысл изучения опыта войны — это извлечение уроков и выводов для строительства и подготовки ВС в современных условиях. А это можно сделать только в том случае, если все эти явления будут рассматриваться в развитии, в их преемственной связи между собой, чтобы каждый офицер мог уяснить, как те или иные формы военной организации, способы их боевого применения возникли, как они и под влиянием каких обстоятельств совершенствовались и каковы тенденции их дальнейшего развития в будущем.

Иногда говорят, что мы не будем готовиться к прошлой войне, мы должны ориентироваться на будущее. В принципе это правильно. Готовиться к прошлой войне практически невозможно. Каждая война и бой уникальны и неповторимы, поэтому решения и действия должны быть другими. Основной закон военного искусства и состоит в максимальном соответствии решений и действий конкретно сложившимся условиям обстановки.

В чем тогда смысл изучения опыта войны, нашей конференции? Есть ли еще в опыте Великой Отечественной войны и опыте локальных войн что-то такое, что заслуживает внимания, и, вообще, до конца ли извлечены уроки из опыта этих войн?

Разумеется, различны политические цели и социально-экономические условия войн, которые ведутся в различные эпохи, несопоставимы мощь оружия и размах вооруженной борьбы и многие другие показатели.

Однако, несмотря на непрерывное развитие военного дела, невозможно отрицать существование если не «вечных», то во всяком случае живущих многими веками ценностей и положений, воинских доблестей, таких как творчество и новаторство, умение предвидеть развитие со-

бытий, выдержка и мужество, инициативность, смелость и решительность, которые в разные времена проявляются в различных условиях и формах, но во все времена не теряют своей ценности и значения.

В итоге возникает накапливаемый веками боевой опыт — сгусток военной мудрости, впитавший в себя все положительное и негативное, что было в военной истории, осмысливание и творческое использование которого незримо связывает между собой ратное дело разных поколений.

В США создан Институт стратегии, который изучает природу стратегии, долгосрочных действий вообще применительно к любой области деятельности — бизнесу, дипломатии, политике. Но за основу они берут военную стратегию, наиболее сложную сферу стратегической деятельности. Этот институт выпустил книгу «Стратегия управления по Клаузевицу», которая с интересом изучается и преподается во многих высших школах бизнеса и менеджмента.

Если высказанные 200 лет назад стратегические идеи актуальны и сегодня для бизнесменов, других гражданских специалистов, то тем более для нас — людей военных — боевой опыт 65-летней давности, наследие Жукова, Рокоссовского, Василевского и других полководцев тоже не может потерять своего значения. Кстати, и книгу Клаузевица «О войне» у него на родине не сразу признали. Она не нужна была прусской армии, ставшей подсобной силой у Наполеона. Когда Пруссия стала на самостоятельный путь развития, пригодилась и эта книга. Отношение к опыту войны и обороне страны зависит от того, как понимается главное предназначение армии.

С 20-х гг. прошлого века самым популярным стало изречение Лойда Джорджа о том, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Хотя и он сказал эти слова уже после Первой мировой войны, когда и генералам, и политикам стало ясно, что готовились не к той войне, которая реально состоялась.

Председатель правительства РФ В. В. Путин призвал нас не забывать военные традиции России. «В них, — говорил он, — опыт многих поколений офицеров, посвятивших себя ратной службе, обращение к этим истокам помогает нам решать и современные военные задачи»¹.

В свете этого рассмотрим — какие же уроки войны особенно актуальны для наших дней, какой опыт, о котором говорит В. В. Путин, может нам помочь решать современные задачи.

Во-первых, возьмем такой, казалось бы, старый, избитый вопрос о соотношении политики и военной стратегии. Он относится не только к деятельности высших сфер, но касается и судеб всех людей, кто в различных звеньях, в том числе на поле боя, выполняет принятые наверху политические и стратегические решения. В прошлом, если не считать некоторые отклонения во времена Мольтке-старшего, всегда был общепризнанным примат политики, ее главенствующее значение по отношению к военной стратегии. Вместе с тем всегда было очевидным, что политику нельзя превращать в самоцель, политики в чистом виде не существует, она жизненна, когда в совокупности учитывает все важнейшие факторы, в том числе и военно-стратегические, что надо считаться и с обратным влиянием стратегии на политику. Нежелание политического руководства считаться с этой объективной закономерностью, усугубленное коварной изощренной дезинформацией со стороны Гитлера, привело к катастрофе 1941 г., когда мы в начале войны потеряли основную часть нашей кадровой армии. Сталин хотел любой ценой оттянуть начало войны и этому все подчинил. На схеме № 1 Вы можете видеть незавершенность стратегического развертывания с нашей стороны. Сталин не разрешал приводить в боевую готовность войска первого эшелона, осуществлять мобилизацию; 13 июня 1941 г. последовало сообщение ТАСС о том, что никакого нападения со стороны фашистской Германии не ожидается. А командующие войсками округов, исходя из этого, отправляли на полигоны артиллерию и зенитные части, поскольку они после формирования ни разу еще не стреляли. Все хотели сделать как лучше...

В МИДе говорят, что это сообщение ТАСС было сделано для политического зондажа. Но ведь МИД и Генштаб могли договориться и предупредить об этом округа, флоты. Но это не было сделано.

До сих пор спорят о том: началась ли война внезапно или нет. Для тех, кто судит о событиях того времени, исходя из того, что сегодня известно и за свою сторону, и за противника, вроде бы и не должно было быть никакой внезапности. Но если поставить себя на место людей того времени, когда сам глава государства уверовал в то, что войны пока не будет, и требовал от всех исходить из этого, то тогда не трудно понять, почему начало войны, которую все ждали, оказалось

таким неожиданным. Политика предотвращения войны, не подкрепленная должной боевой готовностью Вооруженных Сил и четкой постановкой им задач, оказалась несостоятельной. Как определили задачу военным округам за несколько часов до войны: войска привести в боевую готовность, но «на провокации не поддаваться». Враг перешел границу, бомбит и стреляет. Что делать? Разве командир полка на поле боя должен отвечать на этот вопрос?

Но Бог с ним, так тогда случилось. Но извлечены ли уроки из этого?

В 1979 г., когда на Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о вводе войск в Афганистан, начальник Генштаба ВС Н. В. Огарков набрался мужества и выступил против этого. Ему Ю. В. Андропов ответил: «У нас есть кому заниматься политикой. Вы решайте поставленную военную задачу». Войскам, направленным в Афганистан, поставили задачу: выполнять интернациональный долг. До сих пор твердят о том, что мы в Афганистане должны были стать гарнизонами и не втягиваться в боевые действия. Но заведомо было ясно, что невозможно войскам прийти в страну, где идет гражданская война, и попытаться остаться в стороне. По Чечне в 1994 г. в распоряжении правительства было сказано: «Разоружить бандформирования», — хотя войскам предстояло сражаться против хорошо вооруженной дудаевской армии. Не было введено даже военное или чрезвычайное положение, что поставило армию в сложное правовое положение. И, как видите, уроки из опыта 1941 г., хотя и затянувшиеся, рано или поздно надо извлекать. Последнее и решающее слово за политическим руководством, но в выработке важнейших военно-политических решений должны принимать участие и военные профессионалы, как и другие специалисты, иначе политика не будет жизненной. А главное, политики, дипломаты обязаны создавать благоприятные условия для действий Вооруженных Сил. В стратегии национальной безопасности РФ сказано, что Россия в деле обеспечения своей национальной безопасности приоритетное значение придает политико-дипломатическим, экономическим, информационным и другим невоенным средствам. Но эти средства, формы и способы обеспечения национальной безопасности должным образом не задействуются, и все кончается применением военной силы. При этом иногда не вводится даже чрезвычайное или военное положение,

что ставит офицера и солдата в сложное правовое положение.

Во-вторых, о боевой готовности и боеспособности войск (сил), о готовности к отражению первого стратегического удара противника.

Накануне войны в 1941 г. подготовленность страны в целом к обороне и боеспособность Вооруженных Сил были значительно выше, чем их боевая готовность. Поэтому всю мощь государства и армии в полной мере не удалось реализовать. У нас и сегодня в энциклопедиях и учебниках бытует определение, включающее в понятие боевой готовности и моральный дух, и обученность личного состава, и все другие вопросы. Но боеспособность и боевая готовность войск (сил) — это не одно и то же. Боеспособность — это степень их вооруженности, укомплектованности, рациональной организации и управления, обученности и морального состояния личного состава. Боевая готовность — способность немедленно приступить к выполнению боевых задач и с максимальной полнотой реализовать свои потенциальные боевые возможности.

В современных условиях значение своевременного приведения армии и флота в боевую готовность многократно возрастает. Ибо агрессор выбирает время нападения и заранее изготавливается для удара, а для страны, подвергшейся нападению, еще требуется время для приведения вооруженных сил в готовность для отражения агрессии или антитеррористических действий.

Но система специальных мероприятий по поддержанию постоянной боевой готовности войск, кроме, может быть, стратегических ядерных сил, у нас явно недооценивалась.

Казалось бы, опыт 1941 г. должен проучить нас на все времена. Но вот уже после войны случился, казалось бы, небольшой конфликт на о. Даманском и, чтобы отправить на усиление пограничников, один или два батальона всем округом собирали для них людей, средства связи, разведки. В более крупном масштабе это повторилось при отправке войск в Афганистан.

Во время Чеченских событий наспех тащили людей и технику не только из военных округов, но и ТОФ. Какая же это боевая готовность? В свете этого то, что сейчас создаются соединения постоянной боевой готовности, готовые немедленно приступить к выполнению боевых задач, является давно назревшим делом и это решение надо настойчиво проводить в жизнь.

Настало время по достоинству оценить решающее значение не только начального периода войны, но и прежде всего первого стратегического удара. Хорошо известно, в какое тяжелейшее положение попала наша армия в первые месяцы войны. Не случайно еще в мае 1941 г. Г. К. Жуков предлагал упреждающим ударом сорвать развертывание и готовившееся нападение германской армии, но его план не был принят Сталиным, так как он не соответствовал военно-политическим целям, направленным на оттягивание сроков начала войны. В ходе Маньчжурской стратегической операции наш первый ошеломляющий удар предопределил разгром Квантунской армии и успех всей операции.

И сегодня в деле борьбы с терроризмом руководители ряда стран все больше говорят о необходимости упреждающих, превентивных ударов.

С учетом всего этого, как показывает опыт войны в районе Персидского залива, в Югославии, Афганистане, Ираке, противостоять первому массированному удару, ориентируясь только на ответные действия, невозможно. Формально оборонительный характер военной доктрины исключает возможность первым начинать военные действия. Но это не значит, что при нападении противника мы всегда должны ориентироваться только на ответные оборонительные действия.

При хорошо поставленной разведке, установив приготовления противника к нападению, можно заранее привести в боевую готовность ударные средства и буквально с первых минут военных действий нанести ответно-встречные удары по его ракетным, авиационным и морским дальнобойным средствам. Построение и организация такой операции имеют много особенностей, и их нужно разрабатывать и осваивать применительно к современным условиям.

Особое значение имеет поддержание высокой боевой готовности войск и сил флота, чтобы все боевые элементы и средства управления, обеспечения и спасения всегда были готовы к применению.

В теории у нас много и правильно говорится, что каждый солдат должен знать и видеть обстановку в реальном масштабе времени, но примеры с 12-й погранзаставой в Таджикистане в 1993 г., 6-й десантной роты, двое суток сражавшейся в одиночку, не получая поддержки от вышестоящих инстанций, события в Ингушетии

и Южной Осетии 2008 г. показывают, как еще далеко до этого.

Все это еще раз говорит о том, что вопросы боевой готовности надо не растворять среди других вопросов боеспособности войск (сил), а выделять их и держать на первом плане. И для этого требуется не только создание частей боевой готовности, но и всемерное повышение ответственности командующих, командиров и штабов в войсках и на флотах за поддержание постоянной боевой готовности войск.

Третий вопрос — о предвидении характера вооруженной борьбы будущего.

Наша довоенная военная теория относительно надвигавшейся войны многое предвидела в основном правильно. И масштабы этой войны и что для ее ведения потребуются мобилизация всех сил и возможностей страны, массовые многомиллионные армии, оснащенные авиацией, танками и другим современным вооружением.

В принципе признавалось, что необходимо рациональное сочетание как «стратегии измора», так и «стратегии сокрушения». Была разработана «теория глубокой операции». Под эти доктринальные взгляды была создана соответствующая материальная и духовная база. Проведена индустриализация страны, создана мощная промышленная база. Достаточно сказать, что, несмотря на все потери 1941–1942 гг., в 1943 г. наша промышленность производила ежедневно 100 боевых самолетов.

В короткие сроки были сформированы новые авиационные и танковые соединения. Но к началу войны они не были полностью укомплектованы личным составом, боевой техникой, особенно низкой была укомплектованность автотранспортом. Хронической старелой болезнью была и остается на сегодня недооценка создания ремонтных подразделений, вообще полевой ремонтной базы. В 1941 г. во вновь создаваемых соединениях была крайне недостаточная боевая выучка экипажей танков и самолетов. В 1940–1941 гг., когда шло массовое развертывание новых формирований, надо было усиленно заниматься их боевой выучкой. Но Наркомат обороны и Генштаб издавали директиву за директивой об ограничении расхода и экономии ГСМ. У немцев был железный закон: ни при каких обстоятельствах, ни при какой срочности формирований не сажать на боевую технику неподготовленные экипажи. У нас, к сожалению, это не всегда соблюдалось. Историки до сих пор недоумевают по поводу

массовых потерь танков и другой боевой техники в начале войны. Но до 50–60 % танков вышли из строя до выхода соединений в районы предназначения или на рубежи развертывания для контрударов исключительно из-за слабых навыков механиков-водителей, из-за невозможности устранить даже незначительные неисправности в ходе марша. Извлечены ли уроки из этого? Если Вы сегодня сравните, какой процент занимают подразделения, занимающиеся ремонтом, снабжением ГСМ и боеприпасами у американцев и у нас, Вы увидите, что у нас эта сторона дела по-прежнему недооценивается.

Если говорить об оперативно-стратегической стороне дела, то наша теория и практика имели совершенно смутное представление о том, как может сложиться начальный период войны, как должны действовать войска в случае внезапного нападения противника.

Предполагалось, что все будет происходить, как и в Первую мировую войну, когда в ходе приграничных сражений, под прикрытием передовых соединений будут осуществляться отмотилизованные и развертывание основных сил для решающих сражений. Но в 1941 г. нашим приграничным округам противостояли заранее отмотилизованные и развернутые группировки немецких войск, готовые в любой момент нанести удар. По своему оперативному положению наши войска не были в полной мере готовы ни к обороне, ни к наступлению. Причем опыт показывает, что командующим, командирам еще в мирное время надо не только теоретически намечать себе схему предстоящих действий, но и реально в живом виде осмыслить, как будет действовать противник и как организовать действия своих войск.

После войны на одном из командно-штабных учений на Дальнем Востоке под руководством маршала Р. Я. Малиновского генерал В. Ф. Маргелов докладывал решение на десантирование воздушно-десантной дивизии на один из островов. По окончании доклада один из генералов задал ему вопрос: «Скажите, а сколько потребуется времени для повторного десантирования Вашего корпуса?»

Командир корпуса долго молчал, а затем со вздохом отметил: «Мы в 1941 г. один корпус уже высадили под Вязьмой. Так он до сих пор собирается». Какой вопрос, такой и ответ. Но главная моя мысль состоит в том, что самое опасное в военном деле бесплодное теоретизирование

и фантазирование в отрыве от жизни, в отрыве от реальных обстоятельств.

И сегодня нередко говорят и пишут в разных статьях, что будущая война будет носить высокоманевренный характер, не будет никаких сплошных фронтов, следовательно, не придется заниматься и прорывом обороны, все цели будут поражаться высокоточным оружием по мере их обнаружения, поэтому отпадает необходимость в артиллерийской или авиационной подготовке, вообще в организации централизованного огневого поражения. Возможно, война так и начнется. Ведь так начинались и Первая и Вторая мировые войны, Корейская война в 1950-х годах и другие. С началом военных действий противостоящие стороны стремятся в первую очередь использовать разрывы в построении войск, выйти во фланг и тыл противника. Ни одна из сторон не хочет, чтобы по тылам и коммуникациям, районам расположения аэродромов разгуливали рейдовые отряды противника.

Возникает необходимость прикрыть разрывы и открытие флангов и, если война затянется, то на некоторых стратегических направлениях на определенное время может образоваться относительно сплошной фронт.

Тогда может потребоваться и прорывать оборону и осуществлять централизованное огневое поражение противника и т.д.

Установки на то, что все огневые средства противника надо уничтожать высокоточным оружием немедленно, по мере их обнаружения, — это тоже хорошее пожелание. Но боеприпасов на любой войне как не хватало, так не будет хватать, тем более к высокоточному оружию. Поэтому важнейшие огневые задачи нужно будет решать периодически. Дело другое, что формы и способы решения этих задач будут существенно меняться и их потребуется решать по-новому.

После Гражданской войны некоторые архиреволюционные идеологи бросили клич, что надо полностью отказаться от позиционных форм ведения боя, отказаться от рытья траншей и ходов сообщения.

Говорили: «Революционно сознательный боец может сидеть в отдельной ячейке и самостоятельно решать боевые задачи, ему не нужны траншеи и вообще стыдно от пуль прятаться».

Но с началом войны оказалось, что по открытому полю, без траншей и ходов сообщений с этим революционным бойцом невозможно общаться командирам и политработникам, подать

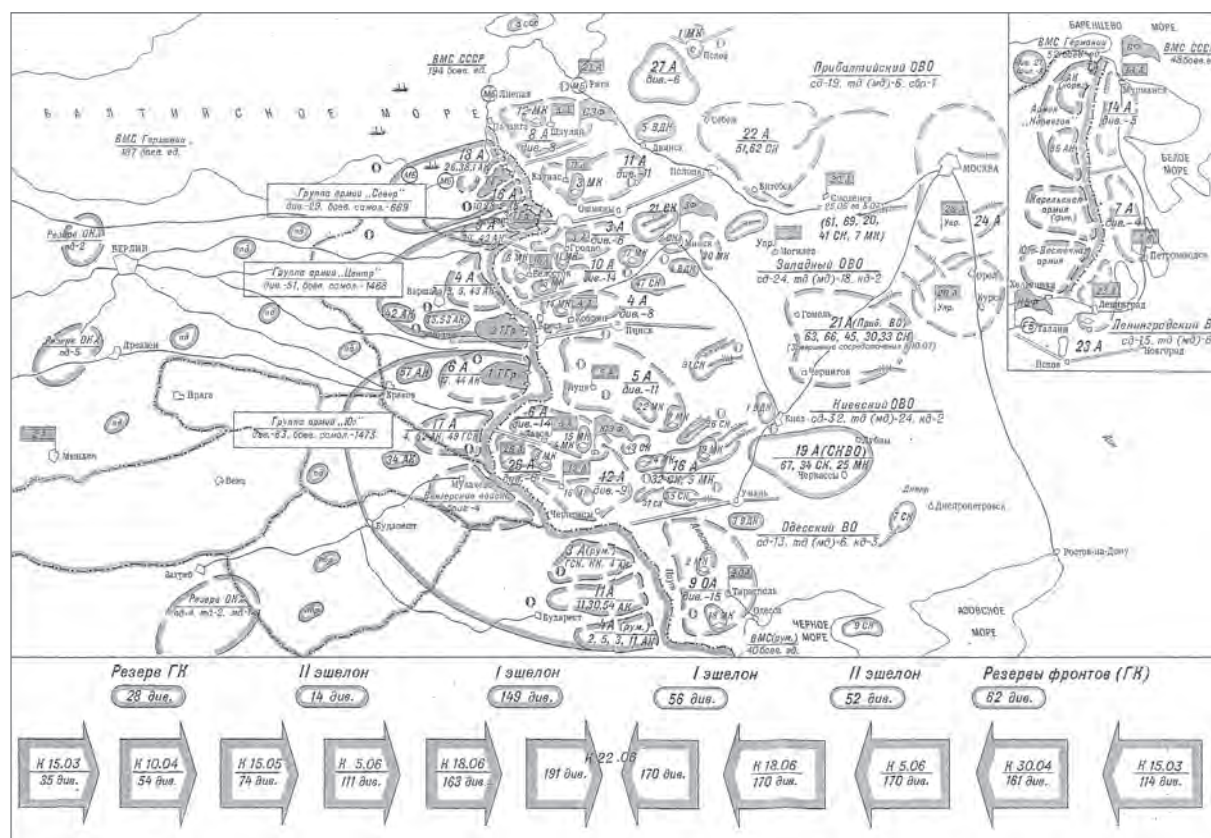
ему пищу и боеприпасы, вытащить его в случае ранения, маневрировать огневыми средствами, не говоря уже о том, что все это приводило к неоправданным потерям личного состава. Опыт всех войн показал, какая это спасительная сила — земля, и в нее надо уметь вгрызаться при всякой имеющейся возможности. Это обеспечивает и живучесть войск и техники. Это особенно важно при современных средствах поражения.

В наше время вполне обоснованно говорится о сетецентрическом подходе к организации и ведению военных действий. Это, конечно, исключительно прогрессивное дело, которое надо и теоретически разрабатывать, и практически осваивать, а главное, создавать для этого необходимую технологическую основу. С учетом этого, как в общих чертах рисуется характер будущих войн и операций? Эталон, вершиной военной мысли и практики считается война стран НАТО против Югославии. Суть ее в том, что дальнебойным, высокоточным оружием наносятся удары по центрам управления, мостам, дорогам, другой инфраструктуре, по больницам, школам, делают главным заложником мирное население и вынуждают страну капитулировать. Говорят, что для ударов по сухопутным войскам не будут даже тратить боеприпасы.

И вот возникает вопрос: если такая теория войны является наиболее «передовой» и «эффективной», то почему мы в августе 2008 г. таким, с позволения сказать «демократическим» способом не воевали с грузинскими агрессорами. Фактически боевые действия там мало отличались от того, что было в прошлую войну. В соответствии с канонами такой «сетецентрической войны» мы должны были бы никаких танковых контратак не предпринимать, сухопутные войска вообще не задействовать, разбомбить Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Поти, другие города, разрушить все коммуникации, заставить Грузию капитулировать. Почему мы так не сделали?

Во-первых, видимо, потому, что это не входило в политические цели войны с нашей стороны. Ставилась задача защитить наших миротворцев и российских граждан. И, конечно, из гуманитарных соображений. Такой способ ведения войны, который был применен против Югославии, — это разбой и ООН когда-то должна объявить запрет на такие варварские действия.

Во-вторых, нам пока нечем так воевать, не хватает еще многих средств, необходимых для ведения действительно сетецентрической войны. Даже американцы планируют создать техническую базу для этого — к 2015 г.

Стратегическое развертывание Вооруженных Сил Германии и СССР в 1941 г.

Система боевой готовности в армии и на флоте накануне Великой Отечественной войны

В-третьих, если говорить откровенно, нам бы никто и не позволил так воевать против страны, готовящейся к вступлению в НАТО. Реакция в мире была бы самой непредсказуемой. Для того чтобы так решительно действовать, нужна готовность не только к локальным войнам, но и более прочный запас политических, экономических, информационных и военных ресурсов. Однобокий подход к этим вопросам возникает из-за того, что характер вооруженной борьбы прогнозируется исходя только из применяемых военных технологий и недостаточно учитывается влияние геополитических, военно-политических факторов, изменения в человеческом материале.

Все это говорит о том, что при разработке самых передовых современных теоретических и доктринальных установок нужно строже сверять их с жизненными обстоятельствами, более внимательно прислушиваться и учитывать глубинные закономерности развития военного искусства, под влиянием каких факторов возникают новые формы и способы вооруженной борьбы.

При всех обстоятельствах следует не забывать, что в области военной науки есть как подлинно научная информация, так элементарная дезинформация, которая распространяется

в том числе некоторыми отечественными неправительственными организациями и «экспертами», чтобы увести нас в сторону от пути истинного. Во всяком случае, не надо заблуждаться и искать какие-то высокие материи там, где все более банально и просто.

Какой бы туман не напускали вокруг, например, иракской войны 2003 г., на деле совершенно очевидно, что в этой войне самым эффективным «высокоточным оружием» были доллары. Все там было продано и куплено. Сейчас американцы таким же путем хотят умиротворить Афганистан. На какое-то время это даст результаты, но не надолго. В стране, где мало кто работает, денег на все времена не напасешься.

Особо хотелось бы сказать о наступлении и обороне. Опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что объективно основным способом боевых действий может быть только наступление. Без наступления невозможно достичь победы. Однако для успешного ведения войны нужно умелое сочетание как наступательных, так и оборонительных действий. Но к обороне тоже надо относиться серьезно. За недооценку обороны нам в начале войны пришлось тяжело расплачиваться.

Иногда говорят, что в начале войны советские войска вообще не собирались обороняться, а сразу же должны были переходить в наступление. Но это не так. По имеющимся оперативным документам, воспоминаниям участников войны видно, что в действительности приграничные военные округа имели задачу силами армий прикрытия отразить наступление противника и затем вводом в сражение основных сил переходить в наступление.

Как видите, обороняться собирались. Но неправильно представляли себе характер оборонительных операций. Оборона рассматривалась как кратковременные действия по отражению вторжения противника с быстрым переходом в наступление. Оборона в стратегическом масштабе с использованием основных сил вообще не предусматривалась. К таким действиям пришлось переходить уже в ходе войны под давлением неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Не учитывалось, что отражение превосходящих сил противника невозможно осуществить на коротке лишь частью сил. Для этого требуется ведение целого ряда напряженных и длительных оборонительных операций и сражений.

Как уже отмечалось, с началом войны большинство дивизий первого эшелона вообще не успело выйти на установленные рубежи и занять оборону. Например, 175-я стрелковая дивизия с началом войны совершала марш-бросок на встречу развернутым в боевой порядок танковым частям противника.

Если бы дивизии 1-го эшелона успели это сделать, то смогли бы оказать противнику более организованное сопротивление, чем это получилось в начале войны. Но, говоря объективно, и при этом условии наши стрелковые дивизии, слабо оснащенные противотанковыми средствами (как показано на схемах всего четыре орудия на 1 км фронта), были не в состоянии противостоять ударам артиллерии, танков и пехоты противника, который на направлениях своих ударов создавал 5–6-кратное превосходство в силах и средствах. Об этом можно судить по примеру Курской битвы в 1943 г. Как известно, там мы не вынужденно, а заранее преднамеренно переходили к обороне, имея общее численное превосходство над противником, создали глубокоэшелонированную оборону на глубину до 150–200 км с высокой плотностью артиллерии и противотанковых средств. Но, несмотря на все это, немецко-фашистским войскам в полосе Воро-

нежского фронта удалось прорваться на глубину до 30–35 км, и, если бы не силы Степного фронта — резерва Ставки ВГК, они, возможно, могли бы продвигаться и дальше. Какой же урок мы извлекли из всего этого? В наших современных уставах, энциклопедиях, учебниках записано, что оборона — вид военных действий, применяемый с целью отражения... наступления превосходящих сил противника. Значит, оборона заведомо рассчитывает на решение задач меньшими силами. В печати нередко можно встретить утверждения, что для обороны достаточно иметь в 2–3 раза меньше сил и средств, чем у наступающего, что вообще при оборонительном характере военной доктрины можно обойтись минимально необходимой армией. И совсем не реагировать на все это нельзя. Эти вопросы касаются не только ВС. Мы призваны способствовать формированию правильного общественного мнения по этим проблемам. Но главное в том, что ни опыт Первой, ни Второй мировых войн такие утверждения не подтвердил. За время этих войн не было ни одной успешной оборонительной операции, проведенной значительно меньшими силами, чем у наступающего противника. Конечно, когда сил и средств недостаточно, нет другого выхода, как переходить к обороне и определенное время удерживать занимаемый рубеж. Но если противник переходит в наступление с решительными целями, то, располагая значительно меньшими силами, остановить его и тем более сорвать наступление и нанести поражение наступающему противнику далеко не всегда осуществимо. В 1941–1942 гг. удавалось остановить наступление противника лишь после длительного отступления на сотни километров и ввода в сражение свежих резервов. В ходе оборонительной операции на сталинградском направлении из резерва Ставки было переброшено 87 новых соединений — это в 2 раза больше, чем было к началу оборонительной операции. Возможно отражение атак превосходящих сил противника в обороне в тактическом звене. Но в оперативно-стратегическом масштабе при наличии мощных средств огневого поражения и высокой маневренности войск авиации наступающий, владея инициативой, имеет возможность создавать многократное, подавляющее превосходство на избранных направлениях, и для парирования его глубоких прорывов нужны достаточно крупные силы. Поэтому, как показал опыт

войны, для проведения оборонительной операции, рассчитанной на успешное отражение и срыв крупного наступления противника, требуется не намного меньше сил и средств, чем для наступления. Это подтвердилось и в оборонительных операциях у озера Балатон в конце войны. Весь этот опыт желательно учитывать при организации обороны в современных условиях.

Исходя из опыта прошлых войн в деле военного строительства прежде всего необходимо определиться, для ведения каких войн и для решения каких оборонных задач необходимо строить и готовить Вооруженные Силы и другие войска. В соответствии с новой военной доктриной для российских Вооруженных Сил и других войск первоочередной становится готовность к выполнению боевых задач в локальных войнах, вооруженных конфликтах и антитеррористических операциях. При этом следует иметь в виду, что и локальные войны, и конфликты в наше время порою носят далеко не ограниченный характер. В корейской войне с обеих сторон участвовало 2,5 млн человек. В зоне Персидского залива в 1991 г. — 10 тыс. танков. Это больше, чем в Берлинской операции в 1945 г. Да и борьба с террористами ведется не только мелкими группами. Они могут захватывать целые страны, как это случилось в Афганистане. При определенных обстоятельствах возможно возникновение и крупномасштабной региональной войны, непосредственной угрозы которой пока нет, но полностью ее исключать нельзя.

С учетом всего этого необходимо, **во-первых, при всех обстоятельствах сохранить нашу ядерную мощь; во-вторых, создать единую систему воздушно-космической обороны; в-третьих, уделить должное внимание и развитию сил общего назначения — ВВС, ВМФ, Сухопутных войск.**

Суждения о ненужности сухопутных войск в современных условиях носят дезинформационный характер. Даже для оккупации такого сравнительно небольшого государства, как Ирак, США вынуждены собирать силы со всех концов мира (35 стран). При огромной территории России, при усилении угрозы на востоке и юге, где делается основная ставка на наземную составляющую военной силы, наша страна без достаточно сильных группировок сил общего назначения обойтись не может.

В-четвертых, в дополнение к производимым в настоящее время организационным пре-

образованиям обеспечить мобилизационную готовность Вооруженных Сил к ведению крупномасштабных войн.

Вполне понятно, что в деле военного строительства приходится исходить из определенных, установленных государством рамок, ресурсов, численности ВС. Вместе с тем оборонные задачи существуют объективно и их отменить невозможно. Как показала война, если Вы по каким-то соображениям снимаете те или иные оборонные задачи, то в реальной жизни Вы все равно с ними столкнетесь, их поставит перед Вами противник, сама жизнь. И военную организацию необходимо строить исходя именно из реальных угроз и вытекающих из них оборонных задач, а не на основе подготовленных так называемым «экспертным сообществом» 10–15 отвлеченных принципов, одинаково годных как для США или Китая, Бельгии и Люксембурга, так и тем более для России с ее уникальным геополитическим положением.

Решения правительства при всех обстоятельствах положено выполнять, но никто не может нам запретить искать альтернативные пути более экономного и эффективного решения оборонных задач.

Например, несмотря на все раздающиеся сейчас порицания в адрес мобилизационных факторов и методов ведения войны, приходится признать, что Великую Отечественную войну мы выиграли за счет тотальной мобилизации всех материальных и духовных сил страны. Как это не прискорбно, не кадровая, а, по существу, заново отмобилизованные в ходе войны Вооруженные Силы привели нас к победе.

Уже упоминалось, с каким трудом пришлось собирать по крохам силы и средства для доукомплектования частей во время первой чеченской войны. Даже опыт локальных войн показывает, что в серьезной войне регулярной, кадровой армии может хватить на одну-две недели войны. Затем ее надо подкреплять новыми силами и средствами.

В новых планах по приданию ВС нового облика мы, безусловно, получаем, особенно в сухопутных войсках, ряд преимуществ с точки зрения повышения боевой готовности соединений, мобильности и гибкости управления ими. Но отсутствие полноценных комплектов артиллерии, средств ПВО, авиации, инженерных войск в оперативно-стратегических и оперативных объединениях существенно снижает огневую мощь группировок ВС на важнейших

стратегических направлениях. Вообще недооценивается необходимость мобилизационной подпитки ВС.

На наш взгляд, мобилизационную компоненту необходимых на время войны вооруженных сил можно было бы создать путем использования американского опыта создания организованного резерва и национальной гвардии, которые содержатся вне установленной для вооруженных сил численности.

Особенно это важно для формирования артиллерийского резерва ВГК. Известно, что во время войны в наших стрелковых дивизиях было меньше артиллерии, чем в германских дивизиях. Но за счет формирования и умелого использования артиллерии РВГК, усиления ею ударных группировок, действующих на главных направлениях, мы добились того, что в итоге в Советской Армии постоянно активно воевало около 60 %, а в немецко-фашистской армии не более 48 % всей артиллерии. Это давало нам большое преимущество.

Для всех очевидно и то, что существенно изменяются способы ведения вооруженной борьбы. Прежде всего изменяется соотношение прямых и не прямых действий в стратегии. Непрямые действия, связанные с политическим, экономическим и морально-психологическим воздействием на противника, со способами его дезинформации и подрыва изнутри, всегда играли большую роль. Но в условиях господства идей тотальной войны прямые действия и кровопролитные сражения нередко превращались в самоцель, отодвигая на второй план все другие. В современных условиях, когда ядерное оружие ограничивает стратегические цели, роль упомянутых выше не прямых действий значительно возрастает. Речь идет о большей гибкости военного искусства и более полном использовании всего разнообразия средств и способов действий, в том числе невоенных и нетрадиционных.

Есть основание полагать, что контуры вооруженной борьбы будущего еще достаточно четко не определились и, по крайней мере, в военной печати они рассматриваются односторонне. Операции, проведенные вооруженными силами США и других стран НАТО в Ираке, Югославии, Афганистане, носили, по существу, односторонний характер. И еще далеко не ясно, какой характер приобретут военные операции при более высоком уровне применяемых технологий и более активных, решительных действиях другой

стороны. Например, во Вьетнаме из запущенных противолокационных ракет «Шрайк» вначале каждая вторая, а затем только каждая третья-четвертая попадали в цель, а 18.04.1971 г. в зоне Суэцкого канала из запущенных израильянами 72 ракет цели достигла лишь одна. Потому что там были включены на фронте 100 км более 150 различных РЛС, и «шрайки» начали терять цель.

Конечно, такие новые явления, как бесконтактные операции, существенно меняют характер вооруженной борьбы и при пассивном сопротивлении, как это было в районе Персидского залива или Югославии, приводят к неизбежному поражению другой стороны. И это надо учитывать. Вместе с тем совершенно недопустимо, когда дело изображается таким образом, что будущая война обязательно будет носить односторонне-полигонный характер, где жертва агрессии непременно обречена на поражение.

Такая точка зрения ориентирует на обреченность и капитулянтство, бесполезность сопротивления технологически превосходящему противнику.

На наш взгляд, в научной работе и в системе боевой подготовки с офицерами желательно более реалистично изучать эти новые явления, не впадая в крайности, и искать обоснованные ответы на ряд возникающих весьма сложных и трудных вопросов. Но уже сейчас со всей очевидностью проглядывается два направления, которых мы должны придерживаться: прежде всего настойчиво добиваться принятия кардинальных решений в государственном масштабе, направленных на создание и развитие своих дальнобойных высокоточных видов оружия в СВ, ВВС и ВМФ. При этом недостаточно формально определить приоритеты, нужна такая же решительная концентрация финансовых и интеллектуальных сил, как это было сделано в послевоенные годы при создании ракетно-ядерных средств. Основной упор сделать на средства РЭБ и другие более дешевые асимметричные средства вооруженной борьбы.

Одновременно разрабатывать и осваивать более активные, решительные способы стратегических и оперативно-тактических действий, навязывать противнику такие действия, в том числе контактные, которых он больше всего избегает. Достаточно вспомнить, как в 1941 г. советское командование, несмотря на потери значительной части авиации и вынужденное

отступление в глубь страны, ухитрялось наносить удары по Берлину и Кенигсбергу. Важно не пасовать и преисполниться решимостью до конца сопротивляться агрессору.

В современных условиях главным в боевых действиях будет не столкновение передовых подразделений, а огневые удары издалека. Но это относится не только к дальнобойным стратегическим средствам. В прошлой войне мы даже удары артиллерии, авиации сосредоточивали на участках прорыва. В наше время надо стремиться более полно использовать возможности оперативно-тактических средств для нанесения упреждающих ударов по противнику на максимальных дальностях.

При применении вооруженных сил для борьбы с террористами необходимо, с одной стороны, активные, упреждающие действия и удары, с другой — высочайшая бдительность всего личного состава, надежная охрана и оборона всех государственных, общественных и других объектов на территории страны и всех элементов оперативного построения войск, базирования флота, коммуникаций, аэродромов, пунктов управления, объектов тылового и технического обеспечения, что совершенно недостаточно учитывается. В этом отношении российская армия традиционно уязвима. Нашу армию во время войны в большинстве освобождаемых нами стран население всюду хорошо встречало, оказывало всяческую поддержку, и наши командиры не приучены к жесткой обороне и охране своих тылов, как к этому были приучены нашими партизанами немецко-фашистские войска. Некоторые тыловые органы и учреждения привыкли к тому, что им для охраны должны выделяться боевые подразделения. В современных условиях на это надеяться нельзя, и поэтому нужен коренной поворот в сознании всех военнослужащих.

Каждый элемент боевого порядка, штабы, тыловые и технические органы должны быть обучены охране, обороне и активной борьбе с террористами самостоятельно, ни на кого не надеясь.

В-пятых, об извлечении уроков из опыта войны в области управления войсками (силами). Система управления войсками, как известно, включает в себя органы, пункты управления, систему связи и автоматизации.

В послевоенные годы все эти элементы управления получили значительное развитие. Относительно органов управления это касалось,

прежде всего, их состава и организационной структуры. Но в новой структуре оперативных объединений и отдельных бригад не в полной мере учитывается, что в боевой обстановке во всех соединениях придется создавать КП и ПКП. И численность оперативного состава должна обеспечивать круглосуточную работу на этих пунктах управления. В целом изменения в системе управления меньше всего коснулись такой части управленческой деятельности, как методы работы командования и штабов, где не было учтено даже многое из того, что мы приобрели во время войны.

Прежде всего у нас существует очень сложная и громоздкая оперативная и боевая документация. Во время Великой Отечественной войны во многом от этого бюрократизма отказались. Оперативная и боевая документация стала более компактной и четкой. Но в послевоенные годы вновь возобладали некоторые архаизмы в этой области. Это нашло отражение в существующих сегодня уставах и наставлениях и не только по боевой деятельности, но и по организации службы войск в мирное время.

Изготовление таких документов отнимает у органов управления много времени в ущерб главной организаторской деятельности по выполнению поставленных задач. Кроме того, затрудняется пользование ими и особенно своевременная передача по средствам связи и доведение до исполнителей.

Несколько лет назад, после окончания стратегического КШУ на Дальнем Востоке, мы пошли на узел связи одного из округов и обнаружили, что более 50–60 % распоряжений и других документов, направленных начальниками родов войск и служб в подчиненные штабы, лежат неотправленными. Некоторые из начальников, «отдавшие» эти документы, даже не интересовались, дошли они до подчиненных или нет. Вместе с начальниками служб фронта поехали в одну из привлеченных на учение танковых рот. Попросили заместителей командующего по вооружению, по тылу и других зачитать свои распоряжения и посмотреть в роте, что практически выполнено по техническому обслуживанию, созданию запасов воды, обеспечению танков средствами повышения проходимости. Но никто в роте не знал, что из всего этого что-то надо делать. А ведь на практике, если даже задачи до подчиненных дошли, сколько еще надо работать, чтобы добиться их выполнения!

В приказе Ставки ВГК в 1942 г. было сказано: «...причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в бюрократическом и бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и т. Мехлиса. Товарищи Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа; и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования...»

Какие уроки из опыта войны мы извлекли, если то же самое повторилось в 1994 г. в Грозном при вводе в бой 131-й Майкопской бригады, если на учениях не только не организуется выполнение приказов, а эти приказы даже не доходят до подчиненных.

Дело еще в том, что громоздкие документы, чрезмерно усложненные условные знаки изображения обстановки на картах и дисплеях перегружают память компьютеров, АСУ излишними деталями, снижают коэффициент их полезного действия и вообще затрудняют разработку и внедрение средств автоматизации в процесс управления войсками.

Говоря о методах работы командования и штабов, хотелось бы обратить внимание и на такой никому не нужный формализм, как длительные и пространные доклады оценки обстановки и предложений по решению, заслушивание решений и указаний по взаимодействию и обеспечению операций. В них, как правило, много общих теоретических положений, но мало того, что относится к конкретному делу.

Так, в методической разработке Общевойсковой академии по морально-психологическому обеспечению боя заместитель командира по воспитательной работе за два часа до ввода полка в бой докладывает следующие предложения командиру полка: «Задачами морально-психологического обеспечения наступательного боя определить: актуализацию у личного состава патриотических чувств, верности воинскому долгу, стремления отстаивать интересы русского народа и разгромить агрессора... создание условий для поддержания позитивных эмоциональных состояний... для полковой артиллерийской группы — актуализацию готовности личного состава к эффективной поддержке наступающих войск...» и т.д. Теперь представьте

себе, что Вы командир полка и Вам перед вводом полка в бой предлагается «оптимизировать» и «актуализировать» готовность личного состава. Как вы все это должны принять и реализовать? Или, скажем, какой смысл, когда начальник связи сидит и пишет проект указаний, которые должен дать ему начальник штаба. Все понимают бессмысленность всего этого. Но говорят: «Так положено». Возьмите наши боевые уставы. Ведь в них основное внимание уделяется не рекомендациям, как командиру, штабу рационально работать по организации боя, а излагается в основном структура и примерное содержание основных боевых документов. Таким образом, мы готовим (особенно в вузах) не командира или начальника рода войск — организатора боя, а в лучшем случае — штабного офицера, умеющего изготавливать документы.

Не только во время Великой Отечественной войны, но и в Афганистане или в Чечне не могло быть такого, чтобы большая группа генералов, офицеров выходила на передний край и на виду у противника часами занималась отдачей боевого приказа или организацией взаимодействия. В боевой обстановке это просто невозможно. Но для чего же тогда мы продолжаем учить офицеров на учениях и в вузах такой практике работы?

При подобных формально-бюрократических методах работы командования и штабов, когда управленческая деятельность сама по себе, а действия войск сами по себе, процесс управления войсками выхолащивается, омертвляется, он начинает функционировать на холостом ходу, и в конечном счете цель управленческой деятельности не достигается.

Поэтому современным офицерам с точки зрения приближения методов своей работы к боевой действительности, может быть, стоит еще раз внимательно приглядеться к тому, как в боевой обстановке действовали такие командиры, как К. К. Рокоссовский, И. Д. Черняховский, П. И. Батов, Н. И. Крылов и другие. То есть, прежде чем отказываться от опыта Великой Отечественной войны в ряде вопросов, может быть, надо еще к нему приблизиться, глубже понять его, а потом уже идти дальше.

Например, одной из сильнейших сторон в полководческой деятельности И. Д. Черняховского была его деловитость, конкретность и умение тщательно подготовить операцию, организовать взаимодействие, все виды оперативного, тылового, технического обеспечения и добиться усвоения командирами всех степеней,

всем личным составом последовательности исполнения поставленных задач. После принятия решения и доведения задач до подчиненных он всецело сосредоточивался на этой работе.

Когда начальник штаба фронта А. П. Покровский составил план работы по подготовке Белорусской операции и предложил командующему поработать вначале в штабах армий, корпусов, дивизий, а затем — в частях и подразделениях, И. Д. Черняховский сказал: «Поезжайте в штабы, а я сразу поработаю в ротах и батальонах — если там все ладно, значит все звенья работали правильно».

Во время войны вся деятельность командиров была настолько глубоко проникнута интересами проведения в жизнь замысла операций, органически слита с тончайшими особенностями обстановки, а методы организации боевых действий настолько конкретны и предметны, что во всем этом творческом и организаторском процессе не оставалось места для формализма, отвлеченных разговоров и теоретической риторики. Делалось только то, что нужно для предстоящего боя и операции.

Вот как, например, генерал Черняховский работал в 184-й стрелковой дивизии генерал-майора Б. Городовикова. Вместо подробного заслушивания решения, как это было раньше, он внимательно изучил карты решения (молча, сосредоточенно), затем задал несколько вопросов: где точно передний край противника, рубежи переноса артогня во время атаки, расчет времени на выдвижение танков с исходных позиций, откуда возможны контратаки и силы, средства для их отражения?

Заслушав ответы, кратко и четко уточнил порядок решения некоторых задач. При работе на переднем крае потребовал указать места проделывания проходов в минных полях противника и порядок их преодоления, сличил запланированные огни артиллерии на картах командиров стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона. Обнаружив одну неточность, приказал командиру дивизии сличить все карты командиров стрелковых и артиллерийских подразделений. Дал команду выпустить два снаряда по одному из подготовленных участков огня. Убедился, что огонь подготовлен в основном точно. Прибыв в исходный район танков НПП, заслушал сжато доклад офицеров танкотехнической службы фронта о готовности танков к бою и после этого приказал командиру роты и механику-води-

телю головного танка вести его по маршруту выдвижения танков НПП. Дойдя до рубежа развертывания и убедившись, что командир роты знает места проходов в своих минных полях, поехал на позиции полковой артиллерийской группы. Никаких рассказов или словесных объяснений, как будет осуществляться выдвижение, смена позиций или выполнение других задач! Все проверялось только практически, в деле. За неполадки и погрешности в подготовке боевых действий был строжайший спрос. Назначался срок устранения недостатков. При повторении ошибок некоторые командиры отстранялись от должности и заменялись более энергичными и опытными.

Командиры с фронтовым опытом особенно ясно понимали, что самыми главными, решающими для успешного наступления являются два важнейших условия: первое — это тщательная разведка системы обороны и огневых средств противника, второе — точное наложение огня артиллерии и ударов авиации по конкретным выявленным целям для надежного их уничтожения и подавления. Если немного утрировать эту проблему, то из практики всех проведенных атак и наступательных боев становится все более очевидным, что если две эти задачи — разведка и огневое поражение — осуществлены точно и надежно, то даже при не очень организованной атаке достигалось успешное продвижение войск.

Любой опытный командир во время войны знал, что о нем будут судить не по тому, как он докладывает решение, внешне «правильно» организует бой, а единственно по тому, как будет выполнена боевая задача. Поэтому для него было бессмысленно обращать внимание на внешнюю сторону дела. Но об этом нужно помнить и в мирное время. Много и других подобных вопросов, по которым в недрах опыта Великой Отечественной войны и еще что-то полезное пока можно разглядеть.

В наше время многое должно делаться иначе. Но не могут устареть сам подход к решению оперативно-тактических задач, широкое творчество и методы конкретной организаторской работы, которые при этом проявлялись, тщательность и кропотливость отработки с подчиненными командирами и войсками всех подготовительных мероприятий, умение обучать войска именно тому, что от них может потребоваться в боевой обстановке, и многое другое, что определяет весь дух военного искусства.

В истории не раз после большой или локальной войны пытались представить дело таким образом, что от прежнего военного искусства ничего не осталось. Но следующая война, порождая новые способы ведения вооруженной борьбы, сохраняла и немало прежних. По крайней мере, до сих пор в истории еще не было такой войны, которая бы перечеркнула все, что было в военном искусстве до этого.

Для использования в будущем нужен не просто состоявшийся опыт, не то, что лежит на поверхности, а те глубинные, подчас скрытые устойчивые процессы и явления, которые имеют тенденции к дальнейшему развитию, проявляют себя порою в новых, совершенно других формах, чем это было в предшествующей войне. Вместе с тем следует учитывать, что каждая последующая война все меньше сохраняет элементы старого и все больше порождает новое. Поэтому требуется критический, творческий подход к опыту любой войны, в том числе и к опыту афганской и чеченской войн, где в немалой степени использовался опыт Великой Отечественной войны (особенно в деле предметной боевой подготовки подразделений к каждому бою с учетом предстоящей конкретной боевой задачи) и было выработано много новых приемов ведения боевых действий в локальной войне в специфических условиях горно-пустынной местности.

Военное искусство начинается там, где, с одной стороны, глубокие теоретические знания и творческое их применение помогают командиру лучше видеть общую связь происходящих явлений и увереннее ориентироваться в обстановке, с другой стороны, где командир, не сковывая себя общей теоретической схемой, стремится глубже проникнуть в суть реально сложившейся обстановки, уловить ее выгодные и невыгодные особенности и, исходя из их анализа, найти оригинальные решения и способы действий, в наибольшей степени соответствующие данным конкретным условиям обстановки и поставленной боевой задаче.

Самый большой враг военного искусства — это шаблон и схематизм. Эту истину мы после войны стали забывать. Но понимание этого надо восстановить.

В будущем, когда операции и боевые действия будут отличаться возросшим размахом, участием в них различных видов вооруженных сил и родов войск, оснащенных разнообразной сложной боевой техникой, высокой динамич-

ностью и маневренностью боевых действий, ведением их в условиях отсутствия сплошных фронтов, дистанционного поражения, резких и быстрых изменений обстановки, ожесточенной борьбы за захват и удержание инициативы и сильного радиоэлектронного противодействия, значительно усложнится управление войсками и силами флотов.

При больших скоростях ракет, авиации, повышенной подвижности войск, особенно в системе стратегических ядерных сил, ПВО, ВВС, управленческая боевая деятельность все больше будет приобретать характер реализации заранее разработанных вариантов решений, программирования и моделирования предстоящих боевых действий. Высокий уровень планирования операций и боевых действий станет главной предпосылкой успешного управления войсками.

Как уже было сказано, автоматизация, компьютеризация управления требуют совершенствования не только организационной структуры органов управления, но форм и методов работы командования и штабов. В частности, новейшие достижения науки свидетельствуют о том, что система управления в целом может быть эффективной только в том случае, если будет развиваться не только по вертикали, но и по горизонтали. Это означает, в частности, при соблюдении в целом принципа единоначалия всемерное расширение фронта работы, предоставление больших прав штабам, начальникам родов войск, служб. Они должны решать многие вопросы самостоятельно, согласуя их с общевойсковым штабом и между собой, так как при крайне ограниченном времени и быстром развитии событий командующий уже не в состоянии лично рассматривать и решать все важнейшие вопросы подготовки и ведения операции, как это было в прошлом. Нужна значительно большая инициативность и самостоятельность во всех звеньях. Но эти качества нужно вырабатывать еще в мирное время, закладывать их в общевойсковые уставы.

Поэтому так важно заранее предвидеть изменения характера вооруженной борьбы, новые требования, предъявленные к системе управления, и с учетом именно этих объективных факторов, а не подспудных соображений, определять оргструктуру, права и задачи органов управления, решительно избавляясь от негативных проявлений прошлого и максимально полно используя современный положительный опыт,

накопленный в вооруженных силах России, США, Китая и других стран.

В последнее время, когда на фоне американского подавляющего технологического превосходства в войне против заведомо слабых противников блеск военного искусства тускнеет, развернута информационно-дезинформационная кампания с целью изобразить, что традиционно русские, немецкие, французские военные школы, основанные на богатейшем опыте ведения больших войн и идеях передовых для своего времени военных мыслителей (таких как Суворов, Милютин, Драгомиров, Брусилов, Фрунзе, Тухачевский, Свечин, Жуков, Василевский или Шарнгорст, Мольтке, Людендорф, Фош, Кейтель, Рундштедт, Манштейн, Гудериан) изжили себя. Теперь, по мнению апологетов «виртуальных» войн, все прошлое военное искусство надо похоронить и воспринимать передовую американскую военную школу.

У американцев действительно многому можно научиться, особенно в создании выгодных

политических условий для ведения войны, в области высоких технологий. Но пренебрежение к национальному опыту других армий, подгонка военной организации всех стран под натовские стандарты со временем может привести к деградации военного дела. Военное сотрудничество, в том числе со странами НАТО, может принести пользу, если оно будет осуществляться путем обмена и взаимного обогащения опытом, а не путем навязывания или слепого копирования стандартов лишь одной армии без учета национальных традиций и других особенностей различных стран.

Таким образом, Великая Отечественная война является богатейшей сокровищницей боевого опыта. Обращаясь к нему, мы каждый раз находим все более ценные крупинки нового, которые рождают глубокие мысли и приводят к выводам большого теоретического и практического значения. Но весь этот опыт должен восприниматься критически и преломляться путем творческого подхода к решению современных проблем.

¹ Красная Звезда. 2004. 26 июня.

Урок массового героизма

В. Р. Мединский*

Урок Великой Отечественной, который нам следовало бы усвоить получше, — это урок массового героизма. Само выражение «массовый героизм» звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению — это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало правилом, нормой. Массовый подвиг советских людей во время войны дал колоссальный пропагандистский материал. Когда победа куплена кровью миллионов и скреплена десятками тысяч примеров того, как люди сознательно жертвовали жизнью, — это чрезвычайно укрепляет любой политический режим.

Во время и после «идеологической перестройки» этот массовый подвиг особенно настойчиво ставился под сомнение. Официальный советский миф разоблачали, тужась доказать, что «все было не так».

К сожалению, разоблачать пропаганду сталинского времени нетрудно. Шла война, и все делалось топорно, в спешке, с презрением к деталям. Сталинские пропагандисты всегда описывали истории, как опять же говорят киношники, «базирующиеся на реальных событиях». Но, как и положено в Голливуде, — лакировали, отбрасывали лишнее, временами нещадно перевирали детали: имена, места, обстоятельства дела.

Понять их можно. Во-первых, под артобстрелом не до подробностей. А во-вторых — ведь писали не документально-исторические хроники, не жизнеописания конкретных личностей. Широкими мазками создавали панораму войны, где каждый герой был как бы символом, собирательным образом.

Александр Матросов — солдат-пехотинец 2-го отдельного стрелкового батальона 91-й отдельной Сибирской добровольческой бригады имени И. В. Сталина. Одной из причин его посмертной славы было то, что в названии его части каждое слово было в цель, укладывалось в мифологию. Сибиряк, в советской мифологии — практически сверхчеловек. Доброволец. И, главное, бригады имени Сталина! Правда, после развенчания культа личности название бригады куда-то незаметно исчезло.

28 героев-панфиловцев олицетворяли собой всех защитников Москвы.

Сержант Павлов и снайпер Зайцев — защитников Сталинграда.

Летчик Гастелло — «это русский камикадзе».

Маресьев — символ несгибаемого духа русского солдата.

Этим «символизмом» порой пользуются для того, чтобы «разоблачить» не только сталинскую пропаганду, но и сам подвиг. Не по злему умыслу, а скорее по недомыслию, или попросту по глупости. Что вполне подобно классическому: «выплеснули вместе с водой и ребенка». Впрочем, всякое бывает.

* Владимир Ростиславович Мединский — Депутат Государственной Думы, член Президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории, д.п.н., профессор МГИМО.

Наш камикадзе?

Нет, наш герой

Приведу несколько примеров с наиболее известными «характерными» именами героев войны, ставших в те годы своего рода военными иконами.

Н. Ф. Гастелло. По официальной версии, 26 июня 1941 года на направлении Молодечно — Радошковичи Николай Гастелло, вместо того чтобы выпрыгнуть с парашютом и остаться в живых, направил свой подбитый самолет на колонну танков и автомобилей вермахта, наступавших на Минск.

Посмертно награжден Звездой Героя, о летчике написаны книги, именем Гастелло были названы колхозы, пионерские дружины, корабли и заводы.

Сегодня есть много всяческих альтернативных версий. Якобы корреспонденты военных газет просто перепутали: Гастелло вообще не было в этом месте, он погиб намного раньше, а на таран танковой колонны пошел другой летчик, Александр Маслов. Есть версия, что сам Гастелло не дотянул до танковой колонны — его самолет рухнул где-то на опушке, а врезался в фашистов другой самолет.

Все в СССР были убеждены в том, что Гастелло совершил подвиг в одиночку, и притом на истребителе. Ведь при рассказе о подвиге Н. Ф. Гастелло члены его экипажа, как правило, не упоминались. Вообще. Словно их там и не было. А в послевоенной художественной литературе главными героями авиации были летчики-истребители. Как одиночку, пилота-истребителя, Гастелло и рисовала пропаганда. И в пьесе «Гастелло» подвиг совершался одним Гастелло, на истребителе, и на мозаичных панно, и на картинах, на иллюстрациях к книгам — везде он изображался один.

На самом деле это был бомбардировщик, и вместе с командиром Гастелло погибли члены экипажа: лейтенант А. А. Бурденюк, лейтенант Г. Н. Скоробогатый, старший сержант А. А. Калинин. Экипаж погиб весь, просто летчики остались в тени подвига командира. Только в 1958 году они были награждены орденами Отечественной войны I степени (посмертно).

Широко ходят и другие мифы: что Гастелло совершил первый таран в истории авиации или что Гастелло совершил первый в истории таран наземной цели.

Это, конечно, не так.

На самом деле первый в истории воздушный таран применил русский летчик Петр Николаевич Нестеров. Тот самый, которого «петля Нестерова». Произошло это еще в 1914 году в ходе Первой мировой войны.

Первый таран самолетом наземной цели совершил советский летчик Михаил Ююкин 5 августа 1939 года на реке Халхин-Гол. Первый таран в истории Великой Отечественной совершили практически одновременно советские летчики Д. В. Кокорев, Л. Г. Бутелин и И. И. Иванов.

Время их подвига различается буквально на минуты: Кокорев был первым, тараном сбив самолет противника 22 июня 1941 года, приблизительно в 4 часа 15 минут, а Иванов — в 4 часа 25 минут.

Первый в истории Великой Отечественной войны таран наземной цели совершил советский летчик П. С. Чиркин — и тоже в первые часы войны — 22 июня 1941 года.

Стоп, стоп... Вот типичнейшее явление, возникающее при любом «разоблачении» героев войны: как только начинают их «разоблачать», тут же оказывается — у «официальных» героев есть предшественники! Много предшественников, и еще больше — последователей.

В СССР часто говорили о летчиках, «повторивших подвиг Гастелло». Их на самом деле были сотни. Генерал-майор авиации А. Д. Зайцев в своей книге «Оружие сильных духом» оценивает количество воздушных таранов в более чем 620. Не все тараны были самоубийственными, очень часто наши летчики спасались, выбрасывались с парашютом, иногда даже умудрялись спасти свой самолет.

При этом вражеский экипаж и его самолет никогда после тарана не выживали, да и от колонны танков, бронетехники, мостов, кораблей — куда только ни направляли свои самолеты наши герои — мало что оставалось.

Гастелло — наш камикадзе? Нет. Камикадзе — человек, который изначально в одиночку, в самурайском духе готовится к смерти. Его таран — практически религиозный поступок, к которому он идет всю жизнь.

В случае с Гастелло все по-другому. Прежде всего, это сознательный гражданский поступок. Эти люди готовились не к смерти, а к долгой счастливой жизни вместе с детьми и внуками. А главное, решение принимает не один человек — это коллективное решение о самопожертвовании. Подобные вещи тысячекратно сильнее, чем поступок любого камикадзе.

Пропаганда военной поры выделяла кого-то одного, чаще всего — случайно. Стремительно «лепилась» нужная биография, придумывались назидательные детали. Создавалась легенда, нужная пропагандистской машине, и часто сам герой рисковал не узнать самого себя в этом образе.

По законам жанра герой всегда один, потому что запоминается один человек. Летчик Гастелло. Летчик Талалихин. Летчик Маресьев. Красноармеец Матросов. Комсомолка Космодемьянская. Пионер-герой Леня Голиков.

Одни лица возвеличивались, другие могли практически игнорироваться. Забыли даже тех, кто сидел в одном самолете с Гастелло. Но давайте отметим главное: героев было много, много больше, чем мы можем себе даже представить.

Гастелло сто раз заслужил свою посмертную славу. Но рядом с ним стоит несколько авиаторов его предшественников и последователей, абсолютных, стопроцентных героев. Настоящих, истинных «сверхчеловеков».

Таня

Не так давно в прессе решили помусолить «правду» о Зое Космодемьянской. Мол, поджигала она не немцев, а крестьянские избы, да и сдали ее сами крестьяне. Мол, отец ее был «враг народа», и дочь пошла на задание только ради его реабилитации. Некоторые журналисты, потирая потные ладони, дошли чуть не до живописания сексуальных игр роты эсэсовцев с русской девочкой.

Противно все это, но все же придется рассказать, что было на самом деле.

Действительно, Зоя Космодемьянская была внучкой убитого большевиками священника. Осенью 1941 года она в числе тысяч и тысяч московских комсомольцев добровольно ушла на фронт. После окончания диверсионной школы стала бойцом разведывательно-диверсионной «партизанской части 9903 штаба Западного фронта».

Было ей 18 лет.

Поджигала ли она крестьянские избы? Да. Только те избы, где не было никаких крестьян, а в которых останавливались оккупанты. Это было жестоко? Да. Война вообще жестокое дело, а уж тем более — тотальная война на уничтожение.

Группе, в которую входила Зоя Космодемьянская, дали задание: в течение 5–7 дней сжечь 10 населенных пунктов, в их числе деревню Петрищево Рузского (тогда — Верейского) района

Московской области. Группа понесла тяжелые потери. Из 10 вышедших на задание только трое дошли до цели и подожгли несколько домов в Петрищево. Нацисты успели выскочить, но 20 немецких лошадей погибли.

После этого один из диверсантов-поджигателей решил, что дело сделано, и благополучно вернулся к своим. Другой был схвачен немцами. Зоя, пересидев день в лесу, на следующую ночь вновь пошла в село. Именно этот поступок отважной партизанки лежит в основе позднейшей «мифоразоблачительной» версии, будто бы «она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево». Пошла она в лютый мороз — не «самовольно», а для того, чтобы до конца выполнить данный ее группе приказ — «сжечь населенный пункт Петрищево».

Посмотрите: девушка осталась зимой в лесу — одна. Никто не осудил бы ее, попытайся она вернуться к своим. Но как только стемнело, она вновь пошла в деревню. Потому что этого требовало ее чувство долга. Немцы были настроены жестко. Зоя направилась к дому, где «на квартире стояли 4 офицера и переводчик». Когда партизанка стала поджигать дом, ее заметил местный полицейский и побежал за немцами. Зою схватили. Полицейскому благодарные оккупанты подарили бутылку водки. Сребреники немцы сэкономили. Позднее, в 1990-х гг., была сконструирована сенсационная версия о том, что в Петрищеве вообще не было немцев, а партизанку схватили сами местные жители, дома которых она собиралась поджечь.

И это несмотря на то, что в Петрищеве до самого недавнего времени жили очевидцы тех драматических событий. «Теперь пишут, — говорила в беседе с корреспонденткой „Комсомольской правды“ Н. Н. Седова (в 1941 году ей было 9 лет), — что и немцев-то в Петрищеве не было. Но ведь можно людей спросить. Немцы нас из домов прикладами выгоняли. В каждой избе было их набито. Мама и четверо детей — мы ютились в кухне на соломе».

На допросе она назвалась Таней. Больше не сказала ничего. Раздев догола, ее несколько часов пороли солдатскими ремнями с пряжками. Затем на протяжении четырех часов водили босой, в одном белье, по улице: по снегу, на морозе. Наутро Космодемьянскую вывели на улицу, где была сооружена виселица; на грудь ей повесили табличку с надписью «Поджигатель». Саму казнь одна из свидетельниц описывает следующим образом:

«До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать... Подошел немец и стал надевать петлю. Она крикнула: „Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят“. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла» (Овчинникова Л. Свеча на ветру. «Комсомольская правда». 1991. 29 ноября.).

Тело Космодемьянской провисело около месяца, неоднократно подвергаясь надругательствам со стороны проходивших через деревню немецких солдат. Под Новый, 1942 год пьяные немцы сорвали с повешенной остатки одежды и в очередной раз надругались над оледеневшим трупом, исколов его ножами и отрезав грудь.

27 января 1942 года в газете «Правда» был опубликован очерк Петра Лидова «Таня». Вечером того же дня его передали по Всесоюзному радио. Диктор, с трудом сдерживая слезы, рассказала потрясенной стране о юной девушке, во время выполнения боевого задания попавшей в руки немцев, вынесшей нечеловеческие пытки, но не предавшей своих товарищей. Казненной, но несломленной.

Специально созданная комиссия установила подлинное имя героини. Ею оказалась 18-летняя московская школьница Зоя Космодемьянская. 16 февраля 1942 года ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С тех пор имя Зои Космодемьянской стало частью официального советского мифа о войне.

Официальный миф сопровождало множество неофициальных самого разного рода. Говорили, например, что Сталин, узнав о подвиге Зои, приказал не брать в плен солдат и офицеров 332-го пехотного полка вермахта. Если это и не так... то жаль, идея неплохая.

«С тех пор имя Зои Космодемьянской на десятилетия стало символом героизма, мужества, патриотизма советской молодежи. Однако в начале 1990-х гг. в печати появились материалы, ставившие под сомнение подвиг юной героини и бросавшие тень на ее личность. В них утверждалось: Зоя Космодемьянская, подозреваемая в заболевании шизофренией, пошла в деревню Петрищево, где не было немцев, самовольно, без приказа командира отряда; диверсантка пыталась сжечь дома местных жителей, но те ее схватили и выдали немцам. Еще один вариант —

Зоя выдал фашистам ее товарищ по оружию Василий Клубков. Есть версия, что под псевдонимом „Таня“ на самом деле скрывалась не Зоя Космодемьянская, а другая девушка. В этих публикациях отразились некоторые факты биографии Зои Космодемьянской, замалчивавшиеся в советское время, но отразились, как в кривом зеркале, — в чудовищно искаженном виде» (Горинов М. М. Зоя Космодемьянская (1923–1941). «Отечественная история». 2003. № 1).

Сталинская машина действовала предельно жестоко. Члена группы, который сумел вернуться, нашли, обвинили в предательстве и расстреляли.

Но давайте повторим главный вопрос: что же нам следует осудить? Какую часть нашей истории откинуть? Отметим, и тоже не в первый раз: не одна Зоя Космодемьянская приняла мученическую смерть и вела себя подобно величайшим из христианских героев-мучеников. Сразу после публикации очерка «Таня» в «Правде» «Таню» опознали несколько женщин как своих дочерей.

Личность Зои установила специальная комиссия МГК ВЛКСМ в феврале 1942 года, труп ее опознали мама, брат, ближайшая подруга. Но стоило копнуть глубже — и нашлись буквально десятки новых имен!

Назовем лишь одно из них: Веры Волошиной, члена такой же точно группы. Она попала в плен в те же самые дни, в конце ноября 1941 года. Тяжело раненную партизанку немцы привезли в деревню Головково. Начался допрос: где партизаны, сколько их, каковы их планы? Вера молчала. Ее зверски пытали, истязали, но так ничего и не добились. Истерзанную девушку бросили в машину и повезли на казнь. Когда солдаты опустили борта машины, жители увидели лежавшую в кузове в одном белье Веру. Палачи хотели поднять ее, чтобы набросить на шею петлю, но она оттолкнула их и, цепляясь рукой за кабину грузовика, медленно встала. В наступившей тишине раздался звонкий голос: «Вы пришли в нашу страну и найдете здесь свою смерть! Москву вам не взять...». Когда машина медленно тронулась с места, Вера последний раз громко крикнула: «прощай, Родина! Смерть фашизму!».

Массовый детский героизм

Официальная пропаганда создала для участников войны — подростков в возрасте от 11 до 15 лет — такой штамп — «пионер-герой». Звучит невероятно. Потомкам сегодня

непросто в это поверить, но немцы столкнулись в России с массовым детским и подростковым героизмом.

Четверо ребят были удостоены звания Героя Советского Союза: Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова. Число представленных к более скромным наградам исчисляется тысячами.

Вот вроде совсем недавно мы учились в школе, когда учительница рассказывала про их подвиги. И казалось, на этот раз все-таки вырвется из окружения разведчик Марат Казей и не надо будет ему взрывать себя вместе с немцами гранатой... Не будет смертельно ранен в 1944 году Валя Котик — с его-то боевым опытом как-нибудь уберется... Он же еще с 1941-го в партизанах.

Не будет растерзана немцами подпольщица Зина Портнова... Но надежды не сбывались и, как Чапаев в кино, они все погибали. У этих совсем не сказок всегда был несчастливый конец. Но была хотя бы благодарная память потомков, всеобщее уважение и поклонение. Помнят ли современные школьники хотя бы одно «каноническое» имя своих сверстников — героев войны? Хотя бы имя Голикова? Это риторический вопрос. Ответ вы сами прекрасно знаете...

Леонид Александрович Голиков (1926–1943) по малолетству вошел в историю как Леня Голиков. Он погиб в неравном бою в возрасте 16 лет, отчества ему как-то и не полагалось. Но до своей героической гибели бригадный разведчик 67-го отряда 4-й ленинградской партизанской бригады Л. А. Голиков участвовал в 27 боевых операциях, уничтожил 78 немцев, два железнодорожных и 12 шоссейных мостов, два продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами. Он сопровождал обоз с продовольствием (250 подвод) в блокадный Ленинград. Это просто невозможно нам сегодня представить. Ведь кто он такой — по сегодняшним представлениям социологов из Гэллапа? Прыщавый подросток, целевая аудитория «Дома-2», то есть какое-то бессмысленное существо, озабоченное только пивом, тряпками и пока отсутствующим сексом. А Леня Голиков за доблесть и отвагу был награжден орденом Ленина, орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За отвагу».

13 августа 1942 года, возвращаясь из разведки от шоссе Луга — Псков, он гранатой подорвал легковую машину, в которой находился немецкий генерал-майор Рихард фон Виртц. В перестрелке Леня застрелил из автомата генерала,

сопровождавшего его офицера и шофера. В штаб бригады разведчик доставил портфель с документами. В их числе были чертежи и описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие важные бумаги военного характера. За этот подвиг Леня Голиков был представлен к званию Героя Советского Союза.

В советское время Леня Голиков был почти канонизирован. Официоз можно и отбросить. Но как можно нам сегодня не чтить память 16-летнего героя? И других героев, для которых солнце погасло, когда им было 12–14 лет?

Не 28, а «целая рота»

«Разоблачили» даже героев-панфиловцев.

Согласно официальной версии, 16 ноября 1941 года бойцы 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии во главе с политруком В. Г. Клочковым у разъезда Дубосеково около Волоколамска 4 часа сдерживали натиск многократно превосходящих сил немцев, наступавших на Москву, уничтожив 18 вражеских танков. Все 28 героев погибли.

Начиная с 1966 года всё «уточняют», сколько именно было панфиловцев и насколько официальная версия правдива. В конце концов военная прокуратура пришла к выводу, что именно этот бой 16 ноября — плод вымысла газеты «Красная Звезда». Много лет после войны находили живых и здоровых бойцов 4-й роты. Доходило до трагедий: в 1947 году демобилизовавшийся герой приходит домой, а оказывается, он 6 лет как «погиб». Жена живет с другим. Что же было в действительности?

Из рассказа командира 1075-го стрелкового полка И. В. Капрова: «...Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 года не было — это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась вся 4-я рота, и действительно дралась героически. Из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали в газетах».

Вот так. Того, что расписали в газете, не было, но другой бой, еще более жестокий, и «панфиловцев», погибших у Дубосеково, — больше 100. Заметьте, что в роте того времени вряд ли больше 120–130 человек. Из них в этом одном (!) кровавом бою 16 ноября погибло больше 100... Страшно? Кстати, спартанцев, вставших против полчищ Ксеркса, тоже было отнюдь не 300 — читайте мои «Мифы о России».

Это очень типично для почти всех историй с «разоблачениями» героев Великой Отечественной. «Разоблачители» легко находят несурности в официальной трактовке подвига. Это нетрудно. Но тут же выясняется — настоящие герои намного круче — я сознательно использую это современное словечко, чтобы быть понятным каждому пацану, — намного круче придуманных. Реальная десятиклассница Зоя Космодемьянская мало похожа на официальную комсомольскую икону. Но она — абсолютная героиня и ничего тут не поделаешь. Да еще, оказывается, таких, как она, были десятки, если не сотни...

Так и судьба реальных панфиловцев еще трагичнее и ярче того, что о них сочинили. Хотя бы уже тем, что они, неся смерть врагу, оказались умелы, по-военному профессиональны и, понеся страшные потери, не отступили и все же погибли — не все. Или вот еще один эпизод — с кремлевскими курсантами в «Утомленных солнцем-2». Он основан на рассказе замечательного писателя Константина Воробьева — участника тех боев. Никита Михалков решал свои художественные задачи и отступил от буквальной исторической правды.

Действительно, юную «элиту Красной Армии, рост от 185 см», полк кремлевских курсантов, бросили в бой под Москвой. Меньше чем за сутки они совершили 85-километровый марш к Волоколамску из летних лагерей в Солнечногорске. В десяти курсантских ротах было почти полторы тысячи бойцов и больше ста офицеров — кстати, с боевым опытом Финляндии и Халхин-Гола. Оборона курсантского полка растянулась на 30 километров. Эти отважные юноши ценой чудовищных потерь удержали свой участок фронта. Они даже контратаковали! Еще в самом начале боя — а он продолжался не двадцать минут, как в кино, а почти два месяца — была ночная атака во фланг прорвавшимся немцам. Редчайший случай: находясь в окопной обороне, эти 18–19-летние мальчишки сумели в неожиданной штыковой контратаке взять 500 пленных!

Под Москвой погиб каждый второй из славленной когорты — 811 человек. Но задача командования была выполнена. 400 оставшихся в живых курсантов после этих боев досрочно получили погоны и отправились в армию — командовать взводами и ротами. А 158 с самых младших курсов вернулись заканчивать учебу.

И еще немного — о странностях, которые происходят иногда с художественным вымыслом.

Напомню ключевой момент сцены с кремлевскими курсантами в фильме «УС-2» — атака их позиции немецкими танками с тыла. Когда-то давно мне попали в руки воспоминания старого профессора МГИМО, прошедшего всю войну. Рассказывал ветеран, как он только-только взял в руки винтовку в ополчении и их поставили в окопы у Москвы... И тут идут танки. Идут с тыла — и ополченцы ликууют, думают, что это наши танки, подмога... А когда танки подходят на несколько десятков метров, вдруг понимают: это немцы. С тыла. От Москвы. И это — ощущение абсолютного ужаса. Ветеран вспоминал: конечно, командиры не растерялись, танки мы пропустили, даже кого-то подбили, но с той поры ничего страшнее в моей жизни никогда не было. Много лет в кошмарных снах профессор видел, как из тумана, со спины ползут на него немецкие танки... Михалков про эти воспоминания ничего, разумеется, не знал, но вот как удивительно оборачивается правдой жизни художественный вымысел.

Матросов

Александр Матросов. По официальной версии, первым закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Правда, разнятся сведения — где и когда точно.

На самом деле, как и Гастелло, Матросов, конечно, не был первым.

В 1941-м подвиг «повторили» пять бойцов Красной Армии, в 1942-м — 31, а в 1943-м (до Матросова) — восемь. Таким образом, у Матросова было как минимум 44 предшественника. Почему именно Матросова так выделили пропагандисты того времени, не знаю, разве что фамилия боевая... Но что никто из 44 не стал широко известен — это факт. А вообще, за все время войны бросок Матросова на амбразуру совершили, по разным данным, от 200 до 400 солдат и офицеров Красной Армии. Теперь о самом Матросове.

Почему-то многим кажется, что, если советская пропаганда что-то перепутала или приукрасила, так уже и самого подвига не существует.

Вот сообщается, что «Александр Матросов родился вовсе не в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), а в Башкирии, в деревне Кунакбаево, и настоящее его имя — Шакирьян Мухаметьянов (оговорюсь: в точном написании фамилии разные архивные источники дают разные варианты. — В. М.). Отец его вовсе не погиб от пуля кулаков, а мать не

умерла с горя, как это утверждалось в официальной биографии, выпущенной миллионными тиражами. Мать Шакирьяна умерла в 1932-м, а отец сильно пил и не работал, поэтому мальчика отвезли в детский дом». (Здесь и далее цитируется по: История России. 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. М., 2009).

Так это или не так, спорить не буду. Во-первых, потому, что биография каждого героя всегда известна в нескольких версиях. Во-вторых, потому, что это не имеет никакого значения. Разве что-то меняется от того, что подвиг совершил башкир, узбек, грузин или еврей? На мой взгляд, совершенно ничего не меняется. А от того, что его отец не был убит врагами советской власти, а просто сгинул от пьянства? И от этого совершенно ничего не меняется.

Самое главное — подвиг был. А остальное, уж простите, ни для чего не важные детали.

«Свой подвиг Александр совершил не 23, а 27 февраля. Число «23» было придумано политуправлением РККА из идеологических соображений — День Красной Армии. Обстоятельства гибели Шакирьяна М. тоже отличаются от вымышленных». Более чем вероятно. Ну и что? Подвиг сам был или нет? Читаем «борцов за историческую правду» дальше: «О боевых товарищах Александра, сделавших не меньше него, но оставшихся в живых вследствие большего военного опыта, не было сказано ни слова».

Так были и боевые товарищи? Как у Гастелло?! Так, развенчивая миф, коллектив под руководством А. Зубова вынужденно признает: массовый героизм вовсе не выдуман сталинской пропагандой. Сталинские идеологические «соколы» выдергивали отдельные примеры, приукрашивали их, добавляли идеологически правильных подробностей (вроде отца, убитого кулаками). Поразительно, но даже самые «неприятные», самые постыдные моменты той войны все равно перекрываются личным бесстрашием, готовностью к самопожертвованию тысяч и тысяч навеки, увы, забытых простых людей, простых героев.

1941-й. Советское руководство бежит из Севастополя — это с явным удовольствием описывает тот же самый коллектив авторов:

«В ночь на 1 июля 1942 г. из Севастополя бежала группа представителей командования Севастопольского оборонительного района во главе с командующим Черноморским флотом и СОР вице-адмиралом Ф. С. Октябрьским. На Херсонесском аэродроме изможденные защит-

ники города, ожидавшие эвакуации по ранению, подняли шум, раздавались возмущенные крики и несколько автоматных очередей. От командования отделился военный комиссар 3-й особой авиагруппы главной базы полковой комиссар Борис Евгеньевич Михайлов. Он заявил, что остается с защитниками города...». Михайлов лично водил в контратаки бойцов и был убит возле того самого аэродрома 3 июля при разрыве немецкого снаряда. «Добровольно остался в городе и начальник Севастопольского горотдела милиции Н. Н. Исаев, погибший в бою 2 июля». Так, оказывается, не все комиссары и энкаведешники драпали?

Боже, о чем вы! В одной только книге «Золотые звезды политработников» приведено около 30 биографий политработников авиации, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Например, вот такие:

Гвардии капитан П. П. Кожанов, комиссар эскадрильи, погиб в воздушном бою 22 апреля 1943 года. К тому времени он совершил более 500 боевых вылетов, сбил 9 самолетов лично и 4 — в группе с товарищами. Награжден орденом Ленина и Красного Знамени. «Бесстрашный истребитель. Любимец всех летчиков. Где бой достигает наивысшего напряжения, там всегда впереди комиссар. Он своим примером вливает новые силы в воздушных бойцов...» (Голубев В. Ф. Впереди комиссар. М., 1988).

Герой Советского Союза Анатолий Петрович Чулков (1908–1942) — комиссар, заместитель командира эскадрильи по политической части 751-го авиационного полка дальнего действия 17-й авиационной дивизии дальнего действия, майор. Им произведено 114 боевых самолетов-вылетов, из них ночью — 111, и все с отличным выполнением боевого задания.

И оказавшись в окружении, в самой безнадежной ситуации, не все торопились сдаваться, как тот же вытасченный «либеральными» историками с пыльного чердака генерал Власов.

Весной 1942 года немцы нашли труп командующего 33-й армией Михаила Ефремова. Попавшая в окружение армия не смогла выйти к своим, 13 апреля 1942 года всякая связь с ее штабом теряется. Отдельные части разбитой, истекающей кровью армии разрозненными группами пробиваются на восток.

19 апреля 1942 года командарм М. Г. Ефремов получил три ранения и, не желая попасть в плен, застрелился.

Немцы похоронили тело Ефремова с воинскими почестями и салютом. Один из немецких генералов обратился к построенным немецким солдатам: «Сражайтесь за Германию так, как сражался Ефремов за Россию».

В СССР подвиг Ефремова оставался почти неизвестным. Только 31 декабря 1996 года Указом Президента Российской Федерации «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», генерал-лейтенанту Ефремову Михаилу Григорьевичу посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Эта тема — бесконечна и неисчерпаема.

Число наших героев действительно измеряется десятками тысяч, а может — сотнями. И даже — миллионами. Но как мы этот героизм воспринимаем, как он живет в нашем коллективном сознании сегодня?

Трагедия 33-й армии давно обсуждалась в нашей публицистике. Вспомним пронзительное стихотворение Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит, и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?*

Документальный фильм «Ржев. Неизвестная битва Жукова» (НТВ, 2009) вызвал необычайно острую реакцию в обществе. Фильм, конечно, небесталанный, но какой-то... странный. Странное ощущение, будто главная его идея: доказать, что маршал Жуков — крайне жестокий человек и неумелый полководец.

Добрые 70 % киновремени посвящены трагедии 33-й армии. Утверждается, в частности, что Жуков не давал разрешения генералу Ефремову пойти на прорыв и воссоединиться с основными частями, чем и погубил его армию.

Полное впечатление, что сценарий писал Резун-Суворов: «Вдогонку противнику, который никуда не бежал, Жуков смело двинул 33-ю армию генерал-лейтенанта Ефремова и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, не обеспечив их тылов и флангов. 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус тоже попали в окружение и несколько месяцев героически сражалась в тылу противника без эвакуации раненых, без подвоза горючего, боеприпасов и продовольствия. 33-я армия

и ее командующий генерал-лейтенант Ефремов погибли под Вязьмой» (Суворов В. Тень победы. М., 2008).

Так было или не совсем так? Судить не берусь — пусть спорят военные историки. Скажу одно — с точки зрения национального духа (или «моднее» — национального пиара) фильм плохой. Ибо будит ощущение безнадежности, люди гибнут ни за что, бесцельно...

Нет! Если народ собирается и дальше существовать, о таких трагедиях надо писать и снимать совершенно иначе. Мне доводилось рассказывать в «Мифах о России» о случае, когда во время Крымской войны 1853–1856 годов дурак командир бросил британскую конницу в атаку на русские части по крутому склону. Лев Толстой сам видел эту бессмысленную атаку и писал, что русские чуть не плакали, стреляя в британских кавалеристов, которые все медленнее скакали на верную смерть.

И что же? В Британии эта атака воспринималась абсолютно позитивно, как символ доблести британского военного, который в любых условиях безупречно выполняет приказ. Даже самый идиотский. Даже ценой собственной жизни. Лондонский бар, который так и называется — «Атака красной конницы», увешан красивыми картинками, в самом героическом духе изображающими это бестолковое мероприятие. Вот так — даже не самую лучшую страничку своей военной истории англичане умудрились превратить в нравоучительную и духоподъемную.

А мы оплевываем абсолютных, стопроцентных героев, которых даже наши враги брали за образец для своих солдат. Надо не рассуждать о том, какой жестокий / не жестокий (об этом, кстати, еще поговорим позже) был известный всем Жуков, а рассказывать, каким отважным человеком был забытый, к нашему стыду, Ефремов. Русский офицер, перед которым даже фашисты склоняли головы.

Леонид — значит «сын льва»

История — это кладбище аристократий.
В. Парето, автор теории элит

Дети членов Политбюро ЦК ВКП (б) воевали. Во время войны не было того разделения на народ и элиту, что сегодня. Да, были вожди и массы. Если подходить формально — пропасть была даже более глубокая, чем сейчас,

при так называемой демократии. Но вот в чем важнейшее отличие: в войну ценности и цели у власти и народа были общие. Одно великое общее дело. И сыновья вождей уходили на фронт — так же, как сыновья учителей, врачей, колхозников.

Воевали сыновья Верховного, членов Политбюро, других руководителей партии и правительства. Погиб сын Сталина Яков. Погибли дети у Микояна и у Хрущева. Погиб сын бывшего наркома обороны Фрунзе. Идет война, на ней убивают. Это трагедия для родных: и рабочих, и колхозников, и членов Политбюро. Но пока идет война, все понимают, что иначе быть не может. Мифология о сыновьях вождей по большей части уже послевоенная.

Самая невероятная история — про Леонида Хрущева. Здесь миф выстроен масштабный. Якобы вообще все разоблачение культа личности — это хрущевская месть Сталину за сына. Летчик Леонид Хрущев то ли попал в плен, когда его сбили, то ли сам сел в распоряжении гитлеровских войск. Якобы начал сотрудничать с немцами, призывал по радио красноармейцев сдаваться в плен. Потом якобы был выкраден нашими разведчиками, предстал перед военным трибуналом и расстрелян.

«Н. С. Хрущев молил И. В. Сталина не допустить смертной казни. Сталин ответил: „Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?“ Вопрос о судьбе летчика Л. Хрущева стал предметом специального рассмотрения на заседании Политбюро, которое оставило приговор в силе. Между прочим, впоследствии Н. С. Хрущев за сына отомстил и Г. К. Жукову. Нам, авторам, известно от ряда ответственных работников ЦК партии и крупных военачальников, что, став Первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от министра обороны Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На это Жуков резко возразил, что предателей не представляет к боевым наградам, тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист, бросил его в сторону Хрущева» (Соловьев Б. Г., Суходеев В. В. Полководец Сталин. М., 2003).

Якобы из мести за это в 1957 году Хрущев снял Жукова с поста министра обороны. Особо загадочной под соусом этих обвинений кажется четвертая Золотая Звезда Героя Советского Союза, полученная Жуковым при Хрущеве годом ранее, в 1956 году.

Короче — всего этого априори не могло быть. Потому что на самом деле летчик Леонид Хрущев погиб в 1943 году в воздушном бою.

Не уgomонятся любители «исторических разоблачений». Бьют по самому больному — по детям. Топчут самое святое — честь солдата. Вокруг того же Леонида есть еще с полдюжины мерзких версий, упоминать которые мне просто противно. Потому что если есть что-то в сердце — и в голове — надо просто поклониться погибшему воину. Не думая каждую секунду, чей он сын.

Три сына Сталина: хороший Яков...

Слова о тысячах героев и героинь Сталин вполне мог бы отнести и к собственным детям — трем своим сыновьям.

Судьба старшего сына Сталина Якова — вообще сплошной миф. Считается, что 22 июня 1941 года Сталин напутствовал его словами: «Иди и сражайся!». В июле Яков якобы попал в плен. Намного позже немцы якобы предложили обменять Якова на фельдмаршала Паулюса, взятого в плен в Сталинграде. Сталин ответил решительно: «Солдата на фельдмаршала не меняю. Там все мои сыны».

В действительности нет никаких документальных подтверждений того, что Яков вообще был в плену. Вероятнее всего, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, был опознан, поскольку его должность немцы указывали точно: командир 6-й артиллерийской батареи гаубичного полка 14-й танковой дивизии 5-го мехкорпуса 20-й армии. Они создали прагматичный миф, получивший отражение в немецкой листовке 1941 года:

«Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен, потому что всякое сопротивление Германской Армии отныне бесполезно!».

Немцы, видимо, решили создать виртуального сына Сталина, «оживить» его и в эту историю впоследствии многие поверили, даже такой заслуженный человек, как Владимир Карпов:

«Джугашвили допрашивали много раз приезжающие из Берлина гестаповцы. Гестаповец Ройшле спрятал под скатертью микрофон, записал беседы, а потом так хитро смонтировал запись, что Яков предстал обличителем сталинского режима.

Эту пленку крутили по радиоусилителям на передовой, и голос Якова слышали советские солдаты, а на их головы немецкие самолеты сбрасывали листовки с призывом сдаваться в плен, следуя совету сына Сталина: „потому что всякое сопротивление германской армии бесполезно“. Чтобы не было сомнений, что в их руках действительно сын Сталина, немцы сделали серию фотографий: Джугашвили в окружении германских офицеров...»

Какой во всем этом смысл — загадка. Это сейчас телевидение сделает всенародно узнаваемым кого угодно: хоть модного стилиста-парикмахера, хоть его собачку. Тогда же голос Якова знали только близкие, его лицо не было известно никому вне круга высшего руководства страны. Для того чтобы листовка вызвала доверие, надо было, чтобы из Москвы поступило подтверждение: да, действительно, это старший сын товарища Сталина.

Откровенно, мне все эти истории сегодня представляются совершенно надуманными. Не думаю, что сам Сталин мог поверить геббельсовской пропаганде. Не был он столь недалеким человеком. Не думаю, что он не доверял собственному сыну.

Единственное, что сегодня кажется странным: почему не учитывалась сама опасность, что сын Сталина, точнее, все три его сына могли попасть в плен и стать ценнейшими заложниками? Нам кажется, ну как можно было рисковать? Ведь это неразумно.

Но в том-то, наверное, и все дело, что так «разумно», прагматично можно было бы рассуждать руководителям страны сегодня, глядя в окошко на уютные солнечные лужайки госрезиденций в Барвихе. Тогда все было иначе. Тогда без всякой помпы сын Сталина отправился на фронт — и погиб как солдат. Это было честно.

Плохой Василий

По закону мифа — по сказочной схеме, — раз был хороший сын, умный, значит, должен быть и плохой — дурак.

«Командующему ВВС Красной Армии
Маршалу авиации тов. Новикову
Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.
2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник

Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны И. Сталин.
26 мая 1943 г.»

Пьянки, рукоприкладство, грубость. Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал, что «Василий представлял из себя морального уродца и впитал столько отрицательных качеств, что хватило бы на тысячу подлецов». При этом, когда над ним сгустились тучи отцовского гнева, Василий пришел именно к Голованову: «Позвоните отцу, отец вас любит, он вас послушает!».

«Я заступился за Василия, попросил не столь сурово его наказывать... Сталин ответил: „Товарищ Голованов, я лучше знаю своего сына, а вам не рекомендую вмешиваться в чужие семейные дела!“ — и положил трубку. Я развел руками.

Сталин уговорил маршала Тимошенко выдать свою дочь за Василия:

— У вас такая хорошая семья, — может, ваша дочь на него повлияет. А если вам что-то не понравится, рубите обоих шашкой!» (Чуев Ф. Несписочный маршал. М., 1995).

Не знаю, что за мотивы были у главного маршала авиации, чтобы так резко отзываться о Василии. Похоже, Василий не был особо приятным человеком, да и та легкость, с которой ему все давалось, конечно, вызвала у окружающих зависть. Но давайте видеть главное. Ведь этот гуляка и раздолбай (если верить мифу) не спрятался за папиной спиной, а всю войну отвоевал — от звонка до звонка. Летал классно. Был ранен.

По большому счету, главной привилегией, которой в своей жизни воспользовался Василий Сталин, было то, что ему позволили поступить в летное училище вопреки правилам, досрочно, сразу после 9-го класса. Как и Тимуру Фрунзе. Фрунзе погиб. Василий — нет.

Забывший Артем вспоминает

«Когда мы поступали в военную школу, там нужны были высокие оценки. И мы переживали, делились, кто как будет поступать. Тимур Фрунзе был рыцарь такой: он хорошо учился и знал, что пройдет, Степан Микоян тоже. А Василий ужасно боялся, что его из-за отметок не примут», — вспоминал приемный сын Сталина Артем Сергеев.

Про Якова знают все, кто мало-мальски интересуется историей, про Василия слышали многие, а про третьего приемного сына Сталина — Артема не знает почти никто. Сын большевика «товарища Артема», погибшего в 1921-м на испытаниях аэровагона, провел детство рядом со Сталиным и был им официально усыновлен. Тоже воевал, несколько раз был ранен, дослужился до генерала. Оставил интересную книгу воспоминаний: Сергеев А., Глушик Е. Беседы о Сталине. (М., 2006).

Эти юноши, становясь курсантами, уже не ждали быстрых и легких побед. Вопреки еще одному мифу, наши профессиональные военные предвидели, что приближающаяся война будет тяжелой. «Когда я в 1938 году пришел в военное училище, комиссар, собрав нас, буквально пропел популярные в то время строки: „И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом“. А дальше объяснил: „Это не для нас, военных, а для домохозяек, чтобы они раньше времени не волновались. А для вас скажу: современная война может длиться даже и пять лет. Может, и больше“» (Стрельцова О. «Рублёвские» дети войны. Завтра, 22.06.05).

В интервью газете «Завтра» Артем Сергеев как-то просто перечислил, у кого из соседей по рублевским дачам дети ушли на фронт. Даже шутить не хочется на тему, как бы этот список выглядел в наше время. Составляла бы его, наверное, Оксана Робски... Впрочем, боюсь, не было бы вообще никакого списка.

Дальше всех, вспоминал Сергеев, жил член Политбюро Н. М. Шверник. Его дочь во время войны работала в военном госпитале.

Сын члена Политбюро, секретаря ЦК А. А. Андреева был бортинженером дальнего бомбардировщика.

В «Горках-2» жили Ворошилов и Микоян. У Ворошилова воспитывался в семье круглый сирота Тимур Фрунзе. Летчик-истребитель, он погиб в 1942-м, ему было всего 18 лет. Своих сыновей у Ворошилова не было, на войне погиб его племянник.

Служили все четверо сыновей Микояна. Старший, Степан, — летчик-истребитель. В 18 лет во время воздушного боя получил тяжелейшие ранения, но выжил и снова летал. Погиб второй сын Микояна, Володя, — в 18 лет, тоже летчик-истребитель. Алексей Микоян, также летчик-истребитель, был тяжело ранен. Четвертый сын, Иван, по возрасту летать еще не мог

и стал механиком-мотористом в том же боевом полку, где летали его старшие братья.

«Братья Микояны, Степан и Вано, вспоминая своего погибшего брата Владимира, рассказывают, что он готовился к отправке на передовую, а его все не отправляли. Поинтересовался — почему? Объяснили: не включили в список полка, потому что он — сын Микояна. Владимир пришел домой и сказал отцу:

— Я проклинаю свою фамилию!

Отец взглянул исподлобья:

— Иди воюй!

После того как Владимир пропал без вести и не осталось никакой надежды, на фронт добровольцем из девятого класса ушел еще один летчик — Алексей Микоян. На фюзеляже своего самолета он крупно вывел буквы: ВЛТ, что означало: Володя, Леня, Тима. Он мстил за брата Владимира и его погибших друзей — Леонида Хрущева и Тимура Фрунзе» (Васильева Л. Н. Дети Кремля. М., 1997).

Ворошилов с Микояном — люди известные, Шверника с Андреевым еще могут вспомнить. Другие соседи Сталина из партноменклатуры надежно забыты.

На даче неподалеку жил секретарь Московского комитета партии М. М. Кульков. Как вспоминал Сергеев, у него было два сына. Старший, Саша, 1918 года рождения, в бою потерял ногу. Второй, Борис, 1922 года рождения, пропал без вести.

Далее дача, где жил министр лесного хозяйства и его первый заместитель Рудаков. У него был сын Игорь Рудаков, погиб в бою...

У первого заместителя министра судостроительной промышленности Разина сын был пулеметчиком, тяжело ранен... а рядом с ним жил начальник главного управления авиационной промышленности П. И. Баранов. Его сын Юра совсем молодым тоже погиб во время войны.

Львята идут на войну

Итальянец Вильфредо Парето (1848–1923) придумал популярную теорию, согласно которой есть два типа элит: хитрые и пронырливые «лисы» и консерваторы «львы». Они сменяют друг друга, потому что одни времена требуют политических комбинаторов лисьего типа, а потом наступает время силовиков типа львиного.

То же было и при Сталине. Старые большевики, «лисы-прагматики», уступили место «львам-традиционалистам» из сталинской

верхушки. Перед ними не стоял вопрос: отправлять ли своих родных детей на войну?

Мы так распропагандированы всяческим негативом, что во фронтовые будни отпрысков сталинской элиты верится как-то с трудом. А касательно сегодняшних генералов — так в обществе и вовсе твердое убеждение, что генеральские сынки в горячие точки не попадают. Фланируют по штабам на ролях адъютантов, пока сами не получают большие звезды на погонах.

Отчасти это так, да вот только...

Был бы я математиком, вывел бы формулу. Она бы учитывала продолжительность и интенсивность боевых действий, количество вовлеченных в них войск, потери среди детей военного руководства. И применил бы эту формулу к нашим, сегодняшним дням. Тогда стало бы очевидно, что в чеченской войне наш генералитет понес чудовищные потери. Потери своих родных сыновей.

«Всего только в ходе первой чеченской кампании погибли 55 сыновей старших офицеров, семеро из них — генеральские дети. Тогда потеряли сынов генерал-полковник Георгий Шпак, генерал-лейтенанты Геннадий Аношин, Вячеслав Суслов, Константин Пуликовский, Юрий Щепин, генерал-майоры Геннадий Налетов, Анатолий Филипенко. Восьмой, сын генерал-лейтенанта Виктора Соломатина, погиб в начале второй чеченской кампании в 1999 году. Тяжелые ранения получили сыновья генерал-полковника Виктора Казанцева, генерал-лейтенанта Александра Тартышева, генерал-майора Вадима Александрова и другие» (Усольцев В. Привилегия: быть первым на поле брани. Красная звезда. 28.02.2007).

Бесконечно жаль этих ребят. Одно лишь на каплю утешает: осознание, что с понятиями Долг и Честь у наших боевых генералов все в порядке. А вот среди всего политического истеблишмента и всего топа русского журнала «Форбс» мы не знаем никого не то что потерявшего сына на Кавказе. Никого, чьи дети вообще бы там воевали.

Львята ушли на войну. Лисята попрятались в норки. Сухие и теплые: на Рублевке, в Лондоне, Швейцарии и прочих лазурных местах.

Братья по оружию

И раз уж затронута тема родственников на войне и мы упомянули братьев Микоянов, напомним еще хотя бы несколько историй других русских/ нерусских, советских фамилий.

Братья Шумовы — воевали шестеро, погибли трое.

На Ленинградском фронте воевали шесть братьев Шумовых — расчет 120-мм миномета. Командиром расчета был Александр, наводчиком — Лука, заряжающим — Василий, другими номерами — Иван, Авксентий, Семен. Братья уничтожили 29 дотов и блиндажей, 13 пулеметов и 11 минометов.

Все братья были удостоены правительственных наград. Погибли Василий, Семен и Иван. Их миномет № 0199 образца 1938 года передан в Военно-исторический музей.

Братья Асташовы — воевали семеро, погибли трое.

На фронте были Федор, Илья, Иван, Андрей, Дмитрий, Степан, Тимофей.

Иван и Андрей призывались в мае 1941-го. Попали в одну часть. Не успели принять воинскую присягу, как началась война. Попали в плен, удалось бежать. Спрыгнули на ходу с поезда, а через месяц скитаний в лесах вышли на партизан. Среди белорусских партизан Иван и Андрей провели более 2 лет. Под Варшавой Андрей получил тяжелое ранение, и пути братьев разошлись — впервые за всю войну.

Старший брат Федор воевал на Курской дуге, дошел с боями до Германии, погиб в канун Победы.

Недолго воевал Илья. Он погиб в 1942 г., защищая Москву. Через год не стало и Дмитрия.

Братья Газдановы — воевали семеро, погибли все.

Семеро братьев из осетинского села пали смертью храбрых. Хаджисмел и Магомет погибли под Севастополем, Дзарахмат — под Новороссийском, Хасанбек — в Белоруссии, Созрико — в Киеве, Махарбек — под Москвой, Шамиль — прямо в канун Дня Победы — у стен Берлина.

Лишь один из братьев успел жениться, перед тем как уйти на фронт. Семь раз приходили старейшины к старику отцу с печальной вестью. Последнюю похоронку отцу семерых сыновей так и не успели отдать. Увидев, что старейшины опять направляются к его дому, он умер от разрыва сердца, держа внучку на руках.

В сельской школе есть небольшой музей. Здесь хранятся семь черкесок братьев.

Братья Королевы — воевали семеро, погибли все.

На центральной площади ярославского Пошехонья стоит памятник-мемориал семи воинам. Их провожает на фронт мать. Все семь братьев Королевых — от рядового до генерал-майора — полегли на полях войны.

В сентябре 1943 года 23-я дивизия под командованием генерал-майора Королева переправилась на правый берег Днепра. 29 сентября был особенно тяжелый день, и все же фронтовик нашел минутку, чтобы написать письмо домой — жене и дочери: «...Я жив и здоров... бьем гадов крепко, гоним на запад. Сейчас нахожусь на реке Днепр...». В этот день он погиб. Похоронен там же, на Украине. В парке над могилой стоит памятник — генерал, опираясь на меч, смотрит на панораму Днепра.

Братья Степановы — воевали девятеро, на войне погибли семь.

Музей семьи Степановых (Краснодарский край) — единственный в России, рассказывающий о жизни простой русской крестьянской семьи. Девять сыновей было у Епистинии Федоровны Степановой.

В 1918 году белогвардейцы убили старшего сына Александра. Ему было семнадцать.

В 1939 году в боях на Халхин-Голе погиб Федор.

В годы Великой Отечественной на фронтах, в партизанских отрядах, в фашистском концлагере погибли Павел, Василий, Иван, Илья, Филипп.

Самому младшему, Александру, за мужество и воинскую доблесть, проявленные при форсировании Днепра в 1943 году, было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Получила мать «похоронку» и на девятого сына — Николая. Но в августе 1945 года он вернулся из госпиталя!

Маршал Гречко и генерал армии Епишев в 1966 году писали ей: «Девять сыновей вырастили и воспитали Вы, девять самых дорогих для Вас людей благословили на ратные подвиги во имя Советской Отчизны. Своими боевыми делами они приблизили день нашей Великой Победы над врагами, прославили свои имена. Вас, мать солдатскую, называют воины своей матерью. Вам шлют они сыновнее тепло своих сердец, пред Вами, простой русской женщиной, преклоняют колени».

Епистинии Федоровны не стало в 1969-м. Ей было 94 года. Фамилия Райан в США такая же распространенная, как у нас — Степанов. Из четырех братьев Райанов, по фильму Спилберга, в 1944-м в Нормандии погибли трое.

Эта грустная героическая история была лишь фантазией сценаристов. Из девяти братьев Степановых отдали на войну жизнь за Родину семеро. И это чистая правда.

Но мы про них почему-то фильма не сняли.

Национальная доктрина СССР: новые подходы и ориентиры

Ю. А. Булатов*

Основы национальной доктрины СССР в годы Великой Отечественной войны были заложены в первых выступлениях руководителей ВКП (б) и СНК СССР сразу же после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Оценки характера войны содержалась в выступлении наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 22.06.1941 г. и в речи Председателя Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталина от 03.07.1941 г.

В этих заявлениях, во-первых, отмечалось, что начавшаяся война носит ярко выраженный классовый характер, это война между первым в мире государством рабочих и крестьян и германским фашизмом — ударной силой империализма.

Во-вторых, что война представляет собой не просто столкновение двух армий, а войну всего советского народа против фашистских захватчиков, т.е. подчеркивался ее народный характер.

В-третьих, провозглашался освободительный характер войны, т.к. ставилась задача не только разгромить фашистских оккупантов, вторгшихся на территорию СССР, но и оказать помощь в освобождении народам Европы, оказавшимся под игом германского фашизма.

Эта оценка войны, данная руководством ВКП (б) и СНК СССР, по сути, дела определяла задачи по сплочению народов СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками как с учетом социально-классовой структуры советского общества, так и с учетом поликонфес-

сионального и полиэтнического состава населения страны. Однако на первоначальном этапе войны лидер большевистской партии и глава правительства И. В. Сталин стремился делать акцент прежде всего на классовый характер военного столкновения СССР с фашистской Германией.

Выступление И. В. Сталина по радио от 3 июля 1941 было строго выдержано в духе коммунистических стандартов, созвучных прежней эпохе революционных потрясений — эпохе гражданской войны и иностранной интервенции в России (1918–1920 гг.). Несмотря на то что И. В. Сталин в своей речи дважды вскользь упомянул начавшуюся войну как войну отечественную, он в первую очередь указывал на классовый и революционный характер смертельного противоборства сил большевизма и фашизма. Он, в частности, отмечал: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает стране... Враг жесток и неумолим... Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть

* Юрий Алексеевич Булатов — д.и.н. профессор кафедры всемирной и отечественной истории, декан факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России.

народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»¹.

И. В. Сталин представил в своем выступлении новый образ большевика — большевика-патриота в борьбе с фашизмом, отличного от прежнего большевистского образчика времен Первой мировой войны, ратовавшего за поражение своего правительства в ходе этой империалистической бойни. Он призывал все народы следовать примеру коммунистов, встать как один на защиту Родины. Ссылаясь на В. И. Ленина, он говорил: «...основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного флота и всех народов Советского Союза»². Таким образом, в своем первом выступлении после нападения фашистской Германии на Советский Союз И. В. Сталин призывал к сплочению народов СССР вокруг ВКП (б) исключительно на базе идей пролетарского интернационализма.

Вместе с тем наивной и несостоятельной, особенно с интернационально-классовых позиций, явилась оценка германского народа образца 1941 г., прозвучавшая в выступлении И. В. Сталина в первые дни начавшейся войны. Вождь большевиков указывал: «...все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить... В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами»³. Слова большевистского лидера воочию демонстрировали тот факт, что над умами руководителей СССР все еще тяготели классовые установки и пропагандистские клише времен революции 1917 г. — «немецкие рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, в конечном итоге повернут оружие против своих же правителей».

Именно с этих позиций строило свою агитационно-пропагандистскую работу Главное политическое управление РККА на первоначальном этапе войны, подчеркивая, что Великая Отечественная война носит ярко выраженный революционно-классовый характер. Итог такого

рода агитационно-пропагандистской работы не замедлил сказаться на ее результатах. Высокое классовое самосознание и преданность идеалам революции в первую очередь определяли патриотический порыв, беспримерное мужество и героизм бойцов и командиров Советской армии и, прежде всего, коммунистов и комсомольцев, первыми принявших на себя удар фашистских агрессоров в пограничных районах СССР. Летом 1941 г. почти 2 млн коммунистов, т.е. свыше половины численного состава ВКП (б), погибли на полях сражений.

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому Особому, Западному Особому, Киевскому Особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам». Мобилизации подлежали военнообязанные 1905–1918 гг. включительно; первым днем явки мобилизованных на призывные пункты объявлялось 23 июня 1941 г. Следует отметить, что география патриотического движения, охватившего граждан СССР, оказалась значительно шире. Советский патриотизм, т.е. преданность политической системе и любовь не просто к своей Родине, а к **Советской** Отчизне (выделено мной. — Ю. Б.), определял линию поведения молодых людей — ровесников Октября, штурмовавших военкоматы и требовавших немедленной отправки на фронт не только в городах и промышленных центрах европейской части СССР, но и в Средней Азии, Казахстане и на Дальнем Востоке.

Программа мобилизации всех сил и средств на отпор врагу, разработанная Государственным комитетом обороны (ГКО) СССР в июле–августе 1941 г., учитывала новые задачи, возникшие в сфере национальной политики в условиях военного времени. Были приняты решения о включении в действующую армию представителей различных национальностей СССР, проживавших как в регионах, непосредственно подвергшихся фашистской агрессии, так и во внутренних районах страны. За весь период Великой Отечественной войны было мобилизовано: русских — 19 млн 650 тыс. чел., украинцев — 5 млн 200 тыс. чел., белорусов — 964 тыс. чел., татар — 511 тыс. чел., евреев — 434 тыс. чел., казахов — 341 тыс. чел., узбеков — 330 тыс. чел., остальных — в общей сложности еще около 2,5 млн человек⁴.

ГКО СССР также одобрил проект решения о формировании национальных частей в составе РККА на добровольной основе. Вскоре была создана 20-я латышская стрелковая дивизия, защищавшая столицу в ходе Московской битвы и преобразованная впоследствии в 43-ю гвардейскую латышскую дивизию. Летом 1941 г. первые национальные дивизии были также сформированы в Азербайджане, Армении. По инициативе руководства компартии Литвы в начале 1942 г. была развернута 16-я литовская стрелковая дивизия и т.д. Особо хотелось бы отметить формирование военных частей на территории Казахской ССР. Как справедливо отмечает председатель Казахской региональной национально-культурной автономии г. Москвы П. Джамалов, Казахстан в годы войны превратился в своеобразный мобилизационный центр. Наряду с созданием национальных военных частей — 100-я и 101-я казахские национальные бригады, 209-й стрелковый зайсанский полк и т.д. — в первые месяцы войны в Казахстане было сформировано более 20 стрелковых и кавалерийских дивизий и бригад, несколько артиллерийских и авиационных полков, десятки батальонов разных родов войск. Формировавшиеся войсковые соединения и части по своему составу были многонациональными. Среди них 312-я и 316-я стрелковые дивизии, сформированные соответственно в Актюбинске и Алма-Ате, которые уже в октябре 1941 г. вступили в бой с гитлеровцами на подступах к Москве⁵.

Классовый подход в оценках событий Великой Отечественной войны еще продолжал некоторое время доминировать в выступлениях руководителей ВКП (б) и Советского государства. Например, И. В. Сталин в своем докладе на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы от 6 ноября 1941 г. вновь утверждал: «...в германском народе произошел глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны. Два года с лишним кровопролитной войны (с 1 сентября 1939 г. — Ю. Б.), конца которой еще не видно; миллионы человеческих жертв; голод; обнищание; эпидемии... все это не могло не повернуть германский народ против ненужной и разорительной войны... германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов»⁶. Более того, в своем выступлении

лидер ВКП (б) ставил знак равенства между политическими системами фашистской Германии и царской России. «По сути дела, — отмечается в докладе, — гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим»⁷. На этот счет известный российский историк В. Кожинов в своей монографии «Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования» пишет: «Выходит, задача состояла в том, чтобы вместе с „германским народом“ свергнуть установившийся в Германии режим, — и свергнуть потому, что он такой же („копия“!), какой был до 1917 года в России. То есть народ призвался к своего рода „революции“, к „классовой“ войне, — как бы к повторению совершенного в 1917 году...»⁸.

Вместе с тем В. Кожинов отмечает: «Сознание Сталина (и, конечно, множества людей того времени) в начале войны было глубоко двойственным, в нем — подчас даже причудливо переплеталось „революционное“ и „государственное“»⁹. В качестве яркого примера раздвоенности Сталина он цитировал выдержки из выступлений лидера большевизма в честь 24 годовщины Октябрьской революции 6–7 ноября 1941 г. С одной стороны, как уже отмечалось выше, Сталин ставил знак равенства между политическими режимами Николая II и Гитлера, а с другой стороны, призывал следовать заветам предков — стойко защищать свою Родину, т.е. тем самым стирая границу между дореволюционной Россией и СССР. По мнению В. Кожинова, только к концу войны Сталин сумел преодолеть в себе эту раздвоенность в оценках событий Великой Отечественной войны то с позиций интернационально-классовых, то с позиций национально-державных¹⁰.

Однако думается, что В. Кожинов не совсем прав в своих выводах. Говоря о войнах справедливых и несправедливых, освободительных и захватнических, И. В. Сталин в своем выступлении от 06.11.1941 г. явно сумел преодолеть «свою раздвоенность», подмеченную вышеназванным историком. Руководитель большевистской партии и советского государства уже по-новому расставлял акценты в оценке войны. В его словах звучал призыв к развертыванию

в первую очередь народной войны, а ее классовая сущность отодвигалась на второй план. «Немецкие захватчики, — отмечал И. В. Сталин, — хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают. Отныне наша задача, задача народов СССР... будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов»¹¹. Здесь необходимо особо подчеркнуть сталинскую мысль о том, что советский народ противостоит уже не фашистам, а немцам, ступившим на его родную землю. Задача укрепления единства народов СССР в этой смертельной схватке рассматривалась И. Сталиным как особо важная. Ведь недаром И. Сталин в своем выступлении от 06.11.1941 г. в первую очередь провозгласил здравицу во славу нерушимой дружбы народов СССР, а затем уже в честь Красной Армии и Красного Флота¹².

Последующее развитие событий свидетельствовало о том, что И. В. Сталин сохранил классовый подход в оценках войны 1941–1945 гг. лишь в документах, предназначенных для «внешнего потребления» за линией советско-германского фронта и за пределами СССР. Подтверждением тому являлся, например, приказ заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса от 10 декабря 1941 г., т.е. изданный в первые дни контрнаступления советских войск под Москвой. В этом документе говорилось следующее: «Лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Со всех без исключения военных газет снять лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“ и заменить его лозунгом „Смерть немецким оккупантам!“ Лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ ставить только на литературе, издающейся для войск противника»¹³.

В выступлениях И. В. Сталина времен Великой Отечественной войны отсутствует какое-либо прямое обращение к русскому народу — самому многочисленному этносу среди народов СССР — сплотить свои ряды в отражении фашистской агрессии. Русский народ вплоть до окончания войны «выпал» из речей вождя СССР и напрямую не упоминался ни в одном официальном выступлении большевистского лидера. И это не случайно. Такого рода подход определялся следующими факторами. Во-пер-

вых, ядром сопротивления провозглашалась Коммунистическая партия — сила интернациональная, а не национальная. Еще в своем первом выступлении от 03.07.1941 г. И. В. Сталин призывал советский народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного флота, для разгрома врага, для победы. Во-вторых, отдельное обращение к русскому народу дать отпор вражеским силам противоречило большевистскому курсу на единство действий всех народов СССР в борьбе с фашизмом как на фронте, так и в тылу. Ведь недаром Э. А. Шеварнадзе, в прошлом коммунистический лидер Грузии, а ныне политический перевертыш, в постперестроечный период отменил празднование Дня Победы в своей республике. Говоря о Великой Отечественной войне, он задним числом пытался убедить своих соотечественников, что «это была не наша война». В-третьих, непосредственный призыв только к русскому народу встать на защиту Отечества мог быть использован противником в целях антирусской националистической пропаганды на временно оккупированных территориях Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии, а это могло не только ослабить, но и разобщить силы советских людей в борьбе с фашизмом.

Примечательно, что призыв Сталина к народам Советского Союза подняться на защиту своих прав, своей земли против врага был воспринят как руководство к действию в первую очередь в русских центрах — Москве и Ленинграде, где в начале войны приступили к созданию многотысячного народного ополчения. Из числа гражданских лиц на добровольной основе во всех городах европейской части РСФСР стали также формироваться истребительные батальоны для охраны предприятий и учреждений, борьбы с вражескими диверсантами и парашютистами.

Итог первых 4-х месяцев войны И. В. Сталин подвел в своем докладе, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Главным результатом боевых действий на советско-германском фронте стал провал «молниеносной войны», разработанный фашистскими стратегами. Как указывал И. В. Сталин, немцы рассчитывали на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первой неудачи Красной

армии возникнут конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драчка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадется на составные части, что должно было облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала. Но немцы и здесь жестоко просчитались. Неудачи Красной Армии не только не ослабили, а, наоборот, еще больше укрепили союз рабочих и крестьян и дружбу народов СССР. И. В. Сталин в своем докладе особо подчеркнул, что результатом национальной политики СССР в первые месяцы войны стало превращение семьи народов СССР в единый нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную Армию, свой Красный Флот¹⁴.

Поэтому, учитывая подъем русского национального самосознания в лихую годину испытаний, И. В. Сталин в ходе битвы под Москвой указывал, что острее фашизма направлено на уничтожение «великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»¹⁵.

В ходе парада Красной Армии 7 ноября 1941 г. в Москве И. В. Сталин с призывом разгромить немецких захватчиков, по сути дела, обратился к русскому народу: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»¹⁶. Таким образом, накануне контрнаступления советских войск под Москвой И. В. Сталин во всеуслышание де-факто признал русский этнос ядром советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками. Ведь речь шла не только об обороне Москвы — столицы СССР, но и Москвы — исторического центра, объединившего русские земли в составе единого Российского государства. На защиту города по решению Ставки Верховного Главнокомандования были направлены «сибирские» дивизии. С Дальнего Востока для усиления московской линии обороны накануне контрнаступления советских войск под Москвой (5 декабря 1941 г.) было переброшено 11 стрелковых, одна кавалерийская и одна танковая дивизии. По оценке генерала армии М. А. Гареева, в Московской оборонительной операции принимали участие 96 дивизий, 14 бригад и 2 укрепрайона, т.е. дальневосточные дивизии, по его подсчетам, составили 11 % от всех войск, обороняв-

ших столицу¹⁷. При этом известно, что в ходе Московской битвы основной костяк военных формирований Красной армии представляли исключительно славянские народы: русские, украинцы и белорусы — 70 % от общей численности войск, сосредоточенных на московском направлении.

Представители славянских народов составили также ядро интернациональных воинских формирований, защищавших столицу. Примером тому служит 316-я стрелковая дивизия под руководством легендарного комдива И. В. Панфилова. Всему миру известен подвиг 28 героев-панфиловцев, остановивших в ноябре 1941 г. немецкие танки на подступах к Москве ценой собственной жизни. Всем 28 панфиловцам было присвоено звание Героя Советского Союза. 24 воинам из 28 эта высокая воинская награда была присвоена посмертно. Среди них были русские, украинцы, казахи и киргизы.

По мере расширения масштабов войны непосредственно на территории расселения русского этноса русский патриотизм становился ведущей силой, определявшей ход войны. Как отмечает И. Р. Шафаревич в своей книге «Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью», русский патриотизм оказывал давление на руководство страны, и оно, очень дозированно и осторожно, в чём-то ему уступало¹⁸.

В течение всего периода Великой Отечественной войны руководство СССР неизменно поощряло деятелей культуры и искусства на создание образов, прославлявших героизм русского народа, поддерживало пропаганду русских начал в их творчестве: пьеса К. Симонова «Русские люди», рассказ А. Толстого «Русский характер», кинофильм И. Савченко «Иван Никулин — русский матрос» и т.д. При формировании новых творческих коллективов и научных центров делался акцент на русскость их происхождения: создание Государственного академического русского хора Союза ССР под руководством профессора А. В. Свешникова (1942 г.); основание Музея русской архитектуры им. А. В. Щусева (1945 г.) и т.д. В годы войны видные российские историки (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, Е. В. Тарле и т.д.) подготовили научные биографии русских полководцев и труды по военной истории: «Военный строй Киевской Руси», «Минин и Пожарский», «Северная война», «Крымская война», «Отечественная война 1812 г.». При Генштабе и главных штабах фрон-

тов вооруженных сил СССР были созданы военно-исторические отделы. Был опубликован ряд военно-исторических произведений известных писателей и историков: «Генералиссимус Суворов» Л. И. Раковского (1941), «Батый» В. Г. Яна (1942), «Багратион» С. Н. Голубова (1943), «Порт-Артур» А. Н. Степанова (1944) и т.д.

Особое развитие в годы войны получили национальные литература и кинематограф народов СССР. Было подготовлено к выпуску и опубликовано 6 книг альманаха «Дружба народов», авторами которого стали известные писатели из братских советских республик — Мехти Гусейн, Берды Кербабаяев, Кайсын Кулиев, Пимен Панченко, Андрей Малышко, Саломея Нерис, Максим Танк и др. Силами национальных кинематографий были сняты хроникально-документальные фильмы «Битва за нашу Советскую Украину», «Освобождение Советской Белоруссии» и т.д.¹⁹

Программа мобилизации всех сил и средств на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в отличие от Гражданской войны не могла ограничиваться исключительно лозунгом «Социалистическое Отечество в опасности». С учетом поликонфессионального и полиэтнического состава населения страны на первый план стала выдвигаться также задача сотрудничества советской власти с религиозными конфессиями, действовавшими на территории СССР.

В этих условиях курс на сближение с Русской православной церковью (РПЦ) стал одним из главных направлений политики И. В. Сталина по консолидации сил советского общества. Готовность к сотрудничеству с РПЦ в деле сплочения русского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками И. В. Сталин неизменно демонстрировал в своих выступлениях с первых же дней войны. Православно-религиозное обращение «братья и сестры» стало традиционным атрибутом большинства выступлений И. В. Сталина в период 1941–1944 гг., замененное лишь в победном 1945 на обращение «соотечественники и соотечественницы».

В сентябре 1941 г. руководством СССР были закрыты все антирелигиозные издания, выпущен «Союз безбожников СССР». В Москве и других городах в 1942 г. было официально разрешено празднование Пасхи. В этот год в ночь с 4 на 5 апреля в Москве на время торжественного богослужения был отменен комендантский час. Из заключения была освобождена некоторая часть православных священнослужителей.

В 1942 г. высшие иерархи РПЦ митрополиты Алексей и Николай были приглашены к участию в работе Комиссии по расследованию фашистских преступлений.

Русская православная церковь внесла большой вклад в дело консолидации русского этноса, а также украинцев и белорусов православной веры в годы Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. Патриарший Местоблюститель РПЦ митрополит Сергей выступил с обращением к церкви и народу, в котором призывал встать на защиту священных рубежей Родины. В своем послании митрополит Сергей, выражая твердую уверенность в грядущей победе, в частности, писал: «Русский народ развеет в прах вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы православные, родные им и по плоти, и по вере»²⁰. Патриарший Местоблюститель неоднократно выступал с резким осуждением преступных действий немецко-фашистских захватчиков по отношению к мирному населению на временно оккупированной территории СССР. Например, 24 ноября 1941 г. он обратился к пастве с посланием, в котором квалифицировал заявления германских оккупационных властей «О защите религий» как стремление «лживой личиной благочестия» прикрыть свои злодеяния. В послании подчеркивалось, что «сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу»²¹. По инициативе Патриаршего Местоблюстителя РПЦ верующие также собрали средства на строительство танковой колонны, носившей имя святого Дмитрия Донского, и авиаэскадрильи имени Александра Невского. В фонд обороны РПЦ внесла более 300 млн рублей.

Тесные контакты РПЦ с руководством страны способствовали не только укреплению авторитета большевистской партии и советской власти в народных массах, но и положили начало формированию нового образа И. В. Сталина. В значительной степени благодаря Русской православной церкви И. В. Сталин, будучи лидером большевистской партии и вождем пролетарской революции, стал приобретать черты общенационального лидера. Свидетельством тому служит, например, обращение митрополита Сергея

к И. В. Сталину в поздравительной телеграмме по случаю 25-летия Октябрьской революции. В своем послании он, в частности, писал следующее: «Я приветствую в Вашем лице **богоизбранного вождя**, который ведет нас к победе, процветанию в мире и к светлому будущему народов»²² (выделено мной. — Ю. Б.). В этой связи призыв командиров и политруков времен Великой Отечественной войны, поднимавших бойцов в атаку со словами «За Родину, за Сталина», приобретал глубинный смысл.

Думается, что не случайно в это же время И. В. Сталин принял решение о назначении именно А. М. Василевского начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Этот советский военачальник в юношеские годы получил духовное образование, прежде чем стать профессиональным военным в ходе Первой мировой войны²³. Впоследствии А. М. Василевский стал маршалом Советского Союза (1943 г.), был дважды награжден «Золотой Звездой» Героя Советского Союза (1944, 1945 гг.) и дважды получил орден Победы. Следует также отметить, что отец А. М. Василевского в течение всего периода Великой Отечественной войны являлся действующим священником РПЦ.

Важнейшим событием в развитии контактов РПЦ с советской властью стала встреча 4 сентября 1943 г. в Кремле И. В. Сталина с 3-мя высшими иерархами РПЦ — Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем. Именно эта встреча, по сути дела, подвела черту под годами противостояния государства и церкви.

В ходе состоявшейся беседы И. В. Сталин дал согласие на избрание Патриарха, образование Священного синода и на открытие нескольких богословских учебных заведений. Через три дня после этой знаменательной встречи состоялся Поместный собор в Москве — первый с 1917 г., на котором был избран Патриархом митрополит Сергей. В одном из постановлений Собора также провозглашалось отлучение от церкви всех виновных в измене церковному делу и переходе на сторону фашистов. Следует отметить, что именно по инициативе И. В. Сталина было скорректировано определение титула Патриарха РПЦ. Если в ноябре 1917 г. после восстановления Патриаршего престола глава РПЦ стал именоваться Патриархом Московским и Всея России, то в 1943 г. его титул стал звучать как

Патриарх Московский и Всея Руси, т.е. тем самым расширялась география канонической территории РПЦ, ибо под термином «Всея Русь» подразумевались в том числе и исторические русские земли, не входившие в тот период в состав СССР — России.

В октябре 1943 г. советским правительством был создан Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, целью которого являлось обеспечение постоянных контактов и сотрудничества между светской и духовными властями. В конце 1943 г. возобновился выпуск ежемесячника «Журнал Московской патриархии». В 1944 г. в Новодевичьем монастыре открылись Православно-Богословский институт и Богословско-пастырские курсы, переведенные через несколько лет в Троице-Сергиеву Лавру и ставшие Московской духовной академией и семинарией. Православные священники в течение всего периода войны провозглашали с амвонов здравницы в честь воинов нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

Принципиально новый характер взаимоотношений Советского государства с РПЦ косвенно подтверждался и партийными документами. Об этом свидетельствует, например, Постановление ЦК ВКП (б) от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительской пропаганды». В этом документе впервые за весь советский период не были обозначены задачи «решительной борьбы за преодоление религиозных пережитков» и «бескомпромиссного наступления на реакционную поповщину». Смену курса ВКП (б) по отношению к РПЦ подтверждал также и такой факт, что в соответствии с Постановлением СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 «О порядке открытия церквей» на территории Советского Союза было открыто более 20 тыс. православных храмов.

После смерти Патриарха Сергия в мае 1944 г. Патриарший престол занял митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей I, избранный в феврале 1945 года на Поместном соборе. Новый Патриарх, награжденный Советской властью 4-мя орденами Трудового Красного Знамени и остававшийся на своем посту на протяжении всех 900 дней блокады Ленинграда, продолжил курс на развитие отношений РПЦ с советской властью. Главный итог этого сотрудничества заключается в укреплении национального согласия в обществе, дальнейшем сплочении советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками.

Сближение позиций Советского государства с РПЦ одновременно сопровождалось соответствующими мерами по урегулированию отношений и с исламским духовенством. В июне 1942 г. в Уфе прошел съезд мусульман, призвавших к борьбе с фашизмом. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. В обращении Центрального мусульманского духовного управления СССР звучал призыв: «Встать на защиту родной земли... и благословить своих сыновей на борьбу за правое дело... Люби страну свою, потому что такой долг правоверного»²⁴. 19 мая 1944 г. был создан Совет по делам неправославных культов, а 1 июля 1944 г. по постановлению Совнаркома СССР была создана объединенная структура — Совет по делам религиозных культов для осуществления связи между правительством СССР и руководителями религиозных объединений.

Духовное единство народов СССР в борьбе с фашизмом приобретало особую значимость на этапе коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. В 1942 г. в Советской армии уже насчитывалось 1,2 млн грузин, армян, азербайджанцев, узбеков, киргизов, казахов и башкир. За счет призыва из национальных республик было укомплектовано свыше 80 национальных дивизий и бригад. Патриотический подъем в ходе проведения мобилизации в национальных районах страны обеспечивался оперативными сводками Совинформбюро о положении дел на фронтах Великой Отечественной войны и информацией о провале гитлеровского плана «молниеносной войны». Сводки Совинформбюро передавались 18 раз в день на 70 языках народов СССР. Был также развернут выпуск газет фронтового подчинения как на русском языке, так и на языках народов СССР.

Накануне битвы на Волге немецкая разведка в свою очередь сообщала, что русские напрягают в Сталинграде последние силы. Пополнение идет разрозненное, слабо обученное, не полностью обмундированное, в маршевых ротах преобладают среднеазиаты: узбеки, туркмены и казахи. Многие даже не понимают по-русски²⁵.

Однако весь ход Сталинградской битвы свидетельствовал об обратном. В битве на Волге приняли активное участие большие контингенты войск из числа призывников из Средней Азии, покрывшие себя неувядаемой славой. Например, одна из высот под Сталинградом назва-

на высотой 11 героев Востока: 9 узбеков, 1 казах и 1 татарин сдерживали натиск 330 фашистов, уничтожив 120 из них.

Ярким символом интернационального единства народов СССР служит оборона дома Павлова в Сталинграде. В течение 2-х месяцев 22 воина: 11 русских, 6 украинцев, 1 узбек, 1 таджик, 1 татарин, 1 грузин и 1 еврей — держали оборону дома, уничтожив столько фашистов, сколько их было уничтожено в период оккупации Франции летом 1940 г. Сталинградскую битву с полным правом можно назвать битвой народов. Советские солдаты и офицеры, принимавшие участие в битве на Волге, представляли 40 национальностей СССР²⁶. Они нанесли сокрушительное поражение частям вермахта, а также венгерским, румынским и итальянским частям, воевавшим под Сталинградом на стороне фашистов.

Бесценный опыт Сталинградской битвы был использован в дальнейшем при формировании интернациональных частей в составе Советской Армии. В последующих сражениях Великой Отечественной советское командование неукоснительно придерживалось соотношения 50х50 при комплектации интернациональных частей. Как отмечал маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, принимая новое пополнение, необходимо было учитывать, что если воинская часть не имела 50 % славян в своем составе, то она была не боеспособна²⁷.

Последующие сражения на этапе коренного перелома в ходе войны, а также в период освободительной миссии Советской армии в Европе демонстрировали не только героизм, но и мастерство и высокую боевую выучку советских солдат и офицеров, представлявших многонациональное воинство народов СССР. Трижды Героями Советского Союза в годы Великой Отечественной войны стали летчики украинец И. Н. Кожедуб и русский А. И. Покрышкин, сбившие соответственно 62 и 59 вражеских самолетов. Следует также отметить и старшего лейтенанта А. К. Горовца из Белоруссии, вступившего в воздушный бой с 20 вражескими самолетами в ходе Курской битвы. Он сбил 9 из 20 фашистских самолетов, но погиб и сам. Этот советский ас — единственный летчик в истории мировых войн, сбивший в одном бою такое количество самолетов. Награжден звездой Героя Советского Союза посмертно²⁸.

1943 год открыл принципиально новую страницу в летописи Героев Советского Союза времен Великой Отечественной войны. За героизм,

мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Курской дуге, звание Героя Советского Союза было присвоено командиру пулеметного расчета Маншук Маметовой (посмертно). В решающих сражениях 1943 г. Героем Советского Союза стала и снайпер Алия Молдагулова, уничтожившая 80 вражеских солдат. Эти дочери Казахстана были первыми из женщин Востока, удостоенные самых высоких наград Родины. Согласно информации, опубликованной в газете «Правда» на завершающем этапе борьбы с фашизмом, в Красной Армии и Военно-морском флоте было произведено 6 156 381 награждений орденами и медалями с момента начала войны. Среди награжденных — представители 182 национальностей²⁹.

С целью укрепить единство народов СССР, а также продемонстрировать мировому сообществу сплоченность рядов всех советских патриотов в борьбе с врагом И. В. Сталин принял решение об учреждении новых общественных институтов в политической системе СССР. В структуре Советского информационного бюро (Совинформбюро — создано 24 июня 1941 г.) были образованы антифашистские комитеты. Антифашистские комитеты создавались по социально-классовому и национальному признаку. В августе–сентябре 1941 г. в Москве прошли учредительные митинги этих новых общественных организаций и были созданы следующие структуры: Антифашистский комитет советских женщин, Антифашистский комитет советской молодежи, Антифашистский комитет советских ученых, Антифашистский всеславянский комитет.

Всеславянский антифашистский комитет состоял, например, из президиума и 6 секций: русская секция (председатель — А. Н. Толстой); украинская секция (председатель — А. Е. Корнейчук); белорусская секция (председатель — Я. Колос), а также польская секция (председатель — В. Василевская); чешская секция (председатель — З. Неедлы) и южнославянская (председатель — Б. Масларич).

Как отмечает российский историк Н. К. Петрова, сам факт создания антифашистских комитетов оказал положительное воздействие на народы как нашей страны, так и всего мира и вызвал мощную волну поддержки СССР в борьбе с фашизмом. Однако этот российский исследователь ошибочно датирует создание Антифашистской организации советских евреев августом–сентябром 1941 года³⁰. Общественная структура советских евреев была создана

в феврале 1942 г. под названием Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), и этому предшествовала большая подготовительная работа. Следует отметить, что сама идея создания ЕАК неоднозначно воспринималась в руководстве ВКП (б). Эту идею поддерживали и пропагандировали личности достаточно известные: П. Маркиш, С. Маршак, П. Молотова-Жемчужина, Л. Мехлис и др. На заседании Политбюро ЦК ВКП (б), как пишет писатель В. Успенский, неожиданно развернулась дискуссия по данному вопросу. И. В. Сталин, в частности, так определил свою первоначальную позицию: «Комитеты нужны для сближения сил, а не для того, чтобы разбивать нашу борьбу по национальным направлениям, не для того, чтобы разделять наш советский народ по национальному признаку. Это не усилит, а только ослабит антифашистское движение»³¹.

Однако Л. Мехлис, заместитель наркома обороны и начальника Главпура РККА, утверждал, что с созданием еврейского антифашистского комитета «мы привлечем к борьбе с гитлеризмом широкие еврейские массы за рубежом». И. В. Сталин в ответ привел свой довод: «А разве мало за рубежом русских, украинцев, татар, армян, латышей... Что же нам, создавать антифашистские комитеты по всем нациям и народностям? Белорусский антифашистский комитет, Узбекский антифашистский комитет... Сто комитетов. Раздробление вместо единства! Это будет совсем неправильно!»³²

Вопрос о создании Еврейского антифашистского комитета был отложен, но не снят с повестки дня. 24 августа 1941 г. в Москве был проведен радиомитинг «представителей еврейского народа» с трансляцией на США и другие союзные страны. В этой пропагандистской акции приняли активное участие руководитель еврейского театра в Москве С. М. Михоэлс, детский писатель С. Я. Маршак, кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, писатель и общественный деятель И. Г. Эренбург и др. В своем воззвании «Обращение к мировому еврейству» они гневно клеймили варварские преступления гитлеровцев. Как отмечает историк Г. В. Костырченко, произведенный на Западе эффект от этого радиомитинга превзошел самые оптимистические ожидания Москвы. В странах-союзницах стали создаваться еврейские организации по сбору средств для нужд Красной армии: в США — Комитет еврейских писателей, артистов и ученых во главе с Альбертом

Эйнштейном; в Англии — Еврейский фонд для Советской России; в Мексике — Еврейская лига помощи Советскому Союзу. Аналогичные благотворительные структуры были созданы практически на всех континентах земного шара: в Южной Африке, Австралии, Палестине, странах Южной Америки. В конечном итоге за годы войны евреями во всем мире было передано в фонд помощи СССР около 45 млн долларов³³.

Действительным инициатором создания Еврейского антифашистского комитета стал глава НКВД СССР Л. П. Берия, сумевший убедить И. В. Сталина, что эффективно влиять на мировую еврейскую общественность куда сподручнее через специально созданную для этих целей национальную организацию, чем с помощью эпизодических митингов и демонстраций солидарности в поддержку борьбы СССР с фашизмом³⁴. В конечном итоге И. В. Сталин дал согласие на создание Еврейского антифашистского комитета. ЕАК стал в первую очередь каналом неформальных связей руководства СССР со своими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Как показала практика, по многим военным, политическим и экономическим вопросам руководству СССР оказалось легче предварительно договариваться через еврейские круги, нежели чем через официальные государственные структуры союзников. Следует также отметить, что через ЕАК был осуществлен сбор сведений по разработке атомного оружия в США. В итоге в январе 1945 г. Советский Союз обладал подробным описанием конструкции первой атомной бомбы.

Все советские антифашистские комитеты являлись инициаторами проведения массовых патриотических акций как регионального, так и всесоюзного уровня. 23 января 1942 г. в Тбилиси был проведен антифашистский митинг народов Закавказья, а 19 апреля 1942 г. состоялся Всесоюзный антифашистский митинг в масштабе всей страны. Сам факт создания антифашистских комитетов в СССР оказал положительное воздействие как на народы СССР, так и на народы всего мира, вызвал мощную волну поддержки первому в мире государству рабочих и крестьян. Антифашистские комитеты сыграли большую роль в развитии связей с соответствующими кругами общественности стран антигитлеровской коалиции, в ведении информационной и пропагандистской работы на эти страны.

В результате коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, выхода советских войск в полосу границ СССР от Баренцева до Черного морей перед советским руководством встала новая задача — не допустить превращения освободительной войны в Европе в войну революционную. По словам И. В. Сталина, нужно помнить, что до Эльбы и Праги мы — освободители, а за Эльбой и Прагой мы — агрессоры и оккупанты. Однако революционные настроения имели место как в рядах Красной Армии, так и в советском обществе в целом. Об этом, например, свидетельствует А. И. Солженицын в своих письмах с фронта, датированных 1944 г., т.е. накануне перехода Красной Армией государственной границы СССР. «Все испытывают большой душевный подъем на пороге новых событий, — пишет автор. — Война из Отечественной превращается в революционную».

В этих условиях руководство ВКП (б) стремилось в первую очередь подчеркнуть освободительный характер действий Красной Армии. СССР не ставило себе целью развертывание революционной войны в Европе. Именно поэтому в июне 1943 г. был распущен Коминтерн. 28 мая 1943 г. И. В. Сталин, отвечая на вопрос главного корреспондента английского агентства Рейтер Кинга по поводу решения о ликвидации Коминтерна, в частности, сказал, что роспуск Коммунистического интернационала является правильным и своевременным: во-первых, роспуск Коминтерна разоблачает ложь гитлеровцев о том, что Москва якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их; во-вторых, роспуск Коминтерна разоблачает клевету о том, что компартии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне; в-третьих, роспуск Коминтерна облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны независимо от их партийных и религиозных убеждений в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма³⁵.

С 1 января 1944 г. Государственный гимн СССР «Интернационал», в тексте которого провозглашалось «разрушение старого мира до основания», был официально отменен. На страницах газеты «Правда» было опубликовано сообщение «О Государственном гимне Советского Союза». В сообщении говорилось: «Ввиду того, что нынешний Государственный гимн

Советского Союза „Интернационал“ по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства — Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст Государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя»³⁶. На слова военных корреспондентов С. В. Михалкова и Г. Г. Эль-Регистана композитор А. В. Александров написал музыку для нового Государственного гимна СССР, начавшегося словами «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила Великая Русь». В этой связи следует также отметить, что непосредственным редактором текста гимна был И. В. Сталин. Он лично вписал первую строку гимна в окончательном варианте вместо первоначального «Свободных народов союз благородный». В январе 1944 г. состоялся очередной пленум ЦК ВКП (б), который признал правильным решение о замене Государственного гимна СССР и сохранении «Интернационала» как гимна Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Вскоре после роспуска Коминтерна секретарь ЦК ВКП (б) по идеологии А. А. Жданов представил советскую государственно-патриотическую доктрину, согласно которой советский патриотизм, с одной стороны, вырос на почве интернационализма, а с другой стороны — он не имеет ничего общего с безродным и беспочвенным космополитизмом, базируется на любви всех советских людей к своему социалистическому отечеству.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны советский патриотизм как национальная идея с элементами православной веры вышел на первый план, оставив во втором эшелоне коммунистическое учение и «заветы» классиков марксизма-ленинизма о пролетарском интернационализме и безродных пролетариях, не имеющих своего отечества. «Сила советского патриотизма, — подчеркивал И. В. Сталин, — состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы

всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью»³⁷.

В 1943–1945 гг. политика И. В. Сталина стала приобретать все более четкие национально-государственные ориентиры. Это проявилось в следующем: во-первых, реабилитировалось слово «Россия» применительно ко всему СССР. Сам И. В. Сталин в дипломатической переписке зачастую употреблял слово «Россия» вместо «СССР»; во-вторых, И. В. Сталин открыто заявлял о преемственности своего внешнеполитического курса по отношению к дореволюционному, когда выдвигались территориальные претензии к Японии или поднимался вопрос о Черноморских проливах в ходе переговоров с союзниками.

О возвращении к державному прошлому России свидетельствовал ряд мер, предпринятых руководством Советского государства в годы коренного перелома и на завершающем этапе войны. В 1943 г. были восстановлены мундиры и погоны старой дореволюционной российской армии и учреждались по типу кадетских корпусов суворовские и нахимовские училища. В СССР также были учреждены ордена, подчеркивавшие историческое величие Российского государства: июль 1942 г. — орден Суворова, Кутузова и Александра Невского; октябрь 1943 г. — по инициативе украинского кинорежиссера А. Довженко был учрежден орден Богдана Хмельницкого 3-х степеней; ноябрь 1943 г. — орден Победы для полководцев и орден Славы 3-х степеней на Георгиевской ленте для солдат и сержантов; март 1944 г. — орден Ушакова 2-х степеней и медали Ушакова и Нахимова.

К концу войны все национальные дивизии в составе Вооруженных сил СССР в силу потерь и выпавших на их долю испытаний из национальных превратились в интернациональные. Берлинская операция (апрель–май 1945 г.), закончившаяся взятием рейхстага, воочию демонстрировала интернациональный характер советского воинства³⁸. Ярким примером тому являлась 150-я стрелковая дивизия, воины которой принимали участие в штурме фашистского логова — рейхстага. Бойцы 756-го стрелкового полка вышеназванной дивизии М. А. Егоров — русский, уроженец Смоленской области — и М. Кантария — грузин из абхазского села Очамчиры — 30 апреля 1945 г.

водрузили над германским рейхстагом красный флаг, официально признанный позднее Знаменем Победы. В общей сложности над рейхстагом в победные дни 1945 г. было поднято 40 советских знамен и флагов. Документы истории Великой Отечественной войны открывают ныне все новые имена героев, также поднявших Красное знамя над рейхстагом. В 1997 г. еще пять советских воинов: русские — капитан В. Н. Маков, старшие сержанты А. П. Бобров, М. П. Минин, а также украинец — старший сержант А. Ф. Лисименко и татарин — старший сержант Г. К. Загитов были удостоены звания Героя Советского Союза³⁹.

В дни Победы И. В. Сталин стал позиционировать себя исключительно русским патриотом. В своем обращении к народу 9 мая 1945 г. в честь Великой Победы над немецким фашизмом И. В. Сталин выступал исключительно как защитник русской идеи и православия. В его речи ничего не говорилось ни о социализме, ни о коммунизме, ни о каких-либо преимуществах советской системы. Ни разу не были упомянуты ни В. И. Ленин, ни Коммунистическая партия. Действительно, это была речь патриота и гражданина, главы великого государства, обращавшегося к народу-победителю. Большевистский лидер говорил о нашей Родине без обычной приставки социалистическая. В своем выступлении он подвел итог Великой Отечественной войны и, в частности, сказал: **«Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость** окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»⁴⁰ (выделено мной. — Ю. Б.). По сути, И. В. Сталин стал первым, кто продемонстрировал цивилизационный подход в оценке итогов противоборства СССР с немецким фашизмом.

На приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. И. В. Сталин особо подчеркнул роль русского народа на фронте и в тылу. Он по достоинству оценил вклад русского народа в дело Великой Победы, заявив следующее:

1. русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза;
2. русский народ заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны;
3. русский народ имеет ясный ум, стойкий характер и терпение. Доверие русского на-

рода советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над фашизмом⁴¹.

Тем самым русский народ де-юре провозглашался ядром советского общества и, по сути дела, официально возвращал себе статус государствообразующего этноса, казалось бы безвозвратно утраченный после октября 1917 г.

В заключение можно с полной уверенностью утверждать, что национальная политика ВКП (б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны является одним из факторов, предопределивших победу советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

ВКП (б), ставшая в годы войны по своему национальному составу преимущественно партией русских патриотов, представляла собой руководящую и направляющую силу советского общества на фронте и в тылу. Партия большевиков обеспечила высокую степень политизации Вооруженных сил СССР. В конце войны 75 % личного состава Красной армии и Военно-морского флота составляли коммунисты и комсомольцы: каждый четвертый — коммунист, каждый второй — комсомолец.

Русский этнос, несмотря на то что его потери в ходе Великой Отечественной войны составили 66 % от их общего числа, сыграл решающую роль в деле сплочения народов СССР в борьбе с фашизмом.

Славянский союз трех братских народов — русских, украинцев и белорусов с опорой на коммунистическую идею и на общее православное самосознание — определял высокую боеспособность частей Советской армии, а также представлял собой основу для развертывания партизанского движения как особой формы патриотического движения народов СССР.

Советский патриотизм обеспечил духовное единство народов СССР. Из более чем 11 600 участников войны, награжденных «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, помимо русских, украинцев и белорусов, наибольшее число составили татары, евреи и казахи, т.е. этносы, не имевшие славянских корней и не исповадовавшие православие. В общей сложности за весь период Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены представители 62-х национальностей⁴².

Массовый героизм являлся отличительной особенностью борьбы народов СССР с немецко-

фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Подвиг Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру фашистского пулеметного дзота и обеспечившего наступление своей воинской части, повторили воины различных национальностей: узбек Т. Эрджигитов, эстонец И. И. Лаар, украинец А. Е. Шевченко, киргиз Ч. Тулебердиев, молдаванин И. С. Солтыс, казах С. Баймагамбатов, татарин Б. Шавалиев, еврей Е. С. Белинский, белорус П. В. Костючек, удмурт Н. Е. Куликов — всего около 500 воинов⁴³.

Нерушимая связь воинов Советской армии и тружеников тыла способствовала укреплению социально-классовой основы советского строя,

положила начало формированию в годы войны новой интернациональной общности людей — советского народа.

Советский народ в годы Великой Отечественной войны продемонстрировал всему миру лучшие черты своего национального характера: коллективизм и взаимовыручку, оборонительный национализм и интернационализм, готовность к самопожертвованию во имя и во славу Родины.

В победном 1945 г. национальная доктрина СССР предстала в своем законченном виде. Ее основу составлял сплав коммунистической идеологии с национальной идеей — идеей исторического величия Российского государства.

¹ Сталин И. В. К Вам обращаюсь я, друзья мои! (выступление по радио 3.07.1941 г.). // Слово товарищу Сталину. М., 2002. С. 196.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 195, 198.

⁴ Данные взяты из книги Солженицына А. И. Двести лет вместе. В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 363.

⁵ Джамалов П. Братство, скрепленное кровью // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 60 лет Великой Победы. М., 2005. С. 38–39.

⁶ Сталин И. В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года // И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 32.

⁷ Там же. С. 29–30.

⁸ Кожинов В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 85.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 85.

¹¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза М., 2002. С. 31.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Расовый смысл Русской идеи, М., 2000. Вып. 1. С. 309.

¹⁴ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Сталин И. В. Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве // И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 37.

¹⁷ Красная звезда, 2005. 20 августа.

¹⁸ Шафаревич И. Р. Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью. М., 2002. С. 158.

¹⁹ Подробнее см.: Энциклопедический словарь. Россия XX век. Политика и культура. Факты. Имена. Понятия. Ростов н/Д., 1999. С. 328–333.

²⁰ Обращение митрополита Сергия к пастве «Послание о защите Отечества» июнь 22, 1941.

²¹ Правда. 1941. 24 ноября.

²² Правда. 1942. 9 ноября.

²³ А. М. Василевский — закончил духовное училище в Кинешме (1909 г.), Костромскую духовную семинарию (1914 г. — экстерном), Алексеевское военное училище (Москва, 1915 г.) и Военную Академию РККА (1937 г.).

²⁴ Обращение Центрального мусульманского духовного управления СССР. Октябрь 15, 1943 г.

²⁵ Цитируется по: Успенский В. Тайный советник Вождя. В 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 263.

²⁶ 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны: военно-историческая конференция: специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу». М., 2001. С. 75–76.

²⁷ Русская нация и государство. М., 2002. С. 234.

²⁸ Полак Т., Шоурз К. Асы Сталина: Энциклопедия. М., 2006. С. 181, 279–280, 428–430.

- ²⁹ Правда. 1945. 18 февраля.
- ³⁰ Петрова Н. К. Духовное сплочение народов СССР в борьбе с фашизмом // 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны: военно-историческая конференция: специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу» М., 2001. С. 73.
- ³¹ Подробнее см.: Успенский В. Тайный советник вождя. В 2 т. Т. 2. С. 219.
- ³² Там же. С. 220.
- ³³ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 231.
- ³⁴ Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М., 1995. С. 338–339.
- ³⁵ Ответ тов. И. В. Сталина на вопрос главного корреспондента английского агентства Рейтер. 28 мая 1943 г. // И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 91–92.
- ³⁶ Правда. 1943. 22 декабря.
- ³⁷ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1944 года «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» // И. Сталин О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 127.
- ³⁸ Единственной национальной дивизией в составе Советской Армии, дошедшей до Берлина и принимавшей активное участие в штурме столицы фашистской Германии, являлась 89-я армянская Таманская стрелковая дивизия орденов Красного Знамени и Красной Звезды.
- ³⁹ Подробнее см.: Куманев Г. А. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000. С. 330–333.
- ⁴⁰ Обращение тов. И. В. Сталина к народу 9 мая 1945 года // И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 148.
- ⁴¹ Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года. // И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 151.
- ⁴² Подробнее о национальном составе Героев Советского Союза см.: Мир русской истории. Энциклопедический справочник. М., 1999. С. 526–527.
- ⁴³ 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны: военно-историческая конференция: специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу». М., 2001. С. 76.

Победа — одна на всех

С. М. Монин*

Проблемы военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг. в последнее время привлекают значительное внимание российских исследователей. Так, только в 2000 гг. появились сборники новых документов¹ и воспоминания ветеранов², кандидатские диссертации³, монографии обобщающего типа⁴ или рассматривающие отдельные аспекты проблемы (военные⁵ или политические⁶). Вышла серия «Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы» (3-й и 4-й вып., 2000 г.). Публиковались переводные работы⁷, среди которых выделялась книга начальника управления по соблюдению закона о ленд-лизе Э. Стеттиниуса «Ленд-лиз — оружие победы», сопровождавшаяся дополнениями и комментариями современных российских ученых⁸. Появилось большее число журнальных и газетных статей и интернет-ресурсов.

Становление сотрудничества

После начала Великой Отечественной войны самой главной задачей советской дипломатии стало быстрее сплочение всех стран, которые вели борьбу с фашизмом, и создание антигитлеровской коалиции. В Москве рассчитывали, что важнейшим результатом этого станет открытие в близкой перспективе «второго фронта» — лучшего способа поддержки Красной Армии, отчаянно сражавшейся с жестоким врагом. Другое приоритетное направление сотрудничества с союзниками — скорейшее получение

от них военно-экономической помощи, что тоже должно было стать весомым вкладом в будущую общую Победу.

В первые же дни после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз лидеры Великобритании и США сделали заявления о готовности поддержать СССР.

Первыми отреагировали англичане. У них появление Восточного фронта вызвало чувство огромного облегчения, ибо теперь угроза смертельного удара гитлеровцев по Британским островам отступила. 22 июня в выступлении по радио премьер-министр Великобритании У. Черчилль, не преминув напомнить, что «за последние 25 лет не было более последовательного противника коммунизма», чем он, тем не менее подчеркнул: «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Отметив привычку Гитлера уничтожать своих врагов поодиночке, британский премьер продолжил: «Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»⁹.

Американцев происходившие в Европе события затрагивали не так сильно. Они еще были в стороне от мировой войны. Первая официальная реакция США последовала 23 июня из уст исполняющего обязанности государственного

* Сергей Михайлович Монин — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории, декан факультета базовой подготовки МГИМО (У) МИД России.

секретаря С. Уэллеса. Он тоже подчеркнул, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистического диктаторства так же невыносимы и так же враждебны их собственным верованиям, как и принципы и доктрины нацистского диктаторства». Однако самая насущная задача на данный момент — остановить Гитлера и разрушить его планы мирового господства. «Отсюда следует, по мнению правительства США, что любая оборона против гитлеризма, любое единение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорят окончательное поражение нынешних германских руководителей и поэтому будут идти на пользу нашей собственной обороне и безопасности». Президент США Ф. Рузвельт выступил 24 июня на пресс-конференции в Белом доме с обещанием, что Соединенные Штаты окажут Советской России всю возможную помощь в её обороне от нашествия нацистской Германии. Он, однако, отметил, что американская помощь не может быть эффективной в случае, если нацистско-советская война будет скоротечной, а также подчеркнул, что Англия имеет преимущество на поставку самолётов, танков и военного снаряжения. Даже когда США получают список того, что необходимо СССР, заявил президент, нельзя будет просто пойти в магазин и купить то, что нужно, ибо заказы на экспорт делаются загодя. Ф. Рузвельт уклонился от ответа на вопрос одного из журналистов, является ли защита России обороной Соединенных Штатов¹⁰.

Заявления в Лондоне и Вашингтоне, таким образом, были сделаны, но с определенными оговорками и без какой-либо конкретики. Тем не менее Советский Союз приветствовал эти декларации западных лидеров. Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин в своём выступлении по радио 3 июля 1941 г. заявил: «Наша война за свободу нашего Отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободы против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными»¹¹.

Заявления западных лидеров не были спонтанными. Еще до 22 июня, чувствуя, что Германия готовится к нападению на Советский Союз, они намеревались поддержать СССР. 15 июня У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить — это Гитлер». Ф. Рузвельт в ответ пообещал немедленно публично поддержать «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»¹².

Более того, 21 июня находившийся в тот момент в Лондоне британский посол в СССР С. Криппс сообщил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому, что в случае нападения Германии на Советский Союз в Москву в самом срочном порядке будут отправлены военная и экономическая миссии и что британское правительство не допустит никакого промедления в оказании той помощи СССР, на которую оно будет способно¹³.

И все же первое время после начала Великой Отечественной войны западные державы больше говорили о поддержке СССР, чем реально помогали. Даже с учетом того, что быстро наладить масштабные поставки в далёкую от них страну в условиях военного времени действительно было очень непросто. Причины такой медлительности очевидны.

США и Великобритания исходили из собственного видения мира. В правящих кругах западных демократий широко распространено было неприязненное, даже враждебное отношение к СССР, который воспринимался как политический и идеологический противник и геополитический соперник. Даже коренное изменение военно-политической обстановки в мире после 22 июня 1941 г. не поколебало в глазах многих такой негативный имидж Советского Союза. Велик был соблазн воспользоваться взаимным ослаблением и истощением сошедшихся в смертельной схватке двух диктатур для укрепления собственных позиций. Да и веры в то, что Красная Армия устоит против, казалось, непобедимого вермахта было не так уж много.

Характерные для того момента взгляды изложил военный министр США Г. Стимсон в меморандуме, представленном президенту Ф. Рузвельту 23 июня. Полагая, что Гитлер скоро разгромит СССР (на это уйдет «минимум один и максимум три месяца»), военный министр рассуждал: «Начав войну с Россией, Германия

тем самым чрезвычайно облегчила наше положение и создала для нас благоприятные условия действовать незамедлительно с тем, чтобы устранить возможные угрозы до того, как Германия выпутается из русского клубка». В заключение Г. Стимсон признавал: «Для меня... действия Германии представляются почти как ниспосланное Господом Богом чудо». При этом в меморандуме не было ни слова о помощи Советскому Союзу или координации военных усилий с ним¹⁴.

Своё, мягко говоря, прохладное отношение к СССР некоторые деятели не считали нужным скрывать даже во время официальных контактов с советскими представителями. Как вспоминал заместитель руководителя советской военной миссии в Великобритании контр-адмирал Н. М. Харламов, встреча с одним из руководителей военного ведомства Г. Моргенсоном прошла «в стоячку», «руки Моргенсон никому не подал. Сесть не предложил... Слушал рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярым противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе»¹⁵.

Любопытная и очень показательная история произошла с Би-би-си. С сентября 1939 г. радиостанция по воскресным вечерам передавала в эфир национальные гимны всех союзных держав, воюющих против Германии. 22 июня 1941 г. очередным прибавлением к списку этих гимнов должен был стать коммунистический «Интернационал», являвшийся тогда Государственным гимном Советского Союза. Но «как могла благопристойная Би-би-си передавать этот пламенный гимн, не оставляя впечатления, будто одобряет его революционные идеи»? Вопрос разрешился прямым указанием У. Черчилля «ни под каким видом не исполнять „Интернационал“ в программе Би-би-си».

Чтобы как-то сгладить впечатление от этого запрета, английские дипломаты запросили посла И. М. Майского, не будет ли советская сторона возражать против исполнения не Государственного гимна СССР, а какого-нибудь русского патриотического произведения, например увертюры П. И. Чайковского «1812 год». Однако И. М. Майский был «совершенно непреклонен» в своём неприятии этого предложения. В итоге Би-би-си вообще перестала передавать в эфир гимны союзных сторон. Лондонская «Ивнинг Стандарт» в этой связи саркастически предложила вместо «Ин-

тернационала» запустить популярную песенку «Ты заставил полюбить тебя, я этого совсем не хотел»¹⁶.

Видя совершенно не устраивавшие Советский Союз темпы и масштабы военных поставок, 26 августа посол И. М. Майский в беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом вынужден был заявить: «Фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей», — подчеркнул посол¹⁷. Эти высказывания И. Майского, сделанные от его собственного имени, получили полное одобрение Москвы. В телеграмме послу от 30 августа И. В. Сталин писал: «По сути дела, английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам». Те хотят бить своих противников поодиночке. «То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела». Думаю, отмечал советский руководитель, что англичане это понимают. «Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления»¹⁸.

У. Черчилль, с которым вскоре встретился И. М. Майский, вынужден был признать, что Советский Союз ведёт борьбу против Германии один «лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчёт Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке». В заключение беседы британский премьер сказал советскому послу: «Не хочу вводить Вас в заблуждение: до зимы мы не сможем оказать вам никакой серьёзной помощи — ни путем создания второго фронта, ни путём обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Всё, что мы можем вам сейчас дать, — это лишь капля в море»¹⁹.

Конечно, для того чтобы наладить отношения с новыми союзниками и создать прочную, эффективно действующую антигитлеровскую коалицию, Москве тоже надо было избавляться от своих комплексов и фобий в отношении западных демократий. К тому же она, видимо, некомфортно чувствовала себя в роли получателя иностранной помощи. Но само тяжёлое положение Советского Союза, в одиночку сдерживавшего натиск гитлеровской военной машины, делало его более открытым к сотрудничеству, готовым принять поддержку от тех,

кого еще недавно клеймил как «империалистов» и «поджигателей войны».

Постепенно, несмотря на все проблемы и трудности как объективного, так и субъективного свойства, военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией налаживалось. Этому способствовало прежде всего героическое сопротивление советского народа гитлеровским захватчикам. Прошли и «минимум один и максимум три месяца», отпущенные Красной Армией военным министром США, и все сроки по плану «Барбаросса», отведенные Гитлером для её уничтожения, а конца войне не было видно. Советский Союз продолжал сражаться.

27 июня 1941 г. в Москву прибыли британские военная и экономическая миссии. 12 июля было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Первый пункт этого документа обязывал стороны взаимно «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода...»²⁰. Для организации заказов военных материалов в июле Лондон посетила советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым, которая затем направились в США. 16 августа было заключено англо-советское соглашение о взаимных поставках, кредите и клиринге. Великобритания предоставляла Советскому Союзу кредит в 10 млн ф. ст. из расчёта 3 % годовых сроком в среднем на 5 лет. По требованию англичан 40 % поставок полагалось оплатить либо в долларах, либо в золоте²¹.

24 июня американские власти разрешили советской стороне расходовать средства из советских денежных фондов, блокированных в США в январе 1940 г. Была смягчена дискриминационная практика в торговле с СССР. Закон о нейтралитете не применялся к Советскому Союзу, что позволяло поставлять ему американское вооружение. Характерно, однако, что С. Уэллес, заявляя об этом решении, обосновал его тем, что война между СССР и Германией не угрожает интересам США или их граждан²².

30 июня советское правительство представило американцам заявку на необходимые ему виды вооружения и промышленное оборудование, а также поставило вопрос о предоставлении кредита на 5 лет. Однако переговоры об этих поставках недопустимо затягивались. Через месяц после вручения заявки на оружие ответа на неё не последовало, а по заявке на

промышленное оборудование был получен неудовлетворительный и недостаточно конкретный ответ. «Вопросы решаются невероятно медленно, без учёта темпов и размаха войны», — жаловались в Москву советские представители, работавшие с американцами²³. Президент Ф. Рузвельт предложил создать «комитет трех» из представителей США, Великобритании и СССР для согласованного решения вопросов о развёрстке американского снабжения²⁴. Но тогда этот комитет так и не заработал. Предоставление кредитов американская сторона обуславливала встречными поставками стратегического сырья из СССР (цветные металлы, платина, иридий и т.д.).

Особое значение для налаживания сотрудничества между СССР и США имел визит в Москву 29 июля — 1 августа Г. Гопкинса, личного представителя президента и руководителя администрации ленд-лиза²⁵. Из поездки в СССР и встреч с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым американский политик вынес твёрдое убеждение, что русские будут сражаться до конца и выстоят, несмотря ни на что. «Я очень уверен в отношении этого фронта, — телеграфировал Г. Гопкинс своему президенту. — Моральное состояние населения исключительное высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»²⁶. Ф. Рузвельт оценил советы своего помощника.

4 августа между СССР и США была достигнута договорённость о продлении до августа 1942 г. торгового соглашения и об оказании экономического содействия Советскому Союзу. Американская сторона выразила готовность «самым дружественным образом» рассматривать советские заказы на товары и материалы для нужд обороны СССР, выдавать «неограниченные лицензии» на экспорт в Советский Союз и благожелательно рассматривать предложения об использовании американских транспортных средств для доставки указанных товаров²⁷.

На состоявшейся 9–12 августа у берегов Канады встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля с участием высших военных чинов обеих стран Г. Гопкинс доложил об итогах своей поездки в Москву. Лидеры США и Великобритании заявили о готовности оказывать СССР помощь поставками необходимых ему материалов и предложили провести трехстороннюю конференцию по этим вопросам.

Надо отметить, что в первые месяцы войны поставки в СССР были невелики. Так, за июль–

сентябрь из США поступило 59 истребителей и 500 грузовиков²⁸. Из Великобритании пришёл один конвой.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проходила первая межсоюзническая конференция по вопросу военных поставок Советскому Союзу. Делегацию СССР возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, США — представитель президента А. Гарриман (он в то же время отвечал за британское направление в американской программе по ленд-лизу), Великобритании — министр снабжения У. Бивербрук. В работе конференции принял участие И. В. Сталин. В итоге был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по конец июня 1942 г. ежемесячно 400 самолётов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей), 500 танков (не более 50 % малых), сотни зенитных и противотанковых орудий, разведывательные автомобили, а также алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и др.²⁹.

Важность и актуальность Московской конференции и её решений подчеркивались тем, что она проходила в те дни, когда немецко-фашистские войска начали решительное наступление на Москву и, прорвав оборону Брянского фронта, ринулись к советской столице.

30 октября правительство США предоставило СССР беспроцентный заём в 1 млрд долл. на оплату поставок вооружений и сырья с тем, чтобы выплаты по займу начались через 5 лет после окончания войны и производились в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода. В послании Ф. Рузвельту от 4 ноября И. В. Сталин оценил этот шаг как «исключительно серьёзную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом...»³⁰.

7 ноября 1941 г. Соединенные Штаты распространили на СССР действие закона о ленд-лизе³¹. До этого все поставки осуществлялись за наличный расчёт. Великобритания начала поставки в СССР на условиях ленд-лиза еще в сентябре.

В феврале 1942 г. Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину о своём решении выделить СССР еще 1 млрд долл. на тех же условиях, что и до этого³².

11 июня 1942 г. СССР и США подписали Соглашение о принципах, применимых к вза-

имной помощи в ведении войны против агрессии. Этот документ был составлен по образцу соглашений, заключенных с февраля 1942 г. США с Великобританией и рядом других государств — получателей американской помощи по ленд-лизу. Вместе с подписанным 26 мая 1942 г. англо-советским союзным договором эти два документа окончательно оформили союз СССР, США и Великобритании в войне против гитлеровской Германии и её сообщников. Одним из существенных аспектов этого союза было военно-экономическое сотрудничество трёх держав.

Поставки союзников в СССР в период с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. осуществлялись в соответствии с первым (Московским) протоколом, в период с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г. — в соответствии со вторым (Вашингтонским) протоколом, в период с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г. — в соответствии с третьим (Лондонским) протоколом и в период с 1 июля 1944 г. по 30 июня 1945 г. — в соответствии с четвёртым (Оттавским) протоколом.

Обязательства по первому протоколу обеспечивали главным образом англичане, которые проводили конвои через северные моря. По второму протоколу поставки должны были распределяться между Соединенными Штатами и Великобританией примерно поровну. Начиная с третьего протокола поставки обеспечивались в основном США. Тогда же к оказанию помощи СССР подключилась Канада.

Поставки шли по нарастающей, и основная их часть была осуществлена в 1943–1945 гг. На два последних протокола пришлось 57 % всех грузов военного времени. Правда, график, номенклатура и объёмы поставок поначалу не всегда выдерживались. Это объяснялось как объективными обстоятельствами и трудностями, так и наличием у сторон несовпадающих собственных интересов, разным пониманием ими путей и методов достижения общих военно-политических целей.

Маршруты сотрудничества

Когда СССР, США и Великобритания проявили политическую волю к сотрудничеству и юридически оформили предоставление военно-экономической помощи Советскому Союзу, важнейшее значение приобрел вопрос о конкретных способах и путях оказания этой помощи.

Основные маршруты поставок в СССР грузов по ленд-лизу

Маршруты	Тоннаж, тыс. т	%
Тихоокеанский	8244	47,1
Трансиранский	4160	23,8
Арктические конвои	3964	22,6
Черное море	681	3,9
Советская Арктика	452	2,6
Всего	17 501	100,0

Тихоокеанский маршрут

Тихоокеанский путь в годы войны оказался главным³³, по нему прошла почти половина грузов по ленд-лизу. Там было относительно спокойно до декабря 1941 г., когда Япония напала на США и весь регион стал театром Второй мировой войны. В то же время с самого начала имелись свои трудности в налаживании сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов.

Геостратегическое положение СССР на Тихом океане было очень невыгодным. Все проливы, ведущие к портам советского Приморья, контролировались Японией, которой тогда принадлежали южный Сахалин и все Курильские острова. Пролив Цугару (Сангарский) между японскими островами Хоккайдо и Хонсю был закрыт для прохода советских судов во время войны. Попастъ, например, во Владивосток через другой незамерзающий пролив — Корейский — можно было, лишь сделав крюк на юг мимо других японских островов. Первый Курильский пролив между Шумшу, самым северным из Курильских островов, и Камчаткой, а также пролив Лаперуза между Сахалином и Хоккайдо зимой замерзали, как и мелководный Татарский пролив между Сахалином и материком. Поэтому крупнотоннажные суда нередко приходилось разгружать в Петропавловске-Камчатском.

Сказывались сложность и напряженность политических взаимоотношений между тихоокеанскими государствами. Когда в августе 1941 г. во Владивосток пришли танкеры с нефтью, закупленной Советским Союзом у США, это вызвало тревогу в Токио. Советской стороне было заявлено, что перевозка американских стратегических материалов, в том числе авиационного бензина, через прибрежные японские воды раздражает общественное мнение Японии,

так как продажа ей такого бензина запрещена. Утверждалось, что американская нефть могла предназначаться китайскому правительству Чан Кайши, против которого Япония вела войну, а сами эти материалы могли использоваться в возможной будущей войне на Тихом океане. Более того, эти грузы могли попасть на европейский театр военных действий, что затрагивало обязательства Японии по Тройственному пакту перед Германией и Италией. Соответствующие заявления делались японским МИДом советскому послу в Токио К. А. Сметанину, а японский посол в Москве И. Татэкава говорил об этом наркому иностранных дел В. М. Молотову³⁴. Аналогичные протесты японцы заявляли Соединенным Штатам.

В Токио опасались, что Чан Кайши примет участие в конференции СССР, США и Великобритании по вопросам военно-экономического сотрудничества (Москва, сентябрь–октябрь 1941 г.) и решения конференции будут вредны для интересов Японии. В Стране восходящего солнца боялись, что в обмен на военные поставки СССР может предоставить США военные базы в Приморье и на Камчатке, и это создаст «северную часть кольца — окружения Японии»³⁵. Эти тревоги Токио сохранялись вплоть до 1945 г. Между тем Советский Союз отклонял неоднократно выдвигавшиеся Соединенными Штатами соответствующие предложения. Советской дипломатии пришлось потратить немало усилий на то, чтобы опасения японцев не вызвали преждевременного обострения их отношений с СССР и уж тем более открытого конфликта.

После начала полномасштабной войны на Тихом океане в декабре 1941 г. ситуация с перевозками грузов в СССР намного осложнилась. Теперь здесь не могли ходить американские транспорты, которые стали бы мишенью для японского флота. Использовались только суда под советским флагом с советскими экипажами. Неудивительно, что чуть ли не главной проблемой для советской стороны стала нехватка собственных транспортных средств. В значительной степени она была преодолена за счет поставок из США по ленд-лизу судов типа «Либерти» — типовых транспортных судов, строившихся на американских верфях поточным методом. Всего в распоряжение СССР на Тихом океане было передано 38 сухогрузов типа «Либерти», 8 танкеров, а также около сотни старых судов.

За 18–20 суток суда с западного побережья США добирались до дальневосточных портов

ПОМНИМ

В годы «холодной войны» воспоминания о советско-американском боевом союзе в 1941–1945 гг. были не в почете по обе стороны океана. В последние десятилетия ситуация изменилась и об этом союзе вспоминают часто и охотно.

В августе 2006 г. в Фэрбенксе, штат Аляска, был торжественно открыт памятник советским и американским летчикам-перегонщикам, летавшим в сложнейших условиях АлСиба и воплощавшим дух сотрудничества союзников в годы войны. В городе Джуно создан исследовательский центр Аляска — Сибирь.

Мемориалы героям АлСиба есть также в российских городах Якутске, Ленске (Якутия) и Киренске (Иркутская область). В Красноярске на «доме Мазурука» установлена памятная доска в честь летчиков и технического персонала АлСиба. На братской могиле 30 лётчиков, погибших 17 ноября 1942 года в Красноярске, поставлен памятник.

СССР. Обычно они шли по одному без какой-либо охраны. Судовые огни полагалось включать только за 150 миль от границы территориальных вод Японии.

Советские суда много раз подвергались досмотру и задержке со стороны японцев. Такая участь постигла 178 советских судов, причем некоторые из них удерживались месяцами. 8 судов были потоплены японцами. Несколько транспортов были уничтожены неопознанными подводными лодками, а около десятка погибли при невыясненных обстоятельствах.

Для приема крупнотоннажных судов пришлось реконструировать порт во Владивостоке, сооружать новые порты. Доставленные по морю грузы далее по Транссибирской магистрали везли в европейскую часть СССР. Зачастую при

этом использовался подвижной состав, полученный по ленд-лизу из США. Через Тихий океан в основном поступали машины и оборудование, продовольствие, нефтепродукты.

Особенно интенсивным поток грузов из США стал после того, как Советский Союз к нескрываемому удовлетворению Вашингтона выразил готовность вступить в войну против Японии. Советская сторона передала американцам список необходимого ей оружия, боевой техники, боеприпасов и другой продукции. Так появилась программа «Майнпост». В ней отдельно были выделены поставки, необходимые для подготовки советского Тихоокеанского флота к войне с Японией (программа «Хала»). Предполагалась передача кораблей, самолетов, портового оборудования, радиоэлектронной

аппаратуры. На американской базе Колд Бей на Аляске происходила передача советской стороне кораблей и подготовка советских экипажей, в том числе в таких сложных по тем временам сферах, как радиолокация и гидроакустика. О масштабах этой работы говорят такие цифры: советский флот получил 149 кораблей, а подготовку прошли около 12 тысяч моряков, в том числе 750 офицеров³⁶.

Рядом с тихоокеанским морским маршрутом проходил воздушный путь, связавший два союзных государства и получивший название **трассы Аляска — Сибирь (АлСиб)**³⁷.

9 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял решение об организации воздушного перегона самолетов из США в СССР. Наладить подобный воздушный мост было очень непросто. Из нескольких вариантов был выбран маршрут от города Фэрбэнкса на Аляске через Берингов пролив, центральные районы Чукотки, Колымы и Якутии до Красноярска. С осени 1941 г. в авральном режиме развернулись подготовительные работы. Основную рабочую силу составляли заключённые, хотя привлекались и местные жители. Было реконструировано и построено 17 базовых, промежуточных и запасных аэродромов. В США и Канаде было построено 15 аэродромов. Сооружались узлы связи и радионавигации, метеостанции, авиационные мастерские.

Впечатляло расстояние, которое должен был преодолеть каждый самолёт, чтобы, вылетев с заводской площадки где-то в США, в конечном счёте приземлиться на советском фронтовом или флотском аэродроме. Протяженность трассы от Фэрбэнкса до Красноярска составляла порядка 6,5 тыс. км, из них по территории СССР — 5 тыс. км. Но к этому надо прибавить много тысяч километров над американской и канадской территорией, а потом над советской — от Красноярска до европейской части СССР. Всего набегало около 14 тыс. км.

Движение по воздушной трассе Аляска — Сибирь было открыто 6 октября 1942 г., когда из Фэрбэнкса вылетела первая группа из 12 бомбардировщиков «Бостон». За ней последовали другие. Организовано все было следующим образом. Американские лётчики пригоняли самолёты с заводских аэродромов в город Грейт Фолс в штате Монтана. Оттуда начиналась трасса АлСиб. Оттуда летели до Фэрбэнкса на Аляске. Эту часть трассы длиной более 3,5 тыс. км иногда называли АлКан (Аляска — Канада). Не-

подалёку от Фэрбэнкса на американской авиабазе Ленд Филд находились советская военная миссия по приёмке самолётов, а также лётчики 1-го перегоночного полка. Они принимали самолёты и перелетали через Берингов пролив на Чукотку, на аэродром в Уэлькале, где им на смену приходили пилоты 2-го перегоночного полка. И таким «эстафетным» способом, сменяя друг друга, советские лётчики пяти авиаполков доводили самолёты до Красноярска. Далее боевые машины отправлялись по маршруту Новосибирск — Омск — Свердловск (совр. Екатеринбург) — Казань — Москва, а уже оттуда разлетались по полевым аэродромам. Самолёты обычно шли строем «клин»: впереди и сзади бомбардировщики, в середине — истребители. Бомбардировщики и транспортные самолёты могли лететь поодиночке. Обратное на каждом этапе лётчиков доставляли на транспортных самолётах.

Специально для АлСиба была сформирована 1-я перегоночная авиадивизия, состоявшая из пяти строевых и одного транспортно-го авиаполков. Первым начальником трассы и одновременно командиром дивизии был назначен И. П. Мазурук, известный полярный лётчик, Герой Советского Союза, участник экспедиции к Северному полюсу в 1937 г. Для службы в дивизии отбирались самые опытные лётчики. Особенно ценились пилоты полярной и морской авиации. Так, 13-й авиаполк особой морской авиационной группы Северного флота, прикрывавший союзные конвои, был перепрофилирован на перегонку самолётов. Перегонка самолётов приравнивалась к боевым вылетам. Многие лётчики-фронтовики успешно летали по АлСибу, а перегонщики, перейдя во фронтовую или флотскую авиацию, успешно применяли свой опыт обращения с американской боевой техникой.

Столь строгий отбор был обусловлен крайне сложными и тяжёлыми условиями, в которых приходилось действовать советским авиаторам. Конечно, вражеских истребителей или зениток на АлСибе можно было не опасаться. Но здесь были свои напасти.

Полёты проходили в крайне сложных природно-географических и климатических условиях: в дождь, снег, туман, в дыму от лесных пожаров, в жесточайшие морозы (до -60° и даже до -70°), при сильном ветре и низкой облачности. Самолёты обледеневали, магнитные компасы оказывались ненадежны, точных

карт не было. А под крылом самолёта — десятки и сотни километров бескрайней тундры, тайги и гор, где нет жилья и уж тем более возможности, если что случится, спокойно приземлиться и получить техническую помощь. Немудрено, что на советском участке перегоночной трассы был потерян 81 самолёт (по другим данным — 44), погибло 115 советских лётчиков. На американском участке погибло 68 самолетов.

Темпы перегонки самолетов по АлСибу нарастают: 1942 г. — 114 шт., 1943 г. — 2465 шт., 1944 г. — 3029 шт., до сентября 1945 г. — 2300 шт. Всего за годы войны из США до Красноярска добралось 7908 самолетов. Среди них было 2616 истребителей П-39 «Аэрокобра», 2396 истребителей П-63 «Кингкобра», 1355 бомбардировщиков А-20 «Бостон», 729 бомбардировщиков Б-25 «Митчелл». Кроме того, транспортные самолёты перевозили особо ценные грузы и дипломатическую почту. Летали по этой трассе высокопоставленные государственные деятели, дипломаты и чиновники, в том числе советские послы в США М. М. Литвинов и А. А. Громыко.

С тихоокеанским маршрутом был сопряжен **арктический**. Суда с американскими грузами собирались в бухте Провидение и при необходимости в сопровождении ледоколов шли из Тихого океана Северным морским путем в Архангельск и Мурманск. По понятным причинам масштабы перевозок здесь были невелики.

Трансиранский маршрут

По-другому этот маршрут назывался «южный» или «Персидский коридор».

Возможность использования территории Ирана для поставок в СССР приходила на ум при первом же взгляде на карту, особенно если на ней была обозначена Трансиранская железная дорога, проходящая от Персидского залива до Каспийского моря. Как выразился один иранский дипломат, через Иран можно было организовать «безопасный черный ход» для поставок в Россию³⁸. Причем всё это было в относительно спокойном регионе, вдали от Атлантики и Средиземноморья, ставших ареной ожесточённых сражений, и от Тихого океана, где тоже вот-вот должен был полыхнуть огонь войны.

Решение иранской проблемы стало для участников формирующейся антигитлеровской коалиции, пожалуй, первым опытом достижения договоренности по важному международному вопросу и проведения совместной военно-политической акции.

В прошлом Иран был традиционным местом соперничества России и Британии. Так было в царское время (хотя в 1907 г. было подписано англо-русское соглашение о разделе Персии на сферы влияния) и в 1920–1930-х гг. при советской власти. Еще совсем недавно в связи с советско-финской войной англичане и французы планировали нанесение удара по бакинским нефтепромыслам через территорию Ирана.

Однако со второй половины 1930-х гг. Москва и Лондон стали терять свои позиции в этой стране под натиском Берлина³⁹. Влияние нацистов ощущалось буквально везде: «от шахского двора до тегеранского базара». Есть мнение, что даже замена в 1935 г. названия страны с Персии на Иран («Иран» от древнеиранского «Агу-апат» — страна ариев) была проведена с подачи германских дипломатов, активно проталкивавших теории об общем «арийском происхождении» и «арийском братстве» немцев и иранцев. Гитлеровцы интересовались Ираном как стратегическим плацдармом для действий против СССР и Британской империи, а также как источником сырья, прежде всего нефти (четвертое место по добыче в мире). Хотя правитель страны Реза-шах Пехлеви при всех своих прогерманских симпатиях старался все же сохранять самостоятельность и нейтралитет, была опасность того, что фашисты добьются своего. По некоторым данным, немцы в 1940 г. готовили переворот с целью привести к власти послушное им правительство и изгнать из страны англичан. Тогда их замыслы сорвались. В 1941 г. гитлеровцы вернулись к этим своим планам. Подтверждением этой версии могло считаться то, что в первых числах июня Иран посетил шеф абвера В. Ф. Канарис⁴⁰.

Что бы мог означать такой визит, англичанам гадать не надо было. Вслед за поездкой руководителя германской военной разведки в Ирак к власти в этой стране в апреле 1941 г. пришло правительство Р. Аль-Гейлани, которое открыто выступило против Британии. Англичане в ответ перебросили войска на свою военную базу в Басре, а в мае начали боевые действия против иракских вооруженных сил. Немцы же по договоренности с вишистским режимом во Франции стали переправлять военные материалы по воздуху через Сирию в Ирак. Вишисты в Дамаске намеревались перекрыть нефтепровод, обеспечивавший топливом британский флот в Средиземном море. Закончи-

лось все это тем, что английские войска 30 мая взяли Багдад и свергли режим Р. Аль-Тайлани. Одновременно с действиями в Ираке англичане совместно со сторонниками «Свободной Франции» развернули наступление на Сирию и Ливан. Бои с вишистами закончились только к середине июля 1941 г. установлением контроля союзников над этими странами. Не мудрено, что англичане после этих побед, не теряя кураж, легко могли переключиться на планирование операции против Ирана. На таком фоне между Москвой и Лондоном развернулось обсуждение возможности совместных действий в «иранском вопросе».

Конечно, мотивы сторон не во всем совпадали. Англичан заботило сохранение контроля над иранской нефтью, главную роль в добыче и переработке которой играла Англо-иранская нефтяная кампания. Ее заводы обеспечивали топливом британские войска к востоку от Суэца, флот на Средиземном море и в Индийском океане и являлись единственными производителями авиационного топлива в регионе. В стратегическом плане важно было соединить зоны действия британских войск на Ближнем Востоке и в Индии.

Советскому Союзу надо было обеспечить безопасность своих южных рубежей, в особенности своих основных нефтепромыслов в Баку. Москва также хотела создать задел для укрепления собственного влияния в соседней стране, не оставляя её под единоличным контролем но воиспеченного союзника.

Но очевидными были и общие мотивы действий СССР и Великобритании. Во-первых, это уничтожение германской «пятой колонны» в Иране и тех угроз, которые она создавала для союзников. Во-вторых, гарантирование поставок англосаксами военных материалов в Советский Союз через «персидский коридор». Причем если первая задача будет в значительной степени решена уже в конце лета — осенью 1941 г., то значение второй будет только возрастать.

Вопрос о поставках в СССР через «персидский коридор» встал с первого же дня Великой Отечественной войны. В 12:00 22 июня первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский принял временного поверенного в делах Великобритании в СССР Г. Баггалея. Английский дипломат заговорил о развитии сотрудничества двух стран, в частности о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток

или Персидский залив. При этом он сослался на беседу министра иностранных дел А. Идена с советским послом И. М. Майским⁴¹.

28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А. И. Микоян с конкретными цифрами обсуждал с послом С. Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Транс-иранской железной дороги, а также иранских шоссейных дорог и возможности наращивания поставок.

И. В. Сталин неоднократно говорил о ситуации в Иране с британским послом С. Криппсом. Так, указав 8 июня на необходимость демарша в Тегеране, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорил У. Черчилль с советским послом И. М. Майским⁴².

Интересно отметить, что, по воспоминаниям советского дипломата В. М. Бережкова, Москве долгое время не удавалось найти общий язык с США по иранскому вопросу. Американский посол Л. Штейнгардт во время посещения Наркоминдела вновь и вновь пускался в рассуждения о том, что по отношению к Ирану не следует принимать резких мер, что лучше постараться уговорить старого Реза-шаха пресечь деятельность гитлеровской агентуры и установить более тесные отношения с союзниками. Тогда, дескать, можно будет решить и все другие вопросы, в частности проблему налаживания транспортного пути от Персидского залива до советской границы. С большим трудом советским дипломатам удалось снять возражения США против англо-советской акции в Иране⁴³.

Москва поддерживала контакты с Тегераном. Советская сторона заявляла, что готова принять немедленные меры к доставке по своей транспортной сети транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. Но в ответ слышала от Реза-шаха и от его премьер-министра А. Мансура, что они в принципе не возражают против транзита советских грузов, но категорически против перевозок оружия. При этом делалась ссылка на нейтралитет Ирана⁴⁴.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 26 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. Аналогичные требования выдвигала Великобритания. С иранской стороны следовали рассуждения, что, мол, немцев раньше ни в чем

нельзя было обвинить, что ведется следствие и т.п.⁴⁵. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», — докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А. А. Смирнов⁴⁶.

Нежелание иранских властей пропускать через свою территорию оружие для СССР (а без этого «коридор» сразу терял свое значение) и нейтрализовать германскую «пятую колонну», надо полагать, стало последним толчком к военной акции со стороны союзников. Стороны приступили к планированию военной операции и ее практической подготовке.

Утром 25 августа 1941 г. от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побуждивших их ввести свои войска на территорию Ирана.

Со стороны СССР решение о вводе войск имело твердое юридическое обоснование. В феврале 1921 г. был подписан советско-иранский договор. Его 5-я и 6-я статьи касались безопасности Советского государства и предусматривали возможность военной акции. В частности, статья 6-я гласила, что в случае, «если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»⁴⁷.

У Великобритании подобного обоснования не было. У Черчилль по поводу ввода британских войск смог лишь блеснуть знанием латыни. «*Inter arma silent leges*» («когда говорит оружие, законы молчат») написал он в своих мемуарах⁴⁸.

С позиции международного права, как справедливо отмечает А. Б. Оришев, только действия Великобритании в августе 1941 г., но никак не СССР, можно характеризовать как «оккупацию»⁴⁹.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я и 47-я армии Закавказского фронта (образован 23 августа на

базе Закавказского военного округа), а также 53-я армия Среднеазиатского военного округа. Командовал Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. Разработал план операций советских войск начальник штаба фронта И. Ф. Толбухин. С британской стороны были в основном задействованы англо-индийские войска, дислоцированные в Ираке.

Утром 25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Через день границу перешли советские войска со стороны Туркмении. 25 августа, со стороны Ирака, от Басры и Багдада, двинулись в наступление англо-индийские войска. Началась операция «Согласие» (англ. *Operation Countenance*). 29 августа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона радиусом 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство М. Форуки отдало приказ своей армии не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая sporadических и локальных эпизодов. 29–30 августа иранские военнослужащие сложили оружие.

В послании, полученном в Москве 30 августа, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И далее: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу...»

В письме, отправленном 3 сентября, И. В. Сталин ответил лаконично: «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо». Но далее советский лидер подчеркнул: «Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»⁵⁰. Прозрачный намек на то, что совместные боевые действия русских и англичан необходимы в непосредственной борьбе с главным врагом — Германией.

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Поскольку иранские власти тянули

с выполнением требований союзников, последние вынуждены были ввести свои войска в Тегеран. Реза-шах отрёкся и покинул страну. Престол перешёл к его сыну Мохаммеду Реза Пехлеви, который будет править вплоть до исламской революции 1978–1979 гг. Официальные представители Германии и её союзников, а также большинство их агентов были высланы из страны.

29 января 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право «содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в таком количестве, в каком они считают необходимым», а также неограниченное право использования, поддержания, охраны и в случае военной необходимости контроля над всеми средствами коммуникаций по всему Ирану, включая железные, шоссейные и грунтовые дороги, реки, аэродромы, порты и т.д. Иран, в свою очередь, брал на себя обязательство «сотрудничать с союзными государствами всеми доступными ему средствами и всеми возможными путями с тем, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства». Не позднее чем через 6 месяцев после окончания военных действий союзных государств с Германией их войска должны были покинуть территорию Ирана⁵¹.

Однако сразу использовать иранскую территорию для масштабной помощи Советскому Союзу было невозможно из-за слабости транспортной инфраструктуры страны. В августе 1941 г. по этому маршруту можно было перебрасывать всего 10 тыс. тонн грузов в месяц. Трансиранская железная дорога, соединявшая Каспийский порт Торкеман с городом Шапур (совр. Бендер-Хомени) на берегу Персидского залива, была введена в строй в 1939 г., но для новых задач уже требовалась ее реконструкция. Её пропускная способность поначалу составляла всего по 2 состава в каждую сторону в сутки. Расширять надо было и иранские порты в Персидском заливе и на Каспии.

Союзники решительно взялись за дело. Англичане с осени 1941 г. начали необходимые работы, направляя в Иран технику и материалы с Британских островов и из Индии. В конце года

к работам были привлечены и американские специалисты. Довольно скоро они взяли в свои руки всю программу обеспечения поставок по ленд-лизу в СССР через «Персидский коридор». Численность американских военных и специалистов в Иране в конце войны достигла 30 тыс. человек.

Под руководством западных инженеров были реконструированы железные дороги, построены автодороги, идущие с юга на север страны. США поставили локомотивы и подвижной состав.

К октябрю 1942 г. объем поставок вырос до 30 тыс. тонн грузов, а к маю 1943 г. — до 100 тыс. тонн в месяц.

Пройдя через территорию Ирана, грузы далее поступали в советское Закавказье или — в меньшей степени — в Среднюю Азию. Значительная часть доставлялась на советскую территорию морским путем по Каспийскому морю. Здесь вступала в дело Каспийская военная флотилия. Но до конца 1942 г., пока не началось изгнание немцев с Северного Кавказа, ее корабли и суда подвергались активным атакам немецкой авиации, прежде всего в районе Астрахани.

Перегонка автомобилей (как правило, с полным кузовом грузов) осуществлялась в очень сложных климатических и природных условиях. Узкие горные дороги, раскалённые пустыни с пыльными бурями, жара и непогода — всё это приходилось преодолевать советским и местным водителям. Не мудрено, что на 2,5 тыс. км пути осталось немало их могил.

Маршруты движения надо было охранять не только от бандитов и воров, но и от мятежных племён, которые не подчинялись центральному правительству, да к тому же могли быть подкуплены немецкими агентами.

Чтобы облегчить и ускорить поставки транспортных средств в СССР, американцы построили в Иране несколько автосборочных предприятий. Они находились под управлением «General Motors Overseas Corporation». Так, в Андимешке находился завод ТАР-I (*Truck Assembly Plant*); в Хорремшахре — ТАР-II. Собранные на этих заводах автомашины (в основном это были «студебеккеры») своим ходом шли к советской границе. Всего с иранских предприятий в СССР было отправлено более 184 тыс. автомобилей.

Были возведены также авиасборочные предприятия, на которые морем поступали комплектующие. Собранные самолёты с советскими экипажами из специальных перегоночных полков

перелетали на советскую территорию. Работа на авто- и авиасборочных предприятиях, расположенных на юге Ирана или в Ираке, также требовала максимальной отдачи от местных рабочих, от американских и английских инженеров, от советских лётчиков и сотрудников приёмных комиссий. Работать зачастую приходилось с 3–4 часов до 11 часов утра. Позднее металл раскалялся настолько, что можно было получить ожоги.

Минусом трансиранского маршрута была затрата очень большого времени для его преодоления. Суда с Восточного побережья США вокруг Африки шли до портов Персидского залива около 75 дней. Это срок удалось сократить только после того, как в 1943 г. из войны вышла Италия и появилась возможность идти не вокруг Африки, а через Средиземное море.

Для переброски самолётов был налажен трансафриканский маршрут. Американцы вслед за англичанами стали летать из США с промежуточной посадкой на британских базах в Вест-Индии или на аэродромах северо-востока Бразилии (Белем, Натал). Затем путь шёл через Атлантику до британских (с конца 1942 г. и французских) владений в Западной Африке, оттуда в Хартум и далее в Каир и по всему Ближнему Востоку. Позднее маршрут был продлен в Индию и на Дальний Восток. После открытия авиабазы на острове Вознесения (июль 1942 г.) летать через Атлантику могли не только 4-моторные, но и 2-моторные самолёты. Истребители везли в разобранном виде на судах и собирали на заводе в Такоради (Гана), откуда они шли над Африкой своим ходом.

Американцы развернули на этом маршруте всю необходимую инфраструктуру: наладили навигацию, радиосвязь и метеослужбу, построили взлетно-посадочные полосы с твёрдым покрытием, ангары, ремонтные и сборочные заводы и др. Это был самый быстрый путь поставок вооружений по воздуху из США в Азию, Европу и Африку. Тем более что зимой летать через Северную Атлантику было практически невозможно и путь через Бразилию и Западную Африку приобретал особое значение.

Одно из продолжений трансафриканского маршрута пошло через Персидский залив и Иран в Советский Союз⁵².

Таким образом, «персидский коридор», объединив морские, воздушные и сухопутные пути ленд-лизовских поставок в СССР, сыграл важную роль в налаживании военно-экономи-

ческого сотрудничества стран антигитлеровской коалиции⁵³.

В самом конце войны суда с ленд-лизовскими грузами из Средиземного моря могли идти уже не только в Персидский залив, но и в **Черное море**. Но за короткое время объем помощи по этому маршруту составил лишь несколько процентов.

Арктические конвои

Арктические конвои еще называются «северными», «полярными», «мурманскими» или «союзными» конвоями⁵⁴.

Этот путь был самым коротким, самым быстрым, но и самым опасным. Благодаря художественной литературе, кинематографу, а также воспоминаниям участников конвоев он, безусловно, лучше всего известен широкой публике. У некоторых даже складывается впечатление, что это был главный и чуть ли не единственный маршрут союзных поставок в СССР. На деле он оказался третьим по объему доставленных грузов.

Маршруты, которыми следовали арктические конвои, проходили в сложных для плавания акваториях. Море постоянно штормило, налетали шквалистые ветры, очень часто висели густые туманы, возникавшие из-за столкновения теплого Гольфстрима с холодными арктическими водами. Колебания температуры и плотности разных слоев воды осложняли работу гидроакустиков, следивших за подводными лодками. Зимой движению кораблей мешали льды, к тому же надводная часть судов очень быстро покрывалась слоем льда, что нарушало их остойчивость. Полярная ночь мешала судовождению, зато скрывала караваны от противника. Но во время полярного дня спрятаться было невозможно.

Организация арктических конвоев осуществлялась следующим образом. Суда из портов Восточного побережья США под конвоем союзных кораблей приходили в Великобританию или в Исландию, которая ещё в 1940 г. была оккупирована американскими и английскими войсками. В шотландской бухте Лох-Ю, в Рейкьявике и в заливе Хваль-фиорд из американских, британских и советских судов формировались уже собственно арктические конвои. Поначалу в их составе было около десятка судов, а в последний период войны могло быть до полусотни. С 1942 г. «американцев» было больше половины.

Ответственность за охрану и проводку конвоев несло британское адмиралтейство. Оно тщательно планировало свои действия. Направлявшиеся в СССР конвои получали кодовое обозначение PQ с соответствующим номером. PQ — это инициалы британского морского офицера Питера Квилины (Peter Quelyn), который занимался этими операциями. На обратном пути конвои имели обозначение QR. С конца 1942 г. были введены аббревиатуры JW и RA.

Караваны торговых судов сопровождались эскортом из боевых кораблей: крейсеров, эсминцев, сторожевиков. Маршрут конвоя составлялся в каждом конкретном случае и зависел от ледовой обстановки и действий противника. Обычно летом караваны шли между кромкой льда и островом Медвежий, зимой — южнее этого острова.

При пересечении 18° (позднее 20°) в.д. конвои вступали в операционную зону советского Северного флота. Эскорт усиливался за счет советских кораблей (обычно 2–3 эсминца) и авиации. Кроме того, в задачу моряков-североморцев входил поиск подводных лодок противника, траление фарватеров в горле Белого моря и на подходах к портам назначения, при необходимости — использование ледоколов. Советские средства противовоздушной обороны (ПВО) защищали Мурманск и другие важные объекты на советской территории. Советская авиация вела разведку и наносила по противнику удары с воздуха. Советские подлодки занимали позиции у немецких военно-морских баз и на пути возможного движения кораблей противника.

Через 10–14 суток конвои подходили к советским водам. Здесь они могли разделяться в зависимости от пунктов назначения. Одни шли в Мурманск, а другие — в Архангельск и Молотовск (совр. Северодвинск). Для приёма большого количества судов и переработки огромного количества грузов пришлось коренным образом реконструировать эти порты: строить причалы, склады, ставить большие грузовые краны и т.д. Из этих приморских городов по железной дороге грузы доставлялись на фронт и в тыловые районы СССР.

По северному маршруту в 1941 г. Советский Союз получил примерно 40 % всех поставок. Важнейшим грузом, доставлявшимся в СССР арктическими конвоями, было оружие. К концу года северным путем было доставлено 699 самолетов, 466 танков, 330 танкеток и другая военная техника и вооружение. Хотя на

фоне острейшей потребности Красной армии в вооружении эти поставки могли показаться не слишком впечатляющими, тем не менее на фронте они пришлись очень кстати. Кроме того, они имели большое психологическое значение, демонстрируя, что СССР воюет не один, а в союзе с западными демократиями. С середины 1942 г. основной поток грузов пошел через Тихий океан и Персидский залив.

Разгрузившись, транспортные суда опять собирались в конвои для обратного пути. Многие из них везли из Советского Союза в США и Великобританию важное стратегическое сырье. Это был так называемый «обратный ленд-лиз».

Первый английский конвой (6 английских и 1 советский транспорты, 2 эсминца и 7 тральщиков) под кодовым названием «Дервиш» (иногда его обозначают как PQ-0) вышел в море 21 августа и пришел в Архангельск 31 августа 1941 г. До конца года в СССР пришли еще шесть союзных конвоев и четыре отправились обратно. Причем все они добрались до цели без потерь.

Поначалу гитлеровское командование, будучи уверено в успехе своего «блицкрига» против Советского Союза, не проявляло особой активности в северных морях. Но с начала 1942 г. ситуация изменилась. Немцы сосредоточили на базах в Норвегии свои самые крупные надводные корабли (линкор «Тирпиц», «карманный» линкор «Шарнхорст», тяжелые и легкие крейсера), немалое количество подводных лодок и самолетов. Началась настоящая охота за союзными караванами. Получив разведывательную информацию о выходе конвоя, немцы обычно развертывали до 10–15 своих подводных лодок в районе острова Ян-Майен и у Новой Земли. Их бомбардировщики и торпедоносцы преследовали союзные корабли и наносили по ним удары. Несколько раз на перехват конвоев выходили линкоры и тяжелые крейсера кригсмарине.

7 января 1942 г. произошла первая потеря — британский транспорт «Вазиристан» из конвоя PQ-7. На перехват конвоя QR-8 вышел линкор «Тирпиц» с кораблями сопровождения, но потопить удалось только отставший от остальных советский транспорт «Ижора».

30 апреля был торпедирован возвращавшийся из Мурманска британский крейсер «Эдинбург», который вез примерно 5,5 т золота в уплату за военные поставки (в 1980-е гг. золото было поднято со дна и поделено между СССР, Великобританией и фирмой, проводившей подводные работы).

Учитывая резко возросшую активность противника, англичане увеличили силы эскорта с упором на противовоздушную и противолодочную оборону. Для отражения атак крупных кораблей противника на определенном удалении от конвоев шли отряды дальнего оперативно-го прикрытия, ядром которых обычно были 1–2 линкора и 1 авианосец. Советский Северный флот также активизировал свои усилия по защите конвоев, направляя навстречу им практически все наличные силы. Тем не менее потерь избежать не удалось.

Наиболее известна печальная история конвоя PQ-17⁵⁵, вышедшего из Исландии 27 июня 1942 г. Британское командование, получив неподтвержденную (как потом выяснилось, преждевременную) информацию о выходе в море линкора «Тирпиц», дало команду своим кораблям охранения уходить на запад, а торговым судам рассредоточиться и самостоятельно добираться до советских портов. «Тирпиц» тем временем вернулся на свою базу, а немецкие подлодки и самолеты принялись гоняться за беззащитными транспортом. В итоге из 36 судов было потоплено 23, вернулись в Исландию 2, дошли до Мурманска и Архангельска 11. Доставлено по назначению было только 896 автомобилей из 3350, 164 танка из 430, 87 самолётов из 210. После таких потерь англичане прекратили отправку конвоев.

Разгромив конвой PQ-17, Германия захватила инициативу в северных морях. Немцы готовились расширить сферу своей активности в Арктике. Помимо Мурманска, массированным бомбардировкам стал подвергаться Архангельск. На Шпицбергене, Новой Земле и Земле Франца-Иосифа были устроены тайные базы с метео-и радиоаппаратурой и необходимыми запасами. В августе 1942 г. немцы провели крупную операцию в Карском море с участием тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер» и подлодок, намереваясь прервать судоходство по Северному морскому пути. Крейсер обнаружил и собрался уже разгромить караван советских судов, когда на его пути появился ледокольный пароход «Сибиряков». Советский экипаж не имел никаких шансов против крупного боевого корабля, но принял бой и, прежде чем погибнуть, успел передать в открытый эфир сообщение о немецком рейдере. Когда «Шеер» через сутки подошёл к Диксону, одному из главных портов на трассе Севморпути, его встретили огнём, и тому в итоге пришлось убраться восвояси.

После прорыва германо-итальянской блокады Мальты в середине августа 1942 г. англичане оказались готовы возобновить конвойные операции на Севере. В сентябре в путь отправился PQ-18, самый большой конвой из 40 судов. Его сопровождал значительно более сильный, чем раньше, эскорт, впервые включавший авианосец. Однако потеряно было 10 транспортов (по другим данным — 13). Затем подошло время перебрасывать силы и средства для десантирования англо-американских войск в Северной Африке. Арктические конвои снова не ходили, теперь уже до наступления полярной ночи.

Таким образом, в 1942 г. немцы добились наибольших успехов в Арктике, потопив 69 союзных транспортов из 85, которых им удалось уничтожить в этом районе за всю войну. Омрачило радужное настроение гитлеровцев только одно событие под занавес года. 31 декабря состоялся бой в Баренцевом море (так называемый «новогодний бой»). Более слабые британские силы охранения отогнали от конвоя JW-51B два немецких тяжёлых крейсера с кораблями сопровождения. Эта неудача стоила гросс-адмиралу Э. Редеру поста главнокомандующего кригсмарине.

Полярный конвой под новой аббревиатурой JW-51A отправился в декабре 1942 г., за ним до февраля — еще три. Но с марта по ноябрь 1943 г. конвои снова не ходили (высадка в Сицилии, полярный день и т.п.). Возобновившись, движение продолжалось до апреля 1944 г. и затем с августа 1944 г. уже без пауз до мая 1945 г. Потери союзников стали заметно меньше, чем в тяжёлом 1942 г. Более того, 26 декабря 1943 г. в бою у мыса Нордкап (в самом северном сражении в истории) британский флот потопил немецкий «карманный» линкор «Шарнхорст», пытавшийся перехватить конвои JW-55B и RA-55A. Что касается линкора «Тирпиц», чьей угрозы арктическим конвоям так опасались союзники, то он практически всю войну простоял в норвежских фиордах, пока не был потоплен английской авиацией в ноябре 1944 г.

Прекращение отправки северных конвоев вызывало болезненную реакцию в Кремле. Ведь это был самый быстрый путь доставки оружия в СССР. Конечно, британское правительство и адмиралтейство всегда находились вроде бы весомые объяснения (большие потери, нехватка тоннажа, собственные десантные операции, деблокирование Мальты, переброска американских войск через Атлантику, полярный день).

Анализ движения русских конвоев

	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Число конвоев, отправленных на север СССР	8	13	6	9	4	40
Число судов в конвоях	64	256	112	284	95	811
Число обратных конвоев	4	13	6	9	5	37
Число судов в обратных конвоях	49	188	93	249	136	715
Число судов, вернувшихся из-за ледовой обстановки или полученных повреждений	45	21	8	6	1	40
Число судов, потопленных подводными лодками	1	24	4	7	5	41
Число судов, потопленных авиацией	-	36	-	-	1	37
Число судов, потопленных военными кораблями	-	3	-	-	-	3
Число судов, потопленных авиацией или подорвавшихся на минах после прибытия в Кольский залив						5
Число судов, затонувших во время штормов						1
Число судов, подорвавшихся на британских минных полях						5
Число судов, потопленных во время плавания вне конвоев						6
Общее число потопленных судов						98

Источник: Шофилд Б. Арктические конвои. Северные морские сражения во Второй мировой войне. М., 2003. С. 283.

Но в глазах советского руководства все это не выглядело убедительным.

В послании британскому премьеру И. В. Сталин назвал «непонятным и необъяснимым» действие английского адмиралтейства, приведшее к гибели конвоя PQ-17. Конечно, регулярные поставки в северные советские порты невозможны «без риска и потерь». «Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь, — подчеркнул советский руководитель. — Вам, конечно, известно, что Советский Союз несёт несравненно более серьёзные потери». И. В. Сталин выразил крайнее удивление («Я никак не мог предположить»!) отказом Великобритании в подвозе военных материалов именно теперь, когда СССР особенно в этом нуждался из-за «серьезного напряжения на советско-германском фронте». Поставки же через порты Ирана ни в коей мере не окупили бы этих потерь⁵⁶.

Напряжение на фронте действительно было более чем серьёзным. Послание было отправлено в Лондон 23 июля 1942 г. Уже несколько дней, как ударные немецко-фашистские группировки вышли на рубеж рек Чир и Цимла (17 июля) и, преодолевая сопротивление советских войск, ринулись в большую излучину Дона и далее на Сталинград. Началась величайшая и ожесточённая битва, которой суждено было стать переломным пунктом Второй мировой войны.

Был только один вопрос, ради которого СССР был готов согласиться с уменьшением поставок северными конвоями. Это вопрос об открытии «второго» фронта в северо-западной Франции, что в наибольшей степени облегчило бы положение Красной Армии. Такой вариант обсуждался во время поездки В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае–июне 1942 г. И. В. Сталин тогда телеграфировал советским представителям, что надо сообщить Ф. Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение его заявки на тоннаж (на 40 %) с добавлением, что оно идет на это, чтобы «облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там „второго“ фронта в 1942 г.»⁵⁷. Но союзники в итоге и конвои прекратили посылать и «второй» фронт в 1942 г. не открыли (как, впрочем, и в 1943 г.).

Всего в 1941–1945 гг. в Советский Союз по арктическому маршруту пришло 40 конвоев, насчитывавших 811 судов. Из них 56 транспортов затонули, а 33 вынужденно вернулись в порты отправления. В обратном направлении проследовало 35 конвоев из 715 судов. 29 из них затонули, а 8 вернулись. Было потеряно 16 боевых кораблей, погибло свыше 3 тыс. моряков.

В СССР было доставлено около 4,5 млн т грузов, причем в поставках оружия на долю этого маршрута пришлось около половины (около 5 тыс. танков, 7 тыс. самолетов и т.д.).

ПОМНИМ

В последние десятилетия достаточно активно проявляло себя братство северных (арктических, полярных) морских конвоев. В Великобритании и России были созданы соответствующие общественные организации. Российские, британские, американские, канадские участники этих походов встречаются друг с другом, наносят визиты своим соратникам из других стран. В российском посольстве в Лондоне неоднократно вручались медали британским ветеранам, а министерство обороны Великобритании учредило свой собственный памятный знак «Арктическая эмблема». Периодически встречи в Лондоне проходили на борту крейсера «Белфаст», единственного корабля — непосредственного участника северных конвоев, который стоит в Лондоне у Тауэрского моста. Памятники в честь соратников по оружию установлены в Мурманске и на Оркнейских островах близ Шотландии.

Значение сотрудничества

Начиная с лета 1941 г. постепенно складывался механизм военно-экономического сотрудничества СССР, США и Великобритании. Происходило это не просто. Но со временем, преодолевая недоверие, подозрительность и просто незнание многих вещей, стороны лучше стали понимать потребности и возможности друг друга, особенности законодательства и внутренних процедур другой стороны, характерные черты национального поведения и менталитета. Записанные на бумаге обязательства наполнялись реальным содержанием.

Конечно, путь ленд-лизингового продукта был долг и труден. Заказ — производство — приемка — транспортировка — разгрузка — сборка (если нужна) и подгонка под местные условия и потребности — техническое обслуживание — обучение кадров — боевое применение — и (зачастую) утилизация. На любом из этих этапов могли возникнуть сбои и трудности, которые, в свою очередь, давали повод для взаимных упреков и непонимания.

Первое время, например, возникали большие проблемы на уровне заказа и приемки продукции у союзников. Надо было точно и правильно определить, сформулировать и оформить заказ, а затем проконтролировать качество, комплектность продукции и ее отгрузку. Страшно не хватало людей, которые были бы технически грамотны, имели военный опыт, да еще знали бы английский язык.

О языке отдельный разговор. До войны в СССР в школах и вузах повсеместно изучался немецкий язык. «Знания» английского в войсках хватало лишь на то, чтобы расшифровать аб-

бревиатуру «USA», стоявшую на американской технике, как призыв «Убей суку Адольфа»⁵⁸.

Сотрудникам закупочных и приемочных комиссий надо было разбираться в англоязычных инструкциях, маркировке, вести диалог с коллегами. Едва ли стоит удивляться неразберихе и нелепицам, которые первое время встречались в организации такого большого и трудного дела. Тем более говорить, как иногда делается в современных публикациях, что все это достойно «пера юмориста». Но где было взять «специалиста-зенитчика» со знанием английского языка для отправки в США? (Кстати, а где были американские «специалисты-зенитчики» со знанием русского языка?)

Так же едва ли стоит считать, что срыв поставок из США по объему, номенклатуре и комплектации в конце 1941 г. «произошел почти исключительно по вине советской стороны». Ответственность должна была быть, наверное, обоюдной. Разве американцы, со своей стороны, не должны были делать все как положено, а не поставлять в порты истребители без пропеллеров, вооружения и комплекта запчастей? Приемка только контролировала то, что уже прислано. Тем более что, по мнению советской стороны, в это время Великобритания выполняла свои обязательства «более или менее точно и аккуратно, чего нельзя сказать о поставках США»⁵⁹.

Немалые трудности вызывало освоение и эксплуатация западной техники, которая, как правило, была выполнена на другом техническом уровне, требовала особого подхода и специальных знаний. Для советских военных и рабочих, общеобразовательный и технический уровень подготовки которых был не слишком высок, все это было непривычно и усваивалось

непросто. В результате — аварии, поломки, неэффективность использования техники.

Возьмем для примера автомобиля. Самой распространенной отечественной машиной была «полуторка» ГАЗ–ММ (конструктивно это была полная техническая копия американского грузовика «Форд»). В годы войны она выпускалась в упрощенном варианте: без правой фары, зеркала заднего вида, бампера, глушителя, клаксона, передних тормозов, дворника. Кабина делалась из досок и фанеры, а то и просто в виде деревянного каркаса, обтянутого тканью. Сидение водителя было цельнодеревянным, без какой-либо обивки, а из элементов управления имелись педали газа и тормоза, ручка КПП (без набалдашника), руль и бензосчетчик. Ездил такая машина на любом бензине (а в жару — и на керосине) и потребляла любое моторное масло. Оправдывалось это тем, что во фронтовой полосе такие автомобили в среднем жили несколько дней. Понятно, что ощущал армейский шофер, пересев в «студер» (так в войсках сразу окрестили американские грузовые автомобили «студебеккер»): высокая посадка с хорошим обзором, мягкое сиденье, хорошие амортизаторы, отапливаемый салон, эргономичные элементы управления, а в добавок еще и теплая куртка из тюленьей кожи (если, конечно, ее не направили по другому адресу тыловики). Но с такой машиной и обходиться нужно было соответственно, особенно в том, что касалось качества топлива и моторных масел. В составленной для советских водителей инструкции по эксплуатации было даже отдельным пунктом написано: «студебеккер — не «полуторка», на керосине он не поедет»⁶⁰.

В 1941–1945 гг. СССР получил от западных союзников 18 300 самолетов (15% от советского производства), 12 тыс. танков (12%), 596 боевых кораблей и судов. Основная часть оружия поступила в 1943–1945 гг. Кроме того, СССР получил 427 тыс. автомобилей, около 2 тыс. паровозов и 11 тыс. вагонов (показатели производства в СССР соответственно 219 тыс., 92 и около 1 тыс.). Было поставлено 189 тыс. полевых телефонов, 670 тыс. миль кабеля, 44 тыс. металлорежущих станков (четверть советского производства), а также сталь, алюминий, химические вещества, большое количество продовольствия и т.д.

Необходимо отметить, что в литературе приводятся не всегда совпадающие цифры относительно ленд-лизских поставок. Зависит это от того, что считать (заказанное, произве-

денное, принятое, отгруженное, полученное), за какой период (включать ли, например, поставки во время до распространения на СССР режима ленд-лиза), из каких источников (только из США или еще из Великобритании и Канады).

Союзники поставляли в СССР немало вооружения и военного снаряжения. Многие его типы были особенно ценны для советской стороны из-за их высокого качества (например, истребители «Аэрокобра») или по причине их острой нехватки или даже отсутствия соответствующего собственного производства (бомбардировщики, транспортные самолеты, гидросамолеты, боевые корабли, а также автомобили, средства связи, радиолокаторы, гидроакустическое оборудование и др.). Но очень большое значение имела также поставка в СССР промышленного оборудования, подвижного состава железных дорог, рельсов, торговых судов, одежды, продовольствия, медикаментов и материалов, необходимых для военной экономики и восстановления разрушенного войной хозяйства. Помощь союзников в налаживании в СССР собственного производства и решении острых хозяйственных и социальных проблем была, может быть, даже важнее поставок самого оружия.

Вопрос о масштабах и значении ленд-лиза неоднозначно оценивается в отечественной историографии. Традиционно считалось, что из 46 млрд долл. общих расходов США по ленд-лизу на долю СССР пришлось 9,8 млрд долл. (для сравнения: Британская империя получила 30,3 млрд долл.)⁶¹. В современной литературе встречаются и другие оценки. Общая стоимость поставок из США в СССР определяется в 11,3 млрд долл. Кроме того, от Великобритании по ленд-лизингской программе было получено товаров на 1,7 млрд долл., а из Канады — на 200 млн долл. В итоге общая сумма всех поставок в СССР по ленд-лизу составила 13,2 млрд долл. Удельный вес ленд-лиза в общем объеме промышленного производства в Советском Союзе составил не менее 7% (с учетом инфляции в СССР и США в 1942 г.). При этом надо учитывать качество западной техники и наличие узких мест в советской экономике⁶².

11 июня 1945 г., в третью годовщину подписания советско-американского Соглашения о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, И. В. Сталин направил новому президенту США Г. Трумэну послание, в котором просил принять выражение благодарности от советского правительства

и от себя лично. «Это соглашение, — писал советский лидер, — на основе которого Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии»⁶³.

Хотелось бы в заключение задать несколько простых, но в то же время принципиальных вопросов по военно-экономическому сотрудничеству СССР с западными державами в годы Великой Отечественной войны.

Должны ли мы быть благодарны США и Великобритании за их помощь по ленд-лизу? Конечно, да. И низко поклониться солдатам этих стран, которые вместе с нашими отцами и дедками сражались против общего врага всего человечества — фашизма во имя нашей общей Победы. Каждый поставленный союзниками танк, самолет, паровоз и даже пара сапог облегчала положение нашей страны, позволяла уменьшить наши жертвы, делали жизнь наших людей в то суровое время чуточку легче, а Победу — ближе.

Нужно ли нам расплачиваться по ленд-лизским долгам? Безусловно. По денежным счетам надо платить. Это дело чести. Кажется, этот вопрос в XXI веке, решается.

Не надо только к месту и не к месту стремиться как-то уколоть СССР. Один известный автор, много пишущий по истории войны, дал своей газетной статье о ленд-лизе броский подзаголовок: «Советский Союз оплатил ничтожно малую часть стоимости полученного от Запада вооружения и многого другого»⁶⁴. Несведущий человек сразу подумает: «Какие эти Советы были неблагодарные!»

Но, во-первых, СССР и не должен был платить за все. Подавляющая часть полученного от союзников была израсходована, уничтожена, утрачена в ходе войны, а стало быть, по условиям ленд-лизских поставок, оплате не подлежала. Во-вторых, на переговорах о долге за ленд-лиз в первые послевоенные годы позиция США формировалась под воздействием «холодной войны», наверное, не в меньшей степени, чем позиция СССР. В-третьих, в далеком уже 1972 г. было достигнуто соглашение о порядке погашения долгов по ленд-лизу. Советский Союз начал осуществлять платежи, но потом прекратил их из-за принятия в США пресловутой поправки Джексона-Вэника (о чем пишет сам же автор

статьи). Тогда вопрос о ленд-лизском долге был увязан с предоставлением Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле с США.

Мог ли Советский Союз победить Германию без помощи союзников? Хотя здесь мы вступаем в сферу догадок и предположений, есть основания говорить: да, победил бы. Если мы выстояли в страшные 1941–1942 гг., когда помощь союзников была достаточно ограниченной, и в 1943-м переломили ход войны, то мы бы и дальше громили врага. Пусть даже без «Аэрокобр», «Дугласов», радиостанций, свиной тушенки и колючей проволоки, привозимых из-за океана. Ясно, что это потребовало бы огромных дополнительных усилий и неведь какого количества новых жертв. Но свою волю к победе и готовность к самопожертвованию, свое умение держать удар и побеждать, наш народ уже доказал.

Говоря о значении поставок по ленд-лизу, многие почему-то берут в расчет лишь чисто материальную сторону дела. Мол, прислано столько-то танков, самолетов... Но ведь оружие воюет не само по себе. Пока его не возьмет в руки солдат, это просто «железо». Воюют люди. Советские солдаты, сражаясь и отечественным, и американским или английским оружием, проливали на полях сражений свою кровь, ценность которой — в отличие от танков и самолетов — не измерить никакими долларами.

Впрочем, не менее закономерен встречный вопрос: а *смогли бы англосаксы победить Гитлера, если бы тому удалось разгромить СССР, обессилевшего без ленд-лизингового допинга?* Хватило бы у США и Великобритании военных, экономических, политических и — что очень важно — психологических сил и возможностей, чтобы противостоять гитлеровской Германии, а также Японии? И нести при этом гораздо большие (может быть, даже неизмеримо большие) потери, чем при сохранении Восточного фронта? Здесь, впрочем, тоже сфера догадок и предположений.

Почему-то любители поговорить о «спасительном» для СССР ленд-лизе этот «встречный» вопрос предпочитают не задавать. Между тем вторая мировая война носила коалиционный характер. Провал на одном театре военных действий неизбежно аукался на других. И разрывать их можно только гипотетически. Хотя все же можно представить себе, что было бы, если бы после падения СССР англичане снова увидели на том берегу Ла-Манша готовые к прыжку

гитлеровские полчища. Да и американцам что Атлантический, что Тихий океаны показались бы, наверное, не такими уж широкими и труднопреодолимыми.

Во время самой войны такой вопрос возникал. В мае 1942 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов, находившийся с визитом в Лондоне, задал У. Черчиллю прямой вопрос, какой будет позиция Великобритании, если СССР не выдержит напора Германии. Согласно протоколу совещания, британский лидер ответил, что тогда «Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью, и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления Советской Армии»⁶⁵.

Не стоит представлять ленд-лиз лишь как «дорогу с односторонним движением». Обсуждать надо не только то, насколько весома и эффективна была помощь Советскому Союзу от западных союзников, но и то, какую они поддержку получили от Красной Армии и в каком положении оказались бы без СССР.

И в этой связи следующий вопрос: *был ли ленд-лиз актом бескорыстия, благотворительности и милосердия?* Нет, не был. Может быть, рядовые солдаты и матросы союзников и простые граждане западных стран воспринимали именно так свой союзнический долг перед Россией. Но у западных политиков в головах был прежде всего трезвый расчет и свой интерес.

Даже название закона о ленд-лизе говорит само за себя: «Акт по усилению обороны Соединенных Штатов». Распространялся он на те страны, оборона которых, по мнению американского президента, считалась существенной для обороны США⁶⁶.

Можно назвать эту политику Запада «просвещенным эгоизмом» (Э. Стеттиниус)⁶⁷. Но можно и просто эгоизмом без всяких смягчающих определений. Расчет западных лидеров был очевиден: раз уж СССР стал их союзником, то пусть он и несет основное бремя войны, а мы свои силы будем экономить и копить для решающих событий. Конечно, вслух об этом предпочитали не говорить, а рассуждали о доблестном русском союзнике. Цинично? Да. Но это большая политика, а там все бывает.

Ринуться в бой, чтобы спасти союзника, когда можно еще подождать, получше подготовиться и тем самым сократить свои потери — нет, видимо, западный менталитет к этому не готов. Это Россия могла, например, в августе 1914 г., не закончив подготовку, бросить свои войска в наступление в Восточной Пруссии, потому что французы уж очень просили: немцы тогда рвались к Парижу. Эти войска там, в Восточной Пруссии, и погибли, но, как смогла, Россия своих союзников поддержала. Когда в 1915 г. Восточный фронт прогибался под натиском кайзеровских войск, адекватной реакции со стороны англичан и французов не последовало.

Д. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании времен Первой мировой войны (в его кабинет У. Черчилль входил как военноморской министр) вспоминал: «В ответ на каждое предложение снабдить Россию снарядами французские и английские генералы заявляли в 1914, 1915 и 1916 годах, что им нечего дать и что уже посланное дано в ущерб себе». «Великое отступление 1915 года, — продолжал Д. Ллойд Джордж, — когда русские армии были в беспорядке и с небывалыми потерями оттеснены из Польши и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии, винтовок и снарядов»⁶⁸.

Подобная ситуация могла бы сложиться и во Второй мировой войне, но на сей раз союзники все же оказали России гораздо большую помощь, а главное — Красная Армия оказалась крепче царской.

Сказанное не умаляет доблесть тех же англичан, которые после позорного бегства из Дюнкерка не дрогнули, не пошли на поклон к Гитлеру и уже вскоре побеждали люфтваффе в «Битве за Англию» и дальше стойко бились с нацистами. Или военные усилия американцев, которые вплоть до 1945 г. несли основную тяжесть войны с Японией на Тихом океане, добавив к этому свой вклад в победу над немецко-фашистскими силами в Северной Африке, Италии, Западной Европе и Атлантике.

Но в отношении Советского Союза руководители США и Великобритании действовали, исходя из особого отношения к нему как к союзной, но все же чужеродной силе. Надо думать, что сказывалось также традиционное представление о России как кладези неисчерпаемых людских (и прочих) ресурсов, которые можно тратить и тратить. Здесь им не лучший пример подавали сами же российские правители разных эпох.

Политика сбережения собственных сил (читай, сохранения жизни своих солдат) сама по себе очень разумна и благородна. И России (СССР) не худо было бы этому поучиться у Запада. Но в коалиционной войне, когда один союзник истекает кровью и держится из последних сил, а другие шлют ему материальную помощь, но сами по-настоящему в сражения не вступают, эта политика выглядит несколько иначе. Смысл стратегии Лондона и Вашингтона по затягиванию открытия «второго» фронта был понятен даже простым людям. Не случайно в Советском Союзе ленд-лизговскую тушенку с ироническим упреком называли «второй фронт».

Вкратце выгоды от ленд-лиза для Запада, в первую очередь для США:

- СССР отвлекал на себя подавляющую (в начале войны) или большую (в конце) часть сил фашистской Германии и тем самым сокращал потери и расходы союзников;
- для Великобритании была снята непосредственная угроза нацистского вторжения, а США получили крайне важную стратегическую паузу в борьбе с Германией и могли пока сосредоточиться на боевых действиях с Японией. Эта пауза была очень нужна для развертывания вооруженных сил и их подготовки к будущим сражениям, для перевода экономики на военные рельсы и наращивания военного производства, для перестройки общественно-политической жизни и морального настроя народа в соответствии с потребностями военного времени;
- государственные расходы в США по программе ленд-лиза стали мощным стимулом для оживления и подъема экономики, для обновления и расширения производства в частном секторе, для увеличения занятости, нового строительства и так далее. США вложили в ленд-лиз около 12 центов из каждого доллара, истраченного на войну⁶⁹;
- через систему ленд-лиза США получили возможность воздействовать на внешнюю и внутреннюю политику других стран, осу-

ществлять свою внешнеторговую и внешне-экономическую экспансию, в перспективе — влиять на будущее развитие международных, экономических и валютно-финансовых отношений в мире;

- «обратный ленд-лиз». Так, США получили от СССР 300 тыс. т хромовой, 32 тыс. т марганцевой руды, значительное количество платины, технологию производства морозостойких шин и др.⁷⁰. Даже англичанам давали понять, что помощь будет предоставляться «в обмен на желательные политические и экономические выгоды». США, в частности, получили ценную научную информацию о радарх и атомных исследованиях⁷¹.

Пройдя сложный и трудный путь становления и развития, военно-экономическое сотрудничество СССР, США и Великобритании превратилось в одну из основ союза этих государств в войне против фашистско-милитаристского блока и внесло важный вклад в общую Победу. Оно показало возможность диалога, взаимодействия и даже взаимопомощи столь разных государств, содействовало сближению обществ, народов и отдельных людей, общавшихся в ходе этого сотрудничества, способствовало улучшению их взаимопонимания.

В целом успешный, хотя внутренне противоречивый, опыт сотрудничества трех великих держав давал основания для определенного оптимизма в отношении будущего послевоенного устройства мира и благополучного взаимодействия этих трех держав. Судя по всему, свои планы на этот счет были у советской стороны. Были они и у американцев. Так, известный историк У. Ф. Кимболл отмечал, что поддержка Советского Союза определенно вписывалась в политическую стратегию Ф. Рузвельта, «направленную на превращение революционных большевиков в цивилизованных русских»⁷². Но история в тот момент пошла другим путем, и сотрудничество СССР с западными державами уступило место «холодной войне».

¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. — М., 2000; Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 2004.

² Встречайте, Скалистые горы. Свидетельства ветеранов Второй мировой войны — участников северных конвоев. 1941–1945 — СПб., 2009; Полярный конвой. Воспоминания участников. — СПб., 2005.

³ Бровцына М. А. Роль Восточно-Сибирского региона в осуществлении авиационного ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны 1942–1945 гг. — Красноярск, 2006; Головатина П. М. Англо-американская и оте-

чественная историография помощи Советскому Союзу по ленд-лизу в годы Второй мировой войны (1941–1945). — Екатеринбург, 2006; Лаптев А.Н. Союзнические отношения в годы Великой Отечественной войны и проблема ленд-лиза. — М., 2004.

⁴ Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. — М., 2004; Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. — М., 2008; Полярные конвои в иллюстрациях и статистике. — СПб., 2005.

⁵ Барятинский М.Б. Танки ленд-лиза в бою. — М., 2009; Коломиец М., Мощанский И. Танки ленд-лиза. — М., 2000; Кочнев Е.Д. Автомобили Великой Отечественной. — М., 2010; Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. — М., 2005; Зефилов М.В., Дёгтев Д.М., Баженов Н.Н. Тени над Заполярьем: Действия люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. — М., 2009; Котельников В.Р. Краснозвездные «американцы» Сталина. А-20 «Бостон», штурмовики, бомбардировщики, торпедоносцы, истребители. — М., 2010.

⁶ Дин Д. Станный союз. — М., 2005; Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. — М., 2004; Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х годах (документальные очерки). — М., 2006; Поздеева Л. Лондон — Москва: Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. — М., 2000; Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. — М., 2010.

⁷ Шофилд Б. Арктические конвои. Северные морские сражения во Второй мировой войне. — М., 2003; Полярные конвои. — М., 2003; Скофилд Б. Русские конвои. — М., 2003; Поуп Д. Новогодний бой. — М., 2003; Два конвоя: PQ-17 и PQ-18: Сб. Лунд П. PQ-17 — конвой в ад; Брум Дж. Конвою рассеяться!; Смит П. Победа в Арктике. — М., 2004.

⁸ Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. — М., 2000. — Загадки ленд-лиза:

⁹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1983. — С. 513–514.

¹⁰ Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. — М. 2004. — С. 132–135.

¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Вып. 1. — М., 1944. — С. 30.

¹² Советско-английские отношения... Т. 1. — С. 9.

¹³ Там же. — С. 513.

¹⁴ Мальков В.Л. Указ. соч. — С. 358–359.

¹⁵ Харламов Н.М. Трудная миссия. — М., 1983. — С. 35.

¹⁶ Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. — М., 2010. — С. 277–278. (В конце концов британские власти разрешили исполнять советский национальный гимн, но только после того, как «Интернационал» был заменён новым гимном, носившим «более русский националистический характер». Там же. С. 321.)

¹⁷ Советско-английские отношения... Т. 1. — С. 106.

¹⁸ Там же. — С. 109.

¹⁹ Там же. — С. 114–115.

²⁰ Там же. — С. 82.

²¹ Там же. — С. 13, а также С. 92–99.

²² Советско-американские отношения. 1939–1945. — С. 135.

²³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1984. — С. 83.

²⁴ Советско-американские отношения... Т. 1. — С. 59.

²⁵ Там же. — С. 80–82, 85–89.

²⁶ Там же. — С. 482.

²⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Вып. 1. — М. — С. 123–125.

²⁸ Советско-американские отношения... Т. 1. — С. 15.

²⁹ Там же. — С. 121–126.

³⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. В 2 т. Изд-е 2-е. Т. 2. — М., 1976. — С. 9–10.

³¹ Закон о ленд-лизе (от англ. lend — давать в займы и lease — сдавать в аренду) от 11 марта 1941 г. предоставлял президенту США право предоставлять займы, в аренду или иным образом вооружение, боеприпасы, промышленное оборудование, транспортные средства, продовольствие и всё прочее правительствам тех стран, оборону которых президент признает жизненно важной для безопасности США. — Прим. авт.

³² Переписка... Т. 2. — С. 14

- ³³ Паперно А.Х. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее // Отечественная история. — 1997. № 2. — С. 107–127.
- ³⁴ Сафронов В.П. Война на Тихом океане. — М., 2007. — С. 252–254.
- ³⁵ Там же. — С. 254–256.
- ³⁶ Коршунов Ю.Л. Россия и США. Страницы морской истории. — М., 2008. — С. 183–194.
- ³⁷ Почтарёв А.Н., Горбунова Л.И. Полярная авиация в России. 1914–1945 гг. Кн. 1. — М., 2011. — С. 519–543.
- ³⁸ Цит. по: Оришев А.Б. В августе 1941-го. — М., 2011. — С. 92.
- ³⁹ Оришев А.Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. — М.: 2009; Его же. В августе 1941-го. — М., 2011.
- ⁴⁰ Оришев А.Б. В августе 1941-го. — С. 27, 58.
- ⁴¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14.
- ⁴² Там же. — С. 61, 122–123, 132.
- ⁴³ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. — М., 1982. — С. 99–100.
- ⁴⁴ Документы внешней политики. Т. XXIV. — С. 86–87, 116, 227.
- ⁴⁵ Там же. — С. 128.
- ⁴⁶ Там же. — С. 227.
- ⁴⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. — М. 1959. С. 538–539
- ⁴⁸ Черчилль, У. Вторая мировая война. В 3 кн. Кн. 2. Т. 3–4. — М., 2010. — С. 246.
- ⁴⁹ Оришев А.Б. В августе 41-го. — С. 115.
- ⁵⁰ Переписка... Т.1. — С. 27, 29.
- ⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Вып. 1. — С. 190–194.
- ⁵² Френкель М.Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. — 1993. — № 5. — С. 42–50.
- ⁵³ В декабре 2009 г. президент Исламской Республики Иран Махмуд Ахмадинежад дал распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов СССР, США и Великобритании во время Второй мировой войны. Как сообщалось, президент Ирана планировал потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа». Газета. 2009. 22 декабря. — № 241.
- ⁵⁴ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. — М., 1997.
- ⁵⁵ См., например: Блон, Ж. Гибель союзного конвоя PQ-17 // Новая и новейшая история. — 1993. № 3. — С. 196–211.
- ⁵⁶ Переписка... Т. 1. — С. 69.
- ⁵⁷ Цит. по: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945: Факты и документы. — М., 2011. — С. 291.
- ⁵⁸ Бин Т., Фаулер У. Советские танки Второй мировой войны: бронированный кулак Сталина. — М., 2007. — С. 146.
- ⁵⁹ См.: Из справки наркома внешней торговли СССР А.И. Микояна ... — Советско-американские отношения. 1939–1945. — С. 192–196.
- ⁶⁰ http://www.kolesa.ru/article/2010/05/12/avtomobili_velikoy_voyny_chast_pervaya_gruzoviki
- ⁶¹ Великая Отечественная война: 1941–1945: энциклопедия. — М., 1985. — С. 400.
- ⁶² Бутенина Н.В. Указ. соч. — С. 232–233.
- ⁶³ Переписка... Т. 2. С. 261–262.
- ⁶⁴ Военно-промышленный курьер. 2011. 2–8 марта. № 8.
- ⁶⁵ Советско-английские отношения... Т. 1. — С. 229.
- ⁶⁶ См.: Бутенина Н.В. Указ. соч. — С. 236–239.
- ⁶⁷ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. — М., 2002. — С. 333.
- ⁶⁸ Емельянов Ю.В. Черчилль и Россия. Послесловие к книге: Бедгрида, Ф. Черчилль. — М., 2003. — С. 377.
- ⁶⁹ Загадки ленд-лиза. — С.286
- ⁷⁰ Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Указ. соч. — С. 304.
- ⁷¹ История США. В 4 т. Т. 3 (1918–1945). — С. 333–334.
- ⁷² Кимболл У. Франклин Рузвельт — главнокомандующий: 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1993. — № 1. — С. 118.

СССР и ленд-лиз в 1941–1945 годы

А. Ю. Борисов*

Вопрос о том, какую роль сыграли американские военные поставки Советскому Союзу (так называемый ленд-лиз) во время Великой Отечественной войны для приближения победы над фашизмом? до сих остаётся предметом острых дискуссий историков.

Анализ архивных материалов «с той и с другой стороны» позволяет заключить, что Вашингтон рассматривал поставки СССР по ленд-лизу прежде всего как помощь «самим себе» и тщательно их дозировал на протяжении всей войны. Вместе с тем представляется неоправданным превалировавший у нас долгое время взгляд, берущий своё начало с известной работы Н. А. Вознесенского, что ленд-лиз якобы занимал незначительное место в общих военных усилиях Советского Союза и не мог существенно сказаться на ходе войны.

Альбер Уикс (Albert Weeks), почетный профессор Университета Нью-Йорка (New York University), автор книги «Спасательный круг для России. Помощь по программам ленд-лиза для СССР» (Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II), говорит, что Советский Союз был крайне заинтересован в этой программе: «В течение нескольких дней после нападения нацистов, Сталин вступил в контакт с Рузвельтом и Черчиллем и обратился к ним за помощью. Он даже просил о направлении британских и американских дивизий на советско-германский фронт. Вашингтон и Лондон тогда приняли решение поддержать Советский Союз, как жертву нацистской агрессии».

Малоизвестно, что британские части принимали участие в боях на советско-германском фронте. Так, в 1941 году небо Мурманска прикрывало 151-е авиакрыло истребителей Hurricanes.

Владислав Зубок (Vladislav Zubok), профессор истории Университета Темпл (Temple University) отмечает важное психологическое значение ленд-лиза: «Американцы очень сильно сомневались, можно ли распространять ленд-лиз на СССР, потому что ожидали, что под напором нацистов страна рухнет. И казалось, что в августе-сентябре 1941 года для этого прогноза были все основания. Заявление Рузвельта о том, что надо помогать Советскому Союзу и, что блицкриг обязательно провалится, стало серьезной психологической поддержкой для советских людей».

Важно также учитывать при рассмотрении организации военных поставок, что американцы, следуя постулатам «баланса сил» и в целом трезвой оценке военно-стратегической ситуации, достаточно оперативно, по меркам капиталистического государства, откликнулись на обращение за помощью Советского Союза и привели в действие весьма инертный бюрократический механизм, мобилизационные возможности которого, как и вся система принятия решений в демократическом обществе, существенно уступали в кризисной ситуации организационным способностям Страны Советов.

На этой почве в дальнейшем возникали серьезные разногласия, особенно в начальный

* Александр Юрьевич Борисов — д.и.н., профессор Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

период войны, когда ситуация на фронте, возникшая в результате стратегических просчётов Кремля, накладывала отпечаток подозрительности на действия союзников в сочетании с затягиванием ими открытия второго фронта. Наряду с этим присутствовало и стремление сталинского руководства объяснить собственные упущения чужими «происками».

На следующий день после нападения Гитлера на Советский Союз, утром 23 июня, действуя по указанию президента Рузвельта, «его человек» в Госдепартаменте С. Уэллес огласил официальное заявление, в котором нападение Германии на Советский Союз квалифицировалось как вероломное и подчеркивалось, что «любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, из какого бы источника эти силы ни исходили, ускорят неизбежное падение нынешних германских лидеров и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности». В заявлении, правда, ни слова не было сказано об оказании поддержки Советскому Союзу. Но и советское правительство, надо сказать, пока ещё не ставило этот вопрос.

Днём позже сам Рузвельт (до него это уже сделал Черчилль) заявил на пресс-конференции: «Разумеется, мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем». Однако он ушел от ответа на вопросы, в какую форму выльется эта помощь и будет ли распространен на Советский Союз закон о ленд-лизе. Тем не менее в тот же день в Вашингтоне было объявлено об отмене блокирования советских финансовых операций, а еще через день — о решении не применять к СССР ограничений, предписанных законом о нейтралитете, что давало ему возможность закупать в США военные материалы и перевозить их на американских торговых судах.

В Москве хотели большей ясности, поэтому по указанию НКВД вечером 26 июня состоялась встреча К. А. Уманского с С. Уэллесом, который заявил, что «американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии, предпринимаемый советским народом, «соответствует историческим интересам Соединенных Штатов». Уэллес подчеркнул, что американское правительство «готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и их наиболее неотложными нуждами».

Итак, намечалась значительная область взаимного согласия. К. А. Уманскому было поручено обсудить с американскими руководителями конкретные размеры и характер помощи СССР. 30 июня он вновь встретился с Уэллесом и передал ему заявку на необходимые военные поставки из США, состоявшую из 8 пунктов и включавшую истребители, бомбардировщики, зенитные орудия, а также некоторое оборудование для авиационных и других военных заводов на общую сумму 1,8 млрд долл. с предоставлением кредита сроком на 5 лет. В ходе беседы Уэллес заверил посла, что передаст советскую заявку Рузвельту и что американское правительство «безотлагательно» приступит к ее деловому обсуждению.

Однако на практике дальше разговоров с американской стороны дело не пошло. И главная причина заключалась в том, что в Вашингтоне сомневались, устоит ли Советский Союз перед гитлеровским «блицкригом». Главным поставщиком панической информации было американское посольство в Москве в лице самого посла Л. Штейнгардта. «Я предвижу, что Советское правительство вскоре бросит Москву», — телеграфировал он 26 июня в Вашингтон. Спустя несколько дней посол мрачно предсказывал, что немецкая армия вступит в советскую столицу «через пару месяцев, а может быть, немного раньше».

В Вашингтоне многие были уверены, что СССР постигнет судьба Франции, и поэтому уговаривали президента воздержаться от поставок оружия в Советский Союз, чтобы оно не попало в руки немцев. В громком хоре скептиков и маловеров тонули мнения трезвых политиков, таких как, например, бывшего посла США в СССР Дж. Дэвиса, который в интервью агентству ЮПИ заявил, что Красная Армия еще «поразит и удивит мир».

Судя по всему, большие сомнения и колебания в отношении ближайшего будущего Советского Союза испытывал и сам глава Белого дома. 10 июля Рузвельт принял впервые за два года советского посла. В беседе К. А. Уманский заявил, что для победы над гитлеровской Германией нужно крепкое, согласованное сотрудничество между всеми антигитлеровскими силами. Посол подчеркнул решающее значение борьбы советского народа с общим врагом и указал на важность понимания этого обстоятельства при распределении военных поставок. «Немцы, — говорил он, — обрушили на нас буквально всю мощь своей военной машины, перебросив силы

из Франции, авиацию, действовавшую против Англии, и, наверное, из ряда других районов, где антигитлеровские силы, благодаря нашему мощному отпору, получили известную передышку. Поэтому следует ожидать, что эти антигитлеровские силы, с полным пониманием всей важности нашего фронта для нашего дела и для их национальной безопасности, согласятся с необходимостью немедленных и широких поставок нам, по нашей заявке, невзирая на возможное нарушение существовавших планов и расписаний».

Президент ответил уклончиво. Правда, он согласился в принципе с тем, что «необходимы теснейшее сотрудничество антигитлеровских сил и уступки ряда видов американского снабжения той стране, борьба которой в данный момент имеет наибольшее значение для всех с точки зрения успеха общего дела», но в отношении советской заявки уходил от определенного ответа, давая понять, что вопрос находится все еще в стадии обсуждения. Вместе с тем Рузвельт подчеркнул: «Если бы русские смогли устоять перед немцами до 1 октября, это имело бы неопределимое значение для разгрома Гитлера, так как после этой даты эффективные боевые действия против России были бы невозможны и последующее сковывание большого числа немецких войск и техники имело бы большую практическую ценность в обеспечении окончательного поражения Гитлера». Итак, «испытательный срок» Советскому Союзу был установлен в духе традиционного американского прагматизма.

Хорошо понимая, какие сомнения одолевали американских руководителей, советское правительство активизировало усилия по укреплению отношений с США и разъяснению положения на советско-германском фронте. Конкретно речь шла о двух крупных дипломатических акциях — визите в Вашингтон советской военной делегации во главе с генералом Ф. И. Голиковым и поездке в Москву ближайшего советника президента Рузвельта Г. Гопкинса.

17 июля, перед отъездом в США, генерала Голикова инструктировал И. В. Сталин. Важной задачей миссии являлось разъяснение американским руководителям, что Красная Армия полна решимости драться с врагом до конца и что немецко-фашистским захватчикам не удастся сломить советский народ. В беседе рассматривались также вопросы о приобретении в США вооружения и стратегических материалов, о доставке их в СССР и о получении займов. Обсуждалась также возможная позиция американских

руководителей в свете политической обстановки в США, борьбы различных сил и тенденций.

25 июля, по пути задержавшись в Англии, советская делегация прибыла в Вашингтон. Ее работа протекала в сложных условиях: сказывалось стремление американских руководителей затянуть решение вопроса о поставках «до прояснения ситуации». В заявлении Госдепартамента, опубликованном накануне переговоров, настораживала фраза о том, что советская миссия прибыла «для исследования и координации возможностей (!) военных закупок в США». Американские дипломаты расточали улыбки, выражали сочувствие борьбе советского народа, но серьезных разговоров избегали. В частности, С. Уэллес не захотел рассматривать новые советские предложения, пока не будет принято решение по предыдущей заявке, и отказался обсуждать политические вопросы, выходящие за рамки военных поставок.

Американские военные на переговорах с членами советской делегации держали себя подчеркнуто сухо и сдержанно, если не сказать враждебно. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл, ссылаясь на недостаточный уровень американского военного производства, раздраженно заявил, что американское правительство «даст то, что уже есть, но не может дать того, чего еще нет». В кабинете военного министра Стимсона, как бы иллюстрируя его отношение к Советскому Союзу, во всю ширь стены висела карта Европы с явно ошибочной линией советско-германского фронта. Если верить ей, то многие советские города, среди них Мурманск и Петрозаводск, были уже в руках оккупантов. Советские военные в этой беседе решительно отвергли утверждения тех, кто ждал поражения Красной Армии и скорой победы Гитлера.

Принимавший участие в переговорах посол К. А. Уманский сообщал в Москву, что беседа «выявила то враждебное отношение к нам военного министра и его аппарата, которое мы чувствуем буквально с первого дня войны». Хотя министр обещал, что США в меру своих сил помогут Советскому Союзу, он тут же заявил, что его правительство не пойдет на это, «работая вслепую». «Мы должны знать точно и видеть своими глазами, как используется наше вооружение», — сказал он. Посол обращал внимание советского руководства на тенденцию в американских правящих кругах использовать еще не предоставленную помощь Советскому Союзу «для проникновения в наши дела».

Еще не приступив к поставкам, американские военные уже настойчиво говорили о необходимости направить в Советский Союз различных наблюдателей и контролеров, в том числе и прямо на фронт. Имелись сведения, что эти требования выдвигались в расчете на отказ Советского Союза, который мог быть использован в качестве доказательства его «нежелания» сотрудничать с США в военных делах. С советской стороны был с самого начала взят верный тон с американцами в этих «щекотливых» вопросах, что имело большое значение для последующих отношений. Конкретные проблемы решались в связи с военной необходимостью и строго подразделялись между собой по значению.

Все эти трудности, естественно, сказывались на ходе переговоров в Вашингтоне. Подчеркивая их затяжной характер, советский посол писал в НКВД в конце июля: «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны... Поныне, ровно через месяц после вручения нашей вооруженческой заявки, мы не имеем ответа на нее, если не считать прямого отказа в зенитках намеченных нами калибров... Каждый практический вопрос решается с невыносимыми проволочками, при сопротивлении аппарата, особенно военного министерства и госдепартамента, после бесконечных непроизводительных совещаний».

Для посла и членов советской делегации было ясно, что только энергичное вмешательство самого президента могло вывести переговоры из тупика. Встреча с Рузвельтом состоялась 31 июля, когда Гопкинс уже находился в Москве. Время аудиенции было определено в 15 минут. Вот как описывает беседу с президентом в своих воспоминаниях генерал Голиков: «С первых же минут встречи мы почувствовали благожелательное отношение Рузвельта к представителям Советского государства. Он держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из нас. Когда прошло 15 минут, президент не выказал никакой торопливости. Разговор затянулся. В целом атмосфера встречи выгодно отличалась от обстановки тех бесед, которые до этого нам пришлось вести с американскими представителями, — слишком много в них было нервозности и натянутости».

С советской стороны разговор был деловым и конкретным. Подчеркивалось, что вопросы в США решаются крайне медленно или не решаются вовсе, а дело подменяется бесконечными словопрениями. Президент оживился и сказал,

что ему и самому надоели бесплодные совещания, и обещал ускорить решение всех проблем. В то же время в конкретных делах он держался по-прежнему уклончиво и не проявлял желания связывать себя твердыми обязательствами, время для которых, как он, видимо, считал, еще не пришло.

Для принятия окончательного решения Рузвельт с нетерпением ждал результатов переговоров в Москве Гопкинса, которым придавал исключительно большое значение. Президент снабдил своего посланца рекомендательным письмом к главе советского правительства, в котором говорилось: «Я прошу Вас относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое Вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной». Это был призыв к взаимопониманию, который встретил полную поддержку с советской стороны. Совершив опасный 20-часовой перелет из Лондона над полярными водами, самолет с высоким американским гостем на борту благополучно приземлился в Архангельске, откуда он был доставлен в Москву. 30 и 31 июля продолжались переговоры Гопкинса в Кремле.

В Москве помощнику президента открыто и без прикрас обрисовали обстановку на фронте, не скрывали трудностей первых месяцев войны, повлекших за собой временное отступление Красной Армии. Из бесед с И. В. Сталиным и другими советскими руководителями проницательный американец вынес убеждение, что о поражении Советского Союза не могло быть и речи, что война принимает упорный и затяжной характер и что советский народ мобилизует все силы и средства на отпор врагу. Германия уже поняла, говорил Гопкинсу глава советского правительства, что «продвижение механизированных войск по России весьма отличается от продвижения их по бульварам Бельгии и Франции». Он подчеркнул, что моральное состояние советских войск исключительно высокое и что в ближайшее время фронт стабилизируется. Беседы с главой советского правительства произвели на Гопкинса глубокое впечатление. В своем отчете Рузвельту из Москвы он писал: «...Я очень уверен в отношении этого фронта. Здесь существует безусловная решимость победить».

Переговоры с представителем президента США в Москве пролили дополнительный свет на движущие мотивы американской внешней политики, обнажили ее скрытые пружины. В частности, не могло пройти незамеченным, что, говоря о необходимости скорейшего раз-

грома Гитлера и решимости президента оказать всю возможную помощь СССР «в максимально короткий срок», Гопкинс не спешил принимать конкретные обязательства. Подчеркивая, что поставки тяжелого вооружения — танков, самолетов, зенитных орудий — могли начаться только после проведения совещания представителей СССР, США и Великобритании, он в то же время старался всячески оттянуть его открытие до середины октября.

К осени 1941 года гитлеровская Германия оккупировала территорию СССР, в два раза превышающую размеры Франции. В этот критический момент советские дипломаты настойчиво искали пути к расширению союзнических связей с США и Великобританией, усматривая в этом важный резерв в борьбе с фашизмом. Речь шла прежде всего о повышении их вклада в общие военные усилия. Наряду с предпринимаемыми попытками организовать второй фронт на Западе, все большее место в деятельности советских дипломатов занимала проблема американских военных поставок в СССР. Хотя советское правительство рассчитывало в первую очередь на собственные ресурсы, американские поставки могли облегчить борьбу советского народа с врагом. Особое значение они имели в начальный период Великой Отечественной войны, когда происходил перевод советской промышленности на военные рельсы и сотни предприятий перебазировались в глубокий тыл на восток страны.

Едва получив первую информацию от Гопкинса из Москвы, президент решил действовать. На следующий день он устроил форменный разнос на заседании кабинета виновным в волоките с поставками в СССР. Действительно, ответ Госдепартамента на первую советскую заявку охватывал менее 1 % всех советских заказов. В частности, исключенными из заявки оказались оборудование по производству алюминия, высокооктанового бензина, электропечи и т. д., а самая срочная ее часть — самолеты и авиационное оборудование вообще были оставлены без внимания.

В течение 45 минут, отмечал министр финансов Г. Моргентау, президент с «олимпийской яростью» распекал кабинет по поводу отсутствия всякого прогресса в деле помощи СССР. Когда военный министр Стимсон попробовал сослаться на «объективные трудности», президент резко его оборвал: «Достать, даже если потребуются забрать у собственной армии».

2 августа при продлении на год советско-американского торгового соглашения 1937 года Госдепартамент в ноте, переданной советскому послу, сообщил о решении правительства США «оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии». В ответной советской ноте выражалась благодарность правительству США за принятое решение и вместе с тем высказывалась уверенность, что американская помощь будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом. В советском ответе легко угадывалась неудовлетворенность американской поддержкой, несоизмеримой с экономическими возможностями США и их промышленным потенциалом.

Поскольку решение многих практических вопросов упиралось в проблему финансирования советских заказов, то выход из создавшегося положения правительство СССР видело в получении у США займа в сочетании с поставками советского сырья. Вопреки существующему на Западе мнению, вопрос о предоставлении помощи в порядке ленд-лиза с советской стороны не поднимался. Речь шла о закупках необходимых материалов в США на обычных коммерческих условиях. Об этом говорилось, например, в послании И. В. Сталина Черчиллю от 3 сентября, где прямо было сказано: «продать» нужные военные материалы.

8 августа генерал Голиков и посол Уманский, выполняя указание советского правительства, встретились с министром торговли США Д. Джонсом. Основной темой беседы был вопрос о получении займа, вспоминал Ф. И. Голиков. Министр торговли выдвинул непременными условиями его решения немедленную реализацию отпускаемых средств и обеспечение со стороны Советского Союза поставок стратегического сырья в Соединенные Штаты.

Стараясь найти выход из создавшегося положения, советское правительство предложило увязать вопрос о получении в США займа в 500 млн долл. с поставками сырья в течение пяти лет после войны, в частности: марганца (1–1,2 млн т), хромовой руды (400–500 тыс. т) и др. СССР обязался продать США даже до конца 1941 года значительное количество марганца, хрома, асбеста, некоторые семена при условии, что американское правительство предоставит необходимый тоннаж для их транспортировки. Но в тот момент США не проявили интереса к советским предложениям.

В Вашингтоне хотели, чтобы Советский Союз оплачивал свои потребности на первых порах золотом. Трезво оценивая обстановку, советское правительство выразило готовность пойти на это. 15 августа было заключено соглашение, по которому СССР получал кредит в 10 млн долл. под обязательство передать США 903 тыс. тройских унций золота. 16 октября советское судно «Днепрострой», а 5 ноября «Азербайджан» доставили в США первые партии золота по 5 млн долл. каждая.

Проблема американских поставок в Советский Союз вырастала до размеров «большой политики». Ею наряду с другими важнейшими военно-стратегическими вопросами занимались Рузвельт и Черчилль на Атлантической конференции, проходившей с 9 по 12 августа 1941 г. В совместном послании главе советского правительства они предлагали провести в Москве совещание по вопросу распределения «общих ресурсов» с участием высокопоставленных представителей США и Великобритании. На это предложение Советское правительство ответило согласием.

Главой американской делегации в Москве был назначен А. Гарриман — дилетант в дипломатии, зато опытный бизнесмен и финансист, совладелец банкирского дома «Браун Бразерс, Гарриман энд К°», имевшего немалые интересы в покоренных Гитлером европейских странах, особенно в Польше. Он как нельзя лучше подходил для предстоящей миссии. Ведь речь шла о поставках, измеряемых сотнями миллионов долларов.

О том, какими инструкциями должна была руководствоваться американская делегация на совещании в Москве, дает представление письмо Рузвельта военному министру Стимсону от 30 августа 1941 г.: «Я считаю делом исключительной важности для спокойствия и безопасности Америки, чтобы все разумные поставки направлялись в Россию не только сейчас, но и до тех пор, пока она продолжает эффективно бороться с державами «оси». Я убежден, что существенные и всеобъемлющие обязательства такого характера должны быть предоставлены России на предстоящей конференции».

Конференция представителей СССР, США и Великобритании — первая трехсторонняя встреча союзников в годы Великой Отечественной войны — проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве. Переговоры, по существу, начались сразу же по прибытии американской и английской делегаций в Москву —

28 сентября. В тот же вечер их руководителей принял в Кремле глава советского правительства. «Первая встреча была отмечена большим откровением со стороны Сталина, — отмечал Гарриман. — Он обрисовал в деталях военное положение, не скрывая, что оно было критическим. Сталин подчеркнул жизненную важность любой ценой удержать Москву». Он подробно остановился на соотношении сил на фронте, говорил о временном превосходстве гитлеровцев в самолетах, танках, численности войск, а затем перешел к потребностям Красной Армии в технике, а промышленности — в сырье.

А. Гарриман не хотел спешить с заявкой и считал, что следует узнать как можно больше из бесед с советскими руководителями. Эта тактика сразу же сказалась на ходе переговоров. Неудивительно, что следующая встреча с главой советского правительства, состоявшаяся вечером 29 сентября, проходила совсем в иной атмосфере. «Второй вечер, — вспоминал Гарриман, — был очень бурным. Сталин не скрывал того, что он крайне неудовлетворен нашими предложениями. Казалось, он ставил под сомнение нашу добрую волю».

Этот откровенный разговор оказал отрезвляющее воздействие на представителей США и Великобритании, которые отказались от тактики затягивания переговоров и предприняли шаги навстречу Советскому Союзу. В результате 30 сентября были согласованы основные статьи протокола поставок Советскому Союзу, а 1 октября протокол был подписан участниками конференции.

В окончательном виде он включал в себя более 70 основных видов поставок и свыше 80 наименований предметов медицинского снабжения и был рассчитан на срок до 30 июня 1942 г. Ежемесячно Советский Союз должен был получать 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных орудия, 1,3 тыс. противотанковых орудий, 2 тыс. т алюминия и других военных грузов — всего за девять месяцев 1,5 млн. т. Для Советского Союза было сделано важное исключение: в обмен на поставки от него не требовалась информация закрытого порядка, кроме той, которую было готово предоставить само Советское правительство.

На очередь дня остро вставал вопрос о финансировании поставок Советскому Союзу. Этот вопрос не был решен на Московской конференции, хотя советские руководители располагали сведениями о том, что президент занимался им

вплотную. Обстановка в США была напряженной. Круги, стоящие на антисоветских позициях, от крайне «изоляционистских» до католических, выступали противниками финансирования советских заказов из государственной казны. В сентябре–октябре через конгресс проходил второй законопроект об ассигнованиях на ленд-лиз. 24 сентября правый конгрессмен Г. Фиш внес в палате представителей поправку, которая исключала Советский Союз из числа получателей помощи. Представитель администрации, подчеркнув значение «русского фронта», настаивал на сохранении «свободы рук» для президента. Характерно, что комиссия палаты по ассигнованиям не только отвергла данную поправку, но и прямо высказалась в пользу распространения ленд-лиза на Советский Союз. На заседании всей палаты представителей поправка была отвергнута 162 голосами против 21.

Рузвельт понимал, что дальше откладывать решение вопроса о финансировании советских заказов было нельзя. 2 ноября 1941 г. Советское правительство получило памятную записку посольства США, в которой сообщалось, что во избежание финансовых затруднений президент отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться, согласно закону о ленд-лизе, на сумму до 1 млрд долл. В документе также указывалось, что президент одобрил московский протокол и «дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в наибольшем объеме». Он выразил надежду, что «Советское правительство приложит особые усилия», чтобы продать Соединенным Штатам необходимые им товары и сырье, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет «зачисляться на счет правительства СССР».

В ответном послании И. В. Сталина от 4 ноября говорилось, что советское правительство принимает решение президента «с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом». В послании далее подчеркивалось: «Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты». Тем самым вопрос был решен не в плоскости односторонних поставок, а с учетом взаимных обязательств об оказании поддержки друг другу.

7 ноября 1941 года Конгресс США принял решение распространить на СССР программу ленд-лиза. В годы войны Вашингтон и Москва заключили четыре соглашения по условиям ленд-лиза.

Это был не безвозмездный дар союзникам — всем получателям помощи по ленд-лизу США передавали военные материалы и оружие на условиях долгосрочного кредита. Стоит напомнить, что ко времени начала войны США лишь начали оправляться от последствий Великой Депрессии, их экономика находилась далеко не в идеальном состоянии.

США распространили ленд-лиз на 30 государств, объемы американской помощи составили более 50.1 млрд долларов (почти 780 млрд по ценам 2010 года). Большая часть поставок (около 31 млрд) пришлось на долю Британского Содружества (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и др.).

Альбер Уикс поясняет: «Есть разные данные о масштабах ленд-лиза для СССР. Многие исследователи сходятся в том, что речь идет о примерно 16 млрд долларов. Эта сумма может показаться не особо впечатляющей, однако в ту пору это были колоссальные деньги».

«США сами вели войну, но все же поставляли Советскому Союзу, Великобритании и другим участникам программы ленд-лиза то, что было необходимо им самим», — отмечает Владислав Зубок.

В частности, на долю СССР пришлось 26 процентов боеприпасов, распределенных в рамках ленд-лиза, 29 процентов машин и оборудования (в эту категорию входят самолеты, танки, трактора, грузовики и пр) и 28 процентов продовольствия

Основные данные о размерах ленд-лизовских поставок известны и не оспариваются. «Виллисы» и «студебекеры» стали основой транспортной инфраструктуры Красной армии. Прославленные советские асы — Александр Покрышкин, Борис Сафонов, Амет-хан Султан — летали на истребителях, поставленных в рамках ленд-лиза. Многие советские люди смогли выжить благодаря американским продуктам — тушенке, муке, сухому молоку и пр. «США и Великобритания наладили поставки практически всего необходимого для войны — от продуктов питания и паровозов, до самолетов и производственных линий», — говорит Альберт Уикс.

По данным американских источников, СССР получил 2 680 тыс тонн стали, более 170 тыс тонн алюминия, 29.4 тыс тонн олова,

240 тыс тонн меди, 330 тыс телефонных аппаратов, 2 тыс радаров, 5 тыс радиостанций, 900 тыс тонн взрывчатки, 18 млн пар обуви и т.д. Владимир Зубок отмечает, что «важную роль сыграли поставки ценных металлов, без которых нельзя производить броню. Иначе не объяснить, каким образом СССР смог существенно увеличить производство танков».

До сих пор ведутся споры о том, насколько значительной оказалась американская помощь и каков ее реальный вклад в победы Красной армии. В частности, оценки от доли ленд-лиза к объемам советского производства варьируются от 4 до 16-ти процентов. Анализ официальной статистики показывает, что 70 из каждых ста автомобилей Красной армии, каждый десятый танк, каждый четвертый истребитель, девять из десяти паровозов были поставлены по ленд-лизу.

Уикс резюмирует: «Однозначно, что ленд-лиз очень серьезно помог СССР в его войне с вермахтом. Жуков и Сталин отмечали, что без этой помощи война продолжалась бы намного дольше».

Что касается практической стороны вопроса, то механизм поставок раскручивался очень медленно и с большим скрипом. В конце августа из США в СССР были отправлены первые военные грузы. График поставок постоянно срывался: то необходимых материалов «не было в наличии», то не хватало транспортных средств и т. д.

Дело существенным образом не улучшилось и после Московской конференции. Американский автор Л. Мартель, основательно исследовавший эту проблему по архивам Госдепартамента, отмечал: «Подписание первого протокола в Москве в октябре 1941 г. и заявление о распространении ленд-лиза на Россию месяцем позже не открыли шлюзы для широкого потока материалов сражающейся Красной Армии. Помощь России в конце концов действительно увеличилась с тоненького ручейка до существенного потока грузов, но в первые критические месяцы войны на ее пути постоянно возникали препятствия».

Об этом говорили конкретные факты. 22 ноября советское посольство в Вашингтоне обращало внимание Госдепартамента на «серьезное положение с доставкой материалов и других грузов из США в СССР». К 21 ноября октябрьские (!) поставки были выполнены: по грузовикам — на 37 %, по самолетам — на 30, по танкам — на 43, по «виллисам» — на 27 %. В советском меморандуме указывалось, что ситуация с поставками «в высшей степени критическая» и ее необходимо как можно скорее исправить.

К сожалению, до конца года эту ситуацию изменить к лучшему так и не удалось. Как признают А. Браун и Ч. Макдональд, «хотя Англия и США заявили о своем намерении оказать помощь России, поставки осуществлялись столь медленно, что это наводило на мысль, не приняли ли обе страны на вооружение политику скрытого нейтралитета». Как известно, всего до конца 1941 года в СССР были направлены материалы из США стоимостью 545 тыс. долл. при общей запланированной сумме американских поставок в этом году в 741 млн. долл. Это означало, что Советский Союз получил менее 0,1 % всей американской помощи в самый тяжелый период войны.

Но были и позитивные сдвиги. Еще 23 июля Госдепартамент отменил запреты на поездки советских граждан по территории США, введенные накануне войны. Советские специалисты получили возможность свободно бывать на американских военных предприятиях, знакомиться с новыми типами военной техники, оборудования, технологией производства. В ноябре, например, группа советских инженеров и военных специалистов посетила авиационные предприятия компаний «Дуглас» и «Норт Америкэн авиэйшн» в Калифорнии.

В октябре военное ведомство США пригласило представителей советского посольства на **маневры** в Южной Каролине. Советские летчики, используя богатый опыт перелетов в Америку в 1930-х годах, осваивали воздушный маршрут в США через Аляску, сыгравший большую роль в установлении связи между двумя странами в годы войны. Они получили возможность ознакомиться с новыми типами американских самолетов. В октябре советские летчики совершали пробные полеты с аэродрома Патерсон (штат Огайо).

Но в декабре 1941 г., после нападения Японии на американский флот в Перл-Харборе и начала войны на Тихом океане, нависла угроза над американскими поставками в Советский Союз. Военные чины требовали немедленно свернуть их и думать только о собственной армии. В середине января 1942 года американскому представителю по ленд-лизу в Москве генералу Феймонвиллю было заявлено, что вместо 705 обещанных танков СССР получил только 16, а вместо 600 самолетов — 85.

Если в декабре 1941 года из портов США отплыло в Советский Союз 25 судов, то в январе 1942 года — 24, а в феврале — 19. Учитывая настроения в Москве в связи с обострением вопроса о поставках, Рузвельт 13 февраля лично

известил главу советского правительства о принятом решении предоставить СССР второй миллиард долларов в счет поставок по ленд-лизу на тех же условиях, на которых был предоставлен первый, с последующим возможным пересмотром финансовых обязательств. Советское правительство приняло это решение «с искренней благодарностью», но дало понять, что было заинтересовано в изменении финансовых условий при «соответствующем учете крайнего напряжения ресурсов Советского Союза в войне с нашим общим врагом». Речь шла о желательности полного перевода американских поставок на основу закона о ленд-лизе.

В своем послании от 18 февраля 1942 г. глава советского правительства в достаточно деликатной форме дал почувствовать свое недовольство перебоями с поставками. «Должен подтвердить, — писал он, — что именно в настоящий момент, когда народы Советского Союза и его армия напрягают все усилия, чтобы своим упорным наступлением отбросить дальше гитлеровские войска, выполнение американских поставок, в том числе по танкам и самолетам, имеет важное значение для нашего общего дела, для наших дальнейших успехов».

Чтобы ускорить дело с поставками в СССР, Рузвельт был вынужден отдать распоряжения ряду правительственных ведомств, занимающихся вопросами производства и снабжения, отправлять все обещанные грузы в Россию без задержек, «независимо от всех других обстоятельств». Тем не менее дело подвигалось по-прежнему медленно. Судя скапливались в Исландии и Англии, ожидая конвоев для отправки в Мурманск и Архангельск.

Советским представителям в США, ведающим вопросами поставок, приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы преодолеть сопротивление американской бюрократии, особенно в среде военных. Дж. Хэзард, занимавший в годы войны высокий пост в ведомстве по ленд-лизу, позднее вспоминал о «советской находчивости» в поиске лиц в администрации, которые были дружественно настроены к Советскому Союзу и могли ускорить решение тех или иных вопросов. «Пусть те, кто имеет дело с советскими представителями, — напутствовал он американских должностных лиц, — никогда не думают, что они не знают, что делается вокруг. Их юридический штат укомплектован способными людьми, которые читают все и которые готовы твердо отстаивать свою точку зрения».

Хэзард рассказывал характерный эпизод, проливающий свет на ту атмосферу, в которой приходилось работать советским представителям. Однажды члену советской закупочной комиссии генералу ВВС пришлось в пятый (!) раз обратиться к американским властям с просьбой ускорить решение вопроса о поставках крайне необходимого военного снаряжения. Когда просьба была, наконец, удовлетворена, у американского чиновника хватило духу спросить советского представителя, почему он не выразил благодарности, а сразу же перешел к следующему вопросу. На это последовал исполненный глубокого смысла ответ, что если бы Красная Армия останавливалась праздновать освобождение каждой деревни, то было бы упущено время для освобождения следующей.

Придавая большое значение скорейшей организации второго фронта, советское правительство пошло навстречу просьбе президента Рузвельта в целях высвобождения необходимого тоннажа сократить список запрошенных им поставок на 1942/43 договорный год. Этот вопрос затрагивался во время визита в Вашингтон В. М. Молотова в июне 1942 г. При обсуждении этого вопроса с президентом нарком указал на нежелательность такого сокращения и подчеркнул, что «второй фронт будет выгоден, если будет крепок первый, то есть советско-германский фронт». Присутствовавший на беседе М. М. Литвинов резонно заметил: «Не получится ли так, что снабжение будет сокращено, а второго фронта не окажется?» Несмотря на эти законные опасения, Советское правительство 7 июня поручило наркому вести дело к тому, чтобы «второй фронт был организован и приведен в действие в этом году. Это при условии, что СССР заявку на тоннаж сокращает».

Важным итогом переговоров в Вашингтоне явилось также «Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подписанное М. М. Литвиновым и К. Хэллом 11 июня 1942 г., уже после отъезда наркома из Вашингтона. Стороны обязались продолжать оказывать содействие друг другу в деле укрепления их обороноспособности. Это соглашение, заменившее ранее достигнутые договоренности о порядке американских поставок в СССР по ленд-лизу, предполагало развитие широкого экономического сотрудничества между двумя странами после войны. Аналогичные соглашения, более известные как соглашения по ленд-

лизу, были ранее подписаны с Англией и рядом других стран. Заключение советско-английского договора и советско-американского соглашения завершило создание антифашистской коалиции и предполагало продолжение сотрудничества трех великих держав на будущее.

После коренного перелома в ходе войны, осуществленного Красной Армией в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге, вопросы ленд-лиза всё чаще стали объективно пересекаться с вопросами послевоенного восстановления СССР. Некоторые поставки можно было рассматривать как товары и грузы «двойного назначения» с возможностью их использования в мирное время. Теоретически говоря, от американцев можно было ожидать взаимопонимания в этом вопросе в отношении государства, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Но это было бы за рамками своекорыстной политики XX столетия, особенно со стороны государства, построенного на основе жёсткой бизнес-этики. СССР мог рассчитывать на американские шаги навстречу только в ответ на значительные политические уступки со своей стороны в вопросах послевоенного урегулирования. Или, как отмечал посол Гарриман в своей служебной переписке с Вашингтоном, «в качестве награды, которую они могут получить от нас при условии участия в международной игре с нами, согласно нашим правилам». В телеграмме Хэллу от 13 марта 1944 г. посол прямо указывал: «Экономическая помощь является одним из самых эффективных орудий в нашем распоряжении, чтобы оказывать воздействие на европейские политические события в нужном направлении».

Подобные установки стали определять мотивации американской дипломатии. Это подтверждал сложный ход советско-американских переговоров, начавшихся в мае 1944 года в Вашингтоне, по вопросу подготовки дополнительного соглашения к основному соглашению по ленд-лизу об условиях продажи Советскому Союзу в кредит американского промышленного оборудования.

Естественно, что, чем ближе был конец войны, тем большее значение для СССР имели не чисто военные поставки — ими в достаточном количестве обеспечивала армию отечественная промышленность, а различное оборудование, которое могло занять место изношенного в военное время. В третьем протоколе по ленд-лизу советские заявки на него составили 300 млн долл., а в четвертом — 1 млрд долл. Вполне ло-

гично было ожидать, что США пойдут на удовлетворение нужд союзника, вынесшего основное бремя общих военных усилий.

Но американская сторона отказалась поставить Советскому Союзу промышленное оборудование, на установку которого требовалось более 18 месяцев, на условиях ленд-лиза и предложила закупить его. Из Москвы на это было отвечено согласием, хотя предложение американцев трудно было назвать великодушным. Однако начавшиеся переговоры быстро зашли в тупик из-за неприемлемых для Советского Союза финансовых условий соглашения. Надо было искать выход из создавшегося положения. 30 октября 1944 г. посол СССР в США А. А. Громыко уведомил Госдепартамент о намерении советского правительства представить свои соображения по вопросу о долгосрочном кредите. При этом в полной мере учитывалось, что США к этому времени уже согласились предоставить кредиты на восстановление Великобритании в 6,5 млрд долл. и Франции — в 900 млн долл., вклад которых в военные усилия союзников был несоизмерим с вкладом Советского Союза.

Как известно, вопрос о кредите долго обсуждался по линии НКВД и посольства США в Москве, но в конце концов зашёл в тупик из-за противодействия таких людей, как А. Гарриман, которые хотели его использовать в качестве «политического оружия». Было бы неверно считать, что логика Гарримана, свидетельствующая лишь о слабости позиций американской дипломатии и о ее неумении соизмерять поставленные цели с имеющимися средствами их осуществления, встретила понимание всех без исключения washingtonских политиков. В то время многие из них еще не разучились трезво мыслить. Догадываясь, куда ведут дело «люди Госдепартамента», министр финансов Г. Моргентау направил Рузвельту меморандум, в котором выступал за сотрудничество с Советским Союзом. «Речь идет не о ленд-лизе или о какой-либо другой форме помощи, — отмечал он, — а скорее о договоренности, которая будет иметь вполне определенные и долговременные выгоды как для Соединенных Штатов, так и для России».

Предложения Моргентау вызвали нескрываемое беспокойство и раздражение в Госдепартаменте и во внешнеэкономическом управлении, где с удовлетворением восприняли точку зрения Гарримана. Министр лез не в свое дело и путал торговлю с политикой, считали там. Было решено отклонить его идеи и для начала затянуть реше-

ние вопроса. 17 января 1945 г. состоялось межведомственное совещание в кабинете госсекретаря Стеттиниуса, сменившего ушедшего в отставку Хэлла. Министр финансов подверг резкой критике линию Госдепартамента на переговорах с русскими по дополнительному соглашению о ленд-лизе, подчеркнув, что Госдепартамент «пытался торговаться с советскими представителями и придирались к ним», вместо того чтобы «сделать ясные и весьма благоприятные предложения, которые Советское правительство расценило бы как конкретный жест доброй воли». Он выступил в поддержку предоставления Советскому Союзу долгосрочного кредита, отметив, что «такой жест с американской стороны убедит Советское правительство в решимости США сотрудничать с ним и развеет любые подозрения, которые советская сторона могла иметь в отношении американских будущих действий».

Как известно, «линия Моргентау» не получила поддержки в Вашингтоне, особенно с приходом в Белый дом Г. Трумэна. Поставки СССР по ленд-лизу заканчивались большим конфузом по вине американской стороны.

Утром 12 мая посольству СССР в Вашингтоне стало известно, что американские власти отменили распоряжение прекратить погрузку судов, следующих в Советский Союз в соответствии с соглашением о ленд-лизе. Не в силах поверить, что США могли совершить столь недружественный шаг в отношении союзника спустя всего лишь три дня после победы в Европе и накануне предстоящего вступления СССР в войну против Японии, Временный Поверенный в делах СССР в США Н. В. Новиков (посол А. А. Громыко был на конференции в Сан-Франциско) немедленно обратился по телефону за разъяснением к исполняющему обязанности государственного секретаря Дж. Грю. Тот уклончиво сослался на отправленную Госдепартаментом в посольство ноту по этому вопросу. Задним числом в ней сообщалось следующее: «Поставки СССР на основе текущей программы по ленд-лизу будут немедленно пересмотрены, принимая во внимание конец военных действий в Европе».

Демонстративные действия американского правительства в отношении союзника, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны с Германией, которые не затронули другие страны — получатели помощи по ленд-лизу, в частности Великобританию, вызвали взрыв возмущения в Москве. Их политический подтекст был ясен. Не случайно в своих мемуарах

Трумэн постарался снять с себя ответственность за принятое решение, утверждая, что он подписал «подсунутый» ему правительственными чиновниками документ якобы «не глядя». «Если бы я прочел приказ, — лицемерно сокрушался он, — инцидент не произошел бы».

На самом деле действия правительства США явились преднамеренной политической акцией, подготовка которой началась вскоре после смены власти в Вашингтоне, и преследовали цель оказать давление на Советский Союз. Участвовавший в предварительном обсуждении этого вопроса в Госдепартаменте генерал Линкольн сообщал генералу Маршаллу: «Присутствовавшие на совещании чиновники Госдепартамента дали понять, что они рассматривают ленд-лиз в качестве политического оружия в связи с нашими трудностями с русскими в Центральной Европе». Хорошо отдавал себе отчет в том, что делал, и сам президент, когда на его столе оказался злополучный документ. Его предупреждали, что следует ожидать «резкой реакции» со стороны СССР. Тем не менее рука президента не дрогнула. По мнению Дж. Херринга, эта акция правительства США явилась «серьезной дипломатической ошибкой», которая «обозначила рубеж в переходе от союза военного времени к враждебности „холодной войны“».

Советскому правительству оставалось только поражаться наивности тех, кто пытался добиться далеко идущих политических целей применением явно неадекватных средств. Отрезвление в Вашингтоне наступило быстро. В ответной советской ноте от 16 мая говорилось: «Советское Правительство получило ноту заместителя государственного секретаря г-на Грю от 12 мая относительно прекращения поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Указанная нота и прекращение поставок явились для Советского Правительства полной неожиданностью. Однако если Правительство Соединенных Штатов Америки не видит другого выхода, то Советское Правительство готово принять к сведению указанные решения Правительства США».

По тону советского ответа в Вашингтоне легко могли понять, что последствия дипломатической опрометчивости могут быть самыми серьезными. Как-никак предстояло ещё выиграть войну с Японией, где участие СССР было крайне необходимо. Выбор вновь, как это было в 1941 г., пал на отошедшего от дел Гопкинса. С подачи Гарримана вопрос о его поездке в Москву был решен без долгих проволочек.

Советское правительство тут же ответило согласием и было готово к урегулированию возникших разногласий.

В Москве Гопкинса ждали радушный прием и... справедливая критика политики американского руководства. Глава советского правительства указал, что в отношениях США и Советского Союза наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. Он подчеркнул, что правительство США отходит от ялтинских соглашений, и в качестве конкретного примера привлек внимание собеседника к вопросу о прекращении поставок по ленд-лизу. «Если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду оказать давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой», — заметил он. Сталин добавил, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, то можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату.

Посланец Белого дома как мог старался сгладить впечатление, произведенное действиями американских руководителей. Он выражал неподдельную тревогу и озабоченность по поводу состояния советско-американских отношений, взывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом и высказывался за поиск общей основы для сотрудничества в интересах «будущего благополучия сотен миллионов людей». Эти позитивные мысли получили полную поддержку со стороны советского руководства. Вопрос о ленд-лизе был закрыт и не перерос в нечто большее на послевоенный период в советско-американских отношениях.

В августе 1945 года президент США Гарри Трумэн объявил о прекращении действия программы ленд-лиза. В течение 15 лет после окончания войны большинство стран, получавших американскую помощь, заключили соглашения с Вашингтоном о частичном погашении долгов по ленд-лизу. Конгресс согласился предоставить скидку на этот долг в размере 90 процентов.

СССР долгое время отказывался признавать свои обязательства по ленд-лизу. «Сталин и Молотов категорически отказались выплачивать долги по ленд-лизу, — рассказывает Владислав Зубок. — Это был один из серьезнейших раздражителей в двусторонних отношениях. Советская пресса постоянно твердила: «посмотрите на мелочных американцев, которые требуют денег, в то время как у нас погибло так много людей!».

А для США получение оплаты за ленд-лиз было делом принципа: американское общество построено на уважении условий соглашений, поэтому ему было совершенно непонятно, почему русские не хотят соблюдать договор».

Тем не менее, США и СССР заключили соответствующее соглашение в 1972 году. Тогда СССР обязался поэтапно выплатить США 722 млн долларов, перечислив последний взнос в 2001 году. После распада СССР, долг по ленд-лизу приняла на себя Россия.

Крупнейший получатель американской помощи — Великобритания — завершила выплаты пять лет назад.

Так какое же значение всё-таки имел ленд-лиз для советских военных усилий? Обратимся к авторитетному свидетельству маршала Г. К. Жукова, который в послевоенных беседах с писателем К. М. Симоновым заявил: «Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев, потому что англичане в этом смысле не помогали нам минимально. При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских „студебеккеров“ нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтовой транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок». Достоверность передачи К. М. Симоновым этих бесед с Г. К. Жуковым, состоявшихся в 1965–1966 гг., подтверждается высказываниями Г. К. Жукова, зафиксированными в результате прослушивания органами безопасности в 1963 г.: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии».

Карл Ясперс: «проблема вины» в немецком самосознании после Второй мировой войны

В. В. Рулинский*

За последнее время «проблема вины» стала очень важным вопросом во взаимоотношениях между различными странами. Для одних государств желание утвердить историческую и нравственную справедливость становится камнем преткновения в двусторонних отношениях, для других — открывает возможность примирения и прощения давних обид. Так, известен опыт публичного принесения извинений главами государств за преступления своего народа и его руководства. Однако этим не может ограничиваться решение «проблемы вины».

По мнению немецкого философа Карла Ясперса, «проблема вины» требует глубинного нравственного и духовного преодоления, связанного не только с насильственным наказанием за совершенные преступления, но и с внутренним обновлением человека.

В послевоенной Германии «проблема вины» приобрела особое значение в контексте «денацификации», начатой после проведения в Потсдаме конференции «большой тройки» союзников. Задача перевоспитания и наказания активных сторонников нацизма сразу же встретила серьезное противодействие. И тому были объяснения: только официальных членов НСДАП в Германии насчитывалось около 8 млн (еще 4 млн составляли члены низестоящих организаций). И это была лишь верхушка айсберга. «Всесильная партийная бюрократия разветвлялась вниз, вплоть до уровня отдельных домов, где маленькие партийные работники выводили политические взгляды. Как нужно было в таких условиях про-

водить денацификацию немцев?»¹ — задается вполне справедливым вопросом Д. Франк, автор книги «Годы нашей жизни. 1945–1949».

В соответствии с планом денацификации, были распущены все организации НСДАП, ее членам и функционерам запрещалось занимать государственные посты. В 1945 г. в четырех зонах оккупации было арестовано 270 тыс. лиц с нацистским прошлым. Для населения, утверждавшего, что оно ничего не знало о преступлениях гитлеровского режима, проводились принудительные экскурсии в концлагеря. Показательный характер имел и Нюрнбергский процесс, завершившийся казнью главных обвиняемых.

Впрочем, расправа над лидерами нацизма еще не означала окончательной победы. Как отмечает профессор истории Йенского университета Н. Фрай, «все прочие процессы (за исключением трибунала над главными обвиняемыми — В. Р.)... наталкивались с самого начала на реакции враждебности (Abwehr) и протеста (Widerspruch)»². Это неудивительно. «Практическое осуществление кампании, названной «денацификация», означало то, что каждый совершеннолетний немец был подвергнут тщательной процедуре проверки»³, — утверждает юрист, профессор У. Айзенхардт. Были сформированы специальные суды («Spruchkammern»), которые определяли степень вовлеченности людей в преступления нацизма. Только в западных зонах оккупации эти суды рассмотрели к 1949 г. 3,6 млн дел.

В общественном сознании все больше утверждалась мысль, что затеянное победителями мероприятие превращается в пародию на

* Василий Васильевич Рулинский — аспирант кафедры философии МГИМО (У) МИД России.

справедливость. Карикатурист Брокманн случайно изобразил выстроившихся в шеренгу немцев с откидными головами, которые они предъявляют офицеру для осмотра. «Нужно себе представить, как глубоко пронизала немецкое население национал-социалистическая система, чтобы признать наивную дерзость намерений... с помощью «денацификации» очистить весь народ от зла и с помощью перевоспитания научить его добру»⁴. Согласно опросу, проведенному в 1945–1946 годах американским военным командованием, более трети немцев заявили, что национал-социализм был хорошей идеей, которая лишь была плохо реализована⁵.

Не удивительно, что на этом фоне сама идея денацификации зачастую подвергалась профанации. Доходило до того, что оправдательные документы покупались за кусок мяса, а некоторые нацисты шантажировали друг друга: «Если ты скажешь что-нибудь про меня, тогда я расскажу про тебя»⁶. В результате закоренелые нацисты порой оказывались новыми демократами, а «попутчики» режима должны были нести ответственность только потому, что они не желали быть такими изворотливыми.

В послевоенном обществе отсутствовала солидарность по основному вопросу: отношению к нацистскому прошлому. «Состояние умов в «час ноль немецкой истории» было под стать хаосу на улицах германских городов <...> Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным. Интеллектуалы подчеркивали роковое стечение обстоятельств, рассуждали о незрелости первой германской демократии, о Гитлере как новоявленном антихристе. В массах преобладали апатия и отторжение большой политики веймарского образца, на деятелей которой возлагалась ответственность за закулисные махинации, приведшие к власти НСДАП»⁷.

Жители Германии не желали задумываться о прошлом, которое легло тяжелым грузом не только с моральной, но и с практической точки зрения. «Люди погружались в состояние сочувствия самим себе и в состояние самооправдания. — Пишет историк Н. Смирнова. — Лишь немногие признавали свою ответственность за ужасы нацистского режима. Понятно, что немцы были на исходе своих физических и моральных

сил, однако их поведение в „нулевой час“ оказалось на удивление малодушным»⁸.

Со всей очевидностью выступала необходимость проведения тщательной работы с населением, направленной на «перевоспитание» «попутчиков» режима, обычных немцев, слабо интересовавшихся политикой. Требовалось осмыслить произошедшее, выявить истоки и причины утверждения нацизма, разработать программу возрождения страны.

Ключевую роль в формировании послевоенного самосознания Германии сыграл философ Карл Ясперс. Именно он стал во главе общественно-политической дискуссии, нацеленной на выработку единого подхода к тоталитарному прошлому и способов его преодоления. Написанная К. Ясперсом книга «Вопрос о вине» открыла путь к философскому осмыслению нацистской трагедии и формированию самосознания немецкой нации, явившись ответом на кризис идентичности, проявившийся в первые послевоенные годы.

Следует отметить, что наряду с французским мыслителем Габриэлем Марселем немецкий философ Карл Ясперс является крупнейшим представителем религиозного экзистенциализма. Сергей Левицкий называет его даже «главой христианского экзистенциализма — философом крупнейшего ранга, одним из властителей дум современности»⁹.

Карл Теодор Ясперс родился в 1883 году в Ольденбурге. Закончив в 1909 году медицинский факультет Гейдельбергского университета, он защищает докторскую диссертацию, которая впоследствии была положена в основу книги «Общая психопатология» (1913). В Гейдельберге он знакомится и много общается с Максом Вебером, и вскоре интерес к философии побуждает его стать профессиональным философом. В 1919 году выходит его работа «Психология мировоззрений», затем «Духовная ситуация времени» (1931), «Философия» (1932).

Нацистскую катастрофу Карл Ясперс встретил в Германии. Будучи женатым на еврейке (Гертруде Майер), он потерял почти все права на родине, в том числе право на издание своих работ. В 1937 году его отстранили от преподавания в университете. Несмотря на глубокую антипатию к режиму Гитлера, мыслитель решил не эмигрировать. Каждый день он с тревогой ожидал ареста и, тем не менее, продолжал писать «в стол». Только в конце войны, когда возникла угроза депортации жены, философ стал поду-

мывать о переезде в Швейцарию, но так и не осуществил его¹⁰.

Как отмечает американский исследователь А. Рабинбах, среди немецких интеллектуалов его времени К. Ясперс был единственным, кто открыто признавал преступления нацистов. М. Московиц утверждает, что только он выступал в Германии с призывом к своим соотечественникам покаяться и искупить свою вину за массовые убийства людей¹¹. Лишь для такого человека, пережившего в Германии все 12 лет нацистской власти, никогда не сотрудничавшего с режимом, была возможна такая принципиальная, твердая позиция.

В послевоенной Германии почти никто не решался открыто выступать с политическими заявлениями. Тактика замалчивания («Verschweigerung») стала повсеместной. В отличие от другого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, все 12 лет правления Гитлера являвшегося членом НСДАП, у Ясперса не было причин молчать. «Ни один человек не может, будучи честным, отказаться от политической активности»¹², — заявлял он.

Не случайно после войны Ясперс стал восприниматься как «символ изменившихся времен и оценок», «Praeceptor Germaniae» (Учитель Германии). В 1945 году он возвращается к преподаванию, сначала в Гейдельберге, а с 1947 года — в Базеле. В 1946 году философ пишет одну из самых известных своих работ — «Вопрос о вине» (Die Schuldfrage). В университетских аудиториях, где сразу после войны стал выступать Ясперс, он подвергался обструкции студентов. Мало кому нравились идеи покаяния, смирения, ответственности за совершенное нацистами, которые он отстаивал в лекциях и в своих философских работах. Далеко не все немцы решились бы в то время открыто поддерживать непопулярную оккупационную политику союзников, необходимость огромных репараций и депортаций. В секретном докладе капитан американской контрразведки Дэниэл Пенхэм описал то, каким образом выступление Ясперса было встречено в университетской аудитории в феврале 1946 года: «В течение лекции профессора Ясперса студенты начинали смеяться, шаркать ногами по полу при упоминании демократии, в связи с духовной ситуацией Германии. Как только это началось, профессор Ясперс прервал лекцию и объявил, что он не потерпит подобных выступлений»¹³. В письме Ханне Арендт Ясперс говорит о той враждебной обстановке, которая

его окружала в эти годы: «...За моей спиной люди клеветают на меня: коммунисты называют меня ярым сторонником национал-социализма; сердитые неудачники — предателем своей страны»¹⁴.

Действительно, националисты обвинили философа в предательстве. Юрист, мыслитель Карл Шмидт, арестованный американцами за связи с нацистами, обвинил К. Ясперса в инициировании официально санкционированной союзниками культуры вины¹⁵. Апологетом про-НАТОвской политики ФРГ называли философа в Восточной Германии.

Общественное мнение Германии после войны придерживалось двух кардинально отличных друг от друга позиций. С одной стороны, поражение в войне воспринималось как унижительная капитуляция, подавление немецких культурных и политических устремлений. Сторонником этой точки зрения был поддерживавший нацистов Мартин Хайдеггер. С другой стороны, освобождение Германии с помощью союзников рассматривалось как возможность духовного и политического обновления и возрождения. Этой мысли придерживался Карл Ясперс.

Именно она и была положена в основу его работы «Вопрос о вине», написанной в 1946 году. Но еще за 15 лет до этого философ попытался распознать глубинную основу процессов, происходивших в мире, в своей работе «Духовная ситуация времени». Интенция Ясперса выражается цитируемым им И. В. Гете, который еще за век до этого пришел к убеждению, что «человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, — писал И. В. Гете, — когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения»¹⁶.

Период, в котором человек оказывается наедине перед *ничто*, связан с ощущением пустоты, отмечает мыслитель. Мир лишается твердой опоры. Источник этого процесса лежит в сфере духовной жизни, К. Ясперс называет его «разбожествлением»: «Это разбожествление — не неведение отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия...»¹⁷. Эту пустоту человечество пытается заменить искусственно: механизацией жизни и абсолютизацией своего «я». Но тем самым ощущение пустоты только углубляется. «То, что ни один бог

за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой»¹⁸.

В своей первой послевоенной работе («Вопрос о вине»), К. Ясперс развивает мысли, изложенные в «Духовной ситуации времени». Автор видит причину разразившейся катастрофы в духовном «кризисе человечества»¹⁹, связанном с «потерей и трансформацией всякой веры»²⁰. Обращаясь к Германии, К. Ясперс ставит вопрос о вине немцев и стремится подвергнуть судьбу своего народа «историческому, а, следовательно, и этическому самоанализу».

Данный процесс должен произойти, прежде всего, в силу того обстоятельства, что вся немецкая нация оказалась в пограничной ситуации (*Grenzsituation*). В судьбе миллионов немцев этой ситуацией стала смерть близких людей, в судьбе всей нации — страдания народа. Благодаря пограничной ситуации появилась возможность осознать хрупкость и конечность своего существования, поставить вопросы о смысле жизни. Важно, что трагедия Второй мировой войны открыла возможность немцам взглянуть на свою жизнь не с точки зрения величия нации, расового превосходства, классово-вражды или политических убеждений. Она дала возможность каждому взглянуть на себя как на человека. Война стала той пограничной ситуацией, в которой все конечное — иллюзии, страсти, военные сражения — обратилось в тлен, и немецкий народ оказался один на один перед лицом бесконечности. И в этих обстоятельствах ключевым моментом стало признание и осознание своей собственной вины.

«Искушение избежать этого вопроса (о вине. — *В.Р.*) очевидно», — пишет К. Ясперс. Слишком многие хотят ограничить горизонт своих исканий примитивными потребностями — «жить, но не думать». Однако философ не согласен с такой ограниченной постановкой вопроса. Он убежден, что «это (вопрос о вине. — *В.Р.*) жизненно важный вопрос для немецкой души. Никакой другой путь не может привести нас к духовному возрождению <...> То, что победители нас осудили — политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой»²¹.

Внутренней работе над собой философ уделяет огромное внимание. Поэтому К. Ясперс под-

черкивает аспект вины людей за совершенные в нацистское время преступления. Вместе с тем сразу же возникает вопрос о том, справедливо ли осуждать весь народ за преступления нацизма? «Потсдамский тезис о „коллективной вине“ немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным»²², — пишет историк Ю. Ватлин.

Действительно, тезис о коллективной вине вызывал множество нареканий в общественном мнении. Многие жители Германии считали подход о всеобщей виновности нации навязанным западными державами-победительницами, и уже с осени 1945 года, по свидетельству Н. Смирновой²³, стал вырабатываться среди населения контртезис о коллективной невинности немцев как «народа, опьяненного, соблазненного и затем преданного национал-социализмом».

Таким образом, точка зрения о «коллективной вине» всего немецкого народа многим давала возможность полностью отрицать свою собственную вину, считает исследователь Х. Хабиخت²⁴. Возможно, поэтому в послевоенной Германии нередко наблюдалось стремление списать катастрофу нацизма на действие иррациональных сил²⁵, завладевших народными массами. Тем самым искусственно создавалось представление о детерминированности исторического процесса.

Карл Ясперс выступал против тезиса о «коллективной вине» немецкого народа, однако для обоснования своей позиции ему потребовалось проанализировать сущность и типы вины. Осознавая сложность процесса осознания соотечественниками собственной ответственности за преступления нацизма, Карл Ясперс дифференцированно подошел к основному вопросу своей книги. Философ выделил **четыре вида вины**. Первый вид — **уголовная вина**, которая лежит на совершивших уголовные преступления и которую вправе устанавливать только суд. Второй вид — **политическая вина**. С точки зрения К. Ясперса, «все ответственные за то, как ими правят». Определение этого типа вины находится в юрисдикции победителя, считает исследователь. Политическая вина означает «ответственность всех граждан за последствия действий, совершенных их государством»²⁶, но не связана с уголовным и моральным аспек-

том поведения отдельного гражданина. Третий вид — **моральная (нравственная) вина**. Речь идет о моральной ответственности каждого человека за его собственные поступки. К. Ясперс не склонен принимать расхожее утверждение «приказ есть приказ». Даже если преступления совершались по приказу, «каждое действие остается предметом морального приговора»²⁷. В этом вопросе все решает совесть человека и моральные принципы, принятые в кругу его родных и близких. Причем если политическая и уголовная вина может быть определена судом и победителем, то моральную вину следует обсуждать в кругу единомышленников при наличии доверия и солидарности. Последний, четвертый тип вины — **вина метафизическая**. Она связана с чувством «ответственности за каждое неверное и несправедливое действие в мире, особенно за преступления, совершенные в присутствии человека или известные ему». Формула метафизической вины такова: «Если мне не удастся сделать все, что я могу, чтобы воспрепятствовать преступлению, я так же виноват»²⁸. Виновность человека с метафизической точки зрения, как полагает К. Ясперс, определяет один только Бог.

Для автора наибольшее значение имеют два последних типа вины. С одной стороны, на морально-нравственном и, прежде всего, на метафизическом уровне произошло зарождение духовного кризиса немецкого народа. Ключевую роль К. Ясперс отводит метафизическому аспекту, поскольку он убежден, что, освободившись от этого типа вины, «люди бы стали ангелами и все прочие три концепции вины стали бы несущественными»²⁹. К. Ясперс утверждает, что именно духовные проблемы породили необратимые процессы в развитии целой нации: «Моральные слабости вызвали условия, при которых возникли как уголовная, так и политическая вина»³⁰.

С другой стороны, именно эти две сферы (морально-нравственная и метафизическая) открывают возможность для подлинного возрождения страны. Если за уголовные преступления следует наказание, а политическая вина предусматривает ответственность, выражаемую в репарациях, ограничении политической власти и депортациях, то значительно более серьезные последствия, с точки зрения К. Ясперса, происходят в результате признания морально-нравственного и метафизического типов вины. Морально-нравственный аспект связан с внутренним развитием человека и включает в себя такие понятия, как раскаяние и обновление;

метафизическое измерение «приводит к трансформации человеческого самосознания перед Богом»³¹. Философ останавливается подробно на характере этой трансформации. «Гордость разбита, — пишет он, — эта самотрансформация с помощью внутренней деятельности может привести к новому источнику активной жизни, но к тому источнику, который связан с неизгладимым чувством вины и «смирением <...> перед Богом», где «высокомерие становится невозможным».

Особое значение двух указанных аспектов вины подтверждается в контексте обсуждения вопроса об источнике обвинений. Если за уголовные и политические ошибки обвинения выдвигаются извне, то моральная и метафизическая вина — дело исключительно личное. «С моральной точки зрения человек может осуждать только самого себя <...>, никто не может морально осудить другого»³², — подчеркивает К. Ясперс.

Концепция четырех видов вины позволила философу обосновать свой протест против концепции «коллективной вины» немцев. Мыслитель выступал против стремления объяснить все процессы типологическими особенностями национального характера, поскольку «не существует такого понятия, как люди в целом»³³. «Люди в целом не могут героически жертвовать собой, не могут быть преступниками, не могут поступать морально или аморально»³⁴. К. Ясперс писал: «Совершенно очевидно, что бессмысленно не только возлагать моральную вину на всех людей»³⁵, но и обвинять всю нацию за преступления отдельных ее представителей. Морально-нравственный и метафизический аспекты вины подразумевают внутреннее преобразование личности, которое невозможно на коллективном уровне. Что же касается уголовной вины, то и в этом случае наказание возможно лишь для тех людей, которые непосредственно участвовали в совершении преступления. Группа людей может нести только политическую ответственность — в этом был убежден К. Ясперс³⁶.

Разрешение проблемы о «коллективной вине» немецкого народа было необходимо для того, чтобы появилась возможность избавиться от наследия «коллективного мышления», которое являлось объектом критики К. Ясперса. В заключительной главе, которая называется «Наше очищение», философ пишет, что, совершая это «очищение», немцы вновь «должны отбросить коллективное мышление»³⁷. «Любое реальное

изменение происходит только через отдельного человека»³⁸, — подчеркивает мыслитель.

С точки зрения К. Ясперса, задача каждого жителя Германии заключалась в том, чтобы, отказавшись от иллюзий собственной благопристойности и изначальной честности, взглянуть на себя и свое прошлое как можно более беспристрастно. Сложность данного процесса объяснялась тем, что нахождение и признание собственных недостатков всегда болезненно для человека. Особую остроту этот вопрос приобрел для Германии, поскольку именно в этой стране нацизм представлял собой, прежде всего, конкретных людей, стоявших за конкретными преступлениями. Но без понимания и переживания своих ошибок невозможно их исправление, был убежден К. Ясперс. Без распознавания собственного греха невозможно покаяние (от греческого «μετάνοια» — изменение ума), которое является главным условием духовного очищения, о котором говорил К. Ясперс. «Мы вынуждены очистить себя вне зависимости от того, в чем найдет себя каждый виновным, настолько глубоко, насколько это возможно с помощью реституции, возмещении убытков, внутреннего обновления и (внутренней) метаморфозы»³⁹.

Философ понимал, что на этом пути множество искушений, свойственных человеческой природе. Многими в немецком обществе владело желание не думать о своих ошибках, воспользоваться различными оправданиями, «ложными импульсами и инстинктами»⁴⁰. Перечисляя эти соблазны, К. Ясперс, в конце концов, предлагает всем немцам альтернативу: «Или ощущение вины <...> постоянно вновь переживаемое нашей совестью, становится основной чертой нашего немецкого самосознания — в этом случае наша душа проходит путь изменения — или мы опускаемся до усредненной незначительности индифферентного простого существования. Тогда никакой искренний поиск Бога больше не разбудит наше сердце, тогда истинная природа бытия больше не будет нам открыта, тогда мы больше не услышим трансцендентное значение нашей возвышенной поэзии и искусства и музыки и философии...»⁴¹.

Эта мысль ярко прослеживается у К. Ясперса, постоянно говорящего о духовных истоках постигшей его народ трагедии. Фактически философ ставит принципиальный для всего человечества вопрос: или главная ценность — достаток, внешние блага и (само)довольство «простого существования» наподобие живот-

ных — или главной заботой человека является очищение его уникальной богоподобной души. Однозначно решая для себя эту дилемму, мыслитель приходит к выводу, что «нет иного пути для немцев, <...> чем очищение из глубины сознания вины»⁴².

Что же означает этот процесс на деле? Иными словами, что нужно для этого сделать, помимо внутренней работы над собой? Прежде всего, это — «возмещение убытков», выплата «законно утвержденных репараций», что естественно вызовет «затягивание потуже поясов»⁴³. Что же касается изменений в сознании народа, то К. Ясперс призывает смириться со всеми выпадающими на долю Германии трудностями: «смирение становится нашей природой»⁴⁴, <...> «мы готовы понести то, что нам уготовано судьбой»⁴⁵. И это необходимое условие для духовного освобождения, убежден К. Ясперс. Он напоминает, что «очищение достигается преимущественно не внешними действиями, не с помощью наружной отделки, не магией»⁴⁶. Это бесконечный процесс — в силу того, что человек при этом становится на путь совершенства, который в конечном итоге ведет его к Богу. «Очищение — внутренний процесс, который никогда не кончается, но в котором мы беспрестанно становимся самими собой»⁴⁷, — писал К. Ясперс. Именно тогда проявляется уникальная, богоподобная личность, одно из основных свойств которой — свобода. «Все вновь и вновь выходят на дорожную развилку, становясь перед выбором между светом и тьмой»⁴⁸, — подчеркивает философ. От этого выбора зависит не только внутреннее обновление людей, но и будущее всего государства. Как утверждает К. Ясперс, «очищение — предпосылка также нашей политической свободы, так как только сознание вины ведет к сознанию солидарности и ответственности, без которой невозможна свобода»⁴⁹.

Как в «Духовной ситуации времени», так и в «Вопросе о вине» К. Ясперс призывает избавиться от гордости — по его мнению, главного источника нравственного разложения человека. И для этого, прежде всего, необходимо смирение — ключевой элемент самосознания будущей немецкой нации. К. Ясперс призывает к настоящему подвигу поистине христианской силы: «Мы должны искать нападок скорее, чем избегать их»⁵⁰. В таком случае у человека появляется возможность трезво взглянуть на свои поступки и избавиться от ложного принципа детерминизма, приписывающего все челове-

ские неприятности и несовершенства условиям среды и влиянию извне. Желание сравнить себя с другими, оправдать себя обстоятельствами видится выражением той же гордости⁵¹, считает К. Ясперс. Единственный выход из сложившегося положения он видит в том же принципе смирения. «От высокомерия нет спасения. Ему надо пройти суровую школу объективности; оно должно научиться первой христианской добродетели — смирению и усвоить его. Ибо в смирении человек постепенно становится тем, чем на самом деле должен быть. Ему раскрывается высота и глубина, он предстает пред Лицом Господа и чувствует себя в Руце Божией»⁵², — писал русский мыслитель И. А. Ильин.

Этим предстоянием К. Ясперс и завершает свой труд, цитируя слова из книги пророка Иеремии. Пророка уводят из разрушенного Иерусалима. Ученик в отчаянии. «Иеремия отвечает: Так скажи ему — так говорит Господь: «Вот, что я построил — разрушу и что насадил — искореню <...> А ты просишь себе великого? Не проси...»⁵³. Этот ответ пророка Иеремии означает для К. Ясперса только одно: «То, что Бог есть, достаточно. Тогда как все вещи постепенно исчезают, Господь остается. Это единственная неизменная величина»⁵⁴. «Наша доля — смирение и сдержанность»⁵⁵, — такими словами заканчивается книга К. Ясперса.

Трудно переоценить вклад Карла Ясперса в формирование послевоенного мышления Германии. Призывая своих соотечественников

задуматься над собственным прошлым, философ свидетельствовал о необходимости искреннего покаяния, которое является непреложным условием духовного очищения и оздоровления человека. Впрочем, заслуга Ясперса видится не только в том, что он смог поставить человека перед лицом собственной совести, но и в том, что во многом благодаря ему в основу самосознания немецкого народа было положено чувство ответственности и сознание вины за преступления нацизма. До сих пор Германия развивается в русле данной парадигмы мышления.

Чувство ответственности за свое прошлое для К. Ясперса неразрывно связано с утверждением христианского взгляда на мир, не допускающего бессмысленности происходящих и произошедших событий. Идеи мыслителя были исполнены христианского чувства, которое вместе с ним разделяли (и развивали) многие представители общественности и политической жизни Германии. Результатом их усилий стало то обстоятельство, что основанные после войны партии Христианско-Демократический Союз и Христианско-Социальный Союз до сего дня играют ключевую роль в формировании немецкой политики.

Идеи Карла Ясперса, высказанные им в работе «Вопрос о вине», фактически определили все послевоенное развитие Германии, заложили основу процесса преодоления тоталитарного прошлого как на уровне нации, так и на уровне каждого отдельного человека.

¹ Franck D. Jahre unseres Lebens. 1945–1949. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH. S. 105.

² Frei N. "Siegerjustiz?" Das Problem der Kriegsverbrecher. Цит. по: Studt C. Die Deutschen im 20. Jahrhundert: ein historisches Lesebuch. München, Beck. S. 199.

³ Eisenhardt U. Von Mitläufern und anderen Deutschen. Цит. по: Studt C. Die Deutschen im 20. Jahrhundert: ein historisches Lesebuch. München, Beck. S. 199.

⁴ Franck D. Jahre unseres Lebens. 1945–1949. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH. S. 104.

⁵ Wolgast Eike, prof. Vergangeheitsbewältigung in der unmittelbaren Nachkriegszeit. (http://www.uni-heidelberg.de/uni/presse/RuCa3_97/wolgast.htm).

⁶ Цит. по: Franck D. Jahre unseres Lebens. 1945–1949. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH. S. 104.

⁷ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: Роспен. С. 136–137.

⁸ Смирнова Н. А. Нюрнбергский процесс и послевоенная Германия. (http://pravgos.narod.ru/nurnberg/doc/smirnova_doc.htm).

⁹ Левицкий С. А. Христианский экзистенциализм. Философия Карла Ясперса. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. С. 292.

¹⁰ Некоторые исследователи утверждают, что в тот момент, чтобы избежать ареста со стороны нацистов, Карл и Гертруда Ясперс готовились к одновременному самоубийству.

¹¹ Moskowitz M. The Germans and the Jews: Postwar Report, Commentary, no. 1–2 (1946).

¹² Jaspers K. A reply to My Critics, in the Philosophy of Karl Jaspers, ed. Paul Arthur Schlipp (LaSalle, Ill.: Open Court, 1981), 753.

- ¹³ Penham D. Report to 307th Counter Intelligence Corps Detachment Headquarters Seventh United States Army. February 23, 1946. Crum Papers, Marshal Research Library, Lexington, Va.
- ¹⁴ Jaspers K. to Hannah Arendt, September 18, 1946, in *Correspondence of Hannah Arendt and Karl Jaspers*, 1926–1969.
- ¹⁵ Schmitt Carl. *Ex Cativitate Salus: Erfahrungen der Zeit 1945/47* (Cologne, 1950), 70.
- ¹⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. Духовная ситуация времени. М.: Политиздат, 1991. С. 293.
- ¹⁷ Там же. С. 299.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Jaspers K. The question of German guilt. New York. The Dial Press. 1947, P. 24.
- ²¹ Ibid. P. 28.
- ²² Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: Роспен. С. 136–137.
- ²³ Смирнова Н. А. Нюрнбергский процесс и послевоенная Германия. (http://pravgos.narod.ru/nurnberg/doc/smirnova_doc.htm).
- ²⁴ Kogon E. Die unvollendete Erneuerung. Deutschland in Kräftefeld 1945–1963. Politische und gesellschaftliche Aufsätze aus zwei Jahrzehnten. Frankfurt an Main, Europäische Verlagsanstalt, 1964. S. 5.
- ²⁵ Например, в журнале «Вызов» огромное значение придавалось ослеплению немецкого народа перед лицом геббельсовской пропаганды. См. *Der Ruf I*, No. 2, S. 12. Цит. по: Kleßmann C. Die doppelte Staatsgründung: deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, Bundeszentrale für politische Ausbildung, 1991. S. 175.
- ²⁶ Jaspers K. The question of German guilt. New York. The Dial Press. 1947. P. 32–33.
- ²⁷ Ibid, P. 32.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 34.
- ³¹ Ibid. P. 36.
- ³² Ibid. P. 39.
- ³³ Ibid. P. 41.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 40.
- ³⁶ Ibid. P. 42.
- ³⁷ Ibid. P. 102.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid. P. 104.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid. P. 118.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid. P. 119.
- ⁴⁵ Ibid. P. 119–120.
- ⁴⁶ Ibid. P. 120.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid. P. 120–121.
- ⁵⁰ Ibid. P. 122.
- ⁵¹ Именно поэтому первым детерминистом В. Н. Лосский называет Адама, отпавшего от Бога вследствие гордости и сразу же нашедшего оправдание в том, что запретный плод дала ему жена, которую ему дал Господь. См. Лосский В. Н. «Догматическое богословие». Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Москва. Общество любителей православной литературы. Издательство им. свт. Льва, папы Римского, 2009. С. 503.
- ⁵² Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. Книга раздумий и тихих созерцаний. М.: Альта-Принт, 2008. С. 94–95.
- ⁵³ Там же. С. 122.
- ⁵⁴ Там же. С. 122–123.
- ⁵⁵ Там же. С. 123.
-

ФОТОДОКУМЕНТЫ*

Шифртелеграмма из Белостока в ГУПВ НКВД СССР о наступлении немецких войск. 22.06.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1712, л. 250

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ГУПВ НКВД СССР
ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ

ШИФРОВКА ВХ. № 2194

получ. „ 22 “ 6 1941 г. . 06 00. “ м. Расшифр. „ 22 “ 6 „ 07. ч. 00. “ м

з БЕЛОСТОКА

уда и кому Т. МАСЛЕННИКОВУ

НАСТУПЛЕНИЕ ВСЕМУ ФРОНТУ. ЧАСТИ ПОГРANOХРАНЫ
ВЕДУТ БОЙ, НЕМЦЫ НАСТУПАЮТ КРЕТИНГА ТАУРОГ БЕЛОСТОК.
БОМБЯТ ВЛАДИМИР.

22.6.41г. №3711

С-т ГУПВ НКВД
Вх. № 1510
23 - 6 1941 г.

Отп. 3 экз.	ВКЗ. № 1 тов. МАСЛЕННИКОВУ
ВКЗ. № 1	ВКЗ. № 2 тов. БЕРИЯ
	ВКЗ. № 3 тов. Ш/О ГУПВ НКВД
	ВКЗ. № 4 тов. / Нач. шифр. отделения

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
через 6 суток
в шифр. отделение ГУПВ
НКВД СССР

* Рассекреченные документы и фотографии предоставлены Росархивом, РГАФД, РГАСПИ, АВП РФ и архивом ФСБ (отбор документов из архива ФСБ произведен научным сотрудником Центра публикации источников по истории России XX века ИРИ РАН Н. Н. Воякиной).

Шифртелеграмма из Белостока в ГУПВ НКВД СССР о вторжении немецких войск на территорию Литовской ССР. 22.06.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1712, л. 254

ГУПВ НКВД СССР ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ		СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Снятие копий запрещается
ШИФРОВКА ВХ. № 2198		
Получ. " 22 " 6 19 41 г. 08 ч. " 05 " м. Расшифр. " 22 " 6 " 09 " 10 м.		
Из БЕЛОСТОКА		
Куда и кому ГУПВ НКВД тов. ПЕТРОВУ		
<p>22 ИЮНЯ СЕГО ГОДА 6.00 СООБЩЕНИЕ ИЗ КАУНАСА КРЕ- ТИНГА ВЗЯТ НЕМЦАМИ 88 ПОГРАНОТЯД РАЗБИТЫ ЗАСТАВЫ 5, 6, 7, 8, 9, 13. 87 ПОГРАНОТЯДОМ СВЯЗЬ ИМЕЕТСЯ СО ВСЕМИ КОМЕНДАТУРАМИ. НЕКОТОРЫЕ ЗАСТАВЫ ЗАНЯТЫ НЕМЦАМИ. НЕМЦЫ УГЛУБИЛИСЬ 3-4 КИЛОМЕТРА. ЧАСТИ РККА НАСТУПЛЕНИЕ СДЕР- ЖИВАЮТ.</p> <p style="text-align: right;">22.6.41г. №372 СОКОЛОВ</p> <div style="text-align: right; margin-top: 20px;"> </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 10px auto;"> С-Т ГУПВ НКВД Вх. № 1514 23. 6 1941 г. </div>		
Отп. 3 экз. экз. № 1	экз. № 1 тов. ПЕТРОВУ экз. № 2 тов. БЕРИЯ экз. № 3 тов. Ш/О ГУПВ НКВД экз. № 4 тов. _____ Нач. шифр. отделения <i>Александров</i>	<div style="border: 1px solid black; padding: 10px;"> ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ через 6 суток в шифр. отделение ГУПВ НКВД СССР </div>

Шифртелеграмма из Белостока в ГУПВ НКВД СССР об обстановке на территорию Литовской ССР. 22.06.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1712, л. 256

ГУПВ НКВД СССР ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ		СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Снятие копий запрещается
ШИФРОВКА Вх. № 2200		
Получ. " 22 " 6 19 41 г. 9 ч. 30 м.	Расшифр. " 22 " 6 10 ч. 20 м.	
Из БЕЛОСТОКА		
Куда и кому ГУПВ НКВД ПЕТРОВУ		
БОЕВОЙ ОБЗОР №1 СОСТОЯНИИ 07ч.20м. 22/6-41г.		
КРЕТИНГА ЗАНЯТ НЕМЦАМИ. ГОЛОВКИНА СВЕДЕНИЙ НЕ ПОСТУПАЛО. КАЛВАРИЯ БОМБАРДИРУЕТСЯ. ЧАСТЬ ЗАСТАВ ОКРУЖЕНИИ. ВЕДУТ БОЙ. ПЕЛЬМАГИНУ ДАНО РАСПОРЯЖЕНИЕ ПЕРЕЙТИ ПОДЧИНЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.		
ЛИТОВСКИМИ ОТРЯДАМИ РУКОВОДИТ СУХАРЕВ, НАХОДИТСЯ КАУНАСЕ.		
22.6.41г.	№376	КУРЛЫКИН.
<i>Телеграмма - секретная</i> <i>1 экз. в архив</i>		<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;"> С-Т ГУПВ НКВД Вх. № 1515 23. 6 1941 г. </div>
<i>226</i>		<i>неполучено</i> <i>22.6.41 г. [подпись]</i>
Отп. 3 экз.	экз. № 1 тов. ПЕТРОВУ экз. № 2 тов. БЕРИЯ экз. № 3 тов. Ш/О ГУПВ НКВД экз. № 4 тов.	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px;"> ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ через 6 суток шифр. отделение ГУПВ НКВД СССР </div>
Нач. шифр. отделения <i>[подпись]</i>		

Шифртелеграмма из Белостока в ГУПВ НКВД СССР о вторжении немецких войск на территорию Литовской ССР. 22.06.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1712, л. 254

4

СОБЕРШЕННО СЕКРЕТНО

НКГВ СССР

ЛС
Расшифрованная ТЕЛЕГРАММА Вх. № 8371

Получ. . 22- VI 1941 г. 9 ч. 30 м. Расшифр. . 22- VI . 10 ч. 25 м.

Из КИШИНЕВА

Куда и кому НАЧАЛЬНИКУ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ-ТОВ. МЕРКУЛОВУ. 00565

Для резолюций
и пометок

Сегодня 22 июня 4 часа 30 минут по всей
гос. границе реки Прут что граничит с Молдавско
ССР началось вторжение румынских войск. Втор-
жение идет на суше и в воздухе бомбардировка Ки-
шинева Бельцы. Дано указание местным органам
НКГВ об усилении агентурно-оперативной работы.
Подготавливаются по всем уездам и районам аресты
наиболее активной части антисоветского элемента.
Взяты под усиленное агентурное наблюдение
железнодорожные мосты и другие военные об"екты.

22/VI-41 г. № 364. ГАЗЫКИН.

Снятие копий категорически воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в 11 отделение 5 отдела
НКГВ СССР
через 48 часов
с момента получения

Отп. 4 экз.

Экз. № 1 тов. МЕРКУЛОВУ
Экз. № 2 тов. СЕРОВУ
Экз. № 3 тов. КОБЫЛОВУ
Экз. № 4 тов. XI ОТДЕЛЕНИЕ
Экз. № 5 тов.

Нач. 11 отделения

Шифртелеграмма из Белостока в ГУПВ НКВД СССР об обстановке на территорию Литовской ССР. 22.06.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1712, л. 256

5

ГУПВ НКВД СССР
ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается

ШИФРОВКА вх. № 2755

4 " 7 19 41. 03 ч. 17 м. Расшифр. 4 " 7 " 07 ч. 10 м.

ТАШИНА

Кому ГУПВ НКВД тов. ПЕТРОВУ.

5.00 1 июля местечке Арияди уезде Вильянди группа "ИБ-17" следовавшая автомашине была обстреляна бандитской шайкой численностью около 20 человек. Потери банды 1 убит, группе два человека ранено ногу. 13.10 при преследовании банды группа численностью 78 человек два раза вступила в бой. Общие потери банды: 3 человека убито. Трофеи - 2 винтовки, 1 револьвер, охотничье ружье, самодельные гранаты, винтпатронов 50 штук. Районе их действия найдены лесу 3 радиоприемника, 1 передатчик. Потери группы - три человека, ранено, из них лейтенант лепицкий тяжело ранен. Операции очистке района продолжаются. Предварительным данным состоянию 3 июля сего года убито 10, взято в плен 29 бандитов. Донесению, уезд Вильянди сильно поражен бандитизмом, местное население против войны, антисоветски настроено. Для окончательного очищения района необходимо усиление "ИБ-17" регулярными подразделениями войск НКВД.

Задержание донесения отсутствия прямой связи батальоном и порчей провода "ВЧ".

3.7.41г. №2254 ЛУСКАТОВ

Петрову
Берия
Ш/О ГУПВ НКВД

Отп. 3 экз. № 1 тов. ПЕТРОВУ
экз. № 2 тов. БЕРИЯ
экз. № 3 тов. Ш/О ГУПВ НКВД
экз. № 4 тов. [подпись]

Печат. шифр. отд. [подпись]

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
через 6 суток
в шифр. отделение ГУПВ
НКВД СССР

Шифртелеграмма из Таллина в ГУПВ НКВД СССР об участии бандформирований в боевых действиях против истребительных групп на территории Эстонии. 05.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1715, л. 103

ГУПВ НКВД СССР
ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается

ШИФРОВКА ВХ. № 2802

Получ. " 5-е июля 1941г. 3 ч. 55 м. Расшифр. " 5-е июля 1941г. 10 ч. 10 м.
Из Таллина.
Куда и кому ГУПВ НКВД т. Петрову.

1. ЛИННИ МОГИЛЕВА 4 ИЮЛЯ С/Г СОСТАВЕ "ИБ-16" ДЕЙСТВОВАЛИ 3 ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ. ПЕРВАЯ ГРУППА Р-НЕ МЕСТЕЧКА ТОРЕШ ПОИСКАХ КОЛИЧЕСТВЕ 5 ВОСАДНИКОВ, ОБСТРЕЛЯВШИХ ГАРНИЗОН ПО ОХРАНЕ МОСТА. ПРЕГРАДЫ НЕТ БАНДА СКРЫЛАСЬ ЛЕСУ, ВЕДЕТСЯ УТОЧНЕНИЕ РОЗЫСКА. ВТОРАЯ ГРУППА 30 КИЛОМЕТРОВ СЕВЕРНЕЕ ПЕРНОВА РАЙОНЕ ПЕРНУ-ЯКУТВЕЛ ВЕЛА БОЙ БАНДОЙ. НАШИ ПОТЕРИ - 1 РАНЕН. ПОТЕРИ БАНДЫ - 2 УБИТО, 5 ВЗЯТО В ПЛЕН И УНИЧТОЖЕНО. ДО БОЯ ГРУППА БАНДЫ РАЗОРУЖИЛА 6 ЧЕЛОВЕК МИЛИЦИИ, ИЗ НИХ 1 ТЯЖЕЛО РАНЕН. ТРЕТЬЯ ГРУППА РАЙОНЕ ИКЛА ВЕЛА БОЙ БАНДОЙ. ПОТЕРЬ НА ШЕЙ СТОРОНЫ НЕТ, ЧИСЛА БАНДЫ 1 УБИТ. БАНДА СКРЫЛАСЬ ЛЕСУ. РОЗЫСКИ ПРЕКРАЩЕНЫ. ДАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ "ИБ-16" УТОЧНЯЮТСЯ.

2. ГРУППА 19 ЧЕЛОВЕК "ИБ-6" ПРОВОДИТ ОПЕРАЦИИ ВОЛОСТИ СААДОМА.

3. ДАННЫМ 27 Б-НА ВНОС, Р-НЕ МЕСТЕЧКА ПАЛАМУСЕ РОТА ВНОС ВЕДЕТ БОЙ БАНДОЙ. ПОТЕРЬ РОТЫ НЕТ, БАТРАКА УБИТО.

4. ДАННЫМ "ИБ-17" ВОЛОСТИ ПРИМУ БАНДА НЕ УСТАНОВЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА РАЗГРОМИЛА ВОЛИСПОЛКОМ, ПРОВОДИТ ТЕРАКТЫ СОВРАБОТНИКОВ. СОСТАВЕ "ИБ-17" ВЫСЛАНЫ 2 ГРУППЫ. ПОДРОБНОСТИ ПО ВЫЯСНЕНИЮ.

5. ДАННЫМ "ИБ-22" НА ШОССЕ КАУСТА-ДООМЕРА РАЗРУШЕНО 4

Исполнено
Билиш

Отп. экз.	экз. № 1	тов.
экз. №	экз. № 2	тов.
	экз. № 3	тов.
	экз. № 4	тов.

Нач. шифр. отделения

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
через 6 суток
в шифр. отделение ГУПВ
НКВД СССР

Шифртелеграмма из Таллина в ГУПВ НКВД СССР об участии бандформирований в боевых действиях против истребительных групп на территории Эстонии. 05.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1715, л. 104

<p>ГУПВ НКВД СССР ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ</p>		<p>СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО</p> <p><u>Продолжение.</u></p> <p>102</p>
<p>ШИФРОВКА ВХ. № 2802</p>		
<p>Дат. " 19 г. " ч. " м. Расшифр. " " ч. " м</p>		
<p>Кому и кому</p>		
<p>МОСТА, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ МУСТВЕ, ТАРМЫ, БОРЫ И СААРЕ КУЛАКИ ВОССТАЛИ, УСТАНОВЛИВАЮТ СВОЮ ВЛАСТЬ. УКАЗАННЫЙ Р-Н СОСТАВА " ИБ-22" ВЫСЛАНА ИСТРЕБИТЕЛЬ- НАЯ ГРУППА. ПОДРОБНОСТИ УТОЧНЯЮТСЯ.</p>		
<p>5.7.41. № 9. ЛУСКАТОВ.</p>		
<p>Оп. 3 экз. Экз. № 1</p>	<p>Экз. № 1 тов. Петрову. Экз. № 2 тов. Берия. Экз. № 3 тов. ШО ГУПВ НКВД. Экз. № 4 тов. Нач. шифр. отделения</p>	<p>ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ через 6 суток в шифр. отделение ГУПВ НКВД СССР</p>
<p>Оп. 3 экз. Экз. № 1</p>	<p>Экз. № 1 тов. Нач. опер. войск. Экз. № 2 тов. Берия. Экз. № 3 тов. ШО ГУПВ НКВД. Экз. № 4 тов.</p>	<p>ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ через 6 суток в шифр. отделение ГУПВ</p>

Шифртелеграмма из Киева в ГУПВ НКВД СССР
о боевых действиях на территории Украины.
05.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 1715, л. 115

74 4

ГУПВ НКВД СССР
ШИФР. ОТДЕЛЕНИЕ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается

ШИФРОВКА вх. № 2816

Получ. 5 7 19 41 20 ч. 50 м. Расшифр. 5 7 23 ч. 30 м.
Из КИЕВА
Куда и кому ГУПВ НКВД т.т. МАСЛЕННИКОВУ и СОКОЛОВУ.

ДАННЫМ ДЕЛЕГАТА СВЯЗИ 94 ПОГРАНОТРЕДА 3 ИЮЛЯ СЕГО ГОДА
9 ЧАСОВ 30 МИНУТ ОТРЯД НАХОДИЛСЯ 18 КИЛОМЕТРАХ ЗАПАДНЕЕ ВУЧАЧ,
ПРИКРЫВАЯ ОТХОД ЧАСТЕЙ РККА. ДЕЙСТВУЯ ПРИКРЫТИИ 3 И 4 КОМЕНДА-
ТУРЫ ИМЕЛИ БОЙ БАТАЛЬОНОМ НЕМЦЕВ, РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО БАТАЛЬОН
РАЗГРОМЛЕН, УБИТО 300, ЗАХВАЧЕНО 10 ПЛЕННЫХ, 3 РАНЕНО, РУЧНЫЕ
СТАНКОВЫЕ ПУЛЕМЕТЫ ДРУГОЕ ИМУЩЕСТВО. 17 И 18 ЗАСТАВЫ ТАКЖЕ СТОЛК-
НУВШИЕСЯ БАТАЛЬОНОМ ПРОТИВНИКА, УНИЧТОЖИЛИ ЕГО ПОЛНОСТЬЮ. ПОТЕ-
РИ ОТРЯДА: УБИТО 3 /ИЗ НИХ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ 2/, РАНЕНО 16.
ИЗ ЭТИХ ПОТЕРЬ :1 УБИТ И 6 РАНЕНО ВЗРЫВОМ МИНДОРОГИ 99, МИНИ-
РОВАНИИ КОТОРОЙ ОТРЯД ПРЕДУПРЕЖДЕН НЕ БЫЛ. ТЕЧЕНИИ 3 ИЮЛЯ СЕГО
ГОДА ОТРЯД СДЕЛАЛ 100 КИЛОМЕТРОВ ПЕРЕХОДА И К 19 ЧАСАМ 30 МИНУТ
НАХОДИЛСЯ 7 КИЛОМЕТРАХ ВОСТОЧНЕЕ ЧЕРТКОВА, ПРОДОЛЖАЯ МАРШ НА ГУ-
СЯТИН. ДВИЖЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПЕШИМ ПОРЯДКОМ. КОМАНДИРСКОЙ ПО-
МОЩИ СРЕДСТВАМИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ОТКАЗАЛИСЬ. ОТРЯД ОЩУЩАЕТ НЕДОСТА-
ТОК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ. БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ ИМЕЮТСЯ. 95 ПОГРАНОТРЕД 2
ИЮЛЯ СЕГО ГОДА ДОСТИГ ЧЕРТКОВ, ПРОДОЛЖАЯ МАРШ ГУСЯТИН. ИМЕЮЩИМ-
СЯ ДАННЫМ ВЕНГЕРСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В МЕСТЕЧКЕ СВАЛЯВА ДИСЛОЦИРУ-
ЕТСЯ ШТАБ 13 АРМИИ, РАЙОНЕ СВАЛЯВА ЛЕСУ УСТАНОВЛЕНА ЗЕНИТНАЯ АР-
ТИЛЛЕРИЯ, В РАЙОНЕ МЕСТЕЧКА ВОЛОВЕЦ И 4 КИЛОМЕТРАХ СТАНЦИИ БЕС-
КИТ СОСРЕДОТОЧЕНА ВЕНГЕРСКАЯ ПЕХОТА.

5.7.41г. №11482 РОГАТИН

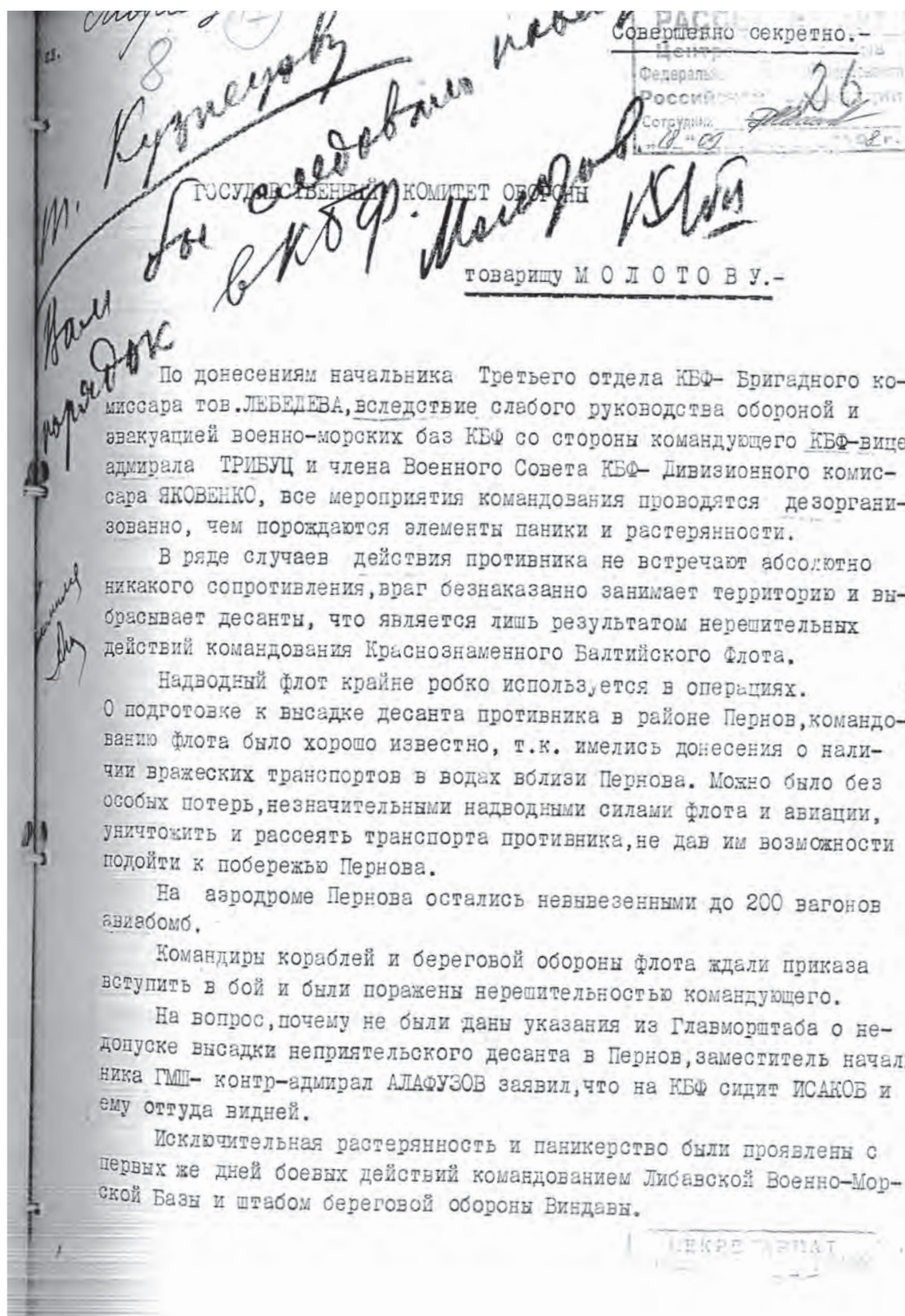
Отп. 4 экз.	экз. № 1 тов. МАСЛЕННИКОВУ
экз. № 1	экз. № 2 тов. СОКОЛОВУ
	экз. № 3 тов. БЕРИЯ
	экз. № 4 тов. Ш/О ГУПВ НКВД

Нач. шифр. отд. *Масленников*

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
через 6 суток
в шифр. отделение ГУПВ
НКВД СССР

Докладная записка 3 Управления ВМФ СССР в ГКО СССР о недостатках руководства обороной и эвакуацией военно-морских баз КБФ.

15.07.41. Ф. 14, оп. 2, д. 4, л. 26

Докладная записка 3 Управления ВМФ СССР в ГКО СССР о недостатках руководства обороной и эвакуацией военно-морских баз КБФ.

15.07.41. Ф. 14, оп. 2, д. 4, л. 27

2.-

Обороной никто не руководил. Отход частей и соединений базы проходил неорганизованно.

При появлении отдельных немногочисленных групп неприятельски парашютистов, среди комсостава частей возникала паника.

По заявлению ряда командиров 84 отдельного зенитного арт. дивизиона; старших лейтенантов ТИМОШКОВА, ТКАЛЕНКО, старшего политрука училища ПВО гор. Либавы ЕГОРОВА, капитана-лейтенанта БРОНШТЕЙНА и других, части Либавской ВМБазы свободно могли бы обороняться и уничтожить прорвавшуюся группу диверсантов.

Начальник штаба ВМБазы - капитан 1 ранга КЛЕВЕНСКИЙ, еще задолго до отступления, отдал приказ о подрыве подводных лодок и эсминца "Ленин"; три подводных лодки не выполнив приказа, ушли в море, благополучно миновав минное поле.

Эсминец "Ленин", имея в запасе мины и большое количество снарядов, мог свободно выйти из Либавы, но согласно приказу, был подорван. Также подорваны были оставшиеся на базе три подводные лодки.

Приказ об эвакуации не был доведен до личного состава. Командование базой эвакуировалось раньше всех.

Отсутствие руководства эвакуацией повлекло за собой много ненужных жертв.

Когда наши части в Либаве попали в окружение, среди личного состава не нашлось ни одного боевого командира. Роль командиров брали на себя рядовые краснофлотцы, которые командуя группами обеспечивали выход из окружения. Уже после ухода частей базы погранвойска продолжали удерживать Либаву еще в течение двух суток.

Командир 18 отдельной железнодорожной батареи - капитан ЛИСЕЦКИЙ сообщил, что железнодорожная батарея, которая дислоцировалась в Либаве, не имела точных позиций. 25 июня батарея передислоцировалась в г. Ригу.

При эвакуации из Риги командование базы не поставило ЛИСЕЦКОГО об этом в известность и он отступил последним.

За время боевых действий 18 железнодорожная батарея не получила ни одного приказа об открытии огня и не произвела ни одного выстрела.

Политработники Либавской ВМБазы, вместо работы по обеспечению

Докладная записка 3 Управления ВМФ СССР в ГКО СССР о недостатках руководства обороной и эвакуацией военно-морских баз КБФ.

15.07.41. Ф. 14, оп. 2, д. 4, л. 28

обороны и мобилизации личного состава, занялись дезинформацией. Так, например:

23 июня начальник отдела политпропаганды базы - Полковой комиссар ПОРУЧИКОВ сделал сообщение, что в Германии началась революция.

25 июня политрук МЕХОВ, с ведома ПОРУЧИКОВА, разослал в части сообщения о том, что нашими частями, якобы, заняты Бухарест, Варшава и подходят к Берлину.

Эвакуация из гор. Вилдавы также проходила неорганизованно. Имеющийся железнодорожный и водный транспорт не был использован для погрузки материальных ценностей и боеприпасов.

Производивший эвакуацию порта - интендант 1 ранга ИВАНОВ, настолько растерялся, что в течение 3-х часов, кроме 15 ящиков сгущенного молока на 4 транспортные судна ничего не погрузил, оставив противнику в целости боеприпасы, материальные ценности и продукты питания.

Еще до этого, 26 июня начальник отдела тыла - интендант 1-го ранга ИВАНОВ и его заместитель - Батальонный комиссар ГОЛУБЕВ, во время воздушного налета противника, сели в легковую машину и уехали, оставив весь личный состав порта и тыла без руководства. Лишь в 27 километре по дороге к Риге, ИВАНОВ и ГОЛУБЕВ, боясь ответственности, решили вернуться обратно в Вилдаву.

Неорганизованная эвакуация Либавы и Вилдавы вызвали среди личного состава частей и кораблей ряд справедливых нареканий, причем имеются высказывания о предательстве со стороны командования баз.

Сегодня, 12 июля с.г. начальник Третьего отдела КБФ доносит, что такая же паника имеет место сейчас по эвакуации главной базы КБФ в Таллине, причем тон этой панике задает само командование флота.

О паникерстве Военного Совета говорят на кораблях и в части флота.

9 июля с.г. в 00-30 м. помощник начальника штаба КБФ - ЧЕРНЫ отдал по телефону всем учреждениям Таллинского гарнизона приказ:

Докладная записка 3 Управления ВМФ СССР в ГКО СССР
о недостатках руководства обороной и эвакуацией военно-морских баз КБФ.
15.07.41. Ф. 14, оп. 2, д. 4, л. 29

4.-2
"Немедленно эвакуироваться". Через 15 минут штаб флота очистил помещение и под здание штаба флота были заложены взрывчатые вещества

Начальник тыла КБФ МОСКАЛЕНКО не принял решительных мер к эвакуации ценнейшего имущества, вследствие чего значительное количество боезапаса и имущества уничтожено или подготовлено к уничтожению. Так, например:

Уничтожено - 98 глубинных бомб
20 крупнокалиберных пулеметов
1900 дымовых шашек
2800 литров четыреххлористого углерода
180 тонн капусты и другие продукты.

Подготовлено к уничтожению:

торпед разных типов - 16 шт.
корпуса мин залитых тротилом - 96 шт.
тротил для мин - 45 тонн
глубинных бомб - 165
снарядов 76 м/м и 45 м/м до 2000
винтовочных патронов - 13000.

и целый ряд других видов боеприпаса, материалов и продовольствия.

Даны указания о расследовании преступных действий МОСКАЛЕНКО по срыву эвакуации.

Положительно ведет себя член Военного Совета КБФ- ВЕРБИЦКИЙ, сдерживающий панику и требующий от Военного Совета перейти к решительным действиям по борьбе с противником - организацией обороны, набеговых операций и десантов.

Несмотря на мои информации и наличие документальных данных, требующих принятия решительных мер к основным виновникам паникерства и срыва обороны в частях КБФ, органам Третьего Управления Б. запрещено производство расследования в отношении КЛЕВЕНСКОГО, ТРАЙНИНА и ГЕРАСИМОВА.

Считая такое попустительство паникерам недопустимым, мною дано указание начальнику Третьего отдела КБФ- тов. ЛЕБЕДЕВУ, провести расследование и допросить КЛЕВЕНСКОГО, ТРАЙНИНА, ГЕРАСИМОВА и друг... для привлечения виновных к судебной ответственности.

НАЧАЛЬНИК ТРЕТЬЕГО УПРАВЛЕНИЯ ВМФ СССР
Бригадный комиссар

(ПЕТРОВ)

15 июля 1941 года.

6/112

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 19

(18) 9 С. Секрет

Дело 55-2
Стр 12

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Генеральному Комиссару Государственной Безопасности
товарищу БЕРИЯ Л.П.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Доносим, что согласно утвержденной Комитетом Оборонь
Союза ССР схемы для обороны Смоленска, на нас было возло-
жено строительство оборонных сооружений вокруг Смоленска.
По этой схеме должны были быть выполнены следующие рабо-
ты:

1. Противотанковые рвы общей протяженностью до 240км.
и огневые точки для установки пулеметов и артиллерии.

По намеченному плану все эти работы должны были быть
закончены к 23 июля с.г. К работам нами было приступлено
9 июля и как первоочередная задача перед нами была постав-
лена отрывка противотанковых рвов.

По разработанному Главным Управлением Оборонных Со-
оружений НКВД СССР плану к работе должны были быть прив-
лечены заключенные в количестве 65.000 человек, комсомоль-
цы, мобилизованные из тыловых областей СССР, в количестве
25.000 человек, первый стройтрест (в полном составе) НКВД
СССР и местные колхозники.

Секретариат НКВД СССР
1-е отделение
22- VII 1941 55

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 20

2.

После доклада Военному Совету Западного фронта нам было дано указание товарищем МЕХЛИСОВ заключенных к работе не привлекать, ввиду расположения работ в прифронтовой полосе. Поэтому от этой категории рабочих нам пришлось отказаться и сделать основной упор на компенсирование рабочей силы за счет местного населения.

К 11 июля рабочая сила на всех участках наших работ достигала 50.000 человек.

Немецкие разведывательные самолеты, разведав район производимых нами работ, начали систематически производить налеты и обстреливать наших рабочих, а с 13 июля, согласно решения Смоленского Обкома и Облисполкома, ввиду приближения противника к Смоленску и к некоторым районам, расположенным около Смоленска, было решено эвакуировать женщин и детей в тыловые районы Смоленской области. Это решение председателями сельсоветов и колхозов было доведено до наших рабочих, которые после этого стали бросать работу и уходить.

14 июля принятыми нами мерами удалось некоторое количество рабочей силы все же удержать. Однако, последующая бомбардировка и занятие некоторых наших районов танковыми частями противника навели панику среди местного населения и к 15 июля мы остались без рабочей силы.

14 июля танки противника, двигающиеся из района Горки (Белорусская ССР), заняли Красное и продвинулись вперед

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 21

3.

к Смоленскому району к деревне Хохлово, где их встретили наши части и завязался бой.

Таким образом уже 14 июля наш 37 участок оказался в тылу у противника. Работающие на этом участке мобилизованные комсомольцы из тыловых областей СССР в числе других рабочих оказались тоже в тылу у противника. Нами были приняты меры для вывода из этого района всех комсомольцев и к 15 июля они все были выведены и направлены к местам своего прежнего жительства.

Из рассказов комсомольцев, начальника работ этого участка МЕЛЬНИКОВА и других очевидцев установлено:

1) что немцы в этом направлении двигались исключительно по шоссе Красное-Смоленск, производя разведку по обеим сторонам шоссе вглубь максимум до 50 метров;

2) немецкие офицеры обыскивали редикюли 12 комсомолок, завятых на наших работах, извлекли из них только комсомольские билеты, которые оставили себе, а редикюли с остальными документами вернули комсомолкам;

3) немецкие офицеры угощали комсомольцев шоколадом и вином, а среди местного населения раздавали промтовары и другие продукты, изъятые из магазинов СЕЛПО;

4) разбрасывали также среди местного населения советские деньги, обнаруженные ими в кассах торгующих организаций;

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 22

22
4.

5) останавливали красноармейцев, отбирали у них винтовки, разбивали, а красноармейцев отпускали. Попавшийся командный состав расстреливали или кололи штыками.

Нужно доложить, что приход немецких танковых частей в этот район был неожиданным и Командованием мы предупреждены не были. Этим и объясняется, что к приходу немецких танковых частей наши комсомольцы еще оставались на местах работ, а также происходило некоторое передвижение наших войсковых частей по этому шоссе.

К 15 же июля другое соединение немецких танков и пехоты, двигающиеся из Витебска в район Рудня, которое по предположению должно было направиться по основной магистрали Витебск-Смоленск через Рудню, взяло другое направление к северу, заняло местечко Демидово и видимо разделилось на две части, одна из которых по основному шоссе направилась в западном направлении к Смоленску, а другая — по шоссе через район Духовщины на Ярцево.

Таким образом были оставлены в тылу наши 5 участков: 35 — Захарино, 36 — Куприно, 38 — Стегримово, 40 — Духовская и 41 — Духовщина.

Исходя из того, что для производства работ к 15 июля у нас рабочей силы уже не было, к тому же основные районы производства работ оказались в окружении немецких частей, вечером 15 июля мы приехали в Ярцево для доклада Вам по телефону о положении дел.

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 23

23
5.

К нашему приезду в Ярцево происходили частные и интенсивные нападения с воздуха немецких самолетов, которые ставили своей основной задачей разбомбить желдормост в самом Ярцеве. Однако все налеты немецких самолетов на этот желдормост окончились неудачей.

Примерно в 9 часов вечера в северной части гор. Ярцево и на основном магистральном шоссе Минск-Москва завязалась артиллерийская перестрелка между нашими частями и частями противника. В гор. Ярцево просочились слухи о появлении на окраине города немецких танковых частей и высадке десанта, что вызвало среди городского населения большую панику и примерно за один час все население покинуло Ярцево, уходя в лес и ближайшие колхозы. Покинули город также представители местной власти. Мы разыскали некоторых местных работников НКВД и НКГБ, установили дежурство в помещении НКВД, а сами связались с тов. МАМУЛОВЫМ по телефону для получения от Вас дальнейших указаний. Примерно к часу ночи артиллерийская перестрелка несколько затихла и мы выехали в Вязьму.

С момента начала производства работ, т.е. с 9 июля по 14 включительно, нами в основном закончены противотанковые рвы, за исключением 36 участка в районе Куприно, где, согласно указания военного инженера - представителя штаба Западного фронта, рабочая сила несколько раз передвигалась на новые участки работ.

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 24

24
6.

Кроме того на месте мы заготовили 14.200 куб. лесоматериалов, а также были завезены на участки наших работ и другие материалы для возведения оборонительных сооружений.

16 июля начальник Инженерного Управления штаба Западного фронта генерал-майор ВАСИЛЬЕВ нам сказал, что необходимость в возведении сооружений на производимых нами участках миновала, к тому же дальнейшее производство работ оказалось невозможным, ввиду отсутствия рабочей силы на местах.

2. Хотим отметить некоторые отрицательные моменты, имеющие место в прифронтовой полосе:

1) Среди гражданского населения и частей РККА широко распространяются слухи о высадке большого количества десантов как в прифронтовой полосе, так и в наших тыловых районах, причем, якобы, эти десанты высаживаются в основном в форме чекистов и различных родов войск. Это обстоятельство создает некоторое недоверие частей РККА и населения к командному составу, чекистам и другим работникам.

Поэтому каждая войсковая часть выделяет специальные группы бойцов для проверки документов. Во многих случаях имеют место недоверие подлинным документам, причем выделяемые бойцы и командиры не снабжаются соответствующими документами о предоставлении им права на проверку документов.

Пользуясь этим положением, проверкой документов занимаются отдельные бойцы и командиры, не организованно отхо-

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 25

25
7.
дящие от передних позиций фронта, маскируя этим самым свою занятость по выполнению отдельных поручений.

Некоторые политработники, командиры и бойцы рассказывают всякие небылицы, исходящие от врагов, относительно высадки парашютных десантов, рассказывают населению о новых методах, применяемых немецкой авиацией — якобы сбрасывание десантов с бреющего полета в резиновых мешках, без парашютов и т.д.

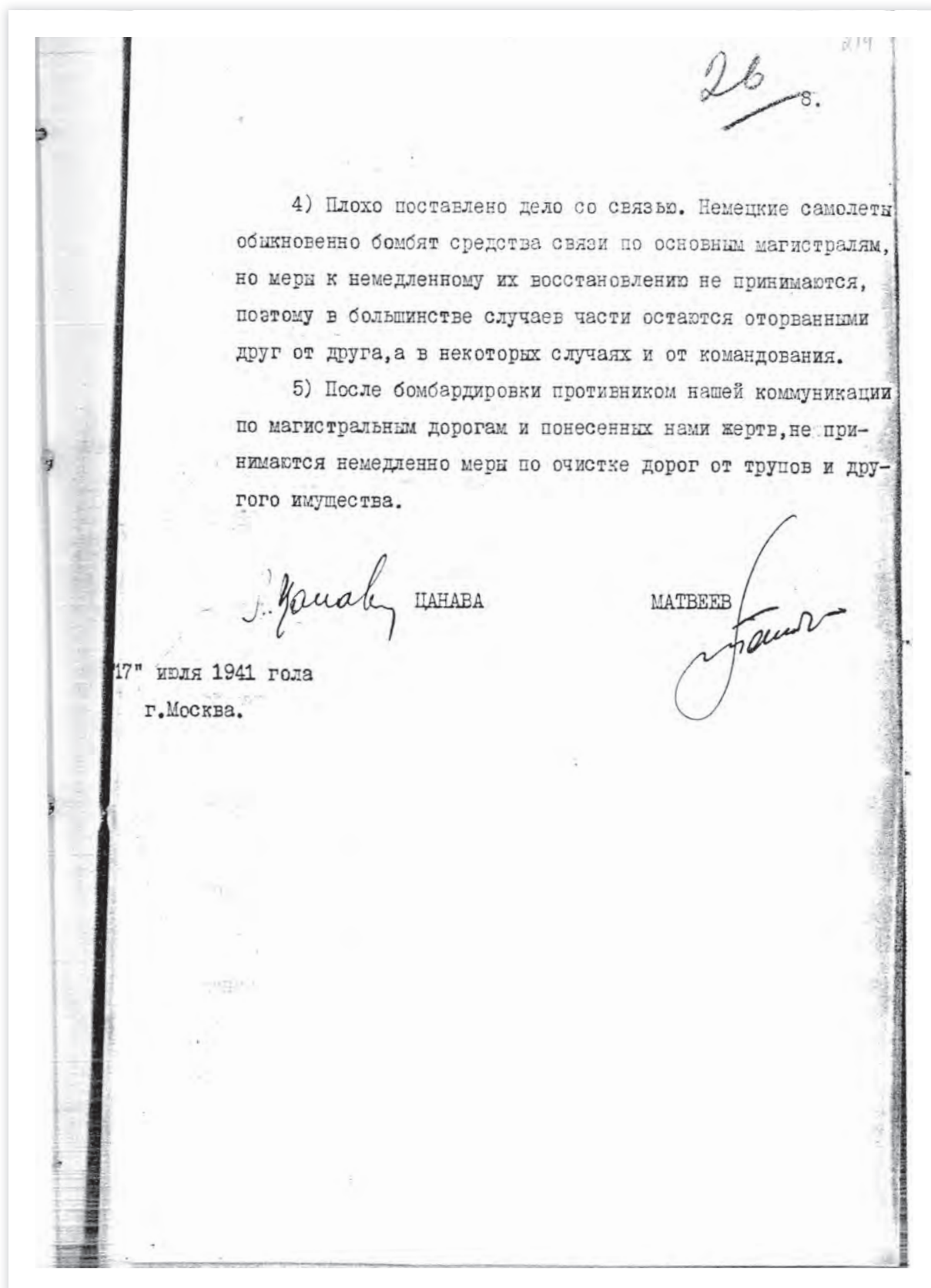
Это обстоятельство является безусловно результатом слабой политической работы среди войсковых частей и населения.

Организовано проходит проверка документов заградительными отрядами по охране тыла. В данном случае отряд по проверке документов обязательно возглавлен соответствующим командиром, имеющим полномочия на это.

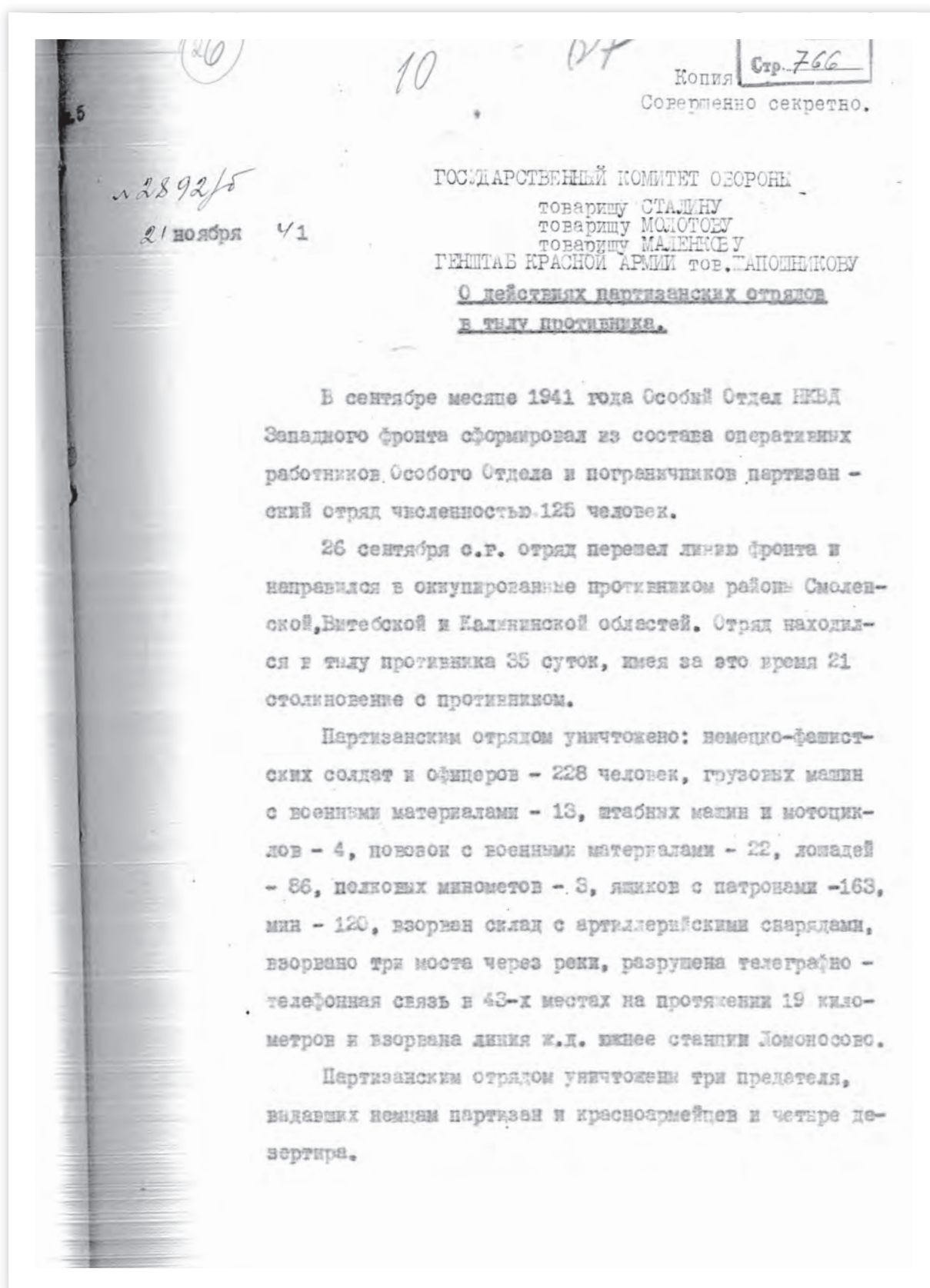
2) Обращает на себя внимание передвижение войсковых соединений по дорогам или крупных обозов в дневное время. За время нахождения в прифронтовой полосе мы не видели, чтобы они охранялись истребительной авиацией. Это дает возможность врагу безнаказанно расстреливать с бреющего полета воинские части и обозы.

3) До сих пор имеет место блуждание отдельных красноармейцев и командиров, оторвавшихся от своих частей, после боя и отхода части от передней позиции.

Докладная записка НКГБ Белорусской ССР в НКВД СССР
об обстановке в Смоленской области. 17.07.41. Ф. 3, оп. 8, д. 96, л. 26

Сообщение НКВД СССР в ГКО и ГШ Красной армии о боевых действиях партизанских отрядов в тылу противника. 21.11.41. Ф. Зос, оп. 8, д. 14, л. 67

Сообщение НКВД СССР в ГКО и ГШ Красной армии о боевых действиях партизанских отрядов в тылу противника. 21.11.41. Ф. Зос, оп. 8, д. 14, л. 68

2.

Партизанский отряд прошел 120 населенных пункта, в которых проводил политико-раз'яснительную работу и организовал 3 партизанских отряда. Отряд собрал и вывел из тыла противника 126 красноармейцев и командиров.

Партизанским отрядом в боях с противником захвачены трофеи - 6 пулеметов, 5 автоматов и 20 винтовок. Потери отряда - 4 партизана убиты и 5 ранены.

Партизанский отряд КОШПАКА, действующий на территории Путивльского района, Сумской области (УССР), за период с 20 сентября по 5 ноября с.г. уничтожил 17 офицеров и 62 солдата; нанес тяжелые ранения 11 немецким солдатам; расстрелял 1 немецкого фашистского агента и 4 фашистских активиста.

За этот же период: уничтожил 17 грузовых автомашин, 1 тягач с платформой, груженный боевыми припасами и продовольствием, 2 легковых машины, 1 мотоцикл и 2 средних танка. Захватил 2 танка. Вывел из окружения 58 командиров и 53 бойца Красной Армии. Выкрал из больницы г.Путивль 2-х летчиков Красной Армии, которые лечатся при партизанском отряде.

Партизанский отряд, действующий в Угледско-Заводском районе (Московская область) столкнулся 30.X.1941 г. с немецкой разведкой. При столкновении 1 солдат убит, остальные 7 бежали.

7.XI.1941 г. тот же отряд захватил в плен немецкого унтер-офицера, который передан в штаб 17 стрелковой дивизии.

В период с 20 октября по 7 ноября с.г. этим же отря -

Сообщение НКВД СССР в ГКО и ГШ Красной армии о боевых действиях партизанских отрядов в тылу противника. 21.11.41. Ф. Зос, оп. 8, д. 14, л. 69

3.

дом выведено из окружения около 1000 бойцов Красной Армии.

Группа партизан отряда, действующего в Лотошинском районе Московской области, была направлена в дер. Федосово, имея задачей уничтожить предателя БУРОВА, назначенного старостой этой деревни. Партизаны гранатой и бутылкой с горючей смесью разрушили и подожгли дом БУРОВА. Убит помощник БУРОВА - СОКОЛОВ. Самому БУРОВУ, раненому при взрыве гранаты, удалось от преследования скрыться.

В том же районе, в дер. Судниково, партизанами уничтожен КРЫЛОВ - фашистский агент, призывавший местное население оказывать немцам помощь и снабжать продовольствием.

Партизанский отряд Дмитровского района, Курской области, 19-го октября с.г. произвел налет на группу немецких солдат, производивших грабеж в деревне Тархановка. Убит 1 немецкий солдат, остальные бежали.

Тем же партизанским отрядом 30-го октября уничтожено 3 броне и 3 автомашин, убито 4 немецких солдата, подорван мост между Дмитриев - Михайловка, на этом же участке пять раз разрушалась телефонно-телеграфная связь.

Проводниками этого же отряда выведено из окружения 603 человека красноармейцев и командиров, а партизан ЛЫКОВ вывел из окружения 326-й артполк 148 дивизии, численностью 350 человек.

Партизанский отряд Неклиновского района, Ростовской области, 13 ноября с.г. произвел взрыв ж.д. моста западнее ст. Синявской.-

Восстано:

Сталину
Молотову
Маленкову
Ворошилову
Дело

исп. т. Петров

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНЕШНИХ ДЕЛ
Союза С С Р

(Л. ВЕРИЯ)

Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР
наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова
(черновой рукописный вариант). 22 июня 1941 г. Стр. 1.

~~Молотов~~ Граждане и граждане
Советского Союза!

Сегодня, в 4 часа утра, без объявления
каких-либо претензий к Советскому Союзу,
без объявления войны, германские
войска напали на нашу ~~границу~~ ^{границу},
атаковали нашу границу во многих
местах ~~и подвергнув бомбежке~~ ^{и подвергнув} со своих
самолетов ~~некоторые из наших городов~~
~~и аэродромов~~ ^и - Минск, Кабл,
Севск, Копель и ~~и~~ некоторые дру-
гие. Нашим вражеским самолетам
и артиллерийской ~~ограни~~
~~были совершены~~ ^{были совершены} также с русско-
ской стороны и со стороны Фин-
ляндии.

Эта ~~неслыханная~~ ^{на нашу страну} атака, ~~несмотря~~
на наше ~~наличие~~ ^{наличие} договора о не-
нападении между СССР и Германией, явил-
ся безграничным нарушением сувер-
енитета наших народов. Вся ответственность

Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР
наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова
(черновой рукописный вариант). 22 июня 1941 г. Стр. 2.

За это ~~независимое~~ ~~разделение~~
нападения на Советский Союз учи-
ком же полностью падает на Герман-
ское грабительское правительство.

Уже после совершенного нападе-
ния германский посол в Москве Шу-
ленбург в 5 час. 30 минут уличен в рас-
суждении ^{нас, как} ~~народному~~ комиссару
иностранн. дел, ~~называя~~ от имени
своего правительства, что ~~снова~~ Герман-
ское правительство якобы ~~всегда~~
было вынуждено применять военные меры для
концентрации вооруженных сил Крас-
ной у восточной германской границы.

В ответ на это ~~заявление~~ ~~мало~~
от имени советского правительства
было заявлено, что до последней минуты
Германское правительство не представило
никаких признаков готовности к пере-
мирию и что Германией совершено напад.

Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова (черновой рукописный вариант). 22 июня 1941 г. Стр. 3.

(3)
Желе на север, несмотря на многооб-
щую любовь Славянского Союза и го-
да славян ^{французской} ~~вост.~~ Германской эмиграции
нападающей стороной.

~~Почему~~ По порусски правописание
Сверская страна я думаю Вайну,
что это в одном пункте (или воевода)
и наша авиация не ~~не допускает нарушения~~
~~сделанное сегодня утром~~
~~граждан~~ и ~~поэтому~~ Вайнуские русские
своего радио ~~в том что~~ яковы ~~авиации~~
~~сегодня в~~ ~~румынские~~
~~авиации~~ ~~румынские~~
сильной
девиации лодки и провокации.

Теперь, когда нападение на Союзный
Союз уже свершилось, ~~политическая~~
^{шведский} правительством дан приказ киним вой-
скам - отбить ^{разбитые} нападение и изгнать гер-
манские войска с территории нашей
родины.

Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР
наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова
(черновой рукописный вариант). 22 июня 1941 г. Стр. 4.

Правительство Советского Союза вы-
ражает непоколебимую уверенность в
то, что наша доблестная ~~красная~~
армия и флот, и ~~наша~~ смелые соколы
советской авиации, с честью выполняю-
т долг перед родиной, перед советскими
народом, а нанесут сокрушитель-
ный удар по врагу, ~~разгромят~~
~~и уничтожат~~ врага без остатка.
Наше дело правое. Победа
будет за нами!

Рукопись телеграммы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова
в зарубежные представительства СССР о нападении Германии.
22 июня 1941 г. Стр. 1.

[illegible]

Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в зарубежные представительства СССР о нападении Германии. 22 июня 1941 г.

Стр. 2.

6/74

ЧЕНО: 22/6 1941 г.
ПНЕНО: 193 г.

548 842 466 308

МАЙСКОМУ, БОГОМОЛОВУ, УМАНСКОМУ, ГОРЕЛКИНУ,
СМЕТАНИНУ, ЛАВРЕНТЬЕВУ, ЛАВРИЩЕВУ, ШАРОНОВУ,
ЕРОФЕЕВУ, КОЛЛОНТАЙ, НИКОЛАЕВУ. Орлову.
Афанасьеву, Бакулину, Иванову, Паномыкину.

Немцы произвели нападение по многим пунктам нашей границы, бомбили Киев, Житомир, Виндаву, Севастополь. Через Шуленбурга передали, что ввиду опасности на восточной границе Германии, вследствие сосредоточения советских войск, Германия решила принять военные контрмеры.

Ввиду этого вероломного и неслыханного нападения Советское правительство оказалось вынужденным принять меры отпора.

МОЛОТОВ.

3-экз. ЛС

Принято по вертушке
от т. Вышинского
принял Подтрубач. *Подтрубач*
22. VI.

ОТПЕЧАТАТЬ

Телеграмм 5+9 303. В депо
Писем *Алекс*
Отв. дежурн. *Алекс*
Отпечатано 9
Подпись машинистки *Иван*

Встреча делегаций, прибывших в Москву на конференцию представителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Слева направо: глава делегации США У. А. Гарриман, глава делегации Великобритании У. М. Бивербрук, посол СССР в США К. А. Уманский, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинского. 28 сентября 1941 г.

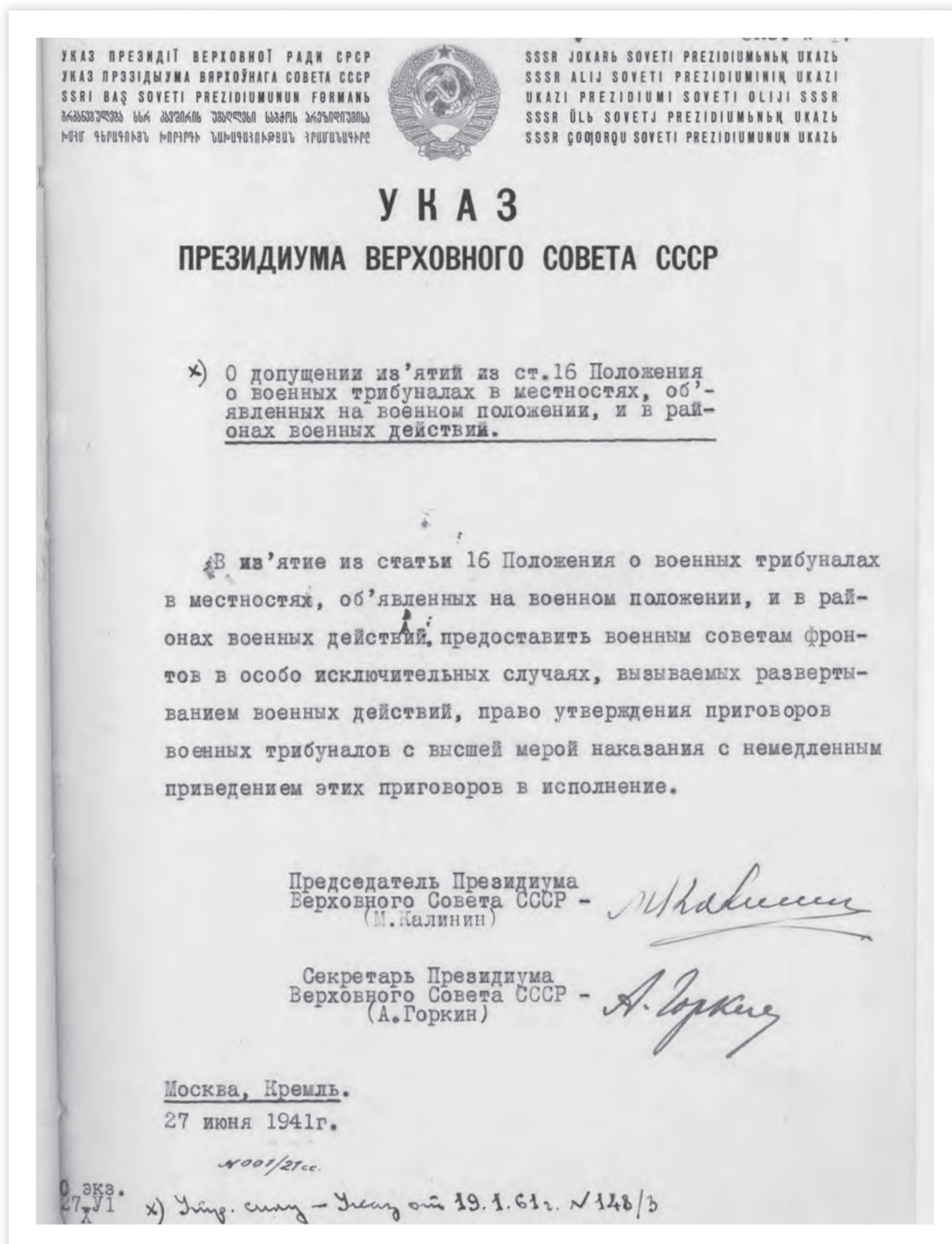

Прибытие в Великобританию наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. 20 мая 1942 г.

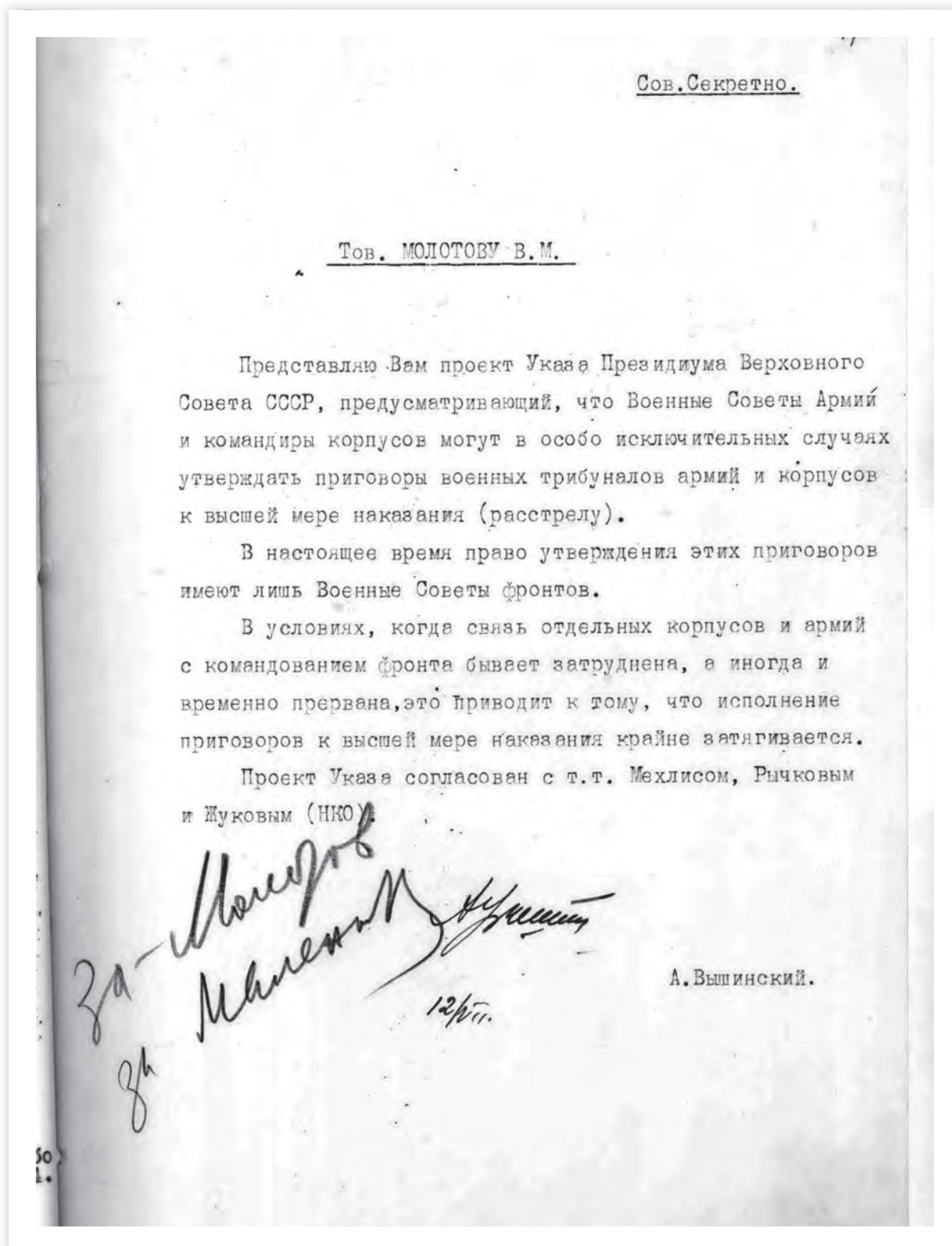

Прием президентом США Ф. Рузвельтом наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Белом доме. Июнь 1942 г.

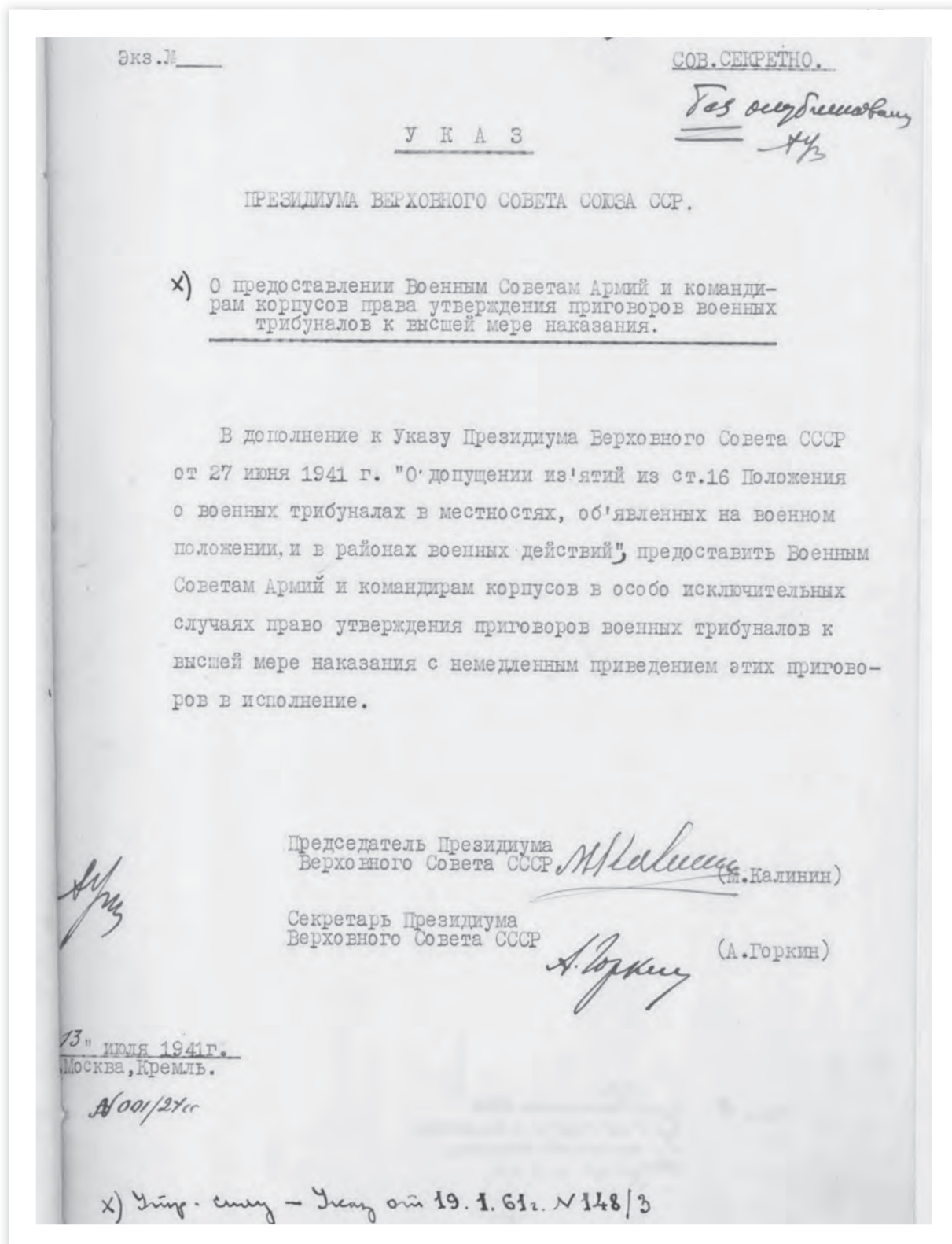
Указы Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Военным Советам фронтов, армий, командирам корпусов, командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания. 1-й (фронтов) — подписи Калинина и Горкина; 2-й (армий и корпусов) — на проекте Вышинского «за» Молотов и Маленков; 3-й (дивизий) — автограф (правка) Сталина. 27.06.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4 л. 15

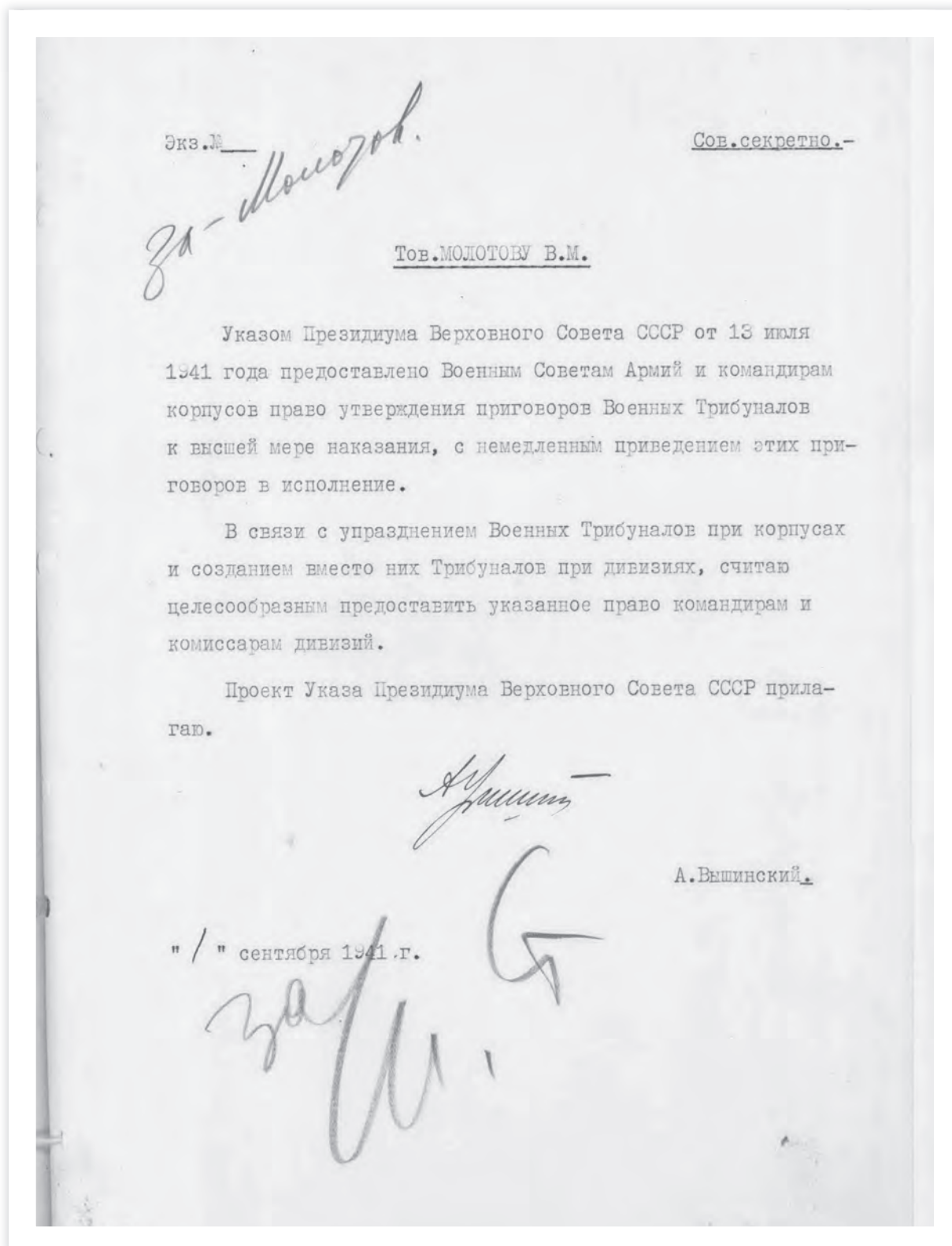
Указы Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Военным Советам фронтов, армий, командирам корпусов, командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания. 1-й (фронтов) — подписи Калинина и Горкина; 2-й (армий и корпусов) — на проекте Вышинского «за» Молотов и Маленков; 3-й (дивизий) — автограф (правка) Сталина. 12.07.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4 л. 17

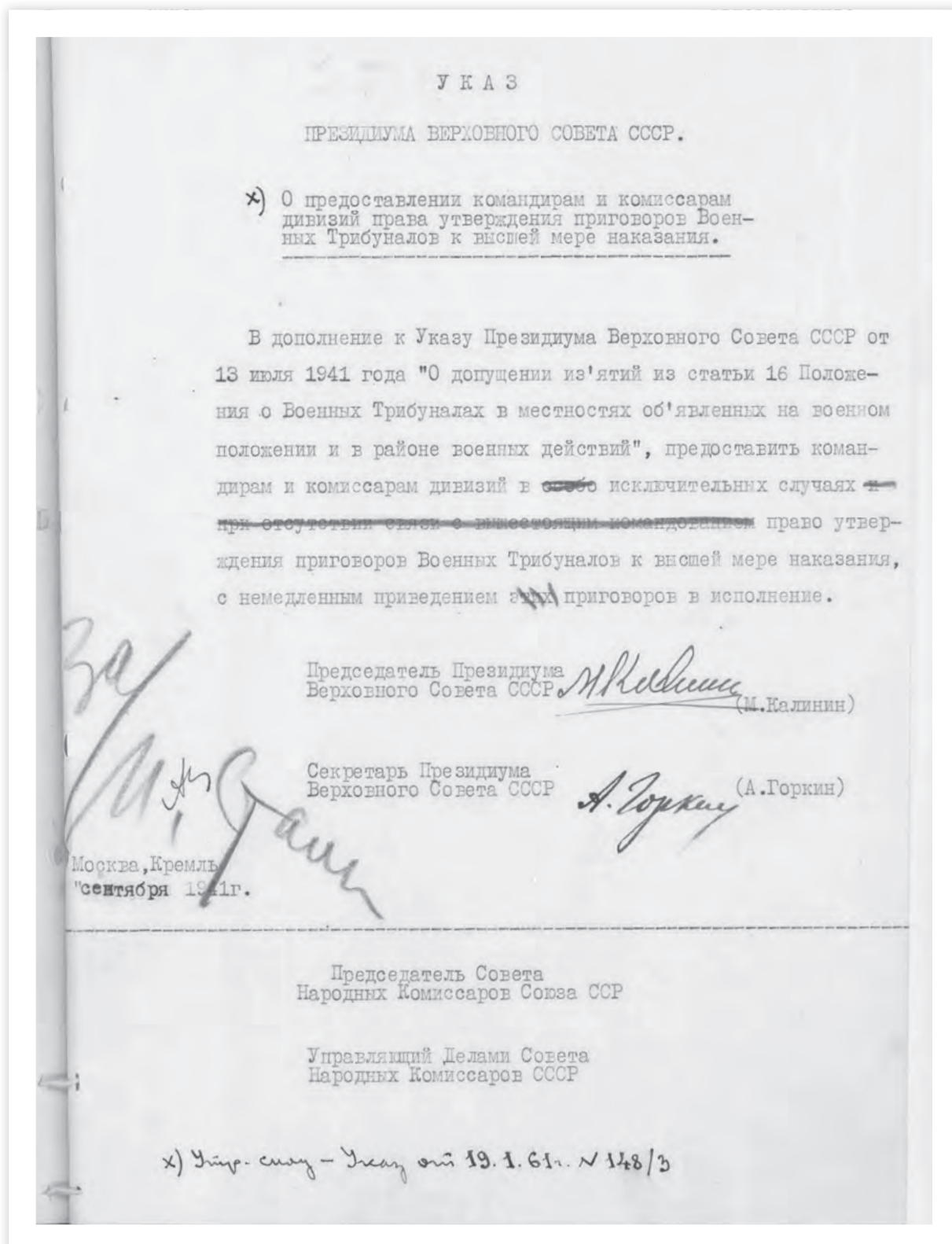
Указы Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Военным Советам фронтов, армий, командирам корпусов, командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания. 1-й (фронтов) — подписи Калинина и Горкина; 2-й (армий и корпусов) — на проекте Вышинского «за» Молотов и Маленков; 3-й (дивизий) — автограф (правка) Сталина. 13.07.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4 л. 18

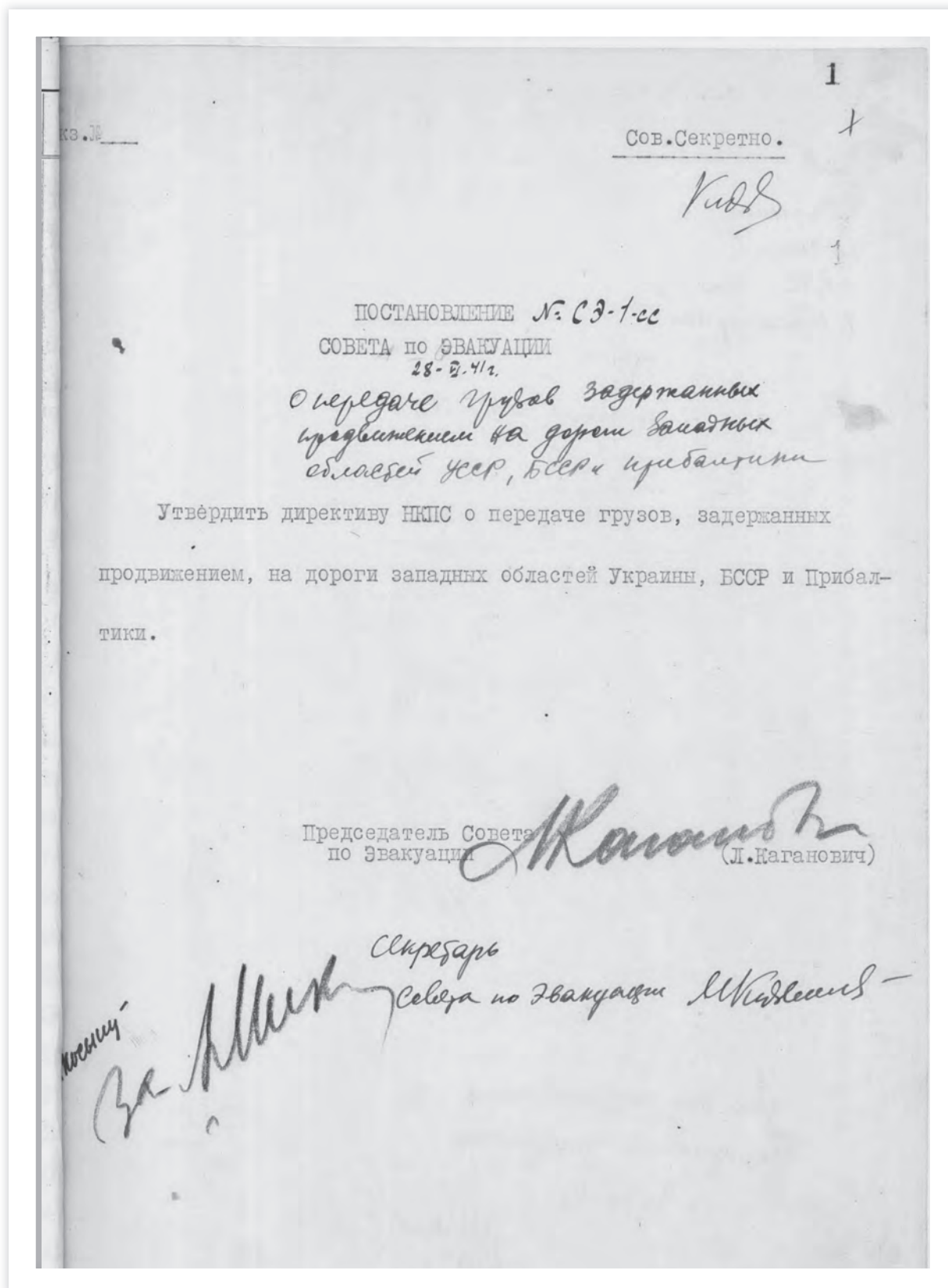
Указы Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Военным Советам фронтов, армий, командирам корпусов, командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания. 1-й (фронтов) — подписи Калинина и Горкина; 2-й (армий и корпусов) — на проекте Вышинского «за» Молотов и Маленков; 3-й (дивизий) — автограф (правка) Сталина. 18.08.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4 л. 55

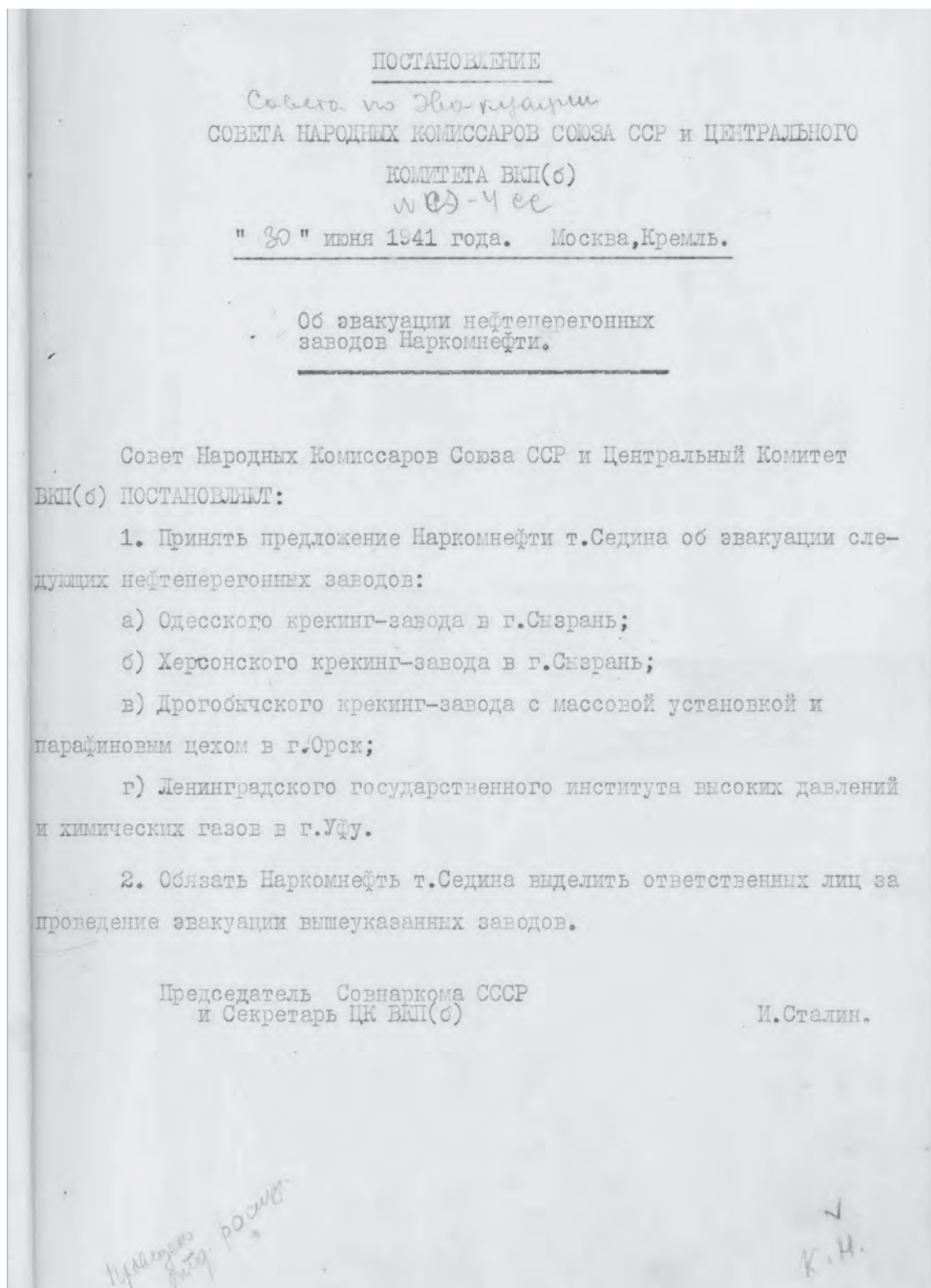
Указы Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Военным Советам фронтов, армий, командирам корпусов, командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания. 1-й (фронтов) — подписи Калинина и Горкина; 2-й (армий и корпусов) — на проекте Вышинского «за» Молотов и Маленков; 3-й (дивизий) — автограф (правка) Сталина. 08.09.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4 л. 56

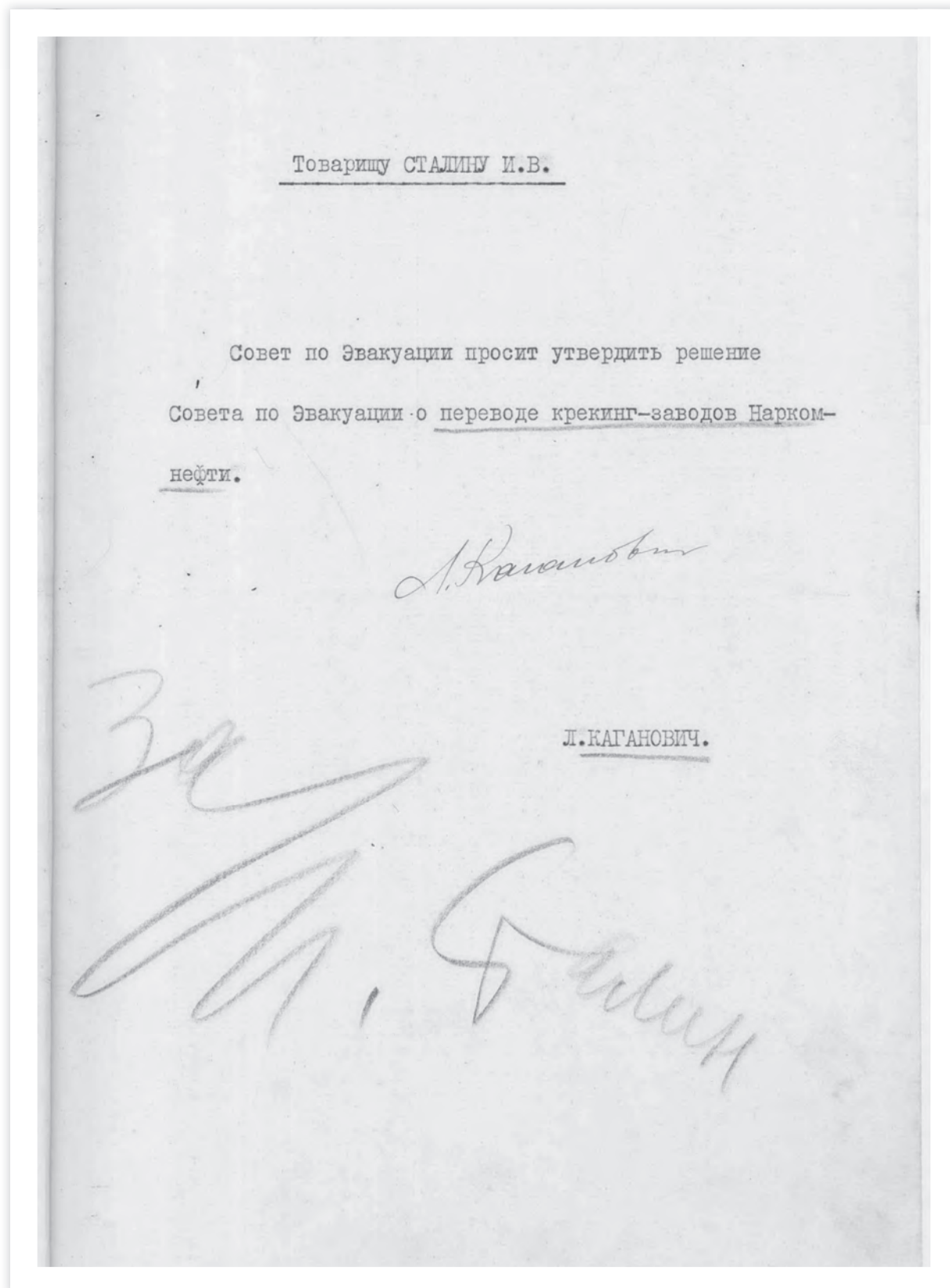
Постановление Совета по эвакуации № СЭ-1сс о передаче грузов, задержанных продвижением на дороги западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. Автографы Кагановича, Косыгина, Микояна 28.06.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 541 Л. 1

Постановление Совета по эвакуации № СЭ-4сс об эвакуации нефтеперегонных заводов Наркомнефти. Оформлено на бланке постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б), Сталин подписал не его, а сопроводительную Кагановича. 30.06.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 541 Л. 3-4

Постановление Совета по эвакуации № СЭ-4сс об эвакуации нефтеперегонных заводов Наркомнефти. Оформлено на бланке постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б), Сталин подписал не его, а сопроводительную Кагановича. 30.06.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 541 Л. 4

Распоряжение Совета по эвакуации № 4866-СЭ об эвакуации
из ленинградских вузов и НИИ особо ценного оборудования и имущества.
06.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 63

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 4866-сэ.

от „6“ июля 1941 г. Москва, Кремль.

1. Принять предложение Всесоюзного Комитета по Делах Высшей школы при Совнаркоме СССР (т.Кафтанова), Наркомздрава СССР (т.Митерева) и Наркомпроса РСФСР (т.Потемкина) об эвакуации из ленинградских вузов и научно-исследовательских институтов перечисленных в приложении особо ценного оборудования и имущества оптические приборы (микроскопы, спектрографы, интерферометры, теодолиты, спектрометры и др.), точную измерительную аппаратуру и измерительные приборы, рентгеновские установки, высокочастотные установки, радиотехнические приборы, приборы и посуду из ценных металлов, приборы для геологических съемок, радиий, изделия из драгоценных металлов и другое уникальное и дорогостоящее оборудование, музейные экспонаты и книги, имеющие особую историческую ~~и научную~~ и научную ценность.

2. Установить, что ответственность за эвакуацию оборудования и имущества возлагается на народных комиссаров и руководителей центральных ведомств.

3. Обязать НКПС в 10-дневный срок выделить для эвакуации перечисленного в п.1 настоящего распоряжения оборудования и имущества - 97 вагонов за счет лимитов Наркомчермета, груз в Приволжские города, указанные в приложении вывезти в этот же срок Наркомречфлоту.

Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
по эвакуации

Л.Каганович.

Разослать: Комитету по Делах Высшей Школы при СНК СССР, Наркомздраву СССР, Наркомпросу РСФСР, НКПС, Наркомавиапрому, Наркомуглю, Наркомоборприпасов, Наркомречфлоту, Наркомтекстилю СССР, Наркомлесу СССР, Наркомзему СССР, Наркомвооружения, Наркоммолпрому СССР, Наркомтяжмашу, Наркомстрою, Наркомсвязи, Комитету по Делах Кинематографии при СНК СССР, Наркомчермету.

НКСП (с выпиской из приложения паз. 2 и 3).

НКСП вменяю вашему разосланного приложения паз. 2, 3, 43.

Распоряжение Совета по эвакуации № 4866-СЭ об эвакуации
из ленинградских вузов и НИИ особо ценного оборудования и имущества.
06.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 64

*Приложение к распоряже-
нию Совета по эвакуа-
ции № 4866-СЭ от 6/VII*

П Л А Н

эвакуации ценного оборудования и др. имущества из научных учреждений и учебных заведений г. Ленинграда.

Наименование объекта	Потреб- ное ко- личест- во ваго- нов	Станция назначения	Место базирования
Ленинградский политехни- ческий институт им.М.И.Ка- рина	9	г.Томск	<i>Университет</i> Томский индустриаль- ный институт им.С.М.Ки- рова.
Ленинградский инженерно- экономический институт им.В.М.Молотова	3	"	"
Ленинградский технологи- ческий институт им.В.М.Мо- лотова	3	"	"
Ленинградский караблестрои- тельный институт им.С.М.Ки- рова	5	г.Горький	Горьковский индустриаль- ный институт им.А.А.Ждан- нова.
Ленинградский электротех- нический институт им.Улья- нова-Ленина	5	г.Свердловск	Свердловский индус- триальный инсти- тут.
Ленинградский авиацион- ный институт	6	г.Казань	Казанский авиацион- ный институт.
Ленинградский универси- тет	11	"	Казанский университет.
Естественно-научный ин- ститут им.Лесгафта			"
Ленинградский педагоги- ческий институт им.Герцена	1	г.Казань	Казанский педагоги- ческий институт.
Ленинградский педагоги- ческий институт им.Пок- ровского	1	г.Молотов	Молотовский педаго- гический институт.
Ленинградский горный ин- ститут	5	г.Свердловск	Свердловский горный институт.
Ленинградский химико-тех- нологический институт им.Ленсовета	7	г.Казань	Казанский химико- технологический институт.

Распоряжение Совета по эвакуации № 4866-СЭ об эвакуации
из ленинградских вузов и НИИ особо ценного оборудования и имущества.
06.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 65

65
2.

Ленинградский институт инженеров железнодорож- ного транспорта	5	г.Новосибирск	Новосибирский институт железнодорожного тран- спорта.
Инженерно-технический инсти- тут инженеров сигнализации и связи	4	г.Томск	Томский институт инженеров железнодорож- ного транспорта
Ленинградский институт инженеров водного тран- спорта	4	г.Горький	Горьковский институт инженеров водного тран- спорта.
Ленинградский текстиль- ный институт им.С.М.Кирова	4	г.Ташкент	Ташкентский текстиль- ный институт
Ленинградская лесотехни- ческая академия им.С.М.Ки- рова	8	г.Свердловск	Уральский лесотехниче- ский институт
Ленинградский сельскохо- зяйственный институт...	4	г.О м с к	Омский сельскохозяйствен- ный институт.
Ленинградский институт организации сельского хозяйства Наркомсовхозов и Наркомземхозов	3	г.Саратов	Саратовский институт ме- ханизации сельского хо- зяйства Наркомзема СССР:
Ленинградский ветеринар- ный институт	2	г.Казань	Казанский ветеринарный институт
Ленинградский военно- инженерный институт..	5	г.Сталинград	Сталинградский механиче- ский институт Наркомсред- маша.
Институт точной механи- ки и оптики	4	г.Саратов	Саратовский автодорожный институт
Ленинградский институт инженеров связи	4	г.Новосибирск	Новосибирский техникум связи.
Ленинградский меди- цинский институт им.Пав- ла И.Б.	8	г.Свердловск	Свердловский медицинский институт
Ленинградский институт гигиены труда	7	г.Казань	Казанский медицинский институт
Ленинградский меди- цинский институт.....		г.Казань	Казанский медицинский институт
Институт гигиены труда		г.Казань	Казанский медицинский институт
Институт мозга им.Бех- терева		г.Казань	Казанский медицинский институт

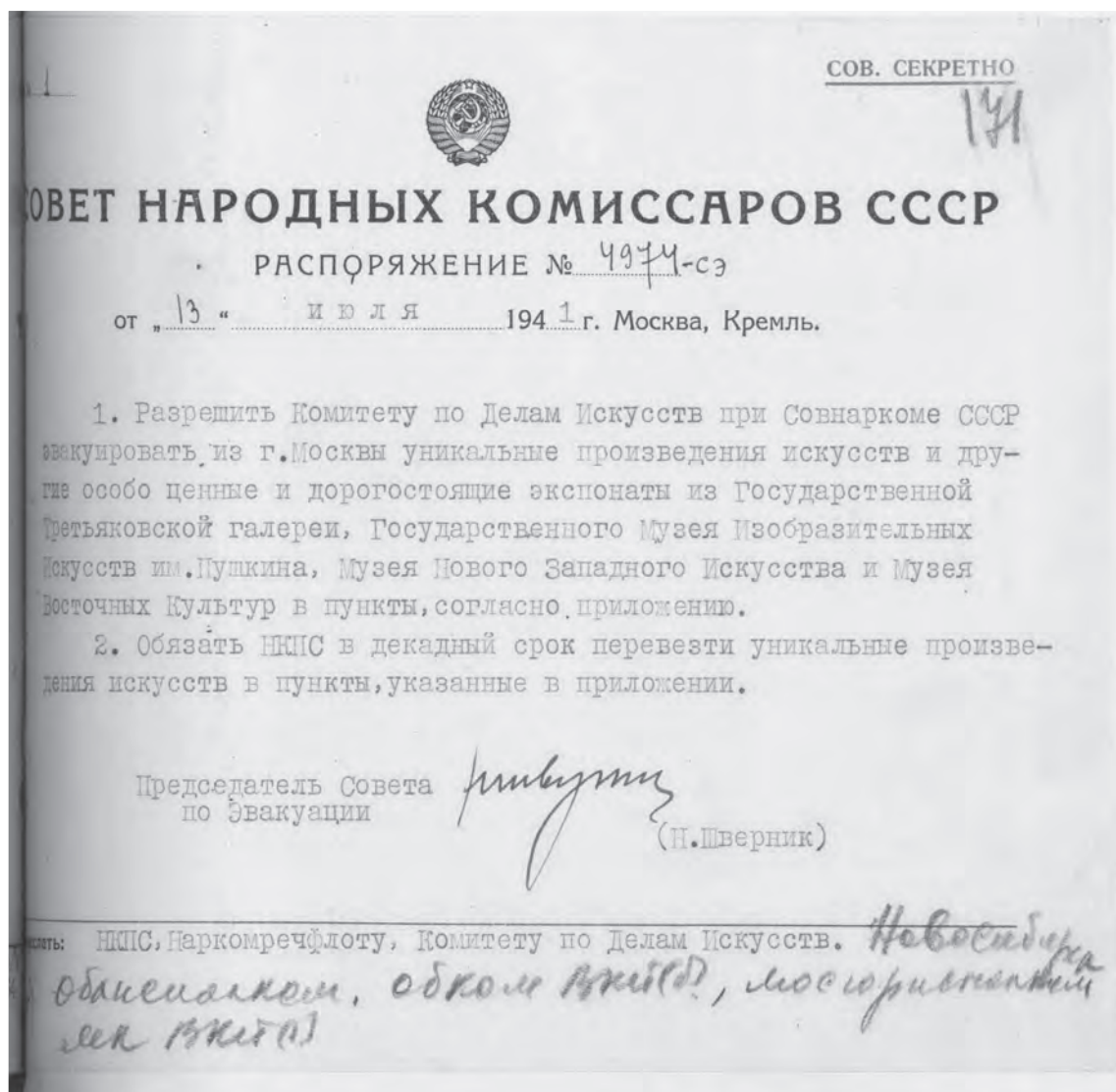
Распоряжение Совета по эвакуации № 4866-СЭ об эвакуации
из ленинградских вузов и НИИ особо ценного оборудования и имущества.
06.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 66

66
3.

Ленинградский педиатричес- кий институт.....	7	г.О м с к	Омский медицинский институт
Суровско-гинекологический институт.....		" "	" "
Ленинградский стоматологи- ческий институт.....	2	г.Молотов	Молотовский медицинский ин- ститут.
Ленинградский фармацевти- ческий институт.....	1	" "	" "
Институт усовершенствован- ия врачей.....		г.Новосибирск	Новосибирский медицинский институт
Экологический институт...	9	" "	" "
И.Э.М.....		" "	" "
Институт вакцин и сыворо- ток.....	7	г.Куйбышев	Куйбышевский Санбакинститут
Экологическая станция в болотных им.Павлова.....		" "	" "
Орто-хирургический инсти- тут.....	4	г.Саратов	Саратовский медицинский институт.
Стеровский институт.....		" "	" "
Ленинградский химикотехно- логический институт молоч- ной промышленности.....	2	г.Вологда	Вологодский сельскохозяй- ственный институт Нарком- массоопром.
Ленинградский институт хо- зяйственной промышленности..	2	г.Семипала- тинск.	Семипалатинский техникум мясной промышленности.
Ленинградский станкоинстру- ментальный институт.....	4	г.Свердловск	Уральский индустриальный институт Наркомчермета.
Ленинградский инженерно- строительный институт....	4	г.Новосибирск	Новосибирский инженерно- строительный институт.
Ленинградский институт ки- ноинженеров.....	2	г.Казань	Казанский фотохимический техникум.
Высокочастотная лаборато- рия проф.Вологодина.....	3	г.Челябинск	" Стройсемь".

Распоряжение Совета по эвакуации № 4974-СЭ об эвакуации уникальных произведений искусств и дорогостоящих экспонатов из Третьяковской галереи, ГМИИ им. Пушкина, Музея нового западного искусства и Музея восточных культур.

13.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 171

Распоряжение Совета по эвакуации № 4974-СЭ об эвакуации уникальных произведений искусств и дорогостоящих экспонатов из Третьяковской галереи, ГМИИ им. Пушкина, Музея нового западного искусства и Музея восточных культур.

13.07.41. Ф. Р-6822 оп. 1 Д. 543 Л. 172

142

Сов. секретно

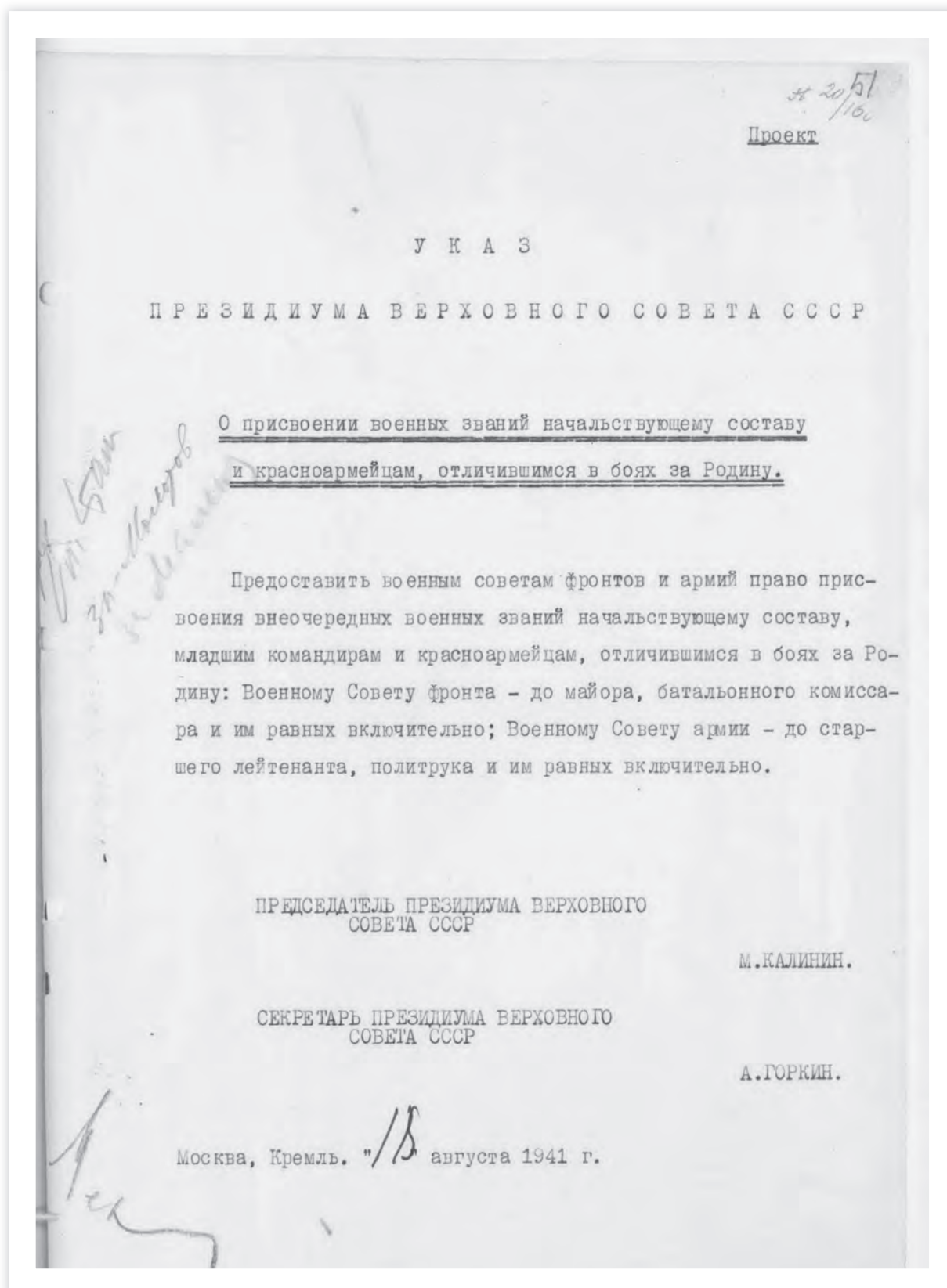
Приложение к распоряжению
Совнаркома СССР № 4974-сэ
от "13" июля 1941г.

ВЕДОМОСТЬ

имущества Комитета по Делах Искусств при Совнаркоме
Союза ССР подлежащего вывозу из г.Москвы
по ж.д.

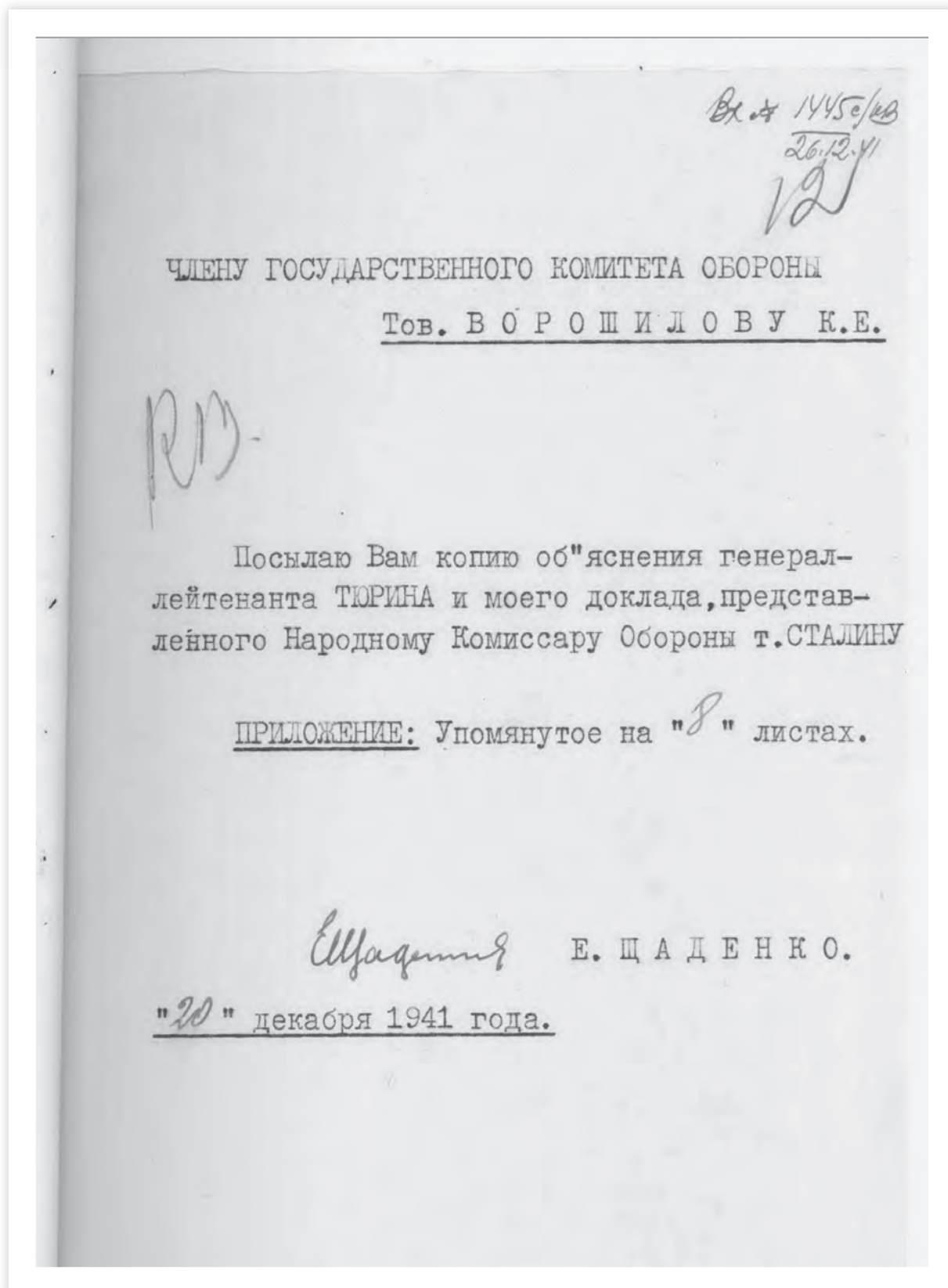
Наименование имущества	Количество требующихся вагонов	Направление
Коллекция старых музыкальных инструментов Государственного Академического Большого Театра Союза ССР	24	г.Новосибирск, Оперный театр
Уникальные произведения искусств Государственной Третьяковской галереи		— " —
Экспонаты Государственного Музея Изобразительных Искусств им.Пушкина		— " —
Экспонаты Музея Нового Западного Искусства		— " —
Экспонаты Музея Восточных Культур		— " —

Проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР о разрешении Военным Советам фронтов и армий вручать ордена и медали от имени Президиума Верховного Совета СССР и присваивать звания до майора включительно. «За» — Сталин, Молотов, Маленков. 18.08.41. Ф. Р-7523сч оп. 67с Д. 4. л. 50

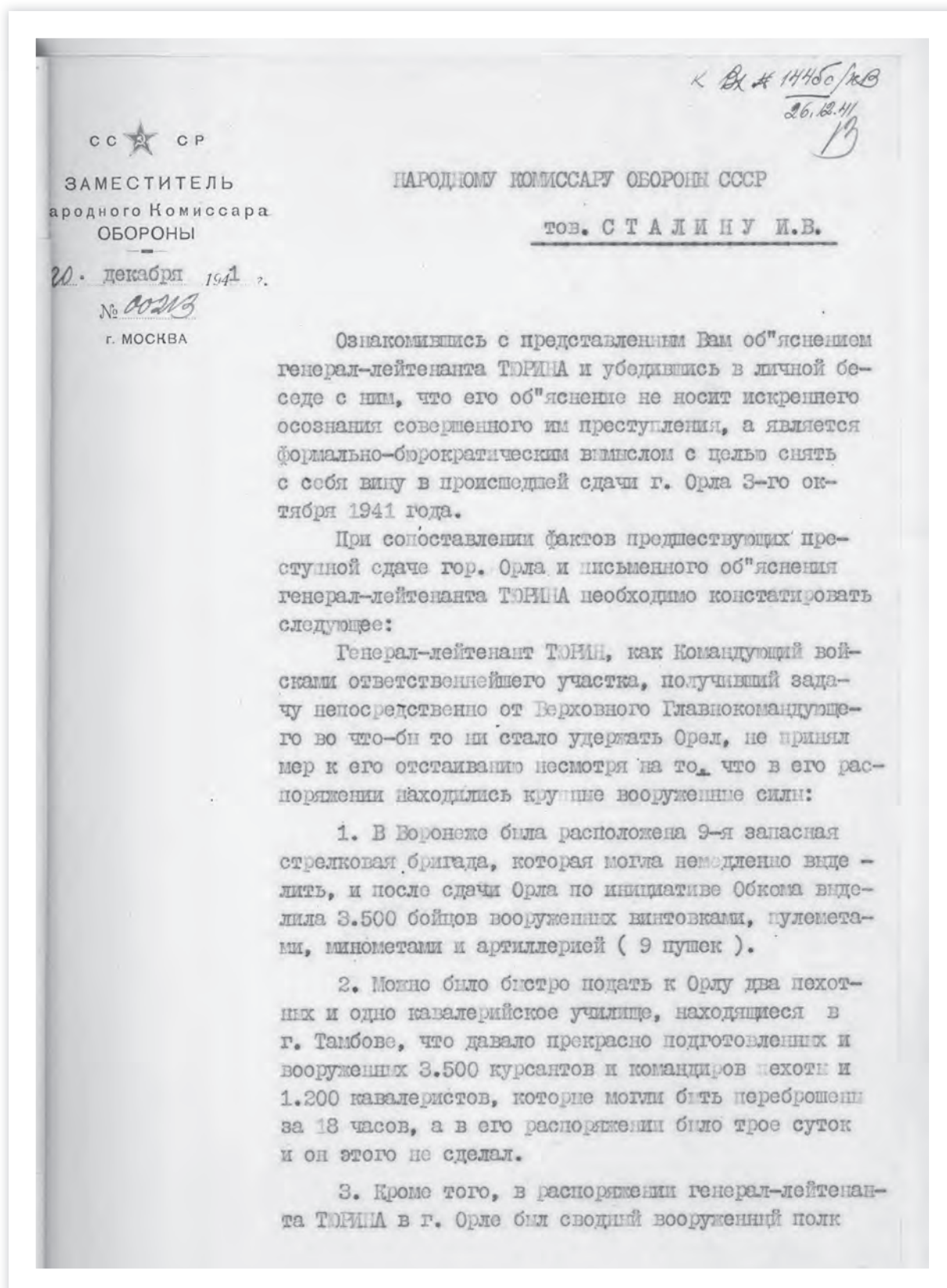
Докладная зам. НКО Е. Щаденко по поводу объяснений Тюрина о сдаче Орла: «Мы имеем дело с бюрократом и жалким трусом способным на подлое предательство интересов Великой Родины».

20.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 12-15

Докладная зам. НКО Е. Щаденко по поводу объяснений Тюриня о сдаче Орла: «Мы имеем дело с бюрократом и жалким трусом способным на подлое предательство интересов Великой Родины».

20.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 13

Докладная зам. НКО Е. Щаденко по поводу объяснений Тюриня о сдаче Орла: «Мы имеем дело с бюрократом и жалким трусом способным на подлое предательство интересов Великой Родины».

20.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 14

14/ 2.

пехоты численностью около 2.000 бойцов с полевой артиллерией; пять полков противотанковой артиллерии; один полк НКВД и истребительные отряды составляющие около 2.000 вооруженных бойцов.

4. В Воронеже стояла на половину вооруженная 327 стрелковая дивизия, которая свободно могла выделить до 5.000 бойцов пехоты с артиллерией и в 24 часа могла быть в непосредственной близости к Орлу.

5. В Мичуринске стояла 331 стрелковая дивизия почти полностью вооруженная и могла быть в качестве резерва направлена к Орлу.

6. В Тамбове находилась 323 стрелковая дивизия, которая способна была выделить не менее полка вооруженного винтовками, пулеметами, минометами и артиллерией подкрепления.

7. Если принять во внимание, что в его распоряжении был авиационный полк и вооруженные коммунисты не менее 2.000 активных бойцов, то баланс сил получается:

Пехоты	около	24.000 бойцов
Кавалерии	"	1.200 "
Артиллерии	"	5.000 "
Авиации	один полк.	
Войск НКВД	один полк.	
Истребительных отрядов и воору-		
женных коммунистов	около	3.000 бойцов.

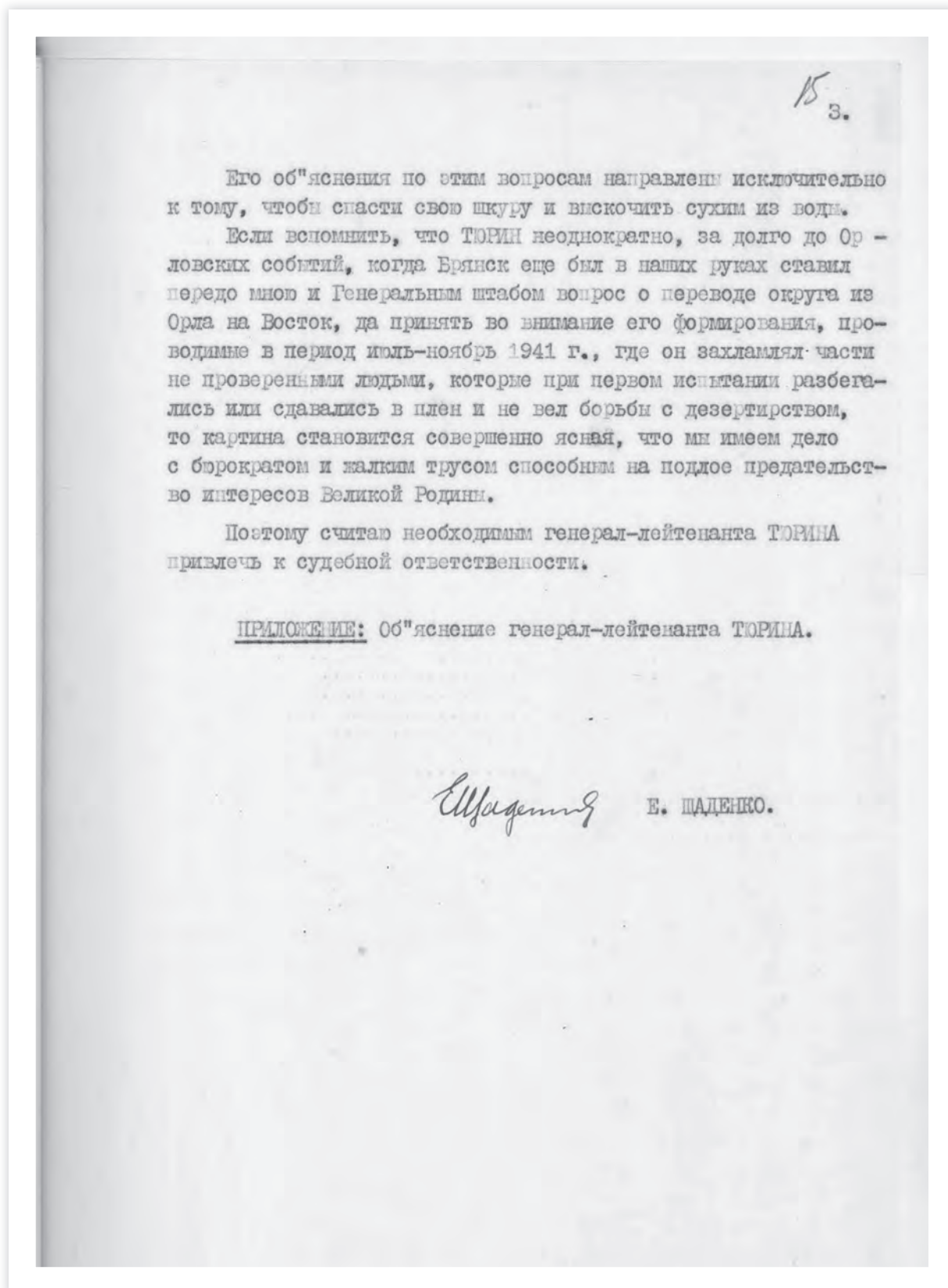
ВСЕГО 37.000 бойцов.

Таким образом, в распоряжении генерал-лейтенанта ТЮРИНА была большая вооруженная Армия, которая могла быть направленной на защиту важнейшего участка - г.Орла, но он этого не сделал - несмотря на заверения Верховного Главнокомандующего в том, что на подступах к Орлу будет организована крепкая оборона.

Генерал-лейтенант ТЮРИН в ответственный момент создавшейся обстановки для г. Орла вместе со своим штабом во главе с генерал-майором ГЛИНСКИМ растерялся и ничего лучшего не нашел как уд - рать из Орла " спасать ", как он об"ясняет, какие то рабочие колонны, а по-существу сбежал и не принял мер к защите г. Орла и об"ектов имеющих государственное и вссармейское значение, оставил врагу минометное и прочее производство на полном ходу.

Докладная зам. НКО Е. Щаденко по поводу объяснений Тюриня о сдаче Орла: «Мы имеем дело с бюрократом и жалким трусом способным на подлое предательство интересов Великой Родины».

20.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 15

Объяснительная записка Тюрин на имя Сталина
об обстоятельствах сдачи Орла (заверенная копия).
18.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 16-20

К о п и я

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

тов. С Т А Л И Н У И.В.

Тов. Народный Комиссар Оборон, докладываю Вам обстоятельства дела занятия немецкими фашистскими войсками 3 октября 1941г. гор. Орла. Гарнизон г. Орла, как об этом я Вам докладывал по телефону, состоял из 45 запасного стрелкового полка, одного авиополка, пяти противотанковых полков, находившихся в стадии формирования, штаба округа и целого ряда тыловых учреждений (госпиталей, складов) и мелких частей.

Вами в последних числах сентября мне было приказано держать гарнизон в боеготовности в связи с обстановкой на Брянском фронте. Каких либо предупреждений со стороны командования Брянского фронта не поступало, группировки сил и средств частей фронта штабкору не было известно и я никак не мог предполагать, что противник при его наступлении в восточном направлении может не встретить противодействия со стороны войск Брянского фронта и что направление его группировки, где бы она не была, не будет прикрыта надежной обороной и глубоким эшелонированием наших резервов.

План обороны г. Орла не смотря на частые изменения войск состава гарнизона был с первых дней войны, 1-го октября в целях предупреждения в этом отношении и Курса, а также для решения ряда других вопросов связанных с передачей рабочих колонн на строительство оборонительного рубежа, я выехал в Курск и ночью с 1-го на 2-е октября во 2-ом часу возвратился обратно в штаб округа, где начальник штаба генерал-майор ГЛИНСКИЙ мне немедленно доложил, что обстановка на Брянском фронте резко изменилась, противник перешел в наступление и из района Глухов, Новгород-Северский крупными силами прорвался на Севск. По распоряжению генерального штаба, в связи с данной обстановкой, до моего приезда им были собраны командиры частей гарнизона, которым поставлена задача на занятие обороны города. 45-й запасный стрелковый полк (до 1.500 штыков) с 4-мя противотанковыми полками и с 447 артполком Брянского фронта имел задачу оборонять Орел с Юга и Запада. Мото-полк НКВД по охране тыла Брянского

Объяснительная записка Тюрин на имя Сталина
об обстоятельствах сдачи Орла (заверенная копия).
18.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 17

2.

фронта до (800 штыков), располагавшийся в лесу в 12-14 км. южнее г. Орла, с одним противотанковым полком занимал оборону в этом районе. Два истребительных отряда из рабочих г. Орла располагались в Северо-западной части в районе гражданского аэродрома и в северо-восточной части города с задачей отражения авиодесантов противника в случае, если он попытается выбросить последние. Резервом являлся отряд городской милиции, Организация отрядов из местного населения и небольших военных учреждений внутри самого города была поручена начальнику гарнизона, областному военному комиссару. Основная оборона 45 запасного стрелкового полка располагалась на рубеже рек Рыбница, Ока и Цон. С рассветом 2.10.41г. я отправился в район обороны частей, чтобы проверить как последними выполняется поставленная задача. На месте сделал необходимые уточнения переднего края, а ночью со 2-го на 3-е октября еще раз выехал и проверил бдительность войск в обороне.

Несмотря на штурмовые и бомбардировочные действия нашей авиации противник к 19-20 часам 2.10.41г. занял Кромь. Разведка, порученная полку НКВД охраны тыла Брянского фронта, не могла установить состав и силу противника, занявшего Кромь, почему мною было приказано Командующему ВВС округа с рассветом 3.10. произвести авиаразведку в направлении Кромь. Возвратившийся летчик доложил по выполнению задания, что в Кромь у домов замаскированы машины и танки, причем количество их, по его заключению, не большое. Какого либо скопления на улицах людей он не обнаружил. Я приказал повторить вылет на разведку и возвратившийся с задания летчик доложил, что Кромь забит противником. Мною было приказано Командующему ВВС округа генерал-майору ПЯТЫХИНУ бомбить Кромь.

В 10 часу 3.10 от авиации и командира полка НКВД мне поступили сведения о движении на Орел из Кромь по двум дорогам больших колонн противника, состоящих из танков и автомашин. Колонна по дороге западнее р. Ока определялась глубиной до 4 километров, а колонна по дороге восточнее р. Ока свыше 100 единиц танков и машин. Противотанковый полк действовавший с полком НКВД открыл огонь, а авиация бомбила колонны, нанося им поражение. В результате боя полк НКВД был отброшен в северо-западном направлении и в момент его отхода установленная с ним связь по государственным проводам была потеряна.

Объяснительная записка Тюрин на имя Сталина
об обстоятельствах сдачи Орла (заверенная копия).
18.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 18

3.

4-го октября этот полк находился в нескольких километрах западнее г.Орла. К 14-ти часам противник вошел в соприкосновение с 45 запасным стрелковым полком. В результате боя на переднем крае, пользуясь тем, что оборона полка была на широком фронте противнику удалось прорваться танками и, имея превосходство в силах, принудить к отходу 45 полк. Часть танков вели фронтальный бой, а часть направились в обход восточнее г.Орла. Необходимо указать в тот момент, когда стало известно о движении противника из Кромь на Орел, в штаб округа прибыл Ваш заместитель по авиации генерал-полковник т.ЖИГАРЕВ, который, ознакомившись с обстановкой стал ставить задачи авиации находившейся в его распоряжении, направляя ее действия на уничтожение противника. В 12-13 часов мне было доложено, что на гражданский аэродром высадилась рота батальона парашютной бригады, которую я распорядился направить на южную окраину города, где и занять оборону. Отсутствие полевой связи внутри частей и у штаба округа с командирами полков заставило в разгар боя руководство действиями войск перенести на живую связь. В 1-й период связь была установлена путем использования городской телефонной сети, одновременно начальник штаба, член Военного Совета и ряд работников штаба находились в частях и подразделениях. Я был на командном пункте в штабе. В последующем, когда связь нарушилась я выезжал чтобы организовать оборону к частям и на те участки, где по моему создавалась наиболее угрожаемое положение. После моей попытки связаться непосредственно с командиром запасного 45 полка, которого я не мог разыскать на южной окраине Орла, я, убедившись, что полк дерется на северном берегу р.Цон и уточнив задачу роте батальона десантной бригады, а также указав место отходившим орудиям противотанкового полка, отправился в штабкр, чтобы доложить обстановку Генеральному штабу. Связь отсутствовала с Москвой тогда я вызвал начальника штаба Брянского фронта т.ЗАХАРОВА, которому сообщил о положении в Орле, просил его принять с своей стороны меры и чтобы он довел об этом до сведения Генерального штаба. По окончании переговоров (часов в 16-17) мне было доложено о том, что танки ворвались в город, а часть танков обходит Орел с восточной стороны. Я решил выехать в район железнодорожной станции, где приказал командиру 447 ап одной батареи занять

Объяснительная записка Тюрин на имя Сталина
об обстоятельствах сдачи Орла (заверенная копия).
18.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 19

4.

позицию на северо-восточной окраине города с задачей не допустить обходящим танкам закрыть шоссе Орел, Мценск. В данный момент создалось такое положение, когда танки противника вышли окраиной города и начали обстреливать шоссе со стороны станции, а часть танков, ведя огонь по шоссе с хода обходили его с востока. Я и группа командиров штаба под огнем противника вынуждены были отойти на Север к Оптуха, где мною была организована оборона силами отошедших подразделений и сосредотачивающейся по воздуху на аэродроме Оптуха десантной бригады. В это время на северном окраине города был убит начальник политического управления округа старший батальонный комиссар ДЕРГУНСОВ. Связь с 45 запасным стрелковым полком и полком НКВД и действовавшими с ними противотанковыми полками была потеряна. В городе и на его южной окраине шел бой. По договоренности с Обкомом и Облсполкомом, в случае, если противник прорвется в город, все сооружения оборонного значения и запасы подлежали уничтожению, что ими и было проведено в жизнь. Заводы, хранилища с горючим, другие хранилища, предприятия были сожжены. Из доклада мотоциклистов, встреченных мною на рубеже обороны Оптуха, я узнал, что в Мценске выгружается 4 танковая бригада и туда же прибыл генерал ЛЕДЯШЕНКО в распоряжении которого она находилась. Организовав оборону я отправился в Мценск, где прежде всего по телефону доложил Маршалу тов. ШАПОШНИКОВУ обстановку и получил от него распоряжение донести об этом, а руководство боевыми действиями, по скольку тов. ЛЕДЯШЕНКО находился в Мценске передать ему. Выполняя это распоряжение я просил генерала ЛЕДЯШЕНКО пока противник не организовал систему огня ударить 4 танковой бригадой на Орел, чем помочь частям ведущим там бой, но он выставив довод, что ему не выгодно вводить в бой свои силы по частям, не согласился на это предложение. Других средств у меня не было. В результате действий 3.10.41г. 45 запасный стрелковый полк, будучи отрезан на Мценск, отошел в направлении шоссе на Болхов, где он с сохранившейся у него материальной частью вошел в подчинение Брянского фронта и действовал по его указанию вместе с полком НКВД. Передав командование Орловским направлением тов. ЛЕДЯШЕНКО, я 5.10 по указанию Генерального штаба, с группой командиров штаба округа ушел в г. Елец, где находилась основная часть штаба округа, а оттуда в Тамбов.

Объяснительная записка Тюрин на имя Сталина
об обстоятельствах сдачи Орла (заверенная копия).
18.12.41. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 24 Л. 20

5.

Тов. Народный Комиссар Обороны, решая задачу обороны города Орла, я рассчитывал только на силы этого гарнизона, учитывая Брянский фронт, следивший за обстановкой принимает соответствующие меры, зная, что по всему фронту есть войска, идет строительство оборонительного рубежа я не решился путем формирования из частей, расположенных в Тамбове, Воронеже, Мичуринске отрядов усилить гарнизон г. Орла. Трудно в данное время сказать успели бы эти отряды оказать помощь в момент сложившейся обстановки, но я этого не сделал.

В заключение считаю необходимым доложить характеристику частей, участвовавших в обороне г. Орла.

45 запасный стрелковый полк состоял из мало обученных и без технических средств управления. Противотанковые полки имели по 8 - 85 мм и 8-37 мм орудий, только закончили формирование. 37 мм орудия были получены к исходу 2.10 - и утром 3.10. Полк НКВД Брянского фронта в основном был вооружен винтовками. Не имел лопат, которые ему срочно пришлось собирать в гарнизоне. 447 артиллерийский полк находился в тылу, не принимал участия в боях на Брянском фронте из-за его неготовности.

Комначсостав в частях в основном не имел боевого опыта.

Кроме этого, отсутствовали технические средства связи как у штаба округа, так и в частях, что заставило базироваться на городскую телефонную связь и живое руководство.

Тов. Народный Комиссар Обороны, давая эти об"яснения, я изложил все то положение, которое фактически было. Я не оправдываюсь и не снимаю с себя ответственность за исход боя под Орлом, старался как лучше выполнить Вами поставленную задачу, но переоценив силы Брянского фронта не доделал всего до конца. Как всякий честный гражданин Советского Союза, я с болью переношу вторжение фашистских полчищ в нашу страну, никогда не мыслил, что будет отдан г. Орел и мне тяжело давать это об"яснение. Я готов выслушать и принять Ваше любое решение, но прошу дать мне возможность работать в условиях фронтовой обстановки, где я приложу все силы на защиту своей родины и к выполнению всех задач, которые мне будут поставлены.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

(ТЮРИН)

18 декабря 1941г.

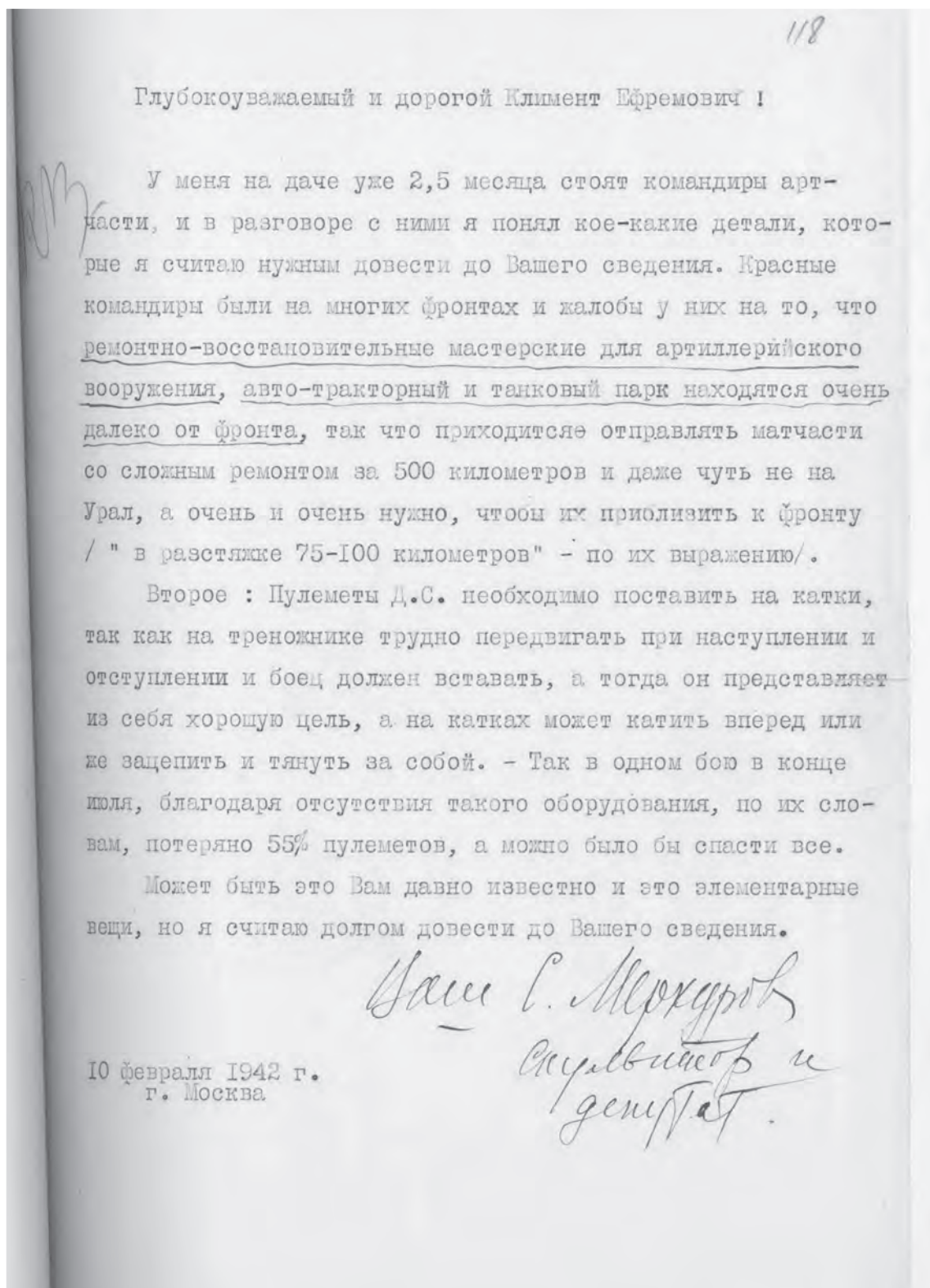
Копия верна: Начальник Секретариата Зам НКО

ПОЛКОВНИК

(ЗАБОРСКИХ)

20 декабря 1941г.

Письмо скульптора С. Меркурова Ворошилову о необходимости приблизить к фронту ремонтно-восстановительные мастерские и поставить пулемёты ДС на катки (авторизованная машинопись)
10.02.42. Ф. Р-5446 Оп. 81 Д. 75 Л. 118

Войска фашистской Германии переходят пограничную реку. 22 июня 1941

Начало боевых действий фашистской Германии против СССР. Литовская ССР, 1941

Немецко-фашистские войска ведут бой у стен Брестской крепости. Брест, 1941

Бойцы Красной Армии на поле боя под Киевом. Украина, 1941. Фотограф Я. И. Рюмкин

Лейтенант И. Ф. Третьяк проводит с ополченцами занятия по строевой подготовке. Москва, 1941.
Фотограф Н. Кубеев

Молодые рабочие, мобилизованные в ряды Красной Армии, отправляются в расположение своей части.
Московская область, 1941. Фотограф Н. Петров

Бойцы Красной Армии отправляются на фронт. Ленинград, 1941

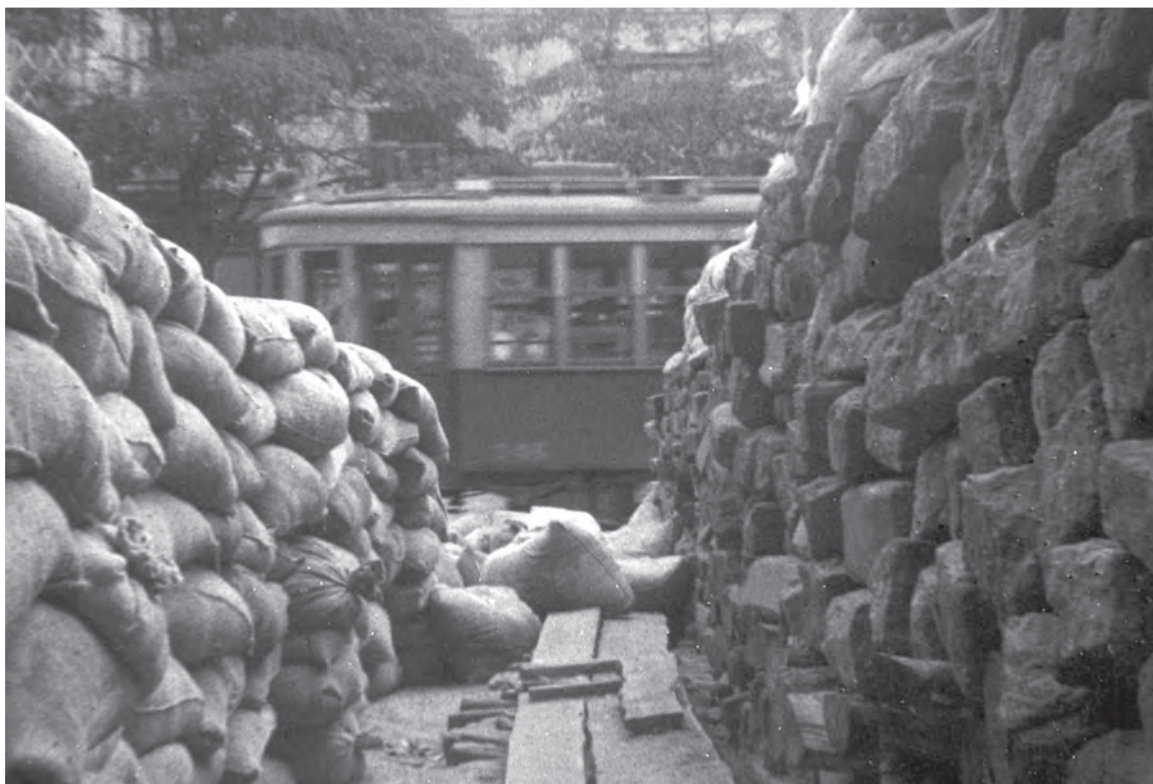
Сбитый советский бомбардировщик. Смоленск, 10 июля 1941

Начало боевых действий фашистской Германии против СССР. Белорусская ССР, 1941

Запись добровольцев в Красную Армию на заводе им. Сталина. Ленинград, 1941. Фотограф Р. Мазелев

Вид баррикад на одной из улиц г. Одессы. Одесса, 09.1941. Фотограф В. В. Микоша

Командование 287 полка 25-й дивизии им. Чапаева у карты боевых действий; командир полка капитан А. И. Ковтун (слева), начальник связи старший лейтенант А. Шевелев, комиссар полка старший политрук Н. А. Балашов в дни обороны г. Одессы. Август 1941. Фотограф Я. Н. Халип

Советские воины отправляются на фронт. Тамбовская обл., 1941.
Фотограф Д. Чернов

Минометный расчет младшего сержанта Халдарова 287 полка 25-й Чапаевской дивизии на огневой позиции в районе Красного Дальника. Одесса, 31.08.1941. Фотограф Я. Н. Халип

Бронекатер с зенитным орудием в Одесском порту в дни обороны города. Одесса, 1941. Фотограф Г. А. Зельма

Торпедный катер Черноморского флота в море. Район Одессы, сентябрь 1941. Фотограф Я. Н. Халип

Советские торпедные катера, охраняющие берег г. Одессы, в разведке в море. Черное море, 1941

Колонна моряков Черноморского флота, прибывших для защиты г. Одессы.
Украина, район Одессы, август 1941. Фотограф Я. Н. Халип

Рабочие Кировского завода уходят на фронт. Ленинград, 1941. Фотограф Г. Чертов

Вид здания Одесского обкома КП(б) Украины, разрушенного во время бомбардировки. Одесса, июль 1941. Фотограф Я. Н. Халип

Гитлеровские самоходные орудия на одной из улиц Харькова. 1941

Части немецких войск передвигаются по понтонному мосту. Район Нарвы, август 1941

Герой Советского Союза начальник всех укрепленных районов Одессы генерал-майор А. Ф. Хренов и подполковник П. Н. Еремин проверяют по карте укрепления в районе Пересыпи. Одесса, сентябрь 1941. Фотограф Я. Н. Халип

Немецкий генерал Крюгер в окрестностях Ленинграда.
Ленинградская обл., 1941

Бой в районе Брестской крепости. Брест, 1941

Солдаты ударного отряда ведут бой в городе. Брест, 1941

Немецкие солдаты в засаде на одной из улиц Севастополя ведут бой. Севастополь, 1941

Немецкий танк на одной из улиц Севастополя ведет бой. Севастополь, 1941

Немецкие пулеметчики во время боя в Рогачеве.
Гомельская обл., 1941

Солдаты ударного отряда ведут бой под Брестом. Брест, 1941

Карательный отряд прочесывает лес. Барановичская обл., июль 1941

Солдаты войск «СС» переходят через Нарев.
Восточный фронт, 25 июня 1941

Немецкие части вступают в Вязьму.
Смоленская обл., октябрь 1941

Вид одной из улиц Киева после вступления немецких войск. 1941

Вид горящего дома в Киеве. 1941

Группа крестьян занятой немецкими войсками деревни. Район Вязьмы, октябрь 1941

Вступление немецких войск в один из населенных пунктов под Киевом. 1941

Пехотная часть проходит по одному из населенных пунктов.
Район Смоленска, октябрь 1941

Немецкие автомашины на улицах занятого немецкими войсками города. Витебск, 1941

После боя за город. Могилев, 1941

Местные жители читают объявления немецкого командования.
Новгород, август 1941

Эвакуация скота и сельскохозяйственной техники в одном из районов Молдавии. 23 июня 1941.
Фотограф Г. А. Зельма

Немецкие войска вступают в горящий Гродно. 1941

Немецкие войска переходят государственную границу СССР.
22 июня 1941

Вид на разрушенные жилые дома в Минске. 1941

Строевая подготовка жителей города Москвы. Москва, сентябрь 1941.
Фотограф Н. Рублев

Москвичи подают заявления в военкомат о зачислении их в действующую армию. Москва, 22 июня 1941.
Фотограф М. Калашников

Жертва войны. Смоленск, август 1941

Не успевшие эвакуироваться жители Смоленска возвращаются в город. Смоленск, август 1941

Немецкие автомашины в г. Почеп. Брянская обл., август 1941

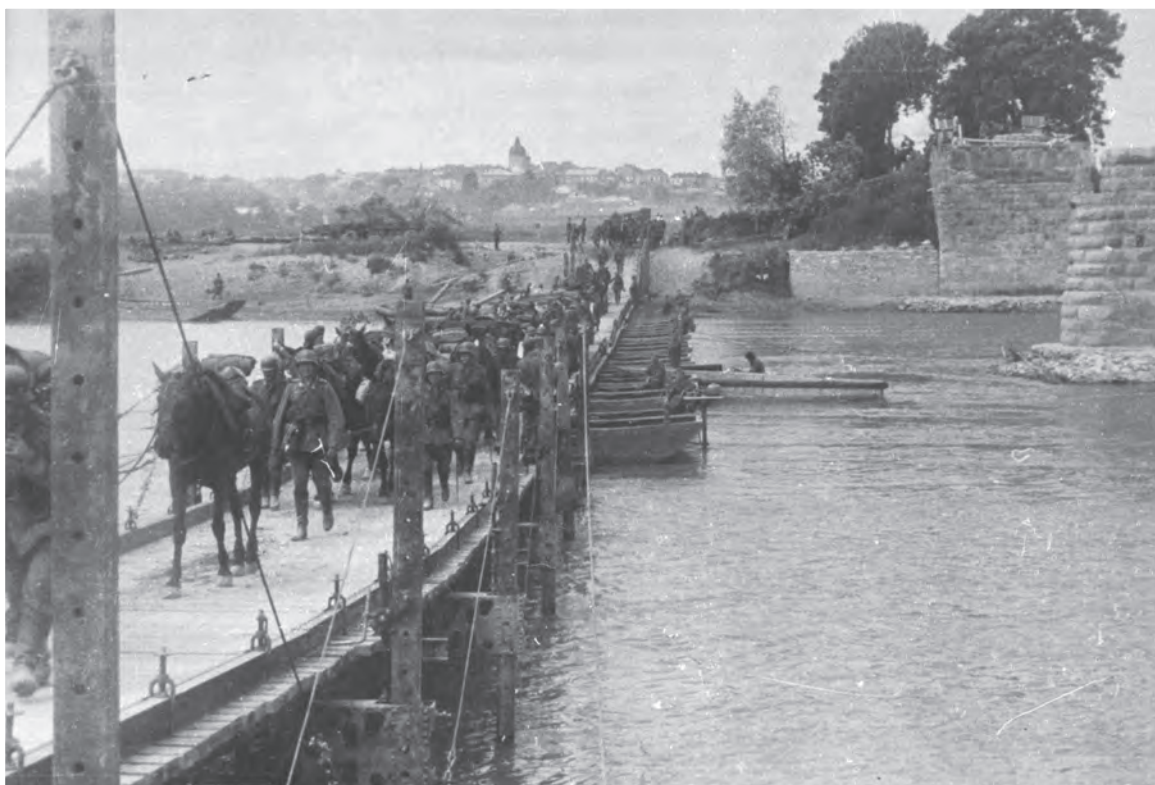
Пересечение немецкими войсками советской границы. 22 июня 1941

Немецкий дозор на улице одной из оккупированных деревень. Август 1941

Жители одного из оккупированных немцами населенных пунктов, на импровизированной бирже труда. Август 1941

Переправа немецкой пехотной части через Сан. Перемышль, июнь 1941

Колонна наступающих немецких войск под Новгородом. 18 августа 1941

Советские военнопленные за работой по разгрузке железнодорожного состава.
Смоленск, август 1941

Группа советских военнопленных в районе Вязьмы. Смоленская обл., октябрь 1941

Моторизованные войска переходят границу Литовской ССР. 1941

Колонна немецких солдат продвигается на новые позиции в районе Кайрала — Кандалакши. Карелия, август 1941

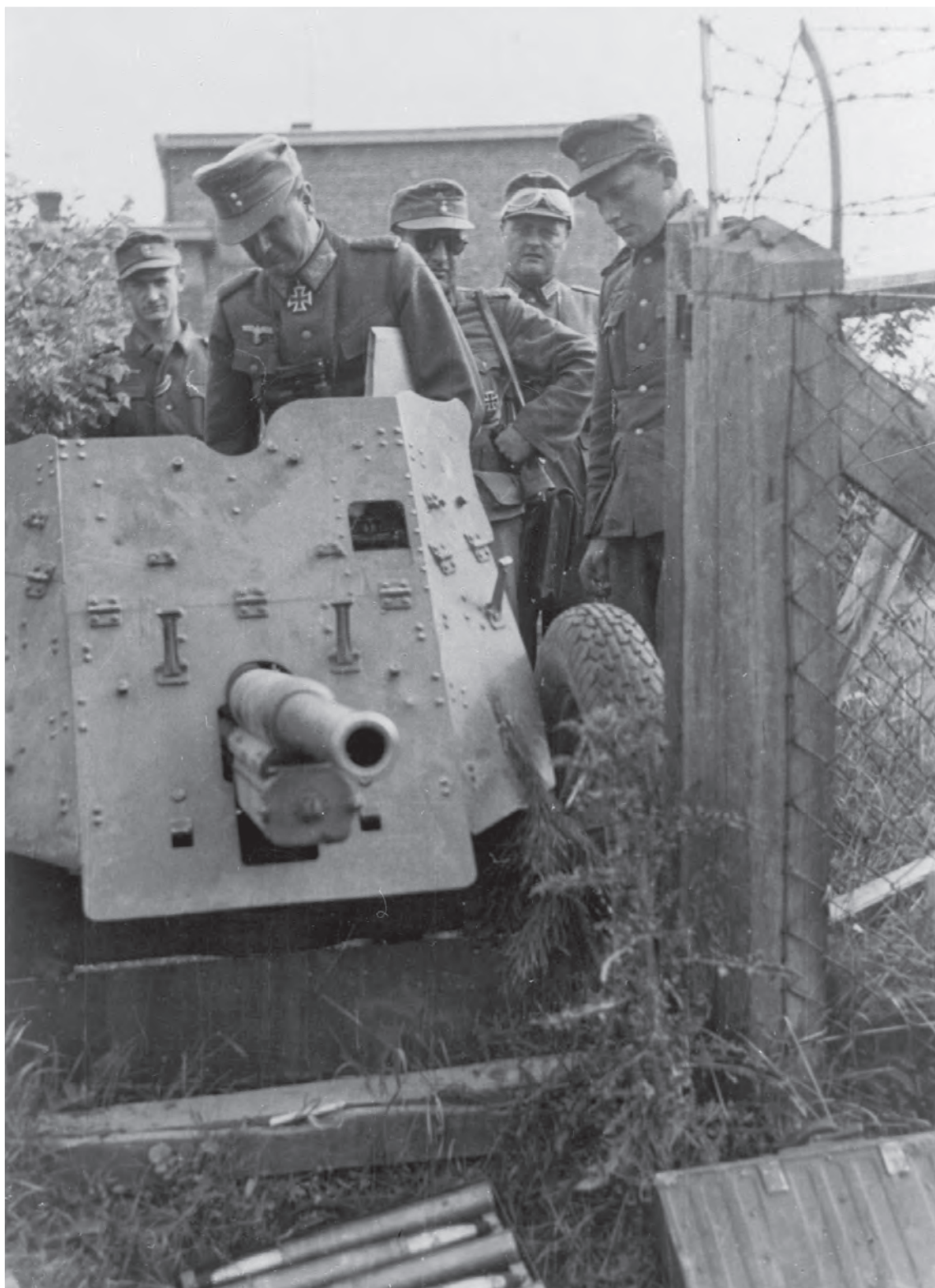
Группа советских военнопленных. Восточный фронт, июнь 1941

Взятые в плен советские солдаты. Июнь 1941

Немецкие обозы в одном из занятых литовских городов. 1941

Немецкий генерал осматривает трофейное советское противотанковое орудие. 1941

Советские военнопленные на территории сборного лагеря. Смоленск, август 1941

Советские военнопленные в лагере. Восточный фронт, август 1941

Группа советских военнопленных. Восточный фронт, июль 1941

Группа пленных солдат. Брест, 24 июня 1941

Женщины передают советским военнопленным продукты.
Витебск, июнь 1941

Немецкий офицер допрашивает советского солдата. Украина, июнь 1941

Умерший солдат в колонне военнопленных. Тернопольская обл., июль 1941

Разбитые машины под Брянском. Брянск, 1941

Ставка Главнокомандующего Тимошенко, разбитая немецкими бомбардировщиками.
Хилино, сентябрь 1941

ЧИСТЫЕ РУКИ, ГРЯЗНЫЕ РУКИ

Книга девятнадцатая

Н. В. Васильева

Мюнхенский «Рубикон»: приглашение нацистской Германии к дальнейшей экспансии 7

Майкл Карли

Только у СССР руки остались чистыми 22

В. Р. Мединский

Дым до огня 56

НАКАНУНЕ

Книга двадцатая

А. А. Ахтамзян

Планы экспансии и агрессии нацистской Германии 69

Н. Я. Шопова

Экономика и оборонно-промышленный комплекс СССР
накануне Великой Отечественной войны 80

В. А. Гаврилов

Просчеты советского военно-политического руководства накануне войны 97

А. А. Падерин

Советское общество до и после начала Великой Отечественной войны 107

В. А. Корсун

Китайская прелюдия, или «Странная война на Востоке» 125

В. И. Дашичев

Крах плана «Барбаросса» 141

Н. В. Бабилунга

«Референдум» 1940 г. в Бессарабии и политика властей современной Молдавии 155

В. С. Христофоров

Первые дни войны (по документам Центрального архива ФСБ России) 164

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев

«...Великий кризис вот-вот начнется»
(из донесений американской военной разведки в 1935–1941 гг.) 186

НА ЩИТЕ И БЕЗ ЩИТА

Книга двадцать первая

М. М. Наринский, М. А. Мунтян

Победа была абсолютно закономерна 205

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев

Канал связи Сталин — Рузвельт 212

И. И. Орлик

Первые месяцы войны (воспоминания с заметками историка) 225

В. Н. Богданов

Цели Германии в войне против СССР 235

В. Б. Маковский

Июнь 1941: трагедия, которой могло не быть 247

Г. А. Куманев Гитлеровский геноцид славянских народов Европы в 1930-е — первой половине 1940-х годов	259
А. А. Маринченко Нацистская политика в отношении советских военнопленных	265
Л. А. Терушкин Отношение к нацистским преступникам после 1945 г. и современные тенденции их оправдания	280
 СТАЛИНГРАДСКАЯ МАДОННА Книга двадцать вторая	
Н. П. Пархитько Сталинградская битва	287
А. А. Ахтамзян Сталинградские зарисовки	
Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс в советском плену	298
Политические последствия Сталинградской битвы	304
Сталинградская Мадонна Курта Ройбера	311
А. В. Серегин Слово «Сталинград» приводило в ужас	316
 ПОМНИМ Книга двадцать третья	
М. А. Гареев Уроки и выводы из опыта Великой Отечественной войны	325
В. Р. Мединский Урок массового героизма	341
Ю. А. Булатов Национальная доктрина СССР: новые подходы и ориентиры	354
С. М. Монин Победа — одна на всех	368
А. Ю. Борисов СССР и ленд-лиз в 1941–1945 годы	391
В. В. Рулинский Карл Ясперс: «проблема вины» в немецком самосознании после Второй мировой войны	403
Фотодокументы	411

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ VII ИСПЫТАНИЕ

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Т. Ф. Тищенко

Т. В. Петрова

В. М. Титов

Подписано в печать 20.08.2015.

Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 63.5. Уч. изд. л. 51.4. Тираж 500 экз. Заказ № 105.

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru